

Литературно-художественный альманах 2022

КОВЧЕГ

12

Союза писателей России, Союза российских писателей
и Российского союза писателей

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРАВОСЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ

Частичное финансирование расходов
по изданию данного выпуска альманаха осуществил
известный тульский писатель, член Союза писателей России
Сергей Олегович Крестьянкин

КОВЧЕГ

***ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ***

**ВСЕРОССИЙСКОГО ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

12-й выпуск

**«НОВЫЕ ВИТРАЖИ»
2022**

УДК 882
ББК 84 2
К 25

Альманах «Ковчег»: духовная страница, проза, поэзия, критика и литературоведение, публицистика, родословие и произведения о детях и для детей. Выпуск 12-й.— М.: «Новые Витражи», 2022.— 336 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В альманахе «Ковчег», выходящий под девизом «Православие в наших душах», вошли духовные произведения, рассказы, поэмы и стихотворения, эссе и миниатюры, статьи и воспоминания, литературоведческие работы и рецензии, а также произведения о детях и для детей для чтения им родителями. Участники альманаха — это и самостоятельные писатели, и профессионалы — члены Союза писателей России, Российского союза писателей, Союза российских писателей и других писательских союзов. Широкий и возрастной диапазон авторов, он охватывает три поколения. В «Ковчеге» представлены авторы из Минска и Бобруйска (Белоруссия), Свердловска (ЛНР), Горловки (ДНР), Кишинева (Молдавия), Баку (Азербайджан), Семипалатинска и Талгара Алма-Атинской обл. (Казахстан), Санкт-Петербурга, Мончегорска Мурманской обл., Сокола Вологодской обл., Брянска и Сельца, Новозыбкова и п. Нетинка Брянской обл., Белгорода, п. Каменоломня Ростовской обл., Симферополя (Крым), Москвы и Серпухова и Каширы Московской обл., Тулы и Алексина, с. Архангельского, Щекино и Заокского р-на Тульской обл., Орла, Курска и п. Медвенка Курской обл., Нижнего Новгорода и д. Истомино Балахнинского р-на Нижегородской обл., Пензы, Самары и Сызрани, Тольятти, Отрадного и с. Екатериновка Самарской обл., Энгельса Саратовской обл., Ижевска, Екатеринбурга, Челябинска, Тюмени, Омска, Барнаула и Копейска Челябинской обл., Красноярска Красноярского края. Объединяет же всех — любовь к России, духовности, православию, русской культуре и обеспокоенность судьбами страны, русского и всех российских народов, будущим наших детей.

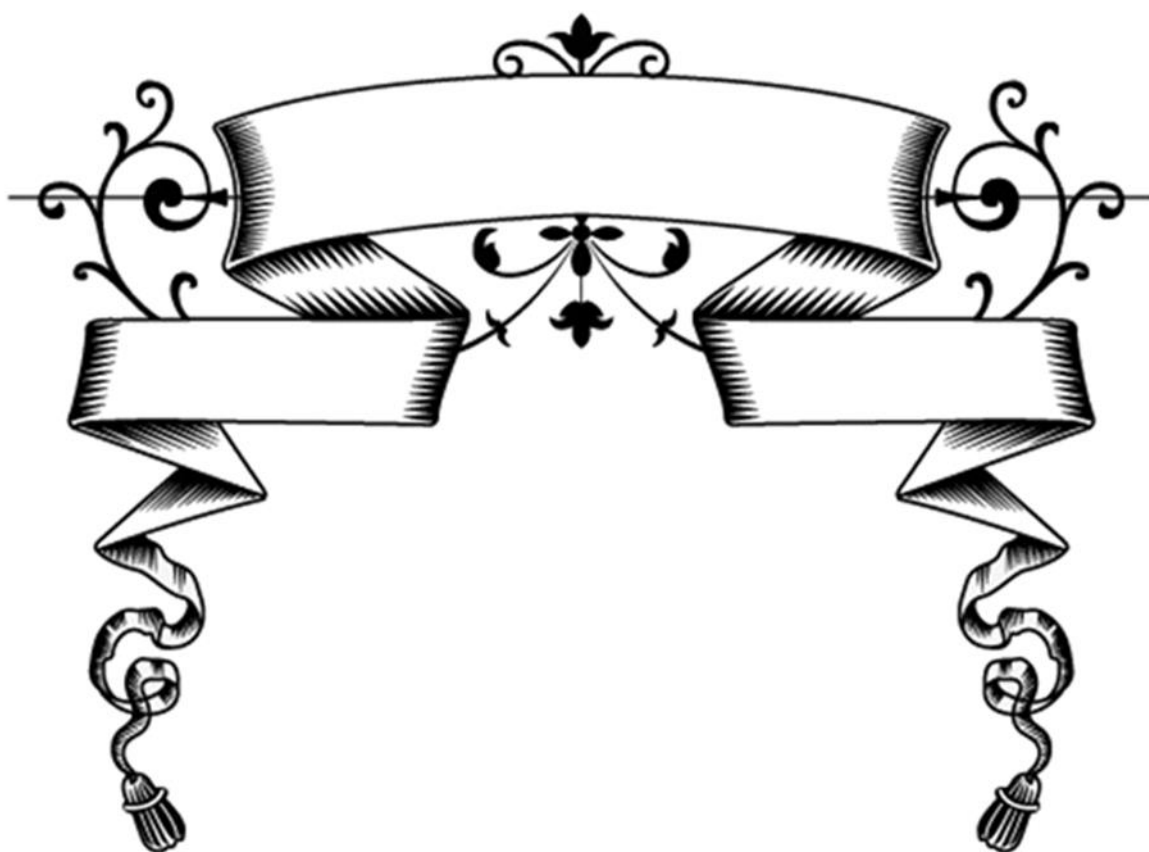
Мнение редакционного совета не всегда совпадает с мнениями авторов.
За публикуемые в альманахе произведения ответственность несут авторы.

Все сокращения см. на стр. 326

ISBN 978-5-6047770-8-4

© Шафран Яков Наумович, идея,
составление, 2022
© Авторы, 2022
© Шафран Яков Наумович,
оригинал-макет, 2022
© Шафран Яков Наумович,
Радько Виктория Владимировна,
оформление, 2022
© «Новые Витражи», 2022

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО*

Дай Бог всем нам стать причастниками «Серафимовой радости»
Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

Отец Серафим родился 19 июля (1 августа) 1754 года в благочестивой семье в Курске и при рождении был наречен Прохором. Отец его Исидор Мошнин имел кирпичные заводы и слыл за богатого, но честного и благочестивого купца. В 1752 году он взялся за возведение храма во имя преподобного Сергия в Курске, но через 5 лет скончался, и завершить строительство завещал своей жене Агафии. Добрая, умная и милосердная супруга довела дело до конца: храм был исполнен хорошо и добросовестно. Во время строительства семилетний Прохор поднялся за матерью на колокольню и, по любопытству неосторожно нагнувшись через перила, упал на землю. Агафия Мошнина в ужасе спустилась, думая, что сын разбился. Но Прохор встретил мать целым и невредимым. Агафия и раньше видела Божие благословение на своем сыне, но после чудесного случая она убедилась, что сын охраняется особым промыслом Господа.

Прохор с детства отличался острым умом и быстрой памятью, сочетал в себе крепость телесную и смиренность духа. Когда мальчику исполнилось десять лет, Бог снова явил через него чудо. Прохор только приступил к изучению церковной грамоты, как его настигла болезнь. Недуг приковал его к постели, и никто уже не думал о его выздоровлении, но в самое тяжкое время пришла к нему в сонном видении Пресвятая Богородица, обещая посетить и исцелить. Так и исполнилось: вскоре через двор Мошниных прошел крестный ход с иконой Знамения Божией Матери. Агафия приложила сына к святыне, и с тех пор он пошел на поправку, а затем и совсем выздоровел.

Прохор ответственно помогал старшему брату в лавке, но сердце его к торговле не лежало. Раньше всех он вставал утром и уходил в храм, стараясь не пропускать ни одной службы. Свое время он старался проводить в уединении и вскоре попросил у матери благословение уйти в монастырь. Агафия Мошнина радовалась, что сын так близок к Богу, и не противоречила его желанию. К семнадцати годам юноша окончательно утвердился в своем решении встать на иноческий путь.

Выбирая монастырь, Прохор склонялся к Саровской пустыни, но сначала решил отправиться в Киев, чтобы помолиться у святых мощей преподобных Антония и Феодосия, первоначальников иночества, взять благословение и наставление от бывших там подвижников. Перед тем как отправиться в путь, он трогательно попрощался с матерью. Агафия благословила сына в дорогу медным крестом, который будущий подвижник носил на своей груди до конца жизни.

Будучи в Киеве, Прохор отправился за благословением к затворнику по имени Досифей, который спасался недалеко от святой Печерской лавры. Прозорливый старец, видя на юноше благодать Божию, благословил его идти в Саровскую пустынь. Окончательно утвердившись в своем намерении, Прохор направился в дом своей матери, где провел еще несколько месяцев — это время было прощанием с родиной и родными.

В 1778 году Прохор стал послушником Саровского монастыря. Настоятель обители отец Пахомий принял юношу с любовью и определил к казначею иеромонаху Иосифу. Вскоре по усердию в трудах Прохора, кроме келейного послушания, направили еще в хлебную и столярню. Бодро и ревностно исполнял послушник все вверенные ему работы, несмотря на постигавшие его искушения. Телесным трудом он занимался и в минуты отдыха. Но больше старался Прохор быть в уединении: в своей келье он молился, читал и трудился. Стремясь к уединению и подвижничеству, юноша с благословения старца Иосифа уходил в лес, где мог предаться молитве и богомыслию.

В 1780 году Прохор тяжело заболел, все тело его распухло. Недуг длился три года, из которых не менее половины Прохор провел в постели. Отцы Пахомий и Исаия, жалея больного и опасаясь за его жизнь, настояли на визите врача, на что Прохор ответил, что предал себя воле Господа, и попросил его исповедать и причастить Святых Христовых Тайн. После этого, на удивление всех, больной выздоровел. Тайну исцеления он открыл позже, рассказав, что после причащения ему явилась Пресвятая Дева Мария с апостолами Иоанном Богословом и Петром и, обращаясь к Иоанну и указывая на Прохора, сказала: «Этот Нашего рода!». Своим жезлом Пресвятая Богородица коснулась его бедра, избавив от недуга. Перенесенная болезнь принесла много душевной пользы Прохору, утвердив его еще больше в вере.

Прохор провел в послушании восемь лет. За это время он изменился внешне: при мужественном сложении имел высокий рост — около двух аршин и восьми вершков (сто семьдесят восемь сантиметров), выразительные глаза его были светло-голубого цвета, а густые волосы — светло-русого.

В 1786 году был совершен иноческий постриг Прохора, в котором его нарекли Серафимом, что означает «пламенный». В том же году он был посвящен в сан диакона. Служение в церкви всегда совершал с усердием. Однажды во время службы отец Серафим остановился и не смог вымолвить ни слова. В таком со-

* Сайт «Серафимова земля» <https://серафим.рф>

стоянии он простоял неподвижно три часа и, придя в себя, рассказал, что явился ему в сиянии Иисус Христос со множеством ангелов. Господь благословил всех бывших в храме.

В 1789 году отец Пахомий и отец Серафим заехали в Дивеево навестить старицу Агафию Семеновну Мельгунову. Она была больна, поэтому, предчувствуя близкую кончину, просила отца Пахомия не оставлять ее послушниц и обитель, вверенную ей Царицей Небесной. Он же ответил, что сам уже стар, и посоветовал перепоручить это дело отцу Серафиму.

Когда отцу Серафиму исполнилось тридцать девять лет, его рукоположили в иеромонаха. С тех пор он стал подвизаться в духовной жизни еще с большим рвением и любовью. От непрерывного стояния на службах и келейного бдения у отца Серафима опухли ноги, и священнодействовать он уже не мог. Тогда он испросил разрешения у отца Пахомия совсем уйти в уединение, видя в том свое призвание. Это было последнее благословение, полученное от мудрого старца Пахомия, который вскоре отошел ко Господу. Перед кончиной старца отец Серафим пообещал ему оберегать дивеевских сестер.

С благословения нового настоятеля иеромонаха Исаии отец Серафим удалился в пустынную келью, где непрестанно молился, читал святых отцов и трудился на возделанном им огороде. Зимой и летом он ходил в одной и той же убогой одежде, в подражание древним святым носил тяжелые вериги и железный пояс. В холод сам колол дрова и отапливал келью, а иногда добровольно переносил мороз и стужу. Труды он совмещал с постом и воздержанием. Если сначала пустыжник питался черствым хлебом, который делил с прилетающими к нему птицами, то потом и вовсе отказался от своей недельной порции и ел только выращенные им овощи, иногда целыми неделями мог совсем не притрагиваться к пище. При этом тщательно укрывал он свои подвиги от людских глаз, живя в совершенном одиночестве. Те из братии, кто хотел пойти к нему в ученики, не выдерживали трудностей пустынноческой жизни отца Серафима и, получив душевную пользу, удалялись обратно в обитель.

Дьявол, видя его высокое подвижничество, наводил на него разные искушения, доходящие порой до тяжелых нападений: поднимал тело его на воздух и оттуда с огромной силой ударял об пол. Для отражения натиска врага преподобный Серафим усугубил труды, взяв на себя подвиг столпничества. В глухом лесу ночью восходил он на гранитный камень, а днем молился на таком же камне в своей келье. Так нес отец Серафим свой подвиг тысячу суток и только в конце жизни рассказал об этом подвиге братии.

В 1804 году к отцу Серафиму, когда он рубил дрова, подошли двое мужчин, одетых по-крестьянски, и начали требовать денег. Не поверив, что у пустытника ничего нет, они набросились на него. Отец Серафим не стал сопротивляться и наносить вред нападающим, решив стерпеть все безвинно во имя Господа. Тогда злодеи ударили его обухом топора и продолжали бить, подтащив к дверям кельи. Перевернув все в убогом жилище, они не нашли никакой наживы и, увидев, что натворили, бежали в ужасе. Придя в чувство, преподобный Серафим помолился Богу о прощении нападающих и, проведя ночь в мучениях, отправился в обитель к литургии. В монастыре он провел первые восемь суток в тяжелом состоянии, братия уже не надеялась на его выздоровление: голова его была проломлена, ребра перебиты, все тело покрыто ранами. Во время консилиума врачей старец уснул, и в видении приблизились к нему Пресвятая Богородица с апостолами Петром и Иоанном Богословом. Обратившись к невидящим Ее врачам, Пресвятая Дева произнесла: «Что вы трудитесь?». Потом, обернувшись к отцу Серафиму, сказала: «Сей от рода Нашего». Очнувшись ото сна, больной не стал принимать помощи врачей и с тех пор начал выздоравливать.

Девять месяцев провел отец Серафим в монастыре, но, как только вернулись к нему силы, снова ушел в свою пустынь. Крестьян, напавших на него, простил и просил их никак не наказывать. Вскоре виновные сами слезно просили у него прощения. После смерти настоятеля иеромонаха Исаии отец Серафим принял на себя подвиг молчаливчества. Безмолвствовал он на протяжении трех лет, не принимая посетителей и не появляясь в это время в обители. Суть этого подвига состояла не во внешних признаках, но в полном отречении от житейских помыслов.

После 15 лет жизни в пустыни согласился перейти в обитель, где принял новый подвиг — затворничество. В его монастырской келье имелись только икона с лампадой и пень, служивший стулом. В сенях поставил он деревянный гроб, чтобы всегда помнить о смертном часе, в нем он и завещал его похоронить. В затворе старец провел около пяти лет, затем новым видением Богородицы Господь повелел ему отворить двери кельи для каждого. С тех пор отец Серафим стал принимать всех, поучая ко спасению, давая нуждающимся благословения и короткие наставления.

Однажды внесли к отцу Серафиму дворянина-помещика Михаила Васильевича Мантурова, который совсем ослаб от одолевшей его болезни ног и не мог сам передвигаться. Трижды спросил старец больного, верует ли он в Бога, и, получив искренний и горячий ответ, с молитвой помазал его ноги святым елеем, после чего всыпал в полы сюртука сухари и велел Мантурову нести их в монастырскую гостиницу. Гостя, которого к старцу принесли, теперь сам встал и пошел, радуясь и дивясь произошедшему чуду, чувствовал он себя

совершенно здоровым. После исцеления Михаил Васильевич продал свое имение, отпустил крепостных и купил в Дивееве землю, завещая ее в будущем Дивеевской обители. Все теперь он делал с благословения батюшки Серафима, став его любимейшим другом. Старец доверял ему все дальнейшее обустройство Дивеевского монастыря.

Пятнадцать лет принимал батюшка Серафим посетителей, но из затвора не выходил. В 1825 году в сонном видении Пресвятая Богородица разрешила ему посещать пустынь. С этого же года за благословением к отцу Серафиму начали приходить дивеевские сестры и начальница общины Ксения Михайловна. Сам он пока в дела общины не входил, но иногда отправлял туда избранных Божией Матерью сестер. В одном из явлений Божия Матерь повелела взять восемь сестер из общины Ксении Михайловны и на задах села Дивеева устроить обитель. Богородица показала, как обнести эту землю канавой и валом. Для устройства четвертого Своего жребия на земле Пресвятая Богородица Сама дала новый устав для обители. По нему принимать сюда не должно вдовиц, но только девиц, которых Она благословит, и обещалась Сама быть игуменьей обители. Там же, где ударяла Она жезлом, начал бить благословенный источник, устроенный позже как колодец. Здесь же, у родника, устроили для отца Серафима новую келью, известную в дальнейшем как Ближняя пустынь. В монастырь теперь ходил старец только на ночь и на богослужения.

Посетителей у батюшки Серафима стало больше: ежедневно в его келье бывало около двух тысяч человек. Беседы старца согревали сердце и возбуждали решительные перемены к лучшему. Свои наставления он основывал на слове Божиим; всех, независимо от душевного устройства, благословлял и любил. По чистоте духа имел он и дар прозорливости. Кроме того, в отце Серафиме действовала благодать исцеления.

В 1827 году отец Серафим просил Михаила Мантурова построить для сирот своих, как называл он девиц Дивеевской обители, Рождественские храмы, соединив с папертью приходской Казанской церкви. Михаил Васильевич построил их на деньги, вырученные от продажи своего имения. Дивеевские сестры приходили к батюшке Серафиму за духовным назидающим. Саровская братия была недовольна этим, и тогда отец Серафим, чтобы показать всем, что забота его о сестрах угодна Богу и Царице Небесной, помолился, чтобы выбранное им многовековое дерево склонилось в знак расположения. На следующий день оно лежало вывороченное с корнем. Протоиерею Василию Садовскому отец Серафим с восторгом и радостью рассказал, как в новом видении он просил Богоматерь заступиться за своих сирот — вверенных ему сестер Дивеевской обители.

В последнем, двенадцатом, явлении Пресвятая Богородица сказала отцу Серафиму: «Скоро, любимиче Мой, будешь с Нами!». Было ему в то время около восьмидесяти лет. За год до смерти старец почувствовал крайнее изнеможение сил душевных и телесных, стал реже ходить в пустынную келью и принимать посетителей в монастыре. Много раз рассказывал он собеседникам своим, какая радость ожидает человека на небе, а теперь начал говорить и о своей смерти.

В январский воскресный день 1833 года отец Серафим в последний раз пришел в больничную церковь во имя святых Зосимы и Савватия, после причастия простился со всеми молившимися братьями, всех благословил, поцеловал и, утешая, говорил: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте». Старец был бодр и весел, несмотря на изнеможение физическое.

Обычно старец Серафим, уходя из монастыря в пустынь, оставлял в своей келье зажженные свечи; на замечания про возможный пожар всегда говорил: «Пока я жив, пожара не будет; а когда я умру, кончина моя откроется пожаром». Так и случилось в тот день: почувствовав запах дыма, братия обнаружила, что в келье отца Серафима тлели лежавшие на скамье вещи. Самого старца нашли стоящего на коленях в молитве, со сложенными крестообразно руками. Он был мертв.

Могила блаженному старцу приготовили на том самом месте, которое давно было намечено им самим, и его тело в продолжение восьми суток лежало в Успенском соборе. Ко гробу отца Серафима во множестве стекался народ.

МЫСЛИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО*

• Бог есть огонь, согревающий и воспламеняющий сердца и утробы. Итак, если мы ощутим в сердцах своих хлад, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа, и Он пришед согреет наше сердце совершенною любовью не только к Нему, но и к ближнему. И от лица теплоты изгонится хлад добронравистника.

• Где Бог, там нет зла. Все, происходящее от Бога,— мирно и полезно и приводит человека к смирению и самоосуждению.

* «Фома» — православный журнал для сомневающихся. Проект «Мысли великих»
<https://foma.ru/prepodobnyi-serafim-sarovskiy-aforizmyi.html>

• Поколикую совершенствуется человек перед Богом, потоликую вслед Его ходит; в истинном же веке Бог являет ему лицо Свое. Ибо праведные, по той мере, как входят в созерцание Его, зрят образ как в зеркале, а там зрят явление истины.

• Кто любит себя, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога.

• Человек состоит из души и тела, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных — из деяния и умосозерцания.

• Должно снисходить и (к) душе своей, в ее немощах и несовершенствах, и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки ближних, но не лениться и побуждать себя к лучшему.

• Употребил ли пищи много или сделал что другое, подобное сему, сродное человеческой слабости, не возмущайся сим, не прибавляй ко вреду вред, но мужественно подвигнув себя к исправлению, старайся сохрани́ть мир душевный, по слову Апостола: Блажен не осуждая́ себе, о немже искушается (Рим.14,22).

• Желающему спастись всегда должно иметь сердце, к покаянию расположенное и сокрушенное, по Псаломнику: Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Пс.50,19).

• Начало покаяния происходит от страха Божия и внимания, как говорит святой мученик Вонифатий: страх Божий есть отец внимания, а внимание — мать внутреннего покоя, который рождает совесть, которая сие творит, да душа, якоже в некоей воде чистой и невозмущенной, свою зрит некрасоту, и так рождаятся начатки и корения покаяния.

• Можно ли облагодатствованному человеку по падении восстать? Можно, по Псаломнику: Отриновен превратихся пасти, и Господь прият мя (Пс.117,13), ибо, когда пророк Нафан обличал Давида в грехе его, он, покаявшись, тут же получил прощение.

• ...Не вознерадим обращаться к благоутробному Владыке нашему скоро и не предадимся беспечности и отчаянию ради тяжких и бесчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу. Оно есть грехъ къ смерти, как гласит Писание (1 Иоан. 5, 16).

• Покаяние во грехе, между прочим, состоит в том, чтобы не делать его опять.

• Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние.

• Итак, несомненно, приступай к покаянию, и оно будет ходатайствовать за тебя пред Богом.

• Не сущу свету, вся мрачна: так и без смирения ничего нет в человеке, как только одна тьма.

• Когда же человек старается иметь в себе сердце смиренное и мысль не возмущенную, но мирную, тогда все козни вражьи бывают бездейственны, ибо, где мир помыслов, там почивает Сам Господь Бог: В мире,— сказано,— место Его (Пс.75,3).

• К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: «Где я?». При сем должно наблюдать, чтобы телесные чувства, особенно зрение, служили для внутреннего человека и не развлекали душу чувственными предметами, ибо благодатные дарования получают токмо те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих.

• Святые отцы, имея мирное устроение и будучи осеняемы благодатию Божией, жили долго.

• Когда человек придет в мирное устроение, тогда он может от себя и на прочих издавать свет просвещения разума; прежде же сего человеку надобно повторять сии слова пророчицы: Да не изыдет велеречие из уст ваших (1 Цар.2,3) и слова Господни: Лицемере, изми первее бревно из очесе твоего, и тогда узриши изъятые сучец из очесе брата твоего (Мф.7,5).

• Дабы сохранить мир душевный, должно отгонять от себя уныние и стараться иметь радостный дух, а не печальный, по слову Сираха: Многих бо печаль уби, и несть пользы в ней (Сир.30,25).

• Если не вознерадит человек о потребностях мирских, то не может иметь мира души.

• Кто любит мир, тому невозможно не печалиться. А презревший мир всегда весел.

• Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других. Неосуждением и молчанием сохраняется мир душевный. Когда в таком устроении бывает человек, то получает Божественные откровения.

• Итак мы должны все свои мысли, желания и действия сосредоточивать к тому, чтоб получить мир Божий и с Церковью всегда вопиять: Господи Боже наш! миръ даждь намъ (Ис. 26, 12).

• Нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние, а к очистившимся от страстей приражается лишь со стороны или внешне.

• Человеку в молодых летах можно ли не гореть и не возмущаться от плотских помыслов? Но должно молиться Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится в человеке пламень страстей.

• Кто победил страсти, тот победил и печаль. А побежденный страстями не избежит оков печали. Как больной виден по цвету лица, так обладаемый страстью обличается от печали.

• Мы должны стараться быть свободными от помыслов нечистых, особенно, когда приносим молитву Богу. Ибо нет единения между смрадом и благовоением. Для сего нужно отражать первое нападение греховных помыслов и движений и рассеивать их от земли сердца нашего. Пока дети вавилонские, то есть движения и помыслы злые, еще младенцы, должно разбивать и сокрушать их о камень, который есть Христос; особенно же нужно сокрушать следующие три страсти: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, которыми ухищрялся диавол искусить даже Самого Господа нашего Иисуса Христа в конце подвигов Его в пустыне.

• Ежели мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим.

• Мы неусыпно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений, по слову Приточника [Соломона]: Всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота (Притч.4,23).

• Ум внимательного человека есть как бы поставленный страж или неусыпный охранитель внутренне-го Иерусалима. Стоя на высоте духовного созерцания, он смотрит оком чистоты на обходящие и приражающие к душе его противные силы, по Псаломнику: И на враги моя возре око мое (Пс.53,9).

• Проходящий путь внимания не должен только одному сердцу своему верить, но должен сердечные свои действия и жизнь свою поверять с Законом Божиим и с деятельной жизнью подвижников благочестия, которые таковой подвиг проходили. Сим средством удобнее можно и от лукавого избавиться, и истину яснее узреть.

• Проходящий путь сей не должен внимать посторонним слухам, от которых голова может быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаниями; но должен быть внимателен к себе.

• Особенно на сем пути наблюдать должно, чтоб не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по Псаломнику: не возглаголють уста мои дель человеческих (Пс. 16, 4), а молить Господа: отъ тайных моих очисти мя и отъ чуждых пощади раба Твоего (Пс. 18, 13—14).

• Когда человек примет что-либо Божественное, то радуется в сердце, а когда диавольское, то смущается.

• Напротив, хотя бы диавол преобразился и во ангела светла (2 Кор.11,14) или представлял мысли самые благовидные, однако сердце все будет чувствовать какую-то неясность, волнение в мыслях и смятение чувств. Объясняя это, святой Макарий Египетский говорит: «Хотя бы [сатана] представлял и светлые видения, не возмозет, как сказано, произвести доброго действия, что и служит точным его признаком» (Прп. Макарий Великий. Сл.4. Гл.13).

• Истинный пост состоит не в одном изнурении плоти, но и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему: Блажени алчущий... яко тии насытятся (Мф.5,6).

• ...Не всякий сможет наложить на себя строгое правило воздержания во всем или лишить себя всего, что может служить к облегченно немощей. Могий вместити да вместит (Мф.19,12).

• Пищи употреблять должно каждый день столько, чтобы тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели, иначе может быть то, что при изнеможении тела и душа ослабеет.

• Не должно предпринимать подвигов сверх меры, а стараться, чтобы друг — плоть наша — был верен и способен к творению добродетелей.

• Надобно идти средним путем, не уклоняться ни на десно, ни на шуе (Притч.4,27) и давать духу духовное, телу — телесное, для поддержания временной жизни потребное. Но не должно также и жизни общественной отказывать в том, что она законно требует от нас, по словам Священного Писания: Воздадите убо кесарева кесареви, и Божия Богу (Мф.22,21).

• Тело, изможденное подвигами или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос по воскресении дщери Иаировой от смерти тут же повеле даты ей ясти (Лк.8,55).

• Нельзя вполне отречься от мира и прийти в состояние духовного созерцания, оставаясь в мире. Ибо доколе страсти не утишатся, нельзя стяжать мира душевного. Но страсти не утишаются, доколе нас окружают предметы, возбуждающие страсти. Чтобы прийти в совершенное бесстрастие и достигнуть совершенного безмолвия души, нужно много подвизаться в духовном размышлении и молитве. Но как возможно всецело и спокойно погружаться в созерцание Бога и поучаться в законе его, и всею душой возноситься к нему в пламенной молитве, оставаясь среди неумолчного шума страстей, воюющих в мире? Мир... во зле лежит.

• Надобно быть по приличию и потребности иногда младенцем, а иногда львом, особенно сим последним тогда, когда против нас восстают страсти или лукавые духи...

• Предел добродетели и мудрости есть бесхитростное действие с разумом.

• Чтобы сохранить внимание, надобно уединяться в себя, по глаголу Господню: Ни когоже на пути целуйте (Лк.10,4), то есть без нужды не говорить, разве бежит кто за тобою, чтобы услышать от тебя полезное.

• Ничто так не содействует стяжанию внутреннего мира, как молчание и, сколько возможно, непрестанная беседа с собою и редкая — с другими.

• Когда мы в молчании пребываем, тогда враг-диавол ничего не успеет относительно к потаенному сердца человеку; сие же должно разуметь о молчании в разуме.

• От уединения и молчания рождаются умиление и кротость; действие сей последней в сердце человеческого можно уподобить той тихой воде Силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исайя: Воды Силоамли текущим тисе (Ис.8,6).

• Пришедший в безмолвие должен непрестанно помнить, зачем пришел, чтобы не уклонилось сердце его к чему-либо другому.

• Пребывание в келии в молчании, в упражнении молитве и поучении день и ночь закону Божию делает человека благочестивым, ибо, по словам святых отцов, келия инока есть пещь Вавилонская, в ней же трие отроцы Сына Божия обретоша (Добротолюбие. Ч.3. Сщмч. Петр Дамаскин).

• В молчании переноси, когда оскорбляет враг, и Господу открывай тогда сердце свое.

• Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига или даже более.

• Когда человек имеет большой недостаток в потребных для тела вещах, то трудно победить уныние. Но сие, конечно, к слабым душам относить должно.

• Уныние у св. отцов иногда называется праздностью, леностью и разлением.

• Как воск, не разогретый и не размягченный, не может принять налагаемой на него печати, так и душа, не искушенная трудами и немощами, не может принять на себя печати добродетели Божией.

• Всякий успех в чем-либо мы должны относить ко Господу и с Пророком говорить: Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу (Пс. 113,9).

• Человек должен обращать внимание на начало и конец жизни своей, в середине же, где случается счастье или несчастье, должен быть равнодушен.

• Отчего мы осуждаем братии своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя — и перестанешь осуждать других.

• Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай.

• Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видел кого согрешающим, или коснеющим в преступлении заповедей Божиих, по слову Божию: не судите, да не судимы будете (Матф. 7, 1), и паки: ты кто еси судий чуждому рабу? своему Господеву стоить или падает; станеть же, силенъ бо есть Богъ поставити его (Рим. 14, 4).

• Гораздо лучше всегда приводить себе на память сии Апостольские слова: мняйся стояти да блюдет-ся, да не падеть (1 Кор. 10, 12). Ибо неизвестно, сколько времени мы можем в добродетели пребывать, как говорит пророк, опытом сие дознавший: рехъ во обилии моемъ: не подвижуся во векъ. Отвратилъ же еси лице Твое, и быхъ смущенъ (Пс. 29, 7—8).

• Чтоб избавиться осуждения, должно внимать себе, ни от кого не принимать посторонних мыслей и быть ко всему мертву.

• Бог заповедал нам вражду только против змия, т. е. против того, кто изначала обольстил человека и изгнал из рая,— против человекоубийцы-диавола. Повелено нам враждовать и против Маданитян, т. е. против нечистых духов блуда и студодения, которые сеют в сердце нечистые и скверные помыслы.

• Всеми мерами надобно стараться, чтоб сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески стараться удерживать гнев и посредством внимания ум и сердце соблюдать от непристойных движений. И потому оскорбления от других должно переносить равнодушно и приобучаться к такому расположению, как бы их оскорбления нас не касались. Таковое упражнение может доставить человеческому сердцу тишину и соделать оное обителью для Самого Бога.

• Оскорбления от других переносить должно равнодушно и приобучаться к такому расположению души, как бы их оскорбления не до нас, а до других касались.

• Ежели же невозможно не возмутиться, то, по крайней мере, надобно стараться удерживать язык, по Псаломнику: Смятохся и не глаголах (Пс. 76,5).

• А каким образом побеждать гнев, сие можно видеть из жития Паисия Великого, который просил Господа Иисуса Христа, явившегося ему, дабы Он освободил его от гнева. И Спаситель сказал ему: «Аще гнев и ярость купно победити хочещи, ничесоже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи».

• С ближними надобно обходиться ласково, не делая даже и видом оскорбления.

• Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце нашем как бы камень ложится.

• Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить словом любви.

• Должно быть милостиву к убогим и странным; о сем много пеклись великие светильники и отцы Церкви.

• Мы должны всеми мерами стараться исполнять слово Божие: Будите убо милосерды, якоже и Отец ваш милосерд есть (Лк. 6,36). И паки: Милости хочу, а не жертвы (Мф. 9,13).

• Пример святого праведного Петра-хлебодара может нас побудить к тому, чтобы мы были милостивы к ближним, ибо и малая милостыня много способствует к получению Царства Небесного.

• Встречающихся старцев или братию поклонами почитать должно, имея очи всегда заключенные.

• Не должно без нужды другому открывать сердца своего; из тысячи можно найти только одного, который сохранил бы твою тайну.

• С душевным человеком надобно говорить о человеческих вещах; с человеком же, имеющим разум духовный, надобно говорить о небесных.

• Одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека.

• Душу снабждать надобно словом Божиим, ибо слово Божие, как говорит Григорий Богослов, есть хлеб Ангельский, имже питаются души, Бога алчущие. Всего же более, должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири... От сего бывает просвещение в разуме, который от того изменяется изменением Божиенным.

• Надобно так себя приучить, чтобы ум как бы плавал в Законе Господнем, которым руководствуясь, должно устроить жизнь свою.

• Очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении и прочитав всю Библию разумно. За

одно таковое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставляет человека Своею милостью, но исполняет его дара разумения.

- Когда же человек снабдит душу свою словом Божиим, тогда исполняется разумением того, что есть добро и что есть зло.

- Следует также снабждать душу и познаниями о Церкви, как она от начала и доселе сохраняется, что терпела она в то или другое время; знать же сие не для того, чтоб желать управлять людьми, но на случай могущих встретиться вопрошений, также для убеждения и утешения своего духа.

- Излишнее попечение о вещах житейских свойственно человеку неверующему и малодушному. И горе нам, если мы, заботясь сами о себе, не утверждаемся надеждою нашею в Боге, пекущемся о нас!

ОРИГЕН*

(Дано в сокращении)

Учение Оригена было осуждено V Вселенским Собором (553) как ересь, между тем его влияние на отцов Церкви и богословов, в православности которых никогда не было никаких сомнений, велико. Ориген ввел в богословие такие слова, как «Богочеловек» и «ипостась». О том, что в учении Оригена православно, а что нет, как сказало на его богословии увлечение философией Платона, а также как оригеновское «может быть» превратилось у его учеников в «только так и есть», рассказывает Виктор Петрович Лега.

<...>

ХРИСТИАНИНОМ РОДИЛСЯ, КАК ИСТИННЫЙ ХРИСТИАНИН И УМЕР

Ориген (ок. 185 — ок. 254) родился в Александрии, в христианской семье. С детства он был пылким христианином, мечтавшим пострадать, как и его отец, за Христа. Но стараниями матери он смог пережить гонения.

Он получил образование в христианском катехизическом училище, основанном Пантенном, и учился у Климента Александрийского. Когда Климент, испугавшись гонений на христиан во время правления императора Септимия Севера, покинул Александрию, Ориген возглавил эту школу и какое-то время был ее главой. Решив углубить свое философское образование, он стал учиться у Аммония Саккаса, у которого, кстати, учился и Плотин. Правда, не все ученые считают, что учеником Аммония был именно прославившийся впоследствии своим учением Ориген, но большинство серьезных исследователей, в числе которых и В. В. Болотов, убеждены, что это именно тот Ориген. Тем более что в его системе взглядов влияние неоплатонизма очень заметно.

V ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР РАСЦЕНИЛ БОГОСЛОВСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ОРИГЕНА КАК ЕРЕСЬ

В подробности последующей жизни Оригена мы входить не будем, не будем касаться и его священнослужения, его сложных взаимоотношений с епископом Александрийским. Отметим только, что Ориген скончался как истинный христианин. Во время гонений Декия он был заточен в тюрьму, подвергнут жесточайшим пыткам, от которых и умер. Почему же Ориген, проживший жизнь как истинный христианин и окончивший ее мученически, тем не менее не прославлен в лике святых? Главным образом из-за своих богословских взглядов, многие из которых вытекали из его философских воззрений. <...>

При этом популярность Оригена, его влияние и при жизни, и после смерти были огромны. Среди его учеников был знаменитый святой Григорий Чудотворец — святитель Григорий Неокесарийский, который написал такое похвальное слово своему учителю, что читаешь и дивишься. Он говорил об Оригене, что, наверное, учил его не обычный человек, а такой, кто, «будучи великим, соответственно с этим получил величайшего ангела, или кого иного, кто бы он ни был, или, может быть, даже самого великаго совета Ангела, общего Спасителя всех». Огромно влияние Оригена и на отцов-каппадокийцев, которые создали даже, как они говорили, некую «филокалию» — добротолубие — из цитат Оригена; и на последующих православных отцов Церкви. И действительно, некоторые труды Оригена вполне православны. Это, прежде всего, его толкования на Священное Писание — почти на все книги Ветхого и Нового Завета. Правда, дошли до наших дней далеко не все.

* Сайт «Православие.RU» Ориген. Виктор Петрович Лега. <https://pravoslavie.ru/90945.html>

ИСТИНА — ДОЧЬ МУДРОСТИ

Из философских работ Оригена надо отметить две: «Против Цельса» и «О началах». <...>

«Против Цельса» посвящена критике античного философа Цельса, жившего во II веке после Рождества Христова. Замечу, что некоторые исследователи вообще сомневаются в существовании этого человека, потому что никаких других источников о его жизни и о его сочинении «Правдивое слово», кроме этой работы Оригена, нет. Они предполагают, что под именем Цельса Ориген вывел некий языческо-атеистический антихристианский «коллективный разум». Причем сделал это настолько умело, что таких последовательных и умных противников христианства в реальности и не встретишь. Но это — одна из версий. Большинство ученых все-таки считают, что Цельс был, написал работу «Правдивое слово», где подверг христианство критике, в частности обвинил христиан в том, что они глупы, невежественны, фанатично верят в своего Христа и совершенно презирают философию. Вот это Оригена и возмутило.

Начинает Ориген свое сочинение с того, что истинный христианин будет читать Священное Писание, только соединив веру во Христа с разумом: «Христианское учение отдает предпочтение тому, кто принимает истины веры после разумного и мудрого исследования, а не тому, кто усваивает их только простой верой». Это необходимо для того, чтобы иметь прочную и крепкую веру. Потому что, — продолжает Ориген, — «ни один поистине мудрый человек не отдалится от слушания наставлений христианина, поучающего о тайнах своей веры, и философия не будет служить ему в данном случае препятствием и не введет его в заблуждение». Почему? А потому, что Истина — это такая же дочь мудрости, и проявляется она не только в Божественном Откровении, но и в философии.

Ориген совершил некоторую революцию, введя платоновскую философию в христианство. До Оригена христианское богословие не сталкивалось с такой мощной тринитарной ересью, как арианство. Эта ересь требовала серьезной философской проработки, и платоновская философия, введенная Оригеном в богословие, оказалась как никогда кстати. До Оригена если христианское богословие и заимствовало что-то у античной философии, то, как правило, ограничивалось областью нравственности. Эта сторона прекрасно разработана стоиками, вот учение стоиков и было в какой-то мере воспринято богословием II века. Начиная с Оригена, мы видим проникновение в богословие уже платоновской философии, а впоследствии и аристотелевской.

БОГ — СОВЕРШЕНЕН

Как платоник, Ориген применяет свои знания в области философии к познанию Бога и выстраивает четкую систему, основанную на том, что Бог совершенен. А если Бог совершенен, то Он, безусловно, не изменяется. Потому что Он не может стать лучше — Он и так совершенен. И не может стать хуже — тогда Он будет несовершенен. А поскольку все материальное изменчиво и поэтому несовершенно, то Бог нематериален. Бог есть Дух, и об этом свидетельствует не только Священное Писание, но это вытекает и из простых логических рассуждений.

Если Бог нематериален, то Он не состоит из частей, так как из частей может состоять только материальное. То, что Бог не состоит из частей, вытекает из того, что Он совершенен, то есть является первоначалом Сам для Себя. Если бы Он состоял из частей, то первоначалами Бога были бы эти части, что делало бы Бога несовершенным.

НАШ РАЗУМ МОЖЕТ ПРИЙТИ К ОПРЕДЕЛЕННОЙ СТЕПЕНИ ПОЗНАНИЯ БОГА

Такого рода рассуждения показывают, что наш разум тоже может прийти к определенной степени познания Бога. Мы познаем Бога не только через Откровение. Но Откровение для Оригена первично, философия же может только объяснить, помогает лучше понять то, что изложено в Священном Писании. При этом Ориген следует филоновской традиции толкования Писания различными способами. Ориген использует такое образное сравнение: у Священного Писания есть три уровня — «телесный», «душевный» и «духовный». Священное Писание — это реальная история («телесный» уровень). Но все события, о которых мы читаем в Священном Писании, имеют вполне определенный нравственный смысл, учат нас добродетельной жизни («душевный» уровень). Но есть и «духовный» уровень: через события Священной истории мы открываем непостижимую Божественную природу, что позволяет нам толковать Священное Писание иногда и далеко от буквального смысла, то есть аллегорически.

Ориген, прежде всего, христианин, и ко многим положениям он подходит с точки зрения веры, которую он пытается понять при помощи философии. Безусловно, Бог для Оригена — это Пресвятая Троица. И он не согласен со своим другом Плотинем, который эту духовную Троицу выстраивал иерархически, по ипостасям. Все три Лица божественны — термин «Единосушный» Ориген еще не использует. Но определенное влияние неоплатонизма тут видно, потому что собственно Богом Ориген называет только Бога-Отца. Бог-Сын — это Логос, это София, это Премудрость. Ориген даже благом Бога-Сына не называет, потому что Он

благ по причастию благодати Отца. Святой Дух — еще ниже. Ориген впервые использует для обозначения Лиц Пресвятой Троицы платоновский термин «ипостась». Некоторый субординационизм у него присутствует, и это, видимо, проблема для Оригена. С одной стороны, три Лица Троицы Единосущны, а с другой — все-таки, по мнению Оригена, не совсем равны по Своей природе, подтверждения чему он находит в Священном Писании: Христос говорит и о Себе, что Он ниже Отца, и о Святом Духе, что Он исходит от Отца.

СОТВОРЕННЫХ МИРОВ МНОЖЕСТВО?

<...>

Действительно, на учении о творении мира, о творении человека разум спотыкается. Мы верим, что Бог сотворил мир и человека, а как понять это разумом? <...> Говоря о Боге, он (Ориген — прим. гл. редактора) совершенно правильно пишет, что Бог совершенен, поэтому Он выше времени, поэтому для Бога не существует ни вчера, ни сегодня, ни завтра, время — это часть материального мира. Но, задумывается Ориген, Бог — Творец и Он когда-то сотворил наш мир. А что делал Бог до этого? Он не творил? Тогда в Боге произошло какое-то изменение. А так как Бог совершенен, никаких изменений в Нем быть не может. Как будто Бог захотел творить мир — а раньше не хотел. И тогда получается, что Бог когда-то не был Творцом. И тогда Он не совершенен.

Но Бог не может не быть Творцом. Значит, пишет Ориген, Бог когда-то творил другой мир, а после нашего мира будет творить следующий...

<...>

Но при этом Ориген утверждает, что эти различные миры ни в коем случае не связаны какой-то логической последовательностью. Нельзя думать, что Бог творит как мастер, «набивая руку», делая Свое творение более совершенным. Нельзя считать, что предыдущий мир был хуже, а последующий — лучше. Ориген говорит: «Но каково именно число и состояние миров, этого, признаюсь, я не знаю, и, если бы кто-нибудь мог показать, я охотно поучился бы этому». Замечу, что работа «О началах» часто сопровождается такими замечаниями-сомнениями, что, **может быть**, так-то и так. Поэтому иногда считают, что Оригена нельзя считать еретиком, потому что он ничего не утверждает определенно, не настаивает на верности своих утверждений. «Я не знаю. Может быть, кто-нибудь лучше меня знает?» — эти слова свидетельствуют о неуверенности Оригена в собственной правоте.

КАК «РАЗОГРЕТЬ» ПРОХЛАДНЫЕ ДУШИ

В анафематизмах V Вселенского Собора анафематствуется, прежде всего, оригеновское учение о человеке.

В этом учении сказалось явное влияние положений платоновской философии о переселении душ и существовании души перед вселением в тело. Конечно, у Оригена нет учения о переселении душ, но о предсуществовании — есть. Согласно Оригену, Бог вначале творит души людей, которые, безусловно, как творение в определенной мере несовершенны. Кстати, Ориген не согласен со стоиками и с теми христианами, которые утверждали, что душа «тонко материальна». Душа духовна! «Если же кто душу считает телом, — пишет Ориген, — то я желал бы, чтобы он ответил мне: каким образом ум воспринимает понятие столь великих, тонких и трудных вещей? Откуда в нем сила памяти? Откуда — созерцание невидимых предметов? Почему телу присуще понимание вещей бестелесных? Каким образом телесная природа углубляется в изучение искусств, в рассуждения о вещах и в познание причин? Почему она может знать и понимать Божественные догматы, которые, очевидно, бестелесны?» Опять чисто платоновские — или платоновские — аргументы о духовности и нематериальности души. Потому что мышление свойственно только духовной, а не материальной природе, даже если это и тонкая материальная природа.

Так вот, Бог сотворил души во вполне конкретном, ограниченном количестве. Так же об этом пишет и Платон. Души в некоторой степени несовершенны, но Бог поставил перед ними задачу: добиться абсолютно, полного совершенства. Это совершенство должно проявляться в любви к Богу, в некотором горении к Богу. Это очень трудно, и поэтому все души охлаждаются в любви к Богу. По мнению Оригена, именно потому души и называются «душами». Он замечает такую параллель между словами «псюхе» — «душа» и «псюхос» — «прохлада». То есть слово «душа» происходит от слова «прохладный».

Только одна душа выполнила эту задачу, устремилась к Богу, и эта душа станет впоследствии душой Богочеловека — Христа. Кстати, термин «Богочеловек» впервые использует Ориген, как и термин «ипостась», без которого мы уже не можем обходиться.

Итак, души стали охлаждать в любви к Богу, стали отпадать от Бога, но Божественная любовь не может охладеть. И поэтому, не желая, чтобы души отпали от Него окончательно, Бог создает материальные тела как некоторую «подпорку», как «костыль» для души, чтобы она осталась на каком-то уровне, не отпав полностью. Здесь очевидно принижение материального начала: Бог творит материю не как необходимую составную часть человеческой природы, часть единой человеческой личности, а именно как «подпорку», «костыль».

ВОСКРЕСНУТЬ В ШАРЕ?

Ориген считал, что спасутся все: и праведники, и грешники, и даже злые ангелы, в том числе и сатана.

В учении о конце мира Ориген также часто больше доверяет разуму, чем Откровению. Он исходит из того, что Бог благ, всемогущ и желает спасения любой твари. А если так, то, разумеется, вся тварь и спасется. Спасутся все: и праведники, и грешники, и даже злые ангелы, в том числе и сатана. Как это будет, Ориген, конечно, не знает, но, по его мнению, это — факт, вытекающий из благодати и всемогущества Бога.

Это учение называется апокатастасис — полное возвращение всех к Богу. Церковь его не примет, поскольку всеобщее спасение противоречит свободе сотворенных разумных существ — людей и ангелов; насильственное спасение невозможно. И тем не менее оно окажет влияние на святителя Григория Нисского, который также будет его сторонником. <...> Оригеново учение об апокатастасисе — важная часть всей его системы, связанная и с последующей судьбой человека после воскресения всех людей.

Еще один вопрос задает Ориген: а каким будет тело после воскресения? Ведь человек умирает или вследствие увечья, или от старости. Но нельзя же предположить, что люди воскреснут вот в таком болезненном или увечном виде. Тела будут совершенными, поскольку они будут бессмертными. А что может быть совершенным? Совершенна только одна фигура — шар. Поэтому наши тела будут шарообразными. Более того, наша дебелая материальная плоть, безусловно, не может быть бессмертной. Поэтому тела будут некоей эфирной природы. И эти положения Оригена тоже будут осуждены как ересь.

Кстати говоря, некоторые противники Оригена будут утверждать, что люди воскреснут именно в той плоти, в которой они умерли, что вызовет реакцию, например, преподобного Максима Исповедника, который покажет, что истина где-то посередине: какими будут тела по воскресении, мы не знаем, но они будут являть и нашу личностную природу, а не безличный шар, и поэтому будут именно материальны, но материя их будет особой, не нуждающейся в пище и питье. Какой будет эта материя и как будет выглядеть наша личностность, преподобный Максим, разумеется, не описывает.

<...> Ориген приходит к <...> платоновским положениям, <...> а именно: предвечное существование души, вторичность тела по отношению к душе, вечность материального мира, даже если эта вечность является сменой одного мира другим. Как и эфирное бессмертие человека, существование Бога во времени, подобного богу-демиургу, о котором Платон пишет в своем «Тимее», и др. <...> Так что оценивая место и роль Оригена в христианском богословии, я отмечу еще раз известные нам факты: Ориген оказал огромное влияние на многих отцов Церкви, введя платоническую философию в богословие, но это же соединение платонизма с богословием привело к возникновению у его учеников ереси — оригенизма.

ОРИГЕНИЗМ*

<...>

Несмотря на официальное осуждение, труды Оригена не исчезают из богословской библиографии. Наблюдается изучение еретического теолога в средневековых сочинениях, ощутимо сказывается его влияние в трудах Максима Исповедника, Иоанна Скота Эриугены, в эпоху Ренессанса закономерно повышается интерес к циклической концепции времени и развитие других метафизических воззрений Оригена. Ориген был любимым писателем русского и украинского религиозного философа XVIII века Г. Сковороды. Последователь Сковороды Владимир Соловьев также увлекался идеями Оригена, усвоил и применял во многих своих работах аллегорический метод Оригена. Интересную книгу об Оригене написал один из создателей церковно-исторической школы В. В. Болотов, проанализировав в ней учение Оригена о Троице. Об Оригене писали такие русские богословы как Д. А. Лебедев, В. Н. Лосский, Л. П. Карсавин, Г. В. Флоровский и другие. На оригеновские принципы любви и раздора, выраженные соответственно в церковной и мирской историях, ссылался один из основателей славянофильства А. С. Хомяков. Интересно отметить, что в 70-х годах прошлого столетия Оригеном увлекался русский писатель Н. С. Лесков, хлопотавший о переводе и издании на русском языке книги Оригена «О началах».

ЦИТАТЫ ОРИГЕНА

- Не следует молиться о пустяках. Вся жизнь христианина должна быть непрерывной великой молитвой.
- Каждый, кто спасся от влияния порчи человеческой жизни, каждый, кто не сожжен грехом (...), должен за это благодарить Бога не меньше, чем те, кто, будучи в огне, чувствовали прохлаждающую росу.
- Бог избавляет нас от скорбей не таким образом, что более не посещают нас никакие скорби; (...) но так, что Божиею помощью мы никогда не оказываемся в скорбях в положении затруднительном.

* Словари и энциклопедии на Академике. Ориген. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1731>

- В искусствах, обыкновенно выполняемых рукою, мысль о том, что, как и для какого употребления делается, находится в уме, а работа выполняется при помощи рук. Так же должно думать о делах Божьих (...): смысл и понимание того, что (...) сотворено Им, остаются в них в тайне.

- Кто хочет нарисовать картину, тот предварительно слегка намечает тонким стилем линии будущего изображения и наперед делает знаки для лиц, которые нужно будет нанести [на картину]; и это предварительное изображение, нанесенное в виде легкого очерка, без сомнения, оказывается уже более или менее подготовленным к восприятию настоящих красок. Точно так же и на скрижалях нашего сердца начертывается легкое изображение и предварительный рисунок стилем Господа нашего Иисуса Христа. (...) Тем, кто имеет в этой жизни некоторое предначертание истины и знания, в будущей жизни должна быть придана красота законченного изображения.

- Сами кормчие часто не решаются признать, что корабль спасен благодаря их предусмотрительности, но все приписывают Богу не потому, что [сами] они будто бы ничего не сделали, но потому, что зависящее от промысла несравненно больше того, что зависит от искусства. И в нашем спасении зависящее от Бога несравненно больше того, что находится в нашей власти.

- Человек, может быть, никогда не может победить противную силу сам по себе, не пользуясь божественной помощью. Потому и говорится, что ангел боролся с Иаковом (Быт., 32, 34). Мы понимаем это так, что борьба ангела с Иаковом — не то же, что борьба против Иакова.

- Если мир начал существовать с известного времени, то что делал Бог до начала мира? Ведь нечестиво и вместе с тем нелепо называть природу Божью праздною или неподвижной или думать, что благость никогда не благовостила, и всемогущество когда-то [ни над чем] не имело власти. (...) Бог впервые начал действовать не тогда, когда сотворил этот видимый мир; но мы верим, что как после разрушения этого мира будет иной мир, так и прежде существования этого мира были иные миры.

- [О словах Христа: «Да минует Меня чаша сия»:] А быть может, [Христос] хотел отклонить от Себя только этот, особенный род мученичества? (...) Вместо чаши, предложенной Ему, быть может, в глубине души Он желал для Себя чаши тягчайшей (...)? Но не такова была воля Отца, более премудрая, чем [человеческая] воля Сына.

- Повелевается, чтобы получивший удар в правую щеку подставил и левую; между тем всякий, кто бьет правую рукою, бьет в левую щеку. Невозможным нужно считать и следующее евангельское предписание: если правый глаз будет соблазном тебе, то его нужно вырвать. Если мы допустим, что это сказано о плотских очах, то как объяснить то, что вина соблазна относится к одному глазу, и именно к правому, хотя смотрят оба глаза? (...) Как мы замечаем, буква [Писания] часто заключает в себе невозможный и недостаточный смысл: через нее иногда указывается не только неразумное, но и невозможное. Нет, Святой Дух имел целью вразумить нас, что с этой видимой историей соединено нечто такое, что при глубочайшем рассмотрении и понимании сообщает закон, полезный для людей и достойный Бога.

- Дьявол способен к добродетели, но еще не хочет следовать добродетели.

- И твердь, то есть небо, по сравнению с высшим небом есть ад, и (...) земля, на которой мы живем, по сравнению с твердью может быть названа адом, и опять, по сравнению с адом, который под нами, места, занимаемые нами, могут быть названы небом, — так что то, что для одних ад, для других — небо.

- Сказав, по апокалипсису Иоанна, что вечное, то есть имеющее быть на небесах, Евангелие настолько превосходит это наше Евангелие, насколько проповедь Христова превосходит священнодействия Ветхого Завета, он [Ориген], наконец, прибавил (о чем и помыслить святотатственно), что для спасения демонов Христос пострадает и в воздухе (то есть в тверди), и в превысших областях. И хотя он не высказал заключения сам, но оно понятно: как для людей Он сделался человеком, чтобы освободить людей, так и для спасения демонов Бог делается тем, чем и те, для освобождения которых Он придет.

Дополнительно*

- Бог — это действующее Провидение.

- Спаситель наш есть образ невидимого Бога Отца: по отношению к Самому Отцу Он есть истина; по отношению же к нам, которым Он открывает Отца, Он — образ, чрез Который мы познаем Отца.

- Может быть, и те, которые, так сказать, умирают там (на небе), нисходят в этот ад, признанные достойными обитать в различных, лучших или худших, жилищах на всем земном пространстве и родиться от таких или иных родителей

* Афоризмы, цитаты, высказывания. Ориген.

<https://aforisimo.ru/autor/%D0%9E%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%B5%D0%BD/>

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ДЕЯТЕЛИ НАУКИ И ИСКУССТВА О КУЛЬТУРЕ И ПРАВДЕ

Николай Константинович РЕРИХ О КУЛЬТУРЕ. ВРАТА В БУДУЩЕЕ**

Друзья! Разбирая старые бумаги, мы нашли набросок моих мыслей о значении Культурных Учреждений. Перепишем для Вас эту памятку, которую сохраните в архивах. Исполнилось пятидесятилетие нашей встречи для совместной работы, и Вам, знаю, будет близко вспомнить об основных, изначальных мыслях о Культуре.

«Впишем на Щитах Культурных Просветительных Учреждений Заветы старинные, но всегда живые, ибо в них должно быть утверждено единение всех творческих сил, ведущих к преуспеянию. Скажем: Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство — для всех. Каждый чувствует истину Красоты. Для всех должны быть открыты врата «священного источника». Свет искусства озарит бесчисленные сердца новою любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, кому оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем...

Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания Культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже «земные» люди поняли действительное значение Красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие — мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак Красоты откроет все «священные врата». Под знаком Красоты мы идем радостно. Красотою побеждаем. Красотою молимся. Красотою объединяемся. И теперь произнесем эти слова не на снежных вершинах, но в суете города. И, чуя путь истины, мы с улыбкою встречаем грядущее...

Именно только единением, дружелюбием и справедливым утверждением истинных ценностей можно строить во благо, в улучшение жизни. Многие исконные понятия затмились в обиходе. Люди произносят слово «Музей» и остаются далеки от мысли, что Музей есть Музейон, по-гречески Дом Муз. Обиталище всех Муз прежде всего является символом Объединения. В классическом мире понятие Муз вовсе не было чем-то отвлеченным, наоборот, в нем утверждались живые основы творчества здесь — на Земле, в нашем плотном мире. Так издавна, от самых далеких веков утверждались основы единства. Все человеческие примеры ярко говорят о том, что сила в союзе, в доброжелательстве и сотрудничестве. Швейцарский лев крепко держит щит с начертанием: «В Единении Сила».

Когда мыслим о созидании школы Объединенных Искусств со всеми к тому образовательными предметами, мы имеем в виду именно дело живое. Всякая отвлеченность, всякая туманность и необоснованность не должны входить в созидательный план. Туманности — не для созидания. Для постройки нужен Свет, чтобы в ярких лучах иметь возможность находить прочные и прекрасные материалы. Каждый труд должен быть обоснован. Цель его должна быть ясна, прежде всего, самому творящему, трудящемуся. Если труженик знает, что каждое его действие будет полезно человечеству, то и силы его приумножатся и сложатся в наиболее убедительном выражении. Труд всегда прекрасен. Чем больше он будет осмыслен, тем и качество его вознесется и сотворит еще большее общественное благо. В труде — благодать.

Каждая школа есть просветительное приготовление к жизненному труду. Чем больше школа вооружит ученика своего на избранном им поприще, тем она будет жизненнее, тем она станет любимее. Вместо формального холодного окончания школы ученик навсегда останется ее другом, ее верным сотрудником. Основание школ есть дело поистине священное. Примат Духа заложится среди правильных, освобожденных от предрассудков оснований. Там же, где вознесется прочно Примат Духа во всей своей великой реальности, там произрастут лучшие цветы возрождения и утвердятся очаги, просвещенные Светом Знания Неугасимым.

Школа готовит к жизни. Школа не может давать только специальные предметы, не утвердив сознание

** Международный центр Рерихов. Центр-музей имени Н. К. Рериха. https://icr.su/rus/family/nkr/about_culture/vrata.php?print=yes
(дано в сокращении)

учащегося. Потому школа должна быть оборудована всевозможными полезными пособиями, избранными предметами творчества, обдуманно составленными книгохранилищами и даже кооперативами. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно в осознании современного общественного строя. От юных лет легче воспринять условия разумного обмена; легче не погрузиться в корысть, в утаивание и самость. Школьное товарищество закладывается естественно. Дети и молодежь любят, когда им поручается серьезная работа, и потому по способностям каждого должны быть открываемы широко врата будущих достижений.

Начало сотрудничества, кооперации может быть жизненно приложено и в построении самих школьных зданий, этих Музейонов всех Муз. Могут ли быть общежития при школьных зданиях? Конечно, могут. Даже желательно, чтобы люди, приобщившиеся к благим задачам Культуры, могли иметь между собою возможно большее общение. Если бы в таких кооперациях пожелали находиться и вновь подошедшие, посторонние люди, то это должно быть лишь приветствовано. Приобщившийся к Культуре неминуемо должен получить тот или иной дар ее. Таким образом, строение школьное будет не только прямым светорассадником для молодежи, но и сделается широким распространителем знаний для всех желающих подойти. Ведь вне возраста вечное обучение. Познавание беспредельно, и в этом красота беспредельная!

Все должно быть жизненно и потому должно и в плотном отношении стоять прочно. Для этого все расчеты просветительных построений должны быть сделаны с величайшей точностью. Если все города полны бесчисленными доходными домами, значит, строение даже в житейском смысле признается доходным и верным. Если даже без культурных заданий, лишь в желании обогащения строятся дома, то, конечно, при правильном расчете будут также доходны такие просветительные строения с общежитиями, школами, Музеями, книгохранилищами и кооперативами. Не от великого знания, но от инженерно-финансового расчета зависят соотношения частей таких объединений. Все примеры нашей современности говорят о том, что существуют доходные дома, богатеют издательства, процветают кооперативы, находят средства музеи и школы, существуют галереи для продажи художественных произведений, лекторы получают гонорары и даже существуют платные библиотеки, себя окупающие.

Мы сами на своем веку удостоверились, как одно дело художественных открытых писем в течение самого короткого срока давало огромные доходы. Мы видели прекрасные результаты выставок. Мы знали, как школа взносами части учащихся могла давать бесплатное обучение шестистам неимущим. Мы видели, как процветали в самый короткий срок кооперативы. Можем свидетельствовать, как самодеятельность полезных учреждений не только содержала их самих, но и позволяла широко уделять на благотворительность. Культура не может быть чем-то необоснованным, отвлеченным. Если Культура есть следствие лучших накоплений знаний, есть утверждение Примата Духа, есть стремление к Красоте, то она же будет утверждением и всех правильных расчетов-построений.

Всякая корысть уже не культурна, но заработок и оплата труда есть законное право. Право на жизнь, право на знание, право на достоинство личности. Будут всегда колебаться условные ценности. Неизвестно, какой металл будет признаваем наиболее драгоценным. Но ценность труда духовно-творческого во всей истории человечества оставалась сокровищем незыблемым и всемирным. Целые страны живут этими сокровищами. Всякие перевороты, в конце концов, лишь подтверждают эти ценности; люди приглашают почетных гостей на эти пиры Культуры. Учреждаются целые министерства во имя этих неизменных ценностей. Разумно люди стараются охранить и сберечь такие всемирные памятники Культуры. Красный Крест бережет здоровье, но будет Знак, берегущий Культуру! Будет Лига Культуры!

Неотложно нужно, чтобы среди мировых смущений и смятений возникали твердины, маяки Культуры. Если кто-то подумает, что и Школ, и всяких Просветительных Учреждений уже достаточно,— он ошибается. Если бы было достаточно просвещения, то человечество не стояло бы на пороге ужасных разложений и разрушений. Все видели достаточно мрачных развалин. Каждая газета говорит о крушениях и о набухающих несчастьях. Издавна сказано, что в основе всякого ужаса и разрушения лежит невежество. Потому-то ближайшим долгом человечества есть внесение усиленного Просвещения. Мир через Культуру. А кто же не стремится в сердце своем к миру, к возможности мирного и творящего труда, к претворению жизни в Сад Прекрасный?

И опять, никакой сад не будет цвести и благоухать, если не было над ним надзора неусыпного. Землю надо улучшить, надо выбрать лучшие сроки для посева, отобрать лучшие зерна и рассчитать лучший день сбора. Следует настаивать на правильных расчетах. Инженер, строитель, знает эти расчеты, чтобы основы башен соответствовали завершению. Сердце человеческое знает и другое неперменное основание. Оно знает, что общественность, народ должны всемерно сочувствовать Культурным построениям. Если благотворительность является священной обязанностью людей, то тем более просвещение как основание здоровых поколений, всей земной эволюции, является ближайшим и священнейшим долгом каждого обитателя Земли. Культура не есть удел богатых, Культура есть достояние всего народа. Решительно каждый в своей мере, в своем добром желании может и должен вносить свое зерно в общую житницу. Сотрудничество как основа бытия является и взаимопомощью. Если один отдел заболевает неустройством, то остальные придут ему на помощь.

Культура не выносит злоречия и злонамеренности. Зло есть грубейшая форма невежества. Зло, как тьму, надо рассеивать. Внесенный Свет уже разгоняет тьму. Каждое сотрудничество во имя Света своим существованием уже противоборствует темному хаосу. Работники Культуры в справедливости должны наблю-

дать, чтобы никто из приобщившихся к делу Просвещения не пострадал. Отзывчиво и сердечно они должны протянуть друг другу руку истинной помощи. Опять-таки это не будет отвлеченным благожеланием, каждый кооператив предусматривает возможность и надобность такой помощи.

Мы всегда стояли за общественное начало. В свое время в России, принимая руководство обширным Просветительным Учреждением, я прежде всего поставил условием установление Совета Профессоров, облеченного правом решающего постановления. Общее дело должно и решаться общественно. Также и вся финансовая сторона находилась в руках особого комитета, составленного из испытанных финансистов. Кроме того, строжайшая ревизионная комиссия ведала всеми отчетами. Семнадцать лет работы лишь подтвердили, что общественное начало должно лежать в основе общего дела. Сейчас мне приходилось в разных странах встречать наших бывших учащихся. По их настроению и воспоминанию вижу, что бывшее ими оценено сердечно.

Было у нас и издательство, были выставки, были лекции и беседы, были многие мастерские, в которых дети местных фабричных работников получали первые основы своей будущей работы. Была и врачебная часть. Были собеседования и консультации по разным вопросам искусства и педагогики. Был Музей — всегда помню просвещенного директора-основателя Д. В. Григоровича. Помните повести его из народной жизни? Эту любовь к народу принес он и в стены Хранилища Искусства, внушая доступность и целебность источников Красоты. Есть о чем вспомнить.

Итак, мысля о строении, вооружимся духом несломимым. Напишем на Щите слова, от которых не отречемся. Будем смотреть на сотрудников, на учащихся, на всех приобщающихся как на ближайших деятелей и друзей. Не будем огорчаться трудностями, ибо без трудностей нет и достижения. И будем всегда твердо помнить, что все труды должны быть истинно полезны человечеству. Потому и качество этих трудов должно быть высоко. Должно быть высоко и качество взаимосердечности, ибо неразделимы сердце и Культура».

На том знаменательном слове кончалась моя запись. Вы знаете, как мы, основная группа сотрудников, вносили эти же основы и в построение Просветительных дел в Америке. Никто не скажет, что мыслили мы о плохом, о ненужном. Основы Этики и Культуры всюду нужны. Без этих целительных оснований угрожает возвращение в звериность и хаос. «С оружием Света в правой и левой руке». Все это не отвлеченность, но великая основная реальность. Сегодня первый день 1936 года. Шлю вам наши старинные мысли как основу новых нерушимых построений. Со всем мужеством в добрый путь!

Дума о Культуре есть Врата в Будущее.

1936 г.

О РОССИИ, ВОЙНЕ, ПОДВИГЕ, ПОБЕДЕ (1942—1943)*

Среди победных известий значительно звучат и культурные голоса. Вот географ-профессор рассказывает, как войсковые части зовут ученых приехать на фронт. Встречают их, как жданных братьев, и внимательно слушают воины научные сообщения. На очереди самого профессора еще одиннадцать таких докладов. Видано ли раньше, чтобы войска звали ученых на фронт, чтобы ждали слово науки и восторженно радовались ей!

У других народов войска увеселяются песенками из кабаре. Там нужны легкие певицы, танцовщицы. Но русский народ и в окопах, в блиндажах ждет научное слово, а песни полны героических порывов. Не только всколыхнулся народ русский, он вырос в сознании своем, и такое достижение уже неизменно.

Народ негодует, когда враги оскверняют Ясную поляну или дом Чайковского, или музей Римского-Корсакова, или могилу Шевченко, или храм Новгорода. Народ осознал, где его культурные сокровища. И это знание уже нерушимо. Мало ли что бывало в прошлом: «Быль молодцу не укор!» Но теперь, в трудную годину, когда идет война народная, священная война, народ поднялся на ступень Культуры. На такую ступень, которая завоевывается лишь сердцем насторожившимся, воспрявшим.

В своем ярем устремлении народ может мыслить о будущем. В нем не будут растрчены никакие достижения. Все ладное, творческое, строительное будет любовно обережено. Сотрудничество не по приказу, а по сердечному осознанию вознесет все отрасли труда.

Вспоминаю, как на Иртыше, в поездах, в гостиницах приходила молодежь и настойчиво хотела знать. Для них после дневной работы ничего не стоило бодрствовать до петухов, слушать, спрашивать, допытываться, желать знать. И вот воины перед ликом опасности стремятся не только сразить врага, но и восполнить свое познание. Такая устремленность к знанию есть верный путь победы. Народ будет знать, народ преуспеет, народ сложит ступени светлого будущего.

8 Января 1942 г.

* Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов
https://roerich.spb.ru/page/nk_rerih_o_rossii_voyne_podvige_pobede_1942-1943
(дано в сокращении)

СЛАВА

«Зачем я шел в тебя, Россия?» — пели германские пленные офицеры, проходя по улицам Сталинграда. Так передавало Московское радио. Победа, огромная победа! Вспоминали мой листок «Не замай!», писанный до войны. Поистине «Не замай!» Россию. Каждый посягнувший на нашу Родину погибнет с несмываемым позором.

В истории запечатлены потрясающие примеры, как были поражаемы враги русского народа. Разнообразны бывали эти поражения. Одни сказывались мгновенно, другие постепенно отстукивались на разложении стран, поднявшихся против России. И об этом можно бы написать целую поучительную книгу.

И другая книга должна быть написана о том, как великодушно, героически вставал весь народ русский на защиту Родины. Самые многочисленные враги земли русской бывали посрамлены несломимым духом воинства русского, и жертвенным самоотвержением всего народа. Александр Невский, Сергей Радонежский и Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Суворов и Кутузов — сколько славнейших вех, сколько победных восхождений?

...Каждое всенародное испытание вливало новые, неисчерпаемые силы в русские сердца. После бури еще приветливей светило солнце. Гора много, но горе преходяще, а радость нетленна. Знает русский народ священную радость любви к Родине. Знает неустанный, преуспевающий труд. Полон народ смекалки и творчества. Помнит, что «промедление смерти подобно»...

Не найдется более безумца, который бы дерзнул ополчиться на Русскую землю, на союзную семью народов, дружно слившихся на священной единой целине. От бойца до вождя — все трудятся. Рождаются новые силы. Крепнет сотрудничество. Исполняется сужденная слава народа русского. Бывали всякие недоверы, бывали трусливые «перелеты», бывали «нетовцы» — отрицатели. И вся эта пыльная труха исчезала, когда восходило бодрое яркое солнце народного преуспеяния. Спорили мы со многими шатунами, сомневающимися. Лжепророки предрекали всякие беды, но всегда говорили мы: «Москва устоит!», «Ленинград устоит!», «Сталинград устоит!» Вот и устояли! На диво всему миру выросло непобедимое русское воинство! Жертвенно несет русский народ все свое достоинство во славу Родины! Слава, слава, слава!

4 февраля 1943 г.

КРЫЛЬЯ ПОБЕДЫ

Развернулись блистательные крылья победы! Каждый день, слышите ли, каждодневно славные русские воины возвращают Родине сотни городов и селений. Неудержимо стремится славное воинство через все вражеские препоны. Так много побед сообщает Московское радио каждое утро, что весь день ходим в высоком подъеме и шлем от Гималаев сердечные мысли богатырям русского народа.

Победоносная хартия вписана в Русскую историю. Так неудержимо наступают богатырские дружины, что не успеваешь переставлять значки. И все это не малые места! Не успели отметить Харьков, а тут и весь Донбасс, и Новороссийск, и Краснодар, и Брянск, и Мариуполь, а теперь подступы к Смоленску, и Киев не за горами.

Подвиг русского народа требует и достаточного летописца. Высокие слова нужны, чтобы сказать, как грозно ополчился весь народ на дерзких захватчиков! Как выросло непобедимое воинство! Как трудовое дружество спаяло народы в одну созвучную семью! «Когда постройка идет, все идет!» Идет великая стройка. Одни богатыри преодолевают врага. Другие куют мечи и серпы для преуспеяния на славное будущее.

Слава великому народу русскому! В каждом здешнем письме гремят сердечные слова о славе русской, душевные пожелания побед. Чуем, как искренно звучат дружеские голоса Индии. От палящего юга до гималайских снегов множество друзей завоевал народ русский. Завоевал великим подвигом, великим самопожертвованием.

Вспоминаю, как писал нам внук Чарлза Диккенса: «Ваша страна всегда нам велика, ибо знаем ее предназначение, а теперь велика всему миру. Истинно, ваша страна спасла мир, но совершит она и еще величайшее. Будущее России может быть сравнено с Вашею картиною, где великая светлая звезда блистает на заре. Россия поведет весь мир!» Много душевных слов произносится среди снеговых Гималаев. Много одушевляющих вестей приносит каждое радио. Да будет!

На днях мы слушали Грабара из Москвы. Он приветствовал русские победы, говорил о германских разрушениях и хорошо отметил, как русские воины заботливо относятся к историческим памятникам. Да, да! Собирайте каждую полезную памятку. Таким путем образуются добрые летописи. Радостно отметить, что русские воины бережно относятся к культурным сокровищам! Победное воинство есть и воинство культурное. Великое дело! Славное достижение! Развернулись блистательные крылья Победы! 20 сентября 1943 г.

Богдана Юрьевна СОКОЛОВА

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.*
Федор Тютчев. 1866 г.

*Пришло время, когда в Россию **нужно** верить.*

«МЫ ВЕРИМ В ГРЯДУЩИЙ РАСЦВЕТ НАШЕЙ РОДИНЫ»*

О великой миссии России с давних времен существует множество пророчеств. Об этом говорили Преподобный Серафим Саровский, Святой старец Анатолий Оптинский, Святой Иоанн Кронштадтский, Свами Вивекананда, об этом можно прочесть в «Сокровенном Сказании о Беловодье», в произведениях Достоевского и Тютчева. «Мессия грядущего дня» — так назвал Россию Андрей Белый.

На великую эволюционную роль России, на ее ведущее начало в мировой истории неоднократно указывается в работах Рерихов. «Я связываю со своей родиной огромные надежды... Россия — это пространство будущего», — говорил младший сын семьи С. Н. Рерих. [1, с. 113]. И еще: «России предопределена великая, по существу, космическая роль на Земле» [1, с. 113].

Изучая данную проблему и обращаясь к трудам Рерихов, мы вправе задаться некоторыми вопросами. Во-первых, с чем связана эволюционная миссия России? И, во-вторых, каковы факторы этой миссии, чем она обусловлена?

Первое, что мы можем утверждать: эволюционная миссия России связана с водительством и покровительством Святого Сергия Радонежского. В XIV веке этим великим святым были заложены мощные духовные магниты, которые до сих пор живут в глубине народной души и в нужное время дадут свои эволюционные всходы. Не случайно Е. И. Рерих называла Святого Сергия Строителем и Воспитателем духа народа. Преподобный Сергий Радонежский — Защитник Земли русской, оберегает ее в самые сложные исторические периоды. Можно быть уверенным, что это касается не только прошлого, но и будущего России.

Второй момент, связанный с миссией России. В одном из писем Е. И. Рерих отмечает, что, благодаря особому сочетанию космических лучей, произойдет пробуждение сознания в новой, наступающей, эпохе. Так сама космическая эволюция дает возможность русскому народу стремительно пойти вверх ступенями восхождения. Но многое зависит от самого народа и его готовности к восприятию и претворению в жизнь знаний. Рерихи считали, что только изменение народного сознания сможет возродить Россию и продвинуть ее по пути космической эволюции.

«Возрожденная страна... — пишет Елена Ивановна, — укажет путь сотрудничеству народов» [2, с. 433]. Это означает, что Россия первой откликнется на зов новой эпохи — эпохи единения, сотрудничества и общего блага и покажет пример другим странам. Е. И. Рерих называет Россию Лучшей Страной, Новой Страной. Новая Страна — это еще и философское понятие. Оно связано с трудом, свободой, строительством. Новую Страну можно построить на основе сотрудничества, терпимости, на уважении к труду и мысли, на почитании великих основ бытия. И все это в потенциале заложено в глубине души русского народа.

Поэтому не случайно философия космической реальности, Живая Этика, дана Великими Учителями на русском языке и предназначалась в первую очередь для того народа, который раньше других поймет и примет ее. Именно Россия — родина космического мышления — больше, чем другие страны, готова к восприятию Живой Этики.

Третий момент. Русский народ прошел тяжелейшие испытания, в которых обрел важнейший опыт и выработал необходимые эволюционные качества. Сложный исторический путь России привел к тому, что страна накопила эволюционную энергетику. Вот что пишет о России Л. В. Шапошникова: «Это — страна эволюционной энергетики, сложившейся на ее великих просторах. Ее избрала сама эволюция, не освободив ни от трудностей, ни от препятствий, ни от страданий, ни от всякого рода противостояний и конфликтов» [3, с. 18].

Необходимо отметить, что Е. И. Рерих в своих письмах неоднократно писала об одном очень важном моменте: Россия держит равновесие мира, причем она подчеркивала, что лишь эта страна может удержать равновесие на Земле. Вот что она писала: «...Лишь одна наша родина держит равновесие мира. Если бы она

* Международный центр Рерихов. Центр-музей имени Н. К. Рериха. Б.Ю. Соколова. «Мы верим в грядущий расцвет нашей Родины». Рерихи об эволюционной миссии России. Доклад на Международной научно-общественной конференции «Россия и наследие Рерихов» (МЦР, 8—11 октября 2014 г.). <https://icr.su/rus/conferencies/2014/Sokolova.php> (дано в сокращении).

сейчас распалась, то гибель всего мира неминуема — таково решение Высшее — решение Светил» [2, с. 433]. Думается, что возможность держать равновесие в мире связана с накопленной эволюционной энергетикой страны.

Е. И. Рерих не раз вспоминала о пророчестве схимника, который жил при патриархе Тихоне в конце XIX — начале XX века в Донском монастыре. Это пророчество о Чертоге Небывалом, который сужден России в будущем. «Там, где все было отнято,— пишет Елена Ивановна,— где всякое творчество было задушено, где было забыто человеческое достоинство, там особенно мощно проснется и уже пробуждается жажда к знанию и к истинной свободе. В положенное время воссияет Чертог Небывалый» [2, с. 415].

Почему же именно России суждено такое великое будущее?

Есть все основания полагать, что одним из факторов такой эволюционной роли является особенность менталитета русского народа, связанная с героизмом.

В творческом наследии семьи Рерихов содержится концепция героизма, в которой он осмысливается как эволюционное явление, то есть явление, которое оказывает непосредственное влияние на совершенствование как отдельного человека, так и человечества в целом. Героизм — феномен уникальный, с одной стороны, он имеет отношение к тонким структурам человека, к его духу и сердцу и потенциально присущ каждому из нас. С другой стороны, героизм является одним из важнейших факторов, которые обеспечивают эволюцию и развитие культурно-исторического процесса на планете. Ведущая роль героев, связанных с Высшим началом мироздания, обусловлена космическим законом — Высшее в эволюции ведет тех, кто занимает более низкие ступени развития. По своей сути, героизм является одним из устоев Мироздания, ибо связан с такими Основами, как Общее Благо, Огонь, дух, сердце. Высокая энергетика героических деяний принимает активное участие в совершенствовании материи плотного мира.

Героизм — именно то, что искони присуще менталитету русского народа, и то, что в будущем превратит его в лидера для других стран. Мужество и самоотверженность были теми качествами, которые испокон веков воспитывали в русском народе его Учителя и подвижники.

Е. И. Рерих в своих письмах не раз писала о выявлении героизма русского народа, о пробуждении его героического духа. Вот что она писала в 1943 году: «Уже в России идет светлое [возрожд]ение масс, и народ полон исканий и нового выявления героизма, всегда идущего с пробуждением Духа» [4, с. 161]. А ведь почти семь веков назад великий Воевода земли русской Преподобный Сергей вдохнул в народ героический дух, устремил его в будущее. И героизм того далекого времени не угас, он превратился в магнит, который даст свои плоды в скором времени.

В письмах Е. И. Рерих указывается на то, что русский народ имеет большой духовный потенциал. «Русский народ,— писала она,— народ талантливейший и не беден он великими Светочами во всех областях жизни...» [5, с. 524]. Это означает, что существует много героических примеров, которые являются ведущими для народа в его духовной жизни. Надо отметить, что в Живой Этике влиянию героических примеров придается очень большое значение. Дело в том, что, когда человек соприкасается с прекрасными героическими обликами, происходит важнейшее внутреннее действо — рост или расширение сознания, от которого зависит его эволюционное продвижение.

Елена Ивановна указывает на врожденную чистоту русского характера, его природную культурность, сердечность, бескорыстие и любовь к Родине. Все эти качества имеют большое значение для восхождения народа. Незлопамятность русского народа — «это великое и редчайшее качество поставит его на небывалую высоту» [4, с. 202]. Все это, конечно, делает Россию уникальной страной.

Также в одном из писем Е. И. Рерих мы находим важные слова: «Самоотверженный подвиг глубоко внедрен в сознание русского народа» [4, с. 424]. Согласно Живой Этике, самоотверженность — это высшая ступень духа. Самоотверженность связана с расширением сознания и даже с мудростью, потому что, когда человек отказывается от эгоистического мировосприятия, он тем самым раздвигает и рамки познания окружающей действительности. Согласно Живой Этике, каждое чувство порождает энергию. Энергия чувства самоотверженности несокрушима. Именно поэтому несломим и дух русского народа, который не покорился ни одному захватчику. «Иван Стотысячный» — так называла русский народ и его несломимый дух Е. И. Рерих.

На укорененность героизма среди черт русского национального характера указывает интересный факт, подмеченный Н. К. Рерихом: ни один европейский язык не вложил в слово «подвиг» такой «всезавершающей мысли», как русский: «Соберите из разных языков ряд слов, означающих лучшие идеи продвижения, и ни одно из них не будет эквивалентно сжато, но точному русскому термину “подвиг”», — писал Николай Константинович [6, с. 48].

Важно отметить, что именно на Россию Н. К. Рерих возлагал надежды по спасению мирового культурного наследия. В статье «Сберегите» мы читаем такие слова: «Русский народ как наследник славного будущего должен стать особым защитником Культуры» [7, с. 170].

На эволюционные качества русского народа Николай Рерих обращал внимание и в своих картинах. Вспомним картину «Странник Светлого Града». Не случайно именно в русской традиции зародилось такое уникальное культурное явление, как странничество. Русские странники уходили искать страну обетованную, или Светлый Град, в котором воплощались самые возвышенные народные мечты. Это было устремлением к

Обители Великих Учителей человечества, устремлением к связи с Высшим началом, которая преображает дух и напитывает его высокой энергетикой.

Героизм, который в потенциале присущ духу каждого человека, будет естественным состоянием людей Нового Мира, о котором много говорится на страницах Живой Этики. Поэтому русский народ, у которого героическое начало наиболее развито и проявляется сейчас все больше и больше, поведет за собой другие народы. Как писала Е. И. Рерих, «в дружбе с Россией и другие народы обретут мир и благоденствие» [4, с. 230].

Рерихи верили в Россию и призывали своих сотрудников верить в нее, они очень просили не порицать и не осуждать свою страну. В 1950 году Елена Ивановна писала: «...Передаю Вам Наказ В[еликого] Вл[адыки], уявленный всем сотрудникам: “Никогда не осуждать Россию, но являть глаз добрый и утвердить новое сознание в размахе совершающейся космической справедливости”» [8, с. 322]. Удивительно, как актуально звучат эти слова сейчас.

В одном из своих писем Е. И. Рерих приводит слова замечательного поэта-прозорливца Ф. И. Тютчева: «Запад исчезает, все рушится. И когда над этим громадным крушением мы видим всплывающую святым Ковчегом Россию, еще более громадную, то кто дерзнет сомневаться в ее призвании!» [9, с. 308]. (Это слова из публицистической статьи Тютчева «Россия и революция», написанной 12 апреля 1848 года).

Но при этом всегда было много желающих, как писала Елена Ивановна, «унизить нашу великую родину, именно великую во многих отношениях» [10, с. 433]. Еще в XIX веке именно Тютчев в своих очерках и стихотворениях отвечал на антирусские настроения в Европе и пламенно выступал в защиту России.

*Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...
Ложь воплотилась в булат;
Каким-то божьим попуценьем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...
<...>
Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье,—
Ты — лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещение! <...> 24 октября 1854*

160 лет назад... История повторяется, чему мы с вами сегодня являемся свидетелями. Сегодня и наследие Рерихов, и Россия — это пробные камни эволюции.

«Поверх всяких Россий, есть одна незабываемая Россия», — писал Николай Рерих [11, с. 213]. Это — Святая Русь, ее духовно-нравственное начало, ее героический магнит.

Лариса Анатольевна КОЖЕМЯКИНА

ОБРАЗ НАРОДА РУССКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Н. К. РЕРИХА*

*Любите Родину. Любите народ русский. Любите все народы на всех необъятностях нашей Родины.
Пусть эта любовь научит полюбить и все человечество.*

Николай Рерих. Завет

Любовь к Родине, к ее героическому прошлому и вера в ее великое будущее всецело наполняли жизнь и творчество Н. К. Рериха, великого русского художника, ученого, путешественника и общественного деятеля. Картины гениального «интуитивиста», по выражению М. Горького, «Гонец. Восстал род на род» (1897), «Сходятся старцы» (1898), «Поход» (1899), «Заморские гости» (1901), «Город строят» (1902), «Строят лады»

* Международный центр Рерихов. Центр-музей имени Н. К. Рериха. Л. А. Кожемякина. «Образ народа русского в творчестве Н. К. Рериха» Доклад на Международной научно-общественной конференции «Россия и наследие Рерихов» (МЦР, 8—11 октября 2014 г.). <https://icr.su/rus/conferencies/2014/Kogemyakina.php> (дано в сокращении)

(1903) и другие являются образцом исторической живописи, которая характеризуется «художественным эффектом (настроением)» [1, с. 194] и убедительностью реальности. Рерих считал, что историческая живопись, тесно связанная с археологией, — это значительное явление для «науки и национального самосознания» [1, с. 194]. Художник поставил перед собой грандиозную задачу — изложить историю России в образах всенародных, прекрасных и достоверных.

Николай Константинович утверждал, что именно культура, искусство и знание являются основой самосознания народа. В очерке «Оборона» мыслитель пишет: «Культура есть истинное просветленное познание. Культура есть научное и вдохновенное приближение к разрешению проблем человечества. Культура есть красота во всем ее творческом величии. Культура есть точное знание вне предрассудков и суеверий. Культура есть утверждение добра во всей его действенности. Культура есть песнь мирного труда в его бесконечном совершенствовании. Культура есть переоценка ценностей для нахождения истинных сокровищ народа. Культура утверждается в сердце народа и создает стремление к строительству. Культура воспринимает все открытия и улучшения жизни, ибо она живет во всем мыслящем и сознательном. Культура защищает историческое достоинство народа» [2, с. 414—415].

Обращаясь к прошлому Древней Руси, Н. К. Рерих утверждает ведущую роль героя, вождя, устремляющего людей на подвиг во имя общего блага. В очерке «Уберегите» мыслитель называет русский народ великим, ибо только в его языке присутствует понятие «Подвиг», которое означает, прежде всего, «движение, преуспевание и неустанное созидательство» [2, с. 415].

Одной из характерных черт русского народа, по мысли художника, является его вера в идеал, в Бога, героя, святого. «Богоискательство», поиск абсолютного добра, правды, смысла жизни, ответа на вечный вопрос «как жить, чтобы святу быть?» всецело наполняют жизнь русского человека.

Н. К. Рерих, создавая в трудные для Родины годы войны величественные образы богатырей, народных героев, святых и подвижников, утверждает будущее своей страны, ее великую победу.

Преподобному Сергию Радонежскому — истинному Водителю и Хранителю земли русской — художник посвятил многие свои работы. Назовем некоторые из них: картины «Сам вышел» (1922), «Мост славы» (1923), «Сергий Строитель» (1924), «Святой Сергий Радонежский» (1932), «Сергиева пустынь» (1933), (1936), «Часовня Сергия» (1937) и другие.

Велико значение Святого Преподобного Сергия — «Воспитателя русского народного духа, Истинного подвижника Православия, Воеводы за правду и строительство» [3, с. 75], как писал Н. К. Рерих, заложившего основы русской государственности и культуры. По мысли академика В. О. Ключевского, Сергий Радонежский оживил и привел в движение нравственное чувство народа, поднял его дух выше привычного уровня покорности и безысходности (см.: [4, с. 21]). Вся жизнь этого великого Наставника была самоотверженным служением людям, которые находили в нем прибежище, защиту и источник несказанной мощи. Преподобный, возвращая прекрасные черты национального характера народа, учил его своим примером — непрерывным радостным трудом и молитвой сердца. Труд как духовный, так и физический, способствовал укреплению нравственности, достоинства и национального самосознания русского человека.

Рерих называет Святого Сергия великим Строителем Общины. Скромный и неприметный внешне, Радонежский игумен, обладая огромной духовной силой и мудростью, строго «запрещал своим сотрудникам принимать подаяния. Пища и вещи могли быть принимаемы лишь в обмен на труд. Голодая, сам он предлагал свою работу. Строение общины и просвещение были единственными занятиями этого замечательного человека» [5, с. 117]. И далее Николай Константинович пишет: «Отказ от митрополичьего сана и от ношения на себе ценных металлов в его жизни является естественным поступком без всякой рисовки. Неутомимость труда: подбор молодых, никому не известных сотрудников; простота как наверху, так и внизу. Отказ от личной собственности не по указу, но по сознанию вредности этого понятия. В списке строителей общины Сергий сохранил большое место» [5, с. 117].

Сегодня мы по достоинству можем оценить значимость социальных преобразований, совершенных в эпоху великого подвижника. Вокруг монастырей — центров культурного возрождения России (а их в Московской Руси в XV веке было основано более пятидесяти) возникали целые селения и посады. Развивались земледелие, ремесла, строительство. Так русским людям через образ Преподобного Сергия была «дана мысль об общем благе. Дано познание труда и бесстрашная устремленность к обновлению жизни» [2, с. 3].

Художественное полотно «Святой Сергий Радонежский» (1932) посвящено поворотному событию в истории Древней Руси. Преподобный, благословляя русское воинство на Куликовскую битву, держит в руках храм — символ единства и могущества Руси. Благодаря личному участию и молитвам Святого, объединились княжества и осуществилась долгожданная победа русского народа над татаро-монголами.

Картина обладает ярко выраженным символическим звучанием. Художник обращает наше внимание на плат со знаком в виде трех сфер в руках Преподобного. На иконах этот знак традиционно изображался на епитрахили святого (Св. Николай. Икона. Россия. XV век). Мы можем увидеть знак триединства на старинных изображениях Святой Троицы и на иконе Святого Сергия Радонежского XVI века [6].

Именно гениальное произведение великого мастера Андрея Рублева «Святая Живоначальная Троица» вдохновило Николая Рериха к выбору Знака Триединства для Знамени Мира. Художник в письме барону М. А. Таубе раскрывает истоки возникновения символа Знамени Мира: «Что может быть древнее и подлиннее византийской концепции, уходящей в глубину веков к первому обобщенному Христианству и так прекрасно

претворенной в иконе Рублева «Святая Живоначальная Троица» Свято-Троицкой Сергиевской Лавры. Именно этот символ — символ древнего Христианства, освященный для нас также и именем Святого Сергия, под- сказал мне наш знак...» [7, с. 207].

Образ Пресвятой Троицы как «первообраз Божественного единства», по мысли отца Павла Флорен- ского, является духовной сущностью всего русского народа, сердцем русской культуры [8, с. 361, 365]. Ан- дрей Рублев исполнил завет Преподобного, создал вечный символ любви, единства и Божественной жертвы, «дабы взиранием на Святую Троицу побеждался страх перед ненавистною раздельностью мира» [9]. Главы и фигуры ангелов сближены в молчаливом поклоне, согласованность движений выражает единомыслие, еди- ногласие и единоволлие.

Для Рериха Знак Троицы обладает общекультурным, общечеловеческим значением. Поэтому этот знак художник выбрал для Знамени Мира, на котором на белом фоне в круге изображены три соединенные амарантовые Сферы как символ Вечности и Единения [7, с. 35]. В очерке «Знамя Мира» Н. К. Рерих пишет, что «Знак троеединности» символизирует прошлое, настоящее и будущее в круге Вечности. Это религия, зна- ние и искусство в кольце Культуры [10, с. 206].

К величественному образу России, держащей в касаниях своих раскрытых крыльев Запад и Восток [2, с. 336], мастер обращался на протяжении всей жизни. Приведем для примера некоторые картины художника, в которых выражена душа России, ее сущность: «Новгород. Спас Нередицкий» (1899), «Илья Муромец» (1910), «Микула Селянинович» (1910), «Прокопий Праведный за неведомых плавающих молится» (1914), «Земля славянская» (1943).

Всем своим творчеством, художественным, литературным, эпистолярным, Рерих нес миру весть о России, о ее беспредельном духовном потенциале, о ее синтетической, многообразной культуре. На картинах художника Россия предстает как особый евразийский культурно-исторический мир, как поликонфессиональ- ная, многонациональная держава, раскинувшаяся от Балтийского моря до Тихого океана.

В Европе, Америке, Индии, в странах Центральной Азии Рерих утверждал русскую культуру, русское искусство, их общечеловеческую ценность. В очерках «По лицу земли» (1935), «Душевность» (1938) мыслитель отмечает всечеловечность русского народа, широту его души, доброжелательность и самоотвержение. Русский народ как «Странник Светлого Града» несет миру «свое даяние дружелюбия» [2, с. 373] и молитву сердца. В очерке «Сила народа» (1941) Рерих подчеркивает: «радость наша в том, что русский народ не шо- винист» [11, с. 52]. Он добр и от широты мысли готов бескорыстно помогать многим странам и народам. В очерке «По лицу земли» Николай Константинович акцентирует наше внимание на том, что русские люди, «в рассеяние сущие», т.е. по судьбе разделенные, разбросанные по планете, готовы служить становлению идеа- ла единства, всемирности, где бы они ни находились.

Одна из главных идей Николая Рериха — это идея всеединства человечества на основе Культуры, ис- кусства, общечеловеческих этических ценностей. Согласно его мысли, термин «Культура» состоит из двух корневых основ: «Куль» и «Ур». Слово «Куль» в самых древних языках имело очень глубокое духовное значение и обозначало священнодействие, таинство. Корень «Ур» в переводе с санскрита означает «Свет», в значении Истины, Добра, Красоты. Поэтому мыслитель определяет Культуру как почитание Света и дает ей заглавное написание.

Общечеловеческие (общекультурные) ценности являются системообразующим фактором, ядром каж- дой национальной культуры. В нашем представлении, единая гуманистическая система вечных универсаль- ных ценностей обеспечивает существование, единство и эволюцию всего человеческого рода, которому еще только предстоит осознать свою общность. Именно ценности духовного мира осуществляют диалог культур между эпохами, народами и людьми.

Русский народ, неся в духе «первообраз Божественного единства» — Пресвятую Троицу, — готов вос- принять культуру Востока и Запада, ибо «сердце народов все-таки имеет общечеловеческий язык» [11, с. 31]. Н. К. Рерих обладал даром видеть сквозь наслоения веков вечное и непреходящее — общечеловеческие сим- волы Культуры и «объединительные знаки» [12, с. 189], содержащиеся во всех религиях. Великий гуманист считал, что Культура объединит всех людей, «ибо в каждом человеческом сердце, во всем царстве человече- ском живет одно и то же стремление к Благу» [13, с. 189]. <...>

Александр Иванович СУБЕТТО

«Загадка русской души, о которой писали некоторые европейцы, побывав в России,— это ведь и загадка русского пространства, загадка самой России — цивилизации с самой большой территорией; — и думаю, эта «загадка» условная такая же, как и загадка истинной большой Любви, а русская душа — это Любовь к миру, это всеохватывающая любовь, это космический восторг, переходящий в дерзание действия».

РУССКАЯ ДУХОВНОСТЬ — НАЧАЛО РОССИИ КАК ДУХОВНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ*

РУССКАЯ ДУХОВНОСТЬ — ЭТО ДУХОВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА И РУССКОГО НАРОДА

Ценностный геном, культ правды, поиск смысла жизни через осознание добра и любви входит в ценностные основания самоопределения человека и того, не всегда ясно определяемого, феномена, который может быть назван русской духовностью.

Русская духовность — это духовное измерение русского человека и русского народа, это его духовный лик перед другими народами мира, это то, что И. А. Ильин назвал «духовным организмом России», это самосознание народа. Это постоянный поиск смысла жизни русским человеком, отлитый в народной культуре, литературе, живописи, музыке, танцах, архитектуре, в идеале жизни по скрижалям добра, любви и общего дела, в духовных подвигах святых Русской Земли, канонизированных Русской Православной Церковью.

Русская духовность пронизана космосом, она есть постоянное вопрошание о месте человека во Вселенной, о его предназначении в настоящем и будущем, она есть духовное измерение русской культуры, которая в свою очередь отражает все «токи» культурного взаимодействия племен и народов на Земле на протяжении веков и тысячелетий. <...>

Творить добро — таково предназначение человека, смысл его жизни в представлении пращуров русского народа. Через добротоделание становится правда на Земле и справедливость, потому что без добра нет любви, а без любви нет добра и жизни вообще.

Духовность — это свернутая в каждом человеке историческая память народа, а, следовательно — и память культуры.

Нет разума, как и нет культуры, вне памяти. «По глубокому счету любая сущность есть свернутая память. Сущность более глубокого порядка одновременно несет в себе смысл более глубокой памяти. Если память разрушается, то уничтожается сущность, остается одна оболочка, одна форма без сущности, без содержания» (1, с. 61).

Русский и советский мыслитель, ученый, деятель культуры Дмитрий Сергеевич Лихачев подчеркивает: «Память — одно из важнейших свойств бытия, любого бытия: материального, духовного, человеческого... При этом память вовсе не механична. Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно навыки. Запоминается то, что нужно; путем памяти накапливается добрый опыт, образуется традиция, создаются бытовые навыки, семейные навыки, трудовые навыки, общественные институты... Память противостоит уничтожающей силе времени... Память — преодоление времени, преодоление смерти. В этом величайшее нравственное значение памяти.

«Беспамятный» — это, прежде всего, человек неблагодарный, безответственный, а, следовательно, и не способный на добрые, бескорыстные поступки... Совесть — это в основном память, к которой присоединяется моральная оценка совершенного. Но если совершенное не сохраняется в памяти, то не может быть и оценки. Без памяти нет совести» (2, с. 206, 207)

Русская духовность — это память русского народа, переходящая в историческую, культурную память человека как сущности. Вот почему даллесовская программа информационно-духовной войны против русского народа включает в себя «размывание» его исторической памяти,— включает в себя «войну» против основ образования по русскому языку и русской литературе, например, через резкое сокращение количества часов, сокращение часов на изучение произведений Пушкина, Гоголя, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, почти полное исчезновение из школьных программ произведений Горького, Маяковского, М. Шолохова, А. Твардовского, А. Фадеева, например, таких произведений как «Тихий Дон», «Поднятая целина» или «Васи-

* Из книги А. И. Субетто «Слово о русском народе и русском человеке».
<http://osrussia.ru/content/slovo-o-russkom-narode-i-russkom-cheloveke>

лий Теркин», «Молодая гвардия».

А. А. Зиновьев, познав «Запад» изнутри во время своей эмиграции в 70-х—80-х годах жизни, там открывает, что в стратегии «холодной войны» против СССР там, на Западе, действовал «антирусский проект», состоящий из 3-х этапов:

этап первый — «низвести русских на уровень народов третьестепенных, отсталых, неспособных на самостоятельное существование в качестве суверенного народа» (3, с. 93);

этап второй — направить русский народ на путь биологической деградации и вымирания вплоть до исчезновения его в качестве этнически значительного явления. Планируется его сокращение до пятидесяти и даже тридцати миллионов, а затем — и того менее. Для этого разработан богатый арсенал средств — недо-едание, разрушение даже примитивной системы гигиены и медицинского обслуживания, сокращение рождаемости, стимулирование распространения алкоголизма, наркомании, проституции, гомосексуализма, сектантства, преступности. «Планируется «сжатие» русских в сравнительно небольшом пространстве европейской России» (3, там же), «возможно даже введение закона пропорционального распределения территорий в зависимости от числа людей», «тогда на “законных” основаниях русских просто согнать в резервации, как индейцев в Северной Америке» (3, там же); третий этап — фальсификация истории человечества, «полное вычеркивание русских как особо великого народа из истории».

А. А. Зиновьев предупреждает русский народ и русских людей: «вся история человечества будет сфальсифицирована так», чтобы от истории народа русского и «следа не осталось», — и этот процесс уже начался, — и далее он приходит к выводу:

«Увы, наиболее вероятный вариант — нас, русских, вообще вычеркнут из истории», <...> «как будто нас вообще не было» (3, с. 100).

Как видим, программа Даллеса, провозглашенная им в 1945 году, действует, является продолжающейся «войной» против русского народа. И начинается она с войны против памяти русского народа, т. е. против его духовно-нравственных устоев.

Современную молодежь России лишают памяти целых культурно-духовных пластов русской и советской классики. Молодежь не знает, кто написал «Войну и мир», или «Капитанскую дочку», кто написал «Бородино», кто такой Павка Корчагин, например, ничего не знают о подвигах молодогвардейцев в Краснодаре, Александра Матросова, Зои Космодемьянской в годы Великой Отечественной войны.

У русского народа, великого своими духовными, созидательными и воинскими подвигами, современная образовательная политика отбирает героическую память.

Нужно всем — деятелям культуры и образования, политикам, всем, кто живет в России и продолжает дело нашей истории, дело предков, понять, что память и любовь к Отечеству, к Родине едины. Любовь становится, воспитывается на памяти, на исторической памяти, она из нее вырастает, обрстая теми смыслами, которые даются познанием Отечества, познанием Родины.

«Любовь к своей Родине — это не нечто отвлеченное; это, — замечает Д. С. Лихачев, — и любовь к своему городу, к своей местности, к памятникам ее культуры, гордость своей историей» (2, с. 236).

Как тут не вспомнить знаменитые строки «солнца русской поэзии» Александра Сергеевича Пушкина: «Два чувства дивно близки нам — / В них обретает сердце пищу — / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам. / Животворящая святыня! / Земля была б без них мертва» (2, с. 208).

Не могу не приложить к ним — этим пушкинским строкам — комментарий Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Подобно тому как личная память человека формирует его совесть, его совестливое отношение к его личным предкам и близким — родным и друзьям, старым друзьям, то есть наиболее верным, с которым связывают общие воспоминания, — так историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живет народ» (2, с. 208).

РУССКАЯ ДУХОВНОСТЬ И РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

Духовная история русского народа немыслима без истории Русского Православия, Русской Православной Церкви, без истории русского монашества, русских святых. Почти в каждом регионе, в каждой области есть русский святой, прославившийся в народной памяти своими духовными подвигами. Их ряд длинен: святая княгиня Ольга, Святой Владимир, Сергей Радонежский, Варлаам Хутынский, Стефан Пермский, Серафим Саровский, Александр Свирский и другие.

Русское Православие сохраняет древние догматы «христианского коммунизма», осуждает сребролюбие, ростовщичество, обращено к поддержке соборности, духовно-нравственного здоровья народа, что вызывает ненависть к нему тех лидеров на Западе, кто мечтает освободить жизненное пространство, как мечтал Гитлер, на территории России от русских. Поэтому в 1997 году Мадлен Олбрайт назвала Русскую Православную Церковь врагом Соединенных Штатов и объявила против нас, фактически, «крестовый поход». За этим фактически скрывается не только антикоммунистическая, но и антихристианская сущность капитализма, строя капиталократии, в пространстве которой «Капитал-Бог» (так называемый «золотой телец») вытесняет истинных Богов, дехристианизирует западное общество, оставляя от христианства только «оболочку».

По свидетельству Константина Константиновича Клуге, представителя первой волны русской эмиграции после революции и гражданской войны, в своем труде с символическим названием «Коммунизм Христа», изданном во Франции в 1959 году, доктор философии Айн Ранд, известная в университетах США своими лекциями против христианской любви фактически выступила против христианства как учения о «коммунизме Христа». Вот как пишет он: «Согласно ее теории, только эгоистические стремления людей способны привести к полному материальному успеху. Христианский же альтруизм ведет к социализму, а тот, в свою очередь, к коммунизму. На платье этой дамы красуется массивная золотая брошь, изображающая символ американского доллара — \$. Это откровенно демонстрирует ее кредо: эгоизм вместо альтруизма и любовь к наживе вместо любви к ближнему. Ее теорию можно изобразить уравнением:

Эгоизм = капитализму, Альтруизм = коммунизму.

Причем Айн Ранд подчеркнуто указывает на коммунизм Христа, а не Маркса и его последователей. О невозможности одновременного служения Богу и мамоне (то есть богатству) совершенно ясно высказался Христос (Матфей 6,24)» (4, с. 60, 61).

Вот почему Мадлен Олбрайт увидела в Русском Православии врага Соединенных Штатов! Потому что оно, Русское Православие, своей проповедью верховенства духовного начала, любви к ближнему, сострадания, соборности выступает барьером на пути колонизации русского народа и России, поскольку экономическая колонизация в окончательном виде глобальным империализмом невозможна без духовной колонизации русского народа и русского человека, превращения его в «быдло».

Известный русский православный мыслитель первой половины XX века, в серии работ, позднее составивших его книгу «Христианский социализм», Сергей Николаевич Булгаков так писал о миссии христианства с позиций православного мировоззрения: «...современный капитализм, основанный на эксплуатации труда, классовых антагонизмах, контрастах богатства и бедности, есть явный грех и человеконенавистничество. Христианство не допускает примирения с каким бы то ни было общественным строем, основанным на насилии и ненависти, оно может благословить только строй, воплощающий начала любви, свободы и равенства, и, пока остается социальная неправда, оно всегда зовет вперед, к социальному прогрессу, к очищению общества от пороков, проповедует не только личное, но и общественное покаяние» (5, с. 85).

В другом месте этой работы он ставит вопрос о необходимости «величайшей духовной революции», направленной на «восстановление утраченного секрета объединения не только внешнего, механического, но и внутреннего, мистического, не только в общей ненависти или интересе, но и в общей любви, чтобы действительно мог воцариться мир на земле и благоволения. Иначе же при всем стремлении к соединению люди будут только ударяться друг об друга головами (по выражению того же Мопассана), достигнут благоустроенного муравейника, в котором за отсутствием социальной борьбы будет царить еще большая пустота и потерянности (рядом с самодовольным мещанством), но не будет побеждено уныние и теперешний демонический или же нейрастенический индивидуализм» (5, с. 71).

Русская православная духовность — это духовность любви и, следовательно, духовность коммунистическая, именно в духе «коммунизма Христа», как считала враг христианства и защитник «Духа Капитала» Айн Ранд.

Вот почему экономическая колонизация России, проходящая под вывеской «рыночных реформ», которые направлены на установление колониальной, спекулятивно-криминального происхождения, капиталократии, не может завершиться победой без духовной колонизации русского народа, самого непокорного на Земле, без его духовного, а затем уже — и морально-физического, уничтожения, о чем мечтали Даллес и Гитлер.

Как тут не вспомнить злорадные, полные саркастической усмешки, слова итальянского мыслителя Джульетто Кьеза в его книге «Прощай, Россия», опубликованной в России в 1997 году: «Третий Рим, или вернее, страна, претендовавшая на этот титул, сворачивает свои знамена. Первый пал под ударами полчищ варваров, второй под ударами Востока, который с рождения пропитывал его. Этот Рим уничтожается на наших глазах Западом. Единственное отличие от двух других состоит в том, что падение совершается намного быстрее. И без боя. Россия со всей своей хваленной духовностью склоняется с приходом скупого царства прагматизма, успеха и материализма. Быть может, еще есть время для мучительных конвульсий, для кровавых и бесполезных судорог, порожденных иллюзиями, которые всегда отказываются умирать. Но новый взлет маловероятен. Спад и распад — которым сами россияне способствовали своей ленью и глупым подражанием худшим примерам — только начались. За потерей Средней Азии последует утрата Кавказа. А потом россияне распрощаются с Сибирью, их подомнет самый сильный из азиатских тигров» (6, с. 257).

Конечно, прогноз Джульетто Кьезы ждет тот же крах, который терпят и терпели прогнозы и желания по уничтожению России многих врагов и врагов русского народа, в том числе и Аллена Даллеса, и Гитлера. Русский народ не раз переживал «смутные времена» и тяжелые кризисы своей цивилизации, и каждый раз восстанавливал свое хозяйство и свое историческое движение вперед, именно благодаря верховенству духа и духовности над материальными началами. Так будет и впредь!

РОССИЯ — ДУХОВНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Россия — духовная цивилизация, и русская духовность, русская культура и русский язык, верность большой идее построения «царства небесного» на земле, т. е. общества правды, справедливости, равенства и братства, служащего «Общему Делу» (по Н.Ф.Федорову), — ее скрепы.

А. С. Панарин отнес «западные цивилизации» к типу прагматических, в которых, по Джульетто Къезе, доминирует «скупое царство прагматизма» и в которых люди поступают и действуют «по обстоятельствам», а Россию, и другие общинные цивилизации Востока, — к типу духовных, в которых люди поступают и действуют «вопреки обстоятельствам» (7). Именно благодаря этому архетипу поведения «вопреки обстоятельствам» Россия — СССР, русский народ в единстве со всеми народами России — СССР (это единство мы и называли советский народ) победила фашистскую Германию во главе с Гитлером, а вместе с нею — разбила огромную военную машину почти всей Европы, завоеванной Гитлером и заставившей работать ее промышленность на вооруженные силы Германии (и ее саттелитов — Испании, Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии и др.).

«Духовная цивилизация» в характеристике российской цивилизации — это значит, что Россия — цивилизация не насильственно-захватническая, каковой были и есть — и германо-романская цивилизация (в характеристике Н. Я. Данилевского, данной в его работе «Россия и Европа»), и англо-американская цивилизация, — а собирательная, делающая ставку на дружбу народов (этносов), их комплиментарность. Именно такую собирательную функцию выполнял русский народ, строя Россию, и именно на эту функцию указывал Сергей Радонежский в беседе с Олегом Рязанским в вышеприведенном отрывке из «Святой Руси» Д. М. Бальшова.

Наверное, это цивилизационное противостояние России и Запада по-своему, нарочито выпукло и грубо, запечатлел современный русский писатель Юрий Мамлеев во «Вселенских историях», в которых Запад предстает как «страна деловых трупов», край «голового чистогана», а Россия — как империя духа (8).

Глубинно, сущностно Россия как духовная цивилизация и русский народ как духовный народ и скреп российского суперэтноса непобедимы потому, что за духовностью, духовным разумом, которые составляют основу становящегося ноосферного разума XXI века (9), на фоне первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы — будущее, а любая альтернатива им — экологическая смерть человечества уже в XXI веке. Подчеркну — именно за духовным разумом, а не за прагматизмом, обществом потребительства, «скупым царством прагматизма» Запада в определении Джульетто Къезе, «серой» формой представлений о счастье и предназначении человека, сужающей человека, его предназначение и его смысл жизни, до делателя денег и капитала, до «винтика» в Глобальной Капитал-Мегамашине (10), в которой «движителем» выступает «безумное», бездуховно-алчущее стремление мировой финансовой капиталоκραтии к бесконечному росту денежного, ростовщического капитала и на основе такого роста — стремление к господству над миром. Наверное, образ «Великого Вампира» В. Пелевина, созданный им в романе «Бэтман Аполло», есть выражение этой бездуховной, человеко-потребляющей и человеко-перерабатывающей в деньги, в денежный капитал, Глобальной Капитал-Мегамашины, описанной мною, автором этого «Слова», в теории капиталокрации в 2000 году, а затем в «Ноосферизме» в 2001 году (11). У Ю. Мамлеева этот механизм, который мною назван в «Капиталокрации» Капитал-Мегамашиной, описывается так: «Главный принцип этой цивилизации (мое замечание: цивилизации Запада, С.А.): любой шаг в вашей жизни должен приносить деньги. Даже самое плохое дело. Культура для них не форма жизни, а просто средство зарабатывания денег» (8. Цит. по: «Апостроф»/ Ф.Бирюков// «Завтра». — 2013. — Май. — №20 (1017), с. 7).

Развернутая невидимая война против русского народа и русского человека, против российской цивилизации есть последний акт «эпохи заката» капитализма, перешедшего в стадию глобального империализма, — «эпохи заката» «цивилизации Рынка» и «строения Денег» (как назвал будущее устройство человечества один из рупоров мондиализма — идеологии Нового Мирового Порядка — Жак Аттали еще на рубеже 80-х — 90-х годов XX века, более двадцати лет назад). Потому что ресурс развития капитализма как такового, «общества потребительства» как такового, «рыночной экономики», за фасадом которой скрывается бытие капиталокрации, как таковой, — исчерпан (12). Наступила первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы, как предупреждение рыночно-капиталистической форме бытия человечества, — ее продление будет означать экологическую гибель человечества в ближайшем историческом будущем. Это означает, что «прагматизм», «скупое царство прагматизма» (по Джульетто Къезе), прагматические цивилизации Запада не только противостоят духовной цивилизации России, и в целом — Востоку, но они, как оказалось, противостоят Природе.

Русская духовность в своем космо-ноосферном измерении, которое придал ей «Русский Космизм», как философско-научное и философско-православное течение русской мысли, учение о ноосфере В. И. Вернадского (150-летие со дня рождения которого мы отметили 12 марта 2013 года) и его развитие в форме Ноосферизма в начале XXI века, обретает смысл духовно-нравственного начала российской цивилизации, русского коллективного Разума, а на его основе — коллективного Разума России, призванного спасти человечество от возможной экологической гибели в XXI веке.

Об этом по-своему, в православно-эсхатологической форме рефлексии, писал Александр Сергеевич Панарин, крупный русский философ конца XX века, до сих пор не оцененный должным образом:

«Главная тайна традиционной русской идеи,— отмечал он,— состоит в загадочной близости российского государственного сознания эсхатологическому сознанию. Парадокс российского спасения (в том числе в его политико-государственных проявлениях) состоит в том, что спасение обретается не путем поспешного удаления от зоны риска, от края, за которым развернется бездна, а, напротив, посредством смелого шага навстречу вызову, стоящему перед всем человечеством. То, что Россия находится в самом эпицентре всемирного кризиса, по-настоящему обескураживает только носителей декадансного «разумного эгоизма», прежде всего опасаящихся, как бы именно им не досталась тяжелая ноша. Сознанию, сохранившему религиозно-эсхатологическую идентичность, нахождение в эпицентре вселенской беды представляется знаком избрания: ведь именно любимцев своих избирает Бог для особо тяжелых испытаний. Основатели российской государственности, как и их достойные продолжатели, во все времена шли не легким, а трудным путем, и именно в нем Россия обретала свое величие. По-видимому, духовная основа русской государственности сродни религиозно-эсхатологическому канону: поиски легких путей неизменно разрушали и разлагали нашу государственность, тогда как трудный путь оказывался путем возвышения. Россия, ищущая дружбы и расположения победителей, господ мира сего, кончала национальным унижением. Россия, объединяющаяся с изгоями, с униженными и оскорбленными, со слабыми достигала политического самоутверждения и духовного просветления. Россия, ищущая скорых путей сепаратного вхождения в «европейский дом» за спиной давних своих собратьев и соучастников великого евразийского строительства, пришла к невиданному национальному унижению. На путях «разумного эгоизма» ее всегда обставят те, в чьей культуре разумный эгоизм глубже укоренился и породил соответствующее политическое искусство.

Сила России — в религиозно-эсхатологическом воодушевлении (даже коммунизм был превращенной формой такого воодушевления (мое замечание — в оценке А. С. Панарина; хотя такая оценка является спорной, потому что «коммунизм Христа» у Клуге в позитивной характеристике и у Айн Ранд, поклонницы «золотого тельца» и защитницы капитализма, в негативной характеристике, также как и «христианский социализм» у С. Н. Булгакова и «русский коммунизм» у Н. А. Бердяева, как понятия, появляются не случайно, это не превращенная, а сущностная форма «эсхатологического» воодушевления русской духовности, русского духа, С.А.), поэтому и достиг поначалу впечатляющих геополитических успехов). Эсхатологическая ситуация сегодня налицо: перспектива планетной гибели становится вычисляемой и тестируемой в повседневном опыте непрерывно ухудшающегося качества среды. Не прятаться от этой перспективы, а прямо обратиться к этой перспективе, «тематизировать» ее (Гуссерль), превратив в отправную точку дискурса о России... пора понять, что ее место — среди обездоленных изгоев. Но не в том нигилистическо-самоуничтожительном, мазохистском смысле, который навязывает ей злорадствующая западническая диаспора, а в смысле парадокса христианского сознания, знающего, что правда всегда оказывается беглянкой из стана победителей. Сегодня в России идентификация... относится... к духовному самоопределению: с победителями или побежденными, с господами мира сего или с нищими духом. И в этом радикально религиозном смысле Россия всегда с последними... Возрожденная великая российская государственность выйдет из опыта новой духовной реформации или не состоится вообще» <...> (7, с. 168, 169).

Духовная реформация, к которой апеллировал А. С. Панарин пятнадцать лет назад, в 1998 году (ее еще разные русские мыслители, например — В. Н. Сагатовский, называли духовной революцией), есть духовно-ноосферная революция, составляющая сущность переживаемой Эпохи Великого Эволюционного Перелома. И русская духовность, из недр которой появился на свет Русский Космизм и учение о ноосфере В. И. Вернадского в XX веке, на базе которого идет становление Ноосферизма, как научно-мировоззренческой системы в XXI веке,— служит и основанием, и в каком-то смысле духовным водителем в логике развертывания этой революции в начале XXI века.

РУССКАЯ ДУХОВНОСТЬ КАК ДУХОВНАЯ СИСТЕМА ПРАВДЫ

Русская духовность — это духовная система, в центре которой находится категория Правды. Можно условно назвать русскую духовность «духовностью Правды», а русский народ, русского человека — «народом и человеком Правды». Конечно, это своеобразные метафоры. Но метафоры глубокого смысла.

Правда — это единство истины, добра, красоты и справедливости.

«Истина» — сама по себе, с позиций русской философии, не совсем истина, если она не подкреплена критериями «добра» (в онтологическом смысле «добро» — это та система ценностей и соответственно форм поведения человека и общностей людей, которая обеспечивает продолжение жизни, служит основанием спирали бессмертия жизни и социально-культурного бессмертия народа) и «красоты» (в онтологическом смысле — «красота» — это отражение через систему нашего, человеческого восприятия гармонии мира, гармонии общества, гармонии человека, гармонии, как закона бытия любых целостностей, а значит — любых систем в мире). Социальная справедливость есть дальнейшая конкретизация категории добра в его системно-социальном качестве.

«Правда» в духовном мире русского человека, вместе с «совестью», занимает высшее приоритетное место. Михаил Васильевич Ломоносов так сказал о ней: «Люблю правду всем сердцем, как всегда любил и любить буду до смерти» (13). А Владимир Иванович Вернадский, как будто продолжая мысль М. В. Ломо-

носова, спустя более сто пятьдесят лет, записывает свое сокровенное:

«Ищешь правды, и я вполне чувствую, что могу умереть, могу сгореть, ища ее, но мне важно найти ее, эту правду, как бы горька, призрачна и скверна она ни была!» (14, с. 105).

Русский и советский философ — марксист В. Г. Комаров в своей монографии по социальной философии «Правда: онтологическое основание социального разума», увидевшей свет уже после его смерти, в 2001 году, благодаря усилиям В. Я. Ельмеева, поднял категорию правды на высший уровень категориальной системы, описывающей онтологию социального разума. Он замечает, что, когда речь заходит о русской философской транскрипции гегелевского положения о связи между разумом и действительностью — что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно, — «на передний план сразу же выступает категория «правда» (15, с. 14). В. Г. Комаров вводит понятие «онтологической правды» как правды истории, которая снимает иллюзорногенные покровы «с философии прагматизма», которая есть «мышление в пределах объективных социальных видимостей», порождаемых «фетишистскими рыночными реалиями» (15, с. 161). Он вводит понятие «жизнеобеспечивающего труда», который есть «труд принципиально неотчуждаемый», и в котором проявляется «фундаментальная сущностная связь между рабочей силой, ее функцией — трудом и продуктом соответствующей деятельности — жизнью как движением общественной формы материи» (15, с. 269). Логика этого исторического движения жизнеобеспечивающего труда предстает как утверждение онтологической правды, за которой стоит логика движения всей истории человечества к торжеству аутентичного коммунизма, который в XXI веке предстает в форме ноосферного коммунизма (16). «Научный Коммунизм XXI века, вбирая в себя весь опыт истории коммунистического идеала, предстает как ноосферный коммунизм... Миссия коммунизма и коммунистов в XXI веке — спасти человечество от экологической гибели... Быть коммунистом XXI века — это означает быть гуманистом XXI века, всей своей деятельностью, революционной борьбой способствовать победе очеловечивания человечества, т. е. подъему сознания, интеллекта человека, его духовности и нравственности на уровень ответственности за сохранение всего разнообразия жизни на Земле, на уровень космопланетарного сознания и космопланетарной ответственности» (16, с. 37).

Профессор Ю. В. Холопов в статье «Как исцелить душу творчества. О научно-техническом прогрессе в России» так ставит проблему, стоящую перед Россией и русским народом, и всеми народами, составляющими российское общество:

«Так что же нам делать? А надо строить социализм! Другого пути нет. Глобализация, которой занимается Запад, — естественная борьба за выживание групп, кланов людей. А социалистический строй является естественным концентратором всех научно-промышленных и духовных сил страны... Капитализм точит зубы на желание народов всего мира честно трудиться на благо человечества, чтобы не было зловещих кризисов и войн, унижающих, оскорбляющих и уничтожающих людей. Его «прелести» превозносятся до небес! А социалистический уклад жизни, его стремление объединить людей в идеологии, политике, науке, промышленности, экономике — во всех институтах, необходимых для сосуществования людей на Земле, — он прилагает и будет прилагать все усилия, чтобы уничтожить их.

Почему? Ответ давно дан умнейшими людьми планеты. Ибо существует понятие ненасытного капитала! Он шел, идет и будет идти на все преступления против человека, если видит свою прибыль! Это классика марксизма. Это неутраченная боль от язвы капитализма.

Потому и был сокрушен, разорван на куски СССР. Они и сейчас рвут нашу Родину! А если признаться честно себе, то Россия уже раздавлена.

Кто-то начал было разглагольствовать о том, что социализм-де исчерпал себя. Но это не так. Совсем не так! Социализм в СССР потерпел поражение только в результате гнусной измены высшего эшелона власти делу социалистического строительства страны в угоду частному капиталу. Пример коммунистического Китая подтверждает, что будущее народов мира на Земле — социализм. И рано или поздно так будет!» (17).

Это означает, что Онтологическая Правда, Правда Истории за социализмом и коммунизмом, но в XXI веке — за социализмом и коммунизмом нового качества — ноосферного.

И русская духовность, как духовность Правды, является порукой того, что русский народ, русский человек, как носитель «цивилизационного социализма», снова станут той руководящей силой в новом ноосферно-социалистическом прорыве XXI века, о которой говорил И. В. Сталин в своем победном тосте «за великий русский народ».

Капитализм, нынешняя эпоха якобы становления мирового рынка, нынешний паразитарный строй мировой финансовой капиталократии есть «онтологическая ложь» или «ложь истории», которая уже находится под «огнем критики» самой истории, онтологии человечества и природы в форме первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, за которой «скрывается» глобальные духовная и информационная катастрофа рыночно-капиталистического, отчужденного человечества.

В. Г. Комаров так характеризует основания и истоки временного пребывания в истории «псевдоправды истории», «онтологической лжи». Он пишет:

«Не обладая универсализмом и всеобщностью правды истории, ее антипод — ложь истории — все-таки существует, но только как несамостоятельная, паразитарная форма бытия псевдоправды истории, выдающей себя, разумеется, за правду... Псевдоправда (ложь) истории есть не более, чем объективная материальная кажимость, заимствующая чужую сущность — сущность правды истории. Когда правда в очередной раз достигает возобладания над неправдой, когда начинается процесс генерализации правды истории, что

происходит обычно в периоды демократических подъемов революций, выглядящих катастрофами главными образом в глазах господствующих «верхов», тогда ложь истории рассыпается в прах и раскрывается ничтожность ее внутренней определенности. То, что в онтической/онтологической лжи истории было заимствовани-ем у правды, в такие моменты подвергается разоблачению в качестве пустой внешней видимости» (15, с. 144).

«Русская духовность как «духовность Правды», перейдя в основание становления и развития российской цивилизации, стала одним из факторов Русского Прорыва человечества к социализму под водительством В. И. Ленина и партии коммунистов в начале XXI века, и она, несомненно, еще сыграет свою роль в качестве мобилизационного фактора в Ноосферно-Социалистическом Прорыве человечества в XXI веке. И это будет новым торжеством Онтологической Правды — Правды Истории.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Субетто А. И. Разум и Анти-Разум (Что день грядущий нам готовит?) — Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2003.—148 с.
2. Лихачев Д.С. Письмо о добром.— СПб.: Изд-во «LOGOS», 2007.— 256 с.
3. Зиновьев А. А. Глобальное сверхобщество и Россия.— Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2000.— 128 с.
4. Клуге К. Коммунизм Христа.— М.: «Искусство», 1992.
5. Булгаков С. Н. Христианский социализм.— Новосибирск: «Наука», Сибирское отделение, 1991.— 350 с.
6. Кьеца Дж. Прощай, Россия.— М.: ТОО «Гей», 1997.
7. Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке.— М.: Издат. Корпорация «Логос», 1998.— 392 с.
8. Мамлеев Ю. Вселенские истории: роман, рассказы.— М.: Эксмо, 2013.— 320 с.
9. Субетто А. И. Ноосферное смысловедение / Под научн. ред. Л. А.Зеленова.— Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012.— 260 с.
10. Субетто А. И. Капиталократия. Мифы либерализма и судьба России. Второе издание.— СПб.: КГУ им. Н. А. Некрасова, ПАНИ, 2002. – 360 с.
11. Субетто А. И. Капиталократия (философско-экономические очерки). Избранные статьи и интервью.— СПб.: ПАНИ, КГУ им. Н. А. Некрасова, 2000.— 214 с.; Субетто А. И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм.— СПб.: КГУ им. Н. А. Некрасова, КГУ им. Кирилла и Мефодия, 2001. — 537 с.
12. Субетто А. И. Рыночный геноцид России и стратегия выхода из исторического тупика.— СПб.: Астерион, 2013.— 128 с.
13. «Философская мысль в афоризмах...» — СПб.: «Паритет», 1999, с. 93
14. Субетто А. И. В. И. Вернадский: от начала ноосферно-ориентированного синтеза наук — к вернадскианской революции в системе научного мировоззрения в начале XXI века и к становлению ноосферизма (Серия: «Истоки ноосферизма».— Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007.— 106 с.
15. Комаров В. Г. Правда: онтологическое основание социального разума.— СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.— 556 с.
16. Субетто А. И. Миссия коммунизма в XXI веке / Под научн. ред. Л. А. Зеленова.— СПб.: Астерион, 2012.— 40 с.
17. Холопов Ю. В. Как исцелить душу творчества. О научно-техническом прогрессе в России // «Советская Россия» — «Улики». — 2013. — 14 июня. — №6 (47), с. 3-5; с. 5.

Николай Алексеевич НЕКРАСОВ*

• В минуты душевных потрясений человек забывает притворство и является таким, каков в самом деле (повесть «Макар Осипович Случайный»).

• И рад бы в рай, да дверь-то где? («Кому на Руси жить хорошо»).

• Да не робей за отчизну любезную... / Вынес достаточно русский народ, / Вынес эту дорогу железную — / Вынесет все, что господь ни пошлет! / Вынесет все — и широкую, ясную / Грудью дорогу проложит себе. / Жаль только — жить в эту пору прекрасную / Уж не придется — ни мне, ни тебе («Железная дорога»).

• Минувшее горе забывается скорее, чем минувшее счастье. Человек, оттаявший от холода жизни, при благоприятных обстоятельствах не ценит настоящего благополучия, о котором прежде едва мог мечтать («Три страны света»).

• Когда широкий путь открыт перед нами, когда много у человека впереди, легко переносятся мелкие несчастья и неудачи — в надежде будущих благ. Так точно охотно сознается человек в мелких недостатках и ошибках своих, пока еще надеется в будущем проявить громадную силу. Но нелегко переносит и мелкие неудачи тот, кто уже понял, что вся жизнь его заключена в мелочах; но несносно мелко и раздражительно самолюбие тех, в ком бесплодные попытки поселили уже недоверие к собственным силам («Три страны света»).

• Наши собственные несчастья всегда кажутся нам исключительными, не подлежащими сравнению. Несчастья же, которые мы видим каждый день, вопиющие, будничные, хронические, кажутся нам мелкими и ничтожными, потому что случаются с людьми мелкими и ничтожными. Они проходят мимо наших глаз незамеченными. Мы сейчас станем рассуждать, что надо их разбирать относительно, что в тех людях нет таких потребностей, взглядов, понятий, которые бы заставляли их принимать несчастье с такими же страданиями, как нас. Нет! в них только больше преданности судьбе, больше страшного навыка («Три страны света»).

• Идите, идите! Вы сильны душой, / Вы смелым терпением богаты, / Пусть мирно свершится ваш путь роковой, / Пусть вас не смущают утраты! / Поверьте, душевной такой чистоты / Не стоит сей свет ненавистный! / Блажен, кто меняет его суеты / На подвиг любви бескорыстной («Кому на Руси жить хорошо»).

• В наши великие, трудные дни / Книжки не шутка: укажут они / Все недостойное, дикое, злое, / Но не дадут они сил на благое, / Но не научат любить глубоко... / Дело веков поправлять не легко! / В ком не воспитано чувство свободы, / Тот не займет его; нужны не годы — / Нужны столетия, и кровь, и борьба, / Чтoб человека создать из раба («Кому на Руси жить хорошо»).

• Доля народа, / Счастье его, / Свет и свобода / Прежде всего! («Кому на Руси жить хорошо»).

• Да правды из мошенника / И топором не вырубешь, / Что тени из стены! («Кому на Руси жить хорошо»).

• Пускай нам говорит изменчивая мода, / Что тема старая «страдания народа» / И что поэзия забыть ее должна, / Не верьте, юноши! не стареет она. («Элегия»).

• «И будем мы сильны друг другом. / Что мы потеряли? подумай, сестра! / Игрушки тщеславья... не много! / Теперь перед нами дорога добра, / Добра избранных, Бога! («Русские женщины»).

• В каком году — рассчитывай, / В какой земле — угадывай, / На столбовой дороженьке / Сошлись семь мужиков: / Семь временнообязанных, / Подтянутой губернии, / Уезда Терпигорева, / Пустопорожней волости, / Из смежных деревень: / Заплатова, / Дырявина, / Разутова, / Знобишина, / Горелова, / Неелова, / Неурожайка тож, / Сошлись — и заспорили: / Кому живется весело, / Вольготно на Руси? Роман сказал: помещику, / Демьян сказал: чиновнику, / Лука сказал: попу. / Купчине толстопузому! / Сказали братья Губины, Иван и Митродор. / Старик Пахом потужился / И молвил, в землю глядячи: / Вельможному боярину, Министру государеву. / А Пров сказал: царю... («Кому на Руси жить хорошо»).

• В минуты унынья, о, родина-мать! / Я мыслью вперед улетаю. / Еще суждено тебе много страдать, / Но ты не погибнешь, я знаю. / Был гуще невежества мрак над тобой, / Удушливей сон непробудный, / Была ты глубоко несчастной страной, / Подавленной, рабски бессудной. / Давно ли народ твой игрушкой служил / Позорным страстям господина? / Потомок татар, как коня, выводил / На рынок раба-славянина, / И русскую деву влекли на позор, / Свиристствовал бич без боязни, / И ужас народа при слове «набор» / Подобен был ужасу казни? / Довольно! Окончен с прошедшим расчет, / Окончен расчет с господином! / Сбирается с силами русский народ / И учится быть гражданином. / И ношу твою облегчила судьба, / Сопутница дней славянина! / Еще ты в семействе — раба, / Но мать уже вольного сына! («Кому на Руси жить хорошо»).

• В груди у них нет душеньки, / В глазах у них нет совести, / На теле — нет креста! («Кому на Руси жить хорошо»).

• Счастье не в пажитях, / Не в соболях, не в золоте, / Не в дорогах камнях. — / А в чем же? — <В благодушестве! («Кому на Руси жить хорошо»).

* «LIVELIB» <https://www.livelib.ru/author/22269/quotes-nikolaj-nekrasov/~6>

Николай Семенович ЛЕСКОВ

- Снисхождение к злу очень тесно граничит с равнодушием к добру.
- Не так страшен черт, как его малютки.
- Не тот богаче других, кто имеет более дарового золота, а тот, кто лучше других умеет довольствоваться и пользоваться тем, что имеет.
- Едва ли в чем-нибудь другом человеческое легкомыслие чаще проглядывает в такой ужасающей мере, как в устройстве супружеских союзов.
- Не надо забывать старого правила: кто хочет, чтобы с ним уважительно обходились другие, тот, прежде всего, должен уважать себя сам.
- Кто раз узнал, где правда и откуда свет, — тот не захочет топтаться в потемках.
- Новые слова иностранного происхождения вводятся в русскую печать беспрестанно и часто совсем без надобности, и — что всего обиднее — эти вредные упражнения практикуются в тех самых органах, где всего горячее стоят за русскую национальность и ее особенности*.
- Бесплезное это дело: дураков учить все равно что мертвых лечить («Соборяне»).
- Неужели с того, что вы меня богаче, то у вас и чувств больше? («Очарованный странник»).
- Англичане из стали блоху сделали, а наши тульские кузнецы ее подковали, да им назад отослали. («Левша»).
- Спорливость — черта, удаляющая человека от истины («Захудалый род»).
- Не стоит думать о том, что будут делать другие, когда вы будете делать им добро, а надо, ни перед чем не останавливаясь, быть ко всем добрым («Захудалый род»).
- Всякому то кажется странно, что самому не свойственно («Однодум»).
- Ко всякому отвратительному положению человек по возможности привыкает, и в каждом положении он сохраняет по возможности способность преследовать свои скудные радости («Леди Макбет Мценского уезда»).
- Пока ты зло помнишь — зло живо, а пусть оно умрет, тогда и душа твоя в покое жить станет («Христос в гостях у мужика»)**.
- Враг один у всего человечества. Это — его невежество и упадок нравов. Противодействуйте ему.
— Чем же-с?
— Чем хотите, только не насилием и не ксендзами («Некуда», 1864).
- Пустяки, — говорит, — ведь ты русский человек? Русский человек со всем справится («Очарованный странник», 1873).
- Кто отдаст друзей в обиду, у того у самого свет в глазах тает («Захудалый род», 1874).
- Один великий человек сравнивает нашу жизнь на земле с положением пассажиров, едущих на корабле, который совершает далекое плавание. Кормчий пускает их погулять по острову, к которому пристало судно, но дает всем наставление не отходить далеко и спешить назад на корабль по первому звуку призывной трубы. Кто ходит недалеко и помнит о своем кормчем, тот не прозекает его сигнала и поспешит в свое время, и поплывет далее, а кто заберется далеко и там расположится, как дома, тот или совсем сигнала не услышит, или если и услышит, то не успеет прибежать на корабль, а останется на этапном острове, где ему казалось, что тут его настоящее жительство, и тогда так и придется ему оставаться на острове с дикарями, которые готовы поесть друг друга («Дама и фефела», 1894).
- Человек в жилетке сверх теплого полушубка — есть суета, потому что жилет сверх полушубка не нужен, как не нужно и то, чтобы за нами ходили и нас прославляли. Суета затемняет ум («Неразменный рубль», 1894)***.

* Цитаты с сайта «CITATY.INFO» <https://citaty.info/man/nikolai-semenovich-leskov>

** Цитаты с сайта «ЭКМО» <https://eksmo.ru/interview/10-tsitat-iz-proizvedeniy-nikolaya-leskova-ID4669894/>

*** «ВИКИ-ЦИТАТНИК» Николай Семенович Лесков

https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9_%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D1%91%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%9B%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2

Иван Александрович ГОНЧАРОВ

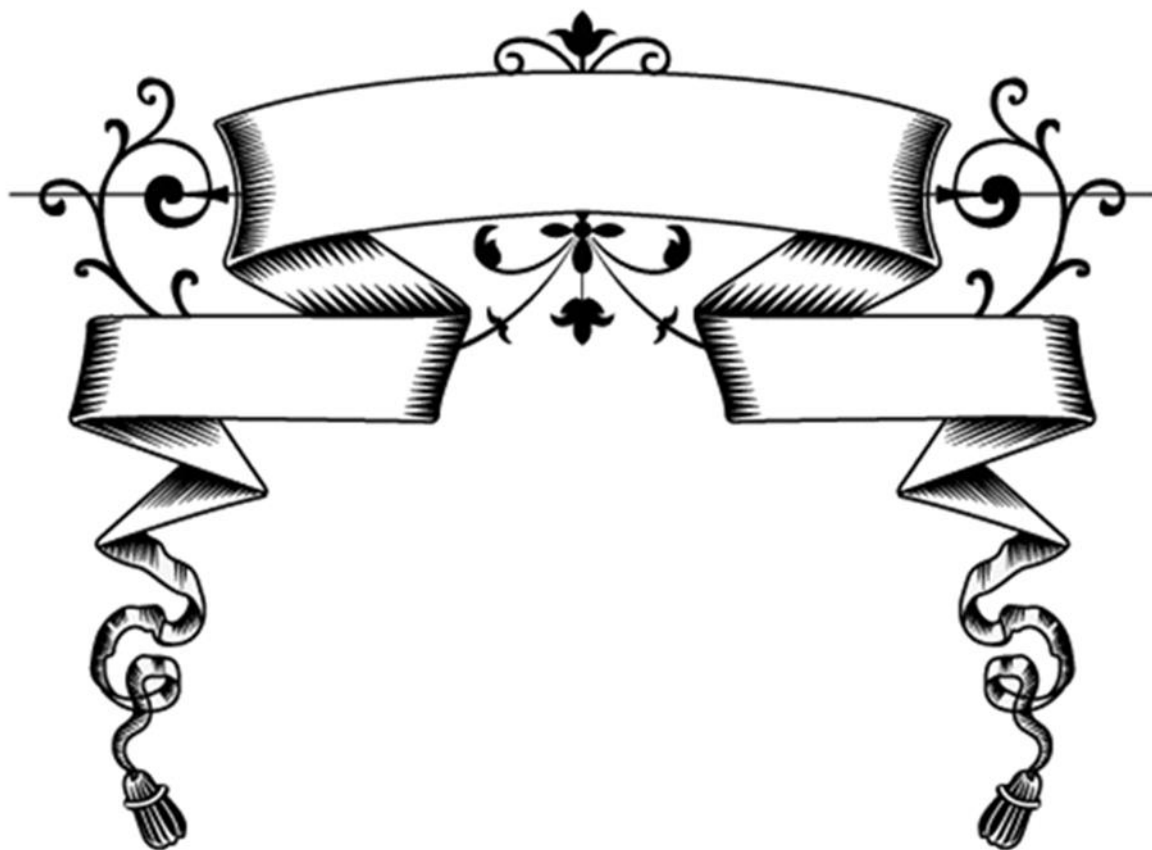
- Странен человек! Чем счастье ее было полнее, тем она становилась задумчивее и даже... боязливее («Обломов»).
- Остерегаться не мешает: если окажется негодяй — не обманешься, а порядочный человек — приятно ошибешься («Обыкновенная история»).
- Короткое, ежедневное сближение с человеком не обходится ни тому, ни другому даром: много надо и с той и с другой стороны жизненного опыта, логики и сердечной теплоты, чтоб, наслаждаясь только достоинствами, не колотить и не колотиться взаимными недостатками («Обломов»).
- Человек, конечно, властелин земли, но он также и раб своего желудка («Обыкновенная история»).
- В любви равно участвуют и душа, и тело; в противном случае любовь неполна: мы не духи и не звери («Обыкновенная история»).
- О, как грустно разглядеть жизнь, понять, какова она, и не понять, зачем она! («Обыкновенная история»).
- Гордость, человеческое достоинство, права на уважение, целостность самолюбия — все разбито вдребезги! Оборвите эти цветы с венка, которым украшен человек, и он сделается почти вещью («Обрыв»).
- Вообще большая ошибка — стараться собирать впечатления; соберешь чего не надо, а что надо, то ускользнет («Фрегат “Паллада”»).
- То, что иногда кажется врожденной скромностью, отсутствием страсти — есть только воспитание («Фрегат “Паллада”»).
- Ум везде одинаков: у умных людей есть одни общие признаки, как и у всех дураков, несмотря на различие наций, одежд, языка, религий, даже взгляда на жизнь («Фрегат “Паллада”»).
- Мудрено! С Адама и Евы одна и та же история у всех, с маленькими вариантами. Узнай характер действующих лиц — узнаешь и варианты («Обыкновенная история»).
- Человек создан сам устраивать себя и даже менять свою природу, а он отрастил брюхо да и думает, что природа послала ему эту ношу! («Обломов»)*.
- Есть такие люди, в которых, как ни бейся, не возбудишь никак духа вражды, мщения и т. п. Что ни делай с ними, они все ласкаются. Впрочем, надо отдать им справедливость, что и любовь их, если разделить ее на градусы, до степени жара никогда не доходит. Хотя про таких людей говорят, что они любят всех и потому добры, а в сущности они никого не любят и добры потому только, что не злы («Обломов»).
- Некоторым ведь больше нечего и делать, как только говорить. Есть такое призвание («Обломов»).
- У сердца, когда оно любит, есть свой ум... оно знает, чего хочет, и знает наперед, что будет («Обломов»).
- Да разве после одного счастья бывает другое, потом третье, такое же? («Обломов»).
- Это дурная черта у мужчин — стыдиться своего сердца. Это тоже самолюбие, только фальшивое. Лучше бы они постыдились иногда своего ума: он чаще ошибается («Обломов»).
- Дружба — вещь хорошая, когда она — любовь между молодыми мужчиной и женщиной или воспоминание о любви между стариками. Но боже сохрани, если она с одной стороны дружба, а с другой — любовь («Обломов»).
- Любовь менее взыскательна, нежели дружба, она даже часто слепа, любят не за заслуги. Но для любви нужно что-то такое, иногда пустяки, что ни определить, ни назвать нельзя («Обломов»).
- Это уловка лукавых людей предлагать жертвы, которых не нужно или нельзя приносить, чтоб не приносить нужных («Обломов»).
- Хитрость близорука: хорошо видит только под носом, а не вдаль, и оттого часто сама попадает в ту же ловушку, которую расставила другим («Обломов»)**.

* Цитаты с сайта «ЭКМО» <https://eksmo.ru/interview/20-tsitat-iz-knig-ivana-goncharova-ID6930949/>

** ЦИТАТЫ И АФОРИЗМЫ <https://quote-citation.com/topic/ivan-goncharov>

ПРОЗА

ЛЮДМИЛА ПОПОВА
ПЕТР ЛЮБЕСТОВСКИЙ
ЯКОВ ШАФРАН
ЛЯМАН БАГИРОВА
ГАЛИНА СОЛОНОВА
ИГОРЬ ЕГОРОВ
РАГИМ МУСАЕВ
МАГДАЛИНА ГРОСС
ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВ
ВАЛЕНТИНА МАЦНЕВА
АНДРЕЙ ВОЛКОВ
ЭДУАРД ГЕОРГИЕВСКИЙ
КИРА КРЕСТЬЯНКИНА
СЕРГЕЙ ОВЧИННИКОВ

ГАЛИНА ЗЕЛЕНКИНА
АЛЕКСЕЙ ЯШИН
ОЛЕСЯ МАМАТКУЛОВА
ВАЛЕНТИНА БЫКОВА
ОЛЬГА КАРАГОДИНА
ПАВЕЛ ПОДЗОРОВ
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА
ИГОРЬ КАРЛОВ
ЕВГЕНИЙ СКОБЛОВ
ОЛЬГА БОРИСОВА
ЕВГЕНИЙ АСТАШКИН
ДИНА ЮДИНА
ГАЛИНА МАМЫКО
ВЛАДИМИР ВЕЩУНОВ

ТАМАРА ХАРИТОНОВА

Людмила ПОПОВА

г. Москва

Попова Людмила Александровна — член АРЛ, СРП, редколлегии международного журнала «Новые витражи». Сотрудник Минвнешторга и МИД России. Диплом с отличием ВГУ, факультет РГФ; курсы Академии Минвнешторга, курсы Литературного института им. М. Горького. Автор шести книг. Печаталась в «Роман газете» (2016 г.). Дипломант международного конкурса «Созвездие духовности» (2017 и 2019 гг.) Постоянный автор альманаха «Ковчег».

БАБА НАДЯ (новелла)

Николай остановил машину, заметив старушку, бредущую по обочине дороги с тяжелой сумкой: шкардых, шкардых...

— Бабуля, далеко собралась?

— А? Чево? Не слышу...

— Спрашиваю, далеко путь держишь? Куда подвезти?

— Деревня Гуськово, слышал? Там мой дом...

— Знаю такую деревню. Садись, я тебе сумку подам. Сумка-то не тяжелая, а, глядя на тебя, подумаешь: сто пудов!

Парень снова сел за руль, и грузовичок загромычал по ухабистой деревенской дороге. Он часто ездил здесь в деревеньку, где осталось хозяйство умершей бабки: нехитрые деревенские постройки, сад и огород. В мелких деревушках теперь никто не живет: молодежь разъехалась, старики померли...

— А тебя кто ожидает в деревне? Живет там кто-нибудь еще?

— Не знаю. Целый год не была...

— А где ж ты была?

— В Москве у родни. Когда из деревни все разъехалось, мы с Егоровной остались одни. Друг дружке подсобляли и сажать, и полоть, и убирать. А когда за Егоровной приехала дочка из города и забрала к себе, я осталась одна-одинешенька. Совсем стало немого, даже поговорить не с кем, душу отвести... Радиоточка у меня была — отключили, грозились электричество отключить, дров на зиму не осталось... Стала я думать, куда бы и мне перебраться? Детей у меня своих никогда не было. Вспомнила про племянницу Катюшу, сестрину дочку. Сестры давно в живых нет. А дочку ее мы вместе выхаживали. Сестра мне ее поручала, когда требовалось отлучиться по делам или когда болела. Я ее любила как родную. Катюша уехала в Москву, когда школу окончила. Там и семьей обзавелась, детей родила. Ученой стала: институт окончила... Подумала: а не попроситься ли к ней? Я и стряпать хорошо умею, и по хозяйству смогу помочь... В общем написала Кате письмо, она приехать разрешила. Обрадовалась я и отправилась в Москву...

Семья у Катюши небольшая, но хорошая: муж и два сына. Приняли меня ласково. А когда я обед сварила, не могли нахвалиться. Сказали: поживи у нас, бабушка, с тобой так уютно! Я и осталась. Они на весь день уйдут, кто на работу, кто на учебу, а я по дому хлопочу. Уж так старалась угодить! Вернутся домой, а все прибрано и ужин готов...

Мои внучатые племянники охочие были до жареной картошки. Бывало, поздно вечером кто-нибудь из них говорит: чего-то хочется такого... картошечки бы жареной! И пока они своими делами занимаются, я ухожу на кухню и возвращаюсь с блюдом этой самой картошки. Я ее режу длинными палочками, потом обжарю со всех сторон до румяности и под конец солью посыпаю. Выношу, а они и удивлены, и рады-радехоньки: бабушка Надя, когда ты успела поджарить?! Как вкусно пахнет! Ой, объеденье! И всю уплетут без остатка. А мне радостно смотреть, с каким аппетитом они едят. Захотят еще, я и еще состряпаю. Пусть кушают, коли нравится. К ночи, правда, уже ко сну клонит, но я днем поспать могу, пока их дома нет. В общем, жили душа в душу. Они мне и подарочки делали: то тапочки домашние, то кофту теплую...

— Ну, если говоришь, жили душа в душу, чего же ты уехала? Или решила взять чего-то из дома и опять в Москву вернуться?

— Нет, милоч, туда я уже не вернусь,— грустно ответила бабушка.— Я думала, все время силы будут, а старость свое берет. Стала я слабеть. Утром еле встаю и боль повсюду чувствую. Они меня и к врачам возили. Да, заботились обо мне, ничего не могу сказать плохого. Хорошие люди! Только нету никаких средств и лекарств от старости. Я хоть и старалась, как прежде, все по дому делать, а не получается. Да еще в руках удерживать ничего не могу: то тарелку разобью, то чашку... До слез обидно, что становлюсь неловкой. И хворать стала часто: горло схватит, глотать больно, жар колотит, согреться не могу. Лежу по нескольку дней, не вставая, а раскладушка моя в кухне стояла, и чувствую, что мешаюсь, грязь лишнюю и хлопоты создаю. Они домой вернутся, а я валяюсь и проку от меня никакого, только место занимаю. Нет, они меня ни в чем не попрекали, но я сама понимаю. Слышу, как внуки Андрей с Игорьком в прихожей переговариваются: «Баба

Надя опять лежит?» — «Лежит, что ей еще делать?!» Не хотелось мне быть им в тягость, и засобиравшись я назад в деревню. Говорю им вечером, когда все собрались: «Чую, что мой конец близок, и хочу в деревню вернуться, чтобы там помереть. Потому уезжаю от вас». По правде говоря, уезжать от них совсем не хотелось: дом теплый и светлый, воды холодной и горячей вдоволь, из колодца носить и греть не надо. И душ, и ванная есть, и печка электрическая дров не требует... Только одно обстоятельство против: больная и немощная зачем я им нужна?

Сказала, что уезжать собралась, и слушаю, какой будет ответ, очень надеялась, что не отпустят. До последнего дня надеялась, может, кто из них, например, внучата скажут: «Пусть бабушка у нас останется!» Никто такого не сказал... Катя собрала мои вещички и лекарства в новую сумку, специально подарила, денег дала три тысячи. Внуки отвезли на вокзал, посадили в вагон... Кто я им?! Не родная ведь бабушка!

И только когда поезд стал набирать скорость и удаляться от Москвы, меня страх охватил, подумалось, как же я там жить буду одна?! Старалась себя успокоить: чего горевать раньше времени, посмотрю, что и как. Может, Егоровна домой воротилась, может еще кто. Посмотрю...

Старушка вздохнула и пригорюнилась.

— Так говоришь, бабуля, хорошая родня у тебя в Москве, племянница Катя и ее семья?

— Хорошие они, — с уверенностью подтвердила старушка. — Очень хорошие!

— Что ж они тебя до деревни не проводили, чтоб посмотреть, где ты жить будешь?

— Ты что, милоч! У них же работа и учеба! Да я бы сама не позволила им время на меня тратить!

— Да-а... — задумчиво протянул Николай и больше ни о чем не спросил.

Он высадил старушку, где попросила, передал ей сумку и сел за руль. Грузовичок снова загрохотал по ухабистой дороге.

Баба Надя достала из тайника ключ (цел, никто не взял!), открыла замок... Дом заполнили сумерки, нащупала на стене выключатель, щелкнула — свет не загорелся. Может, лампочка перегорела? Зашла в горницу, нажала выключатель — тот же результат. А чего ожидала? Еще перед ее отъездом в деревне отключили электричество. Нашла керосиновую лампу, спички. Керосину осталось мало, но на вечер хватит. Разожгла плиту, благо дровишки заранее приготовила. Хотела вскипятить воды, чтобы отварить сосисок и сделать чаю. Сосиски и чай привезла из Москвы. Катя и рафинад положила, и карамелек... Но вода, оставшаяся в ведре, позеленела. Что делать? Взяла пустое ведро и отправилась к деревенскому колодцу. По дороге думала: много не буду набирать, не донесу... Но колодец кто-то засыпал разбитыми ящиками и всяким хламом... Вернулась домой ни с чем. Слава Богу, не выплеснула на улицу зеленую воду. Пропедила сквозь марлю, может, кипяченая сойдет для питья?... А как дальше без воды?... Съела сосиску, бульон после нее не стала выливать, еще пригодится, выпила чаю. И решила пройтись по деревне, поискать живую душу. Вдруг еще кто найдется на счастье! Обошла одну улицу, другую — нигде никого, ни в одном окне огонь не горит. Даже собак не видать. Оно, может, и к лучшему, ведь одичавшие и голодные загрызут старую бабку...

Вернулась домой, улеглась на кровать... Долго ворочалась с боку на бок, сон не шел. Постель казалась холодной и жесткой, а тут еще всякие невеселые мысли лезли в голову. И самое главное: умирать совсем не хотелось, хотелось жить, хоть неделю, хоть месяц, сколько Бог даст, но нормально жить в тепле, со светом, со свежей водой... В кладовке шуршали и пищали мыши. Наверное, всю крупу, негодные, сожрали за ее отсутствие. Кота бы завести! Завтра, надобно еще пройтись по деревне, может, где кот позабытый остался...

На следующий день прошлась по деревне в поисках людей, воды и одинокого кота. Все колодцы, как по заказу, были завалены хламом. Кому понадобилось уничтожить колодцы?! Все дома стояли заброшенные, у некоторых окна забили досками. Ни одной живой души! Видать кошек забрали с собой, а те, что остались, убежали поближе к людям. И бездомные собаки тоже. Получается, она здесь одна и обречена на гибель: воды нет, спичек осталось совсем мало, если кончатся, где взять? И керосин кончается... Дровец мало, а на дворе осень, холода придут, чем печку топить? И ото всех этих мыслей ее обдало страхом, как ледяной водой! Отгоняя прочь отчаяние, она решила пойти в райцентр, который в восьми километрах от деревни. Деньги есть, на спички и керосин хватит. Может, удастся нанять кого-нибудь, чтоб дров привез и воды... Может, поспасливит соседку Егоровну отыскать...

Она долго шла по дороге, ведущей в райцентр, то и дело останавливаясь, чтобы передохнуть, присаживалась на сухую траву. Потом шла дальше... Стало темнеть. Деревня осталась далеко позади, уже и не видать. Поняла старая, что не дойти ей до райцентра и назад ворочаться сил нет. Что делать, если ночь настанет? Поглядела налево, направо: ни дома, ни крова, где можно на ночь укрыться, только бесхозные поля, заросшие бурьяном...

Неужто суждено ей ночевать посреди дороги, и дикие оголодавшие псы порвут ее на куски?!

Обезумев от страха, упала она на четвереньки посреди дороги и заголосила отчаянно:

— А-а-а! За что же ты меня, Господь, так наказываешь? Кому я чего плохого сделала? А-а-а, неужто придется мне околевать здесь на дороге и стать добычей диких зверей?! А-а-а... За что мне такая судьбушка?!.. А-а-а!..

Вдруг стукнуло ей в голову, что громкие крики привлекут собак или еще какое зло. Она смолкла, опасливо оглянулась по сторонам и вдруг увидела свет фар вдалеке, будто машина приближалась по дороге. Не вставая на ноги, на коленках отползла на обочину, чтобы не попасть под колеса...

Машина остановилась рядом, Николай высунулся в окно.

— Баба Надя! Что ты тут делаешь?

Старуха начала сбивчиво объяснять, размазывая слезы по лицу:

— Я хотела в райцентр дойти... потому как воды у меня нет... в деревне все колодцы засыпаны... спички тоже кончаются... и дровишек маловато осталось... на зиму вообще не хватит... вот я и направи-
лась... а идти далеко, а силушки нету...

— Ясно,— сказал Николай, вылезая из кабины. Подсадил старуху в машину и отвез домой. Там оста-
вил ей двухлитровую бутылку воды:

— Хватит до завтра?

— Хватит,— обрадовалась старуха.

— Завтра утром приеду к тебе, воды привезу большую бутылку. И дров наготовлю.

— Спасибо, соколик, я за все заплачу, деньги у меня есть: три тысячи!

— Да уж, большое богатство! — засмеялся парень.

Тревожные мысли не покидали старуху всю ночь, заставили мучительно ворочаться с боку на бок. Она встала рано, оделась и села у окна в ожидании. Время шло, а Николай не появлялся. Она поела каши, попила чайку с карамелькой, послонялась по дому, наводя кое-какой порядок. Снова присела на табуретку у окна так, чтобы было видно дорогу. Видать, забыл про нее Николай! Потеряв терпение и уже ни на что не надеясь, решила проверить кладовку. Прожорливые мыши источили все запасы крупы, муки и сухофруктов, проделав дыры во всех пакетах и мешках. Стала перебирать, пересыпать и подметать, ругая вороватых мышей... И тут на улице послышался шум мотора.

Николай вошел в дом с пустыми руками.

«Воды не привез», — екнуло сердце старухи.

— Я ничего не привез,— начал парень,— потому что решил тебя забрать отсюда. Будешь с нами жить. У меня мать престарелая, составишь ей компанию. Вчера вечером я со своими посоветовался, и мы все вме-
сте решили, что нельзя тебя одну оставлять на верную погибель.

— А не буду я вам в тягость? Деньги, три тысячи, я тебе отдам, а потом что? Лишний рот в семье...

— Свои три тысячи, бабуля, ты побереги на всякий случай. Не объешь ты нас, не беспокойся! Съез-
дим в собес, может, какое пособие тебе назначат, на карманные расходы. А так у нас все для тебя найдется. Собирай вещички, какие с собой возьмешь. Да не колготись! Ежели чего забудешь, еще вернемся.

— У меня тут сад, малина и сморода... и огород...

— Весной, приедешь, если здоровье позволит, мы тебе с огородом подсобим...

Баба Надя собрала сумку, которую привезла из Москвы. Еще в одну сложила крупу и сушеные яблоки, что остались в кладовке. Огляделась вокруг: ничего не забыла? Напоследок обратилась к Николаю:

— Ты, милоч, вот что: письмецо для Катюши напиши! А то вдруг вздумает за мной приехать и не найдет, переживать будет. Оставь свой адрес!

Николай хотел было возразить, что ежели Катюша с легкой душой отпустила ее под зиму в заброшен-
ную людьми и Богом деревню, то вряд ли сюда приедет, но промолчал, послушно написал письмецо на
клочке бумаги, поданном старухой, сложил бумагу пополам и прикрепил скотчем на наружной стороне две-
ри.

— Вот так-то оно и лучше,— одобрила старуха.

Машина ехала по дороге. Баба Надя сидела рядом с Николаем и рассказывала ему про свою москов-
скую жизнь: ванную с горячей водой, телевизор на полстены, стиральную машину, телефон без провода...
Потом умолкла и задремала, утомленная перипетиями, тревогами и страхами. Николай внушал ей спокой-
ствие и уверенность в завтрашнем дне. Черные мысли улетучились без следа, уступив место благодатным.

«Понравится ли ей у меня? — думал Николай, поглядывая на заснувшую старушку.— Нету у меня в
доме городских удобств, ты уж извини, баба Надя! Но в обиду тебя не дам и на улицу не выкину, совесть не
позволит! Собаку или кошку бездомную люди берут домой из жалости, а тут человек престарелый».

Урчал мотор, кузов с грохотом подпрыгивал на ухабах, а баба Надя спала, и счастливая, доверчивая
улыбка освещала и молодила ее лицо...

Галина ЗЕЛЕНКИНА

г. Козинск Красноярского края

Родилась в 1947 г. в г. Бресте Белоруссии. С 1960 г. живет в Сибири. По специальности инженер-электрик. Пишет с 1997 г. Автор романов, сборников стихов и детских книг. Стихи и проза печатаются в России и за рубежом. Член СПР (МГО) и ПАНИ. Постоянный автор нашего альманаха.

ЗНАК СВЫШЕ

Утро уже давно сменил полдень, когда любительница ночных клубов Элеонора открыла глаза и стала потягиваться в кровати.

— Что это? — удивилась она, увидев у себя на правом плече темное пятно неопределенной формы.

Сначала девушка подумала, что где-то испачкалась, поэтому отправилась в душ отмывать появившуюся грязь. Когда никакие моющие средства на пятно не действовали, Элеонора решила потереть его пемзой. Но и пемза не помогла. После ее воздействия пятно увеличилось в размерах и приобрело выпуклость.

«Только хуже себе сделала», — подумала девушка и вздохнула. И было отчего беспокоиться. Ведь если от пятна не избавиться, то придется менять гардероб и носить платья и блузки с рукавом, как говорится, «три четверти».

Когда вечером Элеонора появилась в ночном клубе в блузке с длинным рукавом, ее закадычная подруга Ася очень удивилась.

— Он что, тебе засосы оставил на руках? — спросила она Элеонору, имея в виду бойфренда подруги.

— С чего ты взяла? — удивилась та. — Марк не ночевал у меня.

— Тогда кто? — не унималась подруга.

— Я не знаю, откуда взялось у меня на плече темное пятно. Вчера я была никакая, и Марк довез меня только до подъезда, — чистосердечно призналась подруге Элеонора.

— Странно все это, — заметила Ася и предложила подруге проводить ее в дамский туалет. Очень не терпелось ей увидеть таинственное пятно.

Зайдя с Элеонорой в туалет, Ася прижала подругу к стене своей пышной грудью.

— Показывай! — приказала она подруге, и той волей-неволей пришлось подчиниться.

Чего уж тут скрывать, когда ей и самой было интересно узнать, что скажет подруга, увидев у нее на плече таинственное тату.

Ася, осмотрев пятно, встревожилась.

— Ты у онколога была? — поинтересовалась она.

— Нет еще, — ответила Элеонора. — Я его только сегодня утром заметила.

— Вот и надо было сразу бежать к врачу, — сказала Ася. — Есть такой вид рака, называется скоротечный.

— Завтра и пойду, — ответила та. — Надеюсь, что за сутки от меня не убудет. Не пропускать же запланированную встречу с тобой и Марком из-за этого злосчастного пятна.

Подруга покачала головой и ничего не сказала. В конце концов, каждый сам находит компромисс со своей судьбой.

Выйдя из туалетной комнаты, девушки присоединились к танцующим молодым людям и на время забыли обо всем, следуя ритму танца. Вскоре к ним подошли Борис и Марк.

— Я заказал для нас столик и шампанское с фруктами для дам, — сообщил Борис и поцеловал Асю в щеку.

Когда все расселись за столиком и шампанское было разлито по фужерам, Элеонора вдруг решила произнести тост.

— Я хочу выпить за своих врагов. Всякое их действие вызывало у меня противодействие. Это закаляло меня и делало сильнее, — с пафосом произнесла она и вздрогнула, услышав за спиной неприятный для слуха смех.

Обернувшись, девушка увидела молодого мужчину в одежде черного цвета. Он смотрел на нее красными глазами и хихикал.

— Не вижу ничего смешного, — заметила она и повернулась к друзьям.

— У тебя разве есть враги? — удивился Марк.

— Враги есть у всех. Только у одних они явные, а у других скрытые, — заметила Ася и с довольным видом оглядела друзей: надо же и ей когда-то сказать что-нибудь умненькое.

Но вид подруги заставил ее прикусить язычок.

— Да нет у меня никаких врагов, — раздраженным тоном ответила Элеонора на замечание подруги.

Настроение у нее резко испортилось, и она уже пожалела, что предложила этот тост, позаимствованный из книги мудрых мыслей.

— А я? — послышался у нее за спиной скрипучий голос.

Элеонора резко обернулась и увидела мужчину уже средних лет в той же одежде черного цвета.

— Кто вы? — спросила Элеонора, обращаясь к незнакомцу.

— Твой тайный грех, — ответил тот. — Когда искупишь его, тогда и очистишься.

С этими словами он исчез, словно растворился в воздухе. Девушка повернулась к друзьям. Ася смотрела на нее осуждающе, а Борис со скучающим видом рассматривал потолок.

— Мы пить будем или как? — поинтересовался Марк, протягивая Элеоноре фужер с шампанским. — Тост, произнесенный без фужера в руке, не в счет.

— Будем! — ответила она с вызовом и залпом осушила содержимое фужера.

Домой Элеонора пришла далеко за полночь, не раздеваясь, упала в кровать и проспала до утра. Проснувшись, девушка первым делом направилась в ванную и, к своему огорчению, увидела, что пятно увеличилось в размерах.

«На шагреневую кожу не похоже, та уменьшалась в размерах, а тут — наоборот», — подумала она и, быстро одевшись, поехала в клинику на прием к врачу-онкологу. Тот осмотрел необычного вида пятно на плече Элеоноры.

— На опухоль не похоже. Обычное пигментное пятно. Но на всякий случай сдайте анализы, — сказал он и протянул пациентке направление в лабораторию для сдачи анализов. — Советую вам проконсультироваться по поводу пятна у дерматолога. Пигментные пятна по его части. Когда придете ко мне с результатами анализов, тогда и поговорим, — напутствовал девушку врач-онколог, провожая до двери своего кабинета.

Через неделю Элеонора сидела в кабинете онколога и со страхом ожидала приговор врача.

— Анализы у вас хорошие. Раковых клеток не выявлено, — сообщил тот, ознакомившись с результатами анализов. — Поэтому настоятельно советую вам посетить дерматолога.

«Уже узнал, что я не была у дерматолога», — подумала Элеонора и, выйдя из кабинета врача-онколога, направилась на прием к врачу-дерматологу.

Дерматолог, осмотрев пятно на плече пациентки и несколько раз ощупав его, как говорится, открепился от Элеоноры руками и ногами.

— Мистика какая-то, — произнес он и посоветовал пациентке обратиться к экстрасенсу.

Девушка, расстроенная неизвестностью, позвонила подруге.

— Что сказали врачи? — поинтересовалась Ася.

— Приезжай, надо поговорить в спокойной обстановке, — предложила Элеонора подруге.

И та помчалась незамедлительно. Шутка ли сказать — такие заморочки с пятном.

Пока Элеонора ждала подругу, к ней зашла соседка по лестничной клетке Мария Сергеевна с просьбой одолжить ей пару коробков спичек.

— На дачу еду на недельку, отдохнуть от городской суеты, — объяснила свою просьбу старушка.

— Придумали тоже — одолжить. Берите сколько надо, — сказала Элеонора и протянула Марии Сергеевне коробку из-под сапог, в которой рядами были уложены коробки спичек.

— Запасливая ты, Элечка, — похвалила соседка девушку.

— Да это все Марк, — отмахнулась та.

— Что это у тебя на плече, девонька? — спросила старушка, подойдя вплотную к Элеоноре.

Чтобы лучше разглядеть пятно, Мария Сергеевна нацепила на нос очки, которые на цепочке висели у нее на шее. Она потрогала пятно пальцем и вздохнула.

— Это знак! — поставила она диагноз.

— Какой еще знак? — удивилась девушка, с недоверием глядя на соседку.

— Это знак свыше, — ответила та и, перекрестившись три раза, удалилась восвояси.

Когда приехала Ася, Элеонора встретила ее без особой радости.

— Да что с тобой? — встревожилась та. — Из-за моей командировки неделю не виделись, а ты изменилась до неузнаваемости.

— Как тут не изменишься, если медицина говорит, что мое пятно — мистика? Соседка утверждает, что это знак свыше, а незнакомый мужик из клуба сказал, что он — мой тайный грех, да еще и к тому же мой враг, — разом выпалила Элеонора и неожиданно для самой себя заплакала.

— Этого еще только не хватало, — проговорила Ася и тоже всхлипнула.

Постояв несколько минут обнявшись, подруги вытерли слезы и, пройдя в гостиную, уселись за круглый столик пить кофе.

— А тебе не кажется, что незнакомец из ночного клуба чем-то похож на нашего Меченого? — спросила Ася.

Начало разговора для Элеоноры не предвещало ничего хорошего. Асе всю неделю не давала покоя мысль о том, что она уже где-то видела этого мужчину. И пока она не выяснит, что и как, душа ее не успокоится. Такой уж у Аси характер.

— Не выдумывай, — ответила резким тоном Элеонора. — Откуда ему тут взяться? Говорили, что несколько лет тому назад Витька покончил жизнь самоубийством.

— Мало ли о чем говорили, — возразила Ася. — Нельзя же всему верить безоговорочно. Если обезья-

ны научились разговаривать, это не означает, что их надо слушать. Ты лучше Расскажи мне, о чем вы так мило беседовали у стойки бара.

— Не помню, чтобы мы с ним пили на брудершафт,— удивилась Элеонора.

— Ну ты даешь! — воскликнула Ася.— Он тебя все время гладил рукой по обнаженному плечу, а ты...

— Почему замолчала? — спросила Элеонора, глядя с недоумением на внезапно онемевшую подругу.

А та хлопнула себя по лбу ладонью, словно хотела встряхнуть взъерошенные мысли.

— И как же я раньше не догадалась? — произнесла она и взглянула на пятно, расплывшееся по плечу подруги, с другой точки зрения.— Твое пятно по форме точь-в-точь как след от ожога на лице Меченого,— заявила Ася.

Затем она встала из-за стола и направилась к шкафу, где у Элеоноры лежали альбомы с фотографиями.

— Вот он, Витя Авилов, во втором ряду со мной рядом стоит,— проговорила Ася, протягивая подруге фотографию из школьного альбома.— Это наш седьмой «А».

Элеонора взглянула на фотографию и вздрогнула. Рядом с подругой во втором ряду стоял незнакомец из ночного клуба. Девушка несколько раз моргнула и снова взглянула на фотографию. Симпатичный паренек с улыбкой смотрел ей в глаза. Его взгляд оцарапал ей душу, отчего та заныла.

— Но здесь у него нет следа от ожога,— заметила Элеонора, возвращая фотографию Асе.

— Правильно,— ответила та.— Ты же плеснула ему в лицо уксусной кислотой летом, когда мы всем отрядом ходили в поход по местам боевой славы.

— Я же не специально,— попыталась оправдаться Элеонора.— Думала, что Витька лезет ко мне целоваться. Я тогда девчонкам в баню несла банку с кислотой, чтобы после мытья волосы ополаскивать подкисленной водой. А тут вдруг Витька подскочил и, схватив меня за плечи, толкнул. Ну, я разозлилась и плеснула в него из баночки. Не думала, что попаду. Просто попугать хотела.

— Дура ты безмозглая! — сказала Ася.— Он тебя от укуса змеи спас.

— Я же не знала,— произнесла Элеонора дрожащим голосом.

— Какая разница, знала ты о том или нет? Изувечила парня за благородный поступок. Скажи ему спасибо за то, что в суд на тебя его семья подавать не стала. Витя следователю объяснил, что сам споткнулся. А то бы посидела в колонии для несовершеннолетних. Но раз ты земного суда избежала, то тебе ниспослано наказание свыше в виде пятна,— произнесла Ася злорадным тоном.

Элеонора с удивлением глядела на подругу, думая про себя: неужели добрая и нежная Ася, с которой она не разлей вода уже десять лет, может быть такой злой?

— Я не злая, я справедливая,— ответила та на ее мысли.

— И что же мне теперь, такой-сякой, делать? — в голосе Элеоноры можно было уловить растерянность, да и весь ее вид подтверждал это.

— Я думаю, что нам надо попытаться найти Виктора,— сказала Ася и вопросительно посмотрела на подругу.

— Зачем? — удивилась та.

— А ты вспомни, что тебе сказал незнакомец,— посоветовала ей Ася.— Когда вспомнишь, тогда и поймешь.

— Он сказал, что когда я искуплю свой грех, тогда и очишусь,— медленно, словно нехотя, произнесла Элеонора.

— Вот и подсказка,— заметила Ася и предложила обзвонить одноклассников: может быть, кому-нибудь из них известно что-нибудь о Викторе Авилове?

— Пятно уменьшилось,— испуганным голосом сообщила подруге Элеонора.

— Это верный знак, что мы нашли правильный путь,— ответила та и набрала номер телефона Бориса.

Но тот ничего не знал о судьбе Виктора Авилова.

Обзвонив бывших одноклассников, живущих ныне кто в Москве, кто в Санкт-Петербурге, подруги никакой информации о Викторе не узнали. После окончания института в родной город Челябинск вернулся только Саша Цехметьев, да и то только потому, что мать его была больна, и за ней требовался постоянный уход.

— Странно, что ни на сайте «Одноклассники», ни на сайте «Мой Мир» Сашки нет,— удивилась Ася, которая решила поискать Александра Цехметьева в Интернете.— Может быть, он засекреченный?

— Я не знаю,— ответила Элеонора.— Марк говорил, что он в Баумановском учился.

— Тогда мы его не найдем,— разочарованно произнесла Ася и стала собираться домой.

— Придется тебе в Челябинск ехать,— сказала она, стоя на пороге, и быстро захлопнула за собой дверь, чтобы не слышать, что скажет в ответ подруга.

— Вот еще! — крикнула ей вслед та.

«Больше ничего придумать не могла? А еще подругой называется»,— подумала Элеонора и отправилась в ванную.

Принимая душ, она обратила внимание на то, что пятно снова увеличилось в размерах. Ей пришла в голову мысль, что это произошло из-за ее нежелания ехать в город Челябинск, в котором после окончания школы она не была ни разу. Родных и друзей у нее там не осталось, поэтому не было особой необходимости

навещать город детства. Когда Элеонора поступила в МГУ, ее родители продали квартиру в Челябинске и переехали на постоянное место жительства в Барнаул, откуда были родом.

«С завтрашнего дня придется взять отпуск на неделю за свой счет»,— решила девушка и вдруг почувствовала, как удивительное спокойствие снизошло на нее. Она легла в постель и моментально заснула.

Утро следующего дня Элеонора провела в аэропорту Домодедово, из которого вылетела полуденным рейсом в Челябинск. По прибытии самолета в конечный пункт назначения девушка первым делом отправилась на такси к центральной гостинице.

Сидя в гостиничном номере, Элеонора составила для себя план поиска Виктора Авилова. Первый пункт плана гласил: узнать адрес в архиве школы. Чтобы слова не расходились с делом, Элеонора подъехала к дверям школы к первому звонку. Подойдя к двери кабинета директора школы, она с удивлением увидела знакомую табличку.

«Это хорошо, что Татьяна Савельевна до сих пор работает директором. Она-то мне и поможет»,— подумала девушка, открывая дверь кабинета по команде «войдите».

— Здравствуй, Элечка! — воскликнула Татьяна Савельевна, после того как посетительница представилась ей. — Какой ты стала красивой! Трудно узнать!

Элеонора терпеливо отвечала на обычные вопросы «что?», «где?», «когда?» и «как?». Вскоре любопытство директрисы школы было удовлетворено, и настала очередь Элеоноры задавать вопросы.

— А вы помните Витю Авилова? — спросила она. — Он учился с нами до девятого класса, а потом переехал в другую школу.

— Конечно же, помню, — ответила Татьяна Савельевна. — Такой был способный мальчик. Когда дети стали дразнить Витю Меченым, родители перевели его в другую школу.

— А можно мне узнать его адрес? — спросила девушка, чувствуя, как краснеет.

«Знала бы Татьяна Савельевна, что это я первая обозвала Витьку Меченым», — выгнала бы меня из кабинета», — подумала Элеонора.

— Пойдем, я познакомлю тебя с архивариусом. Она тебе поможет. — С этими словами старая директриса встала из-за стола и повела бывшую ученицу на второй этаж, где находился архив школы.

Адрес проживания Вити Авилова молодая сотрудница архива отыскала быстро и, записав сведения на листок бумаги, протянула его Элеоноре.

— Знаете, как доехать? — поинтересовалась она.

— Спасибо! Я здешняя, — зачем-то солгала Элеонора и почувствовала себя не в своей тарелке.

Ей вдруг стало душно и так захотелось глотнуть свежего воздуха, что она чуть ли не бегом направилась к выходу.

«А я и не знала, что Витька живет так далеко от школы», — подумала Элеонора, когда таксист наконец-то доставил ее по указанному адресу.

Дом, где проживал Витя Авилов, был старый и неухоженный. Впрочем, и стоящие рядом с ним такие же пятиэтажки выглядели не лучшим образом. Поднявшись на третий этаж, девушка позвонила в дверь квартиры под номером двенадцать и услышала за дверью шаркающие шаги.

— Кто там? — послышался женский простуженный голос.

— Авиловы здесь живут? — спросила Элеонора и почувствовала, как учащенно забилося сердце.

Дверь открылась, и на пороге квартиры девушка увидела невысокого роста пожилую женщину с седыми волосами, уложенными в прическу под названием «пучок».

— Вы кто? — спросила она, глядя в упор на незнакомую девушку.

— Я бывшая одноклассница Вити, — ответила та. — Мы с ним учились в девятой школе. Меня зовут Элеонора. Я тут проездом в командировке. Решила навестить...

— Проходите в кухню, — женщина посторонилась и жестом показала, куда надо идти бывшей однокласснице сына.

— А где Витя? — поинтересовалась Элеонора.

— Сын уже второй месяц лежит в хирургическом отделении нашей больницы. Врачи сказали, что если ему не сделать сложную операцию на позвоночнике, то через месяц Витя умрет, — ответила мать Вити, которая представилась как Ольга Николаевна.

— Так что же они медлят? — встревожилась девушка.

— Они бы и рады помочь, но такую операцию могут сделать в Израиле, да и то за большие деньги, — ответила Ольга Николаевна, глядя на девушку в упор сухими выцветшими глазами.

— А что с ним случилось? — в голосе девушки мать Вити уловила не пустое любопытство, а тревогу за судьбу ее сына.

— Десять лет назад помогал деду перекрывать крышу на деревенском доме и неудачно упал со второго этажа, — уклончиво ответила мать Вити, которая не любила пересказывать подробности того страшного дня, когда ее единственный сын обездвижил.

Она хотела было рассказать о том, что Витя нашел в себе силы и окончил заочное отделение технического университета и защитил диплом. Но, взглянув на растерянное лицо девушки, передумала.

«Зачем ей знать об этом? Она как пришла, так и ушла», — подумала Ольга Николаевна и вздохнула.

— Если вы можете оказать посильную материальную помощь, то я не откажусь. Сами знаете, что в на-

ше время отзывчивых и добрых людей становится все меньше и меньше,— проговорила мать Вити и опустила голову.

— А сколько денег требуется на операцию? — спросила Элеонора.

— Десять миллионов,— ответила Ольга Николаевна, и огонек надежды промелькнул в ее взгляде.

— Долларов? — переспросила девушка.

— Нет. В рублях,— голос у женщины потускнел, и Элеонора поняла, что мать Вити потеряла к ней интерес.

— А у вас есть реквизиты банка и расчетный счет израильской клиники, куда надо деньги перечислять? — обратилась девушка к Ольге Николаевне.

Та встрепенулась и быстрым шагом направилась в соседнюю комнату, откуда через несколько минут вышла с кожаной папкой в руках.

— Вот здесь все есть,— слегка заикаясь от волнения, произнесла мать Вити, протягивая Элеоноре листок с реквизитами банка и расчетным счетом израильской клиники.— А внизу ручкой написан мой номер телефона.

— Это я могу взять с собой? — спросила Витина одноклассница, и женщина утвердительно кивнула головой.

— А уже что-нибудь собрали? — поинтересовалась Элеонора, направляясь к входной двери.

— Благотворительный фонд дал миллион, да родственники и знакомые собрали в общей сложности семьсот тысяч рублей. Вот и все пока. А время так быстро уходит,— в голосе Ольги Николаевны были такие безысходность и печаль, что у девушки защемило сердце.

— Я позвоню,— пообещала она, прощаясь.

Мать Вити трижды перекрестила спину одноклассницы сына и закрыла за ней дверь.

В этот же день Элеонора ночным рейсом вылетела в Москву. Наутро она обзвонила одноклассников и попросила помочь собрать денег на операцию Виктору. Из десяти откликнулись двое — ее друг Марк и Борис, друг ее подруги Аси. Каждый из них перечислил на расчетный счет по полмиллиона. Остальные так называемые приятели под разными предлогами отказались помочь бывшему земляку и однокласснику. Не зря говорят, что чем больше у человека денег, тем меньше у него доброты.

Когда Марк принес ей копии выписок из банка, Элеонора с возмущением рассказала ему об отказниках.

— Не обижайся на них,— попросил он ее.— Каждый живет по своим нравственным правилам.

— Вот вы с Борисом последние деньги сняли со счета. Я же знаю, что вы на расширение фирмы собирали,— заметила девушка.— Просто Петька с Васькой не настоящие люди!

— А какие же они! — удивился Марк.

— Зомби! — крикнула Элеонора.— Так им от меня и передай!

Марк улыбнулся и направился к двери. Возмущенная девушка не стала провожать его.

— Еще осталось найти семь миллионов триста тысяч,— произнесла она вслух.

— С кем это ты разговариваешь? И почему у тебя дверь не закрыта? — послышался из прихожей голос Аси.

— Аська, как хорошо, что ты пришла,— обрадовалась Элеонора.— Марк только что ушел взерошенным, даже дверь не захлопнул.

Выслушав рассказ подруги о поездке в Челябинск, Ася немного поплакала от жалости к Виктору, к которому в школе была равнодушна, и попросила дать ей реквизиты клиники, куда надо перечислять деньги.

— Не жила богато — нечего и начинать,— проговорила она с усмешкой.— Все, что на отпуск накопила, перечислю на операцию Витьке.

— Все триста тысяч рублей? — спросила Элеонора, глядя на подругу широко распахнутыми глазами.

Та отмахнулась: мол, мелочи жизни.

— Италия подождет,— ответила Ася.— Жизнь человека дороже.

— Ася, я в тебе никогда не сомневалась,— дрожащим от волнения голосом произнесла Элеонора и чмокнула подругу в левую щеку.

Когда через три дня стало ясно, что больше никто из одноклассников не раскошелится, Элеонора отправилась в банк и перечислила со своего счета семь миллионов рублей на операцию Вите Авилову.

Придя домой, она позвонила Ольге Николаевне и сообщила ей, что деньги на операцию Вите перечислены в полном объеме.

— Тебя зовут Элей? — спросила та и заплакала.

— Витя меня так называл в детстве,— ответила Элеонора и положила трубку.

Затем она позвонила Асе и сообщила, что деньги нашлись и не стоит больше беспокоиться.

— Ты что, бабушкино наследство пожертвовала? — догадалась Ася.

— Я просто купила Витьке жизнь. Могу я себе позволить заплатить семь миллионов рублей за несостоявшийся укус змеи? — сказала Элеонора.

По ее голосу Ася поняла, что подруга находится на грани срыва.

— Ты успокойся! — крикнула в трубку Ася.— Я сейчас приеду.

— Не надо ко мне приезжать. Я просто устала. Сейчас приму душ и лягу спать,— услышала Ася, прежде чем подруга отключила телефон.

Стоя под теплыми струями воды, девушка ощущала неведомое ей прежде блаженство. Когда, заворачиваясь в махровую простыню, она бросила взгляд на плечо, то пятна на нем не обнаружила.

— Когда искупишь, тогда и очистишься! — произнесла Элеонора громко вслух. — Значит, простил!

На следующее утро к ней пришел Марк с большим букетом белых роз и сделал предложение выйти за него замуж.

— С чего бы это? — удивилась Элеонора. — За столько лет, что встречаемся, и разговора не было о том, чтобы пожениться.

— Я понял, что ты настоящая! — ответил Марк и вместо поцелуя погладил по голове свою будущую жену.

«Неужели для того, чтобы подарить жизнь другому человеку, нужно ниспослать знак свыше дарителю? Боже, до чего же мы докатились!» — подумала девушка и, обняв любимого мужчину, произнесла вкрадчивым голосом:

— Не надейся, что я откажусь!

Тем временем два ангела, старший и младший, сидя на облаке, вели меж собой разговор.

— Я же говорил, что она настоящая, — сказал младший ангел. — Вычеркни Элеонору из списка зомбированных, а заодно и ее друзей — Асю, Марка и Бориса. Они поступили как настоящие люди.

— Согласен, — ответил старший ангел. — А как ты смотришь на то, чтобы ниспослать знак свыше Петьке с Васькой?

— Это банкирам Корнилову и Вагину? — уточнил младший ангел.

— Им, родимым! — ответил старший ангел. — Приготовь две купюры, пожирающие деньги.

Вскоре в кошельках у Васьки с Петькой появилось по неразменной купюре достоинством в сто долларов, и в течение недели все кредитные карточки, находившиеся с ними рядом, обнулились.

Элеонора, узнав от Марка о финансовых затруднениях бывших одноклассников, не преминула заметить:

— Это им за жадность ниспослан знак свыше.

Петр ЛЮБЕСТОВСКИЙ

г. Сельцо Брянской области

Родился в 1947 г. на Смоленщине, в д. Любестово, в семье фронтовика. Окончил Звенигородский финансовый техникум и Тверской государственный университет. По образованию юрист. Служил в ВС и в МЧС. Подполковник в отставке. Автор десяти книг прозы. Лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов. Член СПР и СЖР. Руководитель городского литературного объединения «Парус». Наш постоянный автор.

И ЛАСТОЧКИ КРЫЛЬЯМИ МАШУТ

Лизе Герасимовой пришло письмо из Германии. Она не думала и не гадала, что у нее есть родственники за границей да еще в дальнем зарубежье.

Лиза выросла в детском доме и от воспитателей знала, что она круглая сирота. Отец в пьяном угаре убил мать, за что получил длительный срок. Из колонии не вернулся — умер от туберкулеза. В том же детском доме с Лизой находился ее младший брат Павлик. Лиза хорошо помнила, как однажды за Павликом приехала молодая пара и увезла его в неизвестном направлении. Лиза плакала, бежала следом, когда уводили братика, который оглядывался и тоскливыми глазами смотрел на нее. Незнакомая женщина гладила Лизу по голове, успокаивала, обещала, что скоро вернется за ней. Семилетняя Лиза не поверила и проплакала тогда всю ночь. Ей было очень жалко маленького брата, которого увезли чужие люди. Лиза считала, что больше его не увидит.

Позднее, когда Лиза подросла, воспитатель рассказала ей, что Павлика усыновила молодая бездетная пара. Собирались удочерить и Лизу, так как братьев и сестер разлучать нельзя. Однако с Лизой у них ничего не вышло. Поговаривали, что причиной тому были документы, по которым брат и сестра носили разные фамилии. Лиза в детдоме была Лютиковой, а брат — Богатырев. Да и отчества у них были разные. Вот чиновники и посчитали, что дети не родные, хотя мать у них была одна.

Лиза выросла, окончила техникум, вышла замуж, сменила фамилию, родила троих детей. И все это время не забывала о брате, всячески пыталась разыскать Павла, наводила о нем справки. Работники социальных служб объясняли ей, что они не знают, где искать Павла, но если бы и знали, все равно не дали бы адре-

са, потому что не имеют права разглашать сведения об усыновленных детях.

Тогда Лиза обратилась к подруге по работе:

— Света, у тебя есть компьютер. Посмотри, не ищет ли меня мой брат Павел Богатырев, которого усыновили в шестилетнем возрасте?

— Хорошо,— сказала та,— я попробую сделать запрос.

Девушка выложила в интернет данные о Лизином брате и о ней. Придя на смену, сообщила подруге:

— Запрос послала. Пока никаких ответов нет. Будем ждать и надеяться. Конечно, отыскать будет сложно. Ведь твоему брату наверняка сменили фамилию, а может, и имя дали другое.

Время шло, Лиза продолжала ждать, но вестей все не было.

И вот неожиданно-негаданно пришло письмо. Лиза копалась в огороде, когда знакомая почтальонка отворила калитку и махнула ей рукой. У Лизы тревожно забилося сердце, когда она, подойдя к крыльцу, заметила в руке почтальонки большой конверт с золотистой полоской и штемпелями. Еще больше удивилась, когда взглянула на письмо и увидела иностранные буквы.

— Что ты, Лиза, так побледнела? — спросила почтальонка.— Письмо из Германии, от некого Пауля Ланке. Может, брат твой нашелся...

— Кто его знает,— дрожащим голосом ответила Лиза, вытирая руки о подол платья.— Мне говорили, что его усыновила русская семья.

— Пути Господни неисповедимы,— заметила почтальонка, присаживаясь на лавочку у крыльца.

Лиза присела рядом, стала рассматривать конверт, поглаживая рукой, словно опасаясь его открыть. Потом спохватилась, сбегала в дом, принесла ножницы и аккуратно обрезала краешек конверта. Дрожащими руками вынула небольшой белый листок, сложенный вдвое, развернула, стала читать. Текст письма был написан от руки на русском языке.

«Дорогая сестра Лиза, здравствуй! Пишет тебе твой брат Павел Богатырев, ныне Пауль Ланке. Я живу в Германии, в городе Вольфсбург, земля Нижняя Саксония. Будучи сиротой, был усыновлен в России в возрасте шести лет. Помню, что в то время находился в детском доме. Со мной в этом же доме находилась моя сестра, которой в ту пору исполнилось семь лет. Сестру звали Лиза. Немецкие родители пытались удочерить сестру, но им отказали. Родители мои — немцы с Поволжья. После усыновления переехали в Германию. Многое из того, что они рассказали мне, когда я подрос, я запомнил. Родители дали мне свою фамилию и немецкое имя — Пауль.

Я окончил школу, затем колледж. Родители помогли мне со стартовым капиталом, и я открыл свой бизнес. Сейчас я владелец небольшого ресторана, который приносит неплохой доход. Зная, что у меня в России есть сестра, я, встав на ноги, начал поиски тебя, старался узнать твой адрес. Прошло немало времени, пока через волонтеров удалось отыскать твой след — ведь ты вышла замуж, сменила фамилию...

Получишь письмо, дай, пожалуйста, ответ, сможем ли мы встретиться. Хочу увидеть тебя и готов сразу же отправиться в дорогу, в твой город, где ты проживаешь с семьей. До встречи в России! Твой брат Павел».

— Ну вот. Я же говорила тебе, что от брата,— сказала почтальонка, глядя на Лизу, вытирающую слезы рукавом платья.— И чего теперь плакать? Надо приглашать в гости.

— Чем угощать-то буду?! В долгах, как в шелках. Мой Витька лишился прав и теперь не работает. Мы просто бедствуем. Хлеба не всегда вдоволь. Хорошо хоть старшего сына в училище кормят, а маленьких — в школе.

— Ничего, брат богатый,— утешила почтальонка.— Ему деликатесы не нужны. Пусть наши хлеба отдаст. Возьмешь немного денег в долг, а он поможет рассчитаться.

— Я и так взяла кредит, когда Витька чужую иномарку разбил. Долг, как аркан на шее — не дает дышать. Растет не по дням, а по часам. Мне теперь никогда не рассчитаться. Придут, опишут все, а нас на улицу...

— Не бросайся в панику, Лиза. Господь вначале послал тебе испытания, а теперь посылает помощь в лице брата. Приглашай в гости. Он не оставит тебя в беде. Обязательно выручит. Ведь душа-то у него русская...

Старший сын Димка приехал вечером из училища и застал мать в слезах. Лиза сидела на диване, гладила конверт рукой и тихо всхлипывала.

— Мам, что случилось? Папка обидел? — насторожился сын.

— Нет, сынок. Письмо получила из Германии. Брат Павел нашелся, твой дядя. Хочет встретиться. А потчевать чем будем? — дала волю слезам Лиза.

— Чем Бог послал,— по-взрослому рассудил Димка.— Отказывать нельзя.

Лиза протянула сыну письмо. Тот пробежал его глазами и сказал:

— Надо готовить ответ. А потом будем думать, как встретить.

Вечером, когда управились с делами, Лиза с сыном сели писать письмо. Писали до полуночи, а получилось полстранички тетрадного листа.

«Здравствуй, мой дорогой братик Павел! Получила твое письмо и обрадовалась до слез, что ты нашелся, что жив и здоров. До сих пор не могу успокоиться. Ведь, кроме тебя, у меня близких родственников на этом свете нет. Я тоже тебя искала, писала в передачу «Жди меня», но так и не смогла разыскать.

Живу с семьей на окраине небольшого городка. Муж Виктор — водитель, но пока безработный. Попал в аварию и лишился водительских прав. Помогает мне по хозяйству. Я окончила торговый техникум, работаю в магазине. У меня трое детей. Старший сын Дима учится в училище на крановщика. Ему четырнадцать лет. Это моя надежда и опора. И двое школьников — восьмилетний сын Андрюша и доченька Аленка — семь лет. Живем скромно. В хозяйстве только поросяток да куры.

Ты ничего не написал о семье — женат или нет? Будем рады, если сможешь приехать с семьей. Передай привет своим приемным родителям. Огромное им спасибо за то, что протянули тебе руку помощи в трудную пору. Приглашаем всех вас в гости. Приезжайте. С нетерпением ждем. До встречи! Твоя сестра Лиза Герасимова (Лютикова)».

Погожим августовским днем Павел подкатил к дому сестры на такси. Лиза заметила гостя в окно, всплеснула руками, выбежала во двор, бросилась в объятия брата, зарыдала. Павел тоже прослезился. Так и стояли, обнявшись во дворе, и плакали, пока на крыльце не показались дети. Павел по очереди поцеловал их — вначале Аленку, потом Андрюшу и Диму. Следом вышел хозяин. Они обнялись с Виктором, похлопали друг друга по спине.

— Ну, а теперь помогайте носить в дом подарки,— на чисто русском языке сказал Павел, показав на пухлые пакеты, сложенные на лужайке.

Павел был строен, широкоплеч, с крупным волевым лицом. Русые волнистые волосы чуть тронула на висках седина. Плащ бежевого цвета сидел на нем плотно. Особую солидность гостю придавали роговые очки. Лиза заметила, что Павел часто улыбается и эта улыбка, напомнила ей мамину улыбку, наполненную затаенной грустью. К горлу Лизы подступил горячий ком...

Первым делом Павел вручил всем подарки. Хозяйка дома, получив в подарок золотые сережки в красивой прозрачной коробочке, не сдержалась, бросилась на шею брату, разревелась. Вслед за подарками, Павел выставил на стол вино, выложил продукты.

Лиза долго не могла успокоиться — не верила, что у нее такой видный, красивый и душевный брат. Она хлопотала на кухне и тайком вытирала кончиком фартука невольные слезы, которые катились и катились.

Накрыв на стол, пригласила всех на обед. По русскому обычаю взрослые подняли стаканы за встречу, за здоровье гостя, пожелали Павлу чаще заглядывать на родину, поблагодарили за подарки, а его приемных родителей — за их добрую душу. Павел смущался, радовался теплой встрече, сердечному приему.

После обеда, когда все устроились на диване, Лиза принесла семейный альбом и предложила брату посмотреть фотографии. Павел открыл альбом и заметил старую, пожелтевшую от времени фотографию.

— Это единственная фотография нашей матери, которая сохранилась,— сообщила брату Лиза.

— Я маму совершенно не помню,— признался Павел, пристально всматриваясь в нечеткое изображение. Молодая женщина в белой кофточке, с косынкой на плечах, сидела на лавочке и с грустью смотрела вдаль.

— Это сосед сфотографировал, когда мама ждала пьяного отца,— пояснила Лиза.— Он и убил ее по пьяной лавочке...

Дальше было несколько фотографий из детского дома. На одной из них худенькая девочка вела за руку маленького мальчика по березовой аллее.

— Неужели это мы с тобой? — спросил Павел, взглянув на сестру.

— Да, я веду тебя из столовой. Всегда следила, чтобы ты покушал.

— Припоминаю, как ты отдавала мне свои пирожки, говоря, что ты их не очень любишь. Нередко тайком прихватывала что-либо в столовой, а вечером подкармливала меня, положив продукты под подушку,— посмотрел Павел на сестру благодарными глазами.— А еще хорошо помню, как ко Дню Советской Армии воспитатель поручила мне выучить стихи и как читал их потом наизусть: «У самой границы, в секрете, я зоркую службу несус... И сердцем с родными краями в такие часы говорю... И ласточки крыльями машут, и топится чья-нибудь печь... И все это — Родина наша, а Родину надо беречь». Так мне это врезалось в память, что больше всего на свете хотел вернуться домой, увидеть тебя и наших деревенских ласточек...

— А почему ты не женат до сих пор? — нерешительно спросила Лиза.

— Все по той же причине,— сказал Павел.— Мечтал вернуться на Родину, жениться на соотечественнице... И живется мне там неплохо, и родители у меня замечательные, но немцем себя не ощущаю. Чужое все — тянет домой.

— Ох, братец, как ни трудно мне здесь приходится,— тяжело вздохнула Лиза,— но я не смогла бы жить в другой стране.— Посмотри, какой простор: заливной луг, ивы над рекой, облака плывут в синеве, словно лебеди...

— И ласточки крыльями машут,— грустно улыбнулся Павел.

— Да, и все дорого до слез. И люди у нас добрые. А на них как раз и мир держится, как земной шар на трех китах... А это наш детдом,— показала Лиза на старое фото.— Здесь ты провел полтора года, а я — целых десять лет.

— Заглядываешь туда? — поинтересовался Павел.

— Бываю каждый год. Там все та же директор Клавдия Петровна Беляева, заменившая мне мать. Те-

перь уже старенькая. Помнит тебя. Каждый раз спрашивает, нет ли от тебя вестей. И воспитатель моя еще работает.

— Давай навестим их. Я вызову такси,— предложил Павел.

— Ты бы отдохнул с дороги,— сказала Лиза.— Нас сосед довезет.

Час спустя они уже были в старинной живописной помещичьей усадьбе за городом, где находился детский дом. Красивое строение из красного кирпича спряталось под сенью вековых деревьев. На площадке у входа играли дети. Слева и справа от высокого крыльца на клумбах цвели пышные цветы, источавшие нежный аромат. Гости прошли по коридору, постучали в дверь с табличкой «Директор». Вошли, поздоровались. Из-за стола поднялась маленькая, сухонькая, седая женщина с миловидным лицом и, слегка прищурясь, вышла им навстречу.

— Здравствуй Лизонька! А это кто будет? Неужто Павлик? — певуче произнесла директор, обнимая гостью.

— Да, Клавдия Петровна, это мой братик. Вот сегодня приехал...

Павел подошел, обнял директора, поцеловал. «Это вам»,— сказал он, протягивая купленный по дороге большой букет ярких осенних цветов. Клавдия Петровна растрогалась, уронила слезу.

— Простите,— сказала она, вытирая платочком глаза.— Не ожидала увидеть сегодня таких дорогих гостей.

Директор позвала секретаря, попросила принести чаю. За чаем вспоминали сиротское детство, детдомовские годы, усыновление Павла.

— Я была так рада, что ты приглянулся той красивой паре,— сказала директор.— У вас никого не осталось, и я подумала, что у этих милых людей вам будет лучше. Но с Лизой не вышло, и я переживала, что разлучила вас.

— Спасибо, вам, дорогая Клавдия Петровна! — сказал Павел.— Вы сделали, что могли. У меня сложилось все хорошо. Мои родители оказались русскими немцами и вскоре переехали в Германию. Там я имею свое дело и хочу отблагодарить вас за материнскую заботу обо мне и моей сестре.

— Вы подарили прекрасный букет цветов! Это для меня высокая честь!

— Быть может, детский дом в чем-то нуждается? Я готов помочь.

— Нет, спасибо! О нас сейчас хорошо заботятся,— сказала директор и задумалась. Потом перевела взгляд на Лизу, обратилась к ней:

— Лиза! Тебя хотела видеть воспитатель Анна Павловна Данилова.

— Я скоро вернусь,— сказала Лиза и вышла из кабинета.

Директор встала, прикрыла плотнее дверь, подошла к Павлу, положила руку на плечо.

— Павел, сестра не рассказала тебе о своем бедственном положении?

— Нет. А что вы имеете в виду? — насторожился Павел.

— В начале года ее муж Виктор попал в аварию. Сам чудом выжил, но разбил чужую машину — дорогую иномарку. Права у него отняли, а за машину хозяин выставил солидный счет. Лиза продала корову, мотоцикл мужа и, чтобы погасить долг, взяла большой кредит под высокие проценты. Но выплачивать кредит нечем, и долг растет как снежный ком. Семья живет впроголодь. У них могут отнять дом. Прошу тебя, помоги им, если сможешь.

— Почему же сестра не сказала мне ничего? — удивленно спросил Павел.

— Она и мне ничего не сказала. Я узнала это от одной общей знакомой.

— Конечно, я решу этот вопрос, чего бы мне это ни стоило,— заверил Павел Клавдию Петровну.— Лиза — единственный мне близкий человек, и я считаю своим долгом помочь ей. Часто вспоминал там, в Германии, как она заботилась обо мне, нередко отдавая мне свою порцию...

Когда вернулись домой и вышли из машины, Павел предложил сестре:

— Лиза, давай присядем в саду, поговорим о житье-бытье.

Они прошли в глубину сада, где под кустом рдеющей рябины стояла небольшая скамейка. По глазам Лизы было видно, что она догадывалась, о чем пойдет разговор, и заметно заволновалась. Павел взял ее за руку.

— Лиза, расскажи, как на духу, какие трудности у вас в семье?

— Павел, у меня большая беда,— всплакнула Лиза.— Я попала в капкан и трепыхаюсь в нем, хотя знаю, что мне не вырваться... Мой Виктор работал водителем у частного, получал неплохо. Я — в магазине продавцом. Зарботок хоть и не велик, но стабильный. Все складывалось хорошо. Мы планировали купить «Газель», чтобы работать на себя, а не на дядю, построить гараж. Дети подрастали, росли и траты. В ту ненастную ночь Виктор не спал — сильно болел зуб. Утром я сказала ему, чтобы взял отгул, но он пошел на работу. А ближе к обеду мне позвонили: «Виктор в больнице. Попал в аварию. Разбил дорогую иномарку, и сам пострадал». Я бросилась в больницу. Врач сообщил, что у мужа разрыв селезенки. Сделали операцию. Когда пустили к Виктору, он поведал, что дорога была скользкой, не справился на повороте с управлением, врезался в новую иномарку, стоявшую на обочине. Слава Богу, в ней не было людей. Мужа лишили на год прав, а владельцы машин, выставили счета. За одну машину я рассчиталась, продав корову и мотоцикл. А на иномарку — взяла кредит в банке под большие проценты и попала в такую кабалу, что вовек не выбраться. К нам уже приходили молодчики, грозились отнять дом и пустить нас по миру...

Лиза горько заплакала. Павел обнял ее, спросил:
— Сколько вы должны банку?
Лиза сквозь слезы тихонько назвала сумму.
— Я погашу ваш долг через пару дней,— заверил сестру Павел.
Лиза вскочила, бросилась на землю, упала перед ним на колени.
— Братец мой дорогой! Буду всю жизнь за тебя Бога молить!
Павел подхватил ее, усадил рядом, обнял, вытер слезы на щеках.
— Не надо, дорогая сестрица, успокойся! Мы же родная кровь и должны помогать друг другу. Я куплю вам «Газель», дам деньги на корову и гараж.
Лиза уткнулась в грудь брата головой и зарыдала, вздрагивая всем телом. В горле у Павла защеколело.
— Ну вот!.. Зачем же плакать? Все хорошо,— гладил он ее по голове и шептал,— если бы ты только знала, как я рад помочь тебе...
На исходе лета Павел уезжал в Германию. Герасимовы вышли проводить его. Во дворе, сверкая краской, стояла новенькая «Газель». Все по очереди обнимали Павла, плакали. «Теперь жду вас в гости»,— взволнованно повторял он. Напоследок Лиза трижды перекрестила Павла:
— Мой дорогой братик! Господь не оставит тебя за твое доброе сердце...
Направляясь к машине, Павел оглянулся, помахал рукой.
В яркой бездонной синеве над домом мелькали ласточки-касатки.

Алексей ЯШИН

г. Тула

Алексей Афанасьевич Яшин — главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член СП СССР, СПР и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления АРЛ, лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора. Окончил Литературный институт СП СССР им. А. М. Горького. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ЗА МОРЕМ ТЕЛУШКА ПОЛУШКА, ДА РУБЛЬ ПЕРЕВОЗУ

ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ*

♦ Как в корень мать смотрела своей присказкой о телушке, предупреждая надоедливо Николку, возвращаемого с двумя младшими в интернат после каникул или просто выходных на Большом Оленьем, нарочито втолковывая: «Не вздумай с ребятами идти зимой на выходной домой, когда мы не знаем! Не перейма-то всегда на Екатерининский и переправитесь, а вот с него на наш остров? Кто вас на берегу в темницу-то разглядит? Так и замерзните. Телефон сейчас, после съезда с острова батареи и снисовцев, совсем плохо работает. Но если так уж приспичит домой в субботу на воскресенье придти, то лишь если дозвонишься!»

И только что гостевавший у них на острове бывший энковэдешник Лазарь Федорович, человек в своей жизни повидавший, что называется, за троих и того парня, ненавязчиво, вроде как к случаю, поучавший племянника к осторожности своих поступков вообще, а в диких этих местах в особенности, наставлял: «Семь раз отмерь, прежде чем отрезать будешь! Житье ваше здешнее вроде как по накатанной идет; военноморским уставом все шаги заранее расписаны, но в то же время полярная ночь и выюги, туманы липкие и шторма, малолюдь, а то и вовсе безлюдье, где пешкодралом по пояс в снегу пробираться нужно... словом, трижды оглянись округ себя, прежде чем что-то замысленное исполнять. И помни, как в армии матерый ротный старшина солдат-первогодок поучает,— инициатива наказуема!»

И надо же такому случиться, что не прошло и половины месяца после убийства, говоря по-уставному, с острова Лазаря Федоровича, как, словно проверяя Николку на осторожную сообразительность, его инициатива была наказана. Дескать, запомни на всю жизнь! Правда, урок этот ограничился пережитым страхом за себя и братьев, оставив на долгое время малоприятные воспоминания: дурака не палка, а жизнь учит...

♦ Историчка Наталья Капитоновна к концу урока совсем зачастила. Ее тоже манило на улицу едва не первый раз за полярную зиму выскочившее наполовину из-за низких береговых сопок солнце. Растерянно и

* Алексей Яшин. Страна холода. Под опекой Арктогеи: Повесть (одиннадцатая книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы.— Москва: РОО «Литературное сообщество «Новые Витражи», 2021.— 409 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

неприкаянно висело оно в полуметре над синей, свинцовой водой, прямо в воротах пролива — между пирсами катерников и островом Екатерининским. А тридцать пар ребячьих глаз жмурились на отвычный свет... кроме Сашки Белозерова, накануне проводившего на дому естествоиспытательский опыт по практической химии с самодельным порохом. Поэтому он скучал у окна на задней парте в черных, с прозеленью очках, с истыканной синими точками левой щекой. Было ребятам совсем не до заговора древнего Луция Катилины.

Школьная сторожиха и та увлеклась невиданным три месяца кряду солнцем. Наверное, поэтому, услышав звонок, Наталья Капитоновна вроде как мимолетно обрадовалась, но и подозрительно взглянула на свои часики. Класс роем вылетел в коридор. Только две отличницы внимательно записывали в дневники указания насчет домашнего задания.

Рядом с раздевалкой задумчиво прильнул носом и щеками к запотевшему оконному стеклу, сам взопревший в ватном, сверх размеру долгополом пальто «на вырост по наследству», Николкин первоклассник-брат Сережка. Розыскав в давке пальто, подняв с пола слегка притоптанную рыжую, с коричневым кожаным верхом шапку, схватил вздрогнувшего Сережку и потянул за собой на улицу. Приказал — склонного к ангинам рта не раскрывать: мороз!

Интернат находился в ста метрах от школы, потому взрослым ребятам считалось неприличным застегивать пальто; Сережка же тащился зигзагами, норовя подобрать валяющуюся вдоль дороги дрянь: спичечный коробок с лаковой наклейкой «Мастера Мстеры», половинку от бельевой прищепки или жухлую папиросную пачку. Подцепил и ценную вещь — никелированный колпачек от авторучки высокого класса. На всякий случай Николка его отобрал, Сережке же дал взамен леденец в обертке.

Славка в долгом ожидании слонялся по интернатской открытой веранде. Он пинал валенком балясины перил, горделиво поглядывал на топающих во вторую смену третьеклассников. Его такая участь сегодня не ожидала. С дороги приметив среднего брата, в который раз со вчерашнего вечера Николка ощутил на щеках стыдливый жар, вспоминая против воли отгоняемое в мыслях, неприятное. Накануне ходил домой к Славкиной уже учительнице Анфисе Петровне, отпрашивал его на субботу с уроков. Дескать, мать домой на выходной велела приходить — шитье на младших примерить. Хотел вчера ее в школе застать, пришел вроде рано, с запасом по времени, но в дверях наскочил на бегущий третий «В». Сам Славка довольно сообщил: отпустили на час раньше, а учительница уже ушла.

Анфисин дом был рядом, но пошел только вечером. Всех интернатских — от пятого класса и выше — послали откапывать от снега школьную теплицу. Зимой в ней жили бродячие коты. Отыскав квартиру хорошо ему знакомой учительницы — с первого по четвертый сам учился у Анфисы Петровны, — разобрался со многими коммунальными звонками, надавил кнопку: вторую снизу.

— Ты ко мне? Что случилось! — Дверь открыла сама Анфиса.

Минуту Николка путался в словах, пока учительница не уяснила, чего от нее хотят. В мыслях домашней Анфисы, верно, было иное, далекое от школьных слов и забот, поэтому она сразу разрешила Славке не приходить завтра в школу. Для вящей убедительности, показавшейся необходимой, брякнул, дескать, загодя сказал директорше интерната, что в субботу, еще до обеда, идем на выходной домой. То же передал в столовую. Теперь нас по «калькуляции» кормить два дня не будут...

— Ах, да... Ну, конечно, не будут. Хорошо, хорошо, идите. Только теплее оденьтесь. Директору не забудь напомнить еще раз, что уходите. Она, верно, забыла уже?! — заулыбалась Анфиса.

...Братья под Николкиным присмотром бодро, охотно принялись собираться. Натягивали под валенки по две пары носок, перепоясывали свои долгополые пальтушки матросскими ремнями с бляхами. Положив в маленький вещмешок белье для стирки, дневники всех троих и взятую позавчера в школьной библиотеке книгу Джека Лондона, навесил сидор на Славку. Собрался сам, было, влезть в валенки, но вспомнил, что девчонки их класса (кроме отличниц) подбивали друг друга после уроков идти артельно в кино на новую картину «Девчата» с Надеждой Румянцевой в главной роли. «Север» был на нашем пути, никак не обойдешь его стороной. Подумал, надел самые толстые, материнной вязки длинные носки, на которые с трудом налезли ботинки, что были на размер больше. Оставил ребят на интернатском выходе. Пошел искать директора на хозяйственном первом этаже, но встретил только старшую воспитательницу Беллу Нурьевну, второе по значимости лицо. Белле сообщил: идем на выходной домой. Все трое. Мать велела.

— Вас встретят? Звонил домой? — Нурьевна, даром что молодая, все помнила. С маяком из города есть связь, правда, дозвониться через коммутатор военной части до начальника маяка Седалина было сложно. Телефона Николка боялся, звонить от непривычки как следует не умел, а теперь и вовсе было незачем. Приходившая во вторник в город мать — кончился чай, а у отца папиросы, — наказывала на выходные пока не приходить. В пролив между островами нагнало льдин, шлюпке не пройти, сами с палками да в отлив еле-еле прошли по осевшим на перешейке льдинам. Обратно подгадали: на гидроотдельском катере подбросили. А еще Нурьевна не знала, что уже с месяц связи нет. На перешейке размыло кладку столба, и тот повис на перепутанных проводах.

— Еще померзните, утоните где нито, не дай Бог... лучше переждите. Скоро праздник, придем за вами, — говорила мать.

— ...Встретят. Звонил. До свидания, Белла Нурьевна!

— Счастливо, ребята. Уй, как холодно сегодня, солнце как в горах: светит, а не греет. Смотрите, не замерзните.

Нурьева зябко поежилась в накинута на плечи меховом кожаном пальто и ушла в директорский кабинет на затренькавший телефонный звонок. Была она осетинкой и, как все учителя и воспитательницы — женой флотского офицера. В школе же вела географию и историю в старших классах.

Вышли из-под теневой стороны интерната. Солнце светило искосо, играя на чистом, нетоптанном снегу переливами скачущих зайчиков, потухавших на взрыхленных сугробах вдоль тропинок. Светить и играть ему на сегодня оставалось недолго. Установил ребят на дистанцию — десять шагов после себя, чтобы не конфузили взрослого пятиклассника своими валенками, ремнями с бляхами и сопливыми носами. Миновали школу и «Север». Сеанс должно быть начался, девчонок не видно, поэтому дистанцию сократил вдвое. На тумбе кинотеатра наклеена совсем новая афиша, что-то о концерте ленинградских скрипачей. Из бокового служебного входа выскочил налегке, в одном пиджаке, директор «Севера» Оффенштейн, перебежал через дорогу в «Ягодку». Это еще с тридцатых годов, как рассказывал отец, знаменитый на весь Северный флот ресторан. Ныне, после введения в гарнизонах сухого закона, «Ягодка» осталась городской столовой с фирменным рулетом из кролика. Оффенштейн организовывал в школе кавээнны. Старшеклассницы восхищались его лаковыми туфлями, по-актерски подбритыми усами.

По свежерасчищенным деревянным мосткам, заменявшим в городе тротуары, прошли мимо замерзшего до дна неглубокого озера. По льду, готовя к вечеру каток, спиральными, суживающимися с каждым оборотом кругами бегал грузовик со скошенным скребком. Двое рабочих разворачивали шланг для заливки. У края озера, где начинался Чертов мост, ребята с Корабельной улицы гоняла клюшками рубчатый хоккейный мячик. Один ребяенок хныкал, прикладывая краснеющий на глазах снежок к подшибленному носу.

♦ Деревянный Чертов мост соединял Новый и Старый Полярный. Он почти на треть километра опоясал склоны двух сопки и ложбину, состоял из полутысячи ступенек и десятка площадок-настилов, на которых были даже устроены скамейки для запыхавшихся ходоков. В этот веселый час мост стонал и ухал: «партизаны» — стройбатовцы сшибали слежалый, утоптаный в лед снег. Разбившись по трое на один лом, служивые на счет «раз-два-три» с размаху били тупым концом по доскам моста. Доски пружинили, отстреливая откакивающий лед.

— Губа по вам плачет! — увертываясь от сверкающих ломов, скользя на зыбких горках ледяных блямб, гаркнул сивоусый мичман, шедший нам навстречу. Узбеки-чернопогонники ухмылялись озорно, делая вид, что не понимают о чем «сундук» кричит. Все в поту, вползли на сопку Старого города, однако останиться, перевести дух было некогда. Потянуло блинным запахом от ближнего к мосту финского домика. Домой! Сердце колотилось. Не от лестничной круговерти Чертова моста, а от наплывшего с блинным запахом скорого видения дома, его тепла, ворчанья матери и разланной отцовской бороды. Потому-то, истосковавшись по дому, когда море заштормит на месяц, завоет сечка-пурга, Николка отправлялся в Старый Полярный вроде как в райбиблиотеку, на деле же — ближе к дому. Бродил под вой ветра по единственной улице, а ноги сами несли все туда, на конец города, к берегу, что заканчивался переймой — перевозом на Екатерининский остров. В мыслях же велись в лицах самые оживленные разговоры. Мать с отцом вспоминали житье-бытье по разным маякам от Ретинского до Седловатого и нынешнего Большого Оленьего. Раз в неделю маячников собирал в пекарне Седалин на политзанятия. Ребята в этот зимний вечер сидела по лавкам на холодной застекленной веранде общего маячного дома. Играли «в разговоры» и уносились в словесных мечтах туда, где гудят паровозы, сигналият машины, текут большие и теплые реки, а по освещенным улицам идут люди, люди... Это вот главное — людей в их жизни не хватало: дома на острове. В городе же они были только в гостях. Много лет в гостях.

Тяжело заработанное тепло дома, а в мечтаньях о нем — еще теплее. Потому-то хмурилась мать раз в три года, отводя очередного своего первоклассника в город.

— Как они там с отцом вдвоем-то, без нас?

♦ От мысли пройти коротким путем по верхушке сопки с разбросанными как попало редкими финскими домиками, что именовались улицей геройского матроса Сивко, сразу отказались. В последнюю пургу снега навалило по пояс. Пошли по чищенным мосткам главной и единственной настоящей улицы Старого Полярного. Проходя мимо бревенчатого магазина, порылся было в карманах, проверил у запасливого Славы, но найденных медяков не хватало даже на карамельки. Миновали почту, гражданскую районную больницу, столовую и последний с этого края города дом — халупу деда Мостовникова. Предки бобыля-комья когда-то забрели со своими оленями в этот лопарский край. Дед Мостовников скупал от Вторчермета металлолом, что громоздился сейчас снежными курганами за изгородью из горбылей. Сам Николка сбывал ему порой дорогой свинец, содранный с обрубков подобранных у телефонной станции кабелей.

Солнце расплывалось над горизонтом в седом предвечернем мареве. Щеки покалывало туманной изморосью. В самом воздухе чувствовалось некоторое недоумение: мороз не разрешил еще с поземкой: чья сегодня очередь дежурить? Сразу за хозяйством Мостовникова деревянные мостики чередовались с крутыми ступеньками и взбирались через небольшие сопки на береговую скалу, что высоко возвышалась над городом и проливом со всеми его бухтами и пирсами. По гребню горы Энгельгардта, как ее называла все знающая Наталья Капитоновна, прошли, отворачиваясь от сильного верхового ветра. Миновали намертво вделанные в гранит огромные якорные цепи, что ломаным полукругом охватывали груды цементно-каменных глыб. То были остатки взорванного несколько лет тому назад постамент с вырубленными, метровой высоты буквами

— словами Сталина. Вожьд побывал в 1933 году в нашем городе, тогда еще Александровске, вместе с Кировым и наркомом Ворошиловым. То было начало Северного флота. Затем по самой крутой, с боковыми извилинами, лестнице спустились на бревенчатый, обросший по краям льдом, качающийся на небольших волнах, закрепленный на якорях пирс. Воздух густел, синел. По проливу катился клубами из узкого горла туман. Вокруг ни души. Только на противоположном островном берегу с несколькими домиками и метеопостом бежали с санками двое мальчишек.

— Эй, на перей-ей-ме-е! — для почина крикнул Славка, — переве-е-езите-е-е!

На том берегу взлаяла мелкая собачонка Терентьевых.

— Ишь, смотри, лавкает! — обрадовался Сережка, никак не хотевший отвыкать от детских словечек-перевертышей. Мальчишки посмотрели в нашу сторону, тут же забыли, занялись своим делом. Потом, надсаживаясь, кричал я. Тихохонько подкрикивал Сережка, склонный к ангинам. Пришлось перевязать ему шарф, закрыв наглухо рот. На время пришлось сделать перерыв. Со стороны Кольского залива с гудками вошел на внутренний рейд буксир. Пирс запрыгал на откатившихся от буксира волнах. Славка с Сережкой мигом взобрались на трап, там было интереснее всего. Деревянная лестница с пирса на берег ходила ходунком, скрипя на шарнирных болтах. Еще с десятков минут криков и от противоположного причала отвалила шлюпка-двойка с матросом на веслах и мичманом на кормовой банке. Шлюпка подвалила к пирсу, безусый первогодок подтабанил веслами, а Николка со Славкой подтянули на себя корму. Мичман спрыгнул на пирс, махнул рукой матросу, подмигнул ребятам и взбежал по трапу.

— Куда направились, пацаны? — матрос с нарочитой скукой наблюдал, как Сережка в своих неуклюжих валенках, цепляющихся за полы пальто, переваливался в шлюпку.

— На Большой Олений. Домой.

— Ну, поплы... — тут первогодок заметил Николкину радостную ухмылку, изобразил суровость лица, — пошли, ребята. Ты, парнишка, дуй на носовую, да за борт не вывались! Отвечать за вас...

◆ Через десять минут поднимались по крутому береговому склону острова Екатерининского. Тропинка до метеостанции начерно протоптана поверх ступеней лестницы. На середине подъема она перешла в неровную полузаметенную тропку. Пришло время заправить брюки в носки и покрепче перешнуровать ботинки, выскребав набравшийся за голенища снег. Поверху стлалась поземка. Впереди белел, сколько глазам хватало, снег пологого спуска с двумя парами недавно — не успело совсем замести — протоптанных следов. Еще дальше, за полоской темной воды, еле виделся Большой Олений и только спичечный коробок маячного дома с горошинами хозяйственных построек. Сердце заколотилось, но стуком веселым, не щемящим. На душе так легко стало, что щеки и нос перестали чувствовать, как неприятное, сечку жесткого, оледеневшего, сорванного ветром с наста снега поземки. Гуськом, наклонив лица, упрятав их от жалящего, как оводы, снега, пошли по протоптанным следам; скорее их угадывали, нежели различали. Вскоре угадывать стало нечего: следы свернули вправо к бухте с илистым обрывом. Шли по чистому снегу с корочкой затвердевшего наста, что со стеклянным звоном ломался под ногами. Стеклообразные корочки набивались за голенища ботинок. В который раз Николка пожалел, что пофорсил, не надев валенки. Можно было ведь и на перейме зайти к родительским знакомым Сипягиным: переобуться у них — попросить какие нити развалюхи...

Позади пыхтели, проваливались по колено в снег, ребята. Погоревал о валенках, сообразился с обстановкой и первым поставил Сережку. Далее — Славку, сняв с последнего сидор. Сережку наст выдерживал, Славка проваливался на третьем-четвертом шагу, Николке бог велел терпеть.

Поземка усиливалась. Со стороны моря, на входе в Кольский залив, набухала нехорошая, иссиня-черная туча. Обещала снежный заряд на суше и шторм на море. Туча летела разлаписто, на глазах все больше и больше захватывала серое пепельное небо, шевелилась по краям, как птица-чудище Кеенглан, что поедает целиком оленей, хватая одной лапой и уносит к себе в горное логово ошкуев*. О птице Кеене рассказывал старшему брату Тольке последний лопарский сказитель Трофим Лоушкин из становища Еретики. Заезжая раз в год-два домой после очередного списания на берег за неправильное поведение, брат рассказывал что-нибудь из сказок Лоушкина. Сказки, впрочем, все вились вокруг некогда бывшего нашествия шведов на имандрскую лопь и великого побоища у Кандалакши лопарей с пришедшей из Корелы чудью... Других заметных событий в тысячелетней истории лопарей не было. Русские, владевшие краем издавна, никого здесь не били. Бог пурги Бодомай и добрый хозяин хорошей погоды Олкан, вкупе с божком Родиеном берегли утлый угорский народец от бурной истории. Толька заезжал в минувшее лето. Списали лихого молодого боцмана с линии Владивосток-Шанхай за отсутствие чувства интернационализма. С Китаем еще не закончилась великая дружба. Всем советским запрещалось ездить на дешевых рикшах, а предписывалось пользоваться при необходимости дорогими такси. Брательник же, изрядно подгуляв в кабаке, по широте души нанял сразу тридцать рикш: дать подзаработать братьям-китайцам... И с почетным эскортом прибыл на причал, прямо под трап сухогруза, с которого спускался советский консул...

Прожил он дома месяц, научил ребят бить самодельной острой камбалой в отлив на песчаном перешейке. По вечерам в десятый раз перечитывал ветхую книжку «Кентерберийских рассказов» с весьма натурными иллюстрациями Доре, а затем уехал в Мурманск. Осенью получили письмо: боцманит на лесовозе.

* Белый медведь (новгородск.-поморское, бытующие до сих пор в становищах на Мурмане). — Прим. авт.

Забегая вперед в воспоминаниях Николки: приключения Тольки не закончились. В Пирее устроил образцовую драку «команда на команду» с дерьмастыми янки и был окончательно списан на внутренние линии. Плонув на каботаж, брат пошел на судно бескабельного размагничивания подводных лодок. Впрочем — это тема бесконечная.

...Сейчас же Николка готов был молиться всем лопарским богам, чтобы они пронесли разлапистую тучу по краю неба. Здесь еще шедший впереди Сережка захныкал. Он додумался, что если нападет россобаха, то первым слопают его. Ни больше ни меньше. Чуть повеселели, когда пошли обрывистым краем шлюпочной бухты. На берегу ее Бог знает с каких времен сохли просоленные, потому не гниющие десятилетиями ребра большой елы*. Илистый обрыв появился прошлой весной. Во время особо сильного майского шторма волны обрушили тысячетонный намыв древнего закаменевшего ила, вынесенного сбегающим меж сопкок ручьем, некогда и речкой, о чем говорили истлевшие сваи семуужьего забора с остатками мостков-рюриков, с которых русские или норвеги вытаскивали застрявшую в плетне рыбу.

Было от чего повеселеть. В полукилометре, на отмели бухты топтались двое мужиков с ружьями: то ли гаг поджидали, а может, выдру караулили. Но мужики беды чуть не натворили. Как только поднялись на гребень предпоследней на пути сопки — Николка уже по пояс в мягком с подветренной стороны снегу протапывал тропу, — как что-то свистнуло мимо ушей, а со стороны бухты послышался слабый хлопок мелкашки. И снова — свист и хлопок.

— Ложись, ребята! — И Николка, как в перину на гагачьем пуху, ухнул в снег. Зарывшись в сугроб, хныкал Сережка. Еще пару раз просвистело. Видно — шнурком вспорхнул снег в полуметре поверх моего носа.

— Да замолчи ты, балбес! — Сам же сообразил: городские охотники, разглядев сквозь редкую поземку на гребне сопки рыжее пятно его злосчастной шапки (ведь упрашивал, упрашивал мать купить кроличью, что все ребята сейчас носят!) и, не подозревая, что в такую непогоду еще кого-то занесет нелегкая в безлюдную часть острова, впрямь решили, что в снегу резвится россобаха. Ноги в стесненных парой носок ботинках закололо, ждать далее было нестерпимо. Пришлось резко вскочить, сорвать ненавистную шапку, замахать ею. Что было голосу, пустил матерком в сторону бухты.

Еще напоследок свистнуло — чиркнуло у ног, но уже мужики пригляделись, успокаивающе сделали отмашку поднятыми вверх прикладами винтовок. Впрочем, пугаться и обсуждать было некогда. Погрозил кулаком, присовокупив словесно, пошел дальше протапывать снег. Через четверть часа одолели последнюю межсопочную ложину. Оглядываясь, видел только Сережину голову. Тот уцепился за ремень среднего, а Славка держался за сидор на Николкиной спине.

Солнце, давно скатившееся за горизонт в разрастающейся туче Кеена, спешившей пожрать ребят, еще давало какой-никакой свет. Остров, совсем близкий, плавал в плотной, с моря и с воздуха, синеве. В окнах маячного дома — уже с папиросную пачку — загорелись неяркие огни. Со стороны моря, на выходе из залива, ударил снежный заряд, тоскующе заныл дальний маяк, затем наутофон Большого Оленьего, через десять миль от него, ближе к выходу в море, ответила густым басом сирена Седловатого. Загудели, заскрипели, завыли, каждый только на свой, определенный ему лощей голос, все маяки побережья и островов.

♦ Пролив между Екатерининским и Оленьим впрямь был забит льдинами, но уже не сплошняком. В широком месте коридором в пару кабельтовых спокойно стояла чистая вода. Берег под ногами круто обрывался, нависший с него снег размахренным обледеневшим веником страшновато синел в темной воде. Ни единой живой души не виднелось на острове, да и не могло виднеться иначе как в жилой его части — на противоположном к проливу берегу. Прилив рокотал в полную силу, перешеек залило, вода оттеснила с песчанной насыпи осевшие в отлив льдины. Напротив лежали вверх днищами на отмельном берегу полузанесенные снегом шлюпки. Воздух синел и темнел на глазах, сгущался туманной влагой в приутихшей было поземке. На бодрые поначалу крики и свист обратил внимание только выплывший из-за поворота берега тюлень, с любопытством уставивший на ребят свою гладкопесью морду. Неодобрительно крикнули пролетавшие с добротной кормежки чайки-клуши. Из-под навеса снежного берегового полога испуганно выплыла невесть зачем затаившаяся пара бакланов. Жизнь-то вокруг кипела, да не наша, не человечья. Вскоре тюленю надоело нас слушать. Он скрылся в теплой для него воде, чайки улетели, а бакланы заплыли за береговой поворот подалее от беспокойных соседей.

Ноги совсем заковенели, страшно захотелось есть. Братья притихли, усевшись в вытоптанной ямке на сидор, сами похожие на медвежат, облепленные от ног до шапок смерзшимся снегом. Голос Николки осип от надсадного крика, руки заныли от непрерывного маханья, свист больше не получался: щеки и губы задревенели на морозе. На счастье ребят туча, до полной темноты вычернившая три четверти неба, медлила со снегом, пожалела что ли островки в море, без того сами как крутобокие снежные комки, что свалили досужие ребята и побросали на гладкий синий лед. Одно было ясно: обратно не дойти, сил у ребят нет, да и замерзнуть недолго. Темнота все ускорялась, маячный дом виделся головешкой в тусклом снегу, все резче выделялись огни в окнах. Еще немного, с полчаса, и на посеревшем снегу острова, где-то в самом его дальнем конце

* Местное название большой шлюпки, баркаса.— Прим. авт.

будет светиться, пробиваясь через густую ночную изморозь, неровный, слабый и расплывчатый огонек. Потом ударит заряд, все скроется с глаз... Сережка ревел сначала в голос, потом хныкал тягуче, в перерывах хлопков что-то шептал Славке. Того потянуло в сон. Он попытался устроиться поудобнее в вытоптанной ямке. Пришлось поднять легким пинком. В последнем, отчаянном крике, почти все, зашлись все вместе. Налетевший ветерок сдернул с чистой воды пролива редкий туман. Ударил малый заряд, засекло щеки и глаза косым, низко летящим снегом. Далее кричать бесполезно. Все скрылось, виднелась лишь просекаемая снегом вода и краешек противоположного берега с полужанесенной шлюпкой. Снег закручивался вокруг нашей берлоги. Николка приутих: что делать? Сквозь неровный посвист поземки, drobный стук прихлопывающих друг о друга подошв ботинок, мягкий шум падающего в яму на шапки и пальто снега неслась разноголосица надрывных маячных звуков, густых торопливых гудков рыбацких сейнеров, шедших из Мурманска в море и далее в Атлантику на промысел. Небо над головой — черное, мутное от крутящегося снега, очень близкое. Так вот мать в непогоду и говаривала старую поморскую присказку про расстояние от Колы до ада... Только сейчас почувствовал Николка этот ад.

Потоптался Николка, чуть разогрел ноги, присел обок задремавших с открытыми глазами ребят. Едва присел, как самого повело в приятный морозный сон, когда чувствуешь теплое-претеплое внутри, а поверху, как коркой замороженного пирога, покрыт нечувствительной ледяной пеленой. Представилось, отразившись, как на экране, на редкой завесе снега, падавшего уже не сбоку порывами, а сверху с неба густыми хлопьями: они уже дома, печка трещит поленьями из высушенных за лето, выброшенных в майские шторма на берег бревен, из «Родины» доносится голос Райкина, мать растапливает на печи лед для воды, отец на вахте на маяке. На подоконнике пять десятков заряженных ружейных гильз, машинка для набивки папирос, на этажерке большая стопа одинаковых на вид книг с романами Золя. Отец взял на чтение месяц тому назад у городского его приятеля, гражданского фельдшера Базарного. Выходишь на холодную веранду и видишь в темноте черным отработанным машинным маслом перекатывающуюся воду. На блеклом лунном небе многоцветными сполохами играет северное сияние. То змеей изовьется в одну сторону, то жажнет косой стрелой до земли, перепутает все цвета, завертится и медленно-медленно втягивается назад, ввысь, выравнивается, ненадолго зависает дугой над заснеженным островом. Мороз крепчает, зябко! Ребята разбегаются по квартирам, глухо топоча валенками по чисто вымытому досчатому коридору большого маячного дома.

♦ Однако что делать? Прогнал Николка сладкий полусон, растолкал ребят, поднял опущенные на глаза отвороты шапок. Теплые, распаренные, сонные физиономии смотрели на него с недоумением. Где мы? Шлепками и пинками, причем Славка со сна озлился и пытался отвечать тем же, растолкал их окончательно, заставил прыгать в ямке. Противоположный берег еще виднелся. Стало страшно по-настоящему, боязно: как быть? Что делать? Что я вообще натворил!? Очухавшиеся ото сна ребята тоже заскучали, помолчали чуток и в голос заревели. Вот здесь Николке стало страшно-престрашно, ноги задрожали, язык одеревенел, хотелось успокоить ребят, обнадежить, вытереть Сережке нос.

— Не ныть! Черти такие! Назад пойдем. Сходили вот... домой.

Ребята вновь заголосили, зажаловались; вот у Славки руки в худых рукавицах совсем замерзли. — Не надо было в них обезьяной по перилам интернатской веранды елозить! — Сережка сопел и тяжело дышал, ворочаясь в ватном, не по росту — со старшего на вырост, пальто.

— Пошли, пошли! — командовал Николка. А куда идти-то? С берега хоть вода отсвечивает от снега, за спиной же одна серая муть. Поземка начисто замела следы. Куда идти? В этот момент, какой взрослые называют безысходным, а дети не понимают всего трагизма, с последней надеждой всмотревшись в нежить противоположного берега, Николка заметил — или показалось?! — шевельнувшуюся черную точку. Ребята, проследившие его взгляд, тоже всмотрелись.

— Идут!! За нами пришли! Ур-ра! — закричали Славка с Сережкой, опять же в голос, но только уже в другой, не плаксивый.

Действительно, с пологой сопки спускался в сторону шлюпки человек. Уже через пару минут было видно — не глазами различимо, но необъяснимо каким образом было понятно — это отец. Подойдя к шлюпке, он стал всматриваться в сторону берега Екатерининского. Уловив этот момент, все закричали что было мочи. Отец слушал, замерев, но ветер относил крики. Выскочив из ямки на проваливающийся снег, Николка замахал расплюснутым сидором, снова закричал, стараясь попасть в промежутки между порывами ветра и гудением маяков. В который раз пожалел, что забыл в прошлый приход дома свой китайский фонарик. Тут же нащупал в кармане спички — не курил, но на севере без них нельзя — слава Богу, не отсырели, стал по две-три зажигать и бросать повыше. Наконец отец заметил, то ли услышал, а может для проверки махнул рукой и завопил у шлюпки. Перевернул ее, достал спрятанные уключины и весла, а затем поднапрягся и медленно-медленно потащил шлюпку к воде. Оцепенев, уже не чувствуя мороза и слепящей, по серьезному разошедшейся пурги, ребята заворуженно смотрели, как шлюпка неслышно приближается к ним, одновременно сорвались с места и скатились к пологому берегу, где приливом слизывало снег с усыпавшей кромку берега гальки.

— Вы чего это пришли? — спросил как-то буднично, подтабанивая шлюпку кормой, отец. — Мать же говорила: на следующий выходной придет за вами?

— Да вот... пришли, — отвечал Николка, держась руками за корму, стоя правой ногой на кормовой банке, а левой, замачивая ботинок, отталкивал шлюпку от берега.

Отец неопределенно хмыкнул, посмотрел на небо.

— Хорошо Седалин под вечер пошел на свой огород. Снег у него сдувает — горбыли воткнуть для загорожки, да увидел, у него, черта лопарского, глаза зоркие, кто-то машет на берегу. Твои, говорит, верно, ребята пришли... а то бы крышка вам! Глянь на небо: сейчас большой заряд ударит. Назад бы не дошли.— Однако слово «огород» в нем и в нас вытеснило все остальное. На всех маяках от Мишукова до Териберки подсмеивались над огородником Седалиным, еще до войны убежавшим, вместе со своим младшим братом, что сейчас на Седловатом, от каких-то своих колхозных грехов в этот неподвластный наркомзему флотский край. Который год он пытался, как и брат, что-то вырастить на здешних скалах, где только-только успевала за лето вырасти с луковичную головку репа. В самые же жаркие года получались считанные карандашные морковинки, а капуста, сколько не бился, вся «выходила в трубу».

Пока догребли до острова, вчетвером на воротах с лебедкой вытащили шлюпку и добрались до дома, совсем стемнело: не столько от наступающей на пятки ночи, сколько от густо повалившего снега. Отряхнули друг друга березовыми вениками от свежего снега. Прежний, примерзший, отодрать ничем было нельзя.— Все это под укоризненным взглядом и словами выскочившей жены Седалина Проси. Ввалились, не хуже тех самых ошкучев, в свою квартиру. Мать стояла у печки, размешивая в закипающей воде порошковое молоко. Она неодобрительно посмотрела на нас:

— Раздевайтесь, что встали, лешие окайнные! — И понесло, и поехало, даже зачем-то всплакнула, когда мы, переодевшись в старые сатиновые шаровары и пахнувшие недавней сухостью глажения байковые рубахи, молча уселись вокруг стола с потертой клеенкой. Мать с приступком поставила три стакана горячего молока и тарелку с печеньем. А мы-то по простоте душевной за наш подвиг рассчитывали на сгущенку!?

— Ироды вы, не подумаете об отце, матери... Кто же вас надоумил в такую непогоду тащиться? Со-скупались, видите ли, не можете неделю-другую подождать! Господи, чего вам в тепле-то там не сидится: сыты и обуты, чуть не всю зарплату отцову за вас в интернат отдаем, так нет — леший вас домой гонит. Ужо, еще раз чего такого натворите — ремнем выпорю до полусмерти!

И чего она так разошлась? Эка невидаль, домой одни пришли, как будто в первый раз.

◆ Николка вышел в коридор и пробежал, скользя в шерстяных носках по гладкому чистому полу, до веранды. Вопреки словам отца, ушедшего в ночь на вахту, ветер затих, снег перестал падать, а по небу, вспыхивая и стреляя разноцветными стрелками, со вселенским трескучим шепотом играло северное сияние. Дыхание перехватывало от счастья...— Как было в первый день на Большом Оленьем.

Яков ШАФРАН

г. Тула

Член Академии российской литературы, Российского Союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий: им. Н. С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г. Д. Гребениčkова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Его имя внесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность» и в биографический словарь «Писатели земли тульской». Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори», член редакционных советов: Вестника

Академии российской литературы «Московский Парнас», музыкально-поэтического альманаха «На лирической волне» (Тула) и музыкально-литературного альманаха «Тульская сторона».

НЕЗАПЛАНИРОВАННАЯ ЭКСКУРСИЯ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Был вечер. Весна, хотя недавно еще шел снег, уже полностью утвердилась и по температуре воздуха, и по обилию зелени как на земле, так и на деревьях, и по душевному настрою, свойственному человеку в это время года, обещавшему быть благоприятным.

Роберт со своим спаниелем Гошей вышел из подъезда на очередную вечернюю прогулку. Взглянул на небо, где уже поблескивали первые звезды, и посмотрел на часы, определив для этой цели, как обычно, ровно час. Пес, видимо, так же воспринимал весну — более обычного вилял хвостом, вертел головой и радостно повизгивал.

Вокруг никого не было — наступил час обычных телесериалов, а молодежь в такое раннее время не собиралась. Тропинка, по которой они шли, начиналась прямо от детской площадки и спускалась в небольшой овраг или котлован, оставшийся после стройки, который все планировали засыпать, но воз, как говорится, и поныне там, и затем снова поднималась вверх. Это был обычный их маршрут, ведущий к небольшой

роще недалеко от автотрассы. Роберт хотел отстегнуть поводок и окликнул Гошу, который бежал впереди, уже спускаясь в овраг, но вдруг... пес исчез. Нет, не из поля зрения, а вообще! Поводок был натянут, но собаки не было. Роберт, стоя на месте, подергал его, почувствовал обычное сопротивление, однако Гоша не издал ни единого звука. Тогда хозяин стал звать пса — тот не отзывался, только поводок шевелился в руке.

Озадаченный Роберт сделал несколько шагов вперед и неожиданно увидел собаку. Однако он не узнал окружающее — все стало другим. Кругом была тьма, только не черная, а темно фиолетовая. Они висели в пространстве. Глаза заслезились, Роберт трясушей рукой вытащил носовой платок и тут же обронил его, но искать не стал. Гошу он видел едва светящимся. Еще минуту тому назад был родной двор, и вот... Они с псом сделали несколько шагов вперед, однако им это только показалось, ибо они не шагали, а плыли в этом темном фиолете. Света и каких-либо огоньков ни слева, ни справа, ни спереди, ни сзади, ни сверху, ни внизу — нигде не было. Вокруг колыхались лишь какие-то тени.

Вдруг раздался чей-то голос:

— Куда мы попали?

— Кто здесь? — спросил Роберт.

— Только ты да я, — прозвучало в ответ рядом с ним.

Он огляделся, но никого не увидел. И тут его осенило:

— Гоша, это ты сказал?

— Да. Понимаешь, здесь я могу не только понимать тебя, но и говорить с тобой! Ну, не в прямом смысле говорить, ведь у меня нет речевого аппарата, — раньше я понимал твои мысли, а ты мои нет, теперь же ты читаешь их, воспринимая как слова.

— Ах, ты, моя умница, как мне этого не хватало раньше!

— Мне тоже. Но не будем терять времени, нужно кого-то здесь найти, чтобы все-таки разузнать, куда мы попали и как нам отсюда выбраться.

— Да, ты прав, — ответил Роберт, чуть сбитый с толку, не каждый же день приходится разговаривать с собакой, да еще с чистейшим московским произношением.

— Вот там, ближе к нам, маячит какая-то тень, и моя чуйка, хозяин, подсказывает, что у него мы что-то узнаем.

Это слово «хозяин» привело Роберта в чувство, расставив все по своим местам. И они направились к этой ближайшей тени.

При приближении оказалось, что тень имеет облик мужчины. Лицо его было серым, выглядел он подавленным, весьма угнетенным и изможденным и двигался, казалось, отмахиваясь от кого-то или чего-то. Сочувствие шевельнулось в сердце Роберта, настолько удручающее впечатление производил тот. На вопрос «Кто вы?» мужчина ответил, что его зовут Стив. Было видно: он так измучен, что даже не поинтересовался, кто его спрашивает. В разговоре выяснилось, что тот был наемным киллером в Сан-Франциско и ему «заказывали» многих людей, которых он высокопрофессионально отправлял на тот свет, причем в заказе часто значились пытки — для получения ценных сведений, изъятия материальных ценностей и пр. Но вот «коприходовали» и его, и он сам оказался в мире ином... «Значит, мы в загробном мире!» — «Да, совершенно верно», — послышалось в ответ. Только теперь Роберт окончательно понял, что не произносит слов, а только думает их, но они с собеседником, наверняка не знающим русского языка, отлично понимают друг друга. Значит, все происходит на уровне мысли... Мужчина продолжал все так же странно двигаться.

На мысленный вопрос, что он все машет руками и шарахается из стороны в сторону, Стив ответил: когда он попал сюда, то не мог понять, что творится. Вначале он увидел себя в детстве и затем мысленно в течение нескольких мгновений прошел по всем годам своей жизни вплоть до настоящего времени, причем с моральной оценкой всего делавшегося. Это совершалось так быстро, что невозможно было отвлечься и переключиться на что-то другое. Но потом начался сущий кошмар — люди, которых убил, начали беспрерывно нападать на него со всех сторон, лезть в душу и все время спрашивать: «Зачем?» — «Почему?» — «За что ты это сделал?» Также мысли и чувства, которые он испытывал во время совершения своих прошлых действий, как живые сущности, налетали на него. Одновременно с каждым таким нападением он испытывал удар, сопровождавшийся очень сильной душевной болью. Так происходит все время, и сейчас, это просто невыносимо!.. А в короткие, мгновенные, промежутки он видит, как в свете вспышки фотоаппарата, картины прошлых событий, во всех подробностях, и не со своей, а именно с позиции жертвы. И это не менее тяжело, чем нападки.

До того, как оказался здесь, Стив и знать не знал, что такое совесть, а тут узнал. Узнал, как она нещадно укоряет его во всех злодеяниях. Это адски мучительно, и внутренне его охватывает отчаяние — мало того, что нет ни мгновения, чтобы это не совершалось, так нельзя уйти от происходящего никуда, и уже ничего нельзя ни исправить, ни забыть! Когда его самого убивали, он успел подумать, ну, вот теперь, мол, вся эта «работа» кончится. Однако «та» работа кончилась, но началась другая работа — над ним. Нескончаемые мучения, и неизвестно, что еще ждет впереди. Похоже, он ни о чем ином говорить не мог, как только об этом...

— О, мистер! — воскликнул он. — Теперь я понял, что лишить жизни другого человека — значит, нарушить Божий план об этом человеке. И если бы я снова стал живым, ни за что не стал бы заниматься тем,

чем занимался, зная, как искалеченные души могут стать постоянно точащим червем и неугасающим огнем, жгущим тебя со всех сторон!

Не зная, возможно ли это здесь, где они находились, но Роберт, одновременно с осознанием всей справедливости происходящего, почувствовал, будто слезы навернулись на его глазах.

Говоря это, Стив продолжал совершать те же движения, видимо, те, о ком он говорил, действительно, не отпускали его ни на миг, причиняя невыносимые страдания. «Его душа, не имея тела как защиты,— подумал Роберт,— от этих наскоков получает удары, сравнимые с ударами электрическим током, потому он так и шарахается...» Роберт оглянулся вокруг и увидел много таких же теней. Он повел рукой в их сторону, и его собеседник понял, о чем тот хотел спросить. Оказывается это такие же несчастные, как и Стив. Там и обманщики, клеветники и доносчики, грабители и убийцы, насильники и садисты... И всех донимают невыносимыми мучениями их жертвы, ибо здесь место такое. Роберт вопросительно взглянул на собеседника. Тот ответил, что да, это все то же: их потерпевшие, а также мысли, чувства и желания, испытываемые его братьями по несчастью в жизни. Выяснилось, что выйти из этого слоя он не может, пока не избудет все, однако в пределах этого пространства он в состоянии передвигаться, не освобождаясь, конечно, от своих мучителей. И этому слою, оказывается, края нет...

— А что вам препятствует перейти отсюда в более благоприятное место?

— Тут есть своего рода охрана, которая не позволяет это сделать...

И как только они заговорили об этом, к ним приблизилось существо, не дергающееся и не шарахающееся из стороны в сторону, излучающее свет, но не яркий и не распространяющийся далеко в этой юдоли, по всей видимости, долженствующей быть темной. Роберт понял, что это и есть представитель охраны, и они с Гошей поприветствовали его, и тот ответил тем же. Они поинтересовались, как долго душа умершего будет находиться в этом тяжелом для нее слое. На что был получен ответ — так долго, сколько понадобится, чтобы своими страданиями искупить вину перед жертвами и чтобы аура очистилась от всего негативного, связанного с преступлениями, о чем будет свидетельствовать ее цветовая окраска. Вообще, каждый человек, попав в «загробный» мир, сам вершит суд над собой и за совершенное, и за то, как он повлиял на других людей. И тут все достигнутые в жизни социальные и экономические успехи, награды и прочее — не имеют никакого значения. Теперь о самоубийцах, сказал охранитель, уловив мысль Роберта, вспомнившего трагический случай на работе. Да, все, слышанное вами здесь до сих пор, было о тех, кто причинил тот или иной вред другим. Самоубийцы — особая категория людей, они причинили самый страшный вред самим себе, самовольно лишив себя жизни. Тут они осознают, что происходящее с ними есть наказание за преступление против необходимости для каждого терпеливо пережить свою долю страдания в земной жизни. Своевольно отказавшись нести это бремя, самоубийцы несут в потустороннем мире еще более тяжкое...

— А как, собственно вы сюда попали с этим милым созданием? — спросил охранитель, закончив объяснение и указывая на Гошу.

Роберт, не переставая сострадать всем этим несчастным множествам теней, окружавшим их, поведал о том, что с ними произошло, и в свою очередь спросил у него, как отсюда выбраться. Тот ответил, что они попали во временно образовавшуюся межслоевую дыру, и она будет существовать, пока они не выйдут через нее в свой физический мир. «Где вы, Роберт, должны будете поведать людям обо всем, увиденном и услышанном здесь,— добавил он.— А выход отсюда вы найдете в том же месте, через которое и попали сюда». На сообщение Роберт с Гошей утвердительно кивнули. Они поблагодарили, и пес потянул хозяина за собой.

— Я все понял,— проговорил он.— Когда мы попали сюда, ты сразу же обронил свой носовой платок. И если здесь не убираются, то по нему, то есть по его запаху, я быстро найду то место, где мы провалились.— Гоша стал, перемещаясь, по-собачьи принюхиваясь, и вскоре радостно сообщил: — Нашел!

И правда, Роберт, не отстававший от собаки, увидел свой платок, висящий в пространстве. Они переместились к этому месту и стали описывать вокруг платка концентрические круги, пока не оказались у себя во дворе, на том же склоне оврага, в который спускались. Роберт посмотрел на часы, оказывается, прошло не более двух минут, как они вышли из подъезда.

— Как хорошо здесь, Гоша! — воскликнул он, оглядываясь вокруг и глубоко с удовольствием вдыхая свежий вечерний воздух. Пес стал повизгивать, вилять хвостом и радостно гавкнул. «Нужно сделать все, чтобы люди больше не попадали в слой мучений! И первое — это рассказать, а еще лучше написать обо всем»,— решил Роберт и посмотрел на небо. Как бы в ответ на его мысли, звезды, светившие слабым, неровным, колеблющимся светом, стали ярче и интенсивно замигали.

Май — август 2021 г.

КОЕ-ЧТО ИЗ ЖИЗНИ ХИЩНЫХ И ТРАВояДНЫХ

ПРИТЧИ

КАК ТРИНАДЦАТЬ ВОРОТИЛ НАРОД НАКОРМИЛИ

Жили да поживали воротилы. И было их не так много, но и не так мало, а ровным счетом тринадцать. А местными они прозывались не потому, что жили тут,— проживали-то они как раз в местах отдаленных, там, где были их сердца, то бишь деньги, хоромы-терема, благоверные с детьми, полюбовницы и прочее добро. Здесь же была та часть их имения, что они когда-то, во времена приснопамятные за гроши присвоили, или, прямо скажем, своровали, и которая давала им немереный прибыток.

Коротали они время и беды не знали. Но вот как-то скука обуяла то одного, то другого, а потом и всех сразу. Созвонились они, списались и решили в кои-то веки встретиться — все некогда, важные дела,— и повеселиться. Сняли ресторан в центре столицы, с музыкой и богатым застольем, но без лишних людей — надоели!..

Пьют, едят, музыка играет — а скука не проходит.

— А ведь скоро, братцы, годовщина,— промолвил один.

— Что еще за годовщина? — спрашивает другой.

— Как же? — Как мы с вами стали богачами, большими людьми!

— И правда, если посчитать — точно! — воскликнул третий.

— Это дело нужно отметить! — продолжил первый.— А что если нам отправиться, каждый на своей яхте, на необитаемый остров, на недельку, да на такой необитаемый, чтобы там и травинки не было?

— Но на яхтах у нас должно быть все! — поддержали его сотоварищи.

Ну как же, тузы да без всего. И решили они взять с собой вина и коньяки, припасы с деликатесами, музыку с музыкантами, прислугу высокого класса, танцовщиц широкого профиля, благоустроенные палатки, в которых будут жить только они с подругами, а остальные — на яхтах, на которых свой капитан да штурман с несколькими матросами.

Выбрали они остров, передали все дела приказчикам своим, сели на яхты и двинулись в путь...

Долго ли, коротко ли странствовали, но вот и остров их, необитаемый. Сошли на берег,— но вначале только одни,— чтобы совершить обряд, о котором столковались в пути. А надумали они ни много ни мало, как воздать хвалу своему создателю и благодетелю за пожалованное им богатство.

И вот сели они в кружок, напрягли свои мысли и, зажмурившись, проговорили хором заранее разученную речевку... А когда открыли глаза, глядь — яхт-то нет! Где они?! Смотрят, но даже до горизонта нигде не видать. Обежали остров — небольшой был — нет и нет. Они уже, грешным делом, начали щупать и щипать друг дружку, не спят ли, и не грезится ли им все это. Однако не грезится... Они за смартфоны — нет связи! Хотя она была, когда они выходили на берег, связывались с «большой землей» — с семьями, приятелями и приказчиками. Даже друг с другом связи нет. Хотя она у них спутниковая — тузы все ж таки.

И тут у каждого, в тот же миг, как по волшебству какому, случился вдох и выдох, сопровождающийся долгим «а-а-а!» Поплыли крыши у наших деловых башен... Снова схватились они за смартфоны — хотели проверить свои счета,— хотя, знамо, Интернета-то тоже нет. Это еще сильнее удручило их, так как что еще страшнее для воротилы, чем невозможность лицедреть свои деньги, хотя бы в электронном виде.

— Что там с нашими счетами?! — возопили они, опять же хором.

Но мобильные банки, само собой так и не отозвались. И оказались наши приятели одни одинешеньки на мертвом клочке земли, посереде моря-океана, без какой-либо связи с родом людским. С неизбывной кручиной, со слезами поглядели они друг на друга — что делать? Кушать тянет, на грудь принять тянет, скучища несусветная, да и жара нещадная. А голод все сильней и сильней, не привыкло их чрево к такому умерщвлению плоти. И тут начала видаться им самая любимая пища. Однако при виде всего этого у них, буквально обонявших все эти благоухания, в организмах жидкости никакой не было для слюноотделения.

И, пошатываясь, бродили они, неприкаянные, залезали в воду и сидели там — все полегче. Однако на второй день уж больно слабые, только лишь лежали в тени скалы и дорого бы дали за глоток воды. На острове же ни травинки, ни кустика и никакой живности. Сами выбирали пустынейший из пустынных. Никогда в жизни приятели не попадали в такой переплет: денег горы, а пустить их в ход и поправить нынешние свои дела не могут!..

— Люди, люди! — простонал один.

— Вот кабы сейчас люди узнали о том, что с нами случилось, помогли бы как советские! — промолвил другой.

— Ведь мы тоже и сами были когда-то пионерами, а закон у них — помочь дружбану в беде,— в беспамятстве пролепетал третий.

— Я бы полцарства отдал тому, кто вытащит меня отсюда! — из последних сил вскричал, как ему казалось, четвертый.

— И я! И я! И я! — присоединились к нему остальные.

...А под утро, очнувшись от своих ночных кошмаров, один из них начал тормозить других:

— Глядите! Глядите!

— Да что?.. Что такое?.. Где, что?..

— Да вон там!.. — И показал им вдаль.

В глубине острова копошились люди... Поднялись воротилы, или то, что от них осталось, и побрели туда, куда указывал их приятель по несчастью. Подошли... И правда, люди — мужчины, женщины и дети, по виду бедные, несчастные, больные. А рядом валяются пустые пузырьки из-под настойки пустырника.

— Вы кто?

— Да мы... вот... работы нет... у предков пенсии — на крышку гроба не хватит... А цены и плата за ЖКХ о-го-го! — отвечают.

— Понятно... А как вы здесь оказались?! — опомнившись, удивленно спросил, один из воротил.

И как только он это произнес, — все мгновенно исчезло.

Вернулись горемыки в тень скалы и в полной немощи опустились на камни.

Однако одна беда не ходит, и морока их продолжилась. Им все что-то не переставая мерещилось. Казалось, что они что-то возглашают и кличут куда-то других. Но посторонний наблюдатель, если бы таковой оказался рядом, заметил бы только тихое бормотание и легкое шевеление рук и ног. А еще им виделось, будто каждый из них доброволец (надо же такому привидеться!), и, засучив рукава, пособляет нищим и горемычным: кто кашу раздает, кто старается медбратом в поте лица, кто расселяет их в специально построенные жилища...

Так и лежали они, вконец измученные жаждой, голодом и химерами, уже едва не в обморочном состоянии. А ночью поднялся сильный ветер, стало холодно. Они, дрожа, очнулись. Светила полная луна, яркие крупные звезды низко висели в южном небе.

И уже когда ни одна дума не приходила в голову, по какому-то наитию сели друзья в тесный кружок, прижавшись спинами друг к другу, и взмолились, но уже не своему покровителю, как при сходе на берег, а Отцу Небесному, о котором когда-то читали, и как учил тому Тот, Кто бичом изгонял барышников из храма (что им раньше сильно не нравилось...)

И вдруг разверзлись небеса, и раздался глас свыше, повторявший одни и те же слова, что громом раздавались в ушах этих измученных существ: «Отдай награбленное! Отдай награбленное!..»

Это невозможно было снести... И вдруг зазвонили телефоны. — Связь есть! Они опустились на камни и потянулись к ним. А голос все звучал. Не отвечая на звонки, приятели трясущимися пальцами открыли свои мобильные банки, свои счета и стали переводить деньги с них в «кошелек» державы, что раньше держали за свою вотчину-рашку, в народные предприятия, большой детворе, в детские же дома, в медицину, в образование... И делали это почти до полного обнуления счетов.

Голос перестал, и они забылись тяжким сном...

А когда открыли глаза и, поддерживая друг дружку, с трудом, шатаясь и падая, встали на колени, то увидели у берега свои яхты идвигающиеся к ним шлюпки с людьми...

... А в державе все СМИ, захлебываясь и стараясь лишиться одного другого первенства, как это обычно с ними бывает, наперебой стали оповещать весь подлунный мир о великом чуде, о благословении Небес, по которому, наконец, наступила пора правды и благоденствия.

А НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ-ТО СПОДРУЧНЕЕ...

Перефразируя известное высказывание Л. Н. Толстого, можно сказать: все счастливые люди похожи друг на друга, а все несчастные несчастны по-своему...

Вот жилось бы мировым воротилам и жилось, так нет — подавай им плавающий город, да не просто, а на сорок тысяч человек. То бишь на все их триста семейств с сестрами-братьями, детьми, внуками и правнуками. И жилось бы им уже и поживалось в покое, ибо столько добра нажили, что и не счесть, так снова нет — решили они сотворить полную перестройку всего белого света: ни много, ни мало — поголовно заменить трудящихся людей роботами* под началом ИР**. А всех жителей Земли-матушки за ненадобностью без остатка извести, напустив на них нарочно придуманную заразу-убийцу, а тех, кто устоит, доизвести, но постепенно, с помощью особых укулов. Решили даже не оставлять никого для присмотра за этими самыми роботами и, как говорится, для смазывания-ремонта, а также для создания их вновь, и вкупе с ними надсмотрщиков за этими ремонтниками. Ибо боялись, что снова размножится род людской на земных просторах. И все — от аза до ижицы — постановили возложить на робов.

Долго ли коротко ли дело делалось, а было сделано, тем более что оно шло без каких-либо помех и сделок между уже ненужными им, воротилам, нынешних царств и королевств, и шло довольно таки проворно.

* Авторское название роботов

** Искусственный Разум

И вот, наконец, остались они со своими семьями на этом плавающем острове и беды не знают. Наслаждаются почти натуральным климатом, чистым воздухом, а роботы снабжают их всем нужным и обороняют от всех мыслимых и немыслимых угроз. Рай да и только!

Жили они, жили, у внуков уже дети народились, все хорошо — лучше не бывает. Но что-то тоскливо им всем стало. Куда ни пойдешь — одни и те же виды, одни и те же физиономии, — все одно. И так годы и годы.

И вот одному из воротил, как говорится, вожжа под хвост попала. Не хочу, мол, тут со всеми вековать — подавай мне особый плавающий город. Приказал он ИР, а тот, соответственно, роботам построить его семье отдельную такую обитель. И построили — долго ли умеючи, когда все золотые горы, молочные реки и кисельные берега в подчинении. Переехал он со своими домочадцами, и стали они жить-поживать припеваючи.

Однако, как известно, пример заразителен. И другие воротилы сделали то же самое, а общее свое место жительства оставили про запас, на всякую оказию. Все довольны, жизнь, продленная новыми разработками ИР донельзя, продолжается.

Живут, дни за днями идут (а день у них уже стал, что твой год), но то ли хворь какая на них напала, то ли что, а каждый из воротил, чуть не в одночасье, восхотел освободиться от одинаковости своего бытия. К тому же сородичи его не то по этой же причине, не то от кровосмешательства — ведь других людей нет, все свои, — впали в умопомрачение. А также стали чуть ли не в очередь становиться к воротиле — как ко всему голове — со своими вопросами, тяжбами и затеями. Что делать?

И каждый из воротил, кто немного раньше, кто немного позже, решил устроить себе отдельный плавающий замок и удалиться в него, чтобы не видеть и не слышать никого и ничто.

А ИР, поняв это уединение как приказ, по уже налаженной схеме, не спрашивая и не уточняя, устранил и «сородичей», подобно прежнему устранению обитателей Земли.

И не так долго это делалось, но было сделано. Зажили воротилы сам-один лучше и помыслить нельзя: на всем готовом и без всякого народа...

Шли годы, роботы трудились, снабжали всем и под управой ИР за здоровьем их следили, упреждая даже ничтожные от него уклонения. А воротилы, каждый в своем обиталище жили, как хотели, ни перед кем не конфузясь, ничего не страшась, вольными особями: хочу — в чем мать родила буду ходить, хочу — ни мыться, ни бриться не буду, хочу — на дерево залезу и там орехи щелкать буду или кокос грызть. А захочу — и на четвереньках ходить стану: так, на поверку, и проще, и сподручнее...

И перестали они изъявлять желания да пожелания свои, перестали походить на человеческие существа: забыли человеческую речь, обросли, завоняли...

А ИР в купе со всеми роботами действовали по трем правилам:

- исполнять приказания повелевающих особ;
- налаживать все условия для жития тех особ и всех их сожителей;
- ежели нельзя исполнять первые два правила, по причине неимения повелевающих особ и их сожителей, приступить к творению вновь рода людского, для чего было задолго, наряду с ИР, налажено и хранилище семени и женских яйцеклеток.

И ИР, присмотрев пригодный уголок Земли, с потребными условиями, принялся за творение нового человечества. А тот, недавно образовавшийся, малочисленный отряд человекоподобных обезьян, из-за неимения самок, довольно скоро вымер...

ЗАЯЧЬИ БОИ

Сошлись как-то волки, хоть и немного их осталось, сошлись на свой сход — обсудить свои волчьи нужды, да и просто потолковать. И в конце сходки, когда уже и толковать было не о чем, поднялся один серый и предложил:

— Что мы зайцев-то все ловим да едим, ловим да едим... Скучно и нудно. Почему бы нам не спровоцировать для забавы заячьи бои?

— Как так? — раздалось на поляне.

— А вот так: пусть они точат ляды и перечат один другому, препираются, бранятся, режутся на словах и увещевают один другого, мы же будем слушать, потешаться и, вообще, наслаждаться. Не все же нам после еды давить ухо да по ночам выть на луну.

— А есть-то мы будем их, зайцев-то?

— А как же! Будем, да еще как! Но только не этих. Эти пусть нас забавляют, мы их и морковкой кормить будем после действия, не убудет с нас — зато весело заживем.

Разобрали все по косточкам волки, побились об заклад раз, другой и третий, да и сошлись — тому быть!

Изловили они восемь зайцев, правда, только сухопарых, так как более упитанных, удержу нет, съели. Разделили их на две дружины — какой же вразправдашний спор без того? Один устал, другой ему на смену заступает. И стали потихоньку приучать и морковкой кормить — зайцы-то со временем и вовсе ручными

стали: ходят осанисто, судят да рядят, а по вечерам дружина на дружину набрасываются. Да и то волк, ответственный за это дело, наущает их, мол, позлее, позлее будьте, один на другого нападайте, как на злейшего своего супротивника. Кто будет так выступать да со смыслом, да с вывертом и страстью, тот получит двойную, а то и тройную порцию морковок.

Долго ли сказка сказывается, да недолго дело делается. А оно пошло. Даже волчье телевидение заинтересовалось и стало передавать на все волчьи поляны. И на морковку теперь этим волкам-устроителям не приходилось тратиться. А зайцы знай хрумят морковку, но все ж на волков косятся, косятся. Один не выдержал и говорит:

— Не верю, братцы, я им. Съедят они нас, за милую душу съедят!

— Да брось ты! — ответил ему другой. — Мы же им полезны. Смотри, как смеются и хлопают!

— А может это начало нового житья — согласия между зайцами и волками?! — воскликнул третий.

— Да, жди... Не дожدهшься, — возразил ему первый.

Но так или иначе, а деваться-то некуда — взялся, как говорится, за гуж... И бьются зайцы на говорильной сече аж до потери сознания порой, а после в очереди за морковкой улыбаются друг дружке да přátельски толкуют меж собой.

Так и жирели наши зайцы, и до того разжирели, что многие волки, сидевшие вокруг поляны для боев, уже облизываться стали да задумываться — а не съесть ли нам их?

Так и шло: зайцы косятся, а волки подумывают. И чем больше зайцы косятся, тем больше волки задумываются, а чем больше волки думают, тем больше зайцы косятся...

Сколь долго бы все это тянулось и чем разрешилось, неизвестно, не случись нежданное, нежданное. Откуда ни возьмись, появились в лесу тигры, да как раз в тот момент, когда на поляне происходило это самое действо. Да до того свирепыми оказались те тигры, что сразу, недолго думая, окружили то место говорильное и, издав боевой рык, растерзали в миг тех волков и зайцев в клочья и... съели.

На том и закончились заячьи бои со страхами и волчьи мечтания.

03 января — 01 марта 2021 г.

Олеся МАМАТКУЛОВА

г. Алексин Тульской области

Родилась 19 февраля 1980 г. в г. Щекино Тульской области. Учитель биологии и географии. Автор четырех сборников стихотворений: «Волшебный лепесток», «Почерк души», «Мысли и чувства», «Заповедная тропа» и сборников песен «Серебряный родник» и «Звонкие капельки». Лауреат районных, областных и московских литературных конкурсов. Имеет публикации в альманахах России и Польши. Член ОМЛО «Муза». Член СПР. Член АРЛ. Постоянный автор нашего альманаха.

ЛЮБЛЮ

Весенний дождь. Робкий, теплый, неторопливый. Как долго ждут его деревья и травы, измученные за долгую зиму! Как радуются ему птицы и первые цветы! Какой чистой и обновленной становится вся природа!

Капли мягко ложатся на молодые, нежно-зеленые, еще не до конца распустившиеся, листочки. Все вокруг замирает и стоит неподвижно. Только слышится легкая, грустная мелодия, которую напевает дождь. Я особенно люблю это время — спокойное, неторопливое.

«Люблю». Как много тайного, неразгаданного, необъяснимого таится в этом слове. Как часто в жизни мы слышим его и произносим сами. Мы любим лето или осень, маму или бабушку, музыку или фильмы, отдых или работу, машины или самолеты. И еще море всего. Можно перечислять бесконечно! У каждого из нас свое «люблю». Из тысячи таких «люблю» состоит вся наша жизнь, наше маленькое счастье. Но все мы, рано или поздно, ищем такое «люблю», которое можно было бы обнять, прижать к себе, поцеловать и назвать самым близким и родным. Для кого-то — это мужчина или женщина, для кого-то — сын или дочь.

«Люблю!» Как сильно, как многозначительно звучит! Ради этого слова люди, порой, совершают невозможное. Преодолевают себя: свои страхи, комплексы, переживания, свою лень, несобранность, свой эгоизм. Кто-то поддается безумным поступкам, кто-то полностью меняет свое отношение к действительности, а иные даже с легкостью жертвуют самым драгоценным — своей жизнью!

Странно и страшно, но из-за одного такого «люблю» рушатся города и страны, начинаются войны, гибнут люди. Но другое такое же «люблю», произнесенное иными устами, дает веру, надежду и счастье. Из-за такого светлого и чистого «люблю» рождаются дети, строится новый мир и живет вся наша огромная планета.

Любовь — необъяснимое, непонятное чувство. Оно может внезапно прийти и так же внезапно исчезнуть, словно по мановению волшебной палочки. Оно неуловимо, непостижимо, непонятно, хрупко, безбрежно и конечно одновременно. Но оно всегда осязаемо, ощутимо. Настоящая, искренняя любовь приходит только единожды. Она оставляет яркий, неисчезающий и запоминающийся след. И все, что было или будет после нее, не имеет никакого значения. Именно такой любви ждут люди. О ней слагают стихи поэты, пишут музыку композиторы, снимают фильмы режиссеры, ее рисуют художники. О ней мечтают, ее боятся, про нее говорят.

Жаль, не всем суждено встретить такую любовь. Очень часто мечты остаются мечтами. А мы живем и верим, что все еще будет, что чудо случится, и жизнь заест новыми яркими красками. Деревья станут выше, а небо безоблачным.

Дождь идет все медленнее, медленнее. Кажется, его капли тоже выстукивают по железной крыше: «лю-блю», «лю-блю», «люб-лю»... И я, вдыхая свежий майский воздух, тихо повторяю вслед за дождем: «Люблю».

Ляман БАГИРОВА

г. Баку, Азербайджан

Багирова Ляман Сархадовна родилась 6.08.1969 г. в Баку. Филолог-русист. Заведующая сектором новых книг в отделе национальной библиографии Национальной библиотеки Азербайджана. Член СП Азербайджана и РСР. Издано четыре книги рассказов. Публикуется в журналах, альманахах и газетах. Лауреат, дипломант и финалист ряда известных конкурсов. Наш постоянный автор.

НЕЛОВКОСТЬ

*Совесть ночью, во время бессонницы,
несомненно, изобретена.
Потому что с собой поспорить
можно только в ночи без сна.
Потому что ломается спица
у той пряжи, что вяжет судьбу.
Потому что, когда не спится,
и в душе находишь судью.*

Борис Слуцкий

Вечное качество интеллигента — испытывать неловкость в любой щекотливой ситуации не оставляло его. Кажется, это называется «испанский стыд» — сделал неблагоприятное кто-то другой, а стыдно тебе.

Но почему именно к этому случаю, — Господи, уже 35-летней давности — так настойчиво, так упорно возвращалась его память? Словно на какое-то время она перестала быть волшебным орудием человеческого мозга, а превратилась в мясорубку с застрявшим куском жилистого мяса. Мясорубку заклинило — и ни туда и ни сюда, точно так же заклинило и его память. С дьявольской услужливостью она поставляла издерганному сознанию один и тот же давний эпизод.

И знала же, проклятая, когда нападать. Всегда в один и тот же час — в половине четвертого утра. Как заведенный открывал он глаза и продолжал лежать в постели, с недавнего времени одинокой. Подруга жизни, как высокопарно называли жену в старинных пьесах, покинула его и этот мир. Они прожили вместе тридцать шесть лет, вырастили двух успешных сыновей, обзавелись внуками. Сыновья поочередно звали его к себе после смерти матери, но менять привычки в старости трудно. Не то, чтобы боль утраты сильно жгла его, жена давно болела, и он привык к ее болезни так же, как привык к ней самой, но оставить дом, где все было ему знакомо, и главное, — где он был хозяином, — он не мог. К счастью, немощь еще не одолевала и в посторонней помощи он не нуждался.

К тому же хозяйствовал он исправно. Дом не приобрел сиротливого облика, как это обычно бывает после ухода хозяйки, наоборот, в нем по-прежнему приветливо светились чистые окна за цветными занавесками и пахло теплым живым духом.

Все было бы ничего, если бы не заклинившая в половине четвертого утра память. Хотя, в принципе, и это объяснимо. Одиночество пожилого человека, бессонница, ночная тишина, не с кем словом перемолвиться — вот и лезут в голову разные мысли. Но отчего именно эта, что не так он сделал в тот ноябрьский день тридцать пять лет назад?..

Он, тогда еще не солидный, обрюзгший Мстислав Ильич, а просто Славик, жил в коммунальной квар-

тире и работал в редакции крупного литературного журнала. Жаль, что древние греки не придумали музу журналистики: Славик творил явно под ее благосклонным взглядом. Он был, что называется, подающим большие надежды и восходящей звездой эссеистики. Старшие коллеги отмечали его литой «римский» слог и деликатную манеру повествования, наперебой хвалили и каламбурили, что «Слава составит славу отечественной журналистики».

Был среди его знакомых некий Марк Эльдарович Роскин. Вот с него-то, пожалуй, и началась вся эта история.

Был это приземистый, добродушный толстячок с настоящим брабантским брюшком. Славик за глаза даже называл его Ламме Гудзаком — так разительно было сходство Роскина с неувядающим героем Костера. Прибавьте к этому карие веселые глазки, пухлую инжирину носа, толстые щеки, усыпанные веснушками — и перед вами истинный маленький фламандец. И только волосы, некогда рыжеватые и густые, стали сейчас снежно-белыми и легкими как пух. Они не поредели, но словно утратили былую плотность и теперь трепетали от каждого порыва ветра. Это придавало облику толстячка воздушность, и, глядя на него, хотелось улыбаться. Марк Эльдарович излучал радость, хорошее настроение, а такие люди — редкость во все времена.

Помимо внешности и жизнелюбия он обладал еще одним потрясающим даром — умел великолепно, обаятельно и живо рассказывать о людях, с которыми его свела судьба. Этот дар, пожалуй, был особенно ценным для Славика. Именно в таких феерических, полных искренней любви рассказах черпал он материалы для своих эссе. И, надо признаться, никогда не забывал поблагодарить старика. А тот...

Тот прямо расцветал от похвал и сыпал, бросал, кидал к перу Славика роскошные букеты своего вдохновения. Рассказчиком Роскин был отменным, под стать Ираклию Андроникову, чье мастерство стало легендой.

Заводил он, к примеру, разговор о какой-то давно умершей актрисе:

— Ах! — вначале следовал полувздых-полупауза и маленькие глаза прикрывались, веки подрагивали. Перед внутренним взором рассказчика вероятно возникала героиня самозабвенного монолога.

Затем откуда-то из глубин серого пиджачка к слушателю вытягивалась пухленькая ладошка лодочкой. Она выражала безмерную скорбь по поводу рано ушедшего таланта.

— Дорогой мой! — пауза, наконец, прерывалась. — Если бы вы только знали, что эта была за женщина! Колдовство, магия, богиня! Любые эпитеты будут жалки! Человеческий язык груб и темен, в нем нет слов, чтобы описать ее! Она была музыкой, феей света, чудом! Каждый жест ее был лучезарен, походка летящей, голос волшебным. Когда она играла Джульетту!.. Боже! В сорок два года играть Джульетту и сделать так, чтобы зритель поверил в твою невинность, чистоту, прелесть, в твои четырнадцать лет! Чтобы он забыл о морщинках на твоём лице, и уже не девической талии? Что это? — Марк Эльдарович подпрыгивал на толстеньких ножках и всплескивал руками. — Что это, я вас спрашиваю? Что это как не дар Божий, великий талант? А сколько грации, обаяния, изыска, ах!

И из глаз Ламме Гудзака лились непритворные слезы. В эти секунды Славик думал, что надпись «незабвенным», на лентах к похоронным венкам, не только красивые слова и что есть люди, в памяти которых любимые люди всегда живы.

И так же волшебным и «вкусно» Марк Эльдарович умел «обставить» любое свое повествование. Если он говорил об известном поваре, то от названий блюд, казалось, исходил аромат и слушатель нетерпеливо сглатывал слюну. Если о музыке, то в голосе его плакала скрипка и глухо звучал тромбон. Он не рассказывал, а разворачивал действие, как разворачивают военные знамена и начинают наступление. Победителем в этой войне был неизменно он, а побежденный чувствовал себя счастливейшим из смертных. Где и когда еще удастся услышать столь вдохновенные речи?!

Иногда старик утомлялся и начинал рассказывать о том, как во время его юности одевались женщины, какой трамвай шел от Шестнадцатой Завокзальной к центру города и какой на балконах рос виноград — «сорт “дамские пальчики”, такой же нежный и вкусный как они!». При этих словах он подмигивал Славике, но тому вдруг становилось грустно. А отчего, он и сам не знал. Вероятнее всего, все дело было в белых пуховых волосах Ламме Гудзака. Они были похожи на облако и так не вязались с земным жизнелюбием их хозяина. И в эти минуты пронзала мысль: недолго еще упиваться роскошью живого рассказа, надо ловить бесценные мгновения!

— Тома-а-а, — кричал старик жене. — Томочка, чаю бы нам! — голос сразу становился визгливым: так старик уравнивал полет вдохновения с обыденностью.

Появлялась Тамара Ефимовна, худенькая, очень белокожая женщина. Она сосредоточенно несла перед собой поднос с чаем и печеньями, и в каждом ее движении была забота и тревога: все ли в порядке, хорошо ли ее неугомонному Ламме?

Но Ламме был доволен, Ламме витиевато и изысканно благодарил ее, и она так же церемонно отвечала, чуть склонив голову набок. И Славике казалось, что все в этом доме подчинено законам какой-то неведомой пьесы, и она не прислушивается ни исполнителям, ни зрителям.

Однажды старик так воодушевленно рассказывал о каком-то поэте, что Славика осенила идея.

— А что если вы сами напишете о нем воспоминания?! Правда, Марк Эльдарович! В декабре юбилей со дня его рождения, журнал отметит это непременно. Напишите, это будет, так сказать, материал из первых

рук. Одно дело — кто-то другой пишет о нем с ваших слов, а другое дело вы — современник, личный знакомый. Это же здорово!

— Во-первых, не кто-то, а вы, Славущка, — старик перегнулся вдвое и метнул на него быстрый взгляд. Но в позе его не было угодливости, жалкой в пожилых людях; скорее — почтение с легкой хитрецей.

— Вы, вы! — добавил он решительно, и глаза его озорно вспыхнули. — Вы у нас блестящий эссеист, и я буду счастлив, если на моем могильном камне напишут: «Он был другом Мстислава Горчева», а люди будут тихо спрашивать: «Неужели самого Горчева?!» и с уважением озираясь на мою пыльную могилу!

— Польщен, — шаркнул ножкой Славик, но, Бога ради, оставим в покое пыльные могилы и вернемся к журналу. Смотрите, Марк Эльдарович, вы уже расстроили жену, она чуть не плачет.

И, правда, глаза верной подруги Ламме наливались слезами, а выражение лица становилось совсем детским. Она не могла слышать даже шуточных разговоров о смерти. Обожаемый Марик был для нее всем: мужем, ребенком, другом. Единственный их сын умер мальчиком в войну, и больше детей у них не было.

— Сам не знает, что горюдит, — ворчала женщина, — ему только меня бы дразнить.

— Марк Эльдарович, напишите, а? — уже серьезно просил Славик. — Поверьте, это будет грандиозно с вашим-то талантом. Вы только оформите все на бумаге, а я передам главному редактору. Я ему все уши прожужжал о ваших рассказах. Он будет счастлив опубликовать вас. А я почту за честь лично вручить вам номер журнала. Миленкий, пожалуйста!

— Вы уверены? — Лицо Ламме Гудзака приняло непривычное тревожное выражение. — Вы думаете, у меня получится?

Славик искренне удивился:

— А чего тут уметь с вашим мастерством?! Просто перенесите все на бумагу и отдайте мне.

Старик колебался и о чем-то напряженно думал. Потом принял прежний вид и беззаботно махнул рукой.

— Была-не была! Напишу!

Дальше все происходило словно во сне. Покатилась череда каких-то неотложных дел, прошел сентябрь, октябрь, ноябрь перевалил за половину. И только, когда редактор напомнил ему об обещанном материале на декабрь, Славик хлопнул себя по лбу и отправился к Роскиным.

Как ни упрашивала его добрейшая Тамара Ефимовна пообедать или хотя бы выпить чаю, как ни бурно радовался сам хозяин, Славик наотрез отказался задержаться. Ноябрьские сумерки наступали быстро, и надо было еще успеть заскочить в несколько мест. Он не глядя схватил рукопись, свернул ее и так же свернутой передал редактору.

Редактор обещал дать ответ через три дня. Но будь она неладна — эта дьявольская круговерть дней и дел, когда не помнишь себя от усталости, когда превращаешься в механизм, которому надо выполнить и то, и это, и третье, и ни в коем случае ничего не упустить из виду. И вроде бы везде успеваешь, а потом оказывается, что упустил крохотное мгновение, когда можно было бы не совершить роковой ошибки. Но мгновение упущено, и уже ничего не поправить. Славик напрочь забыл спросить редактора о рукописи, а тот и не заводил разговора.

Утром 28 ноября ему позвонила Тамара Ефимовна и тихим голосом попросила зайти.

— Нет-нет, ничего не случилось, — уверяла она его, — просто Марку Эльдаровичу нездоровится, а он так хотел бы вас видеть.

Как только Славик пересек порог гостеприимного дома, ему стало ясно, что произошло что-то тяжелое. Так бывает, когда в цветущий садовый куст вдруг въезжает, к примеру, газонокосилка и ломает его. На земле валяются растерзанные грязные цветы, оборванные листья, стебли. Куст еще живой, корни не повреждены, но от былого великолепия нет и следа.

— Что случилось, Тамара Ефимовна? — шепотом спросил Славик. Женщина бодрилась, хотела что-то сказать, но губы ее задрожали. Она только махнула рукой и беззвучно заплакала.

— Тома-а-а, — послышался надтреснутый голос. — Я тебе запрещаю плакать, слышишь? В конце концов, сам виноват. Славик пришел?

— Вы не заходили, — торопливо заговорила Тамара Ефимовна, а Марик, — ну, вы же знаете, какой он ребенок — ему интересно было, что скажут о его рукописи, и он выведал адрес и сам пошел в редакцию. Я толком не знаю, что там было, но вернулся он весь зеленый. На нем лица не было. Молча бросил рукопись на стол, лег в постель и с тех пор не встает. Уже восемь дней. Спрашиваешь, что болит — говорит, ничего. Но сам тает, я же вижу. Ему плохо, а он мне улыбается, ласточка моя... — у нее опять задрожал подбородок.

— Ну, не надо, Тамара Ефимовна, прошу вас. Это просто недоразумение какое-то, сейчас разберемся. Я к нему пройду, можно?

Перемена в Марке Эльдаровиче была разительная. Из добродушного Ламме Гудзака выкачали воздух, силы, улыбку. На маленькой, почти детской кровати едва возвышался он, жалкий, сдувшийся как воздушный шар. Даже белый пушок на голове казался приклеенным и серым.

— А, Славочка, здравствуйте. Нечасто нас посещает Слава! — Ламме еще пытался шутить. — Да, все в порядке со мной, — он поморщился на безмолвный вопрос. — Это женщины вечно все преувеличивают.

— Нет, — запротестовала жена. — Славик, может, я и ничего не понимаю, но он вернулся сам не свой из редакции. Ему сказали, что это все чушь и ерунда, что такие рукописи близко к журналу нельзя подпус-

кать. А по-моему написано замечательно, я читала и плакала от восхищения. Посмотрите вы, как профессионал. Ну, может быть, там есть какие-то грамматические ошибки, человек-то уже немолодой, но, главное, ведь суть! А буквы-запятые выправить всегда можно. Зачем же человека так обижать?! — Из глаз ее посыпались слезы.

— Ласточка моя! — донесся с кровати вздох. — Слава, скажите ей, чтобы не плакала, не могу я это слышать.

— Хорошо, вы только не волнуйтесь. Можно мне посмотреть рукопись?

Пробежав глазами несколько строк, Славик закусил губу и прошел к окну, словно ему не хватало света. Стоя лицом к окну было легче скрывать свои эмоции.

То, что он читал, было чудовищно. Поразительно бездарно и пошло. Славик подумал, что главный редактор, конечно, хам и невежа, раз наговорил невесте что пожилому человеку, но уж в отсутствии профессионализма его не обвинишь. Все, что в устных рассказах сияло, искрилось, переливалось всеми красками, на бумаге стало мертвым, тусклым и банальным. Куда-то испарились яркие сочные образы, сравнения, артистичность, особый язык, придававший рассказу вкус, цвет, запах, трепет самой жизни.

Умерли изящество и душевность речи. Умер — во второй раз! — сам герой эссе — звонкий, веселый поэт, чьи стихи были наполнены светом и воздухом. Он умер, раздавленный бесконечными «ибо», «следует подчеркнуть», «необходимо отметить», «из вышеизложенного следует», «беспощадная смерть вырвала из наших рядов одного из представителей поэтического стана» и прочими монстрами канцелярского стиля.

Славик читал и поражался. Неужели возможно, чтобы человек с таким светлым даром устного рассказа оказался настолько беспомощным на бумаге?.. Увы, видимо, да.

На душе у него стало скверно; он не решался повернуться.

Но маленькая пожилая женщина, любящая ласточка, не выдержала:

— Ну, как? — прервала она молчание. — Не правда ли, чудо как хорошо?! Скажите же, Славик, мы только вам и верим!

Что он мог сказать им, двум парам напряженных глаз, с надеждой глядящих на него?..

— По-моему, написано превосходно, — пробормотал он. — Очень художественно, ярко.

Тамара Ефимовна просияла:

— А я что говорю! Простите меня, Славочка, но ваш редактор просто хам и дурак. Он ничего не понимает. Боже, какое счастье, что вы пришли. Что значит настоящий специалист! Марик, ты слышал? У тебя превосходная статья! Это Славик сказал. Нет, и не просите, я вас никуда без обеда не отпущу!

И мгновенно был накрыт стол, и сухонькие ручки ее летали над скатертью, выкладывая тарелки с немудреной закуской. И хозяева говорили без умолку, подкладывали ему самые вкусные куски и поднимали рюмки с наливкой за «славу отечественной журналистики», а ему было неловко, стыдно, и гадко на душе.

— Так мы можем на вас надеяться? — Тамара Ефимовна говорила непривычно властно и быстро, словно боялась, что ее прервут. — Я все понимаю, Славик, вы подчинены вашему главреду, этому хаму, но вы — немаленький человек в редакции, он обязан прислушаться к вашему мнению. Боже, и как таких людей только держат на работе? Скажите ему все, что вы думаете о рукописи Марика, и пусть он печатает ее без разговоров! Я правильно говорю, Марик, ну скажи хоть слово!

Марк Эльдарович смотрел на него, и трудно было сказать, чего больше в этом взгляде... Мольба, надежда, или тень страшного прозрения — он бездарен на бумаге?.. Страх? Отчаяние?

Нет! Снова мольба, снова надежда в круглых карих глазках. И пушок на голове вновь побелел. Ламме Гудзак возвращается!

Славик собрался с духом:

— Да, я поговорю с редактором. Все будет хорошо. Он, наверно, просто, не вчитался. Но вообще, он грамотный человек, — защитил коллегу журналист.

— И слушать ничего не хочу! — возмутилась Тамара Ефимовна. — Просто вы, Славик, очень хороший человек и не хотите никому причинить вреда. Но ваш главный редактор — спесивый дундук!

— Ласточка, — опять вздохнул Марк Эльдарович. Он чему-то улыбался и скатывал из хлебного мякиша шарик. Пальцы у него были совсем белые и какие-то плоские. — Ласточка, — повторил он почти шепотом.

Славик бегом скатился по лестнице. Обращиваться ему не хотелось — очень трудно обернуться на людей, которые приветливо машут тебе вслед, и знать, что обманешь их.

С редактором он, конечно, не поговорил. Да тот и не стал бы слушать — не о чем было говорить.

Статью в юбилейный номер он не написал. Не смог.

И, конечно, больше он никогда не бывал в гостеприимном доме Роскиных.

Он не подходил к телефону, а дома и в редакции попросил, чтобы всем говорили, будто он в командировке.

Ему передавали, что два раза кто-то звонил и тихим старческим голосом просил к телефону Мстислава Горчева, но перезвонить он так и не решился.

А потом, к счастью, опять закрутила-завертела жизнь, и дом Роскиных вместе со своими хозяевами отплыл в черные льды памяти. Он вспоминал о них все реже и реже, и, вспоминая, оправдывал себя. И действительно, что ему оставалось делать? Лишить стариков надежды? Или отстаивать галиматью перед редактором?

Нет, ничего он не мог сделать. Но отчего все тридцать пять лет, эта история не дает ему покоя? Отчего терзает его в этот глухой предутренний час, когда душа легче всего устремляется в небо?

Зайди он через три дня в редакцию, заberi сам рукопись, все бы обошлось. Уж он-то бы нашел нужные слова, и никто не был бы в обиде.

Но, видно, так устроена жизнь. Словно кошачь лапа, она то гладит тебя, то впивается когтями. Может быть просто для того, чтобы дать почувствовать — ты еще живой.

А может, и еще для чего-то...

Валентина БЫКОВА

г. Новозыбков Брянской области

Руководитель ЛитО «Родник». Организатор международного литературно-поэтического конкурса — фестиваля «Живой родник» им. Анатолия Жаренова. Печата-лась в журнале «Литературный Брянск», в сборниках: «Родник», «Десна», «Родные голо-са», в сборнике по итогам международного конкурса «Живой родник», является автором книги «Тайна параллельного мира».

МАКС

Шел мелкий холодный дождь. На промозглой остановке люди укрылись от непогоды под тонкими щитами. Макс стоял съезжившись. Промокшая насквозь куртка не спасала от ветра, и парень никак не мог согреться. Подъехал автобус, и люди, толпясь, старались как можно быстрее зайти в раскрытые двери. Он сел на заднее сиденье. Немного стало теплее, усталые глаза непроизвольно закрылись. Очень хотелось есть, и в животе предательски урчало. Тучная кондукторша стала пробираться по проходу, громко крича:

— Граждане пассажиры, передавайте за проезд.

Макс посмотрел на нее и с досадой подумал: «Ну, вот, опять придется выходить на следующей оста-новке. Сейчас я снова окажусь на этом проклятом дожде».

Он почувствовал, как холодные мурашки пробежали по спине.

— Молодой человек, приобретаем билетик за проезд,— прервал мысли громкий голос кондуктора.

— А у меня денег нет. Выйду на следующей,— поднимаясь тихо сказал парень.

Кондукторша внимательно посмотрела в его глаза, словно просвечивая рентгеном:— Да ладно, сынок, сиди спокойно.— И тут же громко объявила:

— Граждане, не забывайте оплачивать проезд!

Макс хотел поблагодарить женщину, но та уже протиснулась вперед и подала билет какому-то муж-чине. Парень облегченно вздохнул и откинулся на спинку кресла, обдумывая, что ему дальше делать. Так он доехал до конечной остановки. Автобус быстро опустел. Кондукторша подошла к Максy и села рядом на свободное сиденье.

— Сейчас выйду,— машинально ответил он, но женщина протянула ему бутерброд:— Поешь, сынок, Он с жадностью стал есть.

— А можно мне еще поездить?

— Только через два часа у меня заканчивается смена.

— Спасибо, может дождь за это время закончится.

Куртка Макса немного просохла, и он даже успел немного подремать. Дождь закончился, но ветер был порывистый и холодный. «Куда идти»? Из дома выгнали, нигде не ждали. Он зашел на вокзал. На сиденьях сидели немногочисленные пассажиры, ожидающие своего поезда. Парень невидящим взглядом уставился в расписание. Вспомнилась мать, и горькая обида наполнила сердце. Как она могла оставить его одного в этом мире? Он вспомнил, как она в редкие минуты просветления обнимала его и, целуя, говорила: « Прости меня, сыночек, прости. Обещаю: больше не буду пить. Вот завтра и брошу. Честное слово, брошу».

Макс ей уже не верил, но в глубине души по-детски надеялся, что мать исправится и что они заживут, как все его одноклассники.

Учеба Максy давалась легко. Первые три класса окончил без единой тройки, но потом дети стали его дразнить. У мальчика одежда была всегда старая, и он постоянно был голодный. Все насмешки Макс сносил, но, когда дети стали обзывать его мать пьяницей, он начал драться с ребятами и прослыл в школе драчуном и конфликтным ребенком. Друзей у него не было. Да и какие родители разрешат своим детям дружить с маль-чишкой, у которого родители алкоголики. Но он любил мать и, когда она пропадала, бродил по городу, ча-стенъко находя ее пьяною, сидящей на лавочке в парке либо валявшейся где-то под кустом.

— А, это ты, сынок,— говорила она, поднимая невидящие глаза.

Вытирая кулаком слезы, он обижался:

— Мам, ну ты же мне обещала!

Он, надрываясь, поднимал неподъемное тело и тащил. Было очень тяжело, но мальчик терпел и, как всегда, надеялся, что мать образумится и вернется к нормальной жизни.

Стоя перед расписанием, он отчетливо вспомнил тот страшный день. На улице было по-весеннему тепло. Солнце пригревало, и дети шли на занятия без курток. Макс шагал с неохотой. На душе было тревожно и как-то беспокойно. Всю ночь он просыпался от чувства, что должна случиться беда. Он дошел до школы, но предвидение заставило вернуться. У парка он увидел милицейскую машину. «Мама!» — подумал он и побежал по дорожке. На аллее толпились зеваки. Возле скамейки лежала женщина. Макс сразу ее узнал. Он бросился вперед, но милиционер остановил, схватив за плечи.

— Дяденька, пустите! Это моя мама! — вырываясь из цепких рук, закричал мальчик. — Я ее сейчас заберу.

Но милиционер еще крепче сжал объятия. И только сейчас Макс увидел лужу крови под головой матери. Офицер развернул мальчишку и повел к выходу. Это потом он узнал, что мать зарезали в пьяной драке. Папка недолго горевал и вскоре женился. Мачеха не обращала на пасынка никакого внимания, да и отец потерял к сыну всякий интерес. У Макса теперь была своя жизнь. Он часто прогуливал уроки, дрался с мальчишками, грубил учителям и после седьмого класса был отчислен. Доучивался в вечерней школе. Здесь и познакомился с Витькой. Это был высокий, здоровенный парень, полная противоположность Максиму, но, как ни странно, они подружились. Это был первый друг, который понимал с полуслова. В школе их прозвали Тарапункой и Штепселем. Он уже не помнил, с чьей легкой руки прилипли к ним эти прозвища, но ребят это не напрягало. Им даже нравилось, что их воспринимали, как неразлучных, потому что они везде были вместе. Благодаря другу Макс получил среднее образование. Витька уехал в другой город учиться в техникуме, а Макс пошел работать на завод. С первой зарплаты он купил себе джинсы и футболку. Мачехе отдавал деньги за проживание в квартире и питание, а остальные откладывал про запас, пряча в томик Пушкина. А так как в доме никто не читал, он был спокоен, что его маленький клад никто не найдет. Очень хотелось купить к зиме куртку и немного приодеться.

Вчера он вернулся домой и обнаружил, что мачеха нашла заначку. Он попросил вернуть деньги, но все закончилось грандиозным скандалом. Мачеха обвинила парня, что тот все время сидел у нее на шее, всех объедал и незаконно занимал место в квартире. Максим плохо помнил, что отвечал, только поглядывал на отца, пытаясь увидеть в нем защитника. Вот сейчас он скажет, что это и его квартира и чтобы эта ведьма не смела повышать голос на сына, что он любит его и не позволит глумиться над своим ребенком... Но отец молчал и только кивал головой, соглашаясь с супругой. Макс выскочил на улицу. «Никогда не вернусь в этот дом!» Дом, где о нем никогда не заботились.

Он стоял возле стенда с расписанием поездов, а по щекам текли слезы. Воздуха не хватало, хотелось глотать его полной грудью. Внезапно парень почувствовал такое одиночество, такую обиду на всех, что захотелось броситься под поезд. Он вышел на перрон. Объявили отправление товарного состава. Потекли секунды, которые показались вечностью.

— Нужна помощь, братишка?

Макс не понял слов, но почувствовал твердую руку на плече, которая крепко удерживала на платформе. Он попытался стряхнуть ее, круто дернув плечом, но ладонь, словно клещи, не дала сдвинуться с места.

— Пусти, — крикнул Макс, но голос пропал, и вместо крика из горла вырвалось слабое шипение. Товарный поезд, набирая скорость, умчался, оставив на платформе двоих. Макс повернулся к спасателю и тихо спросил:

— Ты кто?

— Ничего, братишка, все образумится. Все в этой жизни можно поправить, кроме смерти. — И мужчина похлопал его по плечу. — Что у тебя произошло?

Макс не сразу ответил, пригляделся. Перед ним стоял мужчина лет сорока пяти. Была в нем спортивная подтянутость: крепкая шея, широкие плечи, гордая осанка. Взгляд мудрого человека: цепкий, пронизывающий насковзь, который многое замечает и ничего не пропускает мимо.

— Никому я не нужен в этом мире, — ответил после паузы Макс.

— Пойдем, братишка,

Парень машинально пошел рядом с незнакомцем, совсем не думая о том, куда и зачем. Шагали долго. Мужчина молчал, а Макс рассказывал ему свою жизнь. Все обиды, накопившиеся у него за все время. Иногда срывался на крик, иногда переходил на шепот. Выговорившись, почувствовал, что обиды куда-то ушли и не так остро терзали душу. И боль притупилась. Безысходность положения отошла на второй план.

Они дошли до многоэтажного дома, поднялись по ступеням в подъезде и шагнули в квартиру, которую мужчина открыл ключом. Хозяин достал из холодильника колбасу и сыр, нарезал их и поставил на стол вместе с батоном. Вскоре закипел чайник.

— Сейчас попьем горячего чая. Извини, больше ничего нет. Жена с дочкой уехали к матери, да и я завтра отправлюсь к ним.

И только сейчас Макс понял, что не знает ничего о своем спасателе.

— Вам, наверное, надоела моя болтовня? А то я все говорю и не даю вставить даже словечко. Как вас зовут?

— Зови меня Батя. А тебе надо просто простить мать. Увидишь, сразу легче будет. Поверь, самое ценное — это жизнь. Я столько видел смертей! Все можно поправить, все вернуть, а вот жизнь одна.— Он налил чай в чашки.— И надо ценить каждый прожитый день.

Они поели. Мужчина постелил Максу на диване. Парень лег и быстро уснул. Сказался стресс, который он пережил, и накопившаяся усталость.

Проснулся рано. Батя сидел на кухне. На плите кипел чайник, а на столе стояла тарелка с бутербродами.

— Проснулся? Присоединяйся.

Макс присел на стул. Глядя на усталый и задумчивый вид Бати, спросил:

— Мне показалось, что вы не ложились спать.

Парень поднес чашку к губам:

— Я не ошибся?

Батя будто пробудился от своих мыслей:

— Ты прав, я так и не смог заснуть. Это частенько случается после Чечни.

Макс никогда не задумывался над тем, что чувствуют люди, побывавшие на войне. Он знал многое о Великой Отечественной, знал ее героев. Даже хотел быть похожим на Сергея Тюленина, а вот о Чеченской войне не знал ничего.

— Вы воевали? Расскажите хоть немножко.

— Ничего хорошего там нет. Война — это страшно. Война — это смерть и трудности. Война — это горе. А знаешь, что самое страшное на войне?

Батя посмотрел Максу в глаза.

— Наверное, бой,— предположил парень.

— Самое страшное на войне — терять друзей. Поэтому невозможно спокойно спать. Так-то вот, парень.

— Возьмите меня туда, в Чечню. Жить не хочется. Дома нет, идти некуда. Никто меня не ждет, и не будет скучать. Возьмите, пожалуйста.

Батя внимательно посмотрел на Макса.

— Да мне уже девятнадцать лет!

— Ты еще мальчик, а там убивают... И поверь, это страшно. Нет, братишка, тебе еще рано.

— Все равно я не буду здесь жить! Понимаешь, Батя,— Макс неожиданно перешел на «ты»,— если и умру, то хоть за дело. Пойми, я все равно пойду в военкомат и попрошусь в Чечню. И никто меня не переубедит.

Батя долго молчал, затем резко встал:

— Ну что же.... Собирайся, пойдем. Через неделю я уезжаю в Чечню. Если повезет, то ты отправишься со мной.

Он набрал номер телефона. Макс не сводил с него глаз.

— Петя, это я. Слушай, у меня к тебе дело...

Макс старался услышать, о чем говорил Батя в соседней комнате, но до него долетали лишь отдельные слова. Минуты показались Максу вечностью...

И вот он, одетый в военную форму с оружием, выданным в пункте сбора, прилетел в Чечню. Их посадили в крытые машины и в сопровождении двух БТР привезли в казарму. Максу очень понравился его позывной — Ворон. За время подготовки выяснилось, что он хорошо стреляет и его назначили снайпером-деверсантом. Батя — это был позывной Ивана Васильевича — был в Чечне много раз и его хорошо знали в казарме. Новобранцев построили и повели в столовую, затем в казарму для знакомства с бойцами, с которыми предстояло плечом к плечу бороться с террористами. Ворон смотрел, как ребята знакомились, и равнодушно провожал их взглядом. У него не было ни малейшего желания рассказывать свою историю. Он отчетливо слышал, как ребята задавали вопросы и первый был, как правило, у всех один:

— Ты откуда, братишка?

Он сел за стол, закрыл глаза и сделал вид, что задремал. Вдруг кто-то сильно ударил по плечу:

— Макс... Здорово, дружище! И ты тут?

Ворон открыл глаза и вскрикнул от неожиданности. Перед ним стоял Витька. Они обнялись. Слезы радости потекли у обоих по щекам. Двое взрослых парней плакали, но ни кого это не смутило. В комнате сразу стало тихо, и все взоры направились на них. Но друзей это не смущало. Они были счастливы, что, наконец, встретились.

С Волком — это был позывной Витьки — они теперь ходили на задания. Приходилось часами лежать на одном месте, выслеживая главарей, пулеметчиков, снайперов, радистов. Бывало, работали в окружении врага, когда нельзя было лишний раз повернуться. Все тело становилось как вата, ноги затекали. Очень хотелось поменять позу и размять тело, но они лежали замаскированные, напряженно всматриваясь в прицел винтовки. Как только на мушку попадал нужный террорист, палец плавно спускал курок.

Здесь Ворон обрел настоящих друзей. Лиса — он как солнце рыжий, глаза излучали хитрый и в то же время добрый свет. Когда он появлялся, все улыбались. Лиса каким-то необъяснимым образом мог разрядить любые ситуации. Он хорошо играл на гитаре, сочинял стихи, пел свои песни и очень быстро стал душой

подразделения. Сова, наоборот, был молчаливым, всегда собранным и внимательным, мало говорил, а больше слушал. Балтика — это светловолосый парень, физически крепкий, умный. Много читал и мог поддерживать любой разговор.

Очень скоро Ворон понял цену дружбы и жизни. Простая истина — сам погибай, а товарища выручай — стала здесь, в Чечне, аксиомой. Он понял, что значит друг, прикрывающий тебе спину в бою. Они уходили на задания и твердо знали: назад возвращаются либо все, либо никто. Это означало, что живые выносили мертвых. И если уходило пять человек, пятеро обязаны были вернуться.

Был бой. Боевики засели в одном из домов и подняли ожесточенную пальбу. Ворон, Волк и Лиса вели огонь по террористам. Взрывались снаряды, били минометы. Сова и Балтика получили ранения. Готовился штурм. Вдруг возле Ворона упала граната. Он понял, что сейчас последует взрыв. И самое страшное, что не успеет ничего предпринять. Холодок ужаса окатил его. Перед глазами промелькнула вся недолгая жизнь. Стало жалко, что не успел как следует пожить, влюбиться и не увидит наследника. Он закрыл глаза и мысленно попрощался со всеми. И вдруг подбежавший Лиса оттолкнул Макса, успев крикнуть:

— Живи, друг! — И бросился на гранату.

Раздался взрыв. Ворон бросился к товарищу, перевернул изуродованное тело.

— Лиса, не умирай! — кричал он в отчаянье.

Макс не мог, да и не хотел верить в случившееся. Он только что разговаривал с Данькой (так звали Лису). Только сейчас тот шутил, смеялся, подбадривал ребят, а теперь перед Вороном лежало неподвижное тело товарища, который ценой своей жизни спас его. Он не представлял, как будет жить с этим грузом на сердце.

Дальше все было как в тумане. Парень не помнил, как начался штурм и как он закончился. Все происходило, как в кино, будто вне реальности.

В казарме на тумбочке у пустой кровати Даньки лежала фотография девушки, которую раньше никто не видел. Макс долго смотрел на улыбающееся лицо с прищуренными глазами. Сердце сжалось от тоски, горя и чувства вины. Он положил фото на место и тут увидел записку: «Ворон, сегодня меня убьют, я то чувствую. Пожалуйста, перешли фотографию по этому адресу».

У Макса перехватило дыхание, Он невидящим взглядом смотрел на клочок бумаги и не двигался. «Как такое пережить!»

Сколько так простоял, он не знал. Кто-то подошел и положил руку на плечо. Это немного вернуло Ворона к действительности, и он стал читать дальше: «Братишки, живите долго и счастливо. Всех люблю и обнимаю. Всегда ваш Лиса».

Макс долго не мог заснуть. Едва закрывал веки, как перед глазами появлялся улыбающейся Данька, на лице которого светилась каждая веснушка. Рыжие волосы развеивал легкий ветерок. И вдруг граната. Данька отталкивает Макса и кричит:

— Ворон живи! — И бросается на «лимонку».

И это повторяется снова и снова. И сердце Макса наполняется такой болью, что становится тяжело дышать. И он понимает, что эта картина будет преследовать всю жизнь.

Стало немного легче, когда Батя сказал:

— Знаешь, не раскисай. Говорят, что погибшие люди, жертвуя своей жизнью ради других, становятся их ангелами-хранителями. Так что Данька теперь твой ангел и постоянно будет рядом с тобой. Незримо охранять и помогать.

Макс поднял на Батю глаза:

— Скажи, Батя, погибшие всю жизнь будут меня преследовать?

Он не договорил и только, молча, глотал воздух ртом. Батя помолчал, потом сел на кровать:

— Ты не раз будешь переживать каждый бой. Погибшие товарищи постоянно будут сниться и не давать нам спать. Это очень тяжело, братишка, но это наш крест. Мы должны жить и за себя, и за них. Я ведь тебе говорил, что самое страшное на войне — это терять друзей. Такова реальность. И эта рана навсегда у нас на сердце.

После этого случая Ворон стал оценивать свои поступки и думать, как бы Данька поступил на его месте. И если бы произошла подобная ситуация, то он, не задумываясь, повторил подвиг друга. Каждую награду, которую получал, считал наградой Лисы и поэтому надевал редко. Он стал ценить каждую минуту, проведенную с друзьями. И очень переживал утрату каждого.

Разведка как-то донесла, что террористы готовят нападения на блокпост. Предстоял жестокий бой. Снайперы получили приказ уничтожать командиров и пулеметчиков. Ворон и Волк, как всегда, вышли на задания раньше, выбрали в лесополосе позиции, с которых отлично просматривались все подступы. Было прохладно и зябко. Ветер пробирался под куртку и заставлял тело съеживаться от неприятного холода. Ребята заняли позицию и стали ждать. Потекли долгие минуты ожидания. Каждая клеточка превратилась в комок нервов. Вскоре тело не ощущало ни холода, ни неудобств. Снайперы словно приросли к винтовкам и слились с окружающей местностью. Казалось, если пройдет сейчас человек, то никого не обнаружит.

Показалась группа людей. Они тихо прошли совсем рядом. «Разведка», — подумал Ворон. Авангард вернулся назад, и вскоре появилась первая группа террористов. В прицеле показалось лицо командира. За время службы Макс безошибочно научился различать это. Снайпер нажал на курок, и террорист упал за-

мертво. Бандиты стали беспорядочно стрелять. Еще несколько выстрелов Ворона и Волка заставили врагов залечь на подступах к блокпосту. Потянулись долгие минуты ожидания. И вот боевики с криками бросились в атаку. Ребята продолжали отстреливать командиров и пулеметчиков, но врагов было много. Подразделение отбивалось с трудом. Где-то совсем рядом рвались снаряды, свистели пули. Вдруг Ворон почувствовал удар по голове.

В глазах потемнело, и он потерял сознание.

Волк не сразу понял, что случилось. Он убивал бандитов до последнего патрона. Только единственная мысль кружилась в голове: «Ворон, почему молчишь? Почему не стреляешь?»

Он повернул прицел на Ворона и увидел, что тот лежит неподвижно. Волк бросился к другу и в это время раздался страшный взрыв. Солдат потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то увидел, что руки ярко красные. Все тело болело. «Надо же, обгорел!» Превозмогая страшную боль, он дополз до Ворона. Тот лежал неподвижно. Виктор проверил пульс. Пальцы ощутили едва слышимые удары.

— Держись, Макс, нам бы добраться до своих, а там и госпиталь. Ты только терпи, братишка.

Виктор попытался взвалить тело друга на себя, но нечеловеческая боль заставила его закричать. «Ничего, дружище... Я смогу. Я должен спасти тебя. Ты только не умирай, прошу тебя, не умирай». С этими мыслями он взвалил тело Макса на спину и, преодолевая страшную боль, сделал несколько шагов.

— Ты только не думай, что не справлюсь. Дойду, обязательно, дойду. Ты обязан жить. Мы еще на твоей свадьбе погуляем. Знаешь, я ведь сильный. Вот только ты, пожалуйста, потерпи.

Макс открыл глаза. Он будто бы сидел за столом, вокруг густой туман. Рядом сидел Данька и, как всегда, улыбался. Его веснушки и рыжие волосы, как солнце, освещали незнакомую местность.

— Данька, где я? Умер, что ли?

Лиса как-то странно улыбнулся.

— Пока нет, но очень близок к тому. Знаешь, здесь одиноко и холодно, но мне по душе. Спокойно. Никто не стреляет. Нет, мне здесь определенно нравится. А тебе сюда рановато. Подумай о Викторе, который сейчас обгорелый тащит тебя к своим.

— Да нет, вроде я уже умер: ничего не чувствую, ни боли, ни сожаления. Я ведь понимаю, что тебя нет. А раз я с тобой разговариваю, значит и меня убили.

— Ты должен жить и бороться, как никто другой. Тебе еще надо жениться и дождаться сыновей...

Витька из последних сил, еле передвигая обожженные ноги, нес Макса на плечах. Ему ужасно хотелось пить, в глазах темнело. На землю легла ночная прохлада, а он все тащил Макса на плечах. Хотелось немного отдохнуть, присесть вот здесь, под сосной, но мысль о том, что он не сможет подняться и донести Макса до своих, заставляла упрямо двигаться вперед. Он уже не чувствовал боли, а только непередаваемую усталость. Шел, не понимая, откуда берутся силы. Казалось, что следующий шаг будет последним и что остается упасть замертво, но он делал еще шаг, затем еще и еще. Так он шел двадцать восемь часов. Глаза плохо видели от пота и крови. Вот появились какие-то люди. Виктор различил только силуэты. Они приблизились. Последнее, что он услышал, было:

— Ребята, они живые! Еле дышат.— И он потерял сознание.

Галина СОЛОНОВА

г. Сельцо Брянской области

Родилась 8 марта 1948 г. в д. Добрунь Брянской обл. в учительской семье. После окончания педагогического института работала в системе народного образования на разных должностях. Писать начала в зрелом возрасте. Пишет для взрослых и детей. Член СПР, член МСПМИ. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

СВЯЗНАЯ

Пасмурный октябрьский день тысяча девятьсот сорок первого года. Маша присела на табурет к окну. Тучи густой пеленой затянули небо. Пожухлые листочки срывались с деревьев и неслись вдоль дороги. Холодный ветер трепал ветки красной рябины, навевая тоску и тревогу.

Как была счастлива Маша, когда, окончив медицинское училище, начала работать в городской больнице медицинской сестрой! А теперь... Сердце девушки защемило. Фашисты разграбили больницу, хозяйничают в городе, вот-вот ворвутся в деревню, куда она вернулась в родительский дом и живет теперь с мамой. «Что делать? — тревожные мысли разрывали мозг. — Надо бороться! Как?» Маша вглядывалась вдаль: за деревней стеной стоял лес. Мысли бежали одна за другой.

Неожиданно тихо постучали в окно:

— Кузьминична, открой.

— Мама, тебя кто-то спрашивает, — отошла от окошка Маша.

На пороге дома появилась соседка Татьяна Васильевна, бывшая учительница начальных классов.

— Машенька, помощь твоя нужна, — тревожно прошептала соседка.

В больших серых глазах девушки было много вопросов, но она молчала. Наскоро собрав лекарства и медицинские инструменты, набросив на худенькие плечи мамину фуфайку, вышла с Татьяной Васильевой из дому.

При тусклом свете керосиновой лампы Маша увидела мужчину, лежавшего на железной кровати. Его бледное лицо, тяжелое дыхание, веки, прикрывавшие впалые глаза — все выражало нестерпимую боль и страдание. (Гораздо позднее Маша узнала, что это был Василий Дмитриевич Иванов — комиссар Косеватского партизанского отряда).

— У него осколок мины в боку, — сказала Татьяна Васильевна, обнажив рану.

«Какой из меня хирург?» — пронеслась испуганная мысль. В душе Маша смутилась, но виду не подавала.

— Надо бы свету побольше.

Татьяна Васильевна увеличила пламя керосиновой лампы и зажгла парафиновую свечу. Маша взяла скальпель...

Необходимую перевязку она сделала всего один раз, зато подолгу держала свои ладошки над раной. О целебных свойствах ее ладошек знали многие пациенты, которые лечились в городской больнице. Знали об удивительных Машиных способностях многие деревенские жители и жители окрестных деревень.

К вечеру третьего дня Машин пациент встретил ее уже одетый, готовый покинуть гостеприимный дом Татьяны Васильевны.

— Благодарю вас, Маша, — обхватил он своими крепкими руками маленькую Машину ладошку. — Спасли вы меня на страх фашистам.

— Я догадалась, кто вы. Вы уходите в лес? — Иванов едва кивнул головой. — Возьмите меня с собой! Я с вами! — взволнованно заговорила Маша. — У вас будут раненые, кто их будет лечить? Пользу хочу родине приносить! Не смогу я тут сидеть без дела!

— Успокойтесь, Машенька! Сидеть без дела не будете. Вы хорошо знаете жителей окрестных деревень. Ходите лечить их. Вот и слушайте, внимательно смотрите, что затевает немчура. Для нас это будет большая польза. — Иванов по-отцовски прижал Машину голову к груди. — Скоро я пришлю к вам свою племянницу.

Где-то далеко слышалась канонада. Немцы наступали. Партизанский отряд укреплял свои ряды численно, вооружался за счет трофеев, отбитых у немцев.

Прошло два дня. Утром, как только рассвело, постучали в дверь. Длинная до пят юбка, теплый ватник, голова до самых бровей покрыта цветастым платком — в таком виде предстала девушка лет семнадцати. Карими глазами она пристально посмотрела на Машу:

— Я племянница дяди Васи.

— Проходи... Как звать тебя?

— Люся...

С той поры Маша стала связной. Она ходила в близлежащие деревни, лечила больных жителей, а они

рассказывали, что происходит в округе. Немцы уже обосновались в Машинной деревне. Сама Маша зорко присматривалась ко всему, встречалась с нужными людьми.

Было у девушки и еще одно важное поручение. По утрам она часто выходила из дому. Убедившись, что за ней никто не следит, она торопилась к Десне. Среди густо разросшихся кустарников собирала хворост и незаметно продвигалась вдоль реки к разбитому доту. Здесь, в условленном месте, лежала ржавая гильза. Из нее Маша вынимала записку и поспешно прятала. С вязанкой хвороста за спиной, сгорбившись она возвращалась домой, где ждала ее мама, чтобы растопить печь. Вечером Маша несла записку в другой «почтовый ящик». Она торопилась с ведром к роднику, что находился за деревней у самого луга. Вода в нем была чистая, словно хрусталь. Летом — прохладная, зимой — не замерзала. Недалеко от родника стояла изуродованная ольха. В ее дупло Маша опускала записку. Набрав родниковой воды, девушка торопилась домой. Однажды, когда Маша уже подходила к дому, проходивший мимо немец остановил ее:

— Медхен, штейн! Тринкен!

Маша поставила ведро на скамейку у палисадника, напряглась. Молодой немец подошел, наклонившись над ведром, выпил воды. Вынув из нагрудного кармана носовой платок, тщательно вытер лицо.

— Данке шон,— заглянул он девушке в лицо.— У меня дома есть сестра, как ты,— сказал он на ломаном русском языке, указав пальцем на Машу.

Только немец ушел, Маша стремительно схватила ведро и брезгливо выплеснула воду в палисадник.

Невелики были записки, что носила Маша из одного «почтового ящика» в другой. Но это помогало партизанам активизировать борьбу с немецкими оккупантами: нападали на гарнизоны фашистских частей, взрывали железнодорожное полотно, когда немецкие эшелоны увозили награбленное наше добро, минировали дороги, где проходила немецкая техника...

Наступила середина мая тысяча девятьсот сорок второго года. Бархатным зеленым ковром покрылась земля. Зеленели деревья, раскрыв свои молодые клейкие листочки, наполняя воздух нежным ароматом. Десна спокойно несла свои воды, искрясь под лучами ласкового солнца. «Красота!» — восторгалась Машина душа. Наскоро собрав сухие сучья, увязала их. Вот и дот. Пospешно достала гильзу... Она была пуста. Оглянулась — вокруг никого. Сердце забилось в тревоге: «Что случилось с человеком, который доставлял записки?» Маша разволновалась так, что чуть не забыла вязанку. В раздумьях и тревоге провела весь день, не сомкнула глаз и ночью.

Чуть заалела на востоке заря, в дом шумно ворвались три полицая и немец. Едва успела Маша надеть халат, как рябой полицай толкнул ее в спину прикладом карабина и заорал:

— Ну что, напартизанила!? С нами пойдешь!

— Не виновата она ни в чем! Отпустите ее ради Бога! — запричитала Полина Кузьминична.

— Молчи, ведьма! Знаем мы вас! — Другой полицай так толкнул Машину маму, что та не удержалась и упала навзничь.

— Прощай, мамочка,— зарыдала Машина душа.

Девушку повели за деревню к оврагу, где предатели расстреливали патриотов. «Вот и все,— думала Маша.— Кого вели этой дорогой, назад не возвращались». Мысленно прощалась она с родной школой, которую окончила с отличием, с клубом, на сцене которого пела на праздничных концертах, печально окинула взглядом здание сельского Совета, где до войны работал ее папа. Теперь здесь бесчинствовали враги.

Екнуло Машино сердце: к оврагу подошли.

— Стой! — Повернись к нам! — Маша обвела взглядом троих полицаяв и немца, в котором узнала того, кто пил воду из ее ведра.— Хочешь жить, скажи, где партизанский штаб, потряхивая карабином, кричал рябой полицай.

Маша сжала кулаки, гордо подняла голову и негромко, но твердо произнесла:

— Не знаю. Знаю одно: меня расстреляете, но и вам не жить на белом свете. Не отдадим мы чужакам родную землю нашу.

— Ах ты, гадина! — заорал рябой и нацелился карабином в Машу.

— Найн, найн! — подняв руку, остановил молодой немец.— Их сам.

Он что-то еще тихо говорил полицаям, указывая на густой кустарник рядом с оврагом. Те захохотали во все горло.

— Ком! — поманил пальцем девушку немец.

Маша не шелохнулась. Тогда он подошел сам, грубо схватил ее за руку и подтолкнул к зарослям. Полицай захихикал, глядя им вслед.

Машу знобило и трясло, словно в лихорадке. Русская девушка и молодой немец стояли в гуще пышно-го кустарника. Она с ненавистью смотрела на него. Он молча отрицательно покачал головой и опустил автомат. Еще прошло несколько минут тягостного молчания. Наконец немец дал автоматную очередь, но мимо Маши и быстро удалился. Она упала на землю под широкий куст, замерла и впала в забытие. Очнувшись от прохлады, когда уже смеркалось. С большим трудом добралась до леса. Группа партизан возвращалась с задания. Они-то и обнаружили под сосной обессилившую девушку.

Утром Машу отвели к комиссару Иванову.

— Я рад тебя видеть в нашем партизанском отряде,— приветливо встретил девушку Василий Дмитриевич.— Будешь служить в разведгруппе.— Люсик, введи Машу в курс дела,— обратился комиссар к моло-

дому пареньку, сидевшему на корточках у входа в землянку. Паренек встал и подошел к Маше. Она удивленно взгляделась в его карие глаза.

— Люся? — растерянно прозвучал вопрос.

— Нет, Люсик, — улыбнулся паренек.

P.S. В основу рассказа положены воспоминания Филиппа Васильевича Аксенова — командира Косеватского партизанского отряда.

Ольга КАРАГОДИНА

г. Москва

Родилась в г. Москве. В 1981-м г. окончила МБТ по специальности «Библиотековедение». Работала библиотекарем, секретарем-референтом, методистом. Пишет прозу, бардовские песни и исполняет их. С 2009 г. работает оргсекретарем в АРЛ. Член МГО СПР. Постоянный автор нашего альманаха.

ЮБИЛЯР

Председатель правления литературного объединения «Гусь и перо» Геннадий Сердобольцев готовил поздравление с днем рождения региональному издателю журнала «Источающие истину» — Тарасу Барсуку. Подобрал красивые фотографии юбиляра, выбрал его лучшие стихи, Барсук был известным поэтом, написал цветистый текст с всякими пожеланиями и разместил на информационном ресурсе «Гусь и перо».

Коллеги сразу же бросились писать поздравления Барсуку, втайне надеясь за хорошие слова получить заветное место в его журнале. Геннадий радовался, наблюдая за активностью коллег, старающихся переплюнуть друг друга в дифирамбах. Больше других отличился прозаик Иван Боцман, пожелав юбиляру полные карманы оптимизма, поменьше песка в штанах, закончив свое благопожелание фразой: «Где же, где же ваши ушки? Их тянуть пришла пора...»

— Перебор, — подумал Сердобольцев, собираясь удалить здравицу Боцмана на правах администратора ресурса, занес воинственным жестом компьютерную мышь, но опустить ее на коврик не успел, раздался звонок мобильного телефона.

— Гена! — нервно мигнул экран андроида, взволнованно бубня голосом поэтессы Тони Забабахиной. — Барсук помер! Я сегодня некролог видела, а ты его с днем рождения поздравляешь!

— Как помер? — побелел Сердобольцев, судорожно соображая, сколько человек увидели его поздравление и успел ли его увидеть сам юбиляр.

— А вот так! Взял и помер! Старенький... — нервно всхлинула Забабахина. — Срочно меняй поздравление на некролог. И запомни, некролог должен быть сочным и вкусным! — И бросила трубку.

Через десять минут Сердобольцев любовался на свежую траурную заметку, хваля самого себя: «Какой замечательный получился! С таким бы жить и жить! После такого некролога покойного можно возводить в ранг святых!»

Тарас Елизарович Барсук завтракал, быстро уплетая за обе щеки яичницу с луком. Скорее бы за компьютер сесть. Сегодня он целый день будет принимать поздравления, наверняка гусьперовцы давно пишут всякие хвалебные речи. Обтерев жирные пальцы о рубаху, главное, чтобы жена не увидела, включил компьютер и устремил взор на экран.

«Сегодня в день своего восьмидесятилетия нас покинул один из лучших современных поэтов, издатель журнала «Источающие истину» — Тарас Елизарович Барсук. Человек верой и правдой послуживший отечественной литературе, но так и не доживший до светлой жизни...»

Барсук схватил телефон и дрожащими от негодования пальцами набрал номер Сердобольцева.

— Ничего что я живой!? Ты видел мой некролог в информационной группе «Гусь и перо»? Кто его писал?

Сердобольцев медленно начал сползать из кресла, с мыслью спрятаться под стол, ощущая себя нашкодившим мальчиком, которого ругают родители.

— Видел, конечно. А ты откуда звонишь?

— С того света! — гаркнул в трубку Барсук. — На кладбище свой юбилей праздную. Когда читаешь некрологи, то создается впечатление, как много среди нас убогих, с большими травмами мышления, — неожиданно сам для себя заговорил стихами Барсука.

— Прости, дружище, — попытался оправдаться Сердобольцев. — Забабахина звонила, сказала, видела твой некролог.

— Нашел кого слушать! Забабахину! — заворочал мышью Барсук, задавая в поисковой строке фамилию «Барсук». — Читал книгу врача Яна Бондесона «Погребенный заживо». Что-то вспомнилось, он приво-

дит с дюжину разнообразных мер и ритуалов, позволяющих «ожившему» заявить о своем чудесном воскрешении, включая «безопасные» гробы с флажками или колокольчиками, оповещающими о движении под землей. Небось, сидишь и трясешься мелкой дрожью, слушая мой голос?

Компьютер выдал простыню со ссылками на всех барсуков, которых нашел: лесных, из зоопарка, домашних питомцах, в том числе и на некролог некоего профессора. Тарас Елизарович впился взглядом в экран, через минуту его лицо просветлело.

— Алло! Сердобольцев! Нашел!

— Что нашел?

— Некролог на Барсука! Только это другой Барсук. Профессор из университета, а главное он тоже Тарас, только Евграфович. Ну, точно. Помер. Преподаватели в трауре, студенты скулят. Жалко мужика, и не пожил толком, всего пятьдесят шесть лет. Шкафом с колбами придавило. Химию преподавал. Какая нелепая смерть.

— Да уж... Химики такие,— выдохнул Сердобольцев, пытаясь уйти от неприятной темы.— Знают, как взорвать или отравить любого человека, и всю жизнь сдерживаются. А ты знаешь, как напиваются люди разных профессий?

— Просвети,— помягчел Барсук.

— Химик — до выпадения в осадок, математик — в ноль, физик — до потери сопротивления, медик — до потери пульса, охотник — в дупель, писатель — до ручки, а журналист — до точки. В честь юбилея и напиться не грех, главное красиво.

— Хе-хе-хе...— засмеялся Барсук, оценив, насколько комичной сложилась ситуация.— Сердобольцев! Коль я остался живым, обязательно подними сегодня тост за Барсука! Жаль мы с той в разных городах...

«Очень хорошо, что мы в разных городах»,— подумал про себя Сердобольцев, Барсуку же сказал:— Тарас Елизарович! Уже наливаю!

В трубке Тараса Елизаровича послышался звук льющейся воды и голос Сердобольцева.

— Ваше здоровье!

— Будем! — откликнулся Тарас Елизарович.— Поглядим... Много ли я соболезнований собрал по контрольному захоронению.

— По какому такому контрольному захоронению? — опешил по ту сторону экрана андроид Сердобольцев.

— Ну как же. Была такая история в нашем краю. Хоронили одного бизнесмена. На кладбище во время похорон бригадир гробовщиков увидел в нагрудном кармане у покойного пяти тысячную купюру. Пролез к гробу и попытался ее аккуратно вытащить, чтобы никто не заметил, а покойник хватил его за руку, сел в гроб и говорит: «Налоговая полиция! Контрольное захоронение!». Бригадир рядом с ним без чувств в гроб и упал, еле откачали. Это у нас так богатые веселятся. Ладно, бывай. Спасибо за поздравление. Вижу, что поменял упокой на здравие. Пришли мне в журнал какую-нибудь вещичку.

Положив трубку, Сердобольцев вытер со лба пот и набрал номер Забабахиной. Трубка ответила тоскливыми «пи-пи-пи». На связь Забабахина так и не вышла.

Игорь ЕГОРОВ

г. Омск

Коренной омич (родился в 1951 г.) Окончил Омский политехнический институт, Международную академию менеджмента. Работал в НИИ Омска, на кафедре физики в Омском технологическом институте (вел курс термодинамики и теории теплообмена), был сотрудником издательств. Автор ряда книг стихов, прозы, переводов с английского. Лауреат премии губернатора Омской обл. за заслуги в развитии культуры и искусства им. Л. Н. Мартынова. Серебряный лауреат XV международного литконкурса «Золотое перо Руси». Дипломант областного литконкурса Министерства культуры (при участии Омского отделения СРП) «Лучший рассказ XXI века». Стихи переведены на болгарский, украинский и английский языки. Член СРП. С 2011 г. главный редактор литературно-художественных изданий: журнала «Иртыш-Омь» и альманаха «Тарские ворота». Наш постоянный автор.

«ОБЛОМ»?!

РАССКАЗ ИЗ ОТНОСИТЕЛЬНО НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО...

Учудил Женька в своей жизни. Решил жениться, а вышел самый настоящий курьез, причем — нет, друзья, не буду забежать вперед... А началось все с литературного вечера в ДК, где он читал свои стихи. Много тогда собралось замечательных и не совсем замечательных молодых дарований, но зато на любой

вкус! Женька даже захватил на вечер десятка полтора своих тонюсеньких книжек, выпущенных на самые что ни на есть кровные в издательстве того же родного педуниверситета, где он совсем еще недавно «пыхтел» на лекциях по языкознанию и «зарубежке».

А ведь не успели отбить его тягу к «стиховой стихии» (как он сам называл стихотворчество). Не успели довершить, как казалось Женьке, это «черное» дело «мастистые» (преподавательская шутка-подковырка) профессора, доценты в пудовых старомодных очках. А еще бы годик-полтора этой филологической «нудистики-эквилибристики» — и адье, рифмованные строчки! К счастью, не шесть и не семь лет учиться на филфаке! Дескать, полагал Женька, думают преподаватели: все равно в средних школах, где будут работать после университета, этот процесс завершится окончательно! Но Женька упорно продолжал (чего только не нафантазирует о своих преподавателях бывший безалаберный студент!) презренное с точки зрения профессоров «бумагомарательство», несмотря на то, что уже учил маленьких ребятшек прекрасному, доброму, светлому в средней школе на окраине города, в поселке Молодежном, где после восьми часов опасно и выходить на улицу, поскольку именно в это время и начинается в поселке самая «молодежная» жизнь — пивные ларьки и игровые автоматы действуют весело, с размахом, «на полную катушку»!

Рис. Павла Радзиевского (Омск)

Женька и сам бы не прочь был испытать свою судьбу на игровом автомате, но взбрыкивала мысль: «По теории вероятности шансов пшик — ноль без палочки, да и вообще это мошенничество, грабеж средь бела дня!» И тут же вдруг сам себе говорил: «А все-таки надо бы попробовать, когда деньги будут!» Все же слаб человек...

А тут еще после поэтического вечера в ДК подлетела к нему раскрасневшаяся девушка с озорными искорками в глазах и с ума сводящим запахом заморских духов. И подлетела чуть ли не за автографом. И стала уверять его, что думала, он пишет прозу, а оказывается, он пишет еще и стихи! «Интересно,— подумал Женька,— откуда она взяла, что я пишу прозу?» А впрочем, не это важно, важно то, что такая сногшибательная девушка обратила на него особое внимание! И Женька сразу же (очертя голову) предложил ей пойти после вечера куда-нибудь в кафе.

Говорят, знаменитый актер Мамонт Дальский так читал вслух меню в ресторане, что все его в это время посетители рыдали. Теперь же не надо быть рядом с Мамонтом Дальским, чтобы во второразрядной кафешке при обыкновенном взгляде на меню не зарыдать от диковинных цен! Представьте себе: кипяток в чашке с сиротливо плавающими чайниками стоит двухдневной вашей учительской зарплаты! (О, эта «зарплата» молодого учителя в наших сумасшедших средних школах! Но все-таки какая-никакая, а зарплата есть! А ведь каких-то пару недель назад по несколько месяцев ее и не выплачивали! Совсем озверели! А на что прикажете жить?! Хотя на большую дорогу выходи! Понятно — реформы! А кто гарантирует, что такое не повторится?? Тошнехонько от всего этого!)

А тут еще присоседился за столик, где сидели Женька с девушкой, старичок с чеховской бородкой и ну понес: «Раньше доллар в сандалетах на босу ногу ковылял, как старичишка, а теперь ну как мальчишка раскатился в ботиночках да на роликах, только держи! Куда за ним угнаться нашему рублишке-лапотнику! Скоро нас, простой народ, без последних портков оставят! Зато кричали «уря!» «и в воздух чепчики бросали», вот и докричались!» Женька усмехнулся про себя на чудаковатого старичка (а сам подумал: «А что — он прав!») и спросил девушку: «Ну что, пойдём?» Та кивнула ему в ответ, и они вышли на улицу, так и не допив свой «бесценный» кипяток.

Понравилась Женьке девушка, так и лучилась она, всю дорогу смеялась над Женькиными остротами. И решил Женька попробовать сыграть на игровом автомате, разбогатеть и жениться на удивительной девушке!

На другой день Женька сразу же после работы заскочил к себе в учительское общежитие и, захватив с собой почти весь остаток зарплаты — несколько миллионов*, направился к клубу игровых автоматов с заволаживающим названием «Сибирский Клондайк»! Там же в клубе размещалось и казино. Но, еще и не перейдя трамвайную линию, Женька оторопел — у клуба резко затормозили, пронзительно взвизгнув шинами, почти одновременно перестав дико завывать сиренами, «скорая» и милицейская машины! Когда Женька подошел ближе, он встревожился не на шутку. Уже издалека он увидел чуть ли не дымящихся два человеческих тела, распростертых на мостовой. Одно тело было в форме охранника, другое — в брюках, пиджаке и галстуке. Оба тела застыли в неподвижности, вероятно, прошитые автоматной очередью. Сцена напоминала американский боевик, но в отличие от голливудского, игрушечного, представлялась вполне реальной! Мороз пробежал по коже у Женьки от ужаса, и внутри у него будто все оборвалось. Затея быстро разбогатеть, а зна-

* Несколько лет в России в 90-е годы прошлого века такие деньги и были в ходу (из-за бешеной инфляции). Так что даже самые последние бедняки 90-х оказались все миллионерами! Каких только «чудес» не бывает на белом свете!). Невольно главный герой рассказа мог бы воскликнуть, как Остап Бендер в «Золотом тельняшке»: «Ну вот я и миллионер! Сбылись мечты идиота!». При этом криво усмехнувшись, посмотрев на свои жалкие миллионы. (Примечание автора).

чит жениться — показалась Женьке не только несусальной, но и довольно опасной! И как-то мерзко стало на душе у него от тут же пришедшей в голову мысли: «Опять растягивать поллитровый пакет кефира на три дня!» «И все-таки это лучше, чем дымитесь свежеспеченным трупом на пороге какого-нибудь казино или клуба игровых автоматов с маняще подмигивающими огоньками иллюминации! — возразил сам себе Женька. — Ну их к лешему, все эти заведения, где не только мелькают красивые картинки и шелестят веселенькие купюры!...» — в сердцах выругался он про себя.

«Но и пакет кефира на три дня — это же не выход! Надо писать роман о нашем времени, удивить всех читателей, черт подери!.. Все впереди! Заговорил вдруг я даже стихами! Хотя, конечно, милая девушка не будет долго ждать, да и сам не хочу! Что за чушь! Если полюбит, проживем пока и в нищете! А там как дам (что за патетика?! — опять говорю стихами!) такого пинка этой мерзости пауперизма!».* — так думал молодой учитель Евгений Забродин, возвращаясь другой, непривычно извилистой улочкой, как и сама жизнь, к себе в общежитие.

Павел ПОДЗОРОВ

г. Бобруйск, Белоруссия

Родился в 1975 г. в Белоруссии, в г. Бобруйске. Образование высшее. С детства увлекается научной фантастикой. Рассказы переведены на ряд языков. Победитель и лауреат международных конкурсов. Имеет сертификат творческого работника Министерства культуры Республики Беларусь. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

КОРПОРАЦИЯ ГАЛАКТЭНЕРГО

— Доброе утро, шеф! — маленький тевтолеанин похожий на лягушку-переростка проворно вбежал на тонких ножках в мой рабочий модуль, по старинке именуемый кабинетом. В не менее тонких и гибких, как поливочный шланг, ручонках он сжимал кипу бумаг и декоративные счеты — неизменный атрибут расы счетоводов.

Тевтолеанцы были уникальным народом в нашей галактике, да и во всей метавселенной. Строение их тел делало их непригодными к физической работе. Единственное, что они умели делать и делали в совершенстве — это считать, сводить балансы, составлять платежные ведомости и делать бухгалтерские проводки. За это их и прозвали расой счетоводов.

Казалось бы, лучше использовать для этой цели компьютеры. Но это только на первый взгляд. Компьютер — вещь, во-первых, ненадежная: выйдет из строя и все — базы данных нет. А в голове тевтолианца-счетовода финансовая информация надежнее, чем в сейфе. А так, как все они связаны между собой единым телепатическим полем, то информация будет храниться до тех пор, пока жив хоть один представитель расы. Учитывая их расселение по всей Метавселенной (только в нашей галактике их более триллиона) утеря информации невозможна в принципе.

Во-вторых, любой компьютер или аналогичное ему устройство приспособлен к особенностям только той расы, которая его создала. А раса счетоводов, благодаря телепатическим способностям, мгновенно выдает информацию именно в том виде, в котором она может быть воспринята адресатом.

Так что счетоводы использовались во всей цивилизованной части Вселенной.

— Шеф, конец отчетного цикла, галактический год на исходе, а должников, — он сокрушенно покачал большой зеленой головой, — должников, как насекомых на теле грума — все больше и больше.

Я со вздохом отключил виртуальный экран мыслепреобразователя с незаконченной фразой и обернулся к нему.

Конец галактического года, квартала, месяца... Мы не могли себе позволить неплательщиков. Это наносило непоправимый экономический урон нашей энергокомпании, не говоря уже об ущербе имиджу ГалактЭнерго. И я как полномочный представитель и руководитель Всегалактического бюро платежей не мог этого допустить.

— Давай по списку.

— По списку... так... Альдебаран, Антарес, Арктур... Один из красных гигантов, энергии выдает с избытком. Арктурианцы только ее и используют. Но вот не платят уже с начала месяца. Каждый день гарантийные телепатемы шлют, что вот-вот...

— На них что, всегалактический пакт №8056424/532-WS14 лиги объединенных миров не распространяется? — прервал я его раздраженно. — Там несмыслимыми мыслеобразами пропечатано — предоплата! Погасим им солнце на недельку, сразу забегают.

* ПАУПЕРИЗМ (от лат. pauper — нищий) — нищета населения, у которого нет даже жизненно необходимых средств к существованию. (Большая энциклопедия по экономике (2007 г.))

Тевтолеанин быстро делал пометки в блокноте. Это была одна видимость — он запоминал каждое слово и оно мгновенно транслировалось остальным. Просто он знал за некоторыми представителями моей расы привычку, чтобы наши слова записывались, и, хотя я этим недугом не страдал, старался сделать приятное.

— Ильясцы с Альфы Центавра... второй месяц за светило не оплачивают. Если за обогрев еще крохи бросили, то за освещение и не думают. Хотя деньги у них есть: новые ландшафты устанавливают, на днях третий планетарный спутник приобрели — весьма крупный астероид. Да и геотермальной энергией на сторону приторговывают — солнце-то им еще в доисторические времена ставили. А тогда, сами знаете, как техусловия выдавались: тяп-ляп и готово. Договорился кто-то ушлый и светило к планете ближе, чем по ВОСТу* установили.

— Мы их официально уведомляли? — поинтересовался я.

— И не раз! Все по регламенту, шеф. В рамках договора на поставку солнечной энергии и всех галактических актов. — Он взмахнул стопкой бумаг.

— Тогда вот что. — Я быстро взвесил все за и против и подключил мыслесвязь с начальником сектора принудительного режима отключения звезд. — Все солнце гасить пока не будем. Обогрев им оставим — а то вымерзнут все. А вот освещение притушим — пусть в темноте побегают. Растительность подвянёт, знаменитые курорты их опустеют и т. д. Глядишь, и деньги сразу найдутся.

Счетовод, удобно расположившись в коконкресле, продолжал:

— Далее у нас «неприкасаемые». Те, кто финансируется из галактического и вселенского казначейств. Эти вечно мутят воду. То счет-фактура им не такой формы, то дополнительное соглашение на финансирование им сделай. Да еще говорят — «нарочным гравилетом отправляйте». Телепатеми и масспередатчики, дескать, не устраивают — только оригинал им подавай.

А на самом деле, — он подъехал в кресле и наклонился поближе, — просто боятся у вышестоящего руководства дополнительные средства попросить.

— Это ты от своих узнал? — подозрительно посмотрел я на него.

— Нет, шеф, что вы?!.. Мы корпоративную этику блюдем — все только из открытых источников.

— Ладно, этими я сам займусь. Пока готовь по ним информацию к рассмотрению на галактической комиссии по неплатежам. А после на вселенскую их подадим. Там с ними разговаривать не будут: кого деактивируют, кого в стасис-поле лет на пяток, а кого и на утилизацию.

У тебя все?... Мне еще нужно сводки по газово-пылевым облакам проанализировать. В свете экономии и энергосбережения. Сам знаешь, когда звезда попадает в газово-пылевое облако, то ярче разгорается за счет наличия водорода и энергии в окружающее пространство выделяет значительно больше. А значит топлива нужно меньше.

Он понимающе усмехнулся и глянул в список.

— В основном все. Осталась мелочевка: несколько шаровых скоплений, затем — Плеяды — из рассеянных. Ну и перечень экзопланет — на изъятие и утилизацию по решению Звездного арбитража — за долги.

— Хорошо, оставляй. Посмотрю попозже. — Я потянулся, разминая затекшее от долгого сидения тело. — Мне еще на совещания по районам: Прогнон, Тау Кита, Сириус...

— Еще одна проблемка осталась, шеф. Не хотел Вас огорчать, но система Бетельгейзе не успевает сделать проплату. Максимум — первого числа нового Галактического месяца. А без них — все наши показатели — гвинту под хвост.

— Как не успевают?!.. — Я вскочил. — Весь год так хорошо шли и на тебе. Планы не выполнены, руководство в ярости, персонал без премиальных. А в чем проблема?..

— Девочка у них, бухгалтер, не из нашей расы. Откуда-то с соседней галактики, говорят — взяли по протекции. Ну, вот и напортачила. Вместо наших счетов все в ГалактНалоги перевела. А оттуда так быстро не выцарапаешь. — Он вздохнул. — И ведь, главное — самый дисциплинированный плательщик. Никаких проблем с ними не было. А теперь у них кое-кого, — сказал он, подняв глаза, — и утилизировать могут.

Я развернул экран фантоммонитора и стал просматривать колонки цифр в ведомости:

— Послушай, у Ригеля большая переплата. Как раз хватает. А что если Бетельгейзе у них одолжат: за одну наносекунду до конца года возьмут, а в первую наносекунду нового — обратно вернут? И деньги у хозяина и нам никто не должен. А главное — Бетельгейзе с Ригелем наконец-то помирятся. Сколько себя помню, вечно взаимные претензии. Причем инициатор — система Бетельгейзе. А?..

— Шеф! Вы — гений! — Он с неподдельным восторгом потирал маленькие ручки.

— Все. Иди, необходимые документы оформляй. И проводки делай.

Счетовод вышел.

Гений, не гений, а за столько лет работы каких только схем не напридумаешь. Проблемы у каждого то и дело возникают. Не утилизировать же целый народ из-за временных трудностей. Вон, биригги из Щита южного креста, совсем было, в долгах погрязли. Уже и планетоиды почти все демонтировали и на обитаемые планеты арест наложили. Если б и мы светило в сверхновую обратили, а потом в туманность — капут им.

* ВОСТ — вселенский стандарт. ВОСТы разработаны на все технические мероприятия и работы во Вселенной.

А мы тогда отсрочку дали. И как раз у них запасы нью-мезон-ионопласта обнаружились. А на него спрос сейчас, ой, как растет... Встали с колен (или, что у них там вместо) биригги, окрепли. И нам все до копейки вернули, с неустойками, процентами и черте чем еще.

И вообще, моя позиция такова: разумные существа, независимо от формы и вида, должны помогать друг-другу. Просто так, бескорыстно. На то они и разумные.

Правда подчиненным об этом знать не стоит — их задача быть требовательными. Энергию учитывать, продавать, да деньги выбивать.

Все, пора на Порцион. Я потянулся к кнопке вызова служебного гравилета...

Ну и денек был сегодня. Полгалактики посетил. Семинар по вопросам демонтажа бесхозных сверхновых. Тема перспективная. Как известно, туманности в Галактике образуются в результате взрыва при сбросе внешних слоев (оболочек) красных гигантов и сверхгигантов с массой две с половиной солнечных масс. Эта туманность — не что иное, как сброшенная в результате взрыва сверхновой водородная атмосфера. И вот тут-то главное ее собрать и использовать... Хотя эта тема больше для технарей — наше дело финансы — но на ней и прибыль неплохую получить можно.

Я откинулся в кресле и попытался расслабиться. Совещания, сводки, доклады. Выступления в прессе...

Ничего не попишешь — такова наша работа.

Но это только вершина айсберга.

А еще выдача техусловий на установку солнц, учет всей производимой в Галактике энергии: солнечной, гравитационной, геотермальной... заключение договоров, расчет и оформление счетов на оплату, взыскания, суды, арбитражи. Прием посетителей — а они бывают очень разные: порой не поймешь посетитель это или его транспортное средство...

Да и случаи хищений увеличились. Приворывают солнечный ветер кому ни лень. И каких только технических ухищрений не придумывают. Вот их, голубчиков, мы и выявляем, ловим с поличным. А потом взыскиваем. Либо добровольно, либо, что чаще, принудительно.

Эх... Притомился я сегодня... Почему бы и не отдохнуть?..

За стеной моего официального кабинета-модуля находился модуль индивидуальный. В нем можно было передохнуть от трудов праведных, посмотреть мысленовостные каналы ГалактВидео, даже вздремнуть, при необходимости. Но сейчас я напрямик направился к шкафу. Прямо внутри стянул с себя опостылевший официальный комбинезон ответственного представителя ГалактЭнерго и переоделся. В кроссовках, потертых джинсах и затрапезной ветровке я почувствовал себя несравненно лучше. Тут же на масспередатчике набрал индивидуальный код и координаты выхода и шагнул в стену...

Вышел я из небольшого дощатого сарайчика на окраине города. Земля встретила красками угасающего летнего дня. Солнце уже коснулось края горизонта, окрасив небо с редкими облаками в алые цвета. Легкий ветерок принес запахи разнотравья, к которым примешивались чуть ощутимые запахи города. Благодать.

К остановке я подошел одновременно с автобусом и через каких-то пятнадцать минут уже входил в свой подъезд. Наконец-то дома! Никаких должников, энергокомпаний, исков, уведомлений и прочей ерунды...

Почтовый ящик как всегда был переполнен. Я достал кипу газет, несколько журналов и шагнул на лестницу. Из пачки выскользнул и полетел вниз листок бумаги. Я успел подхватить его в воздухе и развернул.

УВАЖАЕМЫЙ АБОНЕНТ!

Ваша задолженность за энергию составляет....

Мне оставалось только громко вздохнуть...

Рагим МУСАЕВ

г. Тула

Писатель, драматург. Член АРЛ, Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Родился в г. Богородицке Тульской обл. 6.11.1977 г. Окончил Юридический институт МВД РФ, Московский университет им. С. Ю. Витте. Работал нач. отдела анализа и контроля СУ УМВД России по Тульской обл. в звании подполковника юстиции. В настоящее время — помощник художественного руководителя Тульского академического театра драмы (с 2022 г.). В России и ряде стран — более двадцати постановок в театрах и множество публикаций в журналах. Лауреат международных и российских литконкурсов. Победитель всероссийского конкурса на лучшее произведение о работе следователя («Журналистика и литературная публицистика», 2011 г.). Лауреат литературных премий. Постоянный автор нашего альманаха

ПРО ТУЛЬСКОГО КАЗЮКА — УМЕЛОГО МУЖИКА

ТУЛЬСКИЙ ВЕРТЕП

В пьесе использованы репризы русского народного театра XVIII—XIX веков, тульский оружейный фольклор, а также элементы традиционного тульского говора.

Действующие лица:

Два вертепщика

Казюк,

мастер ружейный

Петр I,

царь российский

Джонс,

купец заморский

Ангел

Черт

Смерть

Воины:

шведские, французские, немецкие, современные

ПРОЛОГ

Появляются двое неизвестных.

Осматриваются.

Первый (*увидев зрителей*). Кто это?

Второй (*увидев первого*). Ты кто?

Первый. А кто ты?

Второй (*увидев вертеп*). Что это?

Первый. Так на нем написано что-то...

Второй. Где?

Первый. А ты лучше смотри. Первая буква «т».

Второй. Топор?

Первый. Нет. Вторая «е». «Те...»

Второй. Тетя?

Первый. Какая еще тетя?

Второй. Тетя Мотя.

Первый. Да нет. «Теа...»

Второй. Нет такого слова.

Первый. А ты подумай.

Второй. Теа... жжж!

Первый. Нет такого слова!

Второй. Слова нет, а ящик есть.

Первый. Это же «теат...»

Второй (*зрителям*). Ребята, помогите мне, что это?

Зрители помогают.

Первый. Театр!

Второй. А я знаю! В театре бывают зрители и еще эти, как их... такие (*показывает*)... ну, они еще это... А! вспомнила! Актеры! Ужас...

Первый. Почему ужас?

Второй. Так мы не знаем, кто из нас актеры, а кто — зрители.

Первый. А ты подумай... Зрители что делают?

Второй. Хлопают.

Первый. А еще?

Второй. Еще сидят... Смотрят еще!

Первый. Мы с тобой сидим? Смотрим? Хлопаем?

Второй. Нет.

Первый. Значит, мы точно не зрители.

Второй. А кто?

Первый. Мы — актеры.

Второй. Здорово! (*на зал*) А они тогда кто?

Первый. А ты спроси их.

Второй. Эй, вы кто?

Зрители отвечают.

Зрители! Значит, у нас настоящий театр!? Только какой-то маленький он... Может, не вырос?

Первый. Почему не вырос?

Второй. Ну, не поливали. Или мало каши ел.

Первый. Взрослый человек, а такие глупости говорит! Просто это не обычный театр, а особенный. Называется вертеп. Ходили с ним по тульским дворам да домам.

Второй. Давно, наверное, ходили. Я не помню.

Первый. Не давно, а очень давно. Еще когда бабушки ваших бабушек были совсем маленькими, а дедушки ваших дедушек пешком под стол бегали. Тогда даже говорили в Туле по-другому.

Второй. А как говорили?

Первый. Потерпи, все услышишь. А расскажем мы про дела тульские, старинные.

Второй. Про людей добрых и не очень.

Первый. Про руки золотые да про глаза завистливые.

Второй. Про сердца светлые да про мысли черные.

Первый. В те времена далекие стояла Тула на том же месте, что и нынче. И люди жили в ней такие же. Разве что одевались по-другому да говорили иначе.

Второй. Как это иначе?

Первый. Как? Слушай. И вы слушайте.

Явление 1.

Два вертепщика.

Во время рассказа вертеп облетает Ангел.

Первый. Таперича и не скажешь никто, а устарь туляки-то упоминали, как однажды усе у городе затрепетало, заохало, во усах дворах перезвоном отозвалось, да искрами с наковален посыпалоси.

Второй. Ни одна душа у толк не узяла, что за таинство стряслося. Только с поры той добрая слава о мастерах-то тульских по усей земле пошла.

Первый. Тульские пряники, тульские самоуары, тульское оружие. К чему туляки руки-то не приложат, усе ладитси да споритси.

Явление 2.

Петр и Джонс.

Второй. Прослышал про то царь Петр I, да и прикатил у Тулу-то мастеров местных поглядеть. Сам уажный, высокаяй. Мысли справнаи, глубокаи. Усе слушають, вникають да на ус мотають.

Петр. Позвать сюда самого лучшего тульского мастера.

Джонс. Здравствуй, царь Питер!

Петр. Ты что ли ружейный мастер?

Джонс. Я! Я есть мастер-шумастер!

Петр. Не похож ты на оружейника.

Джонс. О! Нет! Я есть мастер-продавайстер! Купец по-вашему. Торговал камнем, ветром, кирпичем и остаться ни при чем. Оружейники делать, а я продавайть.

Петр. А могут твои мастера такую же пистоль изготовить?

Джонс. Эй! Мастер-стреляйстер!

Явление 3.

Те же и Казюк.

Казюк. Здравствуй, царь-батюшка!

Петр. Смотри, мастер, какую мне пистоль из Англии привезли. Сможешь такую же изготовить?

Казюк. День да ночь, щего тут мочь-то. Смогу.

Петр. Да ты, я вижу, хвастать горазд. Рассмотреть не успел, а уже обещаешь.

Казюк. А щего смотреть-то? Нешто я свою работу не знаю.

Джонс. Тульский дурак! Это есть работа лучший аглицкий мастер! Где тебе!

Казюк. А уы на ем приметный уинтик поверните, да под пластинку-то и загляните. Щто написано?

Петр (*читает*). «Иван Москвин во граде Туле»... Ха-ха-ха! Вот так аглицкий мастер!

Казюк. Моя это работа-то.

Джонс. Ой... Я есть ее в Англия продавать. Два с полтиной!

Петр. Два с полтиной? А мне его за пятнадцать привезли...

Джонс. Это есть бизнес.

Петр. Нам такой бизнес не нужен. Раз так, быть в Туле заводу ружейному. Жалованье мастерам из государственной казны платить. А тулякам ружья да пистолы для обороны России множить.

Петр и Джонс уходят

Явление 4.

Вертепщики.

Первый. Так стал наш мастер щеловеком-то важным, государственным! У его даже прозвище появилось. Казюк.

Второй. Казюк? Пощему казюк?

Первый. Ему за работу царь платил откудать? Из казны. Стало быть, и мастер-то щеловек казенный. Казюк и есть.

Второй. Со уременем усех тульских оружейников-то казюками звать стали. А жен их — казюцками.

Первый. И усе бы хорошо, да прознал про золотые руки Казюка Щерт. И захотелось ему такого-то мастера к себе переманить.

Явление 5.

Черт и Казюк.

Казюк. Щто стоишь-то надо мною как щерт над душою?

Черт. А я и есть Черт. Тот самый. Все меня проклинаят, а я тому и рад. Ведь без меня ни одна беда не обходится. Вот, за тобою, Казюк, пришел. Мастера на все руки и чертям нужны.

Казюк. А не пойду. Туляки-то — только с виду дураки.

Черт. Ой ли? Работаешь, работаешь, а получаешь копейки. Живешь в Туле, а ешь дули. А я тебя озолочу.

Казюк. А щто взамен хочешь-то?

Черт. Как обычно. Душу. И золотые руки.

Казюк. Ну, это можно. Бери. Только поближе-то подойди, а то не удержишь.

Казюк бьет Черта своим молотком.

Черт кричит и убегает.

Явление 6.

Казюк и Смерть.

Второй. Разобиделся Черт на Казюка и наслал на него Смерть костлявую с косой кривою.

Смерть. Здравствуй, Казюк. Я Смерть. Никто меня не любит, да только без меня ни один не обходится. Вот я и к тебе пришла. Настал твой смертный час.

Казюк. Дай хоть год пожити!

Смерть. Ни одного месяца!

Казюк. Дай хоть один день.

Смерть. Ни одного часа!

Казюк. Хоть одну минуту.

Смерть: Ни одной секунды.

Казюк. Твоя взяла. Только дай прежде косу-то твою выправить. Уж больно кривая. Разве можно струмент в таком безобразии держать?

Казюк правит молотком косу.

Смерть. Спасибо тебе, Казюк! Раз так — услуга за услугу. Даю тебе отсрочку. Живи пока.

Явление 6.

Казюк, Петр, Джонс.

Первый. Видит Щерт, просто так Казюка не одолети. И решили на хитрость хитраю.

Петр. Здорово, Казюк! Я с заказом. Нужно к сроку ружья для армии русской сделать. Справишься?

Казюк. День да ночь, щего тут мочь-то. Справлюсь! Будут ружья.

Петр уходит.

Джонс. Бутут ружья! Царь Питер, я следить в подозрительная труба, чтоб он в срок успеть.

Джонс бежит за Петром.

Явление 7.

Казюк бьет молотом по наковальне.

Появляется Черт.

Черт. Ну, сейчас я тебе устрою!

Казюк. Что ты там говоришь-то?

Черт. Грубая работа. Не изящная. Тоньше можешь?

Казюк. Тоньше? Так тонкое ружье пулей разорвется!

Черт. Ну и что. Зато ружье будет тонкое, красивое!

Казюк. Красивое... Только не ружье... А что?

Над Казюком пролетает Ангел.

Казюк. Придумал!

Казюк воодушевленно кует.

Черт. Эй! Эй, ты что творишь? Я не того хотел! Это не ружье. Это... Это черти что...

Казюк показывает готовое изделие.

Казюк. Это самовар. Будет чай кипятить да людей веселить.

Самовар танцует.

Черт. Получается, помог я тебе... Не этого я хотел.

Казюк. Хотел — не хотел, а помог. Подойди поближе, я тебя отблагодарю.

Казюк бьет Черта своим молотком.

Черт кричит и убегает.

Явление 8.

Казюк, Джонс.

Джонс. Эй, Казюк! Когда ружья будут готовы?

Казюк. Когда курица запоет.

Джонс. А это что такой?

Казюк. Оружие новое. Секретное. Самовар. Воду сам в кипяток варить.

Самовар танцует.

Джонс. Ты что, собрался врага кипятков поливать? Тульский дурак! Такой самовар много не навоюешь.

Казюк. Туляки — только с виду дураки...

Джонс уходит.

Явление 9.

Появляется Черт.

Черт. Ну, держись! На этот раз я тебе покажу!

Казюк. Что ты там говоришь-то?

Черт. Говорю, в Европе сейчас ружья совсем не так делают. Не ружья, а музыка!

Казюк. Музыка? Ружью стрелять должно, а не играть.

Черт. Отсталый ты человек, Казюк.

Казюк. Музыка... Только не из ружья... А из чего?

Над Казюком пролетает Ангел.

Казюк. Придумал!

Казюк воодушевленно кует.

Черт. Эй! Эй, ты что творишь? Я не того хотел! Это не ружье. Это... Это черти что...

Казюк показывает готовое изделие.

Казюк. Это гармошка. Будет песни играть да гостей созывать.

Черт. Не этого я хотел.

Казюк. Не хотел, а помог. Вот я тебя-то и отблагодарю. Танцуй!

Гармонь начинает играть.

Черт танцует до упаду, не в силах остановиться.

Наконец гармошка смолкает, и Черт с криком убегает.

Явление 10.

Казюк, Джонс.

Джонс. Эй, мастер-стреляйстер! Когда ружья будут готовы?

Казюк. Когда рак на горе свистнет.

Джонс. А это что такой?

Казюк. Оружие. Секретное. Гармошка. От ейной музыки — все в пляс-то и пустятся.

Гармонь играет, герои танцуют.

Джонс. Ты хочешь из война танцы сделать? Тульский дурак! С такой гармошка много не навоюешь.

Казюк. Туляки-то — только с виду дураки...

Джонс уходит.

Явление 11.

Казюк и Смерть.

Второй. Пуше прежнего осерчал Черт на Казюка и снова наслал на него Смерть.

Смерть. Здравствуй, Казюк. Снова я к тебе пришла. Настал твой смертный час.

Казюк. Дай хоть год пожить!

Смерть. Ни одного месяца!

Казюк. Дай хоть один день.

Смерть. Ни одного часа!

Казюк. Хоть одну минуту.

Смерть. Ни одной секунды.

Казюк. Твоя взяла. Только дай прежде башмаки твои подковать, больно смотреть, каки худыи. В таких-то усе ноги стопчешь.

Казюк подковывает башмаки

Смерть. Спасибо тебе, Казюк! Только напрасно это. Как ни крути, рано или поздно я к тебе подкрадусь, ты и не услышишь.

Казюк. Еще как услышу! Ты попробуй, пошагай.

Смерть шагает.

Каждый шаг отзывается железным звоном подков.

Смерть. Что ты сделал!? Все равно, от меня не спрячешься!

Казюк. Ты прежде подкрадись неслышно, а потом-то и говори.

Казюк исчезает.

Смерть с грохотом за ним, а он возникает с другого края.

Она за ним, а он уж сзади нее стоит и хохочет.

Явление 12.

Казюк, Петр, Смерть, Черт, иноземные солдаты.

Первый. Так бы и гонялася Смерть за Казюком, только наслал Щерт на Тулу нову напасть.

Петр. Беда, Казюк! Враг у ворот! Черт его принес...

Черт (*появляясь*). Я и принес! Кто же, как не я!?

Петр. Оружие для армии русской готово? Где купец иноземный? Он обещал за работой проследить.

Казюк. Убег купец. Лишь про врага услышал, к нему и подался. Наши тайны военные продавать. Самовар да гармошку.

Петр. Не до шуток мне. Ружья готовы?

Казюк. Изволь, царь-батюшка!

Казюк выводит шеренгу ружей.

Петр. К бою готовсь!

Военный марш.

На Петра и Казюка надвигаются шведские солдаты.

Петр. По шведам пли!

Ружейный залп.

За спиной у шведов появляется Смерть.

Она срубает солдатам головы и уводит их.

Появляется Джонс.

Джонс. Это что такой? А где Самовар?

Казюк. У Тулу убег.

Джонс. Зачем?

Казюк. За пашпортом! Пли!

За спиной Джонса появляется Смерть. Она рубит ему голову и уводит.

Появляются французские солдаты.

Петр. По французам пли!

Ружейный залп. Смерть уводит свое пополнение.

Появляются турецкие солдаты.

Петр. По туркам пли!

Ружейный залп. Смерть уводит турок.

Появляются фашисты.

Петр. По немцам пли!

Ружейный залп. Смерть забирает фашистов.

Появляются современные противники.

Например, Обама, Меркель, Эрдоган.

Петр. По басурманам пли!

Ружейный залп. Смерть уводит и этих.

Петр. Молодец, Казюк! Хвалю!

Казюк. Туляки-то — только с виду дураки, а коснися — ребята ушлые.

Вместо солдат выскакивает Черт.

Второй. Как Щерт это увидал, так душа из него уон и вышла. И пошла евовная душа в Рай, да задела за край. Хвостиком зацепилась, да в Ад уся и провалилася!

Смерть срубает голову Черту и уводит его.

Явление 13.

Казюк, затем Смерть.

Второй. Так и жить Казюк у Туле. До чего не дотронется, усе людям-то на пользу, да на радость. Живет, Казюк, не тужить, и помирать не собирается!

С металлическим стуком появляется Смерть.

Повторяется сцена безуспешной погони Смерти за Казюком.

Явление заключительное.

Вертепщики.

Вертеп облетает Ангел.

Первый. Таперича и не скажить никто, а устарь туляки-то вспоминали, как однажды усе в городе затрепетало, заохало, во усах дворах перезвоном отозвалось да искрами с наковален посыпалось.

Второй. То искра Божья в мастеров-то тульских заронила, руки их шершавые добром наполнила.

Первый. А они-то то добро по всей земле славять.

Второй. Приглядишь, может и в твоих руках та добрая искра-то жить?

Занавес.

Пояснение для актеров об особенностях тульского говора

География оружейного края определила близость тульского говора к московскому, на котором во многом и основан русский литературный язык. К тому же неумолимое время почти не оставило живых носителей говора, некогда заполнявшего тульские дворы и улицы. Поэтому на первый взгляд может показаться, что особенностей в речи туляков попросту нет. Тем не менее тульский говор имеет свои неповторимые черты, отчасти роднящие его с языком юга России. Вот лишь самые заметные особенности.

1. Умеренное яканье (*п^лятушечка, д^ляревня, б^лязеза, р^лязенок, в^ляселый, в нашем с^ляе, с^лягодня*).
2. Иканье в первом предударном слоге (*т^лелефон, в^лидро, м^литла, м^лидведь*).
3. Туляки акают. Другими словами, выделяют звук «а» в словах. Например, «**да**ет **ка**рова **ма**лако».
4. Глагольные формы 3-го лица произносятся без окончания «-т» (*делае, иде, пиша, несе*).
5. В возвратных формах глагола распространена частица «-си» (*одевалси, собиралси, наелси, веселилси, дралси*). Жителям тульского края нравится говорить «ся» вместо «сь»: «я помыла**ся**», «разбежала**ся**», «одела**ся**», или просто добавлять этот суффикс в разные слова: «**дружимся**».
6. Звук «ч» произносится как нечто среднее между «ч» и «щ». Например, «**ще ты кажишь?**» — «**что ты сказал?**»
7. Смягчение концовки «ть» в формах третьего лица единственного и множественного числа глаголов (*он носит, они носят*).
8. Звук «в» произносится ближе к звуку «у»: **унучка, короука, деуки**.
9. В Туле и сегодня любят присоединять к любому слову частицу «то»: «**мы-то** пойдем», «**разницы-то** нет», «**купить-то** он купил».
10. Ну и любимое тульское «**гыканье**». В науке его называют «г» фрикативное (звук, образуемый трением воздуха в щели между сближенными органами речи, щелевой звук). Туляки до сих пор говорят **снех, хоры, михрень, охород**.

Людмила АЛТУНИНА

г. Тула

Людмила Дмитриевна Алтунина (урожд. Егуекова), журналист, прозаик, поэт, член СЖР и АРЛ, родилась и выросла в Горном Алтае. Окончила факультет журналистики Казанского госуниверситета и высшие редакторские курсы ВИЖ (Москва). Около сорока лет посвятила журналистике. Работала на радио и в печатных СМИ. Много лет была редактором вузовской многотиражной газеты ТулГУ и руководителем отделения журналистики студклуба этого вуза. Печатается в региональных, российских и зарубежных журналах и альманахах. Автор и соавтор более десятка книг. В 2019 г. вышла ее книга прозы «Чайка с того света...» и в 2021 г. — «Солдат войны полковник Кутепов» (книги авторского лит-проекта «Лики России»). Неоднократный победитель литконкурсов разных уровней, включая всероссийский. Награждена многими почетными грамотами регионального и федерального уровней, нагрудным знаком «За заслуги перед университетом». Ее имя внесено в энциклопедию ТулГУ, в «Тульский биографический словарь. Новая реальность», в биографический словарь «Писатели земли тульской», в энциклопедию тульской журналистики. Ветеран труда. Член редсовета и зав. отделом альманаха «Ковчег» (Тула). Член тульских пражославных литобъединений. Наши постоянный автор.

МЕДВЕЖЬИЙ СЛЕД

Дядя Ваня, один из младших братьев моей мамы, Иван Григорьевич Леонтьев, жил с семьей в высокогорном алтайском селе Иня, что ныне находится в Республике Алтай, и работал лесником на Семинском перевале — «Дьял-Менку», что по-алтайски — «Вечная грива», один из высочайших и протяженных перевалов Чуйского тракта. Высота седловины Семинского хребта более тысячи семисот километров, несколько километров подъема и несколько километров спуска. И вот однажды экзотики ради мы, родственники, съехавшиеся из разных городов, кто из Барнаула, кто, как я, из Тулы, решили его там навестить. На Семинском есть что посмотреть. Места там дивные, первозданные: вековые кедры, усеянные шишками, разнотравье, воздух, на них настоящий, хоть ножом режь да на хлеб намазывай; столь ядерен, осязаем, ароматен и целителен. Чистые прозрачные речушки и ручьи, пробираясь сквозь густые заросли, бегут среди сосен, кедров и елей то теряясь, то снова выныривая и подступая ближе к тракту. Местные жители издавна умеют и шишковать (ходить за кедровыми шишками, из которых лущат знаменитые полезные сибирские кедровые орешки), и охотиться на разного зверя, в том числе и белковать, — белку бьют из ружья только в глаз, чтобы ценную шкурку не испортить. Вот такие меткие стрелки — коренные алтайские охотники. Они же, наверное, раньше, чем ходить, выучиваются на лошади скакать, охотничье ружье и нож в руках держать.

Это было в 1980 году прошлого века. Старший сын дяди Вани Александр Леонтьев, светлокудрый голубоглазый; прямо-таки былинный богатырь, — высок, крепок, косая сажень в плечах, — шоферивший на ЗИЛе на Чуйском тракте, эдакий рубаха-парень, договорился где-то с военными чуть ли не на бронетранспортере нас доставить к отцу-леснику. На обычной машине туда и впрямь не доберешься, тем более на легкой; только на лошадях, но это — длительный и утомительный путь по горам и тайге, а с нами были дети: моя трехлетняя дочка Белла и Сашин пятилетний сынишка Гена. Саша дорогу к отцу прекрасно знал: постоянно помогал ему там.

Добрались-таки живописнейшими путями-дорожками по тайге до дяди Вани — сюрприз ему преподнесли. Подкатили шумной, восторженно-разноголосой гурьбой к самой его избушке, вывалились из машины. Дядя Ваня дверь распахнул, выскочил на маленькое крылечко своей деревянной рубленной таежной избушки и ахнул от удивления, всплеснув руками:

— Святые мои, кто приехал-то! Откуда это вы?! Как угораздило-то?!

Смеху-то сколько, расспросов, разговоров; давай по-шуструму костерок разводить; огромный алюминиевый закопченный видавший виды чайник подвешивать на железной перекладине, кинутой на две деревянные толстые подгоревшие с боков, что к костру поближе, рогатины; в ручей сбегали, в ведре еще воды подвесили для варки маралятины, которая у дяди Вани круто засоленная была. А кругом — красотища необыкновенная, только на чудесных картинах такую увидеть можно, а тут — наяву: любуйся, сколько хочешь! Большая зеленая поляна цветами яркими усеяна, клубничником, в котором крупные ягоды клубники уже поспели — собирай, не ленись. Поляну со всех сторон обступили стройные прекрасные кедры с розоватыми еще незрелыми шишками, и такой дух от них исходит, нежный, особый среди всех хвойных деревьев. Кто вдыхал его хоть раз, тот знает, о чем говорю: словами этого не передашь. За зарослями и кедрами слышно было, как шумит говорливо ручей. И я, взяв дочку на руки, побежала к ручью. Середина лета, день был жаркий, дорога утомительной, и мы с радостью бросились к ручью, чистейшему, холоднущему, берущему начало с тающих горных снежных хребтов: талая целительная вода! Мы пили из пригоршни эту прозрачную горную воду, плескали ее себе в лицо и беззаботно смеялись. Вода в ручье, словно подыгрывая нам, весело лопоча, прыгала с камня на камень, похожие на осколки скал, а на дне отчетливо видна, как через увеличи-

тельное стекло, разноцветная галька. И такой прохладной свежестью веяло от нее, что хотелось бесконечно ее вдыхать. Довольно долго плескались мы в этом чудесном ручье, а потом я решила подняться вверх по ручью, в сторону более густых зарослей, где свисали прямо над ручьем пурпурные, крупные, ясные гроздья кислицы — дикой красной смородины, и уже начиналась глухая тайга. И вдруг под занесенной моей ногой в песке у кромки ручья я увидела большие свежие следы с отпечатками когтей и даже не сразу сообразила, чьи они. А когда поняла, кому они принадлежат, похолодела, испугавшись не за себя, а за свою крохотную дочку. Сомнений не было — следы медведя! Он прошел здесь совсем недавно, оставляя на влажном песке характерный свой почерк. Да, это были совсем свежие следы крупного, могучего, опасного таежного хищника! А вдруг он сейчас выйдет вон из тех зарослей прямо на нас?! Что тогда?! Подхватив дочку на руки, я опрометью бросилась бежать назад, к домику. А там нас уже спохватились, дядя Ваня пошел нас искать к ручью. И, едва выскочив из зарослей на поляну, я чуть не столкнулась с ним вплотную. От неожиданности и испуга громко вскрикнула, ребенок заплакал; успокаивая, прижимая дочку к себе, вздохнув, возбужденно стала рассказывать своему дяде о медвежьих следах, с опаской озираясь на тайгу: кабы не появился оттуда этот медведь.

— Да, как же ты одна-то пошла туда?! Да еще с ребенком! Хоть меня бы спросила: «Можно ли здесь вот так-то гулять?» Места здесь дикие, глухие, всякого дикого зверья кругом полно: и медведи, и волки, и рыси, а в траве змей ядовитых в этот сезон полно; видишь, я — в высоких кирзачах, а ты — в кедах, а ребенок — в ботиночках. Медведи постоянно наведываются: к ручью пить ходят по тропинке, а этот, что следы-то видели, уж который день здесь крутится. Вечером к избушке подходит, видать, съестное учуял. Надо бы пугнуть его из ружья, а то и дверь сорвет, когда меня не будет, и в избушке все перевернет и всю еду пожрет. Громадный зверюга. А ты, дорогая моя племяша, больше никуда здесь — ни шагу; ишь, какая бедовая нашлась — прогуляться! Это тебе не улица городская, а дикая тайга, — беззлобно пожурил меня дядя Ваня.

...Мы пили ароматный целебный чай, заваренный баданом и еще какими-то таежными травами, ели кислицу с медом и дикую душистую малину, а я едва уняла дрожь в теле от пережитого и ни на шаг не отпускала от себя дочку, осознав, какой серьезной опасности только что подвергала ребенка и себя. Возле нас весело крутилась собака, лайка, по кличке Белка, пытаясь лизнуть в лицо то меня, то дочку — в знак своего расположения к нам.

...И все-таки я послушалась дядю Ваню...

Эта история произошла уже у него дома, на Ине. Дядя Ваня нередко привозил на лошади из тайги зверят, попавших в беду, больше малышей: то олененок ногу сломает и потеряется; то браконьеры убьют маму-медведицу, и от нее останутся в берлоге маленькие медвежата; то маму-волчицу — и осиротеют волчата. Вот такой волчонок жил однажды у дяди Вани по кличке Серый. Он стал уже совсем большим и мало чем отличался с виду от обычной собаки. Только шерсть жестче; по загривку и хребту как бы приподнята, — торчком стоит и светлее, с белыми подпалинами по бокам, голова крупнее и взгляд... Это был не собачий взгляд, а тяжелый и холодный. Обычно подросших и окрепших зверят дядя Ваня выпускал в тайгу, на волю, и медведей, и косуль, и волков, а Серый почему-то прижился у него вместо домашней собаки. Жил в вольере из сетки-рабицы, а то и бывал привязанным возле своей будки, в которой он почти не находился, а, если изредка и залезал в нее, то голову всегда высовывал, кладя на вытянутые лапы. Рядом стояла в кастрюле чистая вода ему для питья и большая миска для еды. Но чаще дядя Ваня бросал ему свежее мясо. Дядя же был признанный охотник и без мяса никогда не жил, как сам говорил. Я подходила к вольеру и рассматривала Серого: интересно же — настоящий дикий волк. Пыталась поймать его ледяной взгляд, но Серый не обращал на меня внимания. Как-то проходя мимо меня, дядя Ваня предупредил:

— Ты, смотри, не заходи к нему. Меня он знает, а ты для него чужая: мало ли чего — волк все-таки. Их до конца нельзя приручить.

Серый сидел или лежал не просто смиренно, а, как мне казалось, тоскливо, но не демонстрируя это открыто; и вместе с тем в нем чувствовалось какое-то внутреннее превосходство даже и над мной в том числе. Он лежал, смежив глаза, и меня почти не удосуживал своим взглядом, что только подогревало мое любопытство. И вот однажды я взяла небольшой кусок свежего мяса и, приоткрыв дверцу в вольер, протянула его Серому, лежавшему недалеко от дверцы. Он медленно, как бы нехотя повернул голову в мою сторону, потянул воздух, глянул на мясо и с каким-то достоинством, как я оценила это его движение, отвернулся; снова положил морду на лапы и закрыл глаза. Я его ласково звала, но он никак не реагировал на мой зов; все так же спокойно лежал, не шевелясь, и с виду казался таким безобидно-безразличным, домашним, до умиления. И я решила погладить его по голове; протиснулась до половины своего тела в вольер, чтобы дотянуться до волчьей головы рукой, и, было, совсем занесла ее над волчьей головой, чтобы ласково опустить на его лоб. И тут он медленно открыл глаза и глянул на меня. Так глянул! Что рука моя сама собой отскочила, а по спине пробежал холодок. И я моментально ретировалась из вольера, быстро захлопнув за собой дверцу, закрыв ее на щеколду.

Какой это был взгляд «одомашненного» волка? Он не был ни злым, ни угрожающим. Он был спокойным, но таким холодно-беспощадным — стальным, словно зеленоватый неземной огонь полыхнул в его зрачках, как острое лезвие бритвы, отливающее холодной зеленовато-синей сталью, охотничьего или боевого ножа. Это был взгляд опасного дикого зверя, от которого в жилах стынет кровь, как говорится. И я осознала, что этот прикормленный зверь в один миг может броситься и в одно мгновение перерезать своими острыми

клыками горло. Вспомнились слова дяди Вани: «Зверь дикий, он и есть зверь, волка приручить нельзя». Этот миг вызвал у меня одновременно чувство большой опасности и такого же большого уважения, даже преклонения перед зверем, точнее сказать, перед силой природы, генов, заложенных в нем. Даже если он и ест из ваших рук, то он не прирос к вашей кормушке и не променял на нее свою суть, не стал и никогда не станет ручным, пресмыкающимся перед хозяином или перед теми, кто его кормит. Это достойно уважения! Как все в природе, потому что оно — настоящее, неподдельное, и ничто не может вытравить эту силу первозданной исконной природы, эту суть.

И еще вспомнились слова хорошего моего друга, ныне покойного, о том, что и человек — это тоже, своего рода, — животное. Надо только определиться, какое животное именно ты: если баран, то блей, жуй травку, трись в общем стаде, не выбиваясь из него, будь этим доволен и смиренно, безропотно вместе с этим стадом иди под нож. Если ты — лисица, будь хитрым, ловким, изворотливым и вместе с тем обольстительным. Если волк, ищи себе подобную пару — волка или волчицу в зависимости от своего пола — и будь в стае или волком-одиночкой, которому куда сложнее выживать, но сильный выжить может; баран же в одиночку не выживет — будет съеден. И так же, как зверя, человека можно определить по глазам, по взгляду. Человек-волк в высоком понимании этого значения не будет суетливо цепляться заискивающим взглядом за каждого, тем более за каждую женскую юбку. Достаточно поймать этот взгляд, и станет ясно, что это человек высокого достоинства, и далеко не каждого он подпустит к себе, тем более не вдруг распахнет нараспашку свою душу.

2. 06. 2021

НА ЛЬДИНАХ

«Кататься на льдинах», — так они это называли, — рискованное и опасное занятие — экстрим, как сказали бы сейчас, было одним из любимых у наших пацанов, у моего старшего брата Володи — тоже. Как только с приходом весны начинался ледоход, извещая о себе громким треском, и громадные толстые прозрачно-голубоватые и заснеженные льдины, тараня друг друга, кружась в быстром течении и водоворотах, заполняли катунские протоки, Володя со своим закадычным другом Мишей Козловым и другими ребятами — тут как тут, на реке. Родительские запреты на то не были преградой. Они брали длинные гладкие шесты, заготовленные ими на острове, в лесу, и сплавлялись на льдинах, но, конечно, не на основном русле Катунь, что вообще смертельно опасно, — стремительная горная река с «бóчками», воронками и порогами в своем течении шуток не терпит, — а на ее протоке.

Отплывут, отталкиваясь шестами, от берега на большой льдине, очистят ее от снега, лягут на нее, уткнувшись лбами в холодную ее гладь, и всматриваются в глубину прозрачной, едва движимой под толщей льда реки. А там открывается такая немислимая картина тайной, скрытой подводной жизни, кажущаяся нереальной, сказочно-захватывающей; может, ради этого и собственной жизнью не грех рискнуть. Отчетливо видны промытые быстринкой течения, чистые, без водорослей, большие камни и разноцветные мелкие камешки, а между ними снуют серебристые шустрые рыбки, совсем крохотные и побольше, точно смотришь через увеличительное стекло. И так захочется нырнуть туда, к этим рыбкам, и резвиться вместе с ними, беззаботно и счастливо.

Самым же крутым считалось у пацанов не просто плыть на льдине, а ловко перепрыгивать с одной на другую, норовя не пропустить и небольшую, потоньше льдинку, того и гляди готовую перевернуться под ногой, видимо, чтобы вкусить острее чувство опасности, адреналин, как сказали бы сейчас. В том-то и была вся прелесть этого экстрима — успеть перескочить с нее, пока льдина под ногой не перевернулась или не треснула, на следующую, — сноровка большая нужна, и не каждому такое удавалось, но попытки делали все, а потому нередко были мокрыми с ног до головы. Это у мальчишек называлось «поскакать по льдинам»; «поскакать» как на коне. Хорошо, если бултыхнешься в воду поближе к берегу: там не глубоко, а если такое случалось на середине реки, то мало не покажется — можно и не выкарабкаться из ледяной пучины, но Бог миловал, — как-то выкарабкивались. Да и прыгать с льдину на льдину старались не на большой глубине. Протока-то ребятам хорошо знакома: где мель, где глубина, где быстринка, где заводь — все лето купаются и рыбачат в этих и иных местах.

Как-то мой брат и Миша Козлов вдвоем сплавлялись на льдинах, соревнуясь друг с другом в быстроте и ловкости перескакивания с льдины на льдину. Я с тревогой наблюдала за их состязанием с берега: очень уж они увлеклись и далековато отплыли — небезопасна такая игра. Вон уж почти до самой середины протоки допрыгали, опираясь на свои шесты. Желая их остановить, я пригрозила, хотя на самом деле никогда бы не выдала проказы брата:

— Хватит уж, пошли, Вова, домой, а то я маме расскажу, что ты опять на льдинах плавал, тебе попадет за это.

То ли брат отвлекся на мой крик, то ли по другой причине, но он, видно, неосторожно прыгнул на очередную льдину, и она треснула под ним. Однако, ему удалось ловко скользнуть на другой ее край и удержаться, но кромка льдины обломилась, и брат оказался в воде. Сердце мое в ужасе упало в пятки, и я заорала во всю мочь:

— Вова, держись, держись! Помогите кто-нибудь! Помогите!

Но на берегу никого, кроме нас, не было, и никто не услышал моих воплей. Я беспомощно бегала, громко плача по берегу, не решаясь убежать за помощью, оставив в беде брата, и помочь ему ничем не могла.

Володя цеплялся за эту тонкую льдину, но она обламывалась; с толстой льдины рядом, за которую он пытался ухватиться, руки соскальзывали, и шест мешал. Хорошо все-таки, что в его руках остался длинный шест, которым он упирался, пытаясь нащупать дно, и, отталкиваясь от льдины, старался продвинуться к берегу, но сплошняком плывущие льдины мешали тому. Тут подоспел Миша и со словами: «Вовка, хватайся!» — протянул ему свой шест. Брат ухватился за него и выполз на толстую льдину; сначала пополз по ней, потом встал на четвереньки, а потом и во весь рост и, опираясь на свой шест, стал по льдинам продвигаться к берегу. Я с замиранием сердца смотрела на него, боясь, как бы он снова не провалился в воду. Брат добрался по льдинам до берега, вышел на него. С его фуфайки, шаровар ручьями стекала вода. Я подбежала к нему и, вытирая слезы, упрекнула:

— Говорили же тебе родители не кататься на льдинах. Слава Богу, что не утонул. Пошли скорей домой, а то простынешь.

Подождал к нам Миша: «Ну ты чо, Вовка?! Живой, е мое! Напугал меня до смерти. Как это ты кувырнулся-то? Боле не будем на середину лезть, лучше недалеко от берега.

— Ничево, все нормально, — сконфуженно улыбнулся брат, — искупался малость...

И мы пошли домой. По дороге одежда на брате заledenела, и шаровары его громко бренчали, задевая штанинами одна за другую. Но грустно нам почему-то не было, наоборот, мы развеселились и уже со смехом обсуждали Володина купание в ледяной воде.

Это происшествие, однако, не остановило мальчишек: они продолжали кататься на льдинах.

22. 01. 2021

Магдалина ГРОСС

д. Истомино Балахнинского района Нижегородской области

Гросс Магдалина Вячеславовна родилась в г. Горьком (ныне Нижний Новгород). В 1991 г. окончила Нижегородский госпединститут иностранных языков (в настоящее время — Лингвистический университет). Репетитор английского и немецкого языков, пишет переводы. Литературным творчеством занимается с 2006 г. Дипломант и победитель областных и всероссийских конкурсов. Имеет Благодарность Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» за участие во всероссийском конкурсе «Наперсница волшебной старины», посвященном 200-летию со дня памяти Марии Алексеевны Ганнибал (2018 г.). Постоянный автор альманаха «Ковчег».

САМУРАЙ И ПРИПОДНЯТОЕ НАСТРОЕНИЕ

Я стою на балконе. На улице идет мелкий и до ужаса противный дождь. Бр-р-р... Небо настолько неприглядное, что кажется, будто все запасы серой краски, имеющейся в природе, сегодня ушли именно на него.

Небеса, свинцовые и отдающие тяжестью куда-то внутрь, где находится сердце, продолжают хмурить брови. Такое впечатление, что с каждой минутой они становятся все неприветливее и вот-вот разразятся самым настоящим ливнем.

Пока же сверху сыплются только холодные капельки, которые покрывают и асфальт, и кусты, и изредка попадающихся на дороге людей.

Вот вчера был действительно сильный дождь. Как начал лить с утра, так и не смог остановиться до вечера. «Небо прохудилось», — говорила обычно в таких случаях наша бабушка. Прохудилось... Какое там! У меня сложилось впечатление, что в нем образовалась дыра огромных размеров, через которую хлынула вода под таким напором, что на нее вряд ли нашелся бы какой-то тормоз. Сегодня об этом красноречиво свидетельствуют лужи: побольше, поменьше и са-а-а-амые маленькие.

А месяц назад... Боже, мне так и кажется, что еще только вчера на улице стояла замечательная теплая погода. Приход осени в этом году настолько затянулся, что так и казалось: желто-рыжая хозяйка природы не явится еще очень и очень долго. Термометр за окном показывал почти летние «нормативы». Плюс двенадцать, плюс пятнадцать, плюс двадцать... И это — в октябре! Такое долгое «бабье лето» совершенно не характерно для нашей местности.

И небо при этом было синее-синее. Чистое-чистое. Словно его каждое утро специально протирали специальным раствором, чтобы сегодня оно блестело синевой еще сильнее, чем вчера. Перехвативший эстафетную палочку октябрь, продолжал радовать теплотой и яркими красками.

Обрадованные такой нетипичной для начала осени погодой, парашютисты из местного аэроклуба продолжили себе сезон прыжков, казалось, до бесконечности. Каждые выходные небо пестрело красными, синими, желтыми, зелеными и белыми куполами. Выходишь на балкон — и только одни пестрые точки вдалеке. Как это — вдалеке? В небе, конечно, не за горизонтом же. Небесная синева казалась бескрайней.

Где они сейчас — эти цветные точки-парашютики? Где самолет, веселый рокот которого то и дело напоминал о том, что сейчас в небе появится очередная партия смельчаков, покоряющих ярко-синее пространство?

Ничего этого нет, словно никогда и не было. Взамен остался один только дождь и побуревшие от постоянной влаги листья. И небо, которое сжимает виски и давит своей тяжестью. Да еще хмурый дворник узбек в длинном серо-зеленом дождевике, сметающий листья к обочине дороги. Он медленно и нудно шваркает метлой по асфальту, помещая мое настроение под еще более низкую планку отрицательного восприятия этого мира. Нет, пора мне, пожалуй, уходить с балкона. Дома все-таки как-то поуютнее.

— Р-р-р, гав-гав, р-р-р-р, рау! — внезапно доносится до моего слуха. Звуки заставляют меня на секунду замереть и убрать руку от балконной двери. Я оборачиваюсь. По дороге неспешно идет мужчина, впереди которого бежит собака породы лайка. Видимо, в отличие от людей, настроение у нее самое что ни на есть распрекрасное. Иногда песик обегает лужи, иногда старается их перепрыгнуть, но не доскакивает до края, и тогда брызги летят во все стороны. При этом неутомонное создание то и дело возвращается к хозяину и, покрутившись около него, тотчас же несется форсировать следующую лужу. И совершенно не обращает внимания ни на низко нависшее небо, ни на то, что на улице сыро. Прыжок — и лужа позади, еще прыжок — и в стороны летит целый фонтан брызг. На улице пасмурно, но я даже с балкона явственно вижу то, как блестят и переливаются капли. (Или это такой своеобразный обман зрения и никакой явственности нет и в помине?)

Кажется, я помню, этого мужчину и его собаку. Ах, ну, конечно, я видела их зимой, в нашем же городе. Это было такое своеобразное парное катание на лыжах. Мужчина ехал и держал в руках шлейку, а собака тянула его вперед. При этом пес так старался, что хозяин то и дело напоминал: «Самурай! Не так быстро!»

Ага, вот я и кличку собаки вспомнила! Самурай тем временем продолжал носиться по мокрому асфальту, то и дело радостно твякая или предусмотрительно рыча, кружась и танцуя среди луж и опавших с деревьев листьев. Такое ощущение, что он задался целью заразить окружающих своим хорошим настроением.

Я смотрю на неутомонного Самурая и незаметно для себя улыбаюсь. Дворник-узбек прекращает на несколько минут свои равномерные движения метлой и так же внимательно смотрит на неизвестно чему радующегося пса. Завидев меня на балконе, дворник что-то кричит мне с улыбкой на загорелом лице. Я не отвечаю, только смотрю на него и пожимаю плечами — мол, то, что вы говорите, наверное, правильно, но узбекский язык мне неизвестен. Тогда дворник показывает концом палки, которая одновременно является ручкой для его рабочего инструмента, на мужчину с собакой и вновь что-то кричит мне.

Оставить без внимания попытки заговорить — верх неучтивости, поэтому я согласно киваю в ответ. Узбек меж тем продолжает разглагольствования (видимо, он устал находиться в одиночестве и радуется случаю высказаться, пусть даже людям, которые ничего не понимают из его слов).

Хозяин тем временем скрывается из виду, и нам слышны только веселый визг и то и дело раздающееся и не менее веселое «р-р-р».

Дворник берет метлу, поправляет капюшон на дождевике и продолжает свою работу. Я остаюсь на балконе еще несколько минут и покидаю пост своего наблюдения.

Плохое настроение словно смыто с души. Чем? А шут его знает! Но хмуриться уже не хочется.

Я прохожу на кухню, ставлю на газ пузатый чайник и бросаю в стакан пакетик с заваркой. Взгляд падает на забытый кем-то из детей карандаш и старую, наполовину изрисованную цветными карандашами тетрадку, в которой уже давно нет нужного количества листов.

Через минуту, забыв о нависшем небе и ожидающем меня чае, я записываю на бумагу свои впечатления. При этом я поднимаю глаза, смотрю через оконное стекло на серое небо и... пишу дальше.

Спустя какое-то время все через то же стекло я слышу веселое «р-р-рау» и уже знакомый визг. Видимо, мужчина и Самурай возвращаются назад. Рука с карандашом начинает двигаться по бумаге быстрее. Точно так же как дворник, который что-то говорил скороговоркой, не обращая внимания на то, поймут его или нет, теперь уже я стараюсь высказать свои мысли как можно быстрее. И мне уже совсем неважно, увидит их кто-нибудь или нет.

Равно как неважно и то, что небо все так же, насупившись, смотрит на меня. Оно уже не в состоянии испортить мое настроение. А закипевшая в чайнике вода, которая превращается в чай через несколько секунд, подтверждает мои мысли.

— Р-р-рау! Р-р-р-рау! — доносится уже откуда-то издалека.

Я смотрю на дорогу, по которой только что бегал Самурай, тихонько улыбаюсь и... продолжаю писать.

Игорь КАРЛОВ

г. Москва

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Зав. отделом международных связей всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Постоянный автор нашего альманаха.

ВОЙ ВЕТРА

Вой ветра разбудил. За окном завывало столь грозно и тоскливо, что, еще не успев из мира снов переселиться в реальный мир, я уже забеспокоился: чего это так задует? Вьюга разыгралась? Буран? Засосало под ложечкой, и холод пронзил все существо мое, с детства памятный холод, с тех самых пор, когда страшные метели прилетали из сказок и могли в сказки же унести на своих снежных крыльях.

Когда по-разбойничьи свистит за стеной сильный ветер, когда швыряет в окошки вороха снега, когда в беспричинной ярости пытается сорвать с петель и бросить тут же в палисаднике наши ставни, наглядно доходит до тебя простая и до слез беспощадная истина: ты, ребяенок, лишь невесомая крупинка всечеловеческой муки, которую унесет злым ураганом — никто и не заметит. Ни мама не хватится, ни отец (они-то на работе, уж точно не обнаружат пропажи, пока не вернутся). Ни даже бабушка, которая тут, рядом, за стеной, погромыхивает чугунками да топчет по кухне.

Суетится бабушка у печи, на лицо ее легли красные блики огня, что странным образом делает ее похожей на индейца с картинки в моей любимой книжке. Все бабулины мысли только о стряпне, не до внука ей сейчас. Да и куда постреленку деться из избы? Не знает бабушка или забыла о страшной Снежной королеве, которая может залететь в дом, схватить понравившегося ей мальчика, которого взрослые оставили без присмотра, и унести на Северный полюс. Очень даже просто! Ни крикнуть не успею, ни позвать на помощь... Поплывет, удаляясь, наша крыша, носовым платочком мелькнет внизу заснеженный огород, пронесется подо мной затейливый узор Снежеди, задушенной льдом, замельтешат кадрами диафильма заметенные окрестные леса, а потом ничего уже не будет видно в колющем холодно-липком мутно-белом киселе. Пропадут, исчезнут.

Хватится потом бабушка: Господи, куда девался парень-то? Сгинул. Придут с работы родители, дед — нет нашего мальчика. Заплачут горько, да уж делать нечего...

Тот давний страх перед метелью сковал душу, как мороз родную речку, и не отпускает до сих пор, хотя (начинаю я просыпаться) нет уже ни бабушки, ни деда, ни отца. Хотя (вскочил я рывком на кровати) самому впору рассказывать сказки внукам (жена рядом мирно спит под мягким ворсистым покрывалом).

Да кто я? Где? Что происходит? Воеет, воеет вьюга, нудно дудит в свою дуду. В сероватой полутьме уютного зашторенного утра заковылял к окну. Суставы, которым надо бы еще расхотиться, чуть не скрипят. Нашелся тоже мальчик! Уж развалина почти... Раздернул тяжелые плотные портьеры — ударило по глазам ярчайшее солнце Аравийской пустыни, еще низкое, но уже раскаленное. А за стеклом: солдатской шеренгой стоят крепыши-пальмы (воротники у них от ветра завернулись бледно-зеленой изнаночной стороной, трепещут под штормовыми порывами), держатся из последних сил; пробегают редкие машины по шоссе с названием «Аравский залив»; морщится белыми барашками теплое море.

А вьюга-то? А метель-буран?? Воеет, воеет за окном, словно включили сирену, оповещающая население о надвигающейся опасности. Жаркий суховей несет из пустыни тучи пыли и песка и скоро накроет город, словно власяницей, траурным муслиновым покрывалом. Завывает шквал по-волчьи, а то вдруг срывается на свист, а то утробно гудит. На родном моем языке рассказывает страшные сказки.

И как бы ни мудрила жизнь, выковывая твой характер, как бы ни закаляла, кидая то в пекло, то в стужу, не избыть тебе детских страхов. И куда бы ни занесло тебя переменчивым ветром судьбы, ты каждое утро будешь просыпаться у бабушкиной теплой печки. И сколь бы долго ни скитался ты по свету, не сыскать тебе ничего мудрее, чем открытая каждому с детства, а не от книг нами воспринятая, не через науку доведенная до нас истина: ты есть лишь малая крупинка всечеловеческой муки. И каких бы наречий ты не познал, не забыть тебе голосов природы, которые каждому на нашей планете от рождения понятны без перевода. И эти голоса еще расскажут и твоим внукам, и внукам твоих внуков то же, что тебе напели когда-то, пролетая над крышей дедовского дома.

Вячеслав МИХАЙЛОВ

г. Москва

Родился и вырос на южной окраине СССР, в г. Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук. Ph.D in Economics. Печатался в «Литературной газете», газете и журнале «День литературы», литературном сборнике «Иван-озеро», литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», альманахе «Ковчег». Автор сборника малой прозы «Вызов» (2017 г.).

ТО СТОК КОЛЛЕКТОРНЫЙ, ТО АРБУЗ АРОМАТНЫЙ

Устав балбесничать на летних каникулах, поддался я на уговоры отца месяц «понюхать порошу» перед последним школьным годом и выходом во взрослую жизнь. Пристроил он меня в геодезическую группу проектного института через давнего своего приятеля, суля исключительную походную романтику и серьезный заработок.

Первые несколько дней работал у наливного озера, периодически в нем освежался, научился кое-чему и считал себя умелым помощником. Впечатления от почина остались в общем позитивные.

В следующий раз Владимир Лукич, Рустам, я и Генка выехали на нивелирную съемку открытого дренажного коллектора в отдаленном, глухом районе. Коллектор, мало чем отличающийся от широкого и глубокого земляного канала для орошения, принимал и отводил сточные воды с орошаемых угодий нескольких совхозов, прилично заилился. Надо было оценить объемы его очистки.

На экспедиционном УАЗике-«буханке» до места и обратно часа три и на дело шесть-семь часов. Измерительные инструменты, журналы измерений, карта района и план объекта, большой бидон с питьевой водой, сухой паек — вот и все почти, что брали в однодневную поездку.

Предводитель наш Лукич — матерый геодезический волчище лет пятидесяти с таким темным укоренившимся загаром, что, если бы не голубые глаза с мягким рыжим оттенком, вполне сошел бы за индуса или пакистанца. С его съемок начиналось строительство многих водохозяйственных объектов в нашем знойно-пустынном краю: насосные станции, ирригационные каналы, водозаборные сооружения, водохранилища, дюкеры, акведуки — где он только не работал. Генка после службы в армии был на распутье и пока суд да дело пошел к геодезистам: кроме зарплаты им платили полевые, частенько выпадали премии. Рустам, ученик Лукича, начинал, как и Генка. Прикипел, освоил основные измерительные приборы и окончил заочно техникум, опытным стал спецом.

День предстоял обычный июльский с температурой под 40 градусов по Цельсию в тени, а может и выше. Такая приблизительно жарница здесь все лето, и никаких дождей, даже заблудшие полупрозрачные облака-малыши — редкость. В прогнозах нет нужды, синоптикам можно бездельничать. Стабильность иногда нарушает буйный пыльно-песчаный ветер «афганец», обыкновенно подолгу беснующийся. Если застал на улице, песок в волосах, глазах, на зубах и даже в трусах, а уgomонится, домашней уборки на полдня.

Потому и выехали с утра пораньше, чтобы успеть сделать побольше до прихода дневного зноя.

На съемке я, как и Генка, орудовал нивелирной рейкой, этакой трехметровой, довольно громоздкой, деревянной линейкой килограмма три весом с яркими делениями, выставляя ее вдоль и поперек коллектора на точках измерения, а командир или Рустам «отстреливали» эти точки из нивелира и вносили замеры в журнал. Закончив съемку с одной позиции, Лукич и Рустам перетаскивали на плечах треноги с нивелирами на новое место, и все повторялось. Так раз за разом продвигались мы от начала к устью коллектора мимо раскинувшихся вокруг зеленых хлопковых полей с незрелым еще, запертым в тугие бутоны, волокном и кукурузных полей с начинающей желтеть листвой, поспевающими хохлатыми початками.

Во второй половине дня стали снимать предустыевую часть коллектора. Он вышел уже за пределы орошаемых угодий, и сопровождал нас унылый безжизненный пейзаж: земли, не знавшие давно воды и лишённые видимой растительности — местами только с ошметками сухой весенней травы; вдаль виднелись низкие барханы. Что особенно чувствительно, не стало тополей и тутовых деревьев из редких лесополос, в тени которых мы время от времени прятались от палящего солнца, а от нищего листвой кустарника, росшего кое-где вдоль коллектора, проку мало. Зной придавливал, и мы налегали на свои объемистые походные фляжки. К тому же я не только пил, но еще и смачивал тайком панаму. Хватало ненадолго: панамы высыхала так же шустро, как сбежала из меня потом едва ли не вся выпитая вода. Скоро моя фляжка, а следом и Генкина опустели, мы нет-нет ходили на поклон к Лукичу и Рустаму, привыкшим к экономному питью. Устье приближалось, дело спорилось в преддверии окончания, но вода теперь иссякла у Рустама и Лукича. Машина далеко, скрылась из виду. На наш вопрос, почему водитель задерживается с водой — давно, мол, должен был подвезти — Лукич отреагировал невозмутимо: значит, форс-мажор какой-то вышел. Как быть? Идти за водой к машине, потом возвращаться и доканчивать съемку? Можем не успеть до сумерек. Мне, да и Генке, не

мешкая хотелось к воде. Но решали не мы. А Лукич, не раздумывая долго, вскинул на плечи треногу и бодро сказал: «Тут минут тридцать-сорок работы, закончим в темпе и рванем к машине».

Ковырялись час: усталость, жажда тормозили съемку. И вот, наконец, Рустам сделал финальный нивелирный «отстрел». Пока Лукич перекуривал, остальные спустились вниз по откосу коллектора и присели на грунт прямо у садистски журчащей зеленовато-мутной сточной воды: тут не доставали лучи уходящего, но все еще пламенеющего солнца. Я плохо представлял, как буду топтать назад пять почти километров с высохшим горлом, распухшим языком, отяжелевшей головой да в придачу с капризной рейкой, клял на все лады такую вот походную романтику и свою уступчивость, зарекался на всю оставшуюся жизнь поддаваться на отцовские уговоры.

Командир бросил недокуренную сигарету:

— Подъем, мужики, не расслаивайтесь. В машине передохнем, по дороге в город.

— Так Рустам еще не перекурил. Пока покурит, мы расслабимся малость,— пытался я сострить осипшим голосом, хорохорясь.

— Посмотрим, как ты пошутишь на полпути к УАЗику,— ухмыльнулся, поднимаясь, некурящий Рустам.

Через минуту мы, каждый со своим багажом, зашагали вдоль нашего коллектора назад, к бидону с самой великолепной и желанной жидкостью на Земле.

Как раз где-то на полпути Лукич, похоже, заметил мою петляющую слегка походку и почувал, что мне стало совсем дурно.

— Ну-ка, погоди.— Он тронул меня за плечо, поравнявшись.— Ты, как?

Увидев хмельные глаза и услышав спотыкающийся ответ «нормально», Лукич приказал мне оставить рейку и спуститься с ним в коллектор, а Рустаму и Генке продолжать движение.

Все без вопросов подчинились.

Когда мы оказались у сточной воды, командир властно кивнул на нее:

— Умойся и намочи хорошенько голову, грудь, спину. Скинь рубашку.

Брезгливая моя натура возмутилась было, но тщетно: я принялся плескаться в коллекторном стоке, пока вдруг не отпрянул, с испугом взглянув на Лукича:

— Сглотнул.

— Не ты это, а глотка твоя без спроса,— усмехнулся он озорно.

Я догадался, сплюнул:

— Солоноватая. Вы знали, что глотну. А если отравление?

— Лучше в городе понос, чем здесь, в глухомани, обморок. Не дрейфь, я не раз глотал и ничего, даже поноса не было... А тебе ведь лучше.

И вправду, мне чуток полегчало, и через минут пять мы продолжили путь.

Скоро увидели Рустама, идущего навстречу и размахивающего фляжками с водой.

Пил я, обливаясь и захлебываясь, пил и пил: миг счастья, нет слов.

Лукич, напившись, спросил у Рустама про УАЗик. Тот сообщил, что водитель собирался подвезти воду, да не завелась машина, взялся чинить.

— Так я и подумал,— зло буркнул командир.— Починил?

— Доделывал, когда я к вам выходил.

Прямо перед отъездом в город подкатил к нам газик, из него вылез солидный мужчина из местных.

— Директор совхоза здешнего,— обронил для нас Лукич и устало пошел навстречу:

— Вечер добрый, Сарвар-ака. Как поживаешь?

— Здравствуй, Володя-ака, дорогой. Неплохо живем, неплохо. Давно тебя не было. Приезжай почаще. После тебя с ребятами всегда или новое строят, или старое ремонтируют. Вы закончили, домой собираетесь?

— Собрались уже.

— Может, поужинаете у меня: чай, плов?

— Спасибо, Сарвар-ака, в другой раз. Ехать пора, дорога дальняя.

— Тогда возьмите хотя бы арбузы. Бахча рядом. В пути попьете, домой привезете.

— С удовольствием,— сдержанно согласился Лукич, а мы с радости готовы были плясать.

На полевом стане у бахчи нам загрузили десяток круглых темно-зеленых арбузов килограммов по пять-шесть. Ели полдороги: сперва нарезали кусками, а насытившись, откинулись вольготно на спинки сидений и доставали небрежно, с хорошими интервалами, сочную душистую сердцевину. Плоды оказались спелыми и в меру сладкими — в самый раз.

Разморенный арбузным изобилием я стал отходить от минувшего дня и размышлял, что хорошо бы завтра ехать не в какую-нибудь тьмутаракань снимать очередной коллектор, а работать опять у чистого водоема, но при любом раскладе фляжка с водой под нашим небом главная штукавина в геодезическом деле. Видел, как Лукич улыбается, поглядывая на мою довольную физиономию, и догадывался почему: того и гляди скажет, что жизнь — синусоида, то сток коллекторный, то арбуз ароматный.

Евгений СКОБЛОВ

г. Москва

Прозаик, член МГО СПР. Заместитель президента АРЛ. Автор восьми книг прозы. Участник многих периодических литературных изданий, сборников и альманахов. Три книги Евгения Скоблова включены в действующий фонд ФГУ Российская государственная библиотека. Лауреат литературных премий, дипломант конкурсов МГО СПР. Наш постоянный автор.

МОЙ ГУЛЛИВЕР

Когда я учился в шестом «А» классе самой лучшей школы нашего города, одним из самых одиозных и самых опасных субъектов класса был второгодник Валера по фамилии Рыбак. Разумеется, он был хулиганом и проживал в самом хулиганском районе города — Дубово. Рыбак был на голову выше всех остальных ребят и выглядел гораздо старше. Само собой он уже курил, пил вино, а также водил дружбу с подозрительными личностями, что периодически околачивались в школьном дворе. Человеком он был отчаянным и в некотором роде храбрым. То есть мог во время большой перемены смотаться в ближайшее кафе «Струмок», где пропустить стаканчик сухого. У продавцов не возникало ни малейших сомнений, что перед ними совершеннолетний. В классе у него было трое приятелей, и эта шайка заводила свои порядки. Остальные их побаивались и старались не связываться. В то время наш класс не был самым лучшим среди всех шестых классов, но, как принято говорить, предпосылки к этому были. А когда после восьмого класса Валера Рыбак окончил свои «учебные страдания» и вместе с некоторыми другими не очень успешными учениками отправился осваивать высоты профессионально-технического направления, то класс сначала спокойно вздохнул, а потом взял курс на первенство в школе по всем показателям. К тому же примерно треть класса были детьми разного уровня начальников и руководителей в нашем городе. Влиятельные родители как могли, помогали школе, что особенно ценилось администрацией.

Но тогда, в шестом классе, все было по-другому. В то время я уже достаточно серьезно увлекался книгами и не только их чтением, но и коллекционированием. Однажды я увидел у Валеры книгу «Принц и нищий» Марка Твена. Я взял ее в руки и почувствовал теплую волну, исходящую от томика. Я знал об этой вещи, мне как-то рассказывал о ней папа, но в нашей домашней библиотеке ее не было. Кроме того я к этому времени уже несколько раз перечитал «Приключения Тома Сойера». Моя заинтересованность не ускользнула от наметанного и опытного взгляда Рыбака. Он тут же предложил мне ее продать, ровно за восемьдесят одну копейку, то есть по номиналу. На следующий день я принес требуемую сумму, но Валера запросил в качестве дополнительной платы «за услугу» еще двадцать копеек и метательный дротик для игры в дартс, который у меня был, а у него, соответственно, нет. Я согласился, и сделка была совершена. Весь урок я поглядывал на обложку книги, млея от удовольствия. Кроме, собственно, романа «Принц и нищий», в книге были еще некоторые рассказы, которые я раньше не читал. А на большой перемене Рыбак вызвал меня за мастерские, где обычно курил со старшеклассниками, и деловито раскуривая сигарету «без ниппеля» (то есть без фильтра), поинтересовался, нужны ли мне еще книги. Я обрадовался... Конечно, нужны! И на следующий день у меня появились два тома сказок Андерсена, сборник фантастических произведений Александра Беляева. А еще через день, Валера принес «Путешествия Лемюэля Гулливера», 1955 года издания, из серии «Библиотека приключений» с иллюстрациями Жана Гранвиля, объемом четыреста тридцать страниц, в обложке темно-синего цвета. Я был счастлив, оттого что столько хороших и ценных книг у меня появилось за такой короткий срок. Потому что в те времена хорошие книги были большим дефицитом. Народу хотелось книг, но в книжных магазинах была сплошь партийно-политическая и военно-мемуарная литература, а также произведения современных советских писателей о трудовых свершениях рабочих и колхозников, в стиле «социалистического реализма».

Правда, примерно через месяц, некоторые из книг, что я приобрел у Рыбака, пришлось вернуть. Видимо Валера взял у кого-то «почитать» и продал, а потом от него потребовали книги возвратить. Но «Гулливер» остался у меня, и «просуществовал» дома до 1988 года. Когда я бывал в отпусках, то непременно брал книгу в руки, листал, перечитывал кое-какие главы. Эта книга, сама по себе как-то притягивала, что-то в ней было такое, что завораживало, переносило в другие измерения...

А в 1988 году, в один из своих приездов к маме, я женился. Среди всего необходимого при подготовке к свадьбе мне нужно было купить памятный, «свадебный» подарок для невесты, а денег не хватало... И я отнес в букинистический магазин в центре города, где раньше располагался магазин «Военная книга», своего Гулливера и два очень старых тома Александра Беляева.

Книги купили сразу (в магазине было много покупателей), и мне показалось, что я сильно продешевил. Я бросился за новым обладателем моих книг, бежал за ним по улице два квартала, и униженно просил набавить еще «хотя бы трояк». Если мне не изменяет память, он и дал три рубля, только чтобы я отстал.

Так мой Гулливер от меня ушел, и я потом очень сожалел, что настолько просто расстался со своей памятью. Конечно, подарок для моей невесты, а потом жены, вещь очень важная и нужная... Ради такого дела, вообще, ничего не жаль! Но Гулливера все же отдавать не стоило. Надо было найти другие пути решения вопроса. Например... занять у кого-нибудь денег.

Потом прошла почти половина жизни. Или, во всяком случае, треть. И я всегда вспоминал своего друга в «темно-синей» обложке... и чувствовал себя виноватым.

В первом десятилетии двадцать первого века, когда я еще продолжал свою трудовую деятельность в качестве государственного служащего, Гулливер был «частично» восстановлен. То есть в очередной свой приезд в отпуск я приобрел подобную книгу, в том же букинистическом магазинчике, только теперь он переместился в другое помещение, ближе к Центральному городскому рынку. «Частично», поскольку это был «новодел», то есть книга была издана в 1984 году, и в общем повторяла оригинальное издание. Однако книга оказалась гораздо тоньше, и обложка ярко-красного, а не темно-синего цвета. Хотя иллюстрации в книге были теми же и дизайн обложки тоже. Эта книжка и сейчас имеется в моей библиотеке, и, после того как перечитал, я в общем успокоился и решил просто сохранить память о Той книге, которой дорожил, но не сберег, а тупо продал.

Никогда нельзя продавать то, что дорого для души. Я понимаю, бывают обстоятельства, безвыходные положения и тяжелые времена. Но сохранить то, что можно сохранить, нужно стремиться всегда. Или, из всех сил пытаться делать это, чтобы потом не было стыдно перед самим собой...

Но настал День (17 мая 2014 года), и я увидел «моего» Гулливера, то есть именно то издание, что когда-то было у меня, на «Вернисаже». Нахлынули воспоминания: школа, Валера Рыбак и почему-то метательный дротик с ярко-желтым оперением. Момент возвращения утраченного — самый волнующий момент в жизни многих людей. Я с трепетом взял книгу в руки и тут же почувствовал в душе прилив теплой волны. Это волна прикатилась из моего детства.

Вначале я хотел договориться с продавцом и купить Гулливера в следующее свое посещение Вернисажа, поскольку деньги, что у меня были с собой, я планировал потратить на одну серию редких почтовых марок. Собственно ради этой серии я и приехал в тот день на Вернисаж.

Но тут мне совершенно случайно повстречалась одна знакомая художница, и мы заговорили с ней о линиях судьбы. О мистике случайных встреч. И о том, что никакая встреча, в сущности, не бывает случайной. По ходу разговора мы выпили кофе, и я подумал, что Гулливер встретился со мной сегодня очень даже не случайно...

Когда мы с ней прощались, я уже знал, что пожертвую марками и куплю эту книгу не в «следующий приезд», а сейчас. Потому что в следующий раз либо не будет продавца, либо книги, либо закроют второй этаж Вернисажа. Или огромная цунами перенесет блошинный рынок в страну лилипутов. В общем произойдет тысяча и одно событие, которые помешают мне вернуть моего Гулливера.

Так случается почти всегда, если человек упускает свой шанс что-то изменить или исправить, даже оказавшись в нужном месте и в нужное время...

«ИСКАТЕЛИ» ИЛИ ПОЛНАЯ ПЕРЕДЕЛКА

Литературным произведением, которое стало переходным от детского к юношескому чтению в моих литературных изысканиях, можно, пожалуй, считать фантастический роман Зиновия Юрьева «Полная переделка». Его напечатали в сверх популярном издании середины семидесятых годов — литературном альманахе «Искатель». Тогда он выходил с периодичностью раз в два месяца как приложение к журналу ЦК ВЛКСМ «Вокруг света» и пользовался бешеной популярностью у любителей фантастики и приключений. Причем, печатали, как правило, в основном произведения современных отечественных и зарубежных авторов.

«Искатель» был бестселлером того времени сам по себе, и в нашем городе его найти было практически невозможно. С боем доставшиеся номера читали и перечитывали, давали читать друзьям и знакомым. И зачитывали, не то что до дыр, а до отдельных листочков, на которые альманах просто рассыпался, поскольку был в мягкой бумажной обложке и довольно неважно склеен. Тем не менее само издание было просто исключительным, начиная с содержания, заканчивая очень талантливо выполненными иллюстрациями к произведениям и красочным оформлением обложек каждого номера.

Однажды папа принес с работы (он тогда работал в агентстве «Союзпечать») целых четыре номера «Искателя» за 1975 год. Разумеется, я был на седьмом небе от счастья и на время даже забыл о тех книгах, которые читал на тот момент. Сначала я прочитал все короткие фантастические рассказы, оставив «на потом» приключения, все же фантастика для меня всегда была на первом месте. Но к «большим» вещам (в этих номерах были и повести и романы) я приступил не сразу. Всегда получалось так, что наступал момент, когда появлялось чувство, что вот именно сейчас я должен взяться за то или иное крупное произведение. И тогда я полностью «уходил», погружался в новый, неведомый мир. Так было, когда я читал книги Александра Беляева, Герберта Уэллса, Артура Конан Дойла.

Четвертый номер «Искателя» открывал роман Зиновия Юрьева «Полная переделка». Я бегло пролистал его, выхватывая с каждой страницы по две-три фразы, по абзацу. Сначала мне показалось, что в «Пол-

ной переделке» мало собственно фантастического, скорее это напоминало детектив. Я отложил, было, его в сторону, но папа, который уже прочитал книгу, сказал, что вещь просто великолепна. И не столько сюжет, сколько сама идея и то, как роман написан. Папа сказал, что автор — настоящий мастер, и добавил: «Не оторвешься».

Слово и мнение папы для меня всегда были самыми авторитетными и самыми значимыми, хотя он никогда не пытался меня в чем-то убедить, ни тем более заставить что-то полюбить, чем-то увлечься. Просто мне казалось, что папа знал и умел очень многое из того, о чем имели очень отдаленное представление отцы многих моих приятелей и знакомых. Увлечения же самого папы (а он был очень увлекающейся натурой) были весьма разнообразными, среди них особое место занимали фотография, домашнее любительское кино, филателия, джаз и классическая музыка.

И я, конечно, тут же взялся за «Полную переделку». А прочитав три-четыре страницы, оторваться уже не мог. Потому что это была не просто фантастика, а «убойная» по тем временам вещь, и действительно написана не просто легко, с юмором, а так, что хотелось читать еще и еще, и перечитывать заново уже прочитанные отрезки и целые главы. Первую часть романа я просто «проглотил». Вторая же, заключительная часть должна была быть в пятом номере, и я не мог дожидаться, когда он выйдет. Я уже успел два или три раза перечитать первую часть и даже выучить наизусть некоторые, особенно понравившиеся мне места.

Уже зная, что книга, если дать ее почитать кому-нибудь из друзей, не всегда возвращается, я, как мне ни хотелось поделиться радостью от этой вещи с приятелями, все же держался и никому «Искатель» не давал.

Наконец настал день, когда пришел долгожданный пятый номер. Не отрываясь, я, по-моему, за один вечер прочитал вторую часть романа. Она показалась мне чуть менее интересной, чем первая, но в целом, роман стал для меня «суперхитом» среди всех прочитанных к этому времени книг. Я еще два раза перечитал роман целиком и спрятал эти номера «Искателя» среди самых дорогих мне, любимых и ценных книг. Но в общем я с ним не расставался до самого окончания школы, а в старших классах интерес моих друзей и приятелей (кроме одного-двух) к чтению почти пропал. Видимо они посчитали, что все интересное в своей жизни они уже прочитали.

После окончания школы я поступил в военное училище, а папа в этот год ушел. Ушел совсем молодым, и, к моему большому сожалению, нам так и не удалось поговорить как мужчине с мужчиной. Или, например, обсудить «по-взрослому» роман «Полная переделка»... В моих воспоминаниях он навсегда остался мужчиной, а я мальчиком.

Однажды, когда я уже учился на втором курсе, возвращаясь из каникулярного отпуска, я решил взять с собой «Полную переделку». Захотелось вновь оживить приятные и не такие уж далекие воспоминания. Тем более что в моей жизни как раз и происходила «полная переделка». Собственно, обучение в военном училище и было переделкой мальчика в мужчину. Во всяком случае, нам об этом постоянно напоминали наши командиры.

«Искатели» лежали у меня в прикроватной тумбочке, я частенько их перелистывал перед сном, иногда брал с собой в караул или на выездные полевые занятия.

Как-то в «личное время», после длинных споров и обсуждений прочитанных книг, просмотренных фильмов, я все-таки не удержался и дал почитать «Полную переделку» одному моему приятелю, Игорю, по прозвищу Гораций. Говорить он умел много и складно, весьма неплохо разбирался в живописи, джазе и рок-н-ролле, и все время рассказывал какие-то небылицы. Другьями мы, конечно, не были, просто однокашниками с кое-какими общими интересами. Например, поискать приключений в увольнении, у девочек в общегититии торгово-экономического института. Но мне казалось, что именно Гораций, а не кто-нибудь другой сможет по достоинству оценить роман. Не знаю, оценил он его, или нет, но только своих «Искателей» я больше так и не увидел. Они ушли, как всегда уходят дорогие, но не оцененные по праву, вещи, обиженные нами друзья, девушки, которых любили недостаточно сильно — тихо и незаметно. Вот, казалось бы, они где-то были рядом, а вот уже и нет.

Гораций ничего не говорил ни о романе, ни об «Искателях». А после двух или трех моих напоминаний он разозлился и довольно грубо заявил, что я его «достал» и что он вообще не знает, о чем идет речь.

Все. Конец истории?

А вот и нет. Слишком дороги были для меня воспоминания связанные с «Искателем» и не только. Воспоминания о папе, который мне принес альманах и научил его читать, о тех временах, когда... в общем еще до «полной переделки».

В дальнейшем я, как ни пытался, как ни старался, так и не смог найти ни самого романа, ни приложения к журналу ЦК ВЛКСМ «Вокруг света». Они ушли надолго из поля зрения, но из сердца никуда не делись. Всегда были где-то рядом, да и сейчас тоже. Вот она, вся подборка «Искателя» за 1975 год, цела и невредима, почти новая. Я уже перечитал роман (не помню в который раз) через сорок лет, и он ничуть не изменился, во всяком случае, для меня. Может быть, кому-то он и покажется устаревшим по нынешним представлениям, но только не для меня. Потому что этот роман — часть моего существа, моей души, моего прошлого, а значит, и настоящего. И, надеюсь, будущего.

Интернет, вот кто стал моим главным помощником и другом в старинной славянской игре «А ну-ка, отыщи!», правила которой просты: надо постараться разыскать и вернуть пропавшие в разные периоды жиз-

ни дорогие сердцу вещи, предметы и, конечно, книги. Однажды я набрал в поисковике «Яндекса»: «Зиновий Юрьев, роман «Полная переделка»», и, о чудо! — он оказался оцифрованным. Разумеется, я тут же, его скачал в электронном виде. А потом сделал запрос: «Журнал «Искатель» за 1975 год». Один из книголюбов (наверное, как и я родом из детства), отозвался и написал, что есть у него такая радость, и даже в ответ на мое письмо прислал фото всех номеров «Искателя» за 1975 год.

Я, не раздумывая, отправил ему деньги под честное слово, и через две недели в нашем почтовом отделении получил то, что когда-то, как мне казалось, безвозвратно потерял.

Валентина МАЦНЕВА

с. Архангельское Каменского района Тульской области

ПРОКЛЯТАЯ РЕЧКА

Каменское Красивомечье!

Всю красоту местной природы вобрала ты в себя: и ромашковые поляны, и синие от васильков поля, и фацелия, разбросав на одном стебле волшебные огоньки своих цветов, кажется разноцветным фонариком. Луг от ромашек — золотом сияет, страшно наступить — нарушить это золото-медовое царство.

А по берегам рек — заросли лозинки, камыша и осоки. Не сразу заметишь вытянутую головку цапли.

И в каждой маленькой низинке течет маленький ручеек, неся небольшие прохладные струи к речке Каменке.

Юго-западная сторона Архангельского является высокой точкой, и все воды, пройдя через низины и овражки, стремятся к речке Каменке, которая принимает их всех и становится все полноводнее.

У реки Каменки восемь притоков. Один из них берет свой исток от маленького родника в деревне Барановка и, набрав небольшое хранилище, течет дальше к Каменке. Он, как и все другие притоки, течет низинкой, а по берегам гуляют цапли, в зарослях камыша и осоки — царство диких уток и гусей. По берегам — трава да цветы со звоном колосьев наверху перекликаются. От жужжания стрекоз, пчел, трутней, бабочек — целый день льется музыка, а вечером добавляется в хор еще и звон кузнечиков.

К самому истоку, к роднику, летом, в самую жару, пригонял местный пастух на обеденный перерыв стадо овец. Напившись свежей, холодной воды, овцы отходили немного в сторону и становились плотной кучей, угнув головы вниз, чтобы их не напекало солнышко и не кусали комары, овода и мухи. И так они стояли, пока спадет жара и пора идти на пастбище.

Но однажды, когда стадо местного пастуха отдыхало, показалось облако пыли. Оно быстро нарастало и направлялось в их сторону. Это была большая чужая отара овец. Если подпустить ближе — отары могли смешаться, и их тогда невозможно будет разделить. Тогда местный пастух поднял собак и встал на пути чужой отары, загородив проход.

Сняв папаху, уважительно поклонившись, пришлый пастух попросил разрешить ему напоить отару. Но местный пастух ответил бранью и велел убираться прочь со своим стадом.

Крепко обиделся пришлый пастух. И в ответ на «ласковое приветствие» он сказал:

— Запомни! Я проклинаю эту речку! Никогда не увидишь ты больше этой речки, этого родника. Уйдет она от тебя далеко и никогда больше сюда не вернется. Много горя и боли придется ей перенести, не один год она будет искать выход из подземелья, избитая, израненная, а виноват в ее несчастьях будешь ты!

Сказал так пришлый пастух, ударил посохом о землю: и река, и родник вдруг пропали. Осталась только сухая лощина, а воды здесь как будто и не было. И он развернул свою отару и скоро скрылся в той стороне, откуда пришел.

А что же стало с речкой? Она провалилась в подземелье. В нем ровной поверхностью стояла вода, но она никуда не текла, а просто была ровной водной гладью.

Ощупывая стены своими легкими волнами, река понимала, что они ровные и гладкие. Она стала разгонять волны и посылать их все выше и выше, но выхода не было.

Однажды ей показалось, что в самом верхе пещеры виден свет звездного неба. Она подняла на воде такие водовороты, что, казалось, еще чуть-чуть и выход будет найден. Но высоты водоворота не хватало.

С горя она стала биться о стены, но только пена и брызги летели вниз.

Однажды утром она проснулась, а по краям ровной поверхности реки появились тонкие хрустальные крошечки. Стало ясно, что наступила зима. Речка перестала метаться, гладь ее воды спокойно лежала поверх воды пещеры.

Теперь было время подумать о том, что случилось. Их пастух не дал пришлому пастуху напоить отару и прогнал их прочь.

Но причем же здесь была речка? В чем ее вина? И за что она мучается в темном подземелье, ища выхода, где уже почти ослепла.

Река вспоминала красоту лета там, наверху, где цвели цветы, порхали бабочки, летали стрекозы, росли камыши и осока, в которых водились птицы. И не знала речка, что с ее исчезновением пропали, посохли и камыши, и осока, и травы. Птицы вынуждены были улететь с этого места.

Но речка хотела на волю!

Однажды, когда спящая под потолком пещеры, висая на одной ноге, летучая мышь открыла один глаз, речке показалось, что в глазу отразился маленький проход. Она мгновенно направила свои воды туда, заполнила проходы, но выхода не было — это был лабиринт.

Долго металась речка из края в край, пытаясь пройти в разных направлениях, но выхода не было.

Устроившись отдохнуть в конце лабиринта, она, привалясь к стене, задремала. И вот показалось ей, что внизу что-то сверкнуло, как бы серебристой чешуей. Речка мгновенно ринулась вниз и догнала маленькую рыбку — совсем еще малька. И эта рыбка вывела ее к большой реке.

Увидев солнце, цветы, кусты, голубое небо — речка запела своими звонкими струями, падающими из ущелья. Но это было не то место, где она прожила всю жизнь.

Вдали она увидела другую речку и с радостью понеслась к ней! Та речка называлась Гоголь. И та река с радостью приняла в свои воды пришлую речку. Объединившись, они обе потекли к Красивой Мече и дальше — к батюшке Дону.

Вот так брошенное невзначай плохое слово может сделать очень много зла.
Помните это!

ЛЕГЕНДА О ЧЕРНЫХ БЕРЕЗАХ

Береза — единственное дерево с белой корой, содержащей окрашивающее вещество бетулин. Плохо пришлось бы березе без этого вещества: кора у нее тонкая, нежная, дерево могло бы получить солнечные ожоги. А так — не опасно: белый цвет отражает солнечные лучи. В этом нетрудно убедиться, если в жаркий день прикоснуться к стволу березы — даже на солнце он остается прохладным.

В старину о березе говорили как о дереве «об четыре дела». В давние времена крестьянские избы освещали лучиной. А лучину щепали березовую — она хорошо горит, почти без копоти. Вот первое дело. Чтобы тяжелые колеса не скрипели, их смазывали дегтем, приготовленным из коры березы. Это второе дело. А больных чем исцеляли? Отваром из березовых почек, успокаивающим боль и заживляющим раны. Это третье дело. Ну, а четвертое — связано со всегдашней заботой человека о чистоте. Какие банные веники, какие метлы считаются лучшими? — Березовые!

Неужели использование березы исчерпывается только этими четырьмя делами?

В действительности полезным делам, связанным с березой, счета нет. Умельцы вырезали из березовой древесины всевозможные игрушки, фигурки, ложки. Из березы делали посуду, коробы, лукошки, много столетий назад, когда еще не знали бумагу, ее заменяла береста. На ней наши предки костяными или металлическими стержнями писали письма, вели счета. Береза используется в строительстве, из нее делают клееную фанеру, мебель, уксус, ацетон. Из грибов, селящихся на стволах березы — чаги — изготавливают антиопухолевые лекарства. Еще березовый сок. Если весной, до распускания листьев, сделать на стволе ранку, капля за каплей начнет сочиться прозрачный сок. Но лучше этого не делать. Ведь такое «кровопускание» может сильно истощить дерево. К тому же через ранку в живые ткани растения могут проникнуть вредные микроорганизмы или споры грибов. А это и приведет к болезни, а то и гибели белоствольной красавицы. Береза способна наделить человека благотворной энергией, стоит прижаться на несколько минут к стволу и мысленно попросить у дерева здоровья.

Белая береза, наша русская красавица, растет на всей территории Среднерусской возвышенности. Сверх нарядного белого платья весной она распускает длинные гибкие кисти, словно косы, которыми, шутя играет ветерок. Приходит время цветения, и на косах повисают серебряные сережки. А когда приходит время созревания семян, сережки раскрываются, и ветер подхватывает их летучие семена и разносит по всей Руси. Во все века, как только начинали зеленеть леса, парни и девушки шли гулять в лес, петь песни, водить хоро- воды.

Внизу, между возвышенностей, протекает речка-маломерка Ситова Меча. Вдоль ее берегов расположились села и деревни. А наверху, на высокой возвышенности растет большой лес, одаривающий своими щедрыми дарами всю округу.

Со стороны деревни, у начала леса, на возвышенности росли четыре березы, четыре родные сестры, так как росли они из одного корня. Но, несмотря на это, они были стройными высокими красавицами и стояли здесь уже не одну сотню лет.

Не одно поколение девчат и парней проводили здесь праздники, бегали на свидания.

Но мало когда русские люди радовались жизни. Хоть и трудились они от зари и до зари, пахали, сеяли, строились, растили детей.

Юг страны. Моря, создающие благодатный климат, дно которых усыпано янтарем, устья пресноводных рек, полных рыбы, леса по берегам рек, полные зверя, сады, виноградники, бескрайние пастбища. Всего хватало людям, живущим здесь. Но они предпочитали легкую наживу, не гнушаясь разбоем и грабежом. Их жестокость никогда в веках не будет оправдана. Из века в век люди будут проклинать те дикие племена и свято помнить погибших славян в тех войнах.

И в новых веках не зря на курганах славы до сих пор устанавливают звезды, и горит вечный огонь во славу тех защитников земли Русской.

На наших полях мало осталось тех, отсыпанных курганов во славу сражений вятичей. Но, если ты добрый человек — выйди в те поля в ночь под Ивана Купала и увидишь, как с небес на них спускаются яркие звездочки, долетают до курганов и гаснут. Небеса помнят своих храбрых воинов-защитников, которых приняла в свои объятия Мать — Сыра земля.

И снова степные кочевые племена двинулись на Русь. В 1516 году крымский принц Бахадур, сын жесточайшего хана Магмет-Гирея, прошелся с огнем и мечом по рязанским землям, потом взял Турдей, Дедилов. Его войска подошли к Тульскому кремлю, но взять не смогли, обошли Тулу и двинулись на Алексин и Калугу. Там, где они шли — грабили, убивали и выжигали города и окрестные деревни.

Татары, хазары, печенеги и другие кочевые племена не раз были биты, подвергались полному разгрому, но! Новые поколения степных воинов устремлялись грабить русские земли.

Сучилось это ранней весной. Снег уже сошел, но земля была еще схвачена небольшим морозцем. По небу плыли рваные серые тучи с пожелтевшими краями, обещавшими снегопад. Деревушка, что ютилась на левом берегу реки Ситовой Мечи, готовилась ко сну. Кое-где топились печи. Скотина в хлевах молчала, накормленная и напоенная. Молчали даже собаки.

И вдруг в эту тишину ворвались гортанные крики орущих всадников и засверкал огонь факелов, поджигавших дома. Вмиг пронесся по деревне дикий вой, плач детей, рев скота, начался ужас. Горели дома, метались люди, пытались где-нибудь укрыться, но пощады не было нигде. Кривые сабли татар доставали всюду. В считанные минуты деревня была уничтожена и разграблена.

Мало кто уцелел из жителей, только те, кто смог перебраться через речку и убежать в лес. В их числе была женщина, которая успела схватить троих малолетних детей в охапку и, прикрывшись одежкой, босая, пока муж топором и вилами отбивался от татар, убежала в лес.

Лес стоял на возвышенности, которая поднимаясь все выше и выше в гору. Сил у нее хватило добежать только до начала леса, где стояли сросшиеся березы. Сжавшись в комочек, они сидели и, дрожа, ждали смерти. Но татары в лес не сунулись, побоялись.

Время тянулось бесконечно. Их стало клонить в сон. Дети запросили пить. Что делать? Воды близко не было. И женщина подумала, ведь весна! Возможно, уже началось сокодвижение, и она сможет напоить своих крошек.

Пытаясь найти щепочку, она обошла вокруг берез. Хоть мороз и был небольшой, но где она наступала — оставался кровавый след. Найденной щепочкой она стала отковыривать старую кору на березе, но та плотно сидела, как будто примерзла или присохла. Помогая пальцами, женщина сорвала все ногти, но кора не поддавалась. Тогда она попыталась зубами разрывать кору. И когда посочилась с разорванных губ и десен кровь, мать обрадовалась, думая, что это сок. Но сока не было. Еще не пришло время начинаться сокодвижению. Древесина была суха.

В изнеможении она опустила на корточки, сжала в комочек своих деток, пытаясь накрыть их своим телом. Усиливающийся к утру мороз помог покрепче сжать их объятия.

Их нашли утром возвращавшиеся из леса такие же бедолаги. Похоронили их там же, возле берез, где их нашли, насыпали холмик. Во время похорон их не смогли разъединить по одному, — Дедушка Мороз настолько крепко соединил их вместе, не отдал детей из объятий матери. Односельчане укрыли их всех своими одеждами.

И только тут заметили люди, что березы почернели, как будто надели траурные одеяния. И по сей день скорбят они о тех, кто похоронен под ними.

Но время неумолимо идет и идет. Ливневые дожди, паводковые воды сравнивали тот холмик с землей, и все заросло травой и цветами. Прошел уже не один век, и дожили те черные березы до наших дней. Каждую весну плачут березы... Надевают они свой зеленый наряд, а осенью — золотой, но черные платья никогда не меняют, как бы оплакивая события прошлых лет...

И вот, в наше время, нашелся такой человек, который то ли по недоумию, то ли не придав значения, срубил одну березу. Осталось их три. И есть поверье, что если в летнюю лунную ночь придти к тем березам, сесть тихонько на пенек и внимательно прислушаться, то обязательно услышишь, как шепчут слабые детские голоса и просят: «Мама... мама... пить... пить...»

... А может это в серебристом сиянии месяца шепчут между собой листья, передавая молодым ту страшную историю.

Примечание:

Из Википедии: Береза даурская, или Береза черная дальневосточная. В природе ареал вида охватывает юг Сибири, Дальний Восток России.

Ольга БОРИСОВА

г. Самара

Поэт, переводчик, писатель, член СПР. Автор ряда книг. Победитель и призер многих фестивалей и конкурсов. Лауреат международной премии «Славянские традиции». Стипендиат Министерства культуры РФ. Награждена медалью им. Е. Замятина «За успехи на литературной и культурной ниве». Публикуется в российских и зарубежных журналах. Стихи переведены на многие языки. Член Европейского конгресса литераторов, руководитель Самарской региональной организации РСПЛ, гл. редактор альманахов «Параллели» и «Крылья», член редсовета журнала «Белая скала». Член ЛитО «Точки» при совете по прозе СПР. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ДРУГОЙ МОТИВ

— Там-тара-там, тара-там! Тьфу,— сплюнул в сердцах Петро.— Вот прицепился мотивчик!

— Ты чего ругаешься? — поинтересовалась Полина, поставив на крыльцо ведро, доверху наполненное огурцами.

— Да вот, как втемяшится что-то в голову, так никак не отвяжется.

— Урожай нынче на огурцы богатый. Банки из сарайки неси! Крутить будем,— словно не слыша мужа, приказала она.— Да не забудь доску в бане прибить. Там гвоздь ржавый торчит, я намеренно поранилась.

Взяв коробку с гвоздями, Петро отправился выполнять поручение жены. Не успел он еще размахнуться молотком, как о себе напомнил прежний мотив.

— Да что же за напасть такая?! Откуда он взялся?

Вдруг под сердцем резко екнуло. И он вспомнил эту песню, бородатого бандита и совсем юную чеченскую красавицу с миндалевидными глазами, спасшую их группу тогда, в первую... двадцать шесть лет назад.

Петр Харченко служил срочную в спецназе. Стояла весна тысяча девятьсот девяносто пятого года. В Чечне вовсю полыхала война. Командир батальона, где служил Петр, получил информацию, что к одному из близлежащих сел подтянулись боевики. Их отделению приказали проверить достоверность полученных сведений. Дождавшись вечера, группа из десяти человек скрытно подошла к селению. Оказавшись в начале улицы, бойцы быстро развернулись в боевой порядок и стали медленно продвигаться вперед. Сгущались сумерки.

— Странная тишина, словно все вымерли,— прошептал Витька Радченко.

— Здесь они. За нами следят,— только успел ответить Петр, как зазвенели первые выстрелы. Пули просвистели над головами спецназовцев. Стрельба велась из окон саманного дома в метрах тридцати от бойцов.

— Отходим! — приказал командир отряда Саня Петров.

Зазвучали новые выстрелы с конца улицы, отрезающие путь к отходу.

— В кольцо берут! Живыми хотят взять. Слушай мою команду! Уходим через дворы и огороды.

Отстреливаясь, они вломились в первый попавшийся двор и, перемахнув через изгородь, оказались на другом подворье. Их искали, звучала беспорядочная стрельба и окрики дудаевских боевиков. В одном из дворов Петр присел на краю канавы, чтобы перезарядить магазины, и вдруг услышал метрах в двадцати от себя злобный смех, переходящий в ритмичный мотив: «Там-тара-там, тара-там!» В него целился из «шайтан-трубы» бородач в черном одеянии. Он что-то прокричал на арабском языке и выстрелил. Петр кувыркнулся через спину в канаву. Граната ударила в её стену, осыпав его землею и камнями. «Ну, все, конец мне при-

шел! Сейчас в меня пальнет»,— только успел подумать, как увидел, что наемник, оскалась, стал медленно оседать. В его шее торчал нож, воткнутый по самую рукоять, а за спиной бандита он увидел хрупкую чеченскую девушку. Она приложила палец к губам и позвала его за собой:

— Хасан злой человек! Он убил моего брата. Собирай своих, я выведу вас за село.

Она торопилась. Прячась за деревья, привела группу к подвалу.

— Ничего не бойтесь,— прошептала девушка. Оглядевшись по сторонам, зашла сама и, впусив бойцов, закрыла на задвижку дверь. Ловким движением зажгла керосиновую лампу и попросила отодвинуть бочку с какими-то соленьями. Под бочкой оказался лаз. Сдвинув крышку, она первой спустилась по земляным ступеням в темную яму.

— Торопитесь! Здесь подземный ход. Его отец с братом вырыли, когда заваруха на нашей земле началась. Он ведет во двор моей тети, а там рукой подать до оврага. По нему вы уйдете.

— А ты? Тебя же убьют!

— Я знаю, где спрятаться. И скоро ваши придут. Этих — здесь человек тридцать. В основном все пришлые. Держат селян в страхе.

— А Хасан за что убил брата? — спросил Петр.

— Они пытались село отстоять.

— А зовут-то тебя как?

— Забудьте обо мне, если желаете мне добра. Так будет лучше.

Она остановилась и прислушалась.

— Я выйду первой. Уберу дрова, закрывающий выход. А теперь давайте прощаться,— и она тут же исчезла в узком земляном проеме...

Вскоре селение освободили от боевиков. Часть их убили, других взяли в плен и отправили в Москву, некоторые смогли скрыться. Петр осторожно пытался найти девушку, спасшую ему жизнь, но попытка не увенчалась успехом. А когда бригада, выполнив свои задачи, уходила из села, он услышал знакомый голос. Девушка пела старинную чеченскую песню:

*Хаза ю ламанца буййса,
Батто стиглахь нека до,
Ойла ю тоелла тховса,
Безам кийрахь ийбалю.*

Он понял, что она пела для них и для него. Ее прощальная песня...

Петр так и сидел с молотком в руках, когда в баню зашла жена.

— Зову тебя, зову, а ты не откликаешься. Банки пора закручивать. Я рассол сварила, заливать нужно.— Она внимательно посмотрела на мужа.— Что с тобой?

— Ничего, Полинushка! Песню вспомнил. Но это уже другой мотив.

И он запел тихо и нежно:

*Ночь светла над горной грядюю,
По небу плывет свет луны.
Пленены мы сладкой мечтою,
В сердце пламя, пламя любви*.*

Полина прижалась к плечу мужа. Обнявшись, они еще долго сидели в старой бане. Каждый думал о своем.

* Перевод песни — В. Хаджимурадов

Андрей ВОЛКОВ

г. Тула

Родился в 1987 г. в Туле. Учился в машиностроительном колледже им. Н. Демидова по специальности «Литейное производство черных и цветных металлов» и в ТГПУ им. Л. Н. Толстого на факультете русской филологии и документоведения. Работает в сфере металлургии восемь лет. Печататься начал в университетские годы в студенческом журнале «Ловец снов», который был создан им вместе с друзьями детства. Там же впервые были опубликованы рецензии на фильмы, что и составило в будущем львиную долю творческой деятельности. За 2010-е гг. было написано и опубликовано в интернете около пятисот кинокритик и десять дайджестов. В настоящее время пишет для многих интернет-журналов и сайтов. Написаны статьи о рок-музыке, а также о ряде режиссеров западного кино. Получены номинации на премию «Писатель года» от портала «Проза.ру» (2015, 2016, 2017, 2021). За последние десять лет написаны две повести и двадцать три рассказа, два из которых опубликованы в его блоге на сайте «КЛУБ-КРИК».

МУРАВЬИНЫЕ КРУГИ

Деревня, в которой жил Николай, находилась в отдалении от других населенных пунктов, а также от трассы, и потому добраться до нее было непросто. Сначала нужно было доехать до поселка, который когда-то был шахтерским, а сейчас был полон разного постороннего люда, потом ехать пять километров по сельской дороге, полной ям и выбоин, а затем еще три километра по бездорожью. Когда-то в этой деревне жили триста человек, был хороший колхоз, которым управлял Филипп Степанов, Герой Социалистического Труда, позже спившийся и умерший от пьянства в поселковой больнице в 1994 году, а ныне деревня была почти заброшена. Тут жили постоянно несколько стариков и старух, пара-тройка человек среднего возраста, а также несколько более молодых людей приезжали на лето на дачи. Николай, несмотря на свои почти 40 лет, был в деревне самым молодым. Он жил в доме своего дяди профессора Картова, известного мирмеколога из МГУ. Профессор вышел на пенсию в шестьдесят три года и, так как из-за любви к науке не нашел времени завести семью, уехал из шумного города в тихую деревню, чтобы коротать свой век на лоне природы и наблюдать жизнь луговых муравьев, черных садовых, а также рыжих лесных. Профессор любил ходить в лес по грибы с дедом Василием, жившим по соседству. Дед Василий был простой мужик, необразованный, всю жизнь проработавший в колхозе, пока он не развалился в 1990-е гг., но профессор любил общество простых людей, не забывших природу. Он не желал поддерживать контакты с научным миром, да и ученые вскоре прекратили попытки связаться с ним, смирившись с его чудачеством, а потому профессор, как он писал в своем дневнике, счастливо жил в этом краю непуганых птиц оставшиеся годы и спокойно и радостно готовился к смерти.

Профессор Картов умер на Рождество 2003 года в возрасте семидесяти двух лет, о чем сосед дед Василий известил его племянника. Племянник Николай приехал на похороны вместе со своей женой Оксаной и с грустью наблюдал, как его любимого дядю, которого он тем не менее редко навещал ввиду удаленности деревни от Москвы, опускают в холодную яму на местном кладбище, чтобы затем навсегда сокрыть его бранные останки под слоем мерзлой земли.

Какое-то время дом пустовал. Николай не продавал его, хотя жена настойчиво ему советовала, как будто чувствовал, что этот старый дом еще сможет послужить ему. Так оно и вышло, ибо скоро отношения с женой дали трещину и вскоре они развелись. Николай впал в депрессию и, по совету своего психоаналитика, переехал на какое-то время в эту глухую деревню. Тогда Николаю было тридцать пять лет. Он работал программистом, а потому мог творить и дома в деревне, имея хороший ноутбук, внедорожник и доступ в интернет. Постепенно Николай оттаял, полюбил природу и уединение, даже стал сажать огород, следуя советам деда Василия, и совсем не желал возвращаться в свою московскую квартиру, которую он тем более отдал бывшей жене.

Отец Николая и его брата Марка погиб в Афгане, а мать умерла чуть позднее, а потому дядя, брат отца, заменил им обоих родителей. Когда они выросли и вступили в самостоятельную жизнь, а дядя вышел на пенсию, так как устал от преподавательской и научной суеты, он решил не обременять их собой и уехал в деревню, в свой родовой дом, который сохранился в хорошем состоянии, так как дядя присматривал за ним. Дядя оставил после себя объемный дневник, а также научное исследование о луговых муравьях, которое Николай отослал в МГУ на кафедру биологической эволюции. Оно было тут же опубликовано и даже получило премию в области мирмекологии, и немало ученых-мирмекологов признали его самой значительной работой в этой области последних лет.

Дяде же это уже было неважно. Он завершил свой жизненный путь и сейчас удобрял почву и кормил червей и личинок. Однажды летом, придя на кладбище проводить дядю, Николай заметил на его могиле не большой муравейник и подумал, что дядя, пожалуй, был бы рад, что и после смерти послужил муравьям.

Николай жил несуетно и тихо, так же, как и его дядя, ходил по грибы с дедом Василием, помогал на огороде Марфе Петровне, одинокой старой женщине, бывшей доярке, схоронившей давно мужа и двух сыновей, погибших в Чечне, но это уединение разрушилось, когда Марк, известный архитектор, чуть постарше Николая, решил приехать к нему погостить вместе с дочерью Никой, которую Николай не видел с десятилетнего возраста. Сейчас ей должно было быть уже лет двадцать, как думал Николай. Впрочем, он и с Марком давно не виделся. Они и в детстве не очень ладили, а во взрослом возрасте и подавно. Марк любил отца и тосковал по нему, а Николай не очень отца помнил. Помнил только, что отец любил выпить, играть в покер с такими же любившими выпить мужиками, а главным средством воспитания у него были ремень и кулак.

Позже, в тот вечер, когда он получил письмо, Николай сидел на террасе вместе с дедом Василием. Рядом на столике стояла бутылка водки и тарелка грибов. Николай рассказал деду Василию о странном письме и о своем брате, на что старик ответил в своей обычной манере.

— Ты, Никола, того, особо не думай. Раз брат хочет приехать, встречай, как родного. Между братьями часто нестроение бывает. Мой, покойник, тоже был себе на уме. Очень, помню, мы с ним поругались как-то и долго не разговаривали, но перед смертью захотел, окаянный, со мной повидаться, чтобы чистым к Господу уйти. Мириться-то — оно всегда хорошо. Митрич, твой дядя, упокой Господь его, любил вас обоих, хоть вы редко ездили к нему. Ну да понятно, живем как на другой планете. Если б работа тут была, может, и не разъехались наши молодые, да Горбач, гнида, всю страну развалил вместе с этим алкаголиком Борисом.

Дед Василий задумался. Его глаза заблестели. Возможно, он вспоминал и своего сына, погибшего в Чечне, как и многие тогда. Николай и сам бы мог там оказаться, если бы не учился в МГУ. Так уж получилось, что Чечня забрала всю крестьянскую мощь, работяг, которым бы страну восстанавливать. А те, которые выжили в этом аду, кто спился, кто в криминал пошел. Мало кто устоял нравственно.

«Интеллигенция виновата перед народом, что из-за отсрочек по учебе, освобождений по здоровью, часто купленных, не попала на ту братоубийственную войну, — подумал Николай. — А интеллигенция постарше мало протестовала. Находились даже те, которые одобряли подобный кровавый кошмар, прикрываясь патриотизмом».

Николай выпил водки и закусил грибом. Он смотрел на звезды и думал о жизни людской, которая проходит часто в нестроении и несправедливости. Человек одинок и даже близкие порой его не понимают. А конец у всех один — холмик в ограде, а иногда и без. Воистину, если бы люди почаще думали о смерти, о том, что не ради войны и убийств живет человек и что животные, например, муравьи, лучше людей, так как не бросают в беде товарищей, жить было бы легче. Люди бы, облеченные властью, могущие помогать другим, употребляли ее во благо, а не во зло. Если б люди знали цену человеческой жизни. Если б люди думали о ней...

— Ладно, посидели, и хватит, — сказал дед Василий. — Завтра рано вставать огород полоть.

Дед Василий попрощался с Николаем, выпил на дорожку и вышел с крыльца. Николай тоже пошел спать, решив завтра с утра поработать над программой.

Сон не шел к Николаю в ту ночь. Он думал о приезде брата, который должен состояться через два дня. Николай не мог понять, зачем брат решил приехать. Неужели ему тоже опостылела столичная жизнь? Он ведь даже на похороны дяди не явился. Написал, что в командировке, которую нельзя прервать. Николай не мог простить ему это. Порой его даже удивляло, насколько они с братом разные. Как будто совершенно чужие люди, несмотря на общую кровь. В детстве они часто ссорились, и Марк всегда одолевал Николая. Марк поэтому и любим был отцом, так как был сильным. Может, отец считал, что Марк станет военным. Но Марк увлекся архитектурой. Скорее всего, отец не одобрил бы это, но к тому времени он уже как груз 200 прибыл из Афгана в страну.

С утра Николай дописал программу, отослал ее своему боссу, а затем съездил в поселок за продуктами к послезавтрашнему приезду Марка и его дочери. Николай не понимал, почему его жена Вера не приезжает с ними, хотя догадывался, что они, возможно, развелись. Если это так, то Николай вполне понимал ее. Жить с Марком и правда тяжело. Вот только непонятно, почему она не забрала к себе Нику. Обычно дети остаются с матерью. У самого Николая не было детей, и он уже не очень на них надеялся, так как время шло, а подходящей женщины не находилось. Да Николай не особенно и искал. Ведь и у профессора Картова не было своих детей. Да и вообще в деревне детей не осталось почти ни у кого. Почти всех забрала Чечня, а кого и Афган. Лишь старики доживали тут свой век, никому не нужные, отдавшие стране все, что у них было и даже больше, и не получившие от нее ничего взамен. Поэтому в деревне нельзя было услышать елейные речи от носителей наших властей, а если бы какой агитатор из «Единой России» вдруг захотел сюда приехать, то был бы с позором изгнан отсюда, как деды и отцы живущих здесь гнали когда-то такого же врага по этим землям.

Днем Николай узнал о смерти Марфы Петровны. Она жила одна и умерла тихо. Ушла к своим родным, как сказал дед Василий. Гроб с ее телом доставили в церковь в поселке, где местный священник отец Иоаким совершил отпевание. Отец Иоаким был монах строгой жизни, живший очень аскетично, поэтому в поселке и близлежащих деревнях его уважали, как истинного молитвенника, в отличие от его брюхатого епископа, пару раз приезжавшего в поселок и выговаривавшего отцу Иоакиму, что в его церкви нет благолепия.

— Вот теперь она вместе с детьми своими, — сказал дед Василий Николаю на похоронах. — Прожила

долго, восемьдесят лет. Дай Бог нам столько прожить.

Николаю стало грустно. Он вспомнил, сколько раз ел в ее доме, отдыхая после работы на ее огороде, вспомнил все ее истории из своей долгой жизни, которые она умела рассказывать. Марфа Петровна схоронила всех родных, но не утратила интереса к жизни и людям.

На поминках собралась вся деревня. На поляне, перед домом Марфы Петровны, накрыли стол, за которым разместились немногочисленные жители этого забытого места. Старик Федор затянул грустную народную песню, а дед Василий аккомпанировал ему на баяне.

— Картошку посадила баба Марфа, да не выкопает теперь,— сказал старик Федор, покончив с песней.— Теперь она у Бога с сыночками своими, а мы тут дальше жить будем. Дай бог, увидим золотые горы, которые один старый алкаш нам обещал.

— А Медвежонок тоже на сказки горазд,— сказал дед Василий и налил водочки себе и Николаю.— Глазки свои пороссячьи поставит с экрана, да давай сказки народу слагать. Все они хороши в своих дорогих костюмах. А пожилы бы на наши пенсии, узнали бы, почем жизнь нынче.

— Точно-точно,— подхватил дядя Семен, бывший тракторист, а ныне беспробудный пьяница.— Все они хороши, собаки.

— Завтрева твой брат приезжает, да, Никола? — сказал дед Василий.— Ты уж его встретить, как полагаются. Брат есть брат.

— Хорошо,— сказал Николай,— встречу.

Марк приехал на джипе рано утром. Николай вышел к брату и обнял его в знак приветствия. Следом из машины показалась Ника, высокая стройная девушка в облегающем платье. Ей едва исполнилось восемнадцать, она училась в МГУ на политолога и только и мечтала выскочить замуж за Артема, своего парня, и уехать из родительского гнезда. Артем был из семьи тамошнего профессора, советника президента по экономическим вопросам. Марк не любил его, считал его геем, но Ника была от Артема без ума. Она выросла в достатке и роскоши, а потому считала родителей лишь источником получения денег на свои нужды. Временами Марк брался за Нику вплотную, но ее чаще всего спасала Вера, не одобрявшая методов Марка.

— Вырядилась, как на дискотеку,— недовольно сказал Марк, пока Ника вытаскивала свой чемодан из багажника.

Сквозь ее платье просвечивало нижнее белье, и Николай невольно согласился с братом. Такой наряд действительно был несколько фривольным.

— Ну, проходите в дом,— сказал Николай, стараясь быть радушным.

— А здесь есть Wi-Fi, в этой глуши? — спросила Ника, наконец, достав свой объемный чемодан, в котором был ее обширный гардероб, а также дорогой ноутбук, который подарил ей Марк на день рождения.

— Отдохни от своего дебила,— строго сказал Марк.

— Папа, он не дебил! — возразила Ника.— И у нас любовь.

— Ах ты дрянь неблагодарная! — рассвирепел Марк и собирался дать ей пощечину, но Николай вовремя схватил руку брата.

Марк был скорый на расправу и считал физическое воздействие самым полезным. Ведь и отец нещадно порол Марка и Николая, а потому Марк поверил, что иного средства для убеждения нет. Вера не разделяла взгляды мужа, поскольку считала, что битье лишь озлобляет детей и приучает ко лжи.

Ника расплакалась и убежала в дом, бросив чемодан.

— Ладно, все в порядке,— успокоился Марк.— Просто это не дочь, а чертовка. Только и думает о своем петушке. Ему бы в Европу, там таких любят. А мне сейчас тяжело, Николай. После смерти Веры...

Марк не договорил, а Николай похолодел, услышав страшные слова. Это было неожиданно для него.

Позже, сидя на веранде, Марк рассказал Николаю, в чем было дело. Террористы взорвали метро, Вера погибла. Это было две недели назад. Николай бы знал о теракте, если бы имел телевизор или хотя бы привычку смотреть новости в интернете. Но Николая не интересовала внешняя жизнь, как и его дядю. Профессору больше нравилось отдыхать на природе, чем пилиться в ящик, как иные старики. Он и умер в саду, рядом со старым дубом, где Николай и Марк в детстве искали клад.

— Ника и на похороны матери не пошла,— сказал Марк.— Убежала к своему хахалу. Когда она вернулась, я ее выпорол так, что она целый день сидеть не могла. Но ума у нее от этого не прибавилось. Что за дрянная девчонка выросла!

Николай вспомнил, каким милым ребенком Ника была, и не мог поверить, что теперь она совсем другая. Даже жестокость Марка не оправдывала такого отношения к родителям. Тем более к матери, которая очень ее любила. Пожалуй, даже чересчур.

— Я ведь любил Веру, ты же знаешь,— сказал Марк после паузы.— Только ее одну. Других мне не надо. Я бы и сам хотел умереть вместе с ней. Надеюсь, она умерла мгновенно, что ей не пришлось мучиться. Они, эти ублюдки, взорвали метро с простыми людьми. Кишка у них тонка взорвать наше правительство, раз оно им так не нравится.

— Это все отголосок Чеченской войны,— сказал Николай.— Эти мерзавцы начали ее, а мы теперь страдаем. У нас в деревне там почти у всех погибли дети. У Марфы, покойницы, оба сына.

Марк заснул в кресле-качалке, и Николай не стал его будить. Он прошел в комнату и увидел, как Ника воркует со своим парнем по скайпу. Он не думал, что она вырастет такой бессердечной, бездушной. Вроде и

воспитывалась в строгости. Марк по-другому не мог.

— Ты ведь совсем не любила мать, раз так себя ведешь? — сказал Николай.

Ника нехотя прервала сеанс и сказала:

— А что я, грустить должна? Я жить хочу, а не страдать. Папа мой совсем сумасшедший. Ему лечиться надо. Я думала ты, дядя Николай, лучше будешь. Что мы тут будем развлекаться, жизнью наслаждаться. Все равно покойников не вернешь.

Николай ничего не сказал, а просто вышел из комнаты. Он не понимал, почему Ника стала такой. Возможно, из-за того, что родители практически ни в чем ей не отказывали, хоть и строго спрашивали за многочисленные провинности. Николай даже отчасти согласился с методами Марка, хотя раньше их не одобрял.

Ника же спокойно вернулась к сеансу, как только за дядей закрылась дверь. Она думала о том, что после следующей порки, которая, несомненно, будет, она зафиксирует следы у врача и подаст на отца в суд. Ника не сомневалась, что вырученных денег им с Артемом вполне хватит на покупку квартиры. Она даже нашла в сети контакты адвоката, выигравшего аналогичное дело, и собиралась в ближайшее время к нему обратиться. Она не хотела жить с родителями Артема, хоть они были не против, так как была слишком гордой для этого. Тем более Артем уже работал помощником депутата, а потому с деньгами у них не будет проблем.

Утром Марк и Николай, после легкого завтрака, оставив Нику дома, пошли на кладбище к дяде. Погода была хорошая, почти летняя. Дорога на кладбище проходила через поле, на котором в былые времена сеяли рожь. Теперь оно заросло густым бурьяном, так что в нем вполне могли бы спрятаться и танки и никто бы не увидел их еще за пять километров, как в 1941, когда жители села достойно встретили немецких захватчиков.

По дороге им встретилась баба Тамара, которая везла своего старика Федора в корыте домой. Старик Федор был пьян и пел песни, а баба Тамара его материла, да и лупила иногда.

— Опять нализался, паскуда, — сказала она, проходя мимо братьев. — Только отвернись, а он уже к Семену за бутылкой.

Николай улыбнулся этой типичной деревенской картине, а Марк отвернулся. Он не привык к таким вещам.

— Я сожалею, что не смог тогда приехать, — сказал Марк по дороге. — Дядя был достойным человеком. Он нас вырастил, как своих.

Да, дядя был достойным. Николай лучше всех знал это. Он умел ценить жизнь как величайший дар. Он знал, какое это чудо, родиться и как не хочется умирать, даже старикам. Он видел, что все беды на земле оттого, что люди перестали видеть в жизни чудо, единственное и неповторяющееся. Люди поверили, что есть что-то важнее. И в этом главная трагедия нашего времени — неуважение к жизни.

— Я рад, что ты приехал, — сказал Николай. — Что мы сможем после стольких лет, наконец, поговорить и, возможно, понять друг друга. Но почему ты не написал мне о смерти Веры? Я бы приехал.

— Я писал, но, видно, письмо не дошло.

— Да. Тут почта и правда работает плохо.

— Но это, может, и к лучшему, — продолжил Марк. — У меня появился предлог приехать. В Москве все напоминает о ней, о той трагедии. Нику, эту маленькую дрянь, хотел поначалу оставить, но она решила ехать со мной.

— Тебе не нужен никакой предлог. Ты мой брат. Ты можешь приезжать, когда захочешь. Это и твой дом.

Братья, наконец, остановились перед могилой дяди. Его нет на свете уже семь лет, его холмик порос мелкой травой, а в земле нашло пристанище множество насекомых. Жизнь идет своим чередом, и лишь люди, словно муравьи, бегают по кругу, пока однажды не упадут без сил, так и не узнав, зачем и почему они бежали.

— Я поживу с тобой неделю, а потом уеду, — сказал Марк. — Я должен. Но я приеду снова. Как-нибудь.

Апрель нынче выдался жарким, — думал Николай. — Как будто и сама природа хочет оправиться поскорее от этой смерти, от всех бессмысленных смертей в нашей стране. Чечня, Афган — это те раны, которые еще не затянулись, которые еще дают о себе знать. И очень жаль, что мы не видим это.

— Надо покрасить ограду, — сказал Марк. — Завтра можно заняться. Думаю, это отвлечет меня.

— Если так, то сделаем, — уверенно сказал Николай. — А сейчас пора возвращаться к обеду.

Был почти полдень, и солнце стояло в зените. Муравьи отправились на фураж, и братья немало могли видеть этих маленьких существ под своими ногами. Они совершали свои житейские дела и не думали о своем коротком веке. У них не было безумных властителей, развязывающих войны из-за пустяков. Они жили просто, и в этой простоте своей были ближе к Богу, нежели так называемые Божьи избранники — люди.

Деревня эта, где жил Николай и куда приехал спасаться Марк, находилась за сто километров от Москвы, которая еще не оправилась от кровавой трагедии. Но город оправится и довольно скоро, политики скажут свои лживые речи, а что останется отдельным людям? Лишь надежда на лучшую жизнь, которая, возможно, никогда не наступит.

Евгений АСТАШКИН

г. Омск

Писатель, журналист. Публиковался в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах и альманахах «Истоки», «Муза» (Москва), «Невский альманах», «День и ночь», (Красноярск), «Приокские зори» (Тула), «Нива» (Целиноград), «Крылья» (Самара), «Северо-Муйские огни» (Бурятия), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Складчина», «Литературный Омск» и др. Автор двадцати художественных книг. Дипломант областного конкурса «Лучший рассказ XXI века», финалист международного литературного конкурса «Чистая книга» им. Федора Абрамова (2019). Лауреат международного конкурса «Они сражались за Родину» (2020). Постоянный автор нашего альманаха.

ТАРЫ-БАРЫ, РАСТАБАРЫ... (Брюзжалки)

От автора:

На разных случайных листочках у меня долгое время скапливались наброски: необычные случаи, любопытные фактики, высказывания, порой довольно комичные. Что-то я затем вставлял в рассказы и повести, но многое не вписывалось никуда. По роду журналистской деятельности мне везло на такие приобретения. При интервьюировании частенько разговор выходил за журналистские рамки. Эти «бонусы» для души — тоже свидетельства стремительно меняющегося времени.

Это — «голоса из хора», довольно редко применяемый прием на стыке художественного и документального. Подзаголовок, конечно, довольно условен. Не обязательно все высказывающиеся брюзжат, хотя по основному тону легко угадывается, что многие люди ощущают себя в безвременье. Не зря же говорят: не дай Бог жить в эпоху перемен.

Сначала я каждый сюжет предварял названием места, где я это услышал, но потом понял, что это может помешать восприятию, и снял излишнюю конкретизацию. Вербальная стихия по возможности сохранена: пропуски легко подразумеваемых слов, смещение времен глаголов и т. д. Народ не изъясняется излишне грамотно, пусть это останется прерогативой дикторов. А здесь — неприглаженная речевая стихия. Что касается анонимности — это само собой разумеется.

Каждая глава — не просто выплеск эмоций, а содержит хотя бы зачаточный сюжет или подчеркивает определенную тенденцию — только такому я дарую право существования на бумаге...

РАЗЛИЧАЙ ВРАГА ПО ВЗГЛЯДУ...

— Герат в древности был столицей Афганистана, здесь жил Навои. Вдоль улиц рядами высятся редкостные в жарком климате сосны, там их считают священными деревьями. Ни один абориген даже в лютую стужу не срубит такую сосну — высокая, прямо корабельная. Зимой приноровились отапливаться мусором и сосновыми шишками. Детвора, да и взрослые залезают, как обезьянки, на самые верхушки. Ногами обхватят ствол, потом подтягиваются, раз-раз. Ты так не сможешь. Собирают загодя шишки за пазуху или прямо вниз кидают, а кто-то подбирает.

Торговцы на многочисленных базарах оставляют ночевать прямо на земле горы нераспроданных арбузов, и никто их не тронет. Здесь издавна жестко карали за воровство, поэтому владельцы дуканов, если уходят по делам, просто вешают на дверь какой-нибудь маленький символический замочек. Это значит, хозяина нет дома.

Не думал, не гадал я, что окажусь среди такой экзотики. В 1981 году меня после полугодовой ашхабдской учебки отправили в Афганистан — там уже стояли наши войска. И дослужился до самого дембеля на этой чужой земле. Когда нас выстроили перед отправкой, один на колени упал, плакал, даже предлагал командиру деньги, чтобы оставили. Из местных. А командир ему: «Раньше надо было об этом подумать!» Даже мочу желтушную продавали в скляночках. Выпил — и заболел. После этого, конечно, не отправят в Афган.

Нелегко на эту тему говорить с несведущими. Если встретится бывший афганец, понимаем друг друга с полуслова. С другими сложнее. Раз стал читать какой-то рассказ известного писателя на афганскую тему и сморщился: там повествовалось, как наш солдат помогал дехканину убирать урожай пшеницы на комбайне. Видел бы кто эти местные нивы в гористой местности. Они очень крохотные и лепятся возле рек. На комбайне там просто не развернуться. Местный люд передвигается на ишаках и ослах, лошадь имеют лишь зажиточные, ее трудно прокормить. О верблюдах вообще разговор особый, на них в основном возили товары через пустыни. Нет, комбайны действительно вначале посылали туда, но они горами металлолома громозди-

лись на обочинах дорог, сам видел.

Я служил в разведроте. Поначалу даже в одиночку не боялись ходить по Герату, только не оставляй автомат без присмотра, чтобы не сперли. Но потом стало опаснее. У местного населения стали накапливаться обиды на шурави (в переводе советский). На въезде в город были высажены целые плантации роз высотой в человеческий рост — глаза не могли налюбоваться, голова кружилась от густого аромата. Но в этих розах могли надежно укрыться моджахеды, выстрелят и скроются. Пришлось скосить эту неземную красоту.

В другой раз наша танковая колонна отправилась на помощь своим, которые перестали выходить на связь. Холмистая дорога неожиданно оборвалась, упершись в дувал, а за ним глинобитная хижина с садом. Из дома никто не выходит, все спрятались. Карта показывает дорогу, но ее нет. Видно, здесь редко ездили, и кто-то успел обжиться. Объехать дом среди камней не было возможности, бетонка заминирована, по ней никто не ездит. А время не ждет, вдруг наших уже добивают. Командир посоветовался с нами, там все по-простому. И принял единственно верное в этом случае решение: проехать прямоком через дувал по цветущему саду. Тут уж ничего не поделаешь — на войне как на войне. Вот так и скапливались обиды у местных; их тоже можно понять — этот сад возделывался не один год...

Моджахедов было трудно вычислить среди коренных жителей. Кроме местной армии (саргосы), народного ополчения (царендой) и местных спецслужб (хат) оружие иногда получали и те, кто просто хотел оборонять свои семьи от тех же бандитов. Мы таких между собой называли «зеленые». Никаких документов у них обычно не было. Приходилось всегда быть начеку, в таких случаях на выручку приходила интуиция. Мне старослужащие бросали по-свойски: «Ничего, научишься различать врага по взгляду...»

Кстати, эти «зеленые» вели себя своеобразно. Раз остановили нашу машину за городом и попросили подбросить до ближайшего селения. А потом смотрим, пропали запасные обоймы, патроны — они валялись в кузове. Пока мы везли «зеленых», они все это записали себе за пазуху. Им только у своих нельзя ничего красть, а у чужих — это даже доблестью считается...

Разведчики редко подвергались нападениям, враги знали, что их всегда подстраховывают, могут и «вертушку» выслать в случае чего. Но однажды мы все-таки попали в передрагу. Проводили операцию по зачистке Герата от бандитов. Когда поступает информация, что в определенном районе города скопились боевики, в таких случаях их старались взять в кольцо. Танковая колонна покинула часть, которая располагалась за околицей, двинулась по узкой улице между дувалами. Колонна уже растянулась на несколько сот метров, и вдруг два передних бронетранспортера на пересечении улиц попали под шквальный огонь. Гранатометами они сразу были подбиты, бойцы укрылись внутри, хотя солярка уже горела. А тут и с боков колонны раздались автоматные очереди. Стало ясно, что попали в ловушку — надо отступать. Но танкам не вернуться, можно только поочередно пятиться назад. Попавших в беду бойцов тоже не бросишь, но как до них добраться? Все же двум танкам кое-как удалось проехать по склону оврага и добраться до транспортеров. Бойцы выскользнули в нижние люки и ползком перебрались в танки.

Даже взять в плен душмана было очень сложно — они ориентировались на местности лучше. Им на помощь приходили киризы — колодцы с разветвленными подземными ходами. Без проводника там заблудишься.

А вообще-то вначале все шло хорошо — наши строители прокладывали через всю страну бетонку — асфальт бы расплавился. Начали тянуть с двух точек — в Узбекистане и Таджикистане. Они должны были соединиться, но так и не достроили. Открывали что-то типа училищ, в которых обучали местную молодежь хоть какому-то слесарному делу, ведь местная молодежь еще жила в феодализме. Лечили местное население от различных болезней. И все же пришлось покинуть Афган. За всю историю его удалось завоевать лишь одному полководцу — Александру Македонскому.

Был помоложе — поддерживал отношения с земляками, — с которыми вместе были в учебке. Но из четверых моих друзей-однополчан трое уже умерли из-за различных болезней — не следили за здоровьем. Попытался, было, завязать знакомства среди других «афганцев», пришел в их клуб. А там увидел, что многие преследуют какие-то свои интересы, и я забыл туда дорогу. Попадают и такие, которые «косят» под «афганцев». Один офицер начал мне вешать на уши лабуду, я задал ему пару вопросов — и все стало ясно.

Вчитываешься иногда в открывающиеся с годами источники о той компании, пытаешься трезво оценить наши достижения и промахи. Но в мировой политике трудно уследить за всеми тончайшими нюансами. И все-таки я считаю, что не надо было уходить из Афганистана, раз уж туда вошли. Мы ушли — и граница стала раскрытой, а Афган теперь — рассадник наркотиков. Опиум производится в огромных количествах и тоннами переправляется в нашу страну и Европу. У крестьян нет другой работы, кроме как выращивать мак. Вот это действительно страшно...

ЗЛОПОЛУЧНЫЙ МЕДАЛЬОН

— Солдатский медальон — вещь, конечно, необходимая. Во время боевых действий без него никак. На некоторых минных полях бывают такие заряды, что человек практически испаряется. Только по медальонам и можно отследить конкретную судьбу.

Но со мной этот медальон сыграл злую шутку. По собственной моей глупости, разумеется.

Было это во время первой чеченской кампании в 1998 году. После окончания СибАДИ меня призвали в 5-й отряд 62-й роты. Хотя у нас была военная кафедра, но я до конца ее не прошел, так как женился. Вот меня после защиты диплома и определили в одну Северо-Осетинскую учебку.

Каждый день по телевизору шли репортажи о боевых действиях в Чечне, тогда ее называли Ичкерия, я даже деньги видел с такой надписью. Некоторые журналоги типа Бабицкого, — конкретный западный запродавец! — ерничали в адрес нашей армии, называли бойцов чуть ли не оккупантами, а боевиков старались выставить национальными героями. Правозащитник Ковалев брызгал слюной в праведном гневе против родной страны. Бабицкий умудрился даже взять интервью у самого Басаева где-то в горах. А на резонный вопрос фээсбэшников, где тот скрывается, отрезал: не скажу, дал слово. Честь репортера, видите ли. Этот субчик сполна показал свою «честь».

В такой обстановке нас готовили к спецоперации. Естественно, такое вот двусмысленное отношение нашего телевидения к армии никому из нас энтузиазма не добавляло. Когда все видят двойные, если не сказать, тройные стандарты, тем более тебе их приходится на собственной шкуре опробовать, — это уже получается не зачистка, не спецоперация, а непонятно что.

За время учебы я подружился с одним пареньком из Ростова. Мы с Мишкой были как родные братья и даже обменялись своими медальонами. Побратались. По молодости, конечно. Как говорят в таких случаях, «хорошенько не подумали». А тут нам объявили, что завтра вылетать в Чечню на задание — будем с воздуха десантироваться, чтобы закрепиться на определенном участке.

В эту ночь мне приснился вещий сон, будто я погибну. До того все это прочувствовал реально и детально, что проснулся в холодном поту. Это я воспринял как предостережение сверху, хотя и не суеверный. Жена молодая ждет ребенка — и вдруг меня не станет за здорово живешь.

Я уже знал, что делать — ребята подсказали. Взял автомат и, когда никого рядом не было, врзал прикладом по левой лодыжке. Кости сместились, ступня опухла. Тут главное не перестараться, чтобы не порвать связки. Во время настоящей войны, как в Отечественную, на такое бы никогда не пошел, а тут что-то непонятное. Командиру сказал, что подвернул ногу. Меня отправили в госпиталь, а позже комиссовали.

Я даже не подозревал, что на гражданке у меня начнутся большие проблемы, но не из-за членовредительства. Когда я пришел в военкомат получать военный билет, заметил неподдельное удивление на лицах сотрудников. «Вы же погибли», — вырвалось у кого-то. Меня направили к военкому, и тот прояснил ситуацию:

— Загвоздка получается. Вы числитесь погибшим. Из той группы, где вы служили, не осталось никого в живых — они героически погибли во время первого же задания...

У меня мурашки поползли по коже: сон в руку!

— Лишь один боец числится пропавшим без вести — не нашли его медальона на месте боя.

По этим страшным словам я сразу понял, что от ребят просто ничего не осталось, раз собирали одни медальоны. Угодили на минное поле, что ли?.. Но должны были высаживать на чистое место.

— В Саратовской области поставили обелиск на месте братской могилы. В памятник вмонтировали и ваш медальон, там есть и ваша фамилия...

Тут я вспомнил про медальон:

— Вот он, с собой оказался. Мы с приятелем Мишкой Громовым обменялись ими накануне задания. Я подвернул ногу и вывихнул стопу. Потом отправили на дембель.

— Вот он и числится в списке пропавших. Сложная ситуация! — тяжело задумался военком. — Не следовало этого делать. Теперь такую путаницу не так-то просто исправить. По всем документам вы погибший. Ну, ладно, зайдите через пару месяцев, попробуем что-нибудь предпринять...

Без военного билета меня на серьезную работу не принимали. Я решил съездить в Саратов. Нашел то братское кладбище. Действительно, в стелу вмонтирован и мой медальон с номером 242, а под ним моя фамилия. В местном военкомате мне без обиняков рассказали подробности. Всю группу расстреляли еще в воздухе под парашютами. Кто-то «сдал» с потрохами. Снайперы уже ждали и лупили разрывными пулями. Ни один не приземлился. А Громова до сих пор ждут родные, думают, попал в плен и где-нибудь в рабстве на отдаленной ферме.

Пришлось съездить к Мишкиным родителям и рассказать все, как было.

А в нашем военкомате стали «тянуть резину»: придите через три месяца, еще месяцок подождите. И так до бесконечности. Ни один мой довод не действовал. Я и родителей приводил, чтобы они подтвердили: я — это я. Военком только качал головой и нехотя раскрывал секреты: в Северной Осетии обнаружили подпольную клинику, где боевикам делали пластические операции. С целью теракта подготавливали клонов с внешностью видных наших военачальников.

Дали мне целый список для обследования: анализ ДНК, крови и т. д. Черт дернул меня заикнуться, что мне приснился вещий сон. Меня сразу направили в «дурку», где меня придирчиво обследовали психотерапевты с пронзительным тренированным взглядом. Задавали разные непонятные вопросы, словно ловили на чем-то. И все-таки никаких отклонений не нашли.

Не знаю, сколько бы я таким образом промаялся, если бы не помог дядька-отставник, что живет в Москве. У него были кое-какие связи, и он «разрулил» ситуацию...

Вот такой наш извечный бардак...

САМОЕ ТРУДНОЕ — ЗАПУСТИТЬ СЕРДЦЕ...

Врачи меня сразили приговором — только аортокоронарное шунтирование. Других вариантов не осталось. Я побаивался, все оттягивал, хотя уже не надо было ехать в Новосибирск — и в Омске стали успешно делать такие операции.

Наконец, решился. Меня подготовили — и на операционный стол. Как в таких случаях говорят, «проснулся уже в палате». Все в тумане, только слышу голоса. Операция шла восемь с половиной часов, три бригады медиков. У меня из руки и ноги вырезали вот по такому куску вен, их не полностью используют, а ищут куски без холестериновых бляшек. До сих пор левая рука мерзнет зимой и немеет, хотя оставшиеся вены со временем разрастаются для восстановления кровоснабжения.

Это я потом у главного хирурга спрашивал, как мне вскрывали грудную клетку — чем пилили? Он ответил: болгаркой. Я ему: «Ничего себе!..» — А он: «А чем больше? Скальпель ребра не возьмет...»

Лежу в реанимации, надо мной разноцветные капельницы, всякие шнуры. И женщина среди нас находится. Она даже спросила у меня: «Вам не больно?» Вместо меня ответила медсестра: «Да у него все тело — сплошной комок боли!..» Мне постоянно вкалывали морфин, чтобы я ничего не чувствовал.

Не помню, сколько пролежал. И вот на обходе врачи мне говорят: «Сегодня попробуем запустить ваше сердечко». Отключили аппарат, который гонял кровь. Меня замутило. Сознание стало уплывать, но опять же слышу голоса: «Ничего не получилось. Ладно, завтра продолжим...»

На другой день снова все повторилось — и опять сердце не заработало. Слышу где-то поблизости: «Наверное, переволновался, позже сделаем еще одну попытку...» Я думал, на другой день, а они через часок опять приходят.

И только с третьей попытки сердце застучало. Медики давай быстро отсоединять все эти трубки. А под ними уже приготовлены жгуты, которыми стягивают раны. Главврач силком усадил меня на кровати и как хлопнет по спине ладонью. Это чтобы освободить легкие от накопившейся слизи. Я запищал:

— Тише, а то отобьете что пришили!..

Главврач мне:

— Одной ногой на том свете, а еще и шутит...

Почему он так сказал, я позже понял. Оказывается, самое сложное не операция, а — снова «включить» сердце. Слава богу, у меня все прошло удачно, но не всем так везет. Когда я еще лежал в реанимации, у моего соседа по койке на приборе синусоида, которая показывает биение сердца, вдруг выровнялась в линию. Мы поняли, что человек умирает. Женщина, что среди нас, давай кричать. Прибежала дежурная медсестра, и того пациента стали оживлять электроимпульсами из какого-то прибора. Через пару разрядов тока он пришел в себя.

А ведь у Красильникова с нашего завода после операции сердце так и не заработало. Делали несколько попыток — бесполезно. Такой человек полежит какое-то время в больнице — и все равно отключат аппарат...

ПОМОГЛА ФУРАЖКА

— На железнодорожном вокзале в Уссурийске мне кассир привычно ответил бесцветным голосом: «Билетов нет».

После известных событий на Даманском острове в 1969 году мне дали отпуск. В боевых действиях не довелось участвовать — наша вторая застава находилась чуть дальше. Я отвечал за электросигнальную систему охраны нашего участка границы и обычно на дежурстве сидел за пультом. Если на каком-то участке замкнутся провода, которые были натянуты на столбиках вдоль реки Уссури, сразу выезжает наряд. Но это обычно оказывались не нарушители: то ворона сядет на верхний провод, то лисица перелезет — на контрольной полосе это видно по следам.

А в эти дни нас тоже «поставили под ружье». Две недели мы находились в окопах. Каждый день из политинформаций узнавали о тревожных новостях. Рядом шли настоящие бои. Каждую ночь я до рези в глазах всматривался в прибрежную зону, где проходила разделительная полоса. Иногда казалось: вон за тем заснеженным кустом притаился китайский лазутчик в белом маскировочном халате, но это все оказывалось миражом от перенапряжения.

Недалеко от нас на Красной сопке дислоцировалась мотострелковая дивизия. И вот в середине марта оттуда от всей души жажнули установками «Град». В то время это было секретное оружие — на китайском берегу выжгло все вокруг на многие сотни метров вместе со складами, техникой и хунвейбинами. Потом каких только слухов не ходило — что это были лазеры, как показывали в фильме «Гиперболоид инженера Гарина». Сам, наверное, слышал в молодости. И после этого обстановка сразу разрешилась.

Что интересно, к нам в часть со всех уголков страны стали приходить посылки с продуктами, носками, теплым бельем. Ежедневно за обедом нам пригоршнями раздавали конфеты. Среди них не было ни одной карамельки — только шоколадные...

Ну, так вот сижу я на вокзале в зале ожидания и не знаю, что предпринять. Перспектива ночевать на деревянной скамье не радовала.

Нашел дежурного по вокзалу и объяснил ему ситуацию: отпуск десять дней, два дня до дома, два назад и неизвестно, сколько на вокзале проторчишь. Дежурный мне сразу:

— Фуражка с собой? Надень ее и еще раз подойди к кассе...

Я напялил пограничную фуражку и нарисовался в окошечке кассы. И сразу мне выдали чью-то бронь! Пограничников тогда считали героями...

СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫЕ ОРДЕНА

— К моему Матвею, как к фронтовику, иногда приходят журналисты написать что-нибудь в газету. И каждый раз это для него вместо радости стресс. Вы уж извините, что в прошлый раз я позвала соседей. Я всегда так делаю, когда приходят незнакомые люди. Теперь вижу, что вы человек порядочный, да и я, честно сказать, даже звонила на вашу работу по тому телефону, что вы давали. Там подтвердили, что вы корреспондент.

Такие времена пошли, что подделаешь. Всего надо опасаться. Мы живем вдвоем, дети давно отделились, только перезваниваемся в основном. А тут зачастили какие-то темные личности под видом социальных работников. Нам на праздники приносят продуктовые наборы, но тех работников я знаю. А тут какие-то девушки цыганской внешности стали наведываться.

Одна такая позвонила, хорошо одетая, и давай расспрашивать, в чем мы нуждаемся. Потом попросила моего Матвея показать ордена. Он достал из шифоньера свой пиджак, он его надевает только на Девятое Мая. А эта цыганка все расспрашивает: что за орден, что за медаль? А сама, вижу, попыталась отстегнуть один орден. Но я об этом заранее подумала и пришила их все прямо к пиджаку, нитки подобрала под цвет, со стороны и не догадаешься...

Не получилось у этой девки ничего. Я поняла: что-то здесь не то. Решила испытать ее. Спрашиваю: «А вам дают какие-нибудь удостоверения, чтобы людям показывать?» А той и нечего ответить, стала что-то крутить — вокруг да около. Тогда я попросила телефон с ее работы. Деваха сразу засуетилась: «Ой, мне еще других навестить надо. Я приду в другой раз с подарком...» И быстрее в дверь.

Самое интересное — откуда им известны адреса фронтовиков? Ведь не только к нам ходят, мне рассказывали об этом и другие люди. У этих жуликов есть вся информация. Значит, кто-то им за деньги передал ее...

А если в следующий раз какая-нибудь придет с мужиком? Не отобьешься. У моего уже нет сил, даже на улицу выйти не может без моей помощи. В левом глазу с самой войны остался осколок; его врачи побоялись вытащить, чтобы не повредить глазной нерв. А недавно глаз сам выпал, видно, все там выболело. Он уже им ничего не видел. Да и возраст у Матвея уже приличный — восемьдесят восемь. Пришлось ставить искусственный глаз.

Сейчас он прилег, не хочется его будить, а то всю ночь промается — у него бессонница. Я передам ему газету, красивый портрет получился, цветной. Может, чайку? Вы уж извините нас. Такая жизнь пошла, сами знаете. Только и слышишь: то там убили за награды, то здесь. Люди своей кровью их заслужили. Рисковали жизнью. И кто бы подумал, что настанут такие времена: за свои же награды можно поплатиться этой самой жизнью...

Эдуард ГЕОРГИЕВСКИЙ

г. Тула

Член СПР, главный редактор альманаха «На крыльях «Пегаса», Заслуженный врач РФ. Наш постоянный автор.

ВАЖНЫЙ РАЗГОВОР

ИЗ СЕРИИ «УЛИЧНЫЕ ЗАРИСОВКИ»

Вадим Петрович, довольный тем, что в парикмахерской очень хорошо «разобрались» с его отросшими волосами на голове и бороде — виноват дачный «курорт» — медленно шел к перекрестку, держа в левой руке сумку с продуктами, купленными в универсаме до появления в парикмахерской, а правой рукой он опирался на трость, с которой пришлось ему столкнуться впервые в жизни.

Дело в том, что на даче Вадим Петрович оступился и упал на «пятую» точку. Хорошо еще, что земля была мягкая да густая трава на ней. Однако в момент «приземления» Вадим Петрович почувствовал, и ему даже показалось, что он услышал, как позвонки в пояснице по очереди толкнули друг друга от копчика вверх. Несколько дней он чувствовал отдаленную боль в пояснице, а затем, в одно прекрасное утро, он ощутил боль в левой ноге. «Защемился нерв», — подумал Вадим Петрович. В дачной аптечке было все, что нуж-

но для снятия болей, через неделю, казалось, что все закончилось. Однако, спустя пару дней, начала болеть правая половина поясницы, поэтому лечение продолжилось, и через неделю боль стала «тупой», но ходить, опираясь на правую ногу без посторонней помощи было невозможно. Так у Вадима Петровича появилась его помощница — трость. Деликатно сказано: ее называют кто палочкой, а кто костылем. Тем не менее с ней Вадим Петрович чувствовал себя более комфортно, что позволило ему более-менее активно передвигаться.

И вот он идет к своему перекрестку, чтобы перейти через трамвайную линию на пешеходном переходе, а там и дом недалеко.

Когда Вадим Петрович оказался на противоположной стороне, уже в безопасности, он двинулся к дому. Едва он сделал первые шаги, как к нему приблизился молодой человек — высокий, стройный, в полуспортивном костюме, с пепельными волосами и серыми ясными глазами, — и вежливо спросил:

— Простите, у вас не будет закурить?

Вадим Петрович опешил: такого он не припомнит, чтобы ему, пенсионеру с большим «стажем», задавал такой вопрос совершенно незнакомый юнец, поэтому пенсионер внимательно посмотрел на него, и сразу вспомнил свою молодость: тогда он был такой же свежий, что называется, кровь с молоком. Боже, подумал Вадим Петрович, как же это было давно!

— Не курю, и вам не советую, — произнес Вадим Петрович.

— Жаль, так хочется покурить, — упавшим голосом произнес ясноглазый юноша.

— А вы что: не знаете, что курить это здоровью вредить? — удивленно спросил Вадим Петрович, намереваясь сделать еще несколько шагов к своему дому.

— Да я совсем чуть-чуть. Встретились с другом в парке, немного выпили за встречу, потом разошлись, а мне почему-то захотелось курить, — откровенно признался юноша. Вадима Петровича как педагога с тридцати пятилетним стажем работы — бывших учителей не бывает — это признание юноши задело, и он спросил, как того зовут. Оказалось, его зовут Сергеем, ему пятнадцать лет, он учится в поселковой школе в восьмом классе, без троек.

— Да я просто так, иногда. Курить начал с тринадцати лет, правда, не каждый день.

Вадим Петрович вот уже больше двадцати лет на пенсии, мог бы пройти мимо, сказав, что не курит, но что-то ему подсказало, что этот чистый с алыми губами и белоснежными зубами юноша находится в начале пути. Только какого? Очевидно, в начале жизненного пути и в начале зависимости от легких наркотиков. Вадиму Петровичу стало жаль Сергея, и он спросил:

— Ты спортом занимаешься?

— Да. Я люблю футбол, — вежливо пояснил Сергей.

— Вот видишь, футбол и курение никогда не идут в ногу, правильно?

— Да, я понимаю, но иногда тянет, — ответил юноша, опустив голову.

— Вот и затянет тебя в такое «болото», из которого едва можно выбраться, если только с чьей-то помощью, — назидательно заметил Вадим Петрович. — У тебя отец есть?

— Я живу с отчимом. Мама меня родила, когда ей было шестнадцать лет.

— А отец кем был?

— Я его не помню. Мать о нем ничего мне не рассказывала.

— А отчим курит? — допрашивался Вадим Петрович.

— Курит много лет, Все собирается бросить, но силы воли не хватает. И мама тоже иногда покуривает, — с досадой проговорил юноша. — А что им можно, а мне нельзя? Я уже почти взрослый. На следующий год паспорт получу.

Вадим Петрович наверняка знал, что каждый курильщик мечтает бросить курить, но... только мечтают. Ладно, считают они, сегодня еще выкурю пару сигарет, а завтра — брошу. Но приходит завтра, и все повторяется. И так часы собираются в дни, дни — в недели, недели — в месяцы, а месяцы — в годы. А итог бывает зачастую печальный. А ведь можно обойтись без этого. Друг перед другом подростки стараются выглядеть более взрослыми, и не только мальчики, но и девочки. Какое ложное представление о взрослости! Понять, что к вредным привычкам надо отнестись с пониманием — вот это ближе к взрослости.

— А девушка у тебя есть? — допытывался Вадим Петрович. При упоминании о девушке Сергей расцвел в счастливой улыбке, сверкнув белоснежными рядами зубов.

— Есть! Юлия. Она меня любит, и я ее люблю и собираюсь на ней жениться через несколько лет, когда сам встану на ноги. Я в своей школе подрабатывал в качестве уборщика и на накопленные деньги купил своей любимой золотое колечко, которое очень понравилось ей. Это колечко — в знак нашей будущей совместной жизни.

— А она знает, что ты иногда, как ты говоришь, покуриваешь?

— Знает. Она тоже считает, что курить вредно. Но я считаю это скорее забавой, — ответил Сергей.

— Это вовсе не забава. Твоя девушка хочет жить с любимым человеком, у которого нет вредных привычек. Это — раз. Она заботится о твоём здоровье — это два. Ты это понимаешь? Судя по всему, у тебя хорошая девушка, но может случиться так, что ты ее потеряешь. Это — три. Все в жизни — и плохое и хорошее — начинается с первого шага. Сделаешь первый шаг, затем второй, третий и так далее, — получишь хороший результат, если идешь к хорошей цели, и, наоборот, можешь заблудиться в жизни, как в незнакомом

лесу или провалиться в болото, если вовремя не остановиться,— душевно разъяснил Сергею Вадим Петрович.

— Простите, а как мне вас называть? — наконец спросил юноша, внимательно слушавший Вадима Петровича. Вадим Петрович представился.

— А сколько вам лет? — спросил юноша.

— Лет мне много, скоро юбилей, исполнится восемьдесят пять лет,— ответил Вадим Петрович.

— Ничего себе! — восхищенно воскликнул Сергей. — Мне кажется, что я не доживу до такого возраста. Вы довольны своей жизнью? — спросил он, почему-то понизив голос.

— Не будешь курить и злоупотреблять алкоголем, доживешь, может быть, даже еще больше проживешь. Будешь думать о хорошем и делать добро — у тебя все получится. А жизнью своей я доволен. Человек, достигнув сорокалетнего возраста, оглядывается назад, подводя итог этому отрезку своей жизни. Что я успел сделать к сорока годам? Отвечу так. Окончил среднюю школу; три года отслужил в армии; окончил педагогический институт в Москве; женился и три года проработал по направлению на Камчатке, где у нас с женой родился первенец мальчик; вернулся в свой родной город и поступил на работу в школу, где учился. Преподавал русский язык и литературу. Вот так. Много это или мало, для кого как, но у меня так сложилось, и я это ценю,— закончил свой монолог Вадим Петрович.

— Вадим Петрович, большая у вас семья? — неожиданно спросил Сергей.

— Мы прожили с женой пятьдесят пять лет, надеемся дожить до шестидесяти лет. У нас три сына, два внука и пять внучек,— с чувством гордости произнес Вадим Петрович.

— Ого! — восхитился Сергей.— Вам можно позавидовать. Вот бы мы с Юлей так прожили! А сейчас вы на пенсии, чем занимаетесь?

— Я ушел на пенсию в шестьдесят один год, уже будучи Заслуженным учителем РФ. Надо сказать, что у меня долго зрела способность к литературному творчеству, и только в пятьдесят шесть лет у меня вышел первый сборник стихов. Через год вышел второй сборник. В 2007-м году меня приняли в Союз писателей России. К этому времени у меня вышел еще один сборник рассказов, альбом песен на мои стихи с нотами и два диска песен на мои стихи. К сегодняшнему дню у меня в активе семь сборников стихов и прозы; работаю над восьмой книгой. Как главный редактор литературно-художественного и публицистического альманаха выпустил, начиная с 2005-го года, двадцать наименований и десять сборников стихов и рассказов для детей.

— А какое-нибудь стихотворение вы можете прочитать здесь и сейчас? — любопытствовал Сергей.

— Любишь поэзию? — поинтересовался Вадим Петрович.

— Да, и моя девушка тоже,— откровенно признался Сергей.

«А парень-то неплохой»,— подумал Вадим Петрович

— Хорошо. Слушай!. Я прочитаю тебе стихотворение философско-диалектического смысла.

Сергей кивнул головой в знак согласия, а потом вдруг спросил, сможет ли Вадим Петрович прочитать наизусть.

—Я могу прочитать более десятка стихотворений и ни разу не сбиться,— уверенно пояснил Вадим Петрович. Когда я еду в автобусе на свою дачу, а потом обратно домой, про себя читаю стихи. Так быстрее время в пути проходит.

— Тогда я — весь внимание,— произнес Сергей.

Вадим Петрович несколько секунд стоял молча, а потом отошел в сторонку — и Сергей за ним,— и, понизив голос, стал читать стихотворение:

*Сияют купола, играя позолотой,
Поют колокола, ушел из жизни кто-то.
По ком звонят они, какие греют души?
А ты на крест взгляни, мелодию послушай.
Все звуки нараспев, высокого вокала,
Остынуть не успев от медного накала,
Плывут куда-то ввысь, за купола цепляя.
Ты здесь остановись о жизни размышляя.
Все вечно на земле, все на земле не вечно,
Поют колокола о жизни быстротечной.
И надо все успеть: и насладиться счастьем,
И много песен спеть и отвести напасти,
И написать стихи для милых и любимых,
И замолить грехи всех чувств нетерпеливых.
Сияют купола, играют позолотой,
Поют колокола. И вот родился кто-то...
И надо все успеть!..*

— Понимаешь теперь, что в жизни надо все успеть? Иначе проживешь впустую,— закончив, спросил

Вадим Петрович Сергея. И добавил: — Ну, что скажешь? Понравилось?

— Супер! — оценил Сергей.

— А теперь тебе хочется курить?

— Вы знаете, у меня это желание совсем пропало, — улыбнулся Сергей. — Вы меня убедили и вдохновили на хорошие дела. С вас можно брать пример. Мы с Юлей постараемся что-нибудь в этом духе. Со мной никто еще так не говорил. Спасибо вам большое-пребольшое. Разрешите пожелать вам еще лет двадцать — тридцать плодотворной жизни. Я крепко жму вашу руку. — Он протянул Вадиму Петровичу правую руку для рукопожатия, но, заметив, что Вадим Петрович стоит, опираясь на трость, положил свою горячую юношескую руку на правую руку Вадима Петровича.

Левой рукой он вынул из кармана брюк смартфон золотистого цвета и стал набирать чей-то номер. Потом, сделав секундную паузу, он спросил Вадима Петровича не проводить ли его до дома, на что Вадим Петрович улыбнулся и, сказав, что ему осталось три минуты ходьбы, поблагодарил Сергея, вежливо отказавшись от его предложения. Вадим Петрович, сделав пару шагов, вдруг услышал громкий восторженный голос юноши:

— Юля, привет, моя дорогая! Я познакомился с таким человеком, с таким человеком! Побольше бы таких. Я тебе все расскажу.

Вадим Петрович не спеша подходил к своему дому, про себя думая о том, что еще одна душа станет светлее, и мысленно пожелал счастья Сергею и Юле.

ДРУЖБА

Она прибежала на газон, обнюхивая каждый сантиметр его, пока не нашла нужного ей места, и улеглась на мягкую траву, согретую дневным солнцем. Уложив морду на передние лапы, она чутко прислушивалась к городскому шуму — ее остроконечные светло-коричневые уши, казалось, надежно охраняли ее отдых. Черный, мокрый нос вдыхал пахнувший выхлопными газами воздух, а язык иногда красной лентой выпрыгивал изо рта, когда она зевала. Через минуту-другую собака в неге повалилась на правый бок, и тогда Вадим Петрович увидел на ее белесом брюхе два ряда темных пятен. «Девочка», — про себя решил Вадим Петрович.

Он стоял на тротуаре, на автобусной остановке в ожидании своего автобуса, который задерживался, вероятнее всего, из-за «пробок» где-то в пути. Взгляд его был направлен то на пешеходный переход, то на поток машин, то на угол, из-за которого должен был показаться ожидаемый автобус, то на собаку. Она была похожа на молоденькую лань. Ее светло-коричневая гладкая шерсть отливала на солнце, хвост был зажат между задними лапами. Она тихо, размеренно дышала и, казалось, спала чутким сном.

Вдруг она приподнялась, отряхнулась и стала передними лапами «умываться». Голова ее повертывалась то на проезжую часть, то на пешеходный переход. Вадим Петрович мгновенно увидел только хвост проскользнувшей между его ног собаки. Она металась туда-сюда, стараясь перебежать на противоположную сторону, но поток машин, стремившийся на большой скорости пересечь пешеходный переход мешал ей это сделать.

Наконец, зажегся зеленый сигнал светофора, и собака в потоке пешеходов ловко перебежала на другую сторону проспекта. Вадим Петрович часто посматривал на часы, но автобуса еще не было. Он стал уже забывать про собаку, как вдруг она снова появилась в пешеходном потоке и очутилась на том самом месте, откуда она несколько минут назад исчезла. Она вернулась, но уже... не одна. За ней, выше ее в холке, весело играя хвостом, послушно следовал светло-серого цвета «мальчик» с удивительно лохматой мордой. Вадим Петрович с искренним удивлением наблюдал за этой веселой парочкой. Чего они только не выделяли! То клали головы на передние лапы и так несколько минут — нос к носу — тихо лежали. То вскакивали и старались передние лапы положить друг другу на «плечи». То смешно бегали вокруг себя, стараясь поймать свой хвост.

Наконец, натешившись, они стали покидать газон. Впереди медленно шествовал светло-серый «мальчик», за ним покорно шла «девочка». У обоих хвосты находились в горизонтальном положении. Через минуту они скрылись в дворовом лабиринте. «Друзья, наверное, — решил Вадим Петрович. — Вот так бы и люди дружили».

Автобус, хоть и с опозданием, но подошел. Вадим Петрович втиснулся в битком набитый автобус и так, стоя и переминаясь с ноги на ногу, поехал на свою дачу.

Через неделю Вадим Петрович так же ожидал свой автобус. Его взгляд остановился на газоне, где... мирно лежали, иногда переворачиваясь с бока на бок, греясь на солнышке, ему уже знакомые «мальчик» и «девочка».

«Ну, это уже серьезно, — подумал Вадим Петрович. — Настоящие верные друзья. А может быть, у них любовь?»

Дина ЮДИНА

г. Тула

Дина Юдина родилась в г. Щекино Тульской обл. В ТулГУ получила высшее юридическое образование. Живет и работает в Туле. Произведения Дины Юдиной опубликованы в ряде сборников и альманахов Тулы и Москвы. Автор двух сборников стихотворений «Рифмы повседневности» (2019 г.) и «Рифмы путешественника» (2021 г.). Постоянный автор альманаха «Ковчег».

«КАБАРДИНКА»

Тетя Наташа — подруга моей мамы. Они когда-то вместе работали, но их дружба давно вышла за пределы той жизни тридцатилетней давности. Тогда были девяностые. Они вместе клеили таблицы калорийности на дверку кухонного шкафа, пили кефир и худели. Помню, как мама взяла меня с собой на шейпинг. Пока тетеньки занимались, я висела на шведской стенке, проверяла маты на прыгучесть и с трудом верила, что когда-то женское тело может начать нуждаться в специальных тренировках. Вроде и так хорошо: залезай себе на лесенку, вставай в мостик — всегда будешь в форме.

Потом тетя Наташа со своей семьей переехала в Москву. Ее дети учились там в институте. Мои родители крепко связали свою жизнь с Тулой. И я тоже не захотела уезжать учиться далеко от дома. Иногда подруги приезжали друг к другу в гости. Помню, как мы все вместе гуляли в Архангельском. Тогда в моду вошли бриджи, и мама купила мне белоснежные льняные с топом. Мы гуляли и фотографировались на цифровой. У тети Наташи была длинная коса. Невероятная! Для меня волосы такой длины во взрослом возрасте — пик женственности. Смотрела на нее, как на божество.

Дальше со мной случилась жизнь. Работа в банке, несчастливая любовь, поиски себя и смысла. Потом опять работа в банке. И на этот раз любовь счастливая. Кажется, что мама со стаканом кефира и длинная коса тети Наташи остались далеко позади. Что я уже никогда не вернусь к этим опытам души. Так и есть. Только вот идея, что я другая какая-то, не такая как эти тетеньки, оказалось пустой и никчемной.

Вот как это было. Очередной отпуск. Мы с мужем и маленькой дочкой приезжаем в родительский дом тети Наташи в Кабардинке. Ковид в мире еще бушует. Ребенку полтора. За границу лететь мы не рискнули, хоть и привились. Кто его знает, а вдруг опять локдаун? Надо сказать, что в детстве я особо не вдавалась в подробности биографии тети Наташи. Не знала, что она родом из Краснодарского края. Может быть, мне и рассказывала мама, но девчонке в одно ухо влетело, а в другое вылетело. Получилось так, что после смерти родителей тети Наташи, они с ее родной сестрой сделали из дома гостиницу. Все лето сестры проводят здесь с внуками, принимают постояльцев, а после окончания сезона тетя Наташа возвращается в Москву. Внукам надо учиться, да и хочется быть поближе к своей дочке. После полутора лет новой жизни в статусе мамы я жаждала чего-то такого, что напитает мою душу. У всех свое, а для меня это целительная приморская жизнь. Я имею в виду образ жизни, а не домик с цветочными клумбами поблизости и море с шезлонгами и кукурузой.

Я просыпаюсь и сразу выхожу на улицу. Тут есть летняя кухня. На ней со вчерашнего дня лежат игрушки, оставленные детьми на ночь. Тетя Наташа моет и режет на дольки сливы, муж идет за чашками, чтобы сварить кофе, а на деревьях в саду уже зреет инжир и набирает свое хурма. Не знаю в чем тут секрет, но для меня вот этот стол, фрукты, дети, которые ходят босиком и хоть иногда откладывают в сторону планшеты, чтоб раскраситься в индейцев — все это наполняет мои иссохшие реки души. И в своих снах одной рукой я держу молодую маму, изучающую таблицу калорийности, другой я сама уже мама — беру сливу из рук тети Наташи. И все мне становится ясно. Никакое целеполагание, карьера не перевесит эту женскую суть на моей чаше весов. Я так рвалась в Кабардинку, чтобы вернуть себя. Я такая же, как эти тетеньки. Я очень хочу быть такой же, как они, и дальше. Господи, помоги!

Тетя Наташа молча приносит нам баночку варенья к завтраку, молча вешает наше постиранное белье. Она любит и заботится, не ожидая ничего взамен. С внуков она, конечно, требует, чтоб занимались английским и поменьше сидели в телефоне, может заново отправить мыть руки и чистить зубы, но эта строгость пропитана любовью. Когда ей хорошо, она напевает, а песня — это выражение души. У нее поющая душа, она с ней связь не потеряла. Вот в чем секрет!

В Кабардинке есть Храм Великомученика и Целителя Пантелеймона. Я иду туда и подхожу к старинной иконе. Крестик не ношу, но верю всем сердцем. Молитва моя идет от той части души, которая высохла как река: «Господи, здесь я у моря. Слышу его шум и чувствую соленый запах. Что моя река значит одна без моря? Благодарю тебя за мою маму, за тетю Наташу, за то, что я женщина. Что я без них? Они мои учителя. Храни и береги их. И меня береги, Господи! Какое счастье». Я выхожу на улицу. Цикады звучат громче, а воздух становится огненным. Еще один день в Кабардинке до нашего отлета. А мне кажется, что я в этом храме за пятнадцать минут прожила целую жизнь.

Кира КРЕСТЬЯНКИНА

г. Санкт-Петербург

Крестьянкина Кира неоднократно занимала призовые места в районных, городских и областных конкурсах как прозаик. Является победителем в 2010 и 2011 гг. городского конкурса «Ступени» в номинации проза. Печатается в альманахах: «Иван-Озеро», «Ковчег», «На крыльях «Пегаса», «Сказки пряничного городка», «Пегасик», в газете «Крылья души», в журналах: «Приокские зори», «Детский городок». Постоянный автор нашего альманаха.

НЕОБЫЧНЫЕ МИНИ-РАССКАЗЫ КИРЫ КРЕСТЬЯНКИНОЙ

РЕШИМОСТЬ

Этот замок! Наконец-то он здесь! Проходит один зал за другим, но кругом ни души. Здесь так мрачно, холодно, одиноко, пусто. Кажется, эти стены давно не слышали стук человеческого сердца. Он пробирается вперед. Звук его шагов эхом разносится по замку, доспехи на нем позвякивают, а сердце стучит, как сумасшедшее. Бесполезно. Здесь никого нет. Но ведь она обещала ждать его, чтобы ни случилось... Его внимание привлекает свечение на потолке, взгляд вверх — звезды. Это же настоящее звездное небо. Он видит его столь отчетливо, что даже может заметить млечный путь... Вдруг из соседнего зала слышится какой-то шум. Оторвавшись от неба, он спешит туда.

Она! Это точно она, он узнает ее где угодно! Спиной к нему стоит женская фигура, вся в белом. Сейчас она повернется, и он утонет в ее глазах! Вот сейчас. Она уже заметила его присутствие. Сейчас...

— Не-е-ет! — Он вскакивает с кровати, озирается, его трясет от волнения. Это был всего лишь сон. Все это. Снова. Он вынужден видеть его каждую ночь, без возможности что-либо изменить или хотя бы помнить о нем, пока спит

— Я найду тебя. Где бы ты не была, и сколько бы мне не пришлось искать... Обещаю.

СНЕЖНАЯ ТРОПА

Она укуталась в шарф так сильно, как только смогла. Неимоверный холод заставлял ее содрогаться даже при мысли об улице. А ведь все равно туда идти. Так, валенки, ведро, дверь, протоптанная тропинка в сугробах, деревья да дома кругом, все прямо да прямо, а потом резко направо, через поле. Вот где сложнее всего, ветер там гуляет, как у себя дома, так что укрыться от него не получится, как бы тепло ты не был одет, он найдет лазейку и проберется до самой кожи, а если снег идет, то тропинку могло и замести и тогда утратить в сугробах придется по колено. Потом спуск с горы и родник.

Фух, мысленно-то она этот путь преодолела, но вот на самом деле еще даже за порог не шагнула. Было бы здорово, если бы такой прогулки было бы достаточно, чтобы набрать полное ведро воды да еще до дома его донести, не расплескав, тоже ведь задача. Ладно, пока мысли гуляют, ноги-то на месте стоят. Пора брать себя в руки. И она шагнула в снежные объятия.

ХОЛОДНАЯ ГОЛОВА

Ветер плевал в лицо, снег ворчал под ногами, лыжи слегка ныли, но продолжали везти своего хозяина все дальше и дальше. Мороз делал малоприятный массаж лица, кажется, еще чуть-чуть и даже внутренности замерзнут. Все это заставляло его лишь энергичнее размахивать палками и прибавлять темп. Ведь если разогнаться сильнее, холодно не будет. И вот он едет все дальше, не замечая ничего вокруг, не слыша ничего кроме скрипа под ногами, не думая ни о чем, кроме своей цели. Скорость нарастает, он на пределе сил, но продолжает движение. Какой бы лютый холод не был на улице, встает на лыжи и мчит вперед. Катясь, он чувствует себя на своем месте. Чтобы добиться результата, тренироваться нужно постоянно, именно это он и делает. Когда ему скучно — встает на лыжи, когда злитесь — встает на лыжи, когда случилось что-то плохое или хорошее — встает на лыжи, когда счастлив — встает на лыжи, когда душа пляшет с бубном — встает на лыжи и когда ничего не происходит, тоже встает на лыжи. Кстати, лыжная пробежка хорошо помогает очистить голову от лишних мыслей, они будто по дороге выветриваются, и в ней остаются только четкие планы и задачи. Вот уж и правда после таких прогулок, он действует с холодной головой.

ДРАКОН

Рыцарь скакал во весь опор. Достигнув наконец высокой башни, он остановил выбившегося из сил коня, спрыгнул с него и побежал к дверям.

— Я примчался, как только смог!

Из башни высунулась принцесса и заверещала:

— О, рыцарь! Ты пришел, чтобы освободить меня из лап этого страшного чудовища?

Дверь распахнулась, и из нее вышел огромный дракон:

— Рыцарь!

— Это она?

— Да, спасу от нее нет. Рыдает весь день и кричит как ненормальная.

Удивленная принцесса чуть не вывалилась из окна, так о ней еще никто не говорил.

— Ну, погоди, чудище, сейчас рыцарь тебе голову отрубит, тогда посмотрим, как ты заговоришь.

Рыцарь и дракон переглянулись. И рыцарь вздохнул:

— Женщины... Так что случилось?

И дракон принялся рассказывать, что эта малахольная заявила к нему среди ночи, разбудила, сказала, что с рыцарями сейчас худо и что он ее должен украсть. Когда он, разумеется, отказался, она забралась к нему домой, заперлась на самом верху башни и отказывается оттуда спускаться, пока ее благоверный не придет и не спасет ее.

— Да уж. Все понятно,— сказал рыцарь, когда дракон закончил рассказывать, а потом обратился к принцессе задрав голову и прокричав: — Милая барышня, я пришел освободить вас, но, увы, в женихи не гожусь, ибо я уже женат. Но у меня есть один друг, которому вы наверняка понравитесь. Спускайтесь и ничего не бойтесь. Я защищу вас от любой опасности и доставлю в целости и сохранности.

Немного подумав, принцесса спустилась. Рыцарь посадил ее, сажая на коня, а потом подошел к дракону.

— Большое спасибо, я уж и не знал, что с ней делать, ты знаешь, я женщин обижать не могу, воспитание. А ты сегодня превзошел сам себя. Быстро же ты ее уговорил.

— Ну а для чего еще друзья нужны? Слушай, я сейчас ее отвезу к родителям, пусть проведут с ней воспитательную беседу. А потом вернусь к тебе. Поболтаем. Заваривай чай.

И с этими словами рыцарь прыгнул на своего верного коня и ускакал с довольной принцессой в закат.

ЛАВКА

— А счастье у вас есть?

— О, брат, это редкий товар. Да и специфический к тому же. Что хорошо одному, то совсем не нужно другому. Что радует третьего, то огорчает четвертого. Так что извини. Может, подобрать тебе что-то другое? Порошок для смеха? Шоколадные палочки для радости? Лимонад со вкусом того самого лета? Или блинчики из детства? А может быть тебе нужны духи? Есть с запахом свежескошенной травы, мокрого асфальта, книжных страниц.

— К сожалению, нет. Спасибо. Мне бы счастья. Хоть кусочек. Без него все остальное бесполезно, вам так не кажется?

— Что-то ты совсем кислый. Возьми-ка, отведай моих мармеладок, они помогут собраться и сконцентрироваться на том, что важно.

— Э, ладно, спасибо. Ох. Ого, какие ядреные, аж в нос отдало.

— Да, они еще и от насморка помогают, но главное, прочищают голову. Ну, что скажешь?

— Я вспомнил! Я вспомнил, когда был счастлив! Ну конечно! Кто мне может помочь вернуть его? Да только я сам. Вы правы! Спасибо большое, эти мармеладки — просто чудо, я возьму у вас грамм сто. И знаете что? Дайте еще лимонад со вкусом того самого лета. Два. Спасибо! Я побежал!

ЗНАКОМСТВО С РОДИТЕЛЯМИ

— Я так волнуюсь.

— Все будет хорошо. Думаю, мы поладим.

— Очень на это надеюсь. Но должна тебя предупредить. Они у меня не самых современных взглядов.

— Да? Но ведь они пригласили меня в гости. Значит, нормально восприняли то, что мы вместе. В конце концов, когда-то мы должны были познакомиться.

— Да, конечно. Но дело в том... Дело в том, что я им не сказала, что... В общем, они не знают, что ты...

— Нет... Не может быть. Ты что, не сказала своей семье, что я орк?

— Случая как-то не было. Прости.

— Поверить не могу. Ну, тогда не удивительно, что ты нервничаешь. Думаю, не каждый день семья чистокровных эльфов принимает у себя орка...

— Милый, ты им понравишься. Вот увидишь. Главное — улыбайся. Хотя нет. Не улыбайся. Просто будь собой. И цветы надо захватить. Подаришь маме. А с папой ни в коем случае не говори о политике. Иначе этот ужин никогда не закончится.

— Ну, будем надеяться, что твои родители воспримут эту прекрасную новость стоически. И мне не придется прямо с порога им первую помощь оказывать. Как думаешь, нашатырь захватить?

— Ох, мне не до шуток. Хотя, возможно, твое чувство юмора поможет разрядить обстановку. В конце концов. Именно шутками ты меня зацепил когда-то. Так что можешь шутить. Только не сильно. Ох. Надеюсь, все пройдет гладко.

— А я сейчас и не шутил, милая, не шутил. Пойдем.

Галина МАМЫКО

г. Симферополь, Крым

Выпускница Калининградского госуниверситета, работала учителем, журналистом. Публикации в журналах: «Русское поле» (г. Орел), «Южная звезда» (Ставрополье), «Приокские зори» (г. Тула), «Новая Литература», «Русский переплет» (Москва), «Молодое Око», «Российский писатель», «Русичи» (Крым), «Русская линия», «Житти завтра» (Украина), «Русская Жизнь», «Камертон», «День Литературы», «Ковчег», «Мегалит» и др. Сборник рассказов и сказок Галины Мамыко «Мармеладный домик» вошел в лонг-лист финалистов конкурса Горьковской литпремии 2017 г. Наш постоянный автор.

САМОЕ ЛЕГКОЕ ВРЕМЯ

РАССКАЗ

В день пенсии она покупала вкусненькое.

— Может, пиццу? — предложила мужу на этот раз.

Он сказал, к ее удивлению:

— Нет. Давай после всего этого...

— Чего «этого»?

— Ну, референдума ихнего... Я нервничаю. Не до вкусненького. Вот когда станет известен результат, тогда и...

— О-о-о! — она рассердилась. — Опять за свое.

— Да, — сказал он и отвернулся к стене, накрывшись подушкой.

Она сняла с его головы подушку и сказала, глядя на седой затылок:

— Как ты не хочешь понять, молиться на власть бессмысленно. Развалится Союз или не развалится, как там, на референдуме, проголосуют, какая будет власть, значения не имеет, потому что по большому счету ничего не изменится. Как врал нам, так и дальше будут врать. Все сплошное вранье, эта их пропаганда из всех щелей. А на деле — гнилье, труха, вот оно, на деле.

Подумав, добавила:

— Главное, чтобы пенсию платили. Без пенсии остаться — это, конечно, ни в какие ворота.

Он молчал. Было слышно, как за стеной у соседей играют на пианино. С улицы доносились чирикания, голоса людей, шум машин. Солнечное пятно ползло по стене, перед самым его носом, внутри солнечного луча копошилась пыль. Он сморщился и чихнул.

Она подождала, и продолжила:

— Чем молиться на власть, так лучше Богу молиться. Только Он нас защитит, если захочет. А не захочет, и ладно.

Она передохнула. Он по-прежнему молчал и не шевелился.

На самом деле, она хотя и не верила в честность большой политики, будь то, вот как теперь, референдум, будь то выборы, но вопреки своему неверию все равно питала некую надежду на чудо. Она именно так и думала — будет чудом, если там, на самом верху, в их властных коридорах, произойдет нечто неожиданное, чего давно-давно не случалось. А какое именно чудо, она по-настоящему толком не понимала. Больше всего ей хотелось убедить мужа перестать переживать, не думать об одном и том же, не ворошить в голове навязчивые мысли. У него была чуть ли не паническая боязнь перемены власти.

Она устала видеть его унылое лицо с тенью тревоги, со следами в глазах невысказанных страхов за будущее.

Они стали часто ссориться в этот, как оба считали, тяжелый период приближения референдума. Он убеждал жену, что нужно и важно быть патриотом своей страны, которую надо сохранить во что бы то ни стало, — она отмалчивалась.

Он злился и уходил на утреннюю пробежку. Под хруст камешков под ногами он соблюдал дыхание и раздумывал над доводами, которые приведет ей в следующем разговоре.

Он знал, что пока он тут, в одиночестве, посреди парковых аллей, возле блестящей озерной глади, она — в церкви. Он считал ненужным делом ходить на церковные службы. И подсмеивался над ее, как он говорил, фанатизмом. Она объясняла ему, что это его ошибка, без церкви он превращается в темного человека. Зато ты просветленная дальше некуда, отвечал он.

— Пусть будет так, как сейчас. Нам не надо нового. Если случится какой-нибудь переворот, то все рухнет и страна затрещит по швам. Ты этого хочешь? Ты ведь сама сказала, что не хочешь остаться без пенсии,— говорил он, возвращаясь с пробежки, его футболка была влажной, а лицо покрасневшимся.

Она спешила к его приходу вернуться из храма, они появлялись дома почти одновременно. Она варила кофе. Ставила на стол капустный салат, яйца всмятку, вазочку с печеньем.

— Права ты или не права, какая разница,— говорил он, выходя из душа.— Из двух зол надо выбирать меньшее. И учти, либералы — это нанятые Западом враги. Мы там, на Западе, никому не нужны. Их конечная цель — уничтожить страну. Так было во все времена. А потому...

Он сидел за стол, ел салат, поглядывал на ее, склоненную над тарелкой, голову и говорил:

— А потому в нашем случае самое оптимальное — поддерживать действующую власть.

Она не отвечала и глаз не поднимала. Ее задумчивость ему казалась враждебной.

Какое-то время оба молча жевали, и, наконец, после паузы, он продолжал:

— Ты жертва оппозиционных СМИ. Или тебя во враги народа завербовали?

Она сердилась.

— Напиши донос.

— Не говори глупости.

— Я же враг народа.

— Не цепляйся к словам.

Спокойно говорить о политике они не умели, а потому оба стремились поскорее свернуть неприятный разговор, но не всегда получалось. Иногда доходило до сильных разногласий, когда уже оба повышали голос и говорили со злостью. В его голосе ей слышалась ненависть. «Какой же он совок, однако. Зомбированный телевизором, всей этой пропагандой»,— думала она, и уже вслух называла его этими обидными словами. Он, конечно, обижался. И думал о ней тоже нелестно. И говорил ей тоже неприятные вещи. Они расходились по разным комнатам, она закрывала дверь и читала духовные книги. Он звал на кухню Пашина выпить под воблу по стакану пива, сосед ругал власть, и они расставались. У себя в спальне он включал телевизор и смотрел политические передачи.

Каждый день она ходила в церковь, ставила свечи, просила у Бога помимо прочего — победы «добрых сил». Она путала либералов с демократами, не понимала разницы между ними и не знала точно, кто лучше. Впрочем, думала она, лишь бы не эти, атеисты.

Он тоже был по-своему подвержен неким мистическим переживаниям. «Что-то есть,— говорил он, когда заходила речь о Боге.— Какой-то высший разум определенно над нами есть». Эта его позиция вызывала у нее улыбку: «Пусть хоть так, чем никак». Она надеялась, рано или поздно он когда-то тоже придет к Богу, и тогда они вдвоем будут ходить на воскресные литургии. Иногда он после некоторых колебаний, втайне от жены, заходил в ближайший к их дому храм, ставил свечу. Его просьба была обращена принципиально не к Богу, а к Высшему Разуму, у него, «Разума», он просил сохранить СССР.

Наконец, пришло время весны. Весна заявляла о себе теплыми солнечными лучами в обеденное время, и хотя к вечеру снова тянуло зимней прохладой, никто на это уже не обращал внимания. Весна, весна, ах, как хорошо, это звучало в сердцах людей, читалось в их глазах и, кажется, в каждом звуке природы.

Днем супруги гуляли в городском парке, взявшись за руки, смотрели с удовольствием на яркие краски веселого неба, радовались первым зеленым травинкам на взрыхленных черных газонах и вдыхали запахи счастья, его вновь и вновь обещала эта заново нарождающаяся природа. По аллеям прохаживались пожилые пары, шли в обнимку влюбленные, на детской площадке пиццали дети.

На прогулках оба имели обыкновение не говорить о плохом, тем более о политике, по вечерам о политике тоже молчали, это помогало спокойно уснуть. Она старалась после ужина поменьше выходить из своей комнаты, чтобы не слышать мужнин телевизор.

На референдум пошли порознь. Он с утра. Она после обеда.

Он следил за новостями и с нетерпением ждал, что скажут.

«Видишь, народ не хочет перемен!» — сказал ей ранним утром.

Он приготовился к пробежке, надел спортивный костюм, кеды и перед тем, как выйти из квартиры, слушал в прихожей включенное на полную громкость проводное радио. Она, в темной косынке и длинной, «церковной», юбке, с сумкой через плечо, прошла к двери, мельком взглянула на его воодушевленное лицо.

— Мало ли что хочет или чего не хочет народ. Нас снова обманут,— сказала она, и ушла на панихиду по умершему девять дней назад брату.

В подъезде он встретил Пашина, тот сказал: «Помни мое слово, этот референдум — лукавое действо, страну будут валить».

Со временем он убедился, слова жены и соседа сбываются, затосковал, и перестал выходить из дома. Он лежал целыми днями лицом к стене, у него стало болеть в груди. Его отвезли на «скорой» в реанимацию, она плакала и просила у Бога дать мужу еще пожить. «Ваш родился в рубашке. Еще чуть-чуть, и было бы поздно», — сказал врач, и предупредил, второго инфаркта муж не переживет.

А потом как-то незаметно и будто внезапно к ним пришло понимание, что ничего изменить нельзя и ничто не зависит от их желания, и повлиять ни на что не могут ни они лично, ни Пашин, ни прочие соседи, ни дети с внуками в других городах, словом, никто, никогда — ни на что. И какой смысл говорить, обсуждать... Какой смысл мотать себе нервы, задавались вопросом, но не говорили о том вслух, они и без слов чувствовали настроение друг друга.

А потом они увидели, что летят вместе с Пашиным и многими другими, кого знают и не знают, в общем поезде. И этот поезд, чудилось им, давно сошел с рельсов и на полном ходу спешит рухнуть то ли в пропасть, то ли в непонятное, как бы за мутным стеклом, будущее, а чей-то железный голос все объявляет новые и новые станции: «выборы президента», «выборы депутатов». Впрочем, какая разница, что объявлял тот голос...

Время для них будто и стояло, и мчалось.

Как во сне промелькнули перед их глазами годы нищенства, подолгу не платили пенсии, пришли новые жизненные понятия — инфляция, новые русские, новые бандиты и много всего нового. Она, втайне от мужа, стояла под храмом, в надежде на милостыню, опираясь на недавно подаренную ей палку. Если удавалось насобирать мелочь, то ковыляла за хлебом, а если повезет, то покупала постное масло или пачку чая. Как-то, идя из магазина, она слышала автоматную очередь, стреляли из мчавшегося на огромной скорости черного джипа. Люди бросились бежать, кто-то взвизгнул, мальчишки возбужденно кричали: «Война!» Она тоже, насколько могла, заспешила, стуча палкой. Потом они с мужем, вместе с соседом Пашиным, ходили на место расстрела и смотрели из толпы на покрытые тряпками два трупа на тротуаре, третий труп был внутри искореженной машины. «Мафия, разборки», — говорил Пашин, курил и качал головой.

Муж больше не говорил, за кого надо голосовать, да и она будто забыла про былое. Теперь он соглашался с ней, что надо молиться Богу, а не Разуму, и однажды пошел вместе с ней на Литургию. В следующее воскресенье они снова шли вдвоем к храму, и теперь так было всегда.

Они думали о том, как быстро летит время, и вот, слава Богу, уже каждый месяц дают пенсии, стало чуть полегче, а что будет потом, потом... А потом, думали они, время будет лететь еще быстрее, и станет тогда совсем легко, и это будет самое легкое время, и тогда наступит и их час, и что будет в этот час, они не загадывали. Оба теперь имели обыкновение обдумывать малейшие детали прошедшей жизни и, если вспоминали какой-то еще не исповеданный грех, спешили покаяться на исповеди. Они находили друг в друге то, чего не видели в течение всей совместной жизни — это было нечто сокровенно-родное, близкое, чистое. «Это душа. Да. Это душа», — соглашались они со своими догадками, и говорили себе, что лишь теперь понимают, что значит «не чаять души друг в друге».

В одно из воскресений, когда они пришли из храма с утренней службы, то в подъезде узнали от Пашина, что тот — с выборов. «А что, снова выборы?» — сказали они. «А вы что, забыли?» — сказал сосед, вынимая из почтового ящика свежую газету.

Сергей ОВЧИННИКОВ

г. Щекино Тульской области

Родился возле Ясной Поляны в Тульской обл. в 1963 г. Окончил медицинский институт, жил в Калининградской обл., Рязани, под Владимиром, в Тольятти, с 1991 г. — на родине. Публикуется в журналах, альманахах, «Литературной газете», во всероссийской антологии современной прозы и поэзии «Наше время». Автор нескольких книг прозы и афоризмов. Лауреат областной премии им. Л. Н. Толстого в категории проза (2011) и премии «Золотое перо Тулы» (2011). С 2001 г. издает и редактирует литературный альманах «Тула». Член СРП. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ГЕРМАНИЯ (отрывок из рассказа)

Летом 2002 года огромный, серо-коричневый автобус фирмы «Ман» стоял возле бетонного здания немецкого посольства в Москве. Три часа назад меня окружали в родной провинции ор петухов, лай собак, свист пронсящих мимо стрижей, запахи плодоносящей земли с молодыми всходами... В русском Вавилоне зеркальные стекла автобуса отражали серые стены германского «форин-офиса», торговые палатки, замусоренный тротуар, спешащих мимо прохожих, треснутый асфальт мостовой. Сотрудница транспортной фирмы возле автобуса переговаривалась с пассажирами, предлагая им взять в дорогу питьевую воду и поду-

щечки для шеи. В салоне было душно, почти все отъезжающие стояли на воздухе. Большую часть их составляли сумрачные мужчины средних лет – перегонщики немецких машин:

— Доверенность генеральную берешь? Джипы дешевые? Девяносто шестого или девяносто седьмого года выпуска? «Фронтеру» мой приятель привез дешево. А диски алюминиевые? По совокупке растаможили. У чувашей и татар по-другому растамаживают, узнай там... Красный цвет — самый дешевый. Красный цвет это вообще не катит...

Кроме них возле автобуса топталось несколько пожилых женщин — «эти едут в Германию к детям», — и три девушки — «студентки». Во всяком случае, так я их для себя определил, несколько сомневаясь в этом: «Почему в июне? Сессия вроде бы прошла?!»

Завелся дизельный двигатель механической громады, принялись хныкать уставшие дети, включился невидимый кондиционер. После переключки автобус тронулся. Женщины копошились в сумках, перегонщики машин бубнили о своем, рядом со мной уселась одна из девушек — Полина. За проходом, на двух креслах сразу, поместилась объемистая дама лет пятидесяти. Она вытянула в проход отекавшие ноги, разложила на коленях салфетку, развернула фольгу вареной курицы. Поверху, над проходами, зажглись экраны автобусных телевизоров... Я начинал злиться на себя: «Американских боевиков ты сегодня посмотришь очень много! Идиот, почему ты не взял коньяк?»

С тех пор я ни разу не ездил в дальние путешествия на автобусе, но в 2002-м недавно рухнул СССР, вместе с ним распалась привычная жизнь, денег в моем бюджете на самолет не оказалось. Большую часть того, что заработал медициной, истратил на семью, издание альманаха, немного отложил на подарок будущей крестнице. И это было еще удачей: совсем недавно, при Ельцине, мы ходили на работу почти бесплатно, с большой задержкой получая в месяц сумму в рублях, эквивалентную пятидесяти долларам. Врачи спасались частной практикой, больничными листами, подсобным хозяйством, сдавали в аренду свои квартиры, гаражи, дачи... У некоторых врачебных семей в это время даже образовался второй бизнес: кафе, магазин, баня. Учителям пришлось хуже, репетиторство находилось в зачаточном состоянии, многие педагоги бежали из школ, доведенные нищенскими зарплатами до голодных обмороков. Но полная катастрофа настигла семьи инженеров советских НИИ, рабочих обанкроченных заводов, шахтеров, колхозников. От безнадежности люди спивались, вешались, сходили с ума, некоторые молодые женщины вынужденно подрабатывали проституцией. Землю в наших краях при Ельцине почти не пахали, она была покрыта муравейниками и молодым березняком. Среди заросших сорняками полей тут и там высились брошенные остовы фабрик, шахтоуправлений, животноводческих ферм... Все это стало для многих россиян синонимом демократии.

Когда Ельцин, за полгода до выборов 2000 года, передал власть приемнику, что-то начало меняться — притихли сепаратисты, лучше стало с зарплатами, вновь открылись уже дышащие на ладан оборонные предприятия Тулы. Но ватаги крепких парней, авторитеты, держатели «общаков» еще диктовали стиль жизни в нашем городке Х, директора здешних предприятий порой действовали похожими методами — «наезжали», «заказывали», «забывали стрелки», «перетирали» вопросы с нужными людьми... В нашем городке рэкетеры и бандиты убили с десятка местных предпринимателей. Двух начинающих риэлторов жилья, помнится, бросили в шахту, наемный киллер застрелил опера из отдела борьбы с наркотиками... Но и сами «братки» активно утилизировали друг друга в дележе кормовых баз. Селяне в это время лихорадочно приватизировали остатки колхозной собственности, ловкие владельцы баз вторсырья принимали в металлолом оборудование советских заводов, снятые провода электролиний, могильные оградки, остовы теплиц и заборы несчастных дачников. Награбленный металл почти весь уходил за границу, мой знакомый из этого бизнеса на вырученные деньги поехал с женой в Париж и озаботился евроремонтом. Оборудование советского завода он, помнится, распродал по цене ремонта в трехкомнатной квартире!

Все это приводило к мысли, что у России нет будущего. Многие люди бежали из родных мест, особенно после дефолта 1998 года. Провинциалы — в Москву и Питер, столичные жители перебирались в Израиль, Чехию, США, Канаду, Австралию... Мои друзья — Олег и Жанна, — оказались в Германии.

Переезд Олега, честно говоря, стал для меня шоком. Он в юности писал стихи, наполненные любовью к России: «Сроки окончатся. Раны закроются. / Кожей почувствую, что мне завещано. / И да воздастся кормилице сторицей! / Имя знакомое — верное, вещее. / Воду прозрачную трогаю шепотью. / Вот я и счастлив... Иль только мне кажется? / Имя знакомое вымолвлю шепотом — / Русь моя, милая, грустная, спящая...» (1986). Однажды, в 1996 году, мы с ним столкнулись на железнодорожном переезде возле больницы, где я работал. Мы с женой только что вернулись из автобусной, абсолютно бюджетной, поездки по европейским столицам, Олег полушутя сказал, что даже однажды побывавших за границей русских надо ставить на учет или даже сажать, как потенциальных предателей родины. Мол, посмотрели красивую жизнь — все, кончено, таким доверять нельзя! А затем Олег сам уехал — и сразу навсегда.

Винить Олега в этом лично мне трудно, городок наш сделал все, чтобы он уехал. Для выживания в тогдашней России требовался большой запас жизненных сил и желание рисковать. Годы революций, перестроек и перестрелок всегда очень тяжелы, иной раз остаться безупречным в такие времена может лишь герой, большинство из нас героями не были. Не только государство, мы сами — своим равнодушием, недомыслием, безответственностью, — вытолкнули многих людей за границу. «Новая историческая родина», как говорил Олег, подходила ему лучше: немцы к концу 1990-х достроили капитал-социализм, российские же власти при

Горбачеве и Ельцине решили вовсе отказаться от социализма, кидаясь из крайности в крайность. В результате Германия объединилась, а СССР распался, всякий больной организм гибнет и распадается.

В советско-российской жизни Олег вначале был горным инженером по технике безопасности, — тогда еще у нас повсюду работали советские шахты, — затем стал журналистом и поэтом. У него в молодости рождались неплохие стихи: «Тяну за собою шлейф / пустых, неуместных слов. / А Русь — будто спящий лев, / забывший во сне свой долг. / Ох, как ты тяжел, наш крест! / Но я утешаюсь тем / что все же Россия окрест. / А все остальное — тлен...» (1986). Мы и познакомились с ним в редакции нашей городской газеты благодаря его стихам, он пригласил меня участвовать в литературных сборниках городка Х. Рядом с Олегом была яркая, красивая жена — Людмила. Поэт влюбился в нее старшеклассником. Людмила, на мой взгляд, была несколько взбалмошная, но искренняя, обаятельная, сексуальная, Олегу приходилось многое прощать ей. Олег тогда легко прощал, был весел и добродушен от полноты жизни. Наш духовный опыт до начала 2000-х был очень похожим — родились и выросли в одном городке, учились в одной школе, оба с юности занимались литературой. Олег способствовал моим первым публикациям, позднее я каждый год печатал его стихи в тульском альманахе. Стихи были многообещающие: «Опять над Россией дождь. / Опять над Россией туман. / По телу, по мыслям — дрожь. / А в жизни — сплошной обман...» (1986).

Их жизнь треснула в конце 1990-х, когда Людмила получила в наследство квартиру бездетной, умершей в Москве, тетки. Продав столичную однушку, они купили пятикомнатную квартиру в нашем городке, вдобавок подержанный «Фольксваген» и торговую палатку в сельском пригороде. Людмила примерила на себя образ успешной «бизнес-леди», Олег потакал ей в этом, а сам исполнял обязанности главного редактора районной многотиражки. Он тоже старался держаться на волне времени: как многие тогдашние журналисты согласился участвовать в избирательном штабе действующего губернатора Севрюгина. Но поддержка журналистов, артистов, руководителей районов Севрюгину не помогла — он проиграл. Обманутый демократией народ потянулся к прежним хозяевам страны, на выборах в Тульской области победил бывший председатель колхоза, участник ГКЧП, коммунист-хозяйственник Василий Стародубцев. Воцарившись в «белом доме» Тулы он тут же принялся увольнять всех, кто поддерживал его противника по выборам. Севрюгин попал в тюрьму, а многие его помощники потеряли работу. Олег тоже, вместо гонорара и утверждения в должности главного редактора, получил увольнение, это стало спусковым крючком его семейной катастрофы. Людмила распространила свой «апгрейд» и на личную жизнь, попросив Олега из квартиры. У поэта началась тяжелейшая депрессия, ближе других к нему в это время оказалась Жанна Бергер.

Она чуть раньше Олега получила свою порцию горького российского опыта. Ее первый муж, Юра, считался в нашем городке одним из первых предпринимателей. Вся его торговая деятельность заключалась в обычной для того времени «торговой палатке»: десять кубометров теплого воздуха, окруженного стенами из стекла и оцинкованного железа. Продавали такие «палатки» жевательную резинку, пиво, дешевый шоколад, сигареты, презервативы. За день реализовывали два десятка шоколадок, дюжину бутылок пива, два-три блока сигарет, ящик водки. Ее предлагали вечером и ночью из-под прилавка. Накопив денег, Юра первым делом отправился за иномаркой на Западную Украину. В поезде проиграл деньги в карты, вернулся расстроенный, может быть еще и поэтому был неосторожен, когда обострился их старый конфликт за торговое место на удобном пятачке среди пятиэтажек. Вечером у подъезда Юру встретил человек с пистолетом, они не смогли о чем-то договориться, одна из маленьких пуль угодила Юре в живот. Почти год он промучился после ранения — выболел, похудел, стал похож на мальчика. Несколько операций не помогли, Юра умер в реанимации нашей ЦРБ, в окружении друзей, жены и плачущих родителей. На кладбище в Кочаках появился большой мраморный крест с выгравированным портретом — даты рождения и смерти, полудетское лицо Юры, кудряшки волос...

Жанна пробовала вести семейный бизнес, но куда там, она была слишком интеллигентна для этого. Чтобы выжить в 1990-х, нашим предпринимателям требовалось «иметь крышу» или самому «заказывать», «наезжать», «забивать стрелки» с бандитами... Жанне звонили с угрозами, у них ограбили и сожгли гараж — там размещался склад товара. Дверь гаража вырвали тросом, привязав его к мощному грузовику. Семья Жанны — ее отец был немцем Поволжья, а мать родилась в Чувашии, — в это время получила долгожданное разрешение на переезд в Германию. Отец Жанны, она сама и ее брат уехали — находиться в городке им было тогда опасно.

Жанна часто звонила Олегу из Лейпцига, спустя три месяца прилетела в Россию, чтобы расписаться с поэтом в городском ЗАГСе и вернуться в Германию, предоставив Олегу возможность самому выбрать свою судьбу. Я видел, что Олег сомневается, надо ли ему ехать, а затем вмешалось провидение.

Вечером в дверь их квартиры позвонили, Олег дверь открыл, к нему ввалились два бандита в черных масках. Они били, душили поэта, забрали все деньги, которые он выручил от продажи холодильника и мебели. Грабители унесли даже утюг, будильник и старенький телевизор, оставив ненужные им книги. Олег продал знакомым несколько собраний сочинений, занял еще денег у родственников и купил билет на автобус в Германию.

Вскоре приехал назад крайне подавленный — он трудно привыкал к новой для него стране. Весь 1999 год Олег колесил туда-сюда, возвращался из Германии растерянным, помятым. Дома приходил в себя, ожидал, начинал улыбаться, рассказывая родным и друзьям впечатления от своей «новой исторической родины». Помню, говорил, что в Германии почти не сажают в тюрьму, вместо этого штрафуют, порой за самые незна-

чительные нарушения. За провоз через границу трех блоков сигарет Олега вначале оштрафовали таможенники, затем почтой пришли квитанции земского и федерального штрафов, общая сумма потерь достигла 750 марок. Однажды его чуть не оштрафовали, когда он попробовал виноград в магазине: «Сначала купите, затем пробуйте!» Любое отступление от правил в Германии влекло за собой гигантский, по российским меркам, штраф. И нельзя было его не заплатить — дальнейшие санкции могли привести к высылке из страны. В результате русский человек, живущий там, становился испуганно-осторожным, законопослушным, переставая выпивать на людях, громко смеяться, жарить шашлыки на улице, петь до полуночи песни... Даже громко разговаривать по-русски на улице они там боялись... На душе у Олега было тягостно, судя по его стихам тех лет: «Я вновь убиваю Авеля / По злобе своей и зависти. / Я вновь никакой не праведник. / Я вновь называюсь Каином... / И сколько бы я ни каялся, / Своей не сменить мне сущности. / Я — Каин, первый из Каинов, / Ушедших, живущих, будущих...» (2000).

Для сохранения социального пособия в Германии эмигрантам приходилось три месяца в году отрабатывать на птичнике, свиноферме, ремонтируя мостовые, благоустроявая улицы. И «откосить» за взятку не получалось. Тем не менее «русских немцев» к началу 2000-х в Германии набралось пять миллионов. Три с половиной миллиона официально, остальные — нелегалы. Жизнь в России в 1990-х и начале 2000-х была гораздо тяжелее, унизительнее и опаснее. В Германии отработав три месяца на птичнике и девять месяцев можно спокойно «сидеть на социале», гуляя по красивому, безопасному городу с тысячелетней историей, развлекаясь дома в меру сил и развития. Одни эмигранты смотрели целыми днями видеокассеты с русскими фильмами, другие взялись писать графоманские романы, третьи слонялись по распродажам... Поступать на работу, отказываясь при этом от пособия, для многих не имело смысла — половину зарплаты в этом случае съедала квартплата, сумма на жизнь оставалась прежней.

Когда Олег возвращался в Россию, многие относились к нему теперь с предубеждением: одни завидовали, другие считали предателем. Олег тосковал, стихи у него рождались не так щедро, как раньше. Бог знает, почему это происходит с поэтами за границей? Исчезает питательная среда русского языка, культуры, истории? Нет чувства общности с народом, который тебя окружает? Свое поэтическое оскудение Олег вполне сознавал: «Опустел Вавилон. / Немога. Отрицание. / Листопад моих слов / В жестокосердном молчании. / Скорбит прах пирамид. / Мироздание рушится. / Листопад моих рифм. / Рассыпается рукопись...» (2000)

Затем нити между родиной и Олегом начали разрываться. Он уже подчеркнуто сторонился земляков, хотя городок Х сделался безопаснее. Поэт боялся ходить по улицам в одиночестве, тянуло его теперь больше не к людям, а к русскому полю, деревне, храмам. Наверное, мне бы тоже не хватало в Германии деревенского цветущего луга, церкви на холме, запаха свежескошенной травы, грибов и ягод в лукошке возле дороги, зияющего русского пространства, наполненного тысячелетней историей... Стихи Олега навсегда стали грустными: «Истина проста / Выводы горьки — «Спины для креста, / Души для тоски...» (2000). В бытовом плане жилось ему в Германии неплохо, но поэт всегда больше телесного, ему требуется не только домашнее благополучие, здоровая еда, спокойный сон...

Наш автобус два часа тащился в московских пробках, затем он все же выбрался на Смоленскую дорогу, набрал скорость. К этому времени перегонщики машин окончательно расслабились — тот, которого я мог видеть, то и дело укладывал голову на плечо соседки, рука его при этом оказывалась у женщины на коленях. Женщина отстранялась, раздраженно вскрикивала, но мужчина повторял свой маневр, притворяясь спящим, демонстративно похрапывая. Автобус то и дело тормозил, затем ускорялся, выпускал солярные дымы, оставившись возле придорожных кафе, заправлялся топливом. Из придорожных трактиров несло запахами туалета, специй, жареного мяса, к этим ароматам примешивались ароматы фиалок с придорожных клумб и духи молодых путешественниц. Стараясь отвлечься от бесконечной дороги, я разговаривал с Полиной:

— Вы на сессию, наверное, едете?

— Нет, я сейчас не учусь, — щебетала Полина. — Взяла академический отпуск в московском институте, потому что родители не могут мне помочь!

— Устроились на работу в Германии?

— Лучше не спрашивайте! — голос Полины терял в мелодичности, она переходила на шепот. — Работа грязная, ужасная, но через год я куплю квартиру в Москве, через два года у меня будет семья, ребенок и я забуду эти поездки как страшный сон!

Пораженный, я замолчал, вспоминая обстоятельства своего отъезда...

...Легко получив разрешение в посольстве, предполагал, что на этом формальности закончатся. Но Олег сказал по телефону: надо еще пройти собеседование с куратором «Русского дома» Лейпцига — профессором Рудольфом. Если все будет хорошо, говорил Олег, на поездку выделят грант, из него мне выплатят гонорар за выступления. Будут оплачены мои экскурсии, обед в знаменитом ресторане Лейпцига, где в «Фаусте» Гете главный герой встречается с Мефистофелем. Заинтригованный, я поехал в Москву. Помню, офис профессора находился в Черемушках, где прежде стояло много зданий советских НИИ рядом с огромной, сверкающей голубыми стеклами новой башней «Газпрома».

В одном из офисов бывшего НИИ меня встретил приветливый человек лет пятидесяти — Курт Рудольф, — грузный, в мятом пиджаке, с тяжелыми складками на лице, выдающими давнего курильщика. Он прекрасно говорил по-русски, хоть и с небольшим акцентом. Профессор Рудольф сел за офисный стол с ком-

пьютером, развернулся ко мне в крутящемся кресле и начал спрашивать: кто я, давно ли занимаюсь литературой?

Отвечая автоматически, я про себя раздумывал: «А собственно говоря — кто это? Если профессор, он должен быть в университете? Кому и что он преподает?»

— Чего вы хотите добиться своим творчеством? — спрашивал меня господин Рудольф.

— Никогда не ставлю перед собой земных целей, — говорил я давно обдуманное. — Настоящая литература выше земных расчетов, это разговор с Богом, с ангелами. Для атеистов можно сформулировать и по-другому... Вы атеист?

— Нам надо, чтобы вы своим творчеством продвигали демократические ценности, — перешел ближе к делу профессор.

— Кому это нам? — разговор принимал неожиданный оборот. — Демократические ценности сложная вещь. Тут каждый термин можно обсуждать часами. Если коротко, мне кажется, человеческое общество изначально иерархично и ограниченная демократия возможна, только если у людей в руках оружие. А человеку без оружия, да еще в России, разве кто даст порулить? Если только на самом низовом уровне...

Профессор поморщился и сказал более определенно:

— Вы должны понять, Запад заинтересован в сотрудничестве с демократически настроенными людьми России. Кстати, вы не задумывались, почему Восточная Европа живет хуже Европы Западной? Дело в том, что России, Болгарии, Румынии — этим беднейшим странам Европы, — не повезло с православием! Прогрессивные люди, которых мы поддерживаем, должны бороться с тоталитаризмом и религией!

Кровь прилила к моей голове от возмущения, но я старался говорить спокойно:

— Вы уполномочены говорить от лица всего Запада? Это как минимум оригинально... Что касается меня, с тоталитаризмом я бороться согласен. С религией — нет. Что касается востока и запада Европы: не все так просто! Было время, когда именно восточная часть Европы — Византия, — была гораздо более развита! Затем ее разгромили — и прежде всего крестоносцы, а затем уже сельджуки! Что касается веры: язык, наша история, культура, вера в Бога — это последнее, за что держится сейчас человек в России. Я не буду разрушать наши последние скрепы!

— Мы не против культуры, языка, — настойчиво продолжал профессор, — мы и вас готовы поддерживать! Но зачем вам, образованным русским, эти попы? Они же вас откровенно дурачат! Сами ездят на немецких «Мерседесах» и «Ауди», объедаются и опиваются, а вам внушают мораль аскетов, которой сами не следуют! Вами же просто манипулируют! Они же сплошь сотрудники спецслужб!

— Не надо смешивать сотрудников спецслужб в рясах и нищих монахов, сельских батюшек! — Я начал терять контроль над собой. — Вы слышали про Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского, Амвросия Оптинского? Они что, были сотрудниками спецслужб!? Так вот они и есть наше православие! И кстати, коммунизм, немецкая придумка Маркса, был чужд русским во многом именно из-за отрицания православия! Коммунистический проект, тем более методы его воплощения, оказался ущербным, построенным на крови. Мы бы рухнули раньше с этим коммунизмом, но народные кодексы православия, иудаизма, традиционного ислама, даже усвоенные подсознательно, понемногу трансформировали кровавый проект во что-то более человеческое. Эти кодексы и сейчас создают в наших людях несущий каркас! Благодаря этому стержню мы еще живы! Повезло или не повезло нам с православием, исламом, но убери их, и Россия рухнет! Вам этого хочется?

— Тогда вам денег не будет, — разочарованно сказал профессор. — Мы не можем разбрасывать деньги направо и налево. Германия не настолько богата.

— Да я и не прошу денег у Германии! — вскричал я. — С чего вы взяли? Всего лишь собирался поехать в гости к своему другу! На свои деньги!

Профессор передо мной вдруг исчез, появился жесткий и хищный человек, который увидел во мне врага:

— Если бы сейчас началась война, как в сорок первом, вы бы проиграли! — пролаял он. — Вам бы не хватило экономических ресурсов Казахстана, Украины, Грузии! Вам бы не хватило человеческих ресурсов!

— Может быть и так, — я старался быть объективным. — Но в 1945 проиграла Германия! Сейчас у нас все плохо, мы оказались абсолютно не готовы к свободе, но и вам радоваться нечего! Ваших канцлеров, насколько я знаю, утверждают за океаном, вы до сих пор не имеете самостоятельности!

— Американцы нам очень помогли своим планом Маршалла! — удивленно посмотрел на меня профессор. — ГДР под руководством СССР развивалась гораздо медленнее, не даром все бежали оттуда, прыгая через стену в Берлине с риском для жизни! Американцы и мы вас переиграли уровнем свободы!

— Видимо так, — мне пришлось согласиться. — Но вам не обидно, что престарелый американский актер Рейган диктует волю немецкому народу?

— Вы недооцениваете этого актера! — сказал профессор устало. — Рейган лично сделал очень многое для разрушения СССР! Не в вашем положении иронизировать! Это Рейган объявил СССР «империей зла», это он заставил мир поверить в это! Но мы, кажется, затянули наш разговор...

Профессор снова стал корректным и предупредительным. Он решил, наверное, что после таких откровенностей у него могут возникнуть проблемы.

— Россия много раз проигрывала в своей истории, но каждый раз она вставала с колен, как и Германия после своих поражений,— сказал я, направляясь к двери.— В этом отличие сильных наций от слабых. Русские, татары, евреи, украинцы — сильные нации. Жаль, что мы не сможем увидаться лет через двадцать!

Я ушел из его офиса взволнованный, раздумывая — надо ли высылать таких людей из России? Пришел к мысли, что нет, его откровенность похвальна. Теперь хотя бы знаю, что они думают, гораздо опаснее те, кто работает против России тихо. Например — собственные предатели. Вот если бы их всех выслать за границу!

Домой я отправился в полной уверенности, что заграничная поездка не состоится. Через пару дней позвонил Олег, сказал, что я не понравился профессору, поэтому гонораров и ресторана не будет, но приехать в частном порядке мне разрешили...

2002-2021

Владимир ВЕЩУНОВ

г. Нижний Новгород

Владимир Николаевич Вещунов публикуется в литературных журналах. Автор книг повестей и рассказов. Член СПР. Постоянный автор нашего альманаха.

МАНТА

РАССКАЗ

Целые сутки терся израненным боком о борт «Академика» обессиленный сейвал, спасаясь от стаи разбойных кархародонов. Разом наброситься на беднягу кита трусоватая акуля свора не смела, побаивалась исполинской «китовой матки», к которой лип доходной сейваленок.

Судно шло на малых оборотах, чтобы несчастный кит совсем не выбился из сил. Команда несла боевую вахту. Что только не делали научники, отвлекая прожор от жертвы!

Кровожадно ухмыляясь, кархародоны глотали мазутные квачи, мотки ржавой проволоки, консервные банки и прочую дурную «снесь», а один наглец не погнушался и старенькой струбциной, которую запустил в гнойно-белые чудовища плотник Куликов. Пробовали глушить громовыми толковыми шашками. Самая настоящая война. Взрывы, десятиметровые горы воды дыбятся, а мерзавцы только хари воротят, будто свины от взорившихся докучливых слепней. И все норовят серое обморочное веретено сейвала снизу цапнуть. Вздернут рыла кверху, зубатые пасти раззвят — аж видны треугольные в зазубринах клыки — чуть глазки оловянные не выскакивают: такая бесноватая акуля злоба. И все подныривают, подныривают, мутно-гнойные, под затурканное животное, хвостами-серпами воздух жнут. Ладно, кровь на китовой ране свернулась, а то, наверное, в иступлении, в голодном бешенстве вспучили бы акульки полчища море-океан и опрокинули бы корабль.

Подоспели на выручку дельфины-белобочки, многим кархародоном хребты переломали, разогнали банду, спасли бедного сейвала. А на борту, где кит прижимался, остались ошметки кровавых сгустков, саблевидные выгрызы свирепых зубов.

Подняли научники после побоища одного такого крысорылого красавца, разделали, и приспособился плотник наждачкой из акулей кожи топоры, рубаночные ножи доводить-дотачивать, а кок в камбузе до сверка с шиком надраивал шершавыми лоскутами котлы и сковороды.

Улеглись подводные страсти. В кают-компани биологи продолжили травить свои научные байки. Лаборантка Лерочка впечатлила своей дружбой с Осей — осьминогом, обитающим в скальной норе. При появлении белокурой гостьи Осип высовывает из жилища щупальце и здоровается с Валерией.

Знаменитый на весь мир осьминог Пауль предрек результаты матчей чемпионата мира по футболу. А другой чудесник ночью перебрался из одного закрытого аквариума в другой закрытый, за стеной.

Кандидат биологических наук, местный Ихтиандр, поделился своим катанием на скате-манте. Обыденно поведал, без пафоса. А плотник Гриша Куликов вперился в смельчака, будто в героя. Он краем уха прислушивался, как ученые мужи уже в кой раз запутались в миграциях лососей и перелетных птиц...

После садишной дачи Гриша ездил с мамой по грибы. С корзинами, как в деревне. Полные набрали, с верхом. К мухоморам даже не прикасались. Как так, самые красивые — и ядовитые? Обманщики! Воспитательница Валентина Борисовна тоже красивая, а ругается... Сыроежки тоже не трогали. Симпатичные: шляпки голубенькие, салатенькие, красенькие; ножки в белых гольфиках. Но слабенькие, крошатся. Маслят набрали, рыжиков, подберезовиков, груздей. А вдоль ручья мокрые грузди пошли. У них шляпы с бахромой, усеяны хвоинками. Радешенька мама была — такие на засолку хороши!

Из-за грибного ручья она-то и заплутала. Уплетал он в самую дремучесть. Там до самой земли космами свисала хвойная пакля. В такой дремучей тайге прячется избушка на курьих ножках, где Баба Яга. Но

совсем не страшно! Так как Гриша дорогу назад, к станции, знал. И заполошную мать грубовато, по-мужски, одернул:

— Мы не туда идем! Вон туда надо, там станция!

— Да-да, туда! — почему-то поверила она сынишке и удивилась его уверенности: — Гриша, а откуда ты знаешь, куда?

— Ну, ма-а!.. — досадливо поморщился он. — Какая ты непонимонная!

Ему-то было все ясно. Но как объяснить? Может, солнышко на ум подсказало. Вон оно уже куда клонится. Туда и надо!

И птицы знают свой путь, и океанская рыба-лосось возвращается на место нереста в студеной речке. Божьи создания, ведомые Создателем. И дитя человеческое, любимое творение Божие, особенно бережется. И чутко, отчески, то дитяtko, которое лишено земной отцовской заботы. Чистая детская душа и воспринимает сокрытое Божие попечение, непознаваемое ведение. Чистая... Но коли помутится в житейском море, заклеет для Света указующего — вовсе лишится памяти о доброте Отцовской, да и человеческой тоже. А если задается вопросом: откуда это ведение заботливое — то и ответ явится, и вера озарит и утвердит в жизни...

— Извечный вопрос: миграционные маршруты... — безнадежно вздохнул ученый секретарь и неожиданно обратился к случайному слушателю: — А что по этому поводу думает судовой плотник?

Куликов молча воздел палец к небу...

Опустился Куликов на подвеске борт подмарфетить. Сидит себе, кистью помахивает, ногами, как дитя малое, побалтывает — уж больно денек выдался благодатный!

Вдруг тень трепещущая пала на весь борт, и тотчас будто бомба позади разорвалась. То ли взрывной волной, то ли накатной, морской швырнуло плотника в пучину...

С виду — матерый морской волк, но с сухопутной душой на самом деле, он страшился потусторонней глыби. Древний страх воды жил в нем, и он с трудом перебарывал его, чтобы в купаниях с командой не выглядеть «фобом». Аквалангисты казались ему отчаянными храбрецами. Даже от прикосновения ламинарий его ознобно передергивало, а эти любители подводности до всякой сопливой твари были охочи, даже со змеистыми каракатицами игрались.

И вот он, ослепший от ужаса, барахтается в зеленоватой мути, силясь поскорее выбраться на белый свет. Но в метрах трех над собой замечает зловещую тень. Точно сбитая с курса ракета кружит и кружит над ним, приносясь к человеческому теплу, прицеливаясь. Все ближе, ближе...

Помертвел Куликов и ужаса своего испугался. Акулы чувствуют страх — надо взять себя в руки, и на нее, на нее! Вытянулся в решительную линию и дернулся к белобрюхому борову — кархародону. Трусоват подлый тварюга! Повыше поднялся, соображая, откуда нахальство такое у человекишки — от силы или на испуг берет? Холодным потом пахнет — таков запах человеческого страха. Замер душегуб, к последнему рывку приготовился: прощайся с жизнью, нелепость природы! Рыло задирает, пасть разверзлась. Бездна пасти... И зубы, зубы, трехгранные, с выщербленными краями... Смертельные высверки людоедских зубов...

Не выдержал Куликов — все обмерло в нем, ужас объял его, и он безвольно повис в погибельной пучине...

Но исполинский черный махаон и над акулой, и над человеком вверх все во мрак. И это не было бездной смерти. Никто не проглотил его, не рвал на части, и не задохнулся он. А ясно ощутил, что светящая пучина не враждебна ему. Благостный покой лег на душу, словно в колыбели его качала мама. В ушах не шумело, горечь не сводила рот, ко сну не клонило. Но на глубинное опьянение не походило. Тот роковой «балдеж» на сорокаметровой границе голову дурит. А тут уже сквозь теплую ласковую бирюзу «Академик» брезжит. И никакой кархародон не пасет. Величественная манта, отливая шелком, словно волшебница с разлапатым плащом, царственно проплыла метрах в десяти, усмехаясь щелястым ртом и добродушно поигрывая хвостом, напоминающим хлыст: так-то самозванный царь природы!..

Это она, играя, «выстрелила» себя из глубины и со взрывом обрушилась обратно в воду. Это она взмахом своего великолепного волшебного плаща сняла с помертвевшего Куликова страх и вернула его к жизни.

Тамара ХАРИТОНОВА

г. Брянск

Тамара Харитоновна (Макарченко) родилась в Брянске в 1956 г. В 1979 г. окончила Калининградский госуниверситет (ныне БФУ им. И. Канта), биофак. Осталась работать при кафедре, в научно-исследовательском секторе. Всю сознательную жизнь проработала в высшей школе. Получив диплом магистра психологии, занимается психологической практикой. Пишет прозу, особенно историческую. Наш постоянный автор.

ГРИМАСЫ ЭВОЛЮЦИИ

Темно и тесно. Нестерпимая вонь. Дыхание перехватывает. Больше всего это похоже на средневековый застенок, только стены покрыты чешуйчатой шкурой и пульсируют, словно мышцы атлета, поднимающего и опускающего пудовые гири. Волны пульсации то сжимают пространство, то слегка ослабляют хватку, но не прекращаются. Стены стоят нерушимо. Если не выбраться сейчас — потом уже некому будет выбираться. Но как выбраться? Сделать подкоп? Чем?

— Чем-то надо на него воздействовать. Поджечь? Уколоть? Возможно, тогда он приподнимет свой хвостик, и мы успеем выскочить...

— Да, приподнимет, а потом со всего маху опустит, чтобы раздавить шершня... Вряд ли такие действия его испугают.

— И потом, пока сигнал дойдет хотя бы до крестцового нервного узла, пройдет недели полторы...

— Ну, не знаю... Что-то же надо делать! Какое средство подействует быстрее? Предлагайте!

— Предлагаю связаться с профессором Фрекенхофом... Он-то должен знать, как можно воздействовать на эту тварь!

— Отклоняется! Во-первых, мы экранированы дважды его бронированной шкурой — со спинной и с брюшной стороны... Мы в изоляции от любых радиоволн... А во-вторых, профессор Фрекенхоф вряд ли скажет что-то вразумительное... В его обращении к нам стояло только: «Эксперимент пошел не так», — и ни слова конкретики о свойствах! Если бы знать заранее, насколько не так! Кто ожидал такого проворства от такой махины?!

— Подождите, а как это все произошло?

— Ну, как... мы только вышли на эту равнину, и сразу оказались под его хвостом!

— Что, сами под него залезли? Нет, остановились полюбоваться пейзажем... а потом услышали...

— Да, да, услышали этот странный звук... Эти неуклюжие три тона, как стороны треугольника под углом друг к другу, без всякой гармонии... Но звук доносился издали...

— А мы стали гадать, на каком расстоянии он прозвучал, и что означает... И тут же эта тварь наскочила... налетела...

— А еще напрыгнула и набросилась... И мы сразу оказались накрыты ее хвостом... Хорошо, что рядом оказался этот валун — нас не раздавило. Но бросилась она не на нас. Нас она не заметила. Что ей до кучки копошавшихся букашек! Да, скорее всего это был призыв, и тварь бросилась к тому, кто звал...

— О, боже, если мы ее не остановим, они встретятся и...

— И тогда не только эксперимент, а вся жизнь на планете пойдет не так... Если мы не знали даже, с какой скоростью они передвигаются, мы тем более не знаем, с какой скоростью они размножаются... И потом, хотя они и травоядные, я с трудом могу представить себе хищника, который бы на них охотился! Придется Фрекенхофу создавать второго монстра и встраивать его в пищевую цепочку!

— Боже нас упаси от этого! Мы от этого неагрессивного мегадиплода не знаем куда деваться! Неужели нельзя было заняться другой проблемой, а не играть с полиплоидией, как ребенок с кубиками! Эксперимент пошел не так! И больше нечего сказать! Что это — триплоид, тетраплоид?

— Легче тебе будет, если узнаешь? Вообще, раз профессор Фрекенхоф его создал, вот пусть сам бы побегал за ним и уговорил кушать поменьше... От одной особи такое опустошение! И потом — проблема переработки отходов! Какие микроорганизмы и в какие сроки с ними справятся?

— Хм! Фрекенхоф! Большая голова, округлое брюшко и пара тоненьких ножек... Этот законченный тип кабинетного ученого! На нашем месте он продержался бы не дольше пяти минут — и умер бы от нетерпения...

По телу невероятного пресмыкающегося опять прошла волна дрожи. Стенки камеры, в которой оказались заключены трое охотников, навалились на них со всех сторон и, казалось, вжали их в землю. Вонь стала невыносимой. Кислорода в окружающем их пространстве, видимо, не осталось вовсе. Они стали терять сознание.

И вдруг стены камеры разом исчезли. К задыхавшимся, сдавленным легким прорвались волны свежего воздуха. На самом деле снаружи воздух благоухал не розами, но они пили его жадными глотками, как ледяное шампанское, и чувствовали только сумасшедшую, ликующую радость возвращения к жизни. Потом

опять слышали тот же звук — три тона, один за другим, резкие, пронзительные, под острым углом друг к другу. Мегадиплодок остановился после скачка и напрягся, прислушиваясь. Со стороны он походил на внешне ожившую Великую китайскую стену.

— Сейчас уйдет! Юрген, ну что же вы? Стреляйте, стреляйте!

— Куда стрелять? В хвост? Нужно зайти с головы и выстрелить в глаз! В другой точке он неуязвим!

— А вы не забыли выкупаться в крови дракона?

— А вы не забыли, что это и есть дракон?! Найти бы такого дракона, чья кровь защитит нас от глупости!

— Хватит рассуждать! Вперед!

... Они сидели, понурясь, опираясь плечами о плечи друг друга, и молчали. Мегадиплодок бесконечной горной цепью простирался вдаль. Мертвый. Вокруг расстилался безжизненный, пустынный пейзаж — частью выеденная, частью вытоптанная трава на равнине, в стороне — обломки эвкалиптовой рощи, огромными холмами — кучи экскрементов. Вонь. Ни одного живого существа, кроме них троих. Тусклый, грифельный свет солнца сквозь пелену низких облаков.

Наконец, командир экспедиции с трудом выдохнул:

— Надо зафиксировать экземпляр и послать в лабораторию образец — пусть профессор разбирается со своей полиплоидностью.

— Вот пусть профессор этим и занимается! Как вы себе это представляете? Заполнить спиртом Марианскую впадину и опустить его туда?

— Взять для анализа образец ткани. Здесь выбора практически нет — остается только неповрежденный глаз. Вызываем мобильную лабораторию с контейнерами и реагентами.

— Интересно, сколько времени потребуется для самовозобновления этой экосистемы?

— На самовозобновление нечего рассчитывать. Придется Фрекенхофу теперь выступить в роли творца всего сущего.

Они засмеялись, и этот смех как будто разом раздвинул завесу облаков. Солнечный луч осветил лица людей, упал на кожу ящера, высветил немыслимую красоту — чешуя переливалась оттенками малахита, гребень сверкал изумрудными искрами.

Издали опять донесся призыв, на который никогда не будет ответа...

Профессор Фрекенхоф, ознакомившись с информацией, полученной по телетайпу, в состоянии крайнего раздражения метался из угла в угол своего кабинета. Впрочем, траектория его перемещений была весьма ограничена: одна глухая стена кабинета была вся заставлена высокими и широкими, но плоскими, глубиной в одну книгу, шкафами со стеклянными дверцами; противоположная — аналогичными предметами мебели, где за стеклом хранились заспиртованные биологические материалы, экземпляры обширной коллекции причудливых существ, плодов творческой мощи новоявленного демиурга.

Вскоре коллекция пополнится еще одним экземпляром — препарированным глазом мегадиплодока. Пожалуй, для этого придется выделить отдельный кабинет, а емкость для препарата объемом с плавательный бассейн заказать... кому?

Глазом! Для того ли он неистово напрягал свою волю, буквально подвигая на свершения этих жалких людишек, своих ассистентов!

Профессор внезапно остановился в центре кабинета, помедлил некоторое время, стараясь совладать с гневом, резко повернулся и, подбежав к стоящему близ единственного небольшого окна столу, грохнул по столешнице кулаком. Старинный дубовый стол сдержал удар. Профессору легче не стало. Он, все еще кипя от раздражения, плюхнулся на стул, судорожно сжатые в кулаки руки выбросил вперед, резко опустив на столешницу.

— Идиоты!, — скорее не произнес, а прошипел профессор. — Какой эксперимент загубили! Все потереяно! Невосполнимо! Работа, поиски, ошибки, сомнения — все диплодоку под хвост! Какие великолепные экземпляры загублены. Венец моей карьеры, моих десятилетних научных поисков. Merde!, — профессор выплюнул ругательство, как дикарь плюет через трубочку роковую отравленную стрелу. Он сильно жалел, что выпустил этот смертоносный заряд в окружающее пространство, и нет возможности донести его до слуха этих слабоумных олухов! Обращают внимание на ничего не значащие сопутствующие факторы. Экосистема, видите ли, разрушена, местное население на грани гуманитарной катастрофы. Сами едва не оказались жертвами! Вздор! Мегадиплодок — животное травоядное. Недоумки! И что посоветовали ему?! ЕМУ!

«Прежде, чем создавать мегаплоидное травоядное, создай для него хотя бы диплоидного хищника!» Мыслители! Неизвестно, на кого начнет охоту хищник! Ведь необходимо еще по меньшей мере десять лет поисков, чтобы создать хищника, встроенного в определенную трофическую цепь. Это в лучшем случае. Узколобые обыватели! Они не имеют понятия о том, что такое ЧИСТАЯ НАУКА. Какое значение имеют все эти аборигены, да и вся их бестолковая команда с ними вместе! Незначащие сопутствующие факторы. Неужели нельзя было пожертвовать собой ради святой чистой науки?! И центральный вопрос эксперимента — фертильность искусственно созданных особей никогда не будет решен. Никогда!

Профессор издал глухое стонение и замер в напряженной позе мыслителя — борца: прямой стан отки-

нут на высокую спинку стула, руки, судорожные стиснутые в кулаки,— на столешнице. В такой позе и таком состоянии он и застыл. Навечно.

— Итак, уважаемые господа студенты, мы досмотрели драматическую имитацию «Мегадиплодок» из серии «case-study», ситуации морального выбора. Поблагодарим исполнителей ролей профессора и его команды...

— И диплодока! — По аудитории пронесся смешок.

Преподаватель невозмутимо продолжил:

— Мне кажется, позиция профессора, поборника чистой науки, всем ясна, ситуация проведения эксперимента представлена наглядно. Вопросы, предлагаемые на обсуждение, вы получили заранее. Дома вы поработаете над эссе на тему «Плюсы и минусы экспериментально-генетической палеозоологии». В нем вы анализируете позиции оппонентов и сталкиваете их в сократовском диалоге.

— А кто должен победить? — В ответ на реплику аудитория пришла в движение, начав незапланированный обмен мнениями.

— Ваша точка зрения.

— Но мы так или иначе должны принять точку зрения одного из оппонентов?

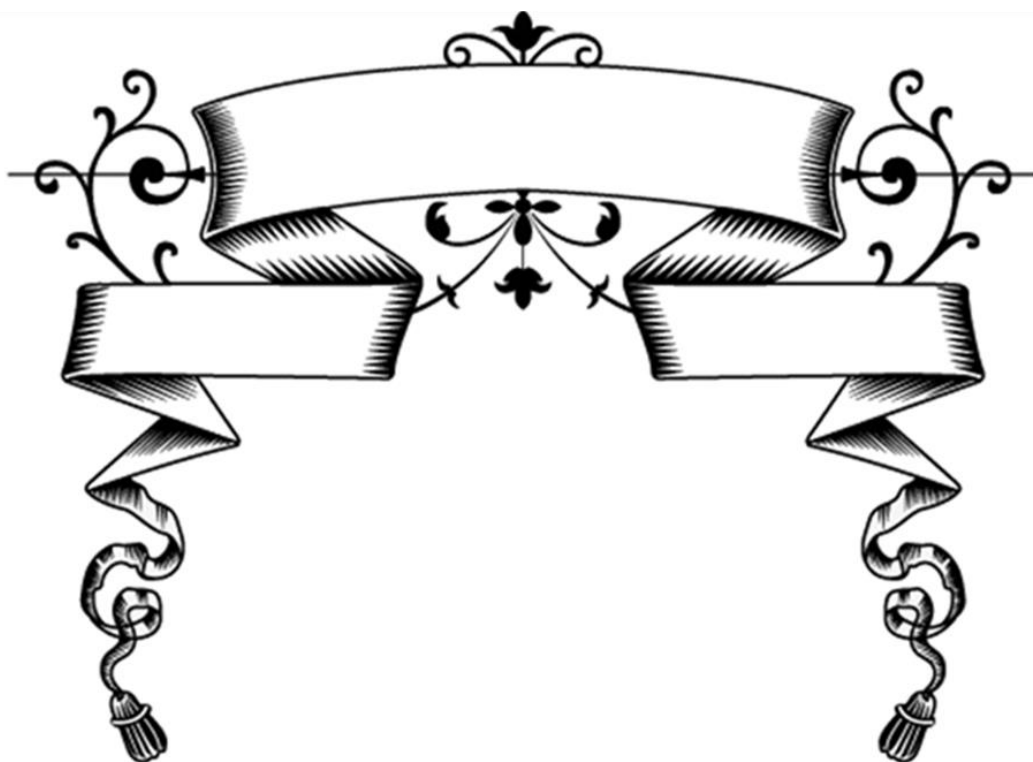
— Не обязательно! Можете их примирить, или выработать свою, оригинальную позицию. Только прошу вас обратить внимание, что в ситуациях «case-study» иногда проблемная точка лежит не на поверхности, а, так сказать, эксцентрично, и главный вопрос встает позднее. Если его замечают. Итак, на следующем занятии мы организуем групповую дискуссию, на которой, я полагаю, будет поломано немало копий...

И готовьтесь к следующей большой теме: «Человек и искусственный интеллект». Успеха и до новых встреч!

20.07.2021

ПОЭЗИЯ

ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ
АЛЕКСЕЙ СЕМИН
ЮЛИЯ ВОЕВОДИНА
ВЯЧЕСЛАВ АЛТУНИН
ЕВГЕНИЙ ТРЕЩЕВ
ОЛЬГА БОРИСОВА
НИКОЛАЙ ТИМОХИН
ВАЛЕНТИНА ПИНАЕВСКАЯ
ИГОРЬ ЕГОРОВ
АННА МИКАЕВА
ВАЛЕРИЙ СУХОВ
ВЛАДИСЛАВ БУСОВ
ЛЮБОВЬ САМОЙЛЕНКО
ВАЛЕРИЙ ДЕМИДОВ
НИНА ГАВРИКОВА
ОЛЬГА ЖОГЛО
АННА БАРСОВА
ВАЛЕРИЙ КУЛЕШОВ
НАТАЛИЯ СИЛАЕВА
БОРИС РЯБУХИН
ВЛАДИМИР ПОРЯДОЧНОВ
ТАТЬЯНА ШЕЛЕПИНА
ТАТЬЯНА ГОРЧАКОВА

ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
ЛЮБОВЬ СЕРДЕЧНАЯ
СЕРГЕЙ ФИЛИППОВ
ИВАН НЕЧИПОРУК
СВЕТЛАНА МАКАШОВА
ОЛЕСЯ МАМАТКУЛОВА
ЯКОВ ШАФРАН
ЕЛЕНА КАЗЛОВА
ИГОРЬ МЕЛЬНИКОВ
НИКОЛАЙ ЕРМОХИН
АНТОНИНА МАРКОВА
ГАЛИНА ЗЕЛЕНКИНА
ЕЛИЗАВЕТА БАРАНОВА (ВЕСИНА)
ТАТЬЯНА СКВОРЦОВА
ВИКТОР МЫЗНИКОВ
МАРИНА ЩЕНЯТСКАЯ
ДИНА ЮДИНА
СЕРГЕЙ ЛЕБЕДЕВ
ВАДИМИР ТРУСОВ
ЛЕОНИД ЗОЛОТУХИН
ВАЛЕРИЙ ВИНОГРАДОВ
АЛЕКСАНДР СЕРИКОВ
ДМИТРИЙ АНИКИН

ВИТАЛИЙ КУЗНЕЦОВ

Валерий САВОСТЬЯНОВ

г. Тула

Савостьянов Валерий Николаевич (род. 2.09.1949, д. Сергиевское Болоховского, ныне Киреевского, р-на Тульской обл.), поэт, эссеист, публицист, член СПР (1997). Родился в рабочей семье. Окончил Тульский политехнический институт: сегодня это ТулГУ (1971). Прошел трудовой путь от рабочего на заводе и шахте до начальника ЭВМ и заведующего лабораторией в Тульском политехническом институте. Ветеран труда. Стихи пишет с детства. Первая публикация в тринадцать лет. Сегодня Валерий Савостьянов — один из ведущих поэтов Тульской обл., известных и в России. Он член Правления Тульского регионального отделения СПР, Тульского клуба православных писателей «Родник» со дня его основания и его совета, редакционной коллегии альманаха «Тула», ряда жюри, руководитель семинаров поэзии совещаний молодых писателей. Он автор многих книг и многих публикаций. Составитель коллективных сборников, антологий тульской поэзии «Наши современники». Награжден Почетными грамотами Министерства культуры РФ, СПР, Тульской областной Думы, Тульской городской Думы и другими, Благодарностями Губернатора, Митрополита. Отмечен рядом литературных медалей. Имя Валерия Николаевича Савостьянова занесено в Тульский биографический словарь, в энциклопедический словарь-справочник «Новая Россия: мир литературы». Дипломант и лауреат многих известных международных, всероссийских и тульских литературных премий, конкурсов, фестивалей и форумов. Книга Валерия Савостьянова «Русский крест» (Тула, 2014, 2015) вошла в Список лучших произведений русской художественной литературы 2014 года.

Подробнее биография, библиография и творчество поэта — на его авторской странице сайта «Стихи.ру».

Из цикла «Слушать Родину»

ГИМН СОЮЗУ

Замечаю, что тоже ною:
Русь погибнет, совсем одна!
Неужели уже и мною
Пробавляется сатана?
Ах, двоюродные мои братья,
Ой, вчерашние свояки,—
Сквозь неискренние объятья
Ваши режутся кулаки!

А как славно-то было вместе:
Всем пятнадцати на пиру,
Когда каждому — по невесте,

А достойнейшему — сестру!
Млели девы, гвардейской статью
Покоренные и словом...
И гордился я общей ратью,
Хоть несхожие мы лицом!
Пусть несхожие — не кичились
Мы обычаями дедов,—
У товарищей мы учились
Древней мудрости их родов.
Этой мудрости Атлантида
Вдруг всплывала со дна:
Внемли,
Внук Сасунского ли Давида,
Внук ли Муромского Ильи!

И приемы свои святые
Открывали нам, не тая,
Тамерлановские батыры
И стефановские князья.
И повсюду нас привечали,—
И встречал нас у батарей,
И пристреливал нам пищали
Цвет демидовских пушкарей.
Нас учили маскироваться,
И ужом ползти вдоль стены,
И на холоде согреваться
Знаменитые пластуны.
К нам, плутающим у бархана,
К нам, увязнувшим у реки,
Шли «бессмертные» Чингисхана,
Запорожские казаки,
К нам скакали гонцы Боброка
И посыльные Ермака —

Слава Запада и Востока
Одинаково нам близка!..

Вы простите меня, слепого,
Что любил вас
Без всяких виз,
Что за всех бы
И за любого —
Горло б недругам перегрыз!
Нашей дружбе и общей воле
Враг всегда уступал: боюсь!..

Ой, не раз еще
В чистом поле
Вы вспоминайте наш Союз!

Валерий ХОДУЛИН

г. Тула

Родился в 1937 г. С пятидесяти лет на Оружейном заводе. Военную службу проходил в 1956—1958 гг. на крейсере «Аврора». Тогда же появились ранние публикации. Первая книга стихов «Гравюра» вышла в 1965

г. на пятом курсе Литинститута им А. М. Горького, который окончил с отличием. Много лет работал старшим редактором Приокского книжного изд-ва, председателем Тулоблотделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Автор многих поэтических и публицистических сборников. С 1972 г. член СП СССР, член СПР с 1995 г. Заслуженный работник культуры России, Почетный гражданин города-героя Тулы. Лауреат многих литературных премий. Лауреат Всероссийского отраслевого фестиваля авторской песни. Членкор Петровской академии наук и искусств. Награжден многими медалями. Член Союза десантников России, Всероссийской ветеранской организации «Боевое братство». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

Подробная биография размещена на сайте ТПО СПР <http://tro-spr.ru/member-hodulin/>

У КАРТЫ РОССИИ

С трех сторон мою Россию,
Словно синяя заря,
Осеньет полог синий —
Океаны и моря.

За волной волну кидают,
Вслед за штормом — ураган,
Слева — Балтика седая,
Справа — Тихий океан.

Летним днем,
Полярной ночью,
Поднимая брызг фонтан,
У границ ее грохочет
Ледовитый океан.

Потому сильна Россия,
Потому закалена,
Что морями ледяными
Омывается она.
1983

ПАРАД НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Когда вековую брусчатку разбудит
Надежная поступь парадных частей,
Люблю наблюдать, как ведут себя люди

В гудящей толпе иностранных гостей.

Когда маршируют полки за полками,
Проходят ракеты, моторы урчат,
Одни в восхищении машут руками,
Другие, насупившись, мрачно молчат.

Весенние ветры знамена взвивают.
Над площадью праздничный гомон стоит.
Их больше, кто радость свою не скрывает,
Чем тех, кто бессильную злобу таит.
1982

РОССИЯ

Ее враги огнем и сталью метили.
Она пила коварный яд измен.
В который раз за долгие столетия
Россия поднимается с колен.

Она воспрянет и душой, и силою,
Пройдет достойно адовы круги.
Ты поддержи свою Россию милую,
В нелегкий час Россию поддержи.

Она простит долги и прегрешения,
Она предъявит все свои права,
И воссияет нимбом воскрешения
России золотая голова.
1996

Алексей СЕМИН

с. Архангельское Каменского района
Тульской области

Алексей Валериевич Семин родился 18 июня 1989 г. в г. Чугуеве (Харьковская область, Украина). Но малой его родиной по праву является Тула, где прошли детство и юность поэта. Здесь в возрасте пятнадцати лет у него зародилась мечта стать хорошим врачом. С детства привитая любовь к музыке и пению вылилась в посещение занятий церковного хора. Окончил юноша одиннадцать классов школы с серебряной медалью. Далее он учился в медицинском институте, окончив который проходил интернатуру по специальности «Педиатрия». С 2013 г. Алексей работает участковым педиатром в с. Архангельское Каменского р-на Тульской обл. Выйдет в свет первый альбом песен Алексея «Держись за Жизнь». Член ТО «Каменка».

В НЕБЕСНЫХ ОБИТЕЛЯХ, ИЛИ НЕМНОЖКО О РАЕ

Спасибо за день и души пробужденье,
За Новый пречистый желанный Завет,

За Духа Святого и чудо рожденья:
 Спасибо за жизнь, за любовь и за свет!
 Но самое главное, Отче Небесный,
 Спасибо за сердце, что счастьем горит!
 Я всюду хочу быть правдивым и честным,
 Отвергнув неправду, что в мире царит.
 Я очень надеюсь, что Ангел-хранитель
 Не скроет лица своего ни на миг,
 Что вместе войдем мы в святую обитель,
 Какой бы в сей миг нас соблазн ни настиг.
 Я очень желаю, чтоб жили мы вместе
 На новой земле, где правитель — Господь,
 Где нет заблуждений и капельки лести,
 Где будет здорова нетленная плоть.
 У дерева жизни мы все соберемся,
 Чтоб новую песню воспеть про Любовь;
 Не будет понятия там: «расстаемся», —
 Не даром Творец наш пролил Свою кровь.
 Мы будем беседовать с Богом во свете
 От болью пронизанных ласковых рук,
 Не будет греха на священной планете,
 Не вспомнит никто одиночества мук.
 Там мир и покой наполняют долины,
 А воздух свежее альпийских лугов,
 Там фрукты в садах слаще спелой малины
 И камни на склонах без острых углов.
 Бесценная сладость Любви обнимает
 Там каждое сердце и каждый росток,
 Там каждый другого без слов понимает,
 Забыты навечно обман и порок.
 Над Божьим престолом там радуга светит,
 В обителях Бога не нужно мечтать,
 Там каждый хранителя-ангела встретит,
 Кто, жив на земле, принимал благодать.
 Небесные хоры симфонией славят
 Чудесного Бога, Чье имя — Любовь,
 Там благодать и мир никого не оставят, —
 Спасителю будем мы петь вновь и вновь.
 Святое блаженство и радость на Небе,
 Там ни один человек не умрет;
 И хоть я ни разу в Отечестве не был,
 Я знаю, я верю: Спаситель грядет!
 Он всех нас в обитель Свою приглашает
 И каждого нежно за руки берет,
 Измученных грешников Он утешает
 И бережно к цели заветной ведет.
 Ты слышишь: тебя Божий Сын ожидает,
 За дверью у сердца стоит и стучит.
 Откроешь — навеки Собой оправдает,
 Затворишь — твой путь ко спасенью закрыт.

6 августа 2007 г.

МОЕМУ НЕБЕСНОМУ ОТЦУ

Достоин Ты хвалы и славы,
 Мой всемогущий чудный Бог!
 Суды Твои тверды и правы,
 Один лишь Ты создать все мог!
 Когда смотрю я на равнины,
 Что Ты создал рукой Творца,
 На рек прекрасные долины, —

Восторг и радость без конца
 Мой ум и сердце наполняют,
 Душа становится светлей,
 Любовь Твоя меня пленяет,
 Нет в мире сил ее сильней!
 Твои восходы и закаты,
 И ночь жемчужная добра, —
 И все сие дарю без платы,
 Без золота иль серебра!
 Как дивен Ты, Господь: сияньем чудным
 Горит для нас луч солнца золотой,
 И коль бывает путь к победе трудным,
 В сердца Ты шлешь с небес святой покой.
 Твоя любовь детей Твоих ласкает,
 И только Иоанн промолвить смог:
 «Возлюбленные! Пусть вас мир не знает,
 Смотрите, как нас любит вечный Бог!»
 Действительно, словами невозможно
 Всю прелесть благодати возвестить,
 Благодаренье, Отче, что не сложно
 Так искренне детей Твоих любить!
 Да славится Твое святое имя!
 Да узрят все — живые чудеса!
 Единородного на смерть отдал Ты Сына,
 Чтоб вечно жить могли мы в небесах.
 И нет другого имени под небом,
 Которым надлежало бы спастись!
 насыть сердца детей нетленным хлебом,
 Чтоб в небеса душой им вознестись.
 И с кем бы мы не встретились в дороге,
 Дай мудрости любовь Твою явить,
 О нашем всеблагое прекрасное Боге
 Всем душам, жаждущим спасенья, возвестить!

23 февраля 2008 г.

ШОКОЛАДНАЯ ЛОЖЬ

Итак полно кругом конфет
 И очень много в жизни фальши, —
 О люди, дайте мне ответ:
 Как жить во лжи и лести дальше?!

Но понимаю: нелегко
 На громкий крик души прозревшей
 Ответить прямо, далеко
 Запутан мир во тьме кромешной.
 Мы в ослеплении сердец
 Добром считаем ложь порою:
 Кто приукрасил — молодец.
 Готовы забросать хвалою
 Мы тех, кто так искусно льстит
 И гордость праздную питает,
 Но, словно птица, улетит
 Обман, как лед весной, растает.
 И только Бог дает нам сил
 Не тратить время на пустое:
 Кто благодать Его вкусил,
 И в это время непростое
 Способен будет говорить
 Лишь то, что есть на самом деле,
 И только истину творить,
 Трудясь на временном уделе.

«Бог нам прибежище и сила»,—
Так пел во храме царь Давид:
Не властна брэнная могила
Творца детей усыновить!
«Лишь в правде жизнь и нет кончины»,—
Подметил мудрый Соломон.
У лжи есть многие причины,
Причина счастья — только Он.

12 января 2013 г.

ВЕЧЕРЯ ГОСПОДНЯ

В светлой горнице, приготовленной,
Бог собрал их всех: и предателя;
Сострадания преисполненный,
О Своих скорбел пронизательно.
Царь царей служил, препоясавшись,
Умывая ноги избранникам,
В Назарете жил, не замазавшись,
На Земле Он был только странником.
Он Иуде стопы усталые
Омывал особенно бережно;
Благодати волны немалые
Тот отверг из-за выгоды денежной.
С детской верою и смирением
Иисус взирал на Создателя,
Каждый день Он жил откровением
Всеблаготворности Подателя.
Смертный час уже приближается —
Разбегутся овцы испуганно;
На челе Христа отражается
Мир Небес, как в Сыне возлюбленном.
«Отче, дай им сердце единое,
Сохрани их жизнь от лукавого!
Се есть Тело, за вас ломимое,
В чаше — Кровь победы над дьяволом».
Вспоминаем мы о страданиях
Иисуса Бога Всевышнего,
Его смерть для нас — оправдание,
В Его жизни нет слова лишнего.
Так давайте с благоговением
Относиться к мукам Спасителя
И в молитве, с долготерпением
Приготовим сердца обители.
Божий Дух сойдет на собрание,
Озаряя лица прощением,
Дар к спасению — покаяние —
Жизнь наполнит новым свечением.
Так что взгляд Христа отражается
И в твоих глазах, и у ближнего,
Церковь Божия наряжается,
Чтобы встретить Бога Всевышнего.

5 марта 2013 г.

РАСПЯТИЕ

«Отче, прости им: творят что — не ведают!» —
Громко Христос возопил;
Самой великой над тьмою победою
Наши грехи искупил.
Ныне свершилось Твое оправдание
Мирных людей всех веков...

Я не сумею воздать за страдания
Богу, Чье имя — Любовь.
Утром под грязной толпы гоготание
Нес Ты безропотно крест,
Но, претерпев до конца испытание,
Умер — и снова воскрес!
Были распяты по разные стороны
Два осужденных — за грех;
Долго кружили голодные вороны:
Трапезы хватит на всех.
«Если Ты Бог, то избавь от мучения!» —
Яростно первый кричал
И не просил в покаяние прощения
Он у Начала Начал.
«Бога побойся: до смерти мгновения»,—
Смело ответил второй,—
Мы заслужили с тобою презрения,
Праведник этот — Герой».
«О, помяни меня, Господи, грешного,—
С горечью в сердце молю!»
Истинно слово Владыки предвечного:
«Будешь со мною в раю.

7 мая 2013 г.

Любовь СЕРДЕЧНАЯ

г. Санкт-Петербург

Любовь Сергеевна Сердечная — автор десяти книг стихов. Печатается в поэтических альманахах Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Киева, Твери, Красноярска и др. Награждена медалью «125 лет Маяковскому» за вклад в русскую литературу. Лауреат национальной премии «Поэт года» за 2017 г. в номинации «Песни». Руководитель Смоленского областного ЛитО «Родник» им. Юрия Пашикова (2013—2021 гг.). Член СПР.

ГРОДНО

1. ОТЕЦ

Я помню большие и сильные руки,
Щекочущий нос аромат табака,
С каким-то там странным названием брюки,
Ремень портупей, потертый слегка...
На плечи сажал и скакал по квартире,
А мама смеялась, прищурив глаза.
Тебе было... Тридцать? Мне было... Четыре?
Тебе еще тридцать. А мне уже за...

2. В ОТПУСК

Пакуй поскорее, жена, чемоданы,
Детишек в поездку готовь.
Вот вам три билета. На поезд и — к маме!

Давно заждались вас свекровь.
Нет, я остаюсь, офицерская служба.
Ты все понимаешь сама.
Возьми документы. А плакать не нужно.
Ведь ты командира жена.
Конечно, родная, я скоро приеду.
Смотри, не балуй пацана.
Как только смогу. Не во вторник, так в среду...
А утром узнали — война...

3. ВЗРЫВ

Взрыв! Другой!.. А где же братья?
Взрыв! Другой!.. Сейчас... Сейчас...
Я спасусь. Я под кроватью!
Только б мамочка спаслась...
Взрыв! Другой! Забыюсь подальше.
Или сразу умереть?
Как же братья? Я же старше...
Это очень страшно — смерть.
Взрыв! Другой... Я не забыла.
Помню трупы, кровь, бинты...
Мне тогда четыре было.
Мама, мама, где же ты?!
Где вы, братья? Как ты, деда?
Что так долго пушки бьют?
— Дочка! Доченька! Победа!
Слышишь? Праздничный салют!

ВЫЖИЛИ

Два пацаненка, четыре и пять,
(В чем только души!)
Дергают мамку опять и опять:
«Мамочка, кушать!»
А у нее муж ушел на войну.
В самом начале.
Помните, как разорвав тишину,
Бабы кричали?
Выгнали фрицы из дома семью.
В ямке ютятся,
Дергают, дергают мамку свою,
Дергают братцы.
А у нее провалились глаза,
Высохли груди.
Что им ответить? Что плакать нельзя?
Хлеба не будет.
А у нее во всю щеку синяк:
Немец — прикладом
Только за то, что смотрела не так:
Ласковой надо.
Детям хотела объедков собрать,
Что им валяться. Немец увидел и ну «набирать»
Палкой по пальцам.
И у нее от ногтей до локтей
Содрана кожа...
«Боженька, только спаси мне детей!
Где же ты, Боже!»
А у нее вместо сердца клочки
(Что же вы, боги?):
Младший нечаянно сжал кулачки —

Очередь в ноги...
Два пацаненка, четыре и пять,
(В чем только души!)
Дергают мамку опять и опять:
«Мамочка, кушать!»
«Ну, ничего, ничего, не беда.
Будет вам кашка.
Лето же: в поле растет лебеда,
Клевер, ромашка...»
Выжили. Выросли. Встали сыны.
Всех сохранила.
Ждет. Ой, как ждет. Все ждет мужа с войны.
Не схоронила...

Я ДОЖДУСЬ

«Жди меня и я вернусь...»

К. Симонов

Я дождусь, я дождусь, непременно дождусь.
Вот сейчас заскрипят половицы...
Нет, сначала калитка. Не смазана. Пусть!
Пусть скрипит. И такая сгодится.
А потом сапоги захрустят по песку,
Каблуки застучат по ступеням,
Брякнет ковшик по кадке, отведать кваску,
Крякнет дверь, отворенная в сени...
Я дождусь, я дождусь, непременно дождусь...
Задохнется от счастья калитка.
Ты сказал, уходя: «Жди, родная, вернусь».
Я дождусь. Похоронка — ошибка.

В углу под потолком над телевизором,
Куда никто из нас залезть не мог,
Цветочками бумажными унизанный,
Жил Бог.
Бабуля с ним всегда шепталась ласково,
А он молчал в ответ, смотрел в глаза.
Текла, казалось, по дощечке лаковой
Слеза.
А мы, притихшие, смотрели издали
(Мешать сейчас, поди, нехорошо!)
И вместе с ней просили Бога истово,
Чтоб дед скорей с войны домой пришел...

НЕ ПОКОРИЛИСЬ

Нас враг хотел сломить и раздавить,
Всех уничтожить, чтоб не возродились,
Стереть с лица земли, распять, убить.
Но мы не покорились!
Везли на запад, как на бойню скот:
Болели, умирали, с ног валились.
Нас в рабство гнали и на эшафот.
Но мы не покорились!
Теряли матерей, детей, отцов.
От горя цепенели и молились.
Чтоб это описать не хватит слов...

Но мы не покорились!
 Живьем сжигали в собственных домах,
 В коровниках, в печах... И веселились...
 Такое не уложится в умах...
 Но мы не покорились!
 Мы выжили! Мы отстояли отчий край!
 Мы победили! Мы всего добились!
 Боятся нас? Боятся! И пускай!
 Ведь мы не покорились!

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Я счастлив, я счастлив, я счастлив, я рад:
 Я с прадедом Ваней иду на парад!
 Он стройный, красивый: усы, португя,
 Смотрю на него и немножко робею,
 И страшно горжусь! А какой-то прохожий
 Сказал, что мы с прадедом очень похожи:
 И нос, и глаза... Мне бы тоже медали!
 Эх, жалко, мы с прадедом не поиграли...
 Да он и не знал ничего обо мне.
 Мой прадед — герой! Он погиб на войне.

Юлия ВОЕВОДИНА

г. Серпухов Московской области

Воеводина Юлия Вячеславовна родилась 24 мая 1977 г. в п. Шарапово Охоты Серпуховского р-на Московской обл. Стихи пишет с детства, но серьезно занялась поэзией с 2006 г. Член Лиги «Серпейка» (Серпухов), верный

друг и соратник ЛИТО «Клио» (Серпухов), член литературных объединений Москвы и Московской обл. С 2018 г. — член Московского обл. отделения СПР. Неоднократный дипломант и лауреат ряда конкурсов. Удостоена грамот, дипломов и благодарственных писем за вклад в литературу и культуру, за участие в литературных конкурсах. Стихи публикуются в газетах, в том числе в «Литературной газете», в детском журнале «Вестенок», в коллективных сборниках Москвы, Московской области и других регионов. На одно из стихотворений серпуховским музыкантом Юрием Романовым написана песня «Колыбельная сыну». Автор двух поэтических сборников: «Мыслей кружева», 2008 г. и «Сентябрь из-под ресниц», 2021 г. Мама троих детей. Постоянный автор нашего альманаха.

Я НАРИСУЮ

Я нарисую в душах теплоту,
 В сердцах — добро, в глазах — искринки света.
 И людям подарю я поутру
 Улыбку — ту, что нежностью согрета.
 Я попрошу у радуги цвета:
 Раскрашу в них людское настроенье,
 Чтоб в мире жили только доброта,

Тепло души и радости свечение.

ПАМЯТЬ ДЕТСКИХ ЛЕТ

Приехала опять в Шарапову Охоту,
 И с гулом поездов слилась моя душа.
 Оставив на два дня любимую работу,
 По дорогим местам иду я не спеша.
 Здесь можно быть другой —
 той маленькой девочкой,
 Которая в прыжке касалась облаков,
 Резвилась на лугу, цветы вплетая в челку,
 И клевером с руки могла кормить коров.
 Девчонкой, что ушла в рассветы взрослой жизни,
 Но в глубине души осталась навсегда
 Для местных пацанов «прекрасною маркизой»
 И память детских лет несет через года.

ЧУДЕСНЫЕ ЛЮДИ

Чудесные люди меня окружают,
 Как солнышком, душу теплом заряжают.
 И им возвращается в сотни свечей
 Мой внутренний свет, став еще горячеей.

ЧУДЕСА ПОВСЮДУ

А чудеса случаются, поверь.
 Для них всегда души открыта дверь.
 Они повсюду: в солнечных лучах,
 В улыбках добрых на людских губах.
 Ребенка появление на свет —
 Прекрасней чуда в этом мире нет.
 Любимый дом мы чудом назовем
 И то, что счастье обитает в нем.
 И в дуновении ветра чудеса,
 В плывущих облаках на небесах.
 А чудеса повсюду — оглянись —
 Легко влились в простое слово «жизнь».

УСТАВШИЙ АНГЕЛ

Ангелам часто бывает больно.
 Они, как люди, умеют плакать.
 Порой лишь слова всего довольно,
 Чтобы в сердце и душу проникла слякоть.
 Ангелы просто шагают рядом —
 В общей толпе разноликих судеб,
 Оберегая молитвой и взглядом,
 Особенно если ваш путь так труден.
 Ангелы тоже теряют силы —
 Их бы самих защитить порою.
 Как же бывает невыносимо
 Крыльев не чувствовать за спиной...

БЛАГОСЛОВИТЕ ЖЕНЩИНУ

Боготворите женщину земную,
 любовью душу нежную согрейте,
 простите ей ошибки, пожалейте.

Боготворите — слабую, простую.
 Благословите женщину земную
 на добрый путь без бремени забот.
 Ей нужен тыл надежный и оплот.
 Благословите — милую, родную.
 Благодарите женщину земную
 за материнства тяжелейший труд,
 за яркий свет счастливейших минут
 благодарите — руки ей целуя...

Сергей ФИЛИПPOB

г. Москва

Окончил Московский институт химического машиностроения (МИХМ). Инженер-механик. Печатался в журналах: «Дальний Восток», «Берега», «Балтика», «Южная Звезда», «Дарьял», «Приокские зори», «Ковчег», «45-я параллель», «Фабрика Литературы», «Вторник», «Зарубежные задворки», «Чайка», «Новый день», «Истоки», «Литкультпривет!», «Иван-да-Марья», «Великороссь», «Камертон», «Нижний Новгород», «МОЛОКО», «Неман», «Подъем», «Жемчужина», «Звонница», «Простор» и др. Наш постоянный автор.

Так время незаметно тает,
 Что человек, прожив свой век,
 В конце лишь с грустью замечает
 Его неутомимый бег.
 Что, по сравнению с днем вчерашним,
 Вокруг не та уже среда,
 И вместо нив, полей и пашни,
 Встают впритирку города.
 Машины мчатся вереницей
 По автострадам в три ряда.
 Что свежий воздух — по крупичкам,
 А в кране — грязная вода.
 Что разгибать, вставая, спину,
 Все тяжелее каждый год.
 Что резко изменился климат,
 И хлеб на вкус уже не тот.
 Что, как и прежде, жить для тела,
 И вечно что-нибудь прося
 У Бога, глупо, но поделать
 При этом ничего нельзя.

Мое глубокое почтенье!
 Мое почтение всем вам,
 Живущим в эко-поселеньях.
 Мир вашим замкам и домам.
 Поклон от тех, кто вновь унижен.
 Кто прозябает не у дел.

От их лачуг, квартирок, хижин,
 Трущоб, «шанхаев» и фавел.
 В поселках, наглухо закрытых,
 Вдали от посторонних глаз
 Вся современная элита
 Сегодня прячется от нас.
 Под сенью девственной природы,
 Скупив озера и леса,
 А их токсичные заводы
 Коптят нещадно небеса.
 Пытаясь в свойственной манере
 Им незаметно под шумок
 У неделимой биосферы
 Оттяпать лакомый кусок
 В отдельном эко-поселенье,
 Что несомненно говорит
 О скудости воображенья
 Так называемых элит.

«В каждой музыке Бах».
 И. Бродский

Не мыслю мысли без размаха.
 Творца без творческих потуг.
 Не мыслю музыки без Баха,
 Без баховских токкат и фуг.
 Не мыслю ткани без основы,
 Где нити прочно сплетены.
 Литературы без Толстого
 И без толстовской глубины.
 Жизнь та же ткань, где звук и слово
 Сплелись и вдоль и поперек.
 И непонятно, где основа,
 А где связующий уток?

Есть лирика суровая, военная,
 Где свой глубокий, внутренний трагизм
 И, даже в нашу бытность повседневною,
 Отсутствует ура-патриотизм.
 А есть другая лирика — пейзажная:
 Толстой, Тургенев, Шишкин, Левитан.
 И плачет вся природа вернисажная
 От стольких нанесенных нами ран.
 А есть, ребята, городская лирика.
 Покуда не разрушен по частям
 Наш город, мы слагаем панегирики,
 Грустя по полюбившимся местам.
 И, наконец, есть лирика гражданская,
 Почти что не читаемая вслух
 Нигде в аудитории мещанской,
 Пока не клюнул жареный петух.
 И пусть в литературе все условно,
 Пусть в ней, как в жизни, все диктует спрос,
 Связь этих лирик с лирикой духовной —
 Больной, животрепещущий вопрос.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НЕЗНАЙКИ

Расскажу вам честно, без утайки,
Пусть сие не удивляет вас,
Будучи и взрослым о Незнайке
Повесть перечитывал не раз.
Да чего там, и сейчас порою,
Век прожив свой с горем пополам,
Всех ее практически героев
Вспоминаю вновь по именам.
Как вы там сейчас, мои родные?
Спрашиваю каждого и всех.
Как прошли чрез все перипетии?
Как вас встретил двадцать первый век?
Растерял свои познания Знайка.
Хлопотно сегодня много знать.
Перестал дурашливый Незнайка
О волшебной палочке мечтать.
На Луну уж больше не летает.
Ближний космос тоже не про нас.
Но зато упорно обещает
Полететь когда-нибудь на Марс.
Ну а что другие коротышки?
Всяко разное, доложу я вам.
Пончика с Сиропчиком кубышки
Не по дням растут, а по часам.
Бизнес, братцы, не игра в бирюльки,
Каждый дом давно себе купил.
Процветает эскулап Пилюлькин,
Собственную клинику открыл.
Ни лесов в округе, ни лужайки.
Пулька сдал охотничий билет.
Растерялся бедный Растеряйка
Уж в который раз за столько лет.
Изменились коротышки наши.
Лишь Ворчун по-прежнему бубнит.
Винтик в мастерской в три смены пашет.
Шпунтик тот в такси весь день «бомбит».
Торопыжка вновь поторопился,
Неподъемный взял себе кредит.
Тюбик был большой художник, спился.
С Гуслей пел в мороз, схватил бронхит.
Оглянись вокруг, посозерцай-ка
И поймешь, как много лет и дней
Длятся приключения Незнайки
И его загадочных друзей.
Кто живет богато, кто неброско,
У кого-то жизнь и вкривь и вкось,
Как у всех Авосек и Небосек
Лишь с одной надеждой на «авось».

Всю неумную породу,
Все корни древние свои,
Все песни, пляски, хороводы,
Как и кулачные бои,
Нам не забыть ни в коем разе,
И все нам было нипочем:
И хан, и пан, и царь и Разин,
И вор Емелька Пугачев.

Мы дети лапотной России.
Наш прадед — русский человек,
Простой мужик, еще был в силе,
В лаптях входя в двадцатый век.
Носил посконную рубаху.
А вот его крестьянский сын
Бежал с земли родной со страху
Под бурным натиском машин.
То Бога поминаем все,
То вновь Россию, но боюсь,
Что лишь Кольцов, Никитин, Клюев,
Есенин понимали Русь.
И вот уж в веке двадцать первом,
Как ночью в поле огоньки,
Считает русская деревня
Свои последние деньки.

Печорины, как и Онегины,
И кто там еще им под стать?
Героями нашего времени
Вдруг стали невольны опять.
Боясь что-то в жизни попробовать,
Не ведая, будет ли прок?
Лежат на диванах Обломовы
И смотрят весь день в потолок.
Лаврецкие, Бельтовы, Рудины
Опять никому не нужны,
И снова все «лишние люди»
Уехать спешат из страны.
Базарова, как и Рахметова,
Берет ФСБ в оборот,
И власти перечить поэтому
Не станет ни тот и ни тот.
«И скучно и грустно» без прений,
Без споров, но ты не жалея,
Что в век, в коем жили Тургенев
И Гоголь, жилось веселей.
Живи себе тихо, не трогая
Лежащее всюду дерьмо,
И грустно и скучно, и Гоголю
Белинский не пишет письмо.

В новейшие эпохи, времена,
Когда маразм за окнами крепчает,
Таких, как мы с тобою, старина,
Лишь классики родимые спасают.
И к горлу подступающий комок
От боли и «от жизни нашей скотской»
Отводят Пушкин, Лермонтов и Блок,
Ахматова, Есенин и Высоцкий.
Они к любым подходят временам,
Как самое проверенное средство,
Не позволяя в общий впасть маразм,
И внукам достаются по наследству.
За болью сердцем выстраданных строк
Одни и те же беды и напасти,
Один и тот же странный русский Бог,

Наш общий крест и призрак самовластья.
В новейшие эпохи, времена,
В короткий срок, что каждому отпущен,
Глаза нам застилает пелена,
Соблазны проникают в наши души.
Как жить, частенько многим невдомек?
Но есть одно проверенное средство,
Родное: Пушкин, Лермонтов и Блок,
Откроешь их, и станет все на место.

Вячеслав АЛТУНИН

г. Тула

Алтунин Вячеслав Васильевич родился в д. Песковатое Белевского р-на Тульской обл., в семье сельских учителей. В Белеве окончил среднюю школу, а затем — историко-филологический факультет Казанского ГУ, после окончания которого работал в р-ных и обл-х газетах Тульской обл., отдав журналистике почти сорок лет. Стихи пишет и печатается с четырнадцати лет. Автор и соавтор нескольких книг, публикуется в литературных альманахах и сборниках, активно участвует в коллективных творческих проектах, проводит авторские творческие встречи в Туле и области. Выпустил шесть книг: четыре сборника стихов и две повести из его авторского литпроекта «Хлеб и душа». В своем творчестве размышляет о судьбе России, о душе, о жизни и смерти, об истинных и ложных ценностях, о пути к Богу, к вере, о любви и семье, о предназначении человека на земле. Лауреат литературной премии СПР «Бежин луг» им. И. С. Тургенева. Дипломант конкурса ЦФО «Потенциал России», номинант Национальной премии «Поэт года» (2016), лауреат премии «Лучшее перо Тулы» (2020). Член СПР и СЖР. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

(Из книги «ДРЕВО БЕДЫ»)

ДРЕВО БЕДЫ

Над всей Россией Дерево Беды
Трясет своими черными ветвями
И дышит ядом, и шумит над нами
Тяжелым гулом штормовой воды.
В нем ярость негасимого огня,
Сжигающего ныне всю Россию.
И в душах — ужас. Исселяют силы...
И нет уже для нас сиянья дня.
И миллионы спятивших с ума,
Покончивших с собой в пространствах тесных.
Там воют бесы. Крики там, не песни.
Ни лета, ни весны. Глушь и зима.
Бежать? Куда? Мир гибнет без воды

И без еды, но пуще — без надежды.
Мягутся люди. Стонут. Рвут одежды.
Над всей планетой — Дерево Беды!

«Время убивает красоту!» —
Уверяет этот мир жестокий.
Словно в кислоте, в своем потоке
Время убивает красоту.
Все стареет: тело и металл,
Красок свет и яркость сил природы.
Умолкают музыка и воды.
Мир тускнеет. Белый свет устал.
Но сквозь наших буден темноту
Восстает, сияет явь иная...
Растворяя прах и грязь смывая,
Время обнажает красоту!

ТИШИНА

За окном умирает луна.
Ей осталось совсем уж немного.
И томит мою душу тревога,
Что уже не воскреснет она.
Что, быть может, уж в этом году,
Исполняя веления Божьи,
Звезды с темных небес упадут,
И огонь все вокруг уничтожит.
За окном золотая луна
Умирает. И так не случайна
Тишина, тишина, тишина...
В ней сокрыта великая тайна.

ВСТРЕЧА

Мы встретимся на небесах
И там наговоримся вволю.
Развеется житейский прах.
Откроется иное поле.
Лазурь, багрянец, изумруд
И те цвета, что здесь не сыщешь,
Вдруг воссияют, и замрут
Сердца, забыв про пепелище
Земное... Вечная вода
Струится и поет, блистая,
И отовсюду и всегда
Там виден свет угодий рая.
Освободимся от забот,
От мира, чей удел — конечность.
Куда спешить? Вокруг цветет
Блаженная, Святая Вечность!
А в ней — иной, вселенский ритм.
Теперь, к земному безучастны,
Поговорим, поговорим
О Боге, о душе, о душе, о счастье.

СОЛНЦЕ

По огородам хмурой стражей
Засели тучи. Синь и серость.

И не понять никак: куда же
 От нас светило наше делось?
 Живем в холодном сером мраке,
 Кружимся в той же круговерти.
 И воют по дворам собаки,
 Как бы учуяв запах смерти.
 Где ж солнце? Мы о нем не знаем.
 Нет больше света в человеке.
 Болеем, стынем, умираем...
 А вдруг оно ушло навеки?
 Исчезло, нам оставив стоны
 Земли и рев людского стада,
 Как царь, ушедший от престола
 За монастырскую ограду.

ПРИЗРАКИ СВЕТИЛ

Мерцают призраки светил,
 Давным-давно уже угасших.
 В печальных палестинах наших
 Нас сонм видений окружил.
 И мы живем среди теней
 И белых, и цветных, и черных.
 Лишь иногда златые зерна
 Блеснут в глубинах дней, ночей.
 И снова — потускневший свет
 И суета постылых буден.
 И кажется, вовек не будет
 Сиянья радостей и бед.
 А будет, как сто лет назад,
 Весь этот мир, тяжелый, серый,
 С прокрустовой жестокой мерой,
 Где разлинован даже сад.
 А все же в горестном пути
 Войдет, осветит душу небыль,
 Когда на темно-синем небе
 Мерцают призраки светил!

КОВЧЕГ СПАСЕНИЯ

Ковчег спасения... Где же он?
 Не видно. Но уж меркнет солнце.
 Уже с небес набатный звон
 Над всей планетой раздастся.
 Уже земли ужасен вид.
 Немая скорбь объяла души.
 И море стонет и шумит
 Горит в огне великом суша!
 Куда ни глянешь — всюду бес.
 В усердьи мерзком и жестоком,
 И хляби ветхие небес
 Отверзлись и грозят потопом.
 Огонь и смерть со всех сторон.
 Повсюду тьма и запах смерти.
 Ковчег спасения.... Где же он
 В смертельной этой круговерти?

КОНЧАЕТСЯ ЛЕТО

Вот и кончается лето.
 Синяя дымка в полях.
 Тихо. На краски рассвета
 Сыплется лиственный прах.
 Вечером — синие дали.
 Звезды. Разлив тишины.
 Полон нездешней печали
 Свет разноцветной луны.
 Но в безмятежной погоде
 Боль в просветленной душе.
 Ах! Вот и лето уходит.
 И не вернется уже.

2021

Иван НЕЧИПОРУК

г. Горловка, ДНР

1975 г. р. Коренной горловчанин. В довоенном прошлом — шахтер. Выпускник Горловского ИИЯ и Славянского ГПУ. Зампредседателя МСП, член СПР, членкор Крымской литературной академии и Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Редактор донецкого журнала «Пять стихий». Автор нескольких поэтических книг.

Пожар вселенской паники,
 Агония огня.
 Мы страшных слухов данники,
 Прислуга злобы дня.
 И в ночь под новолуние
 Теряем правды нить,
 Чтоб поощрять безумие
 И страхом страх кормить.

А гиря века все чугуннее
 Т. Гончарова

Правит в отравленном мире
 Шестигодичная тьма.
 Нас продолжает ломать
 Века чугунного гиря —
 Пропасть становится шире,
 Лирики сходят с ума.
 Словно под ноготь иголка,
 Боль проникает, как ток.
 Кровью залитый Восток
 Воет отчаяньем волка...
 Время щербато и колко
 Бьется в скрещении строк.

Памяти Андрея Шишова

Изгиб гитары лопнул, и ты, раскинув руки,
Подрезанный осколком, под яблоней упал.
И пошатнулось небо, разрывов стихли звуки,
Поехали деревья, и утонул вокзал.
Поэты — не поэты, войне нельзя без жертвы,
И в небо, словно птица, отправилась душа...
Опять казенник вздрогнет, огонь исторгнет жерло,
Кто в бойне уцелеет — увы, не нам решать.

Моим родителям

Здесь запах тополей родней,
И ярче звезды.
Я на исходе светодней,
Ловлю течение теней
Под грохот грозный.
За перелесок нет пути,
Ни вдоль, ни между,
И здесь покоя не найти,
И лишь пока Дзержинск затих,
Дышу надеждой.
Обрыдло все давным-давно...
Безмолвность улиц,
Не объяснить глубоким сном,
Ночами страх стучит в окно,
Но чаще пули...

НЕ ГОВОРИ СО МНОЮ О ВОЙНЕ

Зачем ты бредишь печаль во мне,
Зачем тревожишь раненые чувства?
Не нужно черпать боль в моем огне,
Не говори со мною о войне!
Поговорим о кризисе искусства!
Давай болтать о ветре и траве,
О вечности поспорь со мной! Попробуй
Поговорить о Питере, Москве,
И пусть беседы льется тихий свет...
Ну, а война и так во мне до гроба...

Высоко над землей, над июльской опаловой степью
Мы стоим на вершине седой рукотворной горы.
Наших душ вдохновение птицею рвется в обрыв.
Предзакатье открылось во всем своем великолепии,
И весь мир восторжен, отбросив вериги жары.
Это лето для нас отзовется когда-нибудь болью,
Но сегодня есть «мы», и не хочется думать о том,
Что за гранью июня... Наступит ли наше «потом»?..
Мы с тобой на вершине, закатом горит дикополье,
И над нами курганник парит красно-серым крестом.

А я стою на вымершем перроне

И жду, что время на наживку клюнет.
Но жаркий полдень сизой птицей стонет,
И ангелок в сверкающем хитоне
Несется мимо знойного июня.
Мне не понять, где марево видений,
А где реальность пролетает пулей.
Но я — покорный раб тоски и лени
Жду от небес счастливых откровений,
Которые исполнятся к июлю.

Евгений ТРЕЩЕВ

г. Щекино Тульской области

Трещев Евгений Иванович — инженер, член СПР. Действительный член ПАНИ. Член щекинского ЛитО «Приушские просторы». Почетный работник общего образования РФ. Почетный работник газовой промышленности РФ. Почетный учитель. Ветеран газификации Тульской обл. Ветеран труда. Награжден шестью медалями и «Знаком ордена Доброты». Почетный гражданин Чернского р-на Тульской обл. Автор тридцати книг, в т. ч. первых в Тульской обл. муниципальных учебников «История родного края» для 7 и 8 классов, биографического справочника «Щекино в лицах». Имеет более трехсот публикаций в альманахах, журналах, коллективных сборниках, газетах. Главный редактор альманахов «Приушские просторы», «Солова», «Отчий край», редактор ряда книг, член редколлегии ряда изданий. Лауреат областных литпремий им. Л. Н. Толстого и В. Г. Лаврика, лауреат всероссийской литпремии «Левша» им. Н. С. Лескова, лауреат и дипломант многочисленных литературных конкурсов и фестивалей. Постоянный автор наших альманахов.

«ЗВЕЗДА ЗАЖГЛАСЬ В ЛУЧАХ ЗАКАТА»

РОССЫПЬ ЗВЕЗД ЯРКА И БЕСКОНЕЧНА

Догорает летняя заря.
И бледнеют, угасающие краски.
Солнцем разогретая земля,
Остывает от небесной ласки.
Ночь приходит. В небе — чернота.
Россыпь звезд ярка и бесконечна.
И заливиная песня соловья
Так чиста, задорна и беспечна.
Свежестью чуть тянет от реки
С неумолчным лягушачьим стоном.
А чарующие трели соловья,
Как сигнал любви летят над Доном.

ЛЕТО

Как приятно бродить по полям:
Воздух дразнит горечью полыни.
Кое-где желтеет уже рожь.
Зеленеют заросли рябины.
И гречиха красной полосой
Расчертила луг посередине.
Чуть вдали стоит дубовый лес,
Прибавляя прелести картине.
В зарослях орешника густых,
Перепутанных засохшею травой,
По оврагу ручеек бежит,
Брызгаясь, играет с листвою.
Стало жарко. Солнце поднялось,
Но в овраге сыро и приятно.
Посидев на рухнувшем стволе,
Собираюсь уходить обратно.

ЛУННЫЙ СВЕТ

В белесой пелене тумана
Затих, темнея мрачный лес,
Под лунным светом, полным тайны,
Спит в ожидании чудес.
Свет голубой, холодный, блеклый
Рождает теней череду.
И силой призрачной окутан,
Лес тихо внемлет колдовству.

СВЕТ И ТЕНИ

Ночь. Костер. Чудесная картина:
Отражение пламени в дыму
То дрожало, то как будто замирало,
Упираясь светом в темноту.
Необъятно высоко чернело небо.
Запахи струились из ночи.
В тишине, отбрасывая тени,
Лишь трещат, сгорая, угольки.
Пламя, вспыхивая, изредка бросало
Отблески за черную черту:
Лучики мгновенно исчезали,
Пробежав по пышному кусту.
Тени тоже в призрачном смятении
Двигались до самых огоньков.
И сгущаясь мрак сражался с светом,
Наступая, зыбясь, от кустов.

ПРЕКРАСНЫЕ ДНИ

Отгремели вешние ручьи,
Опустились белые туманы.
И в белесой дымке растворяясь
Утонули древние курганы.
Обновленный и чудесный мир
Осветился красками густыми.
Воздух опьяняюще душист
И настоян чарами лесными.
Проглянувший неба лоскуток

Ослепил волшебной синевою.
Как прекрасны были эти дни,
Рядом проведенные с тобою.

ПЕСНЯ

Ночь. Полянка. Дымок костра...
Песня нежная к небу льется,
Вместе с нею поют сердца
И любовь на свободу рвется.
В ночном небе горит звезда,
Между тучек блестит, мигает,
Вьется легкий дымок костра,
К звездам тянется, улетает.
Слышишь, тихо журчит река,
Дунул ветер. Опять стихает.
Как звенит серебром струна!
Тронет душу и замолкает.
На палатках игра теней,
Лес тихонько нам подпевает,
Песня льется сильней, мощней,
К сердцу тянется, зажигает.
Ночь. Полянка. Дымок костра.
Песня нежная к звездам вьется.
В одном ритме стучат сердца,
И любовь на свободу рвется.

У ОКИ

С берега крутого даль открылась,
Степь волнуется без края и конца,
А внизу течет, волной играя,
Славная, любимая река.
На воде играют солнца блики,
Воздух влагой напоен слегка,
Небо голубое-голубое,
А на нем пушинки — облака.
Розы над водой склонили ветки,
Шепчутся о чем-то у реки,
И под легким дуновеньем ветра
На волну ложатся лепестки.
Радуга на небе засияла
Душный день. Цветы благоухают.
Ожидая теплого дождя.
В небе быстро тучки проплывают,
Тéнями играя и маня.
Вот упала капля дождевая,
Пыль смывая, свежесть принесла.
Радуга на небе засияла,
И плывут под нею облака.
Шелестят зеленые дубравы
В мелких каплях летнего дождя.
В них, как в бриллиантах, отражаясь,
Радуга сияла и росла.

Светлана МАКАШОВА

г. Самара

Макашова Светлана Вадимовна работает специалистом Центра по мониторингу загрязнения окружающей среды. Стихи пишет с детства. Ее стихи были опубликованы во многих российских и международных журналах, альманахах и коллективных сборниках. Имеет авторскую книгу стихотворений «И звезды под ногами» (2015), сборники стихотворений для детей «Разноцветные рифмы» (2016) и «Рыжий дождик» (2017). Является финалистом, лауреатом и призером ряда всероссийских и международных литературных конкурсов. Член РСПЛ, член РОО «Союз писателей Крыма». Наш постоянный автор.

НЕРАВНЫЙ БОЙ

Вновь диалог поведу с собой,
В зеркале видя фею.
Бой мой последний, финальный бой
Я проиграть не смею.
Платье, каблук, макияж, парфюм —
Все учтены нюансы.
Мой арсенал поражает ум,
И у тебя ни шанса.
Буду хорошей, плохой — любой:
Матерью, дочкой, гейшей.
В этом (неравном) бою с тобой
Пусть победит сильнейший!
Знаю, победа мне по плечу,
Опытна, уж не двадцать.
Но почему же я так хочу
Не победить, а сдаться???
... И утонула в твоих глазах,
Словно в иных Вселенных...
(Если бы раньше мне кто сказал,
Что не берешь ты пленных!)
Взгляд их пронзительно-голубой
Вводит в поддобье транса.
Я проиграла финальный бой,
И у меня ни шанса.

И СНОВА В ОДУВАНЧИКАХ МОЙ ЛУГ

И снова в одуванчиках мой луг.
Как огоньки горят под образами,
Они повсюду — желтыми глазами,
Наполненными росными слезами,
Наивно и светло глядят вокруг.
Землею стать любимым суждено.
Уйдем и мы. Все это повторится.
И снова дождь омоет чьи-то лица,
И будут щебетать над нами птицы,
И пожелтеет снова луг весной.

У каждого свой ад и небеса.
И выбор сей случится неизбежно.
Не потому ль пронзительно и нежно
Следят за нами, чисто и безгрешно,
Любимых душ цветочные глаза...

МОЙ ГОРОД

Я снова здесь судьбе наперекор.
Обратно возвращаюсь, как беглянка,
Мой славный город, вставший спозаранку,
Ведет со мной неспешный разговор.
Опять ныряю в утро с головой,
Вдыхаю полной грудью свежесть улиц.
Проснулся город, жители проснулись!
Он тоже дышит, значит, он живой!
Он шелестит весеннею листвою,
Деревьев тени стелет, где придется,
И щурится от ярких бликов солнца,
Что отразились в лужах мостовой.
Нас разлучат, но я к тебе вернусь,
Преодолев печаль и километры,
К тебе, где на просторах плачут ветры,
Где катят волны ласковую грусть.
Так было, есть и повторится впредь —
Омыв ладони волжскою водицей,
Я вновь пойму: здесь стоило родиться,
Чтоб вырасти, и жить, и умереть.

КАПИТАН

У выцветших скал, что пропитаны болью земли,
Где берега шрамы стянулись на вспоротых ранах,
На дальних причалах скучают твои корабли
И грезят во сне о штормах и непознанных странах.
Поникли на рейде, дразнимые бризом с утра,
Готовые плыть за мечтою и присно, и ныне.
По их парусам так скучают морские ветра,
А их якоря заржавели в соленой пучине.
Проснись, капитан, мы направим свой путь
на Восток,
Где рыжее солнце над сизой горою крадется.
Твой путь неизведан, твой порт неизменно далек,
И путают мысли терзания первопроходца.
А тихие звезды устало нырнут в глубину,
И нежное утро забрызжет лучами рассвета.
Смотри же — твои корабли рассекают волну,
Подставив ветрам паруса бирюзового цвета!
Долой же те бухты, где нам навязали покой,
Где долго молчали и ждали у моря погоды.
Ликуй, капитан, твои чайки летят высоко,
И где-то вдали — как маяк, — вечный призрачный
свободы.

СТАРУХА

Старуха одиноко умирала,
Забывая и миром, и судьбой.
Уж отзвуки небесного хора
Ее влекли и звали за собой.

С покорностью и грустью беспредельной
 Тихонько покидала белый свет,
 Где затхлый плен далекой богадельни
 Ей стал приютом на остаток лет.
 А жизнь стрелою пролетела мимо,
 Виски покрылись седины золой,
 Была нужна — казалось, что любима.
 Обузой стала — да и с глаз долой...
 И согревал морщинистое тело
 Лишь огонек души, едва живой.
 Вокруг, как в пустоту, она глядела,
 Покачивая белой головой.
 Последний всхлип уткнулся в одеяло,
 Из зора что-то светлое ушло,
 И сын чужой, смахнув слезу устало,
 Запомнил рук прощальное тепло.

БЕЗ МОРЕЙ

На стылом дне ржавеют якоря.
 В душе сквозняк, и как-то опустело.
 Моя надежда птицей на моря
 Рванула бестелесно-оголтело.
 Я — в старый плед, как в кокон. Мир вокруг
 Бессмысленен и даже иллюзорен.
 Осенних листьев замерший испуг
 Дождливых будней сырости покорен.
 Нахмурен город в дымке сентября.
 Земля и небо. Я болтаюсь между.
 Моя надежда — птицей на моря.
 Я — в пледе. Без морей. И без надежды.

О ПОЭТЕ

Да что, друзья, мы знаем о Поэте?
 О скорбных думах на его челе?
 Его стихи — потерянные дети,
 Что разбрелись, блуждая по Земле,
 Его слова — израненные птицы,
 Что взмыли к солнцу, крыльями шурша,
 И в каждой буквы маленькой крупнице
 Дрожит его звенящая душа.
 Водовороты бурных лихолетий
 Преодолев, он пел свободный стих.
 Немало строк сложили о Поэте,
 И он — Поэт — живет всех живых,
 И путь его — благословленный свыше,
 Ведь, Богом поцелованные в лоб,
 Стихи поэты не слагают — дышат
 Стихами... Через мутное стекло
 Промозглых будней рифма искрой брызнет,
 И запылают вмиг в сердцах огни!
 Поэзия — она как образ жизни,
 Который невозможно изменить.

Ольга БОРИСОВА

г. Самара

Поэт, переводчик, писатель, публицист, член СПР. Автор одиннадцати книг поэзии и прозы, более ста пятидесяти публикаций и семисот пятидесяти статей. Победитель и призер ряда международных фестивалей и конкурсов в Чехии, Болгарии, Германии, Франции, Белоруссии, России и на Украине. Лауреат нескольких международных литературных премий. Стипендиат министерства культуры РФ. За успехи в литературе и культуре награждена медалью им. Е. Замятина и медалью «Великая Победа». Неоднократно побеждала в конкурсах переводов с болгарского и французского языков. Публикуется во многих российских и зарубежных журналах, в том числе Великобритании, Канады, Македонии, Сербии, Болгарии, Белоруссии, Украины, Чехии, Израиля и Греции. Стихи переведены на многие иностранные языки. О. Борисова — член Европейского конгресса литераторов (Чехия), гл. редактор литературно-художественных и публицистических альманахов «Параллели» и «Крылья», член редакционного совета журнала «Белая скала». Член ЛИТО «Точки» при Совете по прозе СПР. Председатель Самарской РО РСПЛ. Участник документальных фильмов, показанных многими российскими и зарубежными телеканалами. Рассказ «Черные птицы» прозвучал на радио Гомель-Плюс (Белоруссия). О. Борисова член международного жюри, в т. ч. и по переводам. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ВЗДЫХАЕТ НЕБО

Пугливо солнце прячется за тучи,
 Вздыхает небо сотый раз подряд.
 Грозит нам ветер пылкий и колючий,
 И в небе бьется огненный разряд.
 Гроза сомкнула разом параллели,
 А город жив и встал в победный рост.
 Гонимы бурей, тучи вдаль летели,
 Прижав под брюхо, сине-куцый хвост.
 Упали капли: первая, вторая,
 Гром огрызаясь, тявкнул в стороне.
 Дождинки окропили бок трамвая
 И начертили знаки на стене.
 И улынулись липы в старом парке,
 Расправив плечи, грезили они.
 И лужи рассекали иномарки,
 Спешили вдаль и в будущие дни.
 Земля очнулась. Звон во всех пределах,
 Он сыпется на плечи горожан...
 Я бархатную веточку задела,
 И капельки на ней еще дрожат.

НОЧЬ ЛИЛОВЫЙ ГЛАЗ СКОСИЛА...

Ночь лиловый глаз скосила, смотрит в темное окно.
Взглядом были воскресила, позабытые давно.
Всколыхнула разом память, забрала покой и сон.
Завертелась в сердце замять с думой грустной
в унисон.

Словно вдруг окликнул кто-то, на извилистом пути
И мелькнул за поворотом, чтоб в бессмертие уйти.
И мне вспомнилось бывшее, дом с крылечком у реки.
Детства время золотое, злему веку вопреки...
Промелькнули дни и годы. Всем отмечен жизни
срок.

По Земле бредут народы, заступая за порог.
Каждый крест несет заплечный на людской
и Божий суд.

И поток сей бесконечный, и несут, несут... несут...

БЕСКРЫЛАЯ

А годы, строптивые белые птицы,
Расправив крыла, исчезают вдали.
Бескрылым — незримы иные границы,
Их манит к себе притяженье Земли.
Я тоже бескрыла, я тоже земная
И с миром подлунным сроднилась давно.
Но слышу ночами, как ветры стенают,
Упрямо стучатся и бьются в окно.
Что им до рассвета, до всполохов ярких
На небо всходящей кровавой зари.
И жалоб на крыше испуганной галки,
И света, что сеют еще фонари.
Посланцы небес, им неведомы чувства,
Они грозовую приносят печаль.
И пляску на стеклах, и ярые буйства,
И вечности знак — горевую печать.

ДОЧЬ ЗЕМЛИ

Я дочь Земли и всем — сестра. Я создана из глины.
Вдохнули жизнь в меня ветра под клевет
журавлиный.
Ручей мне песни звонко пел, летать учили птицы,
И согревали жаром тел степные кобылицы.
Природа мне давала сил, вселяли мощь стихии,
И божий мир покой сулил, но дни пришли лихие.
Плыла волнам наперерез в лодчонке неказистой,
И дождь кропил меня с небес и плакал голосисто.
Но крылья-весла вдаль несли к неведомой мне цели.
На рейд, туда, где корабли у берегов белели.
Вот мой причал и берег мой. Здесь небо блещет
синью.
И солнце с рыжей бахромой, и пахнет дом
попынью.

ЗРИМОЕ

*Половина неразберихи в мире происходит
от того, что мы не знаем, как мало нам нужно.*

Ричард Бэрд

Накопилась усталость, тоска, безнадега.
Стало прошлое зримым, а цели ясней.
За спиною змеится полоской дорога,
По которой брела в суматошности дней.
На крутых виражах, по двадцатому веку,
Спотыкалась и шла вместе с нищей страной.
Кто-то камни бросал под ступни человеку,
Чтоб свернул он с дороги и шел стороной.
Искалечены ноги и платье в заплатах,
И котомка пуста, не звенят в ней гроши.
Я вошла в новый день под величье заката,
И мучительный вздох непорочной души.

ЧАСОВЩИК

*Ты, ключи вонзивший в сердце Часовщик,
Пожалей меня за то, что я — старик...*

П. Антокольский

Часовщик часы заводит ровно в полночь, лет уж
сто.

И дозором дом обходит в темном сумраке густом.
А в руке большая связка из серебряных ключей,
При ходьбе слышна их пляска, виден блеск
его очей...

Мне поведал тайну эту дед в заброшенной глуши.
Часовщик, не дай поэту изнывать в ночной тиши.
Мне явись в обличье светлом, отвори со скрипом
дверь,

Пусть повсюду бродит ветер. Ночь шагами ты
измерь.

Но мое не трогай время, спрячь звенящие ключи.
Нелегко твое здесь бремя, что в награду получил.
Я свое несу покорно сквозь туманный скорбный
век,

И творю стихи упорно, чтобы мыслил человек.
Тихо в доме. Утро скоро постучит лучом в окно.

Дед в предутренней истоме очарован сладким сном.
На стене часы вещают, обходя привычно круг.
На столе ключи сверкают, оброненные из рук.

НОЧНАЯ ПРЯХА

Тень прядет ночная пряжа из болотной тины.
В складках черная рубаха, башмаки из глины.
Тлеет желтый свет лучины в лубяной избушке,
Гнет устало к долу спину мрачная старушка.
Тень — к двери и ускользает с ветхого порога,
Ликом черным лес лобзает, бродит по дорогам.
А на зорьке сонной змейкой прячется в озерах,
Дремлет в гуще тины клейкой на ее узорах.
Я бреду под вечер тропкой, шорох за спиной.
Оглянулась, следом робко тень бредет за мною.
Вдруг вскричали громко птахи. Зашумели липы.

Слышу, кличет детку пряха, слышу вой и скрипы.
Отстранилась тень пугливо, мечется в тревоге,
В чаще скрылась торопливо, в сумрачном чертоге.
Ночь ползет, как черепаха, потемнели дали,
У кудели снова пряха сгорблена в печали.

ГОРОД-КОВЧЕГ

Этот город, что Ноев ковчег. На борту его люди и звери
обрели и приют, и ночлег, и надежду во что-то
поверить.
Он плывет по волнам и судьбе, по отмерянными
векам и веку,
в каждодневной упорной борьбе открывает миры
человеку.
В нем плодятся, возводят дома, познает неоткрытое
гений
и строчит беспрерывно тома, снизошедших ему
откровений.
В нем надеются, любят и ждут, доверяют все сущее
небу,
торопливо здесь будни текут, и творятся дела
на потребу.
В клетках комнат, с оградой стен, кто-то грустно
мечтает о чуде
и разительных ждет перемен, но о чем-то,
о главном, забудет.
А стремительный город-ковчег по волнам
отправляется в завтра,
по течению таинственных рек, оставляя кружочек
на картах.

Олеся МАМАТКУЛОВА

г. Алексин Тульской области

Родилась 19 февраля 1980 г. в г. Щекино Тульской обл. Учитель биологии и географии. Автор четырех сборников. Лауреат ряда районных, областных и московских литературных конкурсов. Имеет публикации в альманахах России и Польши. Член

ОМЛО «Муза». Член СПР. Член АРЛ. Постоянный автор нашего альманаха.

Босиком пройти бы, не боясь занозы,
По траве зеленой, где журчит ручей.
Где вплетает солнце молодой березе
Невитые нити золотых лучей.
Погулять бы вволю на дневном припеке,
Наиграться с ветром, разум прояснив,
Да взбежать вприпрыжку на бугор высокий,
Надышаться чтобы запахом весны.
Облаков коснуться, будто мягкой ваты,
Постучаться робко в старый отчий дом,
Да стакан компота выпить прямо залпом,

Вытирая губы мятым рукавом!
На крылечко выйти, да вздохнуть всей грудью,
До чего ж красиво! Не сыскать и слов!
То коснулась сердца легкой, светлой грустью
К моей малой родине чистая любовь...

МЕТЕЛЬ

Пеленала метель и баюкала
Сонный мир, как родное дитя.
Перелесками шла и проулками,
Мягким снегом чуть слышно хрустя.
Пела песню под звуки бубенчиков,
В белой люльке хранила тепло.
Все смотрела мне в окна застенчиво
И стучалась легонько в стекло.
Материнской любовью лелеяла,
Чистой гладью стелила дворы,
От дыханья холодного севера
Торопилась деревья укрыть.
Куrolесили ветры неистово,
Пряча хвост в подворотни домов,
Но сверкали полотнами чистыми
Тротуары и ленты дорог.
Хороводя неспешно мгновения,
Ворковали часы на стене...
И души моей робким спасением
Падал с неба серебряный снег.

А ПОМНИШЬ?

А помнишь: ждали мы тепла,
Когда метель, взвзвешив гриву,
Рыдала фурией сварливой
И выбелкой дворы мела?
А помнишь? Ждали мы апрель!
Когда ветра терзали душу,
Как мы бежали в дом от стужи
И закрывали крепче дверь!
Когда снега, как валуны,
Давили землю тяжким грузом,
И с крыш сосулек висли друзья —
Как ждали мы с тобой весны!
Как дни считали!
Будто встарь — по пальцам!
Помнишь ли?
Я помню!..
Как смело скальпелем огромным
Лучи пронзали неба хмарь!
Как будто тонкие ножи,
Кроили сумрак, в чудо веря...
И знаю я: лихое время,
Нам надо просто пережить.

ОЛЕНИХА

Вяжет утро туманные шарфы,
Укрывая седое жнивье.
По лесам оленихой поджарой
Ходит осень, копытцами бьет.

Осыпает листву позолотой,
Затевая с ненастьем игру.
Отдается серебряный цокот
Колокольцем на зябком ветру.
Звон летит — слышно долгое эхо —
Благовестом по мирной земле.
Осень-осень — еще одна вежа
В бесконечном кружении лет.
Осень-осень — еще одна правда,
Что горька и знакома на вкус...
В листьях — будто в соцветиях радуг —
Беспечальная, светлая грусть.
Беззаботная, детская шалость —
Полететь и упасть на жнивье...
По душе оленихой поджарой
Ходит осень, копытцами бьет.

Я СЛУШАЮ ОСЕНЬ

Я слушаю осень —
Дыханье прохлады.
Мне ветер доносит
Слова листопада:
Все тленно-ничтожно,
Укрыто туманом...
Путь осени сложен
Мольбой покаянной,
Что в крике вороньем,
В березовом скрипе,
Летит долгим стоном
Простите, простите...
Все выше, и выше,
В единое слито...
Но будто не слышит
Никто той молитвы.
Как будто у неба
Ни веры, ни сердца,
И требуй — не требуй,
Ничем не согреться!
Размыты дороги,
Рассвет еле брезжит.
Потеряны крохи
Последней надежды.
Груз прошлого тяжек,
И осень, как нищий,
Сама от себя же
Спасение ищет.

Николай ТИМОХИН

г. Семипалатинск, Казахстан

Родился в Казахстане, в г. Семипалатинске. Член СПР, член СЖР. Автор многочисленных книг стихов и прозы, вышедших в разное время в Казахстане, России, Канаде и Германии. Член редколлегии и зав. отделом поэзии литературно-художественного журнала «Приокские зори» (Тула, Россия), член редакционного совета и зав. отделом поэзии литературно-художественного альманаха «Ковчег» (Тула, Россия). Обладатель памятной медали Николая Рубцова (2020). Наш постоянный автор.

Подумай, что теперь скажу я дома,
Когда услышу: «Где была всю ночь?
Ответить только правду ты готова?
Тебе шестнадцать лет всего лишь, дочь!»
Я про подружку сочиню, конечно,
И про ее веселый день рождения.
И обману родителей, неспешно,
Не вызвать чтобы лишних подозрений.
Но вот когда я встречу парня снова
И полюблю его уже всерьез,
Ответить правду буду ль я готова,
Ему про нас с тобой? Вот в чем вопрос!
Он скажет мне, что «молодой, красивой,
Не думая, ты потеряла честь».
Но не нашла в себе вчера я силы,
Чтоб удержаться пред соблазном! Есть
Ведь в голове моей так мыслей много,
Но не найду готового решения.
Невольно буду думать всю дорогу,
Как бросить эти наши развлечения?!
А я ко взрослой жизни не готова.
Так стыдно — прогуляла ведь всю ночь!
И что родителям скажу я дома?
Когда услышу: «Где была ты, дочь?»

ПЬЕР ДЕ РОНСАР

Из второй книги «Сонеты к Елене»
(Перевод)

*Почти во всех странах переводчики упражняются
в мастерстве перевода этого знаменитого стиха:
«Когда, старушкою, ты будешь пряхь одна...»
(оригинальный перев. В. Левика)*

Когда Вы в старости, однажды, перед сном,
Прядущая в тиши, при тусклом свете,
Сонет прочтете, вспомнив о поэте:
«Любя меня, Ронсар не думал ни о чем».
Служанка в тот же миг, услышав это,
Чуть задремавшая, посмотрит вдруг на Вас.

При громком имени Ронсара, в сей же час,
Обрадуется, что Вы им воспеты.
Но стану я уже как призрак под землей
Лежать под миртами, обретший свой покой.
И снова сгорбленная с пряжей у огня —
Вам будет жаль, что мной пренебрегали.
Красивым завтра может стать едва ли,
Как розы жизни из сегодняшнего дня.

Яков ШАФРАН

г. Тула

Член АРЛ, РСП, СПП при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий: им. Н. С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г. Д. Гребеникова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного, номинант на премию

«Поэт года — 2019». Его имя занесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность» и в биографический словарь «Писатели земли тульской». Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори», член редакционных советов: Вестника Академии российской литературы «Московский Парнас», музыкально-поэтического альманаха «На лирической волне» (Тула) и музыкально-литературного альманаха «Тульская сторонка». Награжден многими медалями, дипломами и грамотами.

Смотрю в окно. Метель. Все белое.
Сидеть бы дома. Но пора.
И выбегаю смело я
В объятья зимнего двора.
Зимой — восторг преодоления.
Из детства радость игр в снегу.
В поток слагаются мгновения —
Душа поет, когда бегу.
Сегодня я в сугробах первый —
Не жду готовые пути.
В трудах таких крепчают нервы,
И эйфория впереди.
Вокруг меня краса земная.
И те минуты хороши:
Моя пробежка — это знаю —
Этап дистанции души.

Давно отлетели те птицы,
Что летом так пели в саду.
Давно уже их вереницы
Умчались к другому гнезду.
Как их возвращенье нескоро,

Когда песнь продолжают свою, —
В далекую майскую пору
Я первую встречу семью.
И чувства, застыв в межсезонье,
Хотели бы ввысь улететь
И крылья расправить спросонья,
Покинув квартирную клеть.
Поднявшись к обители Света,
Потом возвратиться к Земле,
Неся с собой зерна расцвета
Для тех, кто страдает во мгле.
Избыть чтобы темную пору,
Избыть чтобы злобу и грязь,
Чтоб люди в духовном опору
Нашли, со Христом единаясь.
Сумели от тьмы откреститься
И в руки судьбу свою взять,
Когда перелетные птицы
Вернутся весною опять!

Почему с каждым годом
Так безрадостен день,
Всяк спешит мимоходом
Бросить тень на плетень?
Почему с каждым годом
Меньше верных путей
И полны безысходом
Взоры встречающих людей?
Не читаются книги,
Не мечтается вширь,
И расходы — вериги,
И духовный пустырь.
Нет движения к цели,
Перспектив у детей,
Пустозвонство на деле,
Или зыбкость корней...
Пред собой будем честны —
Тот, кто в правде, и свят.
Нам причины известны —
Нашей жизни уклад.
Отвести энергично
Кто же сможет беду? —
Капитал, как обычно,
Неподвластен стыду.
И пока только зреет
В своем гневном народе,
Там, вверху, поумнее
Кто-то силу возьмет? —
Восстановит средь башен
Царство правды идей:
Маяки жизни нашей
И России моей!

Над Землей плывут невзгоды —
Серых будней облака,
Как пригнула все народы
Неизбывная тоска.
Ходит слух по белу свету, —
Как всегда добро губя, —

Упыри хотят планету
Сделать домом для себя.
Может и ношение масок —
Тренировка для того,
Чтобы люд от этих сказок
Позабыл про естество?..
Боже мой, когда же песни
Над Землею полетят?
Светлый мир когда воскреснет,
Затворив дорогу в ад?
Ибо песня, как молитва,
Для которой нет преград,
Ибо песня — это в битве
Самый главный из солдат.
И она одним звучаньем
Темных цепи разорвет,
И весь мир своим сияньем
Солнце радости зальет!

Метет, снег метет беспрерывно,
Сугробы кругом намело.
И ветер поет заунывно,
Душе в эти дни тяжело...
По тропке, едва проторенной,
Старушка тележку везет.
И видно по ней, изнуренной,
Как тяжек сознания гнет.
В тележке продукты, наверно.
Но только откуда они?
Голодному мусор не скверна —
Такие тяжелые дни...
Застыла, расправила плечи,
Смахнула снежинки с лица.
А топать в сугробах далече —
Призвала на помощь Творца.
И вспомнилось снова бесстрастно
Судьбы ее длинная нить:
И жизнь прожила не напрасно —
Теперь на гроши не прожить...
Везет она груз свой по тропке —
Одна: ни детей, ни родни,—
На встречных взирает так робко,
Во взоре одно: «Подмогни...»
А снег все метет над страной
На бедных, богатых, на — грех,
Лавиною вьюжной сплошной
Метет, не взирая, на всех.
Господь же глядит в поднебесье
На виллы, дворцы и — дворы,
На доброе и — мракобесье,
Глядит до известной поры...

Переменчива ныне погода.
Ведь земля наша очень больна.
То же самое с временем года —
То ли осень, а то ли весна.
А в далекие детские годы,
Если грянет зима, то зима!
(Правда, были и там эпизоды,

Только редкими были весьма...)
До сих пор та далекая сказка
Присылает из детства дары.
Как вчера — мы в мороз на салазках
Иль на лыжах катались с горы.
А потом залезали на печку,
Были мы тогда, впрямь, богачи:
Там была у нас библиотечка,
Там читали до самой ночи.
О, как книжки читались с мороза,
Как о дальнем мечталось в тепле!
Недосуг, что в окошко береза
Нам стучала о будущем зле...
И среди материнской заботы,
И от бабушки ласковых рук
Еще больше стремились в полеты,
Еще больше теплело вокруг.
Потому и в сегодняшнем мире,
Среди тьмы равнодушья и лжи,
Видим мы все яснее и шире
Светлых дней впереди рубежи.
Потому, не приемля содома,
В предвкушении дальних путей,
Тем теплом того отчего дома
Греем души свои и людей.

Нежданный снег в конце апреля,
В сугробах двор и сквер вокруг.
Вместо зеленой акварели
Все в белом оказалось вдруг.
А на ветвях раскрылись почки,
И устремилась в рост трава...
Зима ли, чтоб вернуть денечки,
Находит веские слова?
Иль просто так ошиблась датой
И потому к нам забрела,—
Укутан двор наш белой ватой,
Такие ныне вот дела.
На лавке под навесом кошка
Мяучит — в толк не может взять:
Была дорожка как дорожка,—
Теперь приходится нырять.
И, выбежав гулять, собачка
Обратно просится домой.
Она от снега не мерзлячка,
Но полон двор под ним водой...
Случилось что с моей сторонкой?
Какие нынче времена? —
То легкомысленной девчонкой
В окошко смотрится весна.

Среди травы высокой
Сверкают росы-слезы,
И в роще одинокой —
Плакучие березы.
По ласковому небу —
Кругами птицы вольны
Творят, похоже, требу
По просьбе белоствольных.

Свободный дует ветер,
С листвою танцует рьяно.
Перед закатом вечер
Рисует сон багрянный.
И на душе тревожно,
И нет, как нет покоя:
В стране все так безбожно —
Что со страной такое?
В душе — одни вопросы,
И плачет в небо глядя:
Извне, внутри угрозы,
Нет речи об отраде.
Одна надежда в Свете.
«Гряди! — одна молитва
И в ночь и на рассвете: —
О, будь победной, битва!»

Что на старость пенять? Разве есть она, старость?
Просто раз порешил не меняться — и вдруг,
Не спросясь, навалилась тоска и усталость,
И стал малым занятий и радостей круг.
Просто раз порешил: что хорошее было,
И не будет хорошего уж ничего,
И душа, что летала, вдруг стала бескрылой
И свернулась в двумерное вдруг существо.
Просто раз запретил себе думать о чуде
И решил: просто нужно дожить до конца.
Вот тогда-то казаться и начали люди
Серой массой пустой — без ума и лица.
Просто стал опасаться неудач и ошибок,
И поступков не стал никаких совершать —
Сразу свет стал в душе так туманен и зыбок,
Сразу дух потерял свою прежнюю статью...
Скажем старости — «Нет!» И меняться мы сможем,
И хорошее будет у нас впереди,
И подъем неминуемо будет возможен —
Если к Небу без страха мы станем идти!

Вот под окнами пышные липы.
Окунаются вязы в закат.
Где-то слышны гармоники всхлипы,
А о чем они — и невдогад...
Снится, снится... То сердце к былому,
В милый край, где родился, зовет.
Соберусь, полечу по-простому,
Постою у родимых ворот.
Может, место родное подскажет,
Как ошибок я мог избежать.
Но в окошко хозяйка мне скажет:
«Что, мужик, заплутался ты, знать?»
Постою, дам свободу мечтаньям
И припомню свой пройденный путь.
Но ошибки сродни испытаньям,
Испытанья назад не вернуть.
Вспять пройти не удастся по жизни —
Или пасть, или только вперед.
Вспять пойти — это сделаться слизнем,
Пусть у тех, у родимых ворот...
Мне все снятся под окнами липы.

Это край, где родился, зовет,
Чтобы в путь, несмотря на ушибы,
Собирался я — только вперед!

Совсем скукожены листы
Жарой, неслышанною, лета,
Пожухли травы и цветы,
Хоть осени не видно следа.
Стихии ярились давно,
Чтоб на людей пойти войною.
Но ведь поистине грешно,
Чтоб дух мой покорился зною.
И сердце вдаль, сквозь зимний сон,
Уже сейчас стремится с силой
В весенний капельный трезвон,
В рассвет весенний, светлокрылый,
Когда природа победит
В сраженьи со стихией злою,
Когда душа воздвигнет щит
Между собой и черной мглою.

(Стихи 2021 г.)

Валентина ПИНАЕВСКАЯ г. Тула

Автор пейзажной, религиозной, философской, патристической лирики. Пишет хокку и малую прозу. Печаталась в сборниках и альманахах Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга, Новомосковска, Плавска, Щекино, Вельска. Финалист международного конкурса «Бежин луг», посвященного 200-летию И. С. Тургенева. Участница ОМЛО «Муза». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ЗИМНИЙ МОТИВ

Зима феей сказочной с неба спустилась,
Как будто из детских несбывшихся снов,
Нетронутым пухом земля нарядилась,
Лишь в поле виднеется строчка следов.
Заря, потянувшись, встречает с улыбкой
Хозяйку холстов из парчовых снегов
И ветер, владеющий мастерски скрипкой,
Выводит мелодию прошлых веков.
И кружатся в вальсе красавицы сосны,
Поправив напудренные парики.
Как в радость им воздух пьяняще-морозный
И как грациозны они и легки!
А дуб, по-гусарски обнявши рябину,
Ей шепчет признания в вечной любви.
Тем ярче сверкают на солнце рубины,
Чем крепче ветвями стан тонкий обвит.
Кусты у реки в стадо белых оленей
Сугроб, словно скульптор, за ночь превратил.
Снегирь примостился на ветке сирени,
Дополнив пленительный зимний мотив.

Даль так широка и по-русски бескрайна,
Что сердце восторженно бьется в груди
Особенным чувством присутствия тайны,
Разгадки которой ты ждешь впереди!

В МАРФО-МАРИИНСКОЙ ОБИТЕЛИ

Осень в Марфо-Мариинской
Милосердна и тепла.
От того, что небо близко,
От того и грусть светла.
Чье-то скромное оконце
Украшает листопад.
Тополь царские червонцы
Сыпать на дорожки рад.
Лик святой Елизаветы
Дарит благодный покой
Песней в сердце отогревом:
«Бог со мной и Бог с тобой...»
Как же вольно и просторно,
Будто снято сто оков!
Смотрит Спас Нерукотворный
И не нужно лишних слов.
Получив благословенье,
Недосуг теперь грустить,
Собираюсь в воскресенье
Заболевших навестить.

СТИХИ И КОФЕ

Зарифмую бодрящий напиток
С пробуждением новой зари.
Облаков фиолетовый свиток
Тайну дня сохранит до поры.
Пригубил вождельного кофе
Ветерок, прилетевший с полей.
На страницах рождаются строфы
Самой сладкой из мук на Земле.

СОБАЧЬЯ ПРЕДАННОСТЬ

Зажимаю беду в горсти
и креплюсь, чтобы не заплакать.
Запоздало горьким «прости»
вторит воем у ног собака.
Верный пес не ест и не пьет,
понимающий взгляд все строже.
Осознал, что уже не придет
тот, который всего дороже.
День девятый. Сороковой.
Люди. Рюмки. Слова. Поминки.
Пес в прихожей едва живой
обнимает его ботинки.
Уместилась вселенская скорбь
в исхудавшем собачьем теле.
Осторожно: «Ну, что ты, Лорд...
поживем ...еще... в самом деле...»
Не услышал. Совсем одна.
Дни и ночи грустны и чутки.

Со слезами смотрит весна
на взошедшие незабудки.

СНЕЖНАЯ ЗИМА

Какая снежная зима!
На удивленье.
Вершит в небесных закромах
Снеготворенье.
И укрывает, осмелев,
Дома по крыши.
Метель слагает нараспев
Четверостишья.
То угрожающе поет,
А то по-детски.
То просветленная вздохнет
Стихом библейским,
Стараясь, тщательно равнять
Холмы и ямы
И осторожно пеленать
О детстве память.
К утру затихнет ветродуй.
Кто до колодца
Рискнет пробраться за водой
Первопроходцем?

Елена КАЗЛОВА

г. Курск

*Елена Алексеевна Казлова
родилась 29 декабря 1999 г. в г.
Рыльске Курской области. Явля-
ется студенткой Юго-Западного
государственного университета.
Стихи и рассказы публиковались
в журналах «Мурзилка», «Дет-
ское чтение для сердца и разума», в газете «Район-
ные будни». Финалист литературных конкурсов
«Ступень к Парнасу», «Мистер Добрый дом». При-
зер конкурса переводов немецкой поэзии.*

ЭТО КАНУН ПОКРОВА

Это канун Покрова:
Ветер свалил плетень,
А на лугу корова
Ходит последний день.
Больше не греет солнце,
Топится в хате печь,
Тихая песнь поется,
Плавная льется речь.
В норы седого леса
Леший загнал зверей.
Зыбкий туман-завеса,
Скрой наготу ветвей!
Бледный листок кленовый
Спросит у синей тьмы:
— Это канун Покрова?
— Это канун зимы.

ТИХО РОЖЬ ПОД ГОРОЙ ЗЕЛЕНЕЕТ

Тихо рожь под горой зеленеет,
Спят утята на том берегу,
Похвалить я свой край не умею,
Я красиво сказать не могу.
Мне проснуться на сене — отрада,
Мне уснуть на печи — благодать.
Лишь от кладбища веет прохладой,
Там отец мой схоронен и мать.
Но здесь юность моя не кончается.
По реке мой кораблик плывет,
Вот девчонка седая купается,
К ней любовь никогда не умрет.
Я водой напиваюсь колодезной,
Я крапиву срезаю косой,
Я смеюсь, когда путники косятся,
Мол, остался здесь кто-то живой.
Семь домов и один не заброшен,
Детский смех здесь не слышен теперь,
Опечален я и огорошен,
Тем, что гость не стучит в мою дверь.
Дышит вечер прохладой, темнеет,
И корова ревет на лугу.
Похвалить я свой край не умею,
Я красиво сказать не могу...

САД

Я встретила с тобою, дивный сад,
Ты мне приют и кроткий утешитель.
И шум листвы, и нежный аромат
Меня несут в мечты святой обитель.
Моя любовь, верни меня назад,
К истокам жизни радостной и яркой,
Когда душа впервые нашла клад,
Нашла тебя в зеленый день и жаркий.

ЛЕС

Открой свои тайны, чарующий лес,
Дай мыслью великой согреться,
От старой сосны до высоких небес
Бредет твое храброе сердце.
Излей свою душу, мою успокой
И снова вдохни жизнь в природу,
Незримой, но сильной своею рукой
Пиши добродетели оду.

Игорь ЕГОРОВ г. Омск

Коренной омич (родился в 1951 г.) Окончил омскую СОШ №19 (в настоящее время гимназия № 19), Омский политехнический институт, Международную академию менеджмента. Работал в научно-исследовательских институтах Омска, на кафедре физики в Омском технологическом институте (вел курс термодинамики и теории теплообмена), был сотрудником издательств. Автор ряда книг стихов, прозы, переводов с английского. Лауреат премии губернатора Омской обл. «За заслуги в развитии культуры и искусства» им. Л. Н. Мартынова. Серебряный лауреат XV Международного литконкурса «Золотое перо Руси». Дипломант областного литконкурса Минкультуры «Лучший рассказ XXI века». Некоторые стихи переведены на болгарский, украинский и английский языки. Член СРП. С 2011 г. глав. редактор литературно-художественного издания-тандема: журнала «Иртышъ-Омь» и альманаха «Тарские ворота». Постоянный автор нашего альманаха.

ТЕЛЕФОН В НОЧИ...

Вечерний воздух околдован
Морозной стылостью ветвей.
Я голос твой по телефону
Ловил, как память быстрых дней,
Дней, не успевших воплотиться
В счастливейшее забытье,
В то — реющее легкой птицей —
И не мое, и не твое!..

Весна заметна даже в феврале,
В морозной стылости и солнечном скитанье...
Прольется светом, музыки светлей,
И отлетит... но близкой сразу станет!
И ловит сердце тающую нить,
И ожиданьем встречи вдруг охвачен!
И вопреки последним неудачам
Так хочется любить!

Сколько счастья и ожидания
Ласки жгучей молодой! —
Мне идти к тебе на свиданье
В этот сумрак зимний такой...
А потом на путях трамвайных,
Где лишь ветер и тишина,
Вдруг воскликнуть почти отчаянно:
«Где ты молодость!.. Вновь весна!..»

Скажи мне, что-то есть
За этим поворотом?
Какая ветра спесь,
Каким ведем расчетом?
Скажи мне, мой двойник,
Что жест судьбы вдруг значит?
Откуда он возник,
Чтоб все переиначить?!..

Ты будешь слать мне письма из Парижа!
И вдруг представлю я тебя той Самари*,
Волшебно-светлой, золотисто-рыжей!..
И что тогда, вообще, календари?!
Но есть особый календарь — любви,
И вот его-то я не позабуду;
Перевернуть его — подобно чуду:
И входишь в сад, где солнце, соловьи,
И ты навстречу — только позови!
И нету расстояний для любви!..

ТЕЛЕФОН В НОЧИ

Я хочу, чтоб ты мне позвонила!
Если б голос немислимо милый...
Нет ни ссор, ни обид, ни потерь!
Отвори виртуальную дверь,
И я хлыну, как солнце, к тебе!
Позвони же навстречу Судьбе!..
Я хочу, чтоб ты мне позвонила.
Пусть взорвет эту тьму
Твой звонок!..

Игорь МЕЛЬНИКОВ

г. Тула

*Член СПП при МГО СПР.
Участник литературно-музыкальной студии «Вега». Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова в номинации «Поэзия» (2014 г.). В 2015 г. награжден медалью, выпущенной к 60-летию МГО*

СПР. Автор четырех поэтических сборников. Стихи опубликованы в литературных журналах и альманахах Тулы, Омска, Москвы и Санкт-Петербурга. Наш постоянный автор.

Ночь взрастила звезд плоды
На полях своих бескрайних.
Собирая звезды, тайно

* Жанна Самари — известная французская актриса, изображенная на картинах Огюста Ренуара. (Примечание автора).

Совершай сии труды.
Не нарушив тишины —
Тишина не терпит шума,—
Как немтырь, усердно думай
О сиянии весны.
Богатейший урожай!
Столько радостного блеска!
Ты, пожалуйста, не мешкай,
Впрок светила собирай.
Чтобы хладною зимой,
Слыша чайника шипенье,
Кушать звездное варенье
Из тарелочки с каймой.

ГЛУХАЯ ЛИРА

Звучи, звучи глухая лира!
Ведь одурманивая тех,
Кому по нраву бренность мира,
Ты завоюешь свой успех.
В плохих стихах поэт виновен,
Пусть он — талантливый поэт.
Глухая лира не Бетховен,
Не зажигает в душах свет.
Лишь смрадный сор негативизма
Всплывает хлопьями со дна.
А где поется песня Жизни,
Там лира звонкая слышна.

Темнеет небо над избушками.
В седой дремоте фонари.
Мы так легко черствеем душами
И слишком много говорим.
О модернизме и политике.
О штампах вроде — «жизнь — игра».
Вина еще маленько выпито,
А мы уже профессора.
Ты горожанин посолидневший,
Так объясни, пока не пьян —
Тебя в селе почти что вымершем,
Кто встретит? Ветер и бурьян?
Святое ластиком стирается,
А мы бодримся, как в кино.
И то, что нами измышляется,—
Бредово, глупо, не смешно.
Пусть кто и скажет что-то дельное,
Уставши клоуна включать.
Но мы заслужим уважение,
Когда научимся молчать.

Здесь не глушь. Россия просто.
Трудолюбие и лень.
Пробок нет. Есть только версты
И скелеты деревень.
Где без шума да без пыли
Люди русские живут.
Их родители учили,
Как хороший институт.

...Побеленными полями,
 С допотопным вещмешком,
 Утишая брань стихами,
 Человек идет пешком.
 Он идет со снегом в ногу,
 Сквозь невзгоды и года.
 То тихонько просит Бога,
 То бунтует иногда.
 За рекою церковь дышит,
 Хоть заброшена — жива!
 Едешь дальше, едешь тише —
 Вековые деревья
 Шелестят слова простые
 Заповедной старины.
 Не провинция — Россия!
 И глаза ее ясны.

Анна МИКАЕВА

г. Отрадный Самарской обл.

Поэт, председатель Отрадненского отделения Самарской РО РСПЛ, член Правления организации, руководитель литературной гостиной «Вдохновение». Автор четырех книг. Публикуется во многих альманахах и журналах. Победитель, фина-

лист и дипломант ряда фестивалей и конкурсов. Награждена Почетной грамотой РСПЛ (2016 г.). Постоянный автор альманаха «Ковчег».

СТАРЕЙШАЯ ПО РОДУ

*«С любовью смотрите на нас,
 Мы были такими, как вы,
 Вы будете такими, как мы».*

Осетинское изречение на склепе
 в «Городе Мертвых».

На жизни бег смотрю с вершины
 Прожитых в суетности лет.
 У каждого свои причины,
 Ухода в сумрачный рассвет.
 Не понаслышке, не по книгам,
 Но видела я много раз,
 Как жизнь, вдруг оказавшись мигом,
 Слезою скатывалась с глаз.
 С каким достоинством держался
 Супруг, сгоревший как свеча.
 Кружился снег, фонарь качался,
 Была молитва горяча.
 Лежала мама королевой!
 Пред красотой ее лица,
 Входивший поступью несмелой
 Топтался робко у крыльца.
 Отец раскрытыми глазами
 В последний раз смотрел на мир.

Их закрывала со слезами,
 Он был пред Богом гол и сир.
 Родных я многих провожала,
 Редели быстро их ряды.
 Неумолимо было жало
 Разящей смерти, иль судьбы?
 Теперь старейшая по роду,
 А это значит — мой черед!
 Я не ропщу. Судьбе в угоду
 Приемлю все, что жизнь дает.
 О смерти размышляю здраво,
 Держу эмоции в узде.
 Стихами выражаю право
 Собою быть всегда, везде.
 Давалась жизнь, как Божья милость,
 Со смертью голос плоти стих.
 Звучит надгробных слов правдивость —
 Философа забытый стих.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Средь торных троп, стихов и откровений
 Бродило Эго в суетности дней.
 И жизни смысл в разрозненности мнений
 Найти пыталось днем, среди огней.
 Светило Солнце и сверкали лампы —
 Нет места, где могла укрыться тень.
 В лучах прожекторов, в сиянье рампы
 Кривлялся мим под светоносный день.
 Полуденное солнце жгло нещадно,
 И воздух был изжеван и измят.
 Его глотал паяц со свистом, жадно,
 Пытаясь скрыть свой утомленный взгляд.
 Нет смысла в расслоенности сознания,
 Расплавленного жаром бытия.
 Поищем ночью, в стыках мироздания,
 Наедине оставшись, ты да я.
 Укрывшись мглой Земля плыла над бездной,
 И долго длилась ночь — носитель бед.
 Что смысл искать? О жизни соболезнай.
 Нет смысла в жизни, если жизни нет.
 Рождались дети, умирали предки,
 И вновь по кругу в суетности дней:
 Тот тянет с барского стола объедки,
 Здесь тьму пронзает мыслью Галилей.
 Все как всегда: к исходу манвантары
 Откроет кто-то созиданья смысл.
 Идет сосед, несет пустую тару —
 Он знает цель, его понятна мысль.

О НАС

Обо всем рассказали мы тысячи раз,
 Разобрали по знакам святыне скрижали.
 Все копыта истер белокрылый Пегас,
 Извлекая для нас зоревые сусали.
 Наших мыслей тома шелестящей лузгой
 Осыпались на голые, скудные пашни.
 Каждый мнил что поэт, а не грешный изгой,—
 Не нашедший в скитаниях день свой вчерашний.
 Ну а тот, кто величьем себя увенчал

И поверил однажды в свою гениальность,
 Этот просто глупец — разрушитель начал:
 До признания — век, до забвения — малость.
 Тот в сомнениях ищет зерно мастерства,
 Тот в стихах воспевае унылые будни,
 Но опасней другой, кто, души естества
 Не заметив, транжирит: «С нее не убудет».
 А она от касаний ненужных болит,
 Замещая порой пустозвучную рифму.
 Не спасательный пояс она, не болид —
 Вечный принцип огня сквозь житейскую призму.

МОЯ РОССИЯ

А в России моей все снега и болота,
 Да без счета чистейшей воды, родников.
 Есть одна у славян вековая забота —
 Чтоб кормила Земля да не знала оков.
 Чтобы дети ее жили вольно, богато,
 Чтоб вовек не довлекла сума над душой,
 Чтобы главными были не недра и злато,
 А сосед с затупившейся, ржавой косой.
 Чтоб на дело какое — вступали всем миром:
 Поднимали село, целину, города.
 Чтоб дышали от века чистейшим эфиром,
 Чтоб тучнели на пастбищах вольных стада.
 Ну, а если случится несчастье какое,
 Или враг вдруг ступит ногой на порог —
 Это русское дело, исконно святое,
 За Россию стеной — и народ весь, и Бог!

ПЕРВОРОДНЫЙ ОГОНЬ

Многие тебя искали:
 В свете звезд и в свете дня.
 Шли в мифические дали,
 Свет твой в памяти храня.
 На вершины поднимались,
 Опускались вглубь морей.
 В космосе следы остались,
 Зримые до наших дней.
 Шли века. Мельчали люди.
 А тебя все нет и нет.
 Знали пращурь: прибудет
 Тот огонь на склоне лет.
 В дни, когда исчезнет вера
 И Создатель не в чести,
 Он ворвется в храм, чтоб скверну
 Там навеки извести.
 Все случилось, как пророчил
 Иоанн сей, Богослов.
 Тот родился, кто упрочил
 Веру в истину основ.
 И с поры той ежегодно
 Возгорается свеча —
 Видно Господу угодно,
 Чтоб была не горяча.
 Лица, руки омывает,
 Льет блаженство, как елей.
 Первородство подтверждает,
 Избавляя от скорбей.

Николай ЕРМОХИН

с. Екатериновка Приволжского
 района Самарской области

Николай Андреевич Ермохин родился 14.10.1955 г. Образование среднее техническое. Поэт, член РСПЛ. Призер и лауреат двух международных конкурсов. Печатался в ряде журналов и альманахов. Изданы четыре книги. Постоянный автор нашего альманаха.

О РОДИНЕ

Богатой сроду не была,
 А светлых чувств дарила много.
 Сразила сердце, как стрела,
 В него вошедши глубже Бога.
 Большим сокровищем лежит
 В объятьях света и простора,
 Как самый верный крепкий щит,
 Всегда надежная опора.
 Земли родимой черный пласт,
 На все другие непохожий,
 Что в час последний не предаст,
 Не бросит зря — в себя положит.

СВЯТОЙ КРЕСТ

Пою и с нежностью, и с болью
 Тебя, мой край, земля моя...
 Согреет кто тебя любовью
 Большой и светлой, коль не я?
 Тебя зову своей судьбою.
 Пока ты есть — я на коне!
 Кому быть рядышком с тобою
 В недобрый час твой, коль не мне?
 Ты с детства — верная подруга
 С родным и милым мне лицом.
 Мы — два крыла, несем друг друга
 И в мирный день, и под свинцом.
 В беде и в радости недолгой
 Ты — свет мой, я — твой оберег.
 Ты мое сердце светлой Волгой
 Окольцевала мне навек.
 Пусть жизнь судьбу меняет круто,
 Но дружбы нашей крест святой
 Нести придется не кому-то —
 Нести придется нам с тобой.

ТЫ ЖИВЕШЬ В РОССИИ

Если сны твои красивы
 И в душе цветут мечты,
 Значит, ты живешь в России
 И России нужен ты.
 Значит, ты — ее денница,
 Ею жив, в Россию врос,

С ней тебе не разлучиться,
Хоть греми сто тысяч гроз.
За березки, за метели,
За радушие, твердь кости,
Как ту родинку на теле —
Не отсечь и не свести.
За чудесные в ней нравы,
За блаженство и красу...
Босиком ступать на травы,
Золотую пить росу.
И в беде не молкнуть в звоне,
И озер осыпать гладь
Серебром лихой гармонии,
Чтоб попеть и поплясать.
Ты силен не силой серой...
Русь, как звонкая струна,
Тебя полнит светлой верой,
Душу трогает до дна.

НАСЛЕДСТВО

Я — жалкий грешник, ты — святой исток.
Я в жизни — гость, ты — будешь жить в ней вечно,
Мой на земле родимый уголок,
Земля всегдашней радости сердечной.
За Волгу, за поля твои, леса
Молюсь среди берез, в лучах их света
За то, что были эти образа
Пристанищем и прадеда, и деда.
Тебя несем по жизни, как ларец,
Нас всех объединяющее место —
И жизнь, и смерть родных тебе сердец
Передаем, как ценное наследство.
Из века в век ход длится эстафет,
Идет от поколенья к поколенью,
Как часть души, как негасимый свет,
Что не поддастся вечному забвенью.
Вовеки не утратятся черты
Приветливости, чувства материнства,
Следов одной судьбы, где я и ты —
Являем ей и верность, и единство.

РУБЦЫ ДУШИ

В душе быстро прокрутил
Жизни сны былые,
Но оставили рубцы
В ней лишь вы, родные:
Степь, дубрава, речки плес —
Жизни всей отрада,
То, среди чего я рос,
С чем всю жизнь был рядом.
Ты, село — ржаной калач...
Своей жизни жальче
Места, где был слышен плач —
Народился мальчик.
Где из трав его постель
Украшали росы,
Сторожили колыбель
Клены да березы.
Где коров подростком пас

И косил луг звонкий,
Где у речки в первый раз
Целовал девчонку.
Где до капли, целиком,
В образе едином
Жизнь связал свою с селом,
С уголком родимым.

КРОВНОЕ СЧАСТЬЕ

Шалым ветром не носился
Я по свету наяву.
Где родился — с тем и слился,
Где и век свой доживу.
Так уж Бог судьбу стреножил,
Дал желанье жить он мне
На плохой или хорошей —
На родимой стороне.
Дал простор живого света —
Встать доверил у руля
Дел и прадеда, и деда,
Чем свята моя земля.
Дал и силы, и участие
Крест земли родной нести,
Даже если твое счастье
Все уместится в горсти.
Пусть и с ним не знал покоя,
В бедах длилось бытие,
Пусть и трудно нажитое,
Зато кровное, свое.

СЛИТЬСЯ С РОДИНОЙ

Дай одну мне силу, Боже,
Для моих больших годов —
Петь о родине, чтоб больше
Написать о ней стихов.
Слиться с ней, как с Богом в храме.
Пред уходом в мир иной
Долго добрыми словами
Славить лик ее родной.
Рвать и рвать с высоких веток
Светлых чувств к ней лучший цвет —
Подарить ей напоследок
Из стихов любви букет.
С благодарностью великой
Все стихи о ней собрать
И издать отдельной книгой,
Озаглавив кратко — «Мать».
Та, что грудью не кормила
И ласкала не рукой —
Та, что на лугах носила,
Пела Волгою-рекой.
Был крещен ее водою,
Ее — брошь большой Руси —
В сердце с радостью, с бедою,
Как судьбу свою, носил.
Жизнь спасала от крушений,
В горький час всегда была
Равновесием душевным,
Краем света и тепла.

РОДНОЕ СЕЛО

В мире огромном ты — малое зернышко,
Данность чудесная с Божьей руки...
Скромное с виду, а в жизни, как солнышко,
Что приютилось у Волги-реки.
Радует, манишь подружками броскими:
(тем мне и дорог твой лик золотой)
Степью бескрайней, дубравой, березками,
Матерью-вольницей — волжской волной.
Тишью озерной и вешними грозами —
Всем, чем гордится и свято село:
Травушкой рослой, хрустальными росами —
Этим волнуешь и сердцу мило.
В сердце моем ты — сокровище в клеточке,
Любо делить с тобой светлые сны,
Тихо прижавшись, приклеившись веточкой
К Волге, как к сердцу большому страны.
С ней, ненаглядной, все трудности пройдены.
Горе ли, радость ли — вместе в пути.
Волга — судьба твоя, ты ее родинка,
Метка родная, родней не найти.
Словно бы в жизни без Волги не справиться,
Будто бы Волга — спасенье одно.
Ты — как кольцо на невестинем пальчике —
Много веков нам прожить суждено.

ДОМ У ВОЛГИ

Грызли нас и псы, и волки —
Всяким пуганы врагом,
Но стоит, стоит у Волги
Еще дедовский наш дом.
Не снесли его ни войны,
Ни страны большой раздор...
Безмятежно смотрит вольный
Волжский окнами простор.
Не закрылась жизни дверца,
Жив он, как жива река.
У реки — России сердца —
Врос корнями на века.
Волга — спутница святая,
Свет на жизненном кругу.
Дом, как родинка родная,
К ней прирос на берегу.
Не снести с реки и силой,
Разлучить нельзя с рекой.
С ней, с красавицей России
Связан он одной судьбой.
Все несла судьба по кругу —
Боль и радость, тишь и гром.
С крепкой верою друг в друга
Рядом шли — река и дом.
Красен путь их дружбой долгой.
Как ревнивый стражник он,
Смотрит окнами на Волгу,
Словно он в нее влюблен.

ВЕКОВАЯ ТЕПЛИНЬ

Сколько же лет с тобой, Родина, лажу,
И подносить не устанет рука
Тихому сердцу отрадную чашу —
Всю благодать твоего родника.
Пью ее жадно и вольно, и чинно,
Как Богом данный мне радужный свет,
Все твои сладкие, горькие вина,
Что созревали по тысяче лет.
Вижу тебя — и душа при параде!
Тем и милы мне родные черты,
Что их лелеяли дед мой и прадед,
С гордостью носишь их брошки-кресты.
Рядом всегда, никогда не забыва,
Так сердцу образ твой многоголос,
Будто оно из тебя все и слито —
Из твоих радостей, горестей, слез.
Будто бы жизнь и сложили их части:
Светлые, темные, мак и полынь,
А череда их — и есть мое счастье,
Свет вековой, вековая теплынь.

РАЗГОВОР С РОДИНОЙ

Мой стих — не глас пророческий,
Не лозунг и не спор.
Мой стих — беседа с Родиной,
Душевный разговор.
Друг друга вновь послушаем
Под шум дождя с тобой,
Незримо слившись душами,
Как счастьем, как бедой.
Вновь их поделим поровну —
Не надо выгод мне.
Лишь плыть бы в одну сторону,
Подставив грудь волне.
Поймем, что и под пытками
Вовек не быть нам врозь,
Ведь дождевыми нитками
Прошиты мы насквозь.
Друг другу мы — желанные,
И в жизни мы — одно:
Без швов природой тканное
Земное полотно.

Валерий СУХОВ

г. Сызрань

Сухов Валерий Алексеевич родился в 1959 г. в с. Архангельском Городищенского р-на Пензенской обл. Окончил Пензенский педагогический институт и аспирантуру в Московском педагогическом университете. Кандидат филологических наук. Лауреат

Международной премии им. Сергея Есенина в номинации «Взыскующим взглядом». Автор семи сборников стихотворений. Стихи печатались в «Литературной газете» и во многих литературных журналах. Член Правления Пензенского отделения СПР и редактор отдела поэзии журнала «Сура». В 2009 г. за сборник «Архангельский мой собор» удостоен всероссийской премии им. М. Ю. Лермонтова, в 2020 г. стал второй раз лауреатом премии им. М. Ю. Лермонтова за сборник «Холмы земные». Постоянный автор нашего альманаха.

ЗЕМЛИ РОДИМОЙ ПОЦЕЛУЙ

РОДНИК

Ю. П. Кузнецову

Я воду пил из родника,
Обняв замшелый руб.
Срывались каплями века
С моих дрожащих губ.
И на меня смотрела Русь
Из бездны, словно миф.
На материнский лик молюсь,
Колени преклонив.
Исток обжег устами струй
Горячих русских слез.
Земли родимой поцелуй
Так я в душе унес.

КРЕЩЕНИЕ

Меня крестила бабушка мальцом
Тайком от матери с отцом
И под подушку положила крестик.
Не он ли мне сейчас во мраке светит?!
Дожившему до возраста Христа —
Без веры, без надежды, без креста...
По звездам, как по утренней росе,
В конце концов, придем мы к Богу все.
И я за то, что все же был крещен,
Быть может, буду Господом прощен...

ВЕРА

Половодьем разлился закат вдалеке.
Я с крутого обрыва спустился к реке.

И увидел, как вдруг от прощальных лучей
Загорелись на вербе сердечки свечей!
Протянул к ним озябшего сердца ладонь —
И согрел меня верой их мягкий огонь.

ОТ ЗЕМЛИ

Пью из чаши небесной прозрачную синь.
Тень в траве побраталась с былыми веками.
Мое сердце пронзила стрелою полынь —
И прозрели глаза васильками.
На кургане стою, ветром горьким дыша.
Поседел я от облака пыли дорожной.
В поле боли осталась живая душа.
Обернулась она в оберег — подорожник.
Горьким млеком меня напитал молочай.
От татарника скулы достались косые.
Повителью сплелась материнства печаль.
Целовала роса мои ноги босые.
Я корнями за землю родную держусь.
Каждой жилкой в тяжелый суглинок врастаю.
Смерть с размаху подкосит меня, ну и пусть.
Встав травой молодой, вновь я все наверстаю.
Потому-то и песни мои от земли
Так шумят под дождем заливным разнотравьем.
Потому-то и счастлив я так от любви,
Что навеки сроднился с простором бескрайним.

ГРОЗА

Начинает гром с распева.
Надвигается гроза.
Стог вершу — залез на небо.
Пот соленый ест глаза.
И звенят, как струны, жилы,
Только сена дух вдохну.
Поднимаю я на вилы
Солнца знойную копну.
Незаметно вдруг стемнело.
Веет ветер холодком.
И дождя капель запела.
Ей ответил басом гром!
От усталости немея,
Рукавом утру лицо.
Ливень лупит, не жалея,
Да сухим стоит сенцо.
И зарод задумав круче,
Вся от зависти дрожа,
На навильник молний тучи
Собрала за миг гроза.

АВГУСТ

Дни сочатся медом, словно соты.
В слове «август» слышен яблоч хруст.
Вновь пришла пора грибной охоты.
Грусть мою развеял первый груздь!
Напоследок в росах отразилось
Розовое зарево зари.
Сердце сладкой горечью налилось

И огнем рябиновым горит.
И хотя еще резвятся грозы,
И сквозь солнце ливень льет слепой —
Все печальнее шумят березы
Над моей седой головой.
Холоднее делается лето.
Сметаны стихи в душистый стог.
Сорвана душа порывом ветра
И антоновкой лежит у ног.

Антонина МАРКОВА

г. Тюмень

Маркова Антонина Юрьевна, 1959 г. р. Поэт, член СПР, руководитель детской авторской студии «Вершок». Автор четырех книг, песен и либретто музыкальных спектаклей. Печаталась в коллективных сборниках, периодических изданиях Тюменской обл. и за ее пределами. По профессии — филолог, по состоянию души — певец. Наш постоянный автор.

Баюкает город весну
На ветках проснувшихся вязов.
И солнце ликует в плену
Живых малахитовых сказов.
И с каждым зеленым листом,
Что вышел на свет неслучайно,
Невиданным сочным гуртом
Спешат самобытные тайны.
Щекочут лучинки травы
Газонов небритые щеки.
И вновь полукруг синевы
Разнежился на солнцепеке.
На каждом весеннем шагу
Рождает земля самоцветы.
А там, на другом берегу,
Уже недалекое лето.

У печали нет причала.
Не качай меня, река.
Слово вырвалось вначале,
А потом пришла тоска.
По волне, по перекатам,
По течению воды
В зев июльского заката
Плыли отблески беды.
Ветер гнал тончайший невод —
Да в расплавленную медь...
Звезды, покидая небо,
Попадались в эту сеть.
Утекало время, кроме
Грустного исхода дня.
А на стареньком пароме
Среди прочих нет меня.

В СРОСТКАХ

Ну, здравствуй, Василий Макарович!
Свиделись вот...
Я долго к тебе добиралась сквозь годы и годы.
Присяду с тобой на яру. Солнце спину печет.
А взгляд упивается хмелем алтайской природы.
Вот там, под горой, на которой любил ты сидеть,
Раскинулись Сrostки — селенье твое родовое.
А краше земли, если дальше и дальше смотреть,
Все горы и горы скрепились в кольцо голубое.
Внизу кушаком бирюзовым святая Катунь
Несет отражение времени, гор и преданий.
И осень нежданная плавит в урманах латунь
И душу калиново-красным томит завещаньем...

Ветер нежно-золотистый —
Между августовских листьев,
Начинающих желтеть.
Паутинками прохлады
Штопает прогалы сада
И мечтает улететь.
Щеки яблочные гладки,
Словно яркие закладки
Лето спрятало в листве.
Чуть заметной вереницей
Улетающие птицы
В потускневшей синеве.
Утешенья ищет лето
В остывающих рассветах,
В угасающей звезде.
Но молитвой во спасенье
Не закроешь дней осенних,
Что крутами по воде.

*«Вы говорите — время идет.
Безумцы, это вы проходите» (Талмуд)*

Время затихло. Застыло январским стеклом,
Инеем белым продрогло на ветках недвижных,
Дымом печным поднялось и замерзло столбом,
Заледелено над домом небесною пижмой.
Оцепенели секунды рогатой звездой,
Встало движение лун по вселенскому кругу.
«Время должно истекать — за водой, за мечтой», —
Так мы с тобою всегда говорили друг другу.
Только сегодня, когда за окошком мороз,
Замерло время, как часто случается в зиму.
День угасает, и тьмы нарастает колосс...
Время стоит. Это мы пробираемся мимо!
Мы пробегаем, не зная часов, наобум,
Мимо заснеженных сосен, задумчивых взглядов,
Снов, разговоров, всего, что имеет табу
Иль что тебе получить обязательно надо.
Время не движется. Окоченело в снегу.
Вышел завод у хронометра. Смерзлись минуты...
Мы же с тобою шагаем упрямо в пургу
И позади оставляем безвременья пути.

Ярый куржак завладел циферблатом зимы.
Стынь обездвижила все своей сетью незримой.
«Время должно проходить», — соглашаемся мы,
Но, как слепые глупцы, все торопимся мимо...

ЗАРИСОВКА О БАЙКАЛЕ

По-над сопкой — июльский день,
Летний зной.
А под сопкой цветет сирень,
Как весной.
И в распадах за веком век,
Не во сне,
Над Байкалом не тает снег
В вышине.
Берега над водой-слезой —
Зеркала,
Поднимают над крутизной
Два крыла.
Солнцепоком раскалены
Во сто крат
Поседевшие валуны
До нутра.
Но крадется волна тайком,
Не испить,
Чтобы тронуть их языком,
Охлаждать.
Блики льются по голышам,
Как в реке.
И поет, и парит душа
Налегке.

Владислав БУСОВ

г. Кашира Московской обл.

Владислав Бусов родился в 1946 г. в Мариуполе, живет в подмосковной Кашире. Образование высшее техническое. Соавтор поэтических сборников «Серебро слов», «Библиотека современной поэзии», антологии «Золотое перо Москвы», альманаха «Рукопись», журналов «Поэзия», «Александръ», «Причал», «Бийский вестник». Лауреат литературного конкурса Георгия Кольцова «Звездное перо». Член каширского литературного объединения «Зодиак». Наш постоянный автор.

БЕЛОСТВОЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ РОССИИ

Опушка зимней рощи
Сугробами полна.
Здесь меряются мощью
Береза и сосна.
И в высь уходят кроны,

Несут земной покой,
Под золотые звоны
Стихает ветра вой.
К истокам возвращаюсь,
Тропинкой проходя,
Душой я очищаюсь,
С тобою, Русь моя!
В час грусти и сомненья
Где силу обрету?!
Ответы откровенья
У рощи я найду,
Где русские березы
Напомнят мне опять:
«Пиши стихи и прозу,
Но так, чтоб не солгать».

Что шумите, березы, под ветром,
В синем небе оставив следы?
Не дожидаться от вас мне ответа,
Все опавшие скроют листья...
Упадут янтарем на поляны
И зажгут золотистый огонь.
В роще голой, осенней, усталой
Обретут они вечный покой.
В эту пору блаженные мысли
Навещают меня иногда.
Я смотрю в поднебесные выси
И считаю, как листья, года...

Прощайте, белые березы,
Красоты русской стороны.
В душе остались только грезы,
Тоской щемящую полны.
Из окон дальнего состава
Пожар в лесу осенних дней.
Вокруг шумит листвою дубрава,
Мне звуки осени милей.
Вот к югу потянулись птицы,
На небе росчерк клиньев их.
Мне к ним бы присоединиться
И стать Икаром хоть на миг.
Стать на крыло, как эти стаи
В полете волю ощутить.
Тогда душа моложе станет,
И юных лет явится прыть.
О том, что было, не жалею,
И молодость не вернуть.
Остались прошлого мгновенья,
Чтоб в памяти своей хранить.
Прощайте, белые березы,
Мне с журавлями по пути.
Весной прольются ваши слезы —
Вся зелень красок впереди.

Колокольную медью звенит
Одинокая в поле береза,
Листья желтые сбросив свои

В ожидании первых морозов.

Вот зазимок припорошит
Серебром ее ветви нагие,
Будет платье ей белое шить,
Наряжая в искрящийся иней.

Словно Лебедь она проплывет
И закружится в танце со звоном.
Знать, пришел в ее жизни черед
Обручиться с есенинским кленом.

СТАРАЯ РОЩА

Я в старую рощу иду, здесь когда-то
Белела она берестой,
Но жизни мгновенья ушли безвозвратно,
Ведь им не прикажешь: «Постой!»
Стволы у берез почернели с годами
И отблеском «стылых зеркал» *
Печально глядят на меня со слезами,
Себя в отражении узнал.
Не счесть мне колец годовых у березы,
Минуло с тех пор столько лет...
Но поросль в лесу пробивается все же,
Как утренний солнечный свет.
Расти ей вольготно под небом России
В миру многоликом земном,
Крепить возрожденную Родины силу
В единстве духовном своем.

Галина ЗЕЛЕНКИНА

г. Козьмодемьянск Красноярского края

Родилась в 1947 г. в г. Бресте Белоруссии. С 1960 г. живет в Сибири. По специальности инженер-электрик. Пишет с 1997 г. Автор романов, сборников стихов и детских книг. Стихи и проза печатаются в России и за рубежом. Член СПР (МГО) и ПАНИ. Постоянный автор нашего альманаха.

О РАЗЛУКЕ

Две дороженьки в разные стороны
нас с тобой от любви увели,
вдоль дорог — беды каркают вороны,
вдоль дорог — не поют соловьи.

Только пыль то клубами, то клочьями
от машин, убегающих вдаль,
и крестами на каждой обочине —
безысходной тоски календарь.

ПАМЯТИ СКВОЗНАЯ РАНА

Росы белые на травах поутру,
воздух влажен от всплакнувшего тумана.
Со щеки слезу небесную утру
и пойду босой по росам до кургана.

Там растут голубоглазые цветы,
колокольчики растут и медуница,
там когда-то назначал свиданье ты
деве юной, по судьбе летевшей птицей.

Там, как прежде, обнимается рассвет
с легким ветром, просыпающимся рано,
там по небу легкой дымкой — грусти след
от несбывшегося нашего романа.

Росы белые на травах поутру,
воздух влажен от всплакнувшего тумана.
Я не плачу, мне печаль не по нутру,
это памяти болит сквозная рана.

ОТЧУЖДЕНИЕ

Не дари мне обиды и нужды,
не о том нам поют соловьи.
У тебя отчуждение дружбы,
у меня отчужденье любви.
Не дари мне слова без причины,
пустотой не насытится свет.
У тебя отчужденье мужчины,
у меня отчуждение лет.

НЕОКОНЧЕННЫЙ РОМАНС

Не смоем дождь с души обиды,
лишь только смоем тень с лица.
Тот, на кого имела виды,
давно отъехал от крыльца
по непридуманной дороге
в непредсказуемую даль.
И дом, уставший от тревоги,
завесил ставнями печаль.
Дверь, что кривым крестом забита,
уже, как прежде, не ворчит
на то, что старое корыто
заплатой ржавой портит вид.
И крыша вниз ползет с оглядкой
на покосившийся конек,
и drankу, как слезу, украдкой
роняет в ветреный денек.
Вид одиночества усталый,
за развалившимся плетнем
растут лопух с сиренью старой,
что белым вспыхнула огнем.
Не смоем дождь с души обиды,
лишь только смоем тень с лица.
Тот, на кого имела виды,
давно отъехал от крыльца.

* Замерзшие лужи

ВСЕ ПРЕКРАСНО В МИРЕ

Ах, какие в небе звезды и луна!
По реке гуляют ветер и волна,
в изумрудах ели, в радугах цветы —
все прекрасно в мире, если есть в нем Ты.
Забинтую душу нежностью, и пусть
в гости к ней не ходят ни тоска, ни грусть.
Солнечная радость и веселый смех
пусть заходят в дом мой, что открыт для всех.
Доброта и счастье льются в нем рекой;
тот, кто пить захочет, зачерпнет рукой —
и умоет душу, и попьет добра.
Слов душевных горсти, вместо серебра,
подарю я гостю, провожая в путь, —
может быть, и вспомнит обо мне чуть-чуть.
Мир от зла спасает наша доброта,
без нее планета стала бы не та.
Ах, какие в небе звезды и луна!
Луг, тайгу и горы вижу из окна,
в изумрудах ели, в радугах цветы —
все прекрасно в мире, если есть в нем Ты.

Любовь САМОЙЛЕНКО

г. Тула

*Член РМСП и Академии
русской словесности и изящных
искусств им. Г. Р. Державина
(Санкт-Петербург). Член МПО и
Чеховского общества при СПР.
Секретарь тульского ЛитО «Пе-
гас». Лауреат Тульской област-*

*ной литературной премии им. Ярослава Смелякова.
Наш постоянный автор.*

ЗДРАВСТВУЙ, ТУЛА!

Ветром провода слегка качнуло,
По пустынным улицам брожу.
Просыпайся город! Здравствуй, Тула!
Я твоим величием дышу!

Опустили косы вниз березки,
Стройный клен шепнул им о любви.
Серебром усыпаны дорожки,
Не тревожат их шаги мои...

Солнца луч высот коснулся зданий
И церковей погладил купола...
В этот час любуюсь утром ранним,
Ночь свои владенья отдала.

Ветром провода слегка качнуло,
По пустынным улицам брожу.
Просыпайся город! Здравствуй, Тула!
Я твоим величием дышу!

ПЛЫВУТ ПО НЕБУ ОБЛАКА...

Плывут по небу облака.
Божественно красиво...
Ласкает ветер их слегка,
Любуется на диво.
А в городе старинный Храм,
Сверкает крест на солнце.
Пригрелись голуби у рам,
Их манит свет с оконцев.
И я смотрю на облака.
Куда плывут, не знаю.
Им машет вслед моя рука.
Молитву вслух читаю.
И просветленной
в Храм войдя,
Растаяв в песнопеньях,
До боли в сердце край любя,
Дарю стих — вдохновенья.

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ...

В наш город с утра прилетели грачи.
Я их из окна наблюдала.
Садились на ветки степенно они —
Береза приют им давала.
Предвестники ранней цветущей весны
Вселяли покой и надежду.
Не зря нынче снились волшебные сны.
Все будет прекрасно, как прежде.
С любовью и верой гляжу я в окно,
Любуясь чарующим часом.
Достану палитру, мольберт и альбом,
Как сделал когда-то Саврасов.

У РАЗВИЛКИ ДВУХ ДОРОГ...

Тульский Кремль, Собор Успенский,
И Упы чуть слышный вздох.
Перестук трамваев дерзкий
У развилки двух дорог.
Ветерок ласкает плечи,
По аллее я иду.
У Кремля, в преддверье встречи,
Разговор с собой веду.
Нет, не сетую на оды...
И хоть осени тоска,
 Попрошу я у природы,
Чтоб в красе была строка.
Я люблю свой славный город
И в душе так много слов.
Мне до боли в сердце дорог
Город Храмов и стихов.

КРАСОТЫ...

В моей стороне лишь такие красоты.
И синь небосвода, и озера гладь.
Прекрасные дни — сентября позолоты
И белых берез горделивая стать.

Смотрю зачарованно. Как же красиво!
 Я холст подготавливаю, хочу передать
 Восторженность дня и осеннее диво,
 И эту манящую рань — благодать.
 И пусть мой сюжет незатейлив и робок.
 От смешанных красок усиленный фон.
 Ведь я не художник, но рядом, бок о бок,
 С утра вдохновенье со мной в унисон.

Елизавета БАРАНОВА (ВЕСИНА)

г. Тула

Родилась в Туле. Кандидат технических наук, доцент. Работает на кафедре ТулГУ «Информационная безопасность». Стихи пишет с детства. Написано около четырехсот стихотворений, венки сонетов и две поэмы. Изданы четыре книги.

Пишет прозу, автор романа «Гармонические колебания». Публикуется в российских журналах и альманахах. Стихи переведены на польский и английский языки. Победитель различных конкурсов стихотворений. Награждена литературными медалями. Член СПР. Член НЛА «Московский Парнас». Секретарь редакции журнала «Приокские зори». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

Я от неба давно
 беспогодицы жду:
 засыхало бревно,
 зяблик плакал — к дождю.
 Воробьиная ночь
 полыхала грозой.
 Зрела лучшей из порч
 на ладони мозоль.
 И рубил дровосек
 золотые стволы.
 И хотел белый свет
 Бог опять сотворить:
 раз — и корпус свечной
 ставит ночь на канон;
 два — и снова черно
 за прикрытым окном.
 А мне было дано
 за терпенье — терпеть:
 лить в дырявый бидон
 неба черную нефть,
 и лучины палить,
 и не спать — по ночам...
 ...Звук секиры — вдали —
 что-то да означал:
 и не суд — не пора,
 и не пир — не пойдешь.
 ...То ли стук топора,

то ли топает дождь...

Пахнет в июле осенью —
 горько, свежо, остро.
 Кажутся длинными тросами
 дымные струи костров.
 — Что мне ответишь, иволга,
 будешь ли дальше петь?
 Смурь из меня не выгнала,
 выгонишь, может, впредь.
 — Что-то сегодня пасмурно,
 песен не подобрать.
 Месяц споет — мой пасынок,
 вышедший по дрова.
 — Месяц поет ли, иволга?
 Пилит поленца дождь...
 — Долго лгала и выгала
 эту святую ложь.
 ...Вот и случилось то, о чем
 хочется промолчать.
 Звезды кормились в полночи
 крошками калача...
 Только остались остовы
 дымной тирады — той.
 Пахнет в июле осенью
 и пережог-травой.

Когда гроза ушла за горизонт,
 остались ночь, звезда, и полнолуние.
 И ничего другого. Но, зато,
 как будто в сказке, было накануне.
 ...А ночь предстала Золушкой — черна,
 и платье ночи было в черных дырах,
 и местом сна служил ей тот чердак,
 где накопилась сажа в трубах дымных.
 Звезда искрилась, и когда стучал
 по ней волшебник палочкой точеной,
 был тонок звук постукиваний. Чья
 еще душа так ратует о чем-то?..
 Луна светила в небе — высоко.
 Еще я к новой сказке не привыкла,
 как подкатали мыши колесо
 к повозке в виде спелой лунной тыквы.
 ...Гроза ушла. Как будто из ведра —
 такой был дождь, так здорово хлестало...
 ...И вдруг — тот звук, и вдруг все та звезда
 упала с неба туфелькой хрустальной...

Валерий ДЕМИДОВ

г. Тула

Член СЖ СССР и ИСП.
Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

МОЛИТВОЙ И СКАЛЬПЕЛЕМ

(Повесть о Валентине Феликсовиче Войно-Ясенецком, святителе Луке,— хирурге, архиепископе и богослове, в сонме святых просиявшем).

«Я полюбил страдание, так удивительно очищающее душу» (Из письма к сыну).

1.

Был он личностью уникальной.
Духом крепок, совестью чист.
«Мог молитвой лечить и руками»,—
Говорили о нем врачи.
В испытаниях — тверд, как камень,
В вере видел спасения крест,
Пережил трижды суд и арест
И святым предстал пред веками...
Родом он из города Керчи.
Мать, Мария,— из Божьих людей.
Самым нежным был и доверчивым
Среди всех четырех детей.
А отец, поляк и католик,
Перешедший в подданство русское,
Меж аптекарскими нагрузками
Много детям поведал историй.
Вот семья переехала в Киев.
Здесь ему пришлось выбирать:
Кисти взять и идти в мастерские
Или скальпель врачебный брать?
Будто бы озарением свыше
Сделал выбор свой непростой:
Он не к живописи на постой
Подвизался, а к тем, кто дышит,
Кто страдает в болезни час,
Существом всем противясь смерти,
Кто зовет на помощь врача
В этой жизненной круговерти.
Нет, пожалуй, на грешной земле
Благородней и краше дела,
Чем лечить заболевшее тело
Для его продолжения лет...

2.

Был высоким, красивым, статным,
С кружевной головой волос.
Он не знал расписаний штатных,
Часто ночью ему не спалось
И он снова и снова думал
О страданиях тех людских,

Где плескаются в море тоски
Безысходные грустные думы.
И тогда он все больше и больше
Понимал, как велик Господь,
И молился: «Прости нас, Боже!
Укрепи слабый дух и плоть,
Не дозвошь, чтоб огонь потух,
Помоги в нашем мире лживом
Находить то, чем будем живы
Без суетных мирских потуг».
И Господь отвечал его сердцу,
Наполнял новой силой всего,
Приближал к нему единоверцев
И возвел веру их в естество.
«Жатвы много, на нивы идите,—
Говорил всем с амвона Лука.—
Ибо Небо открыто пока
И в душе из нас каждый — святитель».
На переднем крае всю жизнь
Пребывал он по зову Божьему
И умел бедным людям служить
В деревнях, где во всем бездорожье,
Стал священником в годы те,
Когда шел атеизм кровавый,
И взамен медицинской славы
Ко Христовой шагнул черте...

3.

Белый халат и церковная ряса
Были его одеяньем всю жизнь.
Он врачевал пред иконою Спаса,
Каждым мгновеньем умел дорожить.
Тысячи тел и заблудшие души
Им спасены для Господних Небес,
Да он и сам ведь от Бога воскрес
Там, где тюремный накатывал ужас.
Резал тела он скальпелем веры,
Сшивал их надежно нитью любви
И был в хирургии ученым тем первым,
Кто смог шок и боли остановить.
Умел он бороться и с гнойным процессом,
И местным наркозом болезнь облегчать,—
Видны были в нем и Божья печать,
И лучшие навыки Парацельса*.
В нем была мощь, как в глубинах вулкана.
В редких улыбках — похоть святых.
Даже словами залечивал раны,
Будто глотками целебной воды.
Правда, жила в нем усталость вселенская
От сатанинских невидимых битв,
Где каждый третий землянин убит
На пути к станции «Богоявленская».
Голос спокойный, медлительный, четкий.
Лишних движений не знала рука —
Перебирал инструменты как четки
Лучший хирург и святитель Лука.
Видел он жизни лукавость и мудрость
В ранах больных и движениях душ,

* Парацельс — знаменитый швейцарский алхимик, врач, философ, великий реформатор медицинской науки и практики эпохи Возрождения.

Знал, как коварен сокрытый недуг,
Темным окрасивший светлое утро.
Клятву он медикам мира оставил:
«Жизнь принимаю как Божий мне дар.
Смысл ее в том, чтобы Бога восславить
Даже во время возможных мытарств.
Важно ведь все: как поправить подушку,
Как поднести к губам чашку воды,
Как на себя взять хоть каплю беды
И тем утешить больную старушку».
Знал он больных своих по именам,
Будто рентгеном просвечивал души
И говорил, что людская вина —
В малом желании Господа слушать.
Видел страдания он местом встречи
Зла и добра, краткой жизни и смерти,
И понимал, что страдания эти
Врач не осудит, а только излечит...

4.

В годы учебы на медика в Киеве
Знания искал Валентин много лет,
Чтобы оставить места городские
И стать «мужицким» врачом на земле.
Он увлекался в то время «толстовством»,
Ездил в деревни и сено косил,
Вещи крестьянские часто носил
И отрицал бытовые удобства.
Путь в хирургию в Чите начинался...
Госпиталь русско-японской войны...
Он за любые ранения брался
Смело, разумно, со знанием цены
Пролившей крови и жутких мучений,
Сломанных рук и оторванных ног...
Он был хирург, — значит, должен и мог
Выше стать личных своих огорчений.
Анна Ланская была медсестрой —
Он полюбил ее добрую кротость,
И говорили глаза их порой,
Что чистой дружбы узор уже соткан.
Позже, отринув обеты безбрачия,
В маленькой церкви они обвенчались,
Даже не ведая, сколько печалей
Сделают жизнь их семейную мрачной.
Много лет доктор с любимой супругой
Ездили по поселеньям России:
Были в Симбирской и Курской округах,
В тех городах, где их помощь просили.
Сотни нелегких прошли операций,
Новых в больницах прибавилось мест...
Доктор учил тому, что он умел,
И защитил ряд своих диссертаций.
Сложностей в жизни повсюду хватало:
То денег нет, то плохое жилье,
То даже ночи порой было мало,
Чтобы закончить врачебный прием.
Не разделял он богатых и бедных —
Равными значились списки больных,
А в отношениях неуставных
Не было чувств пустых и бесцветных.
Трудности Анну совсем подкосили.
Муж дал диагноз: «Чахотка пришла».

Ей четверых уж детей не осилить —
Встать бы самой от того, с чем слегла.
Днем Валентин оперировал много,
Ночью сидел у постели жены,
Знал, что у Аннушки дни сочтены,
Как сочтено на Земле все у Бога...

5.

Город Ташкент — место смерти супруги.
Здесь же он принял священника сан,
В первом аресте скрутили тут руки
И запретили собор христиан.
Но удалось всех спасти от расстрела —
Ссылкой заменено «Дело врачей»,
Якобы тайно продливших мучения
Раненых под Бухарою в обстрелах.
Он в Туркестане епископский пост
Занял, монашеский постриг приняв
С именем громким — Лука (как апостол,
Тот, кто Иисусу не изменял).
Но через месяц его посадили
В стены тюрьмы, — здесь труды он писал
О медицине, что выстрадал сам,
В мыслях родил, что к нему приходили.
А когда вынесен был приговор:
«Выслать в Нарымский край для исправленья»,
То прихожане, спасая его,
На рельсы легли: «Он наш врач и священник!»
Лука в Енисейске в свой час комендантский
И в двух деревнях, где он срок отбывал,
Бесплатно лечить не переставал
И дома народ собирал христианский.
Скромно он жил, часто к голоду близко.
Выучил несколько языков
И оперировал в степени риска,
Равного сжатию смерти тисков.
Нет, не бесстрашие скальпель водило
И не уверенность в знаниях своих,
А вера в Бога, где с Ним на двоих
Было одно благородное дело.
Ссылкой второй он был выслан в Архангельск.
Снова служение. Снова больницы.
Он предстал пред больными как Ангел,
Но наяву, а не тот, что нам снится.
Капельки пота, как капельки крови,
Тихо стекали по впалым щекам,
Будто одна Их крестила река
И с Иисусом поставила вровень.
Третья же ссылка — на крест восхождение.
Тридцать седьмой тогда шествовал год.
Было ему шестьдесят от рождения.
Слеп один глаз. Дух не сломлен и горд.
Страшные пытки ломали сознание.
Жуткий «конвейер» допросов и боли
Длился двенадцать дней, даже чуть более,
Три палача проводили дознание.
Глаз не давали сомкнуть на минуту.
Падал — холодной водой обливали.
Видеть хотели они в нем Иуду,
Силой ломая в чекистском подвале.
«Ты враг народа! — кричали истошно. —
Опиум веры народу несешь!»

Но мы добьемся — подпишешь ты все ж
Акт о признании, коль будет тошно...»
Он же, упорно вину отрицая,
То голодал, то со смертью был рядом,
Видел на лицах своих полицаев
Сотни гримас сатанинского яда,
Словно бы мир во грехах утвердился
Бесповоротно и без осознания
Тяжести той из Эдема изгнания,
Коей Господь наш всегда тяготился...

6.

Год сорок первый. Война наступила.
С новою силой в стране слышен плач.
Всюду пожары и взрывы, могилы.
Пишет Лука: «Я священник и врач.
Ссылку прошу вас прервать на то время,
В кое фашисты бесчинство несут,
А победим — я вернуться под суд
Снова готов, коль мое это бремя»...
Там, в Красноярске, в военные годы
Он исцелял даже смерть повидавших.
«Вы, а не я, совершаете подвиг», —
Он говорил, обращаясь к страдавшим.
То ли был ссыльным, то ли военным —
Этот хирург и главврач красноярский,
Живший в те дни на паек санитарский
И неустанно сшивающий вены.
Госпиталь был алтарем и престолом,
Где он молился по локоть в крови,
Где уповал на всецеленье Христова,
Чтобы сказать облегченно: «Живи...».
Этих солдат, так искромсанных взрывами,
Этих бойцов с чуть пушком на губах
Он вынимал из кровавых рубаш,
Чтобы их матери были счастливыми.
А когда смерть забирала кого-то,
Клал он в молчании скальпель на стол
И запирался на время в каморку,
Где мог поплакать перед Христом.
Он ощущал свое предназначение —
Быть там, где горе, страдания, боль,
Выдержит где далеко не любой, —
Выдержит он, тоже знавший мучения...

7.

Местом последним его обитания
Крым был назначен, и эта земля
Стала хранителем тела и тайны
О тех дарах, чем он мог исцелять.
Здесь он ослеп и ослаб от болезней,
Коим подвержен как врач был и сам.
Здесь его дух отлетел в небеса
Вместе с его херувимскою песней...
Сотни людей хоронили владыку.
Ветер венки и одежду трепал.
Свечи раздали. Церковную книгу
Старый священник у гроба держал.
И убоялись: затухнут ведь свечи
На этом сильном июньском ветру...
Нет! Не затухли! Не гаснет тот труд,
Коим доныне Лука всех нас лечит.

Чем измеряются люди и судьбы?
Не долголетием или чинами.
Бог ведь Судья, а не люди нам судьи.
Все претерпевший Христово есть знамя.
Против течения ведет не упрямство,
А то святое чутье Божества,
То пониманье Христова родства,
Что не дает во грехах повторяться.
Ни слепота, ни телесная слабость
В нем не убили величие духа, —
Он и тогда выходил Бога славить,
То возвестить, что не слышало ухо.
Помнил все тексты святой литургии,
Знал, где какие иконы висят,
И завершал литургический ряд
Низким поклоном, как и в хирургии.
Годы ГУЛага и ссылок места
Были Луке теми «вратами узкими»,
Где он возрос и целителем стал
Всех, кто считаются истинно русскими.
В селах глухих и сибирских деревнях
Он «зашивал» раны Русской земли
И исцелял ее сумрачный лик
Словом библейским, идущим издревле.
...В камере вместо подушек — газеты.
Мрачен вид старых трехъярусных нар.
Каменный пол... — без сомнения, это
Место, где бит был и молод, и стар.
Как-то во время бесчисленных пыток
И голодовки упорной в протест
Он заявил вдруг, что, может, поест,
Коль все равно быть жестоко избитым.
Хитрость его и не поняли сразу,
И лишь когда с ложкой нож принесли,
Будто покинул Луку его разум —
Стал себе горло ножом тем пилить...
Позже он этот поступок порочный
Сам осудил, потому что все то,
Что нам отмерено жизни крестом,
Есть, как ни странно, фундамент наш прочный.
Сложно все было в период гонений:
Сколько ведь раз приходилось ему
Резать ножом перочинным, сомненья
Прочь оттолкнув, как и мысль про тюрьму.
Волосом женским заштопывал раны
В старой избе под огарок свечи
И понимал, что большой промолчит
Лишь потому, чтоб не знала охрана.
Скорбь превращал в улыбку и радость,
Суть поражений — в духовность побед.
Святость была его высшей наградой
И он ее отстоял в той борьбе.
Пусть «Мракобес» по чекистским архивам,
Пусть «враг народа» по сводкам ЧК,
Но продолжал он служенье, пока
Были еще хоть какие-то силы.
Тюрем и ссылок одиннадцать лет...
Край Туруханский, бывал где сам Сталин...
Много Лука повидал на земле:
Звон кандалов слышал и звон медалей,
Сталинской премией был награжден,
Хоть и носил сан архиерея,

И говорил, что без Бога звереет
 Всяк, кто во власть сатаны попадет.
 Не ощущал он себя диссидентом
 И понимал, что величие страны
 Строится каждым текущим моментом,
 Не только победами в годы войны.
 Земским врачом путь прошел изнурительный
 Не потому, чтобы славу искать,
 А хоть немного добром обласкать
 Серую грешную нашу действительность.
 В годы предсмертные ездил он часто
 В сопровождении близких своих
 Слушать природу — не голос начальства
 С разных трибун, — ее голос был тих.
 Он вспоминал то бывшее далекое,
 Где красный цвет был основой всего,
 Что наполняло судьбу ту его
 Болью, моленьями, злом и упреками.

8.

...Как мне немного хотя б стать Лукою?
 Как научиться все делать, как он?
 Знаю, нельзя давать место покою
 И к сатане приходить на поклон.
 Надо отринуть нечистые мысли,
 Страсти земные в себе угасить,
 Господа чаще в смиренье просить:
 «Боже, услышь! Силы дай и очисти...»
 Смысл весь — в гармонии духа и тела,
 В поисках Божьей любви на земле
 И в осознании, что нет предела
 Высшим задачам в любом ремесле, —
 В этом Лука убеждал нас стократно.
 И семена те восходят, бесспорно,
 Многих привел во Христову соборность
 Подвигом сердца — не подвигом ратным.
 Мог он, конечно, устроить все лучше
 В жизни своей, избежать потрясений,
 Мог не ходить по заилленным лужам
 И не входить в деревенские сени.
 Мог быть врачом в чистоплотной столице,
 В Питере же институт возглавлять,
 Мог гардероб каждый год обновлять
 И быть полезным чиновничьим лицам.
 Только тогда б он святителем не был,
 Не возлюбил бы его так народ,
 Не помогало бы синее Небо
 Зло перевертывать наоборот.
 Он не себя обустроить пытался,
 А ту великую русскую плоть,
 Что научилась сажать и молоть,
 В коей болел Дух Святой и метался...
 Кто исцелит нас сегодня, излечит?
 Кто, как Лука, сможет боли понять?
 Сумрачно в мире, как будто бы вечер
 Длится на всем протяжении дня...
 Вот почему я сегодня зываю
 К Богу в молитвах смиренных своих:
 «Господи! Боли и скорби мои
 Через Луку я Тебе открываю»...

5 сентября 2020 г.

ТУЛЯКИ

Белоусов Петр, Белобородов,
 Вересаев и Болотов, Лев Толстой —
 Вы дворяне были из народа,
 Выбрав Тулу, но не на постой.
 Мосин, Болдин, Токарев, Макаров,
 Шипунов, Чекалин и Горшков —
 Вы спасли от вражьего оскала
 Сотни тысяч мирных туляков.
 Салтыков-Щедрин и Глеб Успенский,
 Хомяков, Киреевский, Крылов —
 Ваши книги, мысли, шаржи, песни
 Живы, хоть и много лет прошло.
 Даргомыжский, Чириков, Ушинский,
 Баташев, Жуковский и Хрунов —
 Вы в когорте славных не пушинки,
 Лучшие в России из сынов.
 И Ваныкин, и Тальков, и Стечкин,
 Михайловский, Руднев, Шнейдерман —
 Вы отцы, сыны и вы предтечи
 Русского таланта и ума.
 Вера Гумилевская, Веденин,
 Стародубцев, Слюсарева, Басин —
 Никогда не уходили в тень вы,
 Ваших душ мир полон и прекрасен.
 Монумент Демидову Никите,
 На Оке Поленова музей —
 Это вехи памятных событий,
 Места встреч туристов и друзей.
 Ростислав Лозинский возле храма.
 Краевед Рассаднев. Лев Махно.
 Николай Милонов. В черных рамах
 Усов, Боть... Ходулин. Щербино.
 Пчелкина и Анатолий Карпов.
 Лебедь, Вознесенский и Кулев...
 Галкин жив — поэт гуляет в парке.
 Спит в земле Владимир Королев...
 Слава вам, ревнители Отчизны!
 Слава вам, отдавшим жизнь за то,
 Чтобы от рождения до тризны
 В Туле был живительный глоток...
 Что же дальше? Это неизвестно.
 Но подольше с нами будут пусть
 Те, с кем было людям интересно,
 Те, кто с Богом прошагали путь.

3 декабря 2020 г.

Татьяна СКВОРЦОВА

п. Нетьинка Брянского района
Брянской области

Татьяна Ивановна Скворцова (Лескова) родилась в п. Нетьинка Брянского р-на Брянской обл. Является активным членом ЛитО «Парус» (г. Сельцо). Полуфиналист всероссийского литературного конкурса «Родине поклонитесь», посвященного 200-летию И. С. Тургенева, в номинации «Поэзия». Член МСПМИ. Автор 2-х книг.

ТИХИЙ УГОЛОК МОЕЙ ДУШИ

Тихий уголок моей души:
Домик у реки да старый мостик,
Лодка на цепи, где камыши
Шепчут тихо: «Дождались, к нам гости.
Посмотри, купается заря
В нашей речке, как и ты когда-то,
Вечером дорожка янтаря
На воде от пламени заката.
Покосился домик у реки,
Не встречают старики, как прежде.
Бывшие соседи-земляки
В город переехали в надежде
Лучшей жизни. Суета сует.
Кто не смог уехать — на погосте.
С той поры прошло немало лет...
Будешь долгожданной нашей гостьей».
В сердце боль, и слезы на глазах
От вины, что редко навещала.
До сих пор я слышу в камышах:
«Где ж ты, сиротинка, пропадала?»
Так балуйте, чтите стариков,
Им звоните, приезжайте в гости,
Чтоб потом не плакать у крестов,
Чувствуя вину, на их погосте!

КРАСКИ ОСЕНИ

Размешала осень на палитре краски,
Раздала для бала всем деревьям маски,
Окунула кисти в золотую чашу
И сама решила, что так будет краше.
Рисовала быстро да сушила ветром,
Подгоняла лето, чтоб ушло с рассветом.
Не оставив даже времени — минуту
Чемодан собрать свой и уйти обутым.
Пробежался дождик по лесным дорогам,
Так и не простился с летом босоногим.
Лишь нашел под липой кузовок сплетенный:
В нем цветы и травы и орех ядреный.
Прослезилась осень, приняла подарок.
Праздник был на славу, день красив и ярок.
Угощала чаем с медом и малиной.
Попрощалось с летом криком журавлиным.

ТОРОПИТЕСЬ К РОДИТЕЛЯМ ВАШИМ

Одиночество ходит по свету,
Ходит, бродит по нашим домам.
Забываем, что где-то на свете,
Старики ждут от нас телеграмм.
Почтальон пожимает плечами:
«Телеграмм нет, и писем не шлют,
Собрались, значит, едут к вам сами
И на лето внучат привезут».
Вот уж осень, но нет телеграммы.
Почтальон не зашел. Вот беда!
Раньше времени старятся мамы,
Очень быстро летят их года.
Торопитесь к родителям вашим,
Окружите заботой своей.
Мир их станет счастливее, краше
От тепла так любимых детей.

Нина ГАВРИКОВА

г. Сокол Вологодской области

Родилась в г. Соколе. На пенсии по инвалидности, занимается кружевоплетением, пишет стихи и прозу. Член АРЛ, ЛитО «Сокол» и МСТС «Озарение». Награждена медалью за заслуги перед МСТС «Озарение». Руководитель МДЛК «Озаренок». Победитель районного и областного конкурса «Золотая Юнона».

Публикуется в журналах, альманахах и коллективных сборниках. Имеет три авторских сборника стихов и рассказов. Постоянный автор нашего альманаха.

ДРУЗЬЯ

Неугомонный вечер треплет крону,
Густые пряди разлохмачены вконец.
Трещит, но стойко держит оборону,
С усмешкой девичей твердит:
— Уймись, глупец!
Давно ли сам в тельняшечке на вырост
Смотрел сквозь ветви в небо на просвет,
Забыл, как сердце билось? Что случилось?
Узнал, что жизнь лишь суета сует?
Что зной полудня сменит в ночь прохлады,
Что пустозвоном полнится земля,
Что одному и майский мед не сладок,
Что главное общение и семья?
Чтоб утром провожали до порога,
А вечером в кафешке за углом,
Отбросив прочь заботы и тревоги,
Взахлеб рассказывал, что было днем?
Присев на корточки перед Березой, Ветер
В ответ печально голову склонил:

— Мир для влюбленных невесом и светел...
Как жить, чтобы на все хватило сил?!
2021 год.

НИКОЛО-ТРОИЦКАЯ ДВИНИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ В ШАДРИНО

Знакомый с детства уголок природы.
Густые травы летом просятся в стога.
Разрушенного храма стонут своды:
«Смывают фрески талые снега».
В ковре цветастом прячутся дороги.
Картина северной неброской красоты.
А ощущение странное тревоги,
Уныния, печали, пустоты.
Недавно рухнул крест и на могилах,
Как глыба неподъемная лежал.
И трое мужиков поднять не в силах.
На удивление — ночью крест пропал.
Налетчики разрезали на части.
(Цена в пять раз взметнулась на металл).
Святая Русь у дьявола во власти?
Народ российский разве обветшал?!
Забыли? «Прутик слаб по одиночке —
Единый, целый веник не сломать!»
Наверно, мы дошли уже до точки,
Пора нам храм Николы поднимать.
Богоугодным он стоит на взгорке,
Останки пятиглавья смотрят вниз.
Заброшенные церкви — опыт горький...
Ждут ангелы*, чтоб возродилась жизнь!..
2021 год

РЕЧКА ШОРЕГА

Плесо. Камни. Речка Шорега.
Будто в шапках набекрень
Стерегут два брата берега
Путь до ближних деревень.
Мостик ладный — лавы новые
Полумесяцем висят.
Доски, хоть и не дубовые,
Под ногами не скрипят.
Столько здесь бывало ноженек
Босых, в лаптях, в башмаках,
И, собрав всю пыль с дороженек,
Шли в калошах, в сапогах.
Век другой. Машины важные:
«Нивы», «Волги», «Жигули»
На мосту спешат отважные,
Знай теперь сиди-рули.
Плесо. Камни. Речка Шорега,
Будто в шапках набекрень,
Как и встарь два брата берега
Шлют привет из деревень.
2008 год

* Есть такое поверье: в заброшенных храмах живут ангелы. Тихо и безропотно стерегут двери и окна, ожидая тех, кто придет и поднимет из руин то, что было создано нашими предками.

Виктор МЫЗНИКОВ

г. Тула

Родился в г. Москве в 1939 г. В 1962 г. окончил Тульский механический институт (ныне ТулГУ) по специальности «САУ» и в 1972 г. — ЦИПК (Москва). Инженер, изобретатель, работал на тульских оборонных предприятиях. Академик МАНИ, отмечен ведомственными наградами. Имеет почетное звание «Изобретатель СССР». Член ТО православных писателей «Родник», член поэтического клуба «Лирик», участник Тульской общественной организации «Духовное соборное движение». Стихи пишет около двадцати лет. Дипломант ряда конкурсов. Наш постоянный автор.

ГОРА

Сияя в солнечных лучах,
Гора высокая стояла,
И вечность на ее плечах
Спала под снежным одеялом.
А где-то далеко внизу
Клубились грозные тучи,
Скрывали неба бирюзу,
Преградой свету став могучей.
Под тучами пологий склон
Рядился редкими домами,
Где люди из своих окон
Свет не видали месяцами.
«Мне так им хочется помочь —
С надеждою гора мечтала, —
У них лишь вечер или ночь,
Так света солнечного мало.
Трудолюбивый здесь народ,
Чтит стариков, обычай предков,
Передают из рода в род,
И верит — будет время света.
Я попрошу своих подруг,
Соседок-гор, чьи склоны в ветлах,
Чтоб разошлись, разъяли круг,
Дорогу уступили ветрам.
Пусть пронесется ураган,
Разгонит грозных туч армаду,
И людям света океан
За веру будет как награда».

ПОХВАЛА

Кипел от напряженья разум,
Стремясь понять святого фразу:
«Коль хочешь погубить кого-то,
За добродетель похвали его ты».
Решил, для тех, кто возгордился славой,
Такая фраза оказалась правой,
А кто смиренен в доброте посильной,
У тех от похвалы лишь крепнут крылья!

Хожу в «Родник» я, православный клуб поэтов,
И вижу справедливость фразы этой.
Для большинства, кто клуб наш посещает,
Хвала творит добро и веру укрепляет.
Стремлюсь добро я делать сокровенно,
С любовью, всей душой и вдохновенно,
И рад, что у людей, как у природы,
В сердцах добро дает благие всходы.

СОВЕРШЕНСТВО

В тонком теле я летаю,
С Временем судьбу меняю,
И поэтому охотно
Изменяется Мир Плотный.
В жизни новые преграды
Принимаю как награды
И, как следствие, в блаженстве
Постигаю совершенство!
К совершенству путь открытый —
Добрым делом и молитвой.
По ступеням поднимаюсь,
Днем и ночью занимаюсь.
И как будто ниоткуда
Происходит в жизни чудо —
Все обходит стороною,
Что других так беспокоит.

Ольга ЖОГЛО

г. Энгельс Саратовской области

Член СЖР, участник
«Клуба покровских гениев» (г.
Энгельс). Публиковалась во мно-
гих журналах, альманахах, кол-
лективных сборниках и других
изданиях. Лауреат ряда всерос-
сийских и международных кон-
курсов. Лауреат IV фестиваля православно-
патриотической песни и поэзии «Святой Георгий»
(г. Саратов, 2019, 1-е место в номинации «Поэ-
зия»).

РАФАЭЛЬ

Вечный юноша, худенький отрок,
Юный паж тридцати семи лет...
В ослепительно-римское утро
Перешел флорентийский рассвет.
Вдохновенью и правде причастный,
Для трудов и восторгов рожден,
Нежный звук, непонятно-прекрасный
В череде ренессансных имен.
Сын гармонии животворящей,
Палладин босоногих мадонн,
Осязаемо-близкий, дразнящий,
Недоступный, несбыточный сон.

«СИКСТИНСКАЯ МАДОННА»

Свете тихий, весь мир озаряющий,
Умиряющий, как тишина,
Чистотой и покоем пленяющий
И качающий, словно волна!..
Разве нет в этом тайны волнующей,
Что от этой картины живой,
О предчувствии мук повествующей,
Разливается свет золотой?..

КРАМСКОЙ

Способна жить и не дыша,
Но не способна — не страдая...
Какая русская душа,
Неосмотрительность какая!
Сплетенье судорожных рук,
Привычных к бегу чуткой кисти,
Боязнь и жажда новых мук —
Соблазн и страх неновых истин.
Мельканье вымученных лиц —
Неиссякающая склонность.
И ощущение границ
И безграничности огромность.

«НЕИЗВЕСТНОЙ»

И. Н. КРАМСКОГО

Всю ночь с небес крошило пухлым снегом...
А в час, когда заря уже видна,
Черты домов плывут, сливаясь с небом,
Явилась, как знамение, Она.
Укутан в бархат чуть колючий локоть,
И город, преклонив свои мосты,
Припудрив снегом прежний смог и копоть,
Ее не оскорбляет красоты.
Как будто сутью тайны обладает,
Она царит, несуетно свежа.
О будущем надменно не гадает,
Моменту одному принадлежит.

Марина ЩЕНЯТСКАЯ

г. Белгород

Родилась в 1984 г. в Белгороде. Кандидат экономических наук, доцент. Работает в Белгородском государственном технологическом университете имени В. Г. Шухова. Автор книги стихотворений «В сети волшебных лабиринтов». Лауреат международных и всероссийских поэтических конкурсов. Стихи публиковались в ряде литературных журналов и альманахов. Постоянный автор нашего альманаха.

Кружева вишен коснулась заря.—
Легок и пышен их белый наряд.
Словно земля посреди облаков.
Ангельский шепот — шум лепестков.
Словно проник в несказанное взор,
Райского неба окинув простор.

МАМЕ

Что скрыто в тайниках души,
Так трудно выразить словами...
Спасительный маяк в ночи —
Сиянье глаз любимой мамы.
Благословен тот летний день,
Когда сквозь час рассвета зыбкий
Господь с небес в земную тень
Пролил тепло твоей улыбки!
Благодарю я всей душой
Тебя за мир с прекрасной былью.
За жизнь. За радость, что со мной
Твоей любви святые крылья!..

АВГУСТ

Август румяным яблоком лег у ног.—
Тающим медом твой истекает срок.
Запечатлеть сполна, солнца набраться впрок...
Пусть будет долгим лета последний глоток!

Догорает костер, уступая сиянию звездного света.
И лимонная долька луны так тоскливо глядит
на меня.
Эта летняя ночь — словно страшную тайну —
не выдаст ответа.
Да и я не посмею просить у нее озаренья огня.
В бесконечных созвездьях я мысли и чувства
топлю,
И нисходит покой на мятежную душу мою.

Анна БАРСОВА

г. Екатеринбург

Анна Барсова (Анна Барсегян) — поэт, прозаик, переводчик, публицист, литературовед. Член СРП, АРЛ, Российского и Международного литфондов и др. организаций. Филолог, культуролог. Издано свыше двадцати книг поэзии, прозы, переводов и учебно-методических пособий. Стихи и проза поэта публикуются в газетах и журналах. Лауреат многих премий. Лауреат и дипломант международных и российских литературных фестивалей и конкурсов. Участник международных научных конференций в Москве, Елабуге, Казани, Ереване, Екатеринбурге, Набережных Челнах. Стихи и статьи поэта переведены на английский, французский, японский, сербский и другие языки. Наш постоянный автор.

ИЗ ЦИКЛА: «ЗАВЕТНОЕ»

Это было давно... И не припомню, когда
Мне приснился лед синий — голубая беда.
День проплакал, и к ночи вижу тыщу глубин,
Только лед почему-то взял у неба всю синь!
Он казался печальным. На изломах кусков
Я твой взгляд примечала — нету крепче оков!
А потом приходили люди, годы, слова,
И кого-то клеймили, и кружилась молва...
Приступ боли охватит сердце, сердце мое,
И со льда ко мне встанет отраженье твое!
Улыбнется бесстрастно, повернется спиной,
И уйдет безвозвратно, как полуденный зной!
Нет, не надо глубин мне и не надо мне льда,
Ледяные мотивы — все пройдут без следа!
Ты же плачь, нежно-синий и измученный лед,
Караван журавлиный начинает полет!

ЛАНДЫШ

Звонят о жизни колокольцы,
Звонят, звонят... Кому, куда?
Звонят, и вижу, входит солнце,
Дождей веселая вода.
Весна поет, ликуя, пляшет,
В душе моей она давно...
И знаю, на ушко мне скажет,
Что ландыш с нами заодно!

Ах, как важно, что будет в будущем,
Будет в апреле и будет в мае!
Я ведь знаю, как меня любишь ты,
По глазам твоим все я читаю!
А мир наш беспечный и маленький,
Хрупкий, конечно, он и прекрасный,

И дом теплый, старая «сталинка»,
Где мы пели с тобою романсы!

... И сложилась мелодия чувств,
И в душе непонятный трепет.
Как за эту песню я возьмусь?
Я — не Бог, а всего лишь пепел!

Дина ЮДИНА

г. Тула

Дина Юдина родилась в г. Щекино Тульской обл. В ТулГУ получила высшее юридическое образование. Живет и работает в Туле. Произведения опубликованы в ряде сборников и альманахов г. Тулы и г. Москвы. Автор двух сборников стихотворений «Рифмы повседневности» (2019 г.) и «Рифмы путешественника» (2021 г.). Постоянный автор альманаха «Ковчег».

РЭХМЭТ, ЭНИ*!

Рэхмэт, эни! Рэхмэт, эни!
Капель звенит, светлеют дни.
Ты мой исток, ты мой урок,
Ты наполнение этих строк.
Где тишина мой главный Бог,
Там ты, и нет других дорог.
Родной язык, родная мать...
Рэхмэт, эни — пора сказать.
Пора пропеть слова любви.
Рэхмэт, эни! Рэхмэт, эни!
Рожденья день, рожденья час
Объединяют вечно нас.

УРОВЕНЬ ЧЕСТНОСТИ

Есть уровень честности разрушающий:
ногами на стол, прямотой вопросов,
решающий, твердый и даже лающий,
и вызывающий на допросы,
вечно ревущий и все ломающий.
Есть уровень честности возвышающий:
в нем материнское, женское, вечное,
младенца Иисуса на крест призывающий,
улыбкой и взглядом первого встречного
все объясняющий и прощающий.
Прошу материнской, прошу прощающей,
вне жизни и смерти любви глоток,
не стать мельтешащей, не быть мелькающей,
а нежность вложить в сердце этих строк,

и жить как ребенок, все допускающий.
«А если не протестовать, то кто я?»
А если не протестовать, то кто я?
Кто я без древнего, как мир, воя?
Я есть тот вой.
И буду им, покуда
Мне не придется навсегда пропасть отсюда.
Вся жизнь моя — решительное нет
Борцам за чистоту религий, расы,
Кто делит всех на касты и на классы
Десятки, Боже, сотни тысяч лет...
На гороскопы, темпераменты и чакры,
На феодалов и с землей чуть больше акра,
На темных и на тех, кто сразу в свет.
Я правда!
Кости — правда, вены — правда!
И каждый прожитый мой день оправдан,
Когда извечный вой не заглушить,
Когда ему дают возможность жить.

РОД

Когда род твой — сила,
ты растешь как сладкий и крепкий плод,
набираешь сок,
наслаждаясь солнцем и ветром впрок,
вызреваешь в срок
и летишь стремглав с этой ветки вниз —
раньше ты не мог.
Помнят сок и мякоть
все укусы шмелей и жужжание пчел,
все дожди и слякоть
и все то, чего ты и не учел
и о чем не плакать,
а струиться чистым живым ручьем
и с порогов падать.
И питать те корни
смесью сока
с брызгами диких вод —
эти корни помнят,
как ты сам был просто на ветке плод
и ручей задорный
серебрился рядом из года в год.

ЖАРА

Жара раскалила, размазала:
Сидим на веранде вдвоем,
Врачуем друг друга рассказами
О пережитом, о былом...
Побудь! Мне от жажды не спрятаться.
Я раненый огненный зверь,
Мне поздно креститься и свататься,
И в общем ненужно — поверь.
Сигнал здесь плохой, не достанемся
Звонкам, соцсетям — никому.
Сегодня мы вечности кланяемся
И небу поем одному.

* Рэхмэт, эни — в переводе с татарского языка «спасибо, мама».

МНЕ ТАК ПЕЧАЛЬНО

Мне так печально,
что ты не такая,
какою ты могла бы быть.
Я столько лет надеюсь и страдаю,
а ты, как раньше, выбираешь стаю,
вместо того чтобы любить.
Открыта рана,
роль второго плана
моя.
И с этими надо жить.
Прощаться нам с тобою
слишком рано,
но я не знаю, как теперь
дружить.
Пойми, родная!
Ты не этой стаи
и выбираешь вовсе не себя.
Давай с тобою жизнь перелистаем,
найдем где снег уже растаял...
Прошу, ты только выбери
меня.

ДЭУ ЭТИ*

Дэу эти... Слова родные
В моих мыслях промелькнут:
Вспомню я глаза живые
И гаражный твой уют.
Вспомню запахи и звуки...
Мне всего лишь девять лет...
И морщинистые руки —
Те, которых рядом нет.
Дэу эти! За что все это?!
Как сожгла тебя напасть!
И к гранитному портрету
Мне теперь цветочки класть?
Тот портрет мой нелюбимый,
Мне милей совсем другой.
Он в душе моей — незримый,
Но зато всегда живой.
Живы в нем болты, отвертки,
Хлеб, который ты возил,
В кладовой мешки и свертки,
Шорох сена из-под вил.
Телевизор в зале громкий,
Пульт в руке твоей зажат,
На столе бокальчик звонкий,
За окном уже закат.
Золоченая улыбка,
Поцелуй шершавый твой —
Все так дорого и зыбко.
Биг салам** тебе, родной!

* Дэу эти — в переводе с татарского «дедушка»

** Биг салам — в переводе с татарского «большой привет».

МАМА РЯДОМ

Очки сняла, легла тихонько
Поближе к дочке-ангелочку,
Коснулась пальчиков легонько,
Расправив складки на сорочке.
Глаза в глаза глядят с улыбкой,
И крепнет связь у дочки с мамой.
И будет звать своею рыбой
Она до старости до самой.
А дочка этот образ мамы,
Лежащей на подушке рядом,
Перенесет сквозь боль и драмы
И все житейские преграды.

Я знаю, ты родишь ребенка!
Узнаешь счастье материнства!
И завернув его в пеленку,
С малюткой ощутишь единство.
Молюсь я в тайне о здоровье
Твоем и малыша в утробе.
Душа пережила зимовье,
И тают на глазах сугробы.
Как мудро в жизни все, как просто —
Я наслаждаюсь, наблюдая.
Ты мне нужна, как свежий воздух,
Как Богородица Святая!

ВСЕМ УЕХАВШИМ

Они уезжают от боли.
Ее невозможно терпеть.
Попытки топить алкоголем,
Куриль или просто болеть
Предприняты и не спасают.
Они все-равно уезжают.
Им жить беззащитно, открыто
Уже надоело и страшно.
Привыкнули и к людям, и к быту,
Найдут то, что греет и важно.
И русских держаться,
И даже за рюмкой подражаться.
Дороги в России разбиты —
В окурках, листве и щебенке.
А то, что по ним вы ходили
С бабулей за ручку ребенком?
Вы сами тот лист и щебенка,
И старое фото на пленке.
Родные, я вас понимаю!
Когда заскребет ночью тихо,
Встаешь заварить себе чаю —
По-бабушенски, с облепихой
И книгу читать.
Но быть здесь. Не бежать.

МОИ СТИХИ

Мои стихи. Мои странно рожденные сыновья.
Стрелы мои, отправленные в дальние города

и страны.
Когда перед Матерью Мира предстану в последний час я,
Она исцелит их источник — душевные раны.
Вы примите форму конвертов, журналов, постов,
поможете мне уберечь и избавить от скуки.
Из множества слов или даже из нескольких слов —
протянете к людям из сердца растущие руки.
Но здесь на Земле у меня появляется дочь.
Нежна, непоседлива, в общем, как имя — «живая».
И в Землю теперь я врастаю корнями точь-в-точь,
как предки, которых я, зная себя, тоже знала.

Валерий КУЛЕШОВ

г. Щекино Тульской области

Родился в 1949 г. в д. Паленке Становлянского р-на Липецкой обл. В 1987 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького (творческие семинары С. А. Поделкова и В. Д. Цыбина). Стихи публиковались в ряде журналов и альманахов Автор

поэтических книг «Власть огня», «Зерна боли», «Мера времен», «Плоскость песни», «Корни слова», «Память чувств» и др.

Остро чувствую:
раннее
ищет свой след в позднем,
жестко во мне уравнивая
«до» и «после».
Не помышляя о выгоде,
слово не тратя всуе,
вдруг получаю на выходе
то, что несу я.
Эти шаги измерены
чувством одним.
Я
выпадаю из времени,
чтобы парить
над ним.

Я иду по земле.
Спотыкаясь,
бреду по земле...
На взыскующий путь
до конца не ответив,
я иду по земле,
раздвигаю пространство,
и ветер
пробивает
кривую дорогу ко мне.
Принимая лицом
вдохновляющий
жгучий порыв,

я зубами хватаю
обрывки седого напева
и, печаль родовую
на свой лад
повторив,
прорастаю на белом...

Шаткая почва толкает выше.
Падая в тишину,
там, где отцовское слово дышит,
слышу — и мать, и жену.
Это всегда вдохновляет и держит
в строгом единстве своем.
Если мужское начало — стержень,
женская боль на нем.

Освободиться, отбросить, забыть...
не забывается.
Ком этот в горле ничем не запить...
вглубь забывается.
Ясных видений — не избежать:
странное вспомнится...
Сердце иссякнет, тогда и душа
светом исполнится.

НОЧНЫЕ СТРОКИ

И на душе
светло, как днем,
когда,
смирненное и тише,
нечаемая строчка дышит
неопаляемым огнем.

НАСТРОЕНИЕ

Предошущение потери,
за ним —
предчувствие вины,
вина,
и далее — по теме:
ожог
и холод вдоль спины.
Пространства узость,
времени невнятность,
пропущенная мимо
весть,
что снова
не спешит являться...
И это —
все, что есть.

ЛЮБОВЬ

Прикрыв собою,
как свечу,
ее несущу.
О ней — молчу.

ВЗГЛЯД

Не оправдаться
ни вздохом, ни песней,
ни осенясь крестом.
Это —
послушное воле небесной —
ночью приходит в дом.
Силой,
стоящей и над стихами,
грозным орудием взят,
неумолимо меня настигает
незатупившийся взгляд.

Владимиру Егуекову

Ночь — непроглядна.
До утра
все так, как прежде.
И неизбывный гнет утрат,
и — безнадежность...
Но постучит в окно ветла
седого сада...
И ты — отпрянешь:
боль — светла...
Все так, как надо.

Черным пути запорошены
/белого — так хотел.../,
давит безмерной ношею
груз невозвратных потерь.
Нету отсчета обратного,
воспоминания — ложь...
Жизнь
лишь тогда и оправдана,
если себя найдешь.

ПОКАЯНИЕ

Восьмое чувство

Грешен... Всего не помню.
И за один
— во всех —
каюсь с нездешней болью...
Он — первородный грех.
Для покаяния все есть,
если сохранены
и неумолчная совесть,
и растворенное в слове
чувство вины.

ВЕЧНОСТЬ

Пересекая попутное встречным,
в точке спряженья высоким звеня,
близит ответ неподкупная вечность,
пристальней всматривается в меня.

Не пропаду, не исчезну, не сгину,
и до Суда оставаясь истцом...
Прошное испепеляет спину,
будущее — омывает лицо.

СУДЬБА

Следовать воле таких стихий
не пожелать и врагам.
Если бы просто
одни стихи —
судьбы слагал.
И ладно бы если одну свою,
но нет же —
одну на двоих —
песней, которую пел и спою.
Да что же я натворил...
Взгляд заплутавший
молча вернет
жгучий туман глазам...
То, что прожито наперед,
не отверстать назад.

Я прошел по земле,
я устал торопиться,
я прошел по земле,
продохнуть бы чуток, да водицы.
Я стою на земле,
изнемогшие ноги не держат,
я стою на земле,
изогнулись и посох, и стержень.
Я сижу на земле,
нету мочи собраться, подняться,
я сижу на земле,
вы простите уставшего, братцы.
Я лежу на земле,
наточите острее лопаты,
я лежу на земле,
проводите достойно, ребята.
Я лежу под землей,
я в земле — не растаю,
я лежу под землей,
я в ее сердцевину врастаю.
Я взойду из земли,
поднимаясь глубинною песней,
я взойду из земли,
оставаясь корнями с ней вместе.
Поднимусь над землей,
загляну в неземные пределы,
поднимусь над землей,
значит — путь свой недаром проделал.
Растворюсь в небесах,
но с землей — не прощаюсь:
растворюсь в небесах,
ясным светом сюда возвращаясь.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Сосредоточен.
Сдвинув брови
/жизнь по-другому — не полна/
мой внук
косого зайца ловит...
Дай Бог
ему
его поймать.

УЗЕЛ

... и тасовать вопросы те же,
на верный — выправлять ответ
/в конце концов — а что же держит,
что наполняет этот свет?/,
и преломлять краюху хлеба,
и твердо ощущать в себе
всю глубину сквозную Неба
и всю его любовь к Земле...

Сергей ЛЕБЕДЕВ

г. Тольятти Самарской области

Лебедев Сергей Александрович родился в 1949 г. в Рязанской обл. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2012). Лауреат и дипломант ряда всероссийских и международных конкурсов.

Член РСПЛ (Самарское РО). Стипендиат Министерства культуры РФ (2017) Член редколлегии альманаха «Параллели» (г. Самара). Постоянный автор альманаха «Ковчег».

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

РУСЬ

Солнечным днем да погодою тусклой,
В снежный буран иль под крик журавлей
Я припадаю к спасительной, русской,
Дивной красе и лесов, и полей.
Я исходил перелески, овраги,
Берег реки в предзакатной тоске,
Словно по белой и ровной бумаге
След оставлял на снегу и песке.
Шел я в грозу по размытой дороге,
Ноги скользили, и хлопала грязь,
Даже и с ней, этой вот недотрогой,
Чувствовал телом, душою я связь.
Тех перемен, что с моею страной
Произошли, не могу я понять.
Вечно в истории быть ей больною,
Или на русскую долю пенять?
В лес ухажу, в тишину, в буреломы,

Все забываю под пение птиц,
В поле осеннем на ворох соломы
Падаю в стебли пшеничные ниц.
Русь моя, знаю, что время — другое,
И ты теряешь исконность свою...
Всякий, неужто же, станет изгоем,
Кто отстоял тебя с верой в бою?
2014 г.

О РУССКОЙ ДУШЕ

А что такое — русская душа?
Какое-то особенное диво?
Которое, устои все круша,
Лишь усмехается над жизнью криво?
Над простотой и глупостью своей,
Над бесшабашной лихостью широкой?
Над стоном обездоленных полей
Или покрытой ямами дорогой?
И сердце разрывается в тоске,
Ведь я по своим предкам — тоже русский,
Но их следы размыты на песке,
И шаг в лесах уже не слышен хрусткий.
Дар поколений — русская душа?
От вятичей, древлян ее начало?
Ведь Русь, в трудах историю верша,
Выходит, о душе не забывала.
Простор полей и сумрачность лесов,
Степенное течение речное
И не закрытый на двери засов,
И теплое дыхание печное —
Быть может, в этом русская душа —
Открытая, спокойная, с участием.
Ты лишь не тронь ее, а то круша —
Она бывает яростной, с ненастьем!

2016 г.

ЭПИТАФИЯ

Друзья уходят не прощаясь,
Нам оставляя боль и грусть.
Ложится на сердце усталость —
Как неподъемен этот груз.
Друзья уходят, в сердце стужа,
Молчанье скорбное в ответ.
И никому теперь не нужен,
И не было прошедших лет.
Друзья уходят, явь осталась,
Без них мы продолжаем путь.
Пройдет и на сердце усталость,
И память просит: «Не забудь!»
Друзья уходят, мы их помним.
Жизнь, словно в августе звезда,
Прочертит путь по небосклону
И в вечность канет навсегда.
И ничего здесь не поделать,
Бессилен разум над судьбой.
Живым — терпеть, бороться, верить.
Ушедшим — память и покой.

2017 г.

АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Кто-то мягко подталкивал в спину,
Кто-то на ухо тихо шептал,
Шел Андрей сквозь раскисшую глину,
Слезы дождь по щекам размывал.
Русь терзали князья и ордынцы,
Разоряли мечом и огнем.
Усмехались заморские принцы,
Но слетались на пир вороньем.
Над полями то — дым, то — туманы,
В храмах копоть на белой стене.
Жгут иконы в кострах басурмане,
Кровь и пот на дубовом бревне.
Засыхали немые кисти,
Почернела без красок доска,
Снег ложился на желтые листья,
А в душе накопилась тоска.
Но поднялся Андрей над печалью,
Словно колокол в сердце гудит,
Небеса голубеют над далью,
Белый лебедь над Русью летит.
Торжество просветленья, покоя
Воплотилось народной мечтой.
На иконе в единстве все Трое,
Есть гармония в мысли простой!
Сонмы лет над Вселенной кругами,
Русь — загадка для многих царей.
Лишь тягаться не надо им с нами —
В каждом русском — частицей Андрей. 2019 г.

Наталия СИЛАЕВА

г. Серпухов Московской области

Поэтесса с псевдонимом «Натали». Творческой деятельностью занимается с 2005 г. С 2010 г. является руководителем ЛитО «Клио» (г. Серпухов). Имеет многочисленные грамоты и дипломы, а также благодарности. Собственные издания: «Слова из сердца... юности слова...» (2009 г.), «По течению жизни» (2010 г.). Произведения Натали опубликованы в коллективных сборниках современных поэтов, в альманахах, в журнале для детей, СМИ, на специализированных порталах в сети Интернет. Составитель и соавтор четырех книг. В 2014, 2016 и 2020 гг. присуждена стипендия Губернатора Московской обл. молодым талантливым авторам. В 2016 г. присуждена стипендия Главы г. Серпухов молодым талантливым авторам. В 2018 г. присуждена 2-я премия в категории «Инициатива» (номинация «Культура и творчество») в ежегодной премии Губернатора Московской области «Наше Подмосковье» (проект «Тепло души подарим миру!»). Постоянный автор нашего альманаха.

Старое дерево в городе С.
Обнимает фонарь золотыми руками.
Только ночь, тишина, свежавывающий снег...
И украдкой дома наблюдают за нами.
Пусть пройдет, пролетит еще множество лет,
И исполнятся, может быть, чьи-то желанья...
Только ночь, тишина, фонаря теплый свет
Будут жить в фотоснимке, достойном вниманья.

[ГАЗЕЛЬ] О ГОРОДЕ

Мой город маленький и древний
Моим мечтам о счастье внемлет.
Порой прислушаться бы надо,
О чем вещают его стены...
Хранит мой город сказ о прошлом,
Но исчезает постепенно.
И плачут камни старых зданий,
Что современность не приемлют.
Но память просто не сотрется:
Живут и дышат прошлым земли.
Мой город просто засыпает —
Он измененья не приемлет.
А Натали в стихах опишет
Сны города, пока он дремлет.

СМЕЛЫЙ СДЕЛАЮ ШАГ

Смелый сделаю шаг — и тем самым ступлю,
И тем самым ступлю на благой жизни путь.
И, наверно, тогда только я и пойму,
Я пойму, что нельзя нам судьбу обмануть.
Пусть случается все, чему быть суждено,
Чему быть суждено — мимо нас не пройдет.
В судный день будет все «от и до» зачтено,
«От и до» зачтено — два пути нас всех ждет.
Да, я выбрала путь — он тяжел и тернист,
Он тяжел и тернист, но ведет к небесам.
Шаг за шагом иду по ступеням я ввысь,
По ступеням я ввысь все стремлюсь к облакам.
И я камни-пороки в пути обойду,
Их в пути обойду — нет, нельзя мне свернуть!
И, минуя капканы судьбы, я скажу,
Я скажу, что нельзя выше жизни шагнуть.

Подарите мне букет одуванчиков.
Да-да, белых, воздушных, пушистых.
Не ромашек и не мать-и-мачихи...
Нет, не надо, чтоб просто и быстро.
Говорите, невозможно? Вам кажется.
Мы привыкли не вкладывать душу
Ни в подарки, ни в дело, ни в саженьцы...
Так и делаем: проще — не лучше.
Подарите мне букет одуванчиков.

Закрываю глаза — пустота.
Время-доктор все лечит, стирая;

Но тоскливо мне как никогда...
 Говорят, в прошлом — ад и нет рая.
 Открываю глаза — пустота.
 Не живем, а свой срок отбываем.
 Строим замки себе из льда,
 А потом сами в них замерзаем.
 Загляните в глаза — там душа
 Отражается еле заметно.
 И искрится слезинка дрожа,
 Высыхая почти что бесследно.

Вадимир ТРУСОВ

г. Мончегорск Мурманской области

Вадимир Трусов — поэт, прозаик, публицист, критик, автор-исполнитель, член СПР, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, лауреат всероссийских и международных конкурсов авторской и патриотической песни, зав. отделом критики и литературоведения всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», автор семи книг стихов и прозы, а также музыкального альбома «Песни без сожалений». Наш постоянный автор.

Знаешь, несчастья не происходят вдруг.
 Кажется только... А глянешь — и ждать устали
 Случая рокового, о чем вокруг
 И тарахтят, смакуя всю детали.
 Всякий подобный случай, что твой пацан,
 Начисто потерявший былую скромность,
 Ибо назначен шляться по адресам,
 Определяемым дядькой, чье имя Хронос,
 (Где уж там справедливо!) почти любя,
 С явным намеком в каждой такой потере,
 Нам, загоняющим в землю самих себя,
 Не торопиться с этим, по крайней мере.

Знаешь, несчастья не происходят вдруг.
 Кажется только... А глянешь — и ждать устали
 Случая рокового, о чем вокруг
 И тарахтят, смакуя всю детали.
 Всякий подобный случай, что твой пацан,
 Начисто потерявший былую скромность,
 Ибо назначен шляться по адресам,
 Определяемым дядькой, чье имя Хронос,
 (Где уж там справедливо!) почти любя,
 С явным намеком в каждой такой потере,
 Нам, загоняющим в землю самих себя,
 Не торопиться с этим, по крайней мере.

Тормознем на минуту? Ага?
 Здесь в снегах
 Зимовало тепло, заплутав
 В наших гиблых местах.
 Презирая уют номеров
 Постоялых дворов,
 Опустилось в сугроб,
 Жарким телом снега подпалив
 Вплоть до мертвой земли.
 И полярная мгла,
 С непривычки к подобным делам,
 Быстро таяла в луже костра.
 Не дождавшись утра.
 Все путем бы, да здесь
 Отродясь не случалось чудес:

Сбив дыхание, глупый пожар
 Вскоре пеплом лежал.
 Продолжения нет.
 Злой улыбки прокуренный снег
 Доверяя холодным губам,
 Я полжизни хлебал
 Бесплезную блажь,
 Ожидая чужого тепла...
 А билеты на призрачный юг
 Пусть другим продают.

Вздорных делишек наглая мошкар,
 Изю дня в день отнюдь не бесплатный цирк,
 Где вся программа — дохлые номера.
 Что вы на это скажете, мудрецы?
 Я от рождения «не был», «не состоял».
 Нечем гордиться, не о чем сожалеть.
 Только вот годы трусости и вранья
 Много длиннее иных календарных лет.
 Хвастаться бы, что стреляный воробей,
 Да стережет мякину секретный гриф.
 И не на семь, на все сорок девять бед
 Ответ единственный. Тоже мне логарифм!
 Элементарное кажется ерундой.
 Забот полно: то праздники, то война!
 Мы трехэтажным крыли дурдом родной,
 Но ведь и в самые лучшие времена,
 Наша земля — особенный каравай...
 ...Вот ведь свободный вечер — тоска и жуть...
 Ладно, ямщик, поехали! Наливай!
 Может и вправду, Господи, завяжу,
 Но не сегодня! Хватит мораль читать!
 Вскоре, усвоив сомнительный эликсир,
 Автопилот научит меня летать,
 И, приземляясь, не выпускать шасси!
 Зря ухмыляешься, глядячи на меня!
 Выношен в сердце мой авантюрный план:
 Форму и содержание уравнивать
 Прежде, чем к неотложным вернусь делам,
 В буднях постылых вновь обнаружив смысл.
 (С жаждой справляться, орудуя решетом).
 Зря над собой не смеемся мы,
 Искренность консервируя «на потом».

Борис РЯБУХИН

г. Москва

Борис Константинович Рябухин (литературный псевдоним Борис Карин) — российский поэт, прозаик, драматург. Родился на Дону, вырос в Астрахани, окончил технический вуз и ВГИК. Член СП СССР с 1986 г. и СЖ с 1973 г. Работал редактором в Москве: в «Молодой гвардии», «Литературной газете», журнале «Юность», издательстве «Художественная литература». Автор более тридцати книг поэзии, прозы и драматургии. В настоящее время он вице-президент Международной Академии литературы, науки, искусств «Русский слог». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

КУДЕЯР

Притча

Как бежит оврагом речка Истья,
Прячется под травы да под листья.
Поперек ее у хат Чулковых —
Семь камней больших известняковых.
Старожилы говорят, под пятым
Кудеяр сокровища запрятал.
И слова на этом камне были,
Только их завистники срубили.
Как подвинуть камень ни старались —
Лишь по пояс в землю погружались,
А о тайном кладе не дознались.
Кудеяр Тишининов был строгий.
Молодчина рослый, черноокий.
Кудри — из-под шапочки-мурмашки.
Да, имел разбойничьи замашки.
Как наденет свой кафтан камчатый
Да покажет норов неуятный,—
Послужил, мол, Грозному Ивану,
А теперь и сам грозою стану.
По Москве, по Туле, по Рязани
Вешали, рубили да вязали,
Славить Кудеяра приказали...
Говорил он братьям Лихаревым:
«Вы пойдите в Старые Дубровы.
Мужиков от крова оторвите,
На четыре стороны гоните.
Ну, а баб оставим веселиться,
Без мужей постылых налюбоваться.
И рукам пора заняться делом,
Чтобы воля нам не надоела.
Пусть полы сосновые намоют,
Пусть столы дубовые накроют,
Колокольным звоном удостоят!»
Не полы, а вековые сосны.
Не столы, а старые погосты.
И горит глубокими ночами
Огонек над черными камнями...
Клад несметный воры охраняют

Да о Кудеяре вспоминают.
Эти воры больше не воруют
И за волю больше не воюют.
Грозный царь велел остепениться
Да болотным зельем похмелиться.
Непочатый клад в земле томится.

ЗОЛОТАЯ ЛАМПАДА

Притча

В тревожных потемках
Корсановский лес.
Срываются тучи
С летящих небес.
От страха луна побледнела.
И вдруг на дороге
Встречается мне
Сияющий всадник
На белом коне.
«Ты кто?
Из какого предела?» —
«Я — старый пустынный
По имени Грек.
Я здесь зажигаю
Который уж век
Свою золотую лампаду.
Я был богомазом,
По свету бродил.
У речки Вороны
Вдову полюбил.
Но с нею мне не было сладу.
С красавицы я
Богоматерь писал.
В лице ненаглядной
Святое искал.
Грешно —
На живую молился.
Но горе случилось:
Вдова умерла.
Пустынником стал я.
Вдруг робость нашла —
Мне образ в киоте грозился.
Я справил поминки —
Все так же грозит.
Украсил оклад
В аметист, малахит —
Грозит!
Выражает досаду.
Лишь тем я иконе
Сумел угодить,
Когда все богатства
Решил перелить
В одну золотую лампаду...
И время мое
На земле истекло.
Икону с лампадой
Я спрятал в дупло
Березы
От грешного взгляда.
С тех пор по ночам
Из предела теней

Являюсь сюда я
К иконе моей —
Зажечь золотую лампаду».
К березе корявой
Приблизился конь.
Пустынник лампы
Коснулся рукой —
Исчезла ночная завеса.
И чудо-икона
Растаяла вмиг.
В рассветных лучах
Растворился старик.
И вспыхнуло солнце над лесом.

КРУПЕНИЧКА

Притча

На Руси жила-была царевна,
До того красива да пригожа,
Что цветком казалась на поляне.
Звери к ней доверчиво ласкались,
Птицы у нее из рук клевали,
Люди с нею забывали горе.
Как для всех одно-едино солнце,
Так любили люди Крупеничку,
Юную прекрасную царевну,
Потому что красоту земную
Чувствуют душой и привлекают
На земле и молодой, и старый.
Подружился с Крупеничкой Сокол,
Что летал высоко в поднебесье,
От напасти он хранил царевну.
Но нашла на землю туча злая:
Вороны на Сокола напали —
Крупеничку выкрали ордынцы.
Не закат средь бела дня багряный —
То шатер под месяцем ущербным,
А в шатре сидит Кучум утрюмый.
Перед ним — горюнья-Крупеничка,
Не по доброй воле шелк заморский
Серебром-слезами расшивает.
Собрались неверные ордынцы,
Бородами жидкими качают,
Красоте не могут надивиться.
А в печали украшенья блекнут,
Яркие наряды выцветают,
Даже солнце кажется унылым.
Но и скорбь царевну украшает.
Чистая слеза лица не портит.
Что же делать бедной полонянке?
Красоту и силой не отнимешь,
За нее и выкуп не назначишь.
Неужели погибать в неволе?
Но как только солнце закатилось
И ордынцы накрепко заснули,
Прилетел к шатру любимый Сокол.
Он упал на землю камнем с неба —
Русским парнем тотчас обернулся
И вошел тихонько к Крупеничке.
И свершил он с нею чудо в тайне:
Обратил ее в зерно живое

И отнес его на Русь святую.
Он вспахал нетронутую землю —
Та земля сильна и плодородна —
И в нее с любовью бросил семя.
Наяву теперь свершилось чудо:
Из зерна росточек потянулся,
Обернувшись юной Крупеничкой.
Глядя на нее, дивились люди —
Как она осталась невредимой?
Вновь высоко взмыл на небо Сокол.
А добро и в малом — как в великом:
Сильный ветер разметал по полю
Шелуху зерна от превращенной,
Из нее по всей Руси просторной
Проросла медовая гречиха,
Что зовут любовно крупеничкой.

ЕРМАЧОК*

*Татары же сразу побросали копыта свои и побежали
за реку Вожу, а наши стали преследовать их, рубя
и коля, и великое множество перебили их.*

(Рогожский летописец XV века)

Еще солнце над Ордой не закатилось,
Еще поле Куликово не дымилось,
Но пропели трубы сборы над Москвою —
В каждом доме оказалось по герою.
Обломали когти хищному Асану,
И Булата окунули в речку Пьяну,
И на Волге затравили псом Тагая —
И выиграла желчь у дикого Мамая.
Налетел он, словно смерч, на Русь святую,
Попирал ее копытами, лютую.
Оставлял он от жилища пепелища —
Да споткнулся черный волк у Городища.
Охладил его туман у речки Вожи,
Колокольный звон кольчуг его встревожил.
Там могучий Ермачок с богатырями
Черной тучей поднимался над врагами.
За дружиной оцетинилась дружина,
На плеча передним копыта положила.
Знамя Дмитрия над ратью встрепенулось —
И земля, почуяв битву, содрогнулась.
Захрапели кони, затряслась лощина.
Загалдели воры в чертовых овчинах.
И нахлынули на них шеломы лавой,
И пошли полки за волей и за славой.
Смело бился Ермачок необоримый,
В кожане замороженном — неранимый.
Белый конь его, взлетая над врагами,
Сокрушал их искрометными ногами.
Обагрились кровью воды речки Вожи —
И ордынцы побросали свои вежи*.
И татары проклинали, удирая,

* Ермачок — герой первого серьезного столкновения в 1378 году на реке Воже сил Мамая с войском великого князя Московского Дмитрия Ивановича.

* Вежа — кибитка, шатер кочевника. Тихоня

Смелых русичей и своего Мамая.
Обезумевшее стадо властелинов
Ермачок загнал в болотную трясицу.
Его сабля, словно молния, разила...
Но болото и героя поглотило.
С той поры в полночный час в канун сраженья
По-над Вожей Ермачково слышно пенье
Об орлиной вольной Родине любимой,
Ратной удали ее неодолимой.

ПЯТНИЦА

Притча

Мать из дома сына провожала —
В город позвала его судьба.
Как листок осиновый, дрожала,
С болью отрывала от себя.
От соседей улица пестрела.
Облегчить старались парню путь,
Ободрить, чтоб сердце не робело,
Слезы прибауткою смахнуть.
Бережно обычай сохранили —
Провожать всем миром из села.
Станцию не зря соорудили
Там, где раньше Пятница была.
Пятницей часовня называлась —
Крытый крест и девы образок.
От нее дорога разветвлялась —
Выбирай любую из дорог.
Здесь и провожали, и встречали,
Проглядев с надеждою глаза...
Вздрыгнули колеса, застучали,
Заглушая плач и голоса.

ТРОЕ

Притча

*Памяти Героев Советского Союза,
летчиков-космонавтов Ю. Т. Добровольского,
В. Н. Волкова и В. И. Пацаева*

Лишь только в полночь отзвонят
Часы огромные,
Они неслышно отворят
Щиты надгробные.
Втроем шагают вдоль Кремля —
Шаги не скованы.
На миг у Вечного огня.
Склоняют головы.
Такси стремительно несет
Их в Домодедово.
Взлетел стрелою самолет,
Куда — неведомо.
На космодроме тишина
Ракетой взорвана.
Впилась тревожно вся страна
В героев взорами.
Мелькают цифры: «...Два! Один!»
«Пошла, родимая».
Но прижимает их к груди
Земля любимая.

Рванулись — вырвались — летят,
Звездой светятся.
А дома матери не спят
И жены мечутся.
Всю ночь смятенная Земля
За ними гонится.
Окончит путь у стен Кремля
Земная Троица.

Леонид ЗОЛОТУХИН

Заокский район Тульской области

Родился на Дальнем Востоке, школьные годы и большую часть сознательной жизни провел в поселке на берегу Охотского моря. Трудился электромехаником на телеграфе, в комсомольских, советских и партийных органах, на судах рыболовного флота. В 1991 г. переехал в Заокский р-н Тульской обл. Печатался в районной и областной периодике, во многих коллективных сборниках и альманахах, в «Приокских зорях» и в хрестоматии «Три века тульской поэзии». Выпустил три книги стихов. Член РСП. Постоянный автор нашего альманаха.

ПРОСТИ МЕНЯ, ПОГИБШИЙ ДЕД (цикл стихов)

Памяти моего деда А. Е. Корякина

Я ДАЖЕ СОВСЕМ НЕ ПОХОЖ НА ТЕБЯ

Я даже совсем не похож на тебя.
Наверное, в деда другого пошел.
Прости, что так поздно дорогу нашел
Сюда, где твоя затерялась стезя.
Здесь словно твоими глазами гляжу:
Сквозь дымку тумана за речкой село,
Тут метров-то двести всего до него.
И отдых вас ждет на другом берегу.
Я этой тропой иду не спеша,
Без взрывов снарядов и посвиста мин.
Поскольку мой дед, защищая наш мир,
В пробитой шинели прошел до меня.
А в бревнах поныне немецкий металл,
Окопные язвы на коже земной,
В лесу пирамидки с фанерной звездой,
Да только твою я никак не сыскал.
И те, кто погиб, кто пропал без вестей,
Под старою липою рядом легли...
И липам спасибо, покой сберегли.
В Натарово павших Отчизны детей.

Май 2015 г.

Я ПРИШЕЛ К ТЕБЕ

Я пришел к тебе. Послушай,
Как поет в деревьях ветер.
И рассвет в тиши калужской
Над тобою чист и светел.
Сорок третий в сорок третьем,
Год пошел тебе когда,
Ваша рота на рассвете
Под Натарово легла.
Долго мы тебя искали,
Память сердца беребя.
Зимы, весны пролетали,
Неизвестность хороня.
Шелестели по аллеям,
В годы складываясь, дни.
Вот и внуки поселились
И праправнуки пошли.
Я теперь намного старше...
Старше деда своего!?
Но хочу, чтоб внуки наши,
Тоже вспомнили его.
Посмотри, над нами небо
Небывалой синевы.
И весна, и День Победы:
Радость, слезы и цветы!

Б.Натарово. 09.05.2016 г.

ОН НЕ БЕЗ ВЕСТИ ТЕПЕРЬ

На краю земли калужской
В тихих кировских лесах
Деревенька у речушки
Почивает в образах.
Стала вдруг она родною:
Здесь, в овраге в ту войну,
Дед мой, жертвуя собою,
Защищал свою страну.
И под скромным обелиском,
Аж на семь десятков лет,
Безымянным в скорбных списках
Упокоился мой дед.
А над ним, раскинув руки,
Зеленели тополя.
Отыскали деда внуки,
Помнит Родина тебя!
Я опять сюда приеду
В самый светлый майский день.
Я нашел могилу деда
Он не «без вести» теперь.

29.03.2019 г.

НА КОЛЕНЯХ СТОЮ ПРЕД ТОБОЙ

Помню, в детстве нам мама поведала,
Как наш дед был красив и высок.
Все мечталось что он из неведома
Нам навстречу сквозь годы шагнет.
Я узнал бы его даже издали,

По охапке курчавых волос,
По открытой улыбке искренней,
Где бы встретиться не довелось.
Жизнь прошла. У него на коленях
Не пришлось мне ни разу сидеть.
Тусклым снимком в альбоме семейном
Да в рассказах остался мой дед.
Мы о нем не имели известий,
Лишь, в каком призывался году.
Все не верилось нам, что «без вести»,
Знали точно, что вести придут.
А теперь вот узнали, как было,
Когда принял последний свой бой.
И то место, где пуля сразила.
Твой последний приют и покой.
Я застыл у подножья в смятении,
Перед каменной черной плитой.
Не сидел у тебя на коленях,
На коленях стою пред тобой.

05.01.2020

ПРОСТИ, ДЕД

Прости меня, погибший дед
За то, что долго рядом не был,
За то, что семь десятков лет
Ты без меня встречал Победу.
Прости, что внуков не привел,
Прадеду в пояс поклониться
И по весне, лишь май расцвел,
Твоей Победою гордиться.
Прости, но мы не сберегли
Того, что деды завещали.
Вы погибали за мечты,
А внуки мерят жизнь вещами.
Нам тридцать лет уж власти лгут,
Плодя вокруг потоки фальши,
Они в умы детей текут
И разъедают души дальше.
Прости, над Родиной моей
Давным-давно глумятся бесы
И триколоры над страной
Затмили даже флаг Победы.
Ты видишь. я уж тоже сед,
Тебя я стал намного старше.
Померк Победы вашей свет
Мы уронили Знамя ваше.
Прости, еще не виден свет,
Туманен путь победных маршей.
И от того тревожно мне,
Уж лучше «без вести» пропавшим.

26.01.2020

ОСКОЛОКИ (ЦИКЛ СТИХОВ)

*Светлой памяти моего отца,
Ветерана Великой Отечественной,
ст. механика-водителя тяжелых танков,
гвардии старшины Золотухина Н. А.*

ПИСЬМО ОТЦА

Оседают наши годы
В волосах сединой,
Фронтовые тревоги
Не гремят надо мной.
Только память порою,
Словно годы стряхнет,
Фронтovou тропой
Снова нас поведет.
И свинцовые трели
Надоевших атак,
Песни, что недопели,
Вдруг в висках застучат.
И опять сквозь пожарища
Мы на Запад идем,
И опять я товарища
Прикрываю огнем.
Вам не падать в атаках,
Захлебнувшись свинцом.
Пронесите на стягах
Песню славы отцов.
Только мир неспокойный
Не бросайте в огонь:
Вы затем и солдаты,
Чтобы не было войн.

1970

ИЮЛЬ 42-ГО

Закатилась макушка у лета
Колоском созревающей ржи.
Огневая накрыла завеса,
От разрывов КВ весь дрожит.
Темнота и огонь — все, что помнится,
Тяжесть люка: сумею ль открыть.
Тело падает в пыль у околицы,
Пыль огонь помогает гасить.
Загудят поезда полустанками,
Из окошек не видно ни зги.
В санитарном вагоне солдатском
За Урал эшелонem везли.
Долгой ночью, все дни что ли кончились,
Столько вдруг наплывает всего:
«Эй, ребята, откройте оконце,
Почему постоянно темно?»
Тело к койке привязано болью,
Как из танка бросаю его,
Стук колес пулеметной пальбою...
Я ж не вижу совсем ничего!
И опять сквозь туман выплывает
Поле ржи да на взгорке село.
Зноem летним броня обжигает,
До заката еще далеко.
Тьма вокруг, сквозь повязку ни лучика,
Только этот застывший пейзаж.
«Умоляю, скажите, получить?»
Доктор, милый, надежда на вас». —
Много месяцев тьма беспросветная,
Боль ожогов стерпелась... почти.
А в ответ каждый раз неизменное:
«Все что можно мы делаем. Жди!»

Жду. Своими ногами я двигаюсь,
Руки могут сестрицу обнять.
Но пока только ощупью тыкаюсь,
Мне б улыбку ее увидеть.
...Доктор тронул тихонько повязки:
«Ну, готов? Ты глаза то зажмурь».
Ах, какой нынче выдался ясный,
Снежный день. Ну, а где тот июль?

ПРОРЫВ БЛОКАДЫ

Почернели снега по окраинам
Зимних волховских топких болот,
Но однажды упругими траками
Их сомнем по команде «Вперед!»
«Гром январский» возмездием выстрелит,
Даже танкам не просто теперь.
Кто-то ляжет в полях, кто-то выстоит,
Не бывает войны без потерь.
Дымный воздух тяжелыми ИСами
Разрывая, как грудью пургу,
Мы навстречу отчаянным выстрелам
Бой ведем направленьем на Мгу.
Впереди может быть километры нам
Предстоит рычагами греметь,
Но уже ленинградскими ветрами
Будет память медалью звенеть.

НОЖИЧКИ

В закоулке, подальше от взрослых,
На земле круг чертили ножом,
И подолгу, бывало, до звезд аж,
Мы азартно играли потом.
Из карманов ребята лихие
Доставали свои складники
И с усердием «землю» делили,
С поворотом втыкая ножи.
Привыкая, удвоили выдумки:
Через палец, с ладони, с плеча
Изворотливо лезвием тыкали,
Ведь не хитрая вроде игра.
Кто постарше, мы все замечали,
Стали ножички в двери метать,
Постепенно уже привыкали
Не бояться холодную сталь.
Но однажды мне брат по секрету:
«Поклянись, не болтать никому».
Нож огромный достал из пакета
У отца, в потаенном углу.
Тяжеленный для детской ручонки,
Ножны кисть обнимала едва,
Обоюдное лезвие звонкое,
Рукоять с головою орла.
Тут не сказкою, смертью пахнуло
И как будто бы миром не тем.
Словно что-то меня отпугнуло,
Не для игр этот ножик совсем.
В полутьме жутковато вдруг стало
И слеза потекла по лицу.
Но глядел на меня не мигая

Желтый камень в орлином глазу.
 Много позже уже разузнал я
 У отца под хороший настрой
 То, откуда кинжал этот взялся
 И зачем его возит с собой.
 Рассказал мне отец, что однажды,
 Уже в самом закате войны
 Рота ночь отдыхала на марше
 На лугу возле старой скирды.
 Много ль надо бойцу для ночлега:
 «Сидор» в голову, сверху шинель,
 Ну, а ежели сена немного,
 Королевская выйдет постель.
 Сена клочок взять решил из копенки.
 Только дернул, а следом за ним,
 На меня, словно черт из котомки,
 Рыжий фриц с пистолетом летит.
 Здоровенный, на голову выше,
 Он успел рукояткой достать,
 Хорошо еще, выстрел услышав,
 С ним друзья помогли совладать.
 Офицер из эсэсовской части,
 С наградным на боку тесаком...
 Вот от этой негданной встречи
 Этот ножик да шрам за виском.

ОСКОЛОК

По полям, по оврагам Задонщины
 Громыхая тяжелой броней,
 Отступали без отдыха, долго мы,
 А теперь наступленье ведем.
 Я сегодня не умер... Не сладилось,
 Лишь под сердце железо словил.
 Поживем, повоюем... Не сглазить бы,
 Мне осколок хирург подарил.
 Подлечили меня, позаштопали
 Руки-ноги пригодны вполне,
 Вновь машину веду многотонную
 С десантурой на грозной броне.
 Я сегодня не умер... Не сладилось,
 Повезло, говорят на войне.
 Поживем, повоюем... Не сглазить бы,
 Мой осколок повсюду при мне..
 Трижды сватан еще с медсанбатами,
 От Варшавы прошел на Берлин.
 Мой осколок в флакончике с ватой
 Оберегом остался моим.
 Вот уж точно не умер... Не сладилось.
 Этот мир будет вечно храним.
 Ведь дожили, дошли и не сглазили,
 Мы уже у Рейхстага стоим.

Владимир ПОРЯДОЧНОВ

г. Щекино Тульской области

Родился в 1955 г. в г. Щекино Тульской обл. В 1979 г. успешно окончил ТПИ (ныне ТулГУ) и работал в КБ Приборостроения с 1978 по 1991. Литературным творчеством занялся уже в зрелые годы. В 2018 и 2019 гг. стал номинантом ряда российских литературных премий и конкурса «Георгиевская лента». Участвовал со своими стихами в Антологии русской поэзии 2020 и 2021 гг. от РСРП. Награжден медалью В. Маяковского и медалью «Афанасий Фет 200 лет». Библиография насчитывает семь книг, из них собственные три книги стихов.

НИКОЛА ЛЕТНИЙ

Пролетит Никола летний
 Вслед за Пасхою Святою.
 В храме у амвона песни,
 Тропаря слова со мною.
 В слове исповеди чистой
 Все грехи свои открою
 Пред лампадой, аналоем,
 Грешен, батюшка, не скрою.
 Мы душой всегда с тобою,
 Святой Боже, наш воскресный,
 И молитвенной тропюю
 Путь проложим в мир Небесный.
 Засияет образ светлый
 На доске иконы старой.
 Глазу лишь слегка заметный
 Свет придет к душе усталой.
 Луч осветит купол храма,
 Фрески цветом заиграют,
 О тебе я вспомню, мама,
 Бытия дни напрягают.
 С верой мы пребудем крепче,
 Эти трудности все знают,
 С верой правой будет легче,
 Ангел слову мой внимает...

18 мая 2021 г.

МОЛИТВА ПРЕД БОГОМ

Прости меня, Всевышний Боже,
 За суетность души моей.
 Твой перст карающий возложен
 Над бrenным миром наших дней.
 Прошу в минуту откровенья,
 Узри меня в грехах моих,
 В душе нет толики сомненья,
 Мне нужен исповеди миг.
 Тебе открою прегрешенья,
 Греховных мыслей мерзкий тлен,
 Их отряхну без сожаленья,
 Во благость светлых перемен.

Душа очистится в блаженстве
Великой святости с Тобой,
Избавь судьбу от всяких бедствий,
Пребудет Ангел пусть со мной.
Люблю его душой нетленной:
— Небесный светоч неземной,
Он друг мой тайный, сокровенный.
Мы с ним предстанем пред тобой
В свой смертный час по воле рока,
Когда угаснет взор и свет
И оборвется путь до срока,
И жизнь моя сойдет на нет.
Но есть к Всевышнему дорога,
К Нему в молитве чист мой стих,
Спасем душу свою пред Богом,
И жаждем воскресенья миг.

27 февраля 2021г.

ПОКРОВ

(Осень в сто строк)

I

Люблю с друзьями славный пир,
Застолье праздное хмельное,
Когда невидимый Сатир
Весельем делится со мною.
Моих друзей глаза горят,
А шутки сыплются сторицей,
За тостом тост идет подряд,
Меняя темы вереницей.
А за окошком листопад,
Унылой осени расклад.

II

Тепло и лето удалились,
Грядет осенняя пора.
Все чувства наши изменились,
Что разделяли мы вчера.
Покров с прохладой погоды
Застал на службе нас с утра.
Во славу веры, но не моды,
Мольбой исполнены уста.
Святые лики, церкви своды
Не удаляют от природы,

III

Но помогают путь найти
В стенах обители господней
И духом святость обрести,
И стать в итоге благородней.
От слов и праведных речей
С елеем нежно тают свечи.
Пребудет вера в нас прочней,
А православие излечит.
В душе исполнится покой
С молитвой к Богу непростой.

IV

На хорах пение стихает,
Звонят окрест колокола,

И крест на маковке сияет.
Златые церкви купола
Разносят в город повсеместно
От Богородицы святой
Покрова сень в свой день чудесный
Над православною страной.
Как не любить за это веру
И не последовать примеру

V

От предков в свет ее нести,
Из уважения потомков
Устои церкви обрести,
Но без сомнений, кривотолков.
Всевышний может нас понять:
— Лета прожиты в атеизме,
Народ не смог Его принять,
Не лучше цепи анархизма...
Пусть Богородицы Покров
Нас осеняет сто веков.

VI

С Покровом видно увяданье,
Одеты в золото леса,
И вновь приходит осознанье:
— Светлы, покорны небеса
Перед зимой и стужей года
С ненастьем, ветрами с полей.
Вода в реке уже без брода,
И летних нет к тому идей.
Тропинки листьями покрыты,
А небеса свинцом налиты.

VII

Природа терпит нас, людей,
Все в этот год перевернулось,
Нет холодов, пропал Борей,
И бабье лето затянулось.
А на Покров — день снега нет,
Не сбылось предков наблюденье,
Нам причинил год много бед.
Все предсказания и знаменья
В катрены записал сюжет
Среди веков и сотен лет

VIII

Один немислимый провидец,
Француз, алхимик, фармацевт,
Средневековья очевидец,
Свел Нострадамус свой акцент.
Пытают многие в науке,
Писал Мишель о страшном зле?
Чтоб уберечь людей от скуки
В газетной первой полосе.
Но время не дает ответа,
А впереди зима, не лето.

IX

И до поста немало дней,
Друзья звонят, соображают,
Чтоб встреча стала веселей,
Заполнить вечер убеждают.

Мы собираемся опять,
В том риска нет и моветона,
Нас будут темы вдохновлять,
Их примем с рыцарским поклоном,
Иных не видим мы затей
И почитаем всех друзей.

Х
Меня децима отпускает,
И в этом нет моей вины,
Весь вечер муза занимает,
И результаты здесь видны.
Мы снова с ней продлим мгновенья,
Настроим стихотворный лад,
Опишем осени виденья,
Читатель будет с нами рад
Пройти тропинкой в стылом парке,
Красу приветствовать в распадке.
14 октября 2020г.

СВОЙ ОБЛИК МУЗА МНЕ

Свой облик муза мне явила,
Перо судьбы вручила мне,
Зарю вечернюю сменила
На звезд мерцанье при луне.
Меня она уже простила.
Все эти дни был как во сне.
Со мной романтика грустила,
Без лиры пребывал в труде.
Весенний день, холодный, майский,—
Земля звала, звала к себе.
Не кандалами скован в маске,
Но стал рабом своей весне.
Лоза, деревья, сад — родные,
Проснувшись, звали лишь меня.
Их стебли, почки налитые
Так ждали май и солнце дня.
И я забросил лиру, музу,
Покинул город в эти дни,
Чтобы принять свою обузу,
И мне поверили они.
Мои волшебные созданья,
Их вижу нежную листву,
И я тружусь со всем стараньем,
Лечу зеленую братву.
Чтоб цветом радовали в мае,
И Спас был яблоком богат.
А мы друзей своих встречали,
Сентябрьским днем был всем им рад.
Сегодня муза посетила,
Взглянув в глаза, сказала мне:
— Тебя весна в Белев носила,
Побудь со мною при луне!
С тобой умчимся в мир поэзы,
Где сны и явь переплелись,
И нам являться будут грезы,
Ты к ним со мною возвратись!
После трудов с весенней нивой,
После усталости твоей,
Пусть цветом яблони и сливы

Порадуют твоих друзей!
По воле чувств воображенья,
Дыханье с музой затаив,
С пером на счастье, без сомненья,
Возобновлю речитатив.
Строкою мысль восходит в горы,
Еще с них виден солнца луч,
Взгляну в небесные просторы,
Где ветер быстр и он могуч,
Где облака — как покрывала,
Земную твердь покроят сном,
Где ночь с луною обменяла
Зарю и солнце с ярким днем.
А выше только звезд сиянье
И холод космоса вокруг.
Там муза внемлет обещанью:
— Ей предан я — сердечный друг!
Ее я больше не покину
И буду преданно служить.
Ей сердце из груди я выну,
Без музыки мне уже не жить!
6 мая 2021г.

МУЗЫКА

Живут мелодии на клавишах моих,
То ритмы, то напевы совершенства,
И к ним восходит лирики мой верный стих,
Душа стремится к неге и блаженству.
И растворится звездная в ночи тоска,
Умчится к галактическим созвездьям,
И верной будет в нотах, клавишах рука,
Когда звучит мелодий откровенье.
К священным знакам нот история ведет
Из глубины веков монахов дело,
И каждый раз звучит патетики полет,
Кантат, симфоний, песен крайне смело.
Чарующая сила волшебства струны
Откроет мир из плавных звуков вальса,
Гармонию из серебра и цвет луны
Дополнит звук мелодии и красок.
27 декабря 2020г.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ДОРОГЕ

Поэты пишут ночью поздней,
Но все дела в руке Господней.
В строфах и рифмах мысль поэта:
— Там осень золотая с летом.
Там ранняя весна стучится,
В делах Амур всем пригодится.
Зимой мороз и иней снежный,
Вид из окна в поля безбрежный.
Для творчества поэта слово,
Ценой алмаза дорогого,
Найти поможет только муза
В кольце священного союза.
Придет способность раствориться,
Как ключевой водой напиться,
В пейзаже, в музыке сонета,
Зимой придет тепло от лета.

Закружит муза в хороводе
И слово молвит о свободе
В полете над своей страной
Прекрасным днем и под луною,
Так муза всем помощник строгий
На поэтической дороге.
17 сентября 2020г.

К ДУЭЛИ У ЧЕРНОЙ РЕЧКИ

*Трилистник сонетов
К годовщине дуэли А. С. Пушкина*

Мы, графоманы, стихоплеты,
И рифм, увы не занимать,
Строками учимся марасть
Красивый слог и обороты...
Поэзии бойцы пехоты,
Мы с музой станем выступать,
Нас жизнь стремится обломать,
Но не упустим своей квоты.
Так было в прежние века,
Судьба поэты нелегка,
В ее анналы поглядите.
Все пишут в прозе и стихах
При ясном свете и впотмах,
Вы результаты отличите.

Вы результаты отличите,
Когда возьмете с полки том,
Стихи с любовью о былом,
Себя в их рифмы погрузите,
И вы окажетесь в зените
Прекрасных чувств, ведь дело в том,
Поэт был красотой сражен
Есть памятник его в граните.
Мы помним чудное мгновенье,
О нем он сердцем написал
С душой в своем стихотворенье.
Поэт в свои лета не знал
К нему о нашем уваженье,
Строку потомкам завещал.

Строку потомкам завещал,
У Черной речки пулю принял,
И близко смерть свою увидел,
Но лире сердце посвящал.
Его герой спешил на бал,
Представил даме свое имя,
Он танец вел неторопливо,
На этом бале я бывал.
Там музыка живьем звучала,
Поэты в паре занимала,
И молодая жизнь мила.
Кавалергард полка известный
Дуэли выбрал речки место,
Где пуля меткою была...
6 февраля 2020г

Валерий ВИНОГРАДОВ

г. Алексин Тульской области

*Алексинский поэт. Автор
четырёх поэтических сборников.
Член СПР. Наш постоянный ав-
тор.*

ТЕРРИКОНЫ

Как напоминанье о былом
Пустых пород видны отвалы.
Они знают все и обо всем —
Свидетели шахтерской славы.
Когда-то шахты здесь стояли,
Шкивы крутились на их копрах,
И звезды алые пылали,
О шахтерских ведая делах.
Да, шахты пущены под топор,
Не нужен стал Отчизне уголь...
Только сердце помнит до сих пор
Шахтеров ту былую удаль...
Теперь забыт их тяжкий труд.
Но, подставляя ветру склоны,
Вечно вахту в тех местах несут
Друзья шахтеров — терриконы...

ШАХТЕРАМ МОССБАСА

(Памятник установлен в г. Новомосковске
Тульской области 24.09.2019г)

Шахтеры — гвардия труда,
Тепло и свет дарили людям,
Мы будем помнить их всегда
И никогда не позабудем!
Сбылось, свершилось наконец,
По справедливости воздалось.
И памятью живых сердец
Их славный труд хранить осталось!
Застыв, как будто на бегу,
Былую воплощая силу,
Шахтеры не были в долгу,
Истории прошли горнило.
Моссбасский — трудный уголек,
Избитые в мозолях руки,
Желанный воздуха глоток,
Победы те — всему порука.

КОГДА-ТО ДАВНО

Горели звезды на копрах:
Шахтеров прославляли,
О судьбах сложных и делах,
Они о нас вещали.
Рекорды ставили тогда,
Награды шли героям,
По плечу тяготы, беда,
Встававшие порою.

В забое пыльном и глухом
 Сходило по три пота,
 Отложен отдых на потом,
 Пленяла всех работа.
 Лишь только вместе и вперед,
 Не глядя на капризы,
 Победа — верил я, придет,
 Такое было в жизни.
 А после смены — на гора,
 Туда, где море света...
 Мир, полный счастья и добра,
 Дарила нам планета...
 Шахтерский фонарь
 Как луч с планеты дальней,
 Пронзая темноту собой,
 По тропам деревянным
 Свет фонаря ведет в забой.
 Дорогою известной
 Шагают смело горняки,
 По выработкам тесным,
 Подручно им и все с руки.
 От случаев несчастных:
 Ушибов и тяжелых травм,
 Происшествий халатных —
 Спасает всех фонарь от драм.
 И, чтобы там не было,
 Создавая себе комфорт,
 Как яркое светило,
 Обеспечил фонарь эскорт.
 И, осветив пространство,
 С товарищами наряду,
 Подвластно стало царство
 Тогда шахтерскому труду!

РУКОЯТЧИЦА

Смена в шахту опять спускается,
 Шутки звучат, и слышится смех,
 Удадь мужская вырывается:
 Балагурить ведь, право, не грех!
 Рукоятчица улыбается,
 Отмахнуться стараясь рукой,
 Сердитой она притворяется,
 В общем, спектакль играет такой!
 Клеть* шахтерами заполнилась,
 И снова на «спуск» звучит сигнал,
 Рукоятчица долг исполнила,
 Соблюдая живой ритуал...
 Без промедленья кипит работа,
 Люди и груз подаются вниз,
 И капельки соленого пота
 Падают вдруг с усталых ресниц...
 Но кончается каждая смена,
 Возвращаться шахтерам пора,
 Их приход из природного плена
 Рукоятчица ждет «на-гора»!

* Клеть — это шахтный грузо-людской лифт.

ШАХТЕРСКИЕ ДОРОГИ

Давно мы сняли каски
 И в шахту ни ногой,
 Но помним с детства сказки
 О кладах под землей.
 Стремились за богатством
 В далекие края,
 Подземным чудо-царством
 Манили нас не зря!
 Прокладывали к недрам
 Штреки и квершлагги,
 По тем дорогам верным
 Вперед вели шаги!
 В сражениях за уголь
 Мы не щадили сил,
 И проявляли удадь,
 И пот с лица сходил...

Татьяна ШЕЛЕПИНА

г. Алексин Тульской области

Татьяна Викторовна Шелепина родилась в г. Алексине 27 ноября 1945 г. Член ЛитО «АЛ-ЛО» с 2010 г., руководит им с 2012 г. Является также членом ЛитО «Пегас» (Тула) и Московского совета ЛитО. Член СПР (с 2013 г.), творческого клуба «Московский Парнас» (с 2013 г.), член АРЛ (с 2014 г.). Ее стихи были опубликованы в газетах, в альманахах Тулы и Москвы, в сборниках стихотворений алексинских поэтов. Издала музыкальный альбом, стихи положены на музыку тульским композитором Папутиным В. П. Издала пять сборников стихов. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

С рожденья и до дней последних
 Свои уроки жизнь дает.
 И слово первое — наследник
 Не говорит, а лишь поет.
 Но время быстро пролетает
 И смотришь — маленький бежит.
 И что «нельзя» он понимает,
 А все равно спешит он жить.
 Он учится общению с другом,
 Как старших надо уважать,
 Но часто забывает утром
 Здоровья близким пожелать.
 А жизнь есть длинная дорога
 И учит разуму-уму.
 И просит он помощь Пророка,
 Как дальше поступать ему.
 Пророк его всему научит:
 Людей любить, не обижать,
 Как сердце надо чаще слушать,
 Добро чтоб людям отдавать.

В конце пути общенья радость
Он испытает, и не раз.
У Бога он попросит малость:
Чтоб жизнь любила чаще нас.

Храни нас Бог от всех напастей:
От войн, от бед, плохих людей,
Которые имеют страсти,
Повадки диких птиц, зверей.
Храни нас Бог от зла и мести,
Высокомерия и лжи.
Ведь все мы знаем, что мир тесен,
Так пожелай нам всем любви.
Храни нас Бог и от коварства,
От зависти и глухоты,
А если проявляют чванство —
Дай, Боже, ты им доброты.
Храни нас Бог от всякой скверны,
От сквернословий сбереги.
Язык наш русский самый верный...
Своей молитвой — помоги.

Не покидай меня, душа!
Дай насладиться миром этим.
Иду по жизни не спеша,
И солнышко мне ярко светит.
Не покидай меня, душа!
Мое ведь время не настало.
Жизнь так прекрасна, хороша,
И жить совсем я не устала.
Не покидай меня, душа!
Не уноси мои надежды,
Тебе мольба моя слышна,
Ты все ведь исполняла прежде.
Не покидай меня, душа!
И не старей с годами вместе.
С тобой и я буду жива,
Продолжу жить на этом свете.
Не покидай меня, душа!

2019 г.

А наша жизнь так коротка,
Она, поверь, для всех мгновенье.
Бывает и сладка, горька,
И все ж приносит наслажденье.
Живем сегодняшним мы днем,
Что будет завтра — мы не знаем.
И живы будем иль умрем —
Ни ты, ни я — не понимаем.
И Бога мы благодарим,
Что наши жизни продлевает,
Что твердо на земле стоим
И радоваться успеваем:
Зиме, и лету, и весне,
И осени — она прекрасна.
И даже своей седине,
Что серебрит нас не напрасно.
Ловите жизни каждый миг,

Не допускайте злобу в сердце.
И чтоб груз горя не настиг,
Добру скорей откройте дверцу.

19 АПРЕЛЯ 2020 ГОДА. ПАСХА

Такая Пасха в первый раз,
Чтоб в церковь не пошли на службу.
Молится дома просят нас —
Для пользы дела это нужно.
Болезнь пришла в наши края,
Коронавирусом прозвали,
И как война страшна она —
Мы ничего о ней не знали.
И беспощадная ко всем:
Она косит всех без разбора,
Политик ты иль бизнесмен,
Иль спишь ногами у забора.
Как тяжела эта война,
Противника нигде не видно,
Это лишь первая волна,
И многих смерть ждет, очевидно.
Наверное, за все грехи,
Что совершаем в этой жизни,
И всем законам вопреки
Нас наказал с вами Всевышний.
Христос воскрес! Христос воскрес!
Воистину воскресе!
Мы просим его каждый раз:
Спаси всех от болезни!

СЧАСТЬЕ...

Посвящается Евсюковой О.

Счастье, счастье, счастье...
А оно какое?
Может, это страсти
Или что другое?
Как его потрогать,
Чем его измерить?
Где же оно бродит?
В счастье надо верить!
Счастье — это дети
И их детский лепет.
Счастье — это трепет
Маленьких сердечек.
Счастье, если мама
Нежно обнимает.
Счастье, если папа
Сына понимает.
Счастье, если солнце
Светит нам в оконце.
Счастье, если в сердце
Вдруг любовь проснется.
«Ах, какое счастье» —
Говорим мы с вами:
Дождик пусть, ненастье,
Счастье — оно с нами.
Счастье жить на свете,
Наслаждаться летом.

Счастье — наши дети,
Мы живем ведь этим.
2.07.2019 г.

ПУШКИНУ

Мне не любить тебя — нельзя:
Ты знаешь, я — твоё творенье.
Татьяной ты назвал меня,
Живем с тобою в поколениях.
И об одном грущу всегда —
Что вместе не была с тобою,
Когда француз стрелял в тебя
На Черной речке той зимою.
Меня прославил ты на век,
А может быть, на сотни даже.
Пока земля есть — человек
Стоит за русский слог на страже.
О, Пушкин мой! Как ты любим —
Народной гордости кумир.
Я точно знаю: слышишь ты
Стенанья наши и мечты.

2019 г.

Александр СЕРИКОВ

г. Челябинск

Сериков Александр Алексеевич родился 13.02.1975 г. в г. Челябинске. Стихи пишет давно, неоднократно издавался в местной периодической печати. Были выступления на местном радио. Сейчас работает преподавателем в Южно-Уральском государственном институте искусств им. П. И. Чайковского. Имеет публикации в ряде изданий. В 2003 г. выпустил книгу стихов «Слова, способные видеть».

ПОКОЛЕНИЕ Z

Когда время сгущается в сумрак,
монитор раскален докрасна.
Я в контакте более суток
без сна.
Обновил посты в ленте и на стене,
лайк поставил, понравилась аватарка.
Раньше бы встретился с ней на скамье
в парке.
У меня любовь строго он-лайн,
в сети полно незнакомок.
Не то что раньше, сел на трамвай,
проводил только одну
до дома.
А сейчас видишь, Тамара пишет...
Интересно, что она там сказала,
а раньше только и слышал:
проводи меня до вокзала...
Постишь новости, смотришь мемы,

в Тик-токе видео новые от Милохина,
а раньше что, читал бы Лема
«Солярис» или «Магелланово облако».
Люблю сериал «Игра престолов»,
Дейнерис, мать ее, Таргариен,
не нужны больше Астор Пьяццолла
и Юрий Гагарин.
Музыку разную скачиваю на вкус любителя:
Инстасамка, Джизус и Клава Кока,
а раньше дядька в порванном кителе
слушал «Нирвану» громко!
Полно друзей в Инстаграмм и Facebook,
случайные незнакомые,
есть ники из Гродно, Вермонта, Ипсвича,
подписчики мои подхалимчики,
откуда взялась еще тысяча?
Ты в тренде, треки на Муз-ТВ, туфли,
кроссовки модные на платформе.
Три даблз WWW — шифр поколения Z,
«цифра» в квадрате и в корне.
Были раньше мифы и Боги,
титаны русские классики,
но их победили обычные блоггеры
Васи, Пети и Стастики...
2021

Жадность и дураки.
Раньше «дебилов» никто не спрашивал,
сколько лет и какой айкью (IQ)?
Не хочешь учиться? Давай донашивай
синий жилет и мою клюку.
Выбери блог, в ютубе видео выищи,
число подписок за миллиард.
Сам бы от дома отдал клюку,
только б репостить день ночь подряд.
Жадность и дурость две ипостаси:
один мерседеса гладит туловище,
другой, идиот с рождения, выкрутасит
поет про танк и дуло еще.
Сколько же люди надо вам хайпа?
Ходить вверх ногами или йога тибетского
взять внаймы,
чтоб изгибами изумил.
Лайкают, рекают, чекают, живут в ЖЖ
свидетели неИеговы из цифровой тюрьмы.
Раньше идешь недоразвитый,
несешь остаток природных данных в театр,
смотришь на высокое искусство долго,
обратно бежишь окрыленный.
Сейчас в тренде плясун, опиатом обкраден,
его треки звучат из таверн и джипов
от китайцев до обрусевших таджиков,
слушают все моргенштерна.
В хаусе из дерь..., сорри, Дрима
рождаются тик-тока хиты,
в тренде новые трюки и трюки.
Выйди в пачке балетной или надень трико,
все равно...
В блогах и чатах сидят идиоты
миллионы миллениалы, половина из них

просто боты,
 муз тв, мтв обучит, обточит,
 жми на кнопки, пиши свои твиты...
 Битой дать бы вам по лопаткам или всучить
 в руки лопаты,
 чтобы рыли землю, копали...
 Неужели ЭТО искусство? Полуголый парень
 в татухах,
 ладно бы одаренный? Просто ритм отбивает
 четкий в пляске неистойой, в пояске, равен черту.
 Высекая искры из камня, жгу занавес темноты,
 накрываю муз тв черной тканью,
 электронные часы сведу к нулю,
 сломаю их тик, ток остановлю.
 Наши дети не могут быть глупыми,
 они обязаны быть счастливыми,
 пуповина лопнет и малышка выкарабкается,
 под лупую рассмотрит мир восходящий!
 Когда в море черном волна клубится,
 зачерпнет из глубин ковш разной скверны
 и шибанет об волнорез сердито,
 так и с вами будет бузовы, моргенштерны.
 Схлынет пена, волна обратится,
 взметнется ввысь зеленая птица,
 запоет зимородок песню
 голосом арфы из струнных сфер!
 Пока еще не поздно, наши дети взяты в прицел.
 Маска уже надета, остается миска и цепь.
 2021

Татьяна ГОРЧАКОВА

г. Алексин Тульской области

Горчакова (Гречишкина в девичестве) Татьяна Владимировна. Родилась 11.03.1957 г. в д. Белоозеро Воловского р-на (сейчас Богородицкий) Тульской обл. 12.04. 1967 г. переехала в д. Пушкино Алексинского р-на Тульской обл. По окончании 10 классов училась в 1974—76 гг. в Алексинском химико-технологическом техникуме (экономист) С 1976 по 1994 г. работала на Алексинском опытно-механическом заводе. С 1994 г. по 2019 г. работала в «Алексинских теплосетях». С 2019 г. на пенсии. С сентября 2019 г. член ЛитО «АЛЛО» г. Алексина.

ОСЕНЬ, ХМУРАЯ ПОДРУГА.

Осень, хмурая подруга,
 Прочь гони скорее скуку
 Вместе с нудными дождями.
 Лучше радуй нас стихами.
 Скоро будет «бабье лето»,
 Пик стихов у всех поэтов.
 Пропустить его негоже,
 Краток срок тем дням погожим.

Солнце ведь взбодрит нам душу.
 Без тепла и в сердце стужа.
 Славим золотую осень
 И ее лесную проседь.
 Любо это время года,
 Хоть и часто непогода.

УХОДИТ ОСЕНЬ...

А осень начиналась так красиво:
 Кругом нарядно, красочно и мило.
 Как праздник, как осенний бал — то было...
 И солнце яркое еще светило.
 Пришел ноябрь, вдруг стало так уныло:
 Дождями все красоты мигом смыло.
 Что лес, что небо, — все вокруг сереет.
 Небесное светило уж не греет.
 Пора уйти той осени-гордячке.
 Готовится природа к зимней спячке.
 Вся в дреме... Не идет никак к ней нега.
 Спокойно и тепло ей лишь под снегом.
 Но, льют дожди. Куда от них нам деться?
 В такую пору лучше дома отсидеться.
 Так хочется душе тепла, уюта...
 Там к нам приходит Муза, ждет приюта
 В тиши всегда рождаются стихи.
 И освещают нашу жизнь они,
 Как вечная молитва для души —
 Порой нужны! — Порыв ты не туши!

КРИКЛИВАЯ ВОРОНА .

На хрупких веточках сидит
 Крикливая ворона.
 Куда-то в даль она глядит,
 Взлететь уже готова.
 Пускай не каркает летит
 За старым годом следом.
 А Новый год уже спешит,
 Запрет поставит бедам.
 С лихвой хватило нам тех бед,
 Пусть сгинут с уходящим.
 А Новый год сулит рассвет.
 Будь лучше, приходящий!

В ЦАРСТВЕ БЕРЕНДЕЯ...

Замер лес в морозной дымке.
 С ветром песнь поют снежинки,
 Укрывая землю снегом...
 Древа там объаты негой.
 Все в природе спит спокойно,
 Все укрыто многослойно.
 В царстве Берендея — тихо.
 Разбудил вот кто-то лихо:
 Снегопады и заносы,
 Не видать ни зги под носом.
 И который день так вьюжит, —
 Выйдешь за порог, закружит.
 Переменчива погода,

Здесь Мороз уж — «Воевода».
Он пришел к нам с ветром, с треском,
Наст шлифуя в лед, до блеска.
Но, как солнышко проглянет,
Дух народный вмиг воспрянет.
В ход пойдут: и лыжи, сани...
Ждут знакомства с чудесами.
В лес пойдем за лучшим фото,
Где за кадром, ждет охота.
Отдохнем мы там душою,
Насладившись красотой.

КАКАЯ СНЕЖНАЯ ЗИМА...

Давно уж не было такой зимы:
Мороз и солнце, снежные валы...
Они нас не пугают, лишь милы.
Надеждою о счастье мы полны.
Укрыто белым снегом все вокруг
И радуется чуду весь наш люд.
С морозом — только крепче русский дух,
Ведь даже солнце не помощник тут.
Зимой у солнца редок яркий лик,
Но то лучей ее холодный блик.
А лес — от тяжести снегов поник.
Деревья спят в тепле. Красив их вид!
Иди скорее в лес! Лови тот миг!

СОЛДАТАМ ТОЙ ВОЙНЫ

Для Родины родной всегда важны
Солдаты наши, той лихой войны.
Сейчас осталось очень мало их.
Нам надо знать и помнить все о них.
Герои все участники войны,
Ковали все победу для страны.
Прогнав, добились в логове врага.
Нам очень их отвлага дорога.
Должны мы жизнь свою ценить сильней,
Узнав от них об ужасах тех дней.
Народы все, в моей большой стране,
Обязаны сказать, что: «Нет войне!»
И вечно мир на всей Земле хранить,
А каждого солдата свято чтить.
Они пример для всех добра и мира,
Во славу их поет богиня Лиры.

ОДИНОКИЙ СТРАННИК.

Я в этой жизни — странник.
Средь множества людей
Иду я, как изгнанник,
Одна к мечте своей.
Средь люда, как в пустыне,
Везде всегда одна.
И так бреду и ныне,
Дорога та трудна.
Спасет меня работа,
Нет только сил для дел.
О близких лишь забота,

Таков мой знать удел.
В мечтах же остается:
Чтоб счастлив был народ.
Пусть он живет, смеется
И песни пусть поет.
Да, я хочу, чтоб мой народ
Не знал бы горя и забот!

ДМИТРИЙ АНИКИН

г. Москва

Аникин Дмитрий Владимирович. Родился в 1972 г. в Москве. Математик по образованию. Предприниматель. Член Союза писателей XXI века. Публикации в печатных изданиях на настоящий момент времени: цикл стихотворений (написанный в соавторстве с В. Романовым) в журнале «Magazine» в 90-х гг. и циклы стихов во многих журналах и альманахах.

КОНЕЦ ИСТОРИИ

1
Что было тут страны, народа, Бога?
В моей душе унынье и тревога.
Мир изнемог, в нем Бога устроили —
страна мертва, наказанная строго,
народ перемололи, перебили.
Неотлично время, год от года.
Ликуй, моя последняя свобода,
напропалую — то есть уравнили
мы подвиг, подлость, мы толпой народа
врата прошли, вериги себе взяли.
Не те границы и не те устои —
все спутано, как легкое, простое
небытие и бытие; их сроки
наставшие — ах, время золотое,
не о тебе ли хором все пророки?

2
Родимое море столетий,
шумит набегающий вал —
тяжелые русские сети
с уловом, который не мал,
вернутся; усилье, возможно
последнее, в явленной тьме,
надрывно и неосторожно —
а сети распутать не смей:
в них рыбка мелькнет золотая,
позыблет вертлявым хвостом
видения райского рая,
видения в свете живом.
Мы новых себе загадаем
широт и щедрот — в этот раз,
в последний, сбывается; знаем,
чем все обернется для нас.

Морские и дальше владыки,
вернемся к разбитой стране.
А прошлой удачи улики
повсюду, и только видней.

3

И вот подходит многими тропами —
жива, мертва — в убранства разубрана —
темна, мокра — сентябрь — к нам осень —
кому с богатством — кому с убытком.
Смотрю в природу — черт гиппократовых
ищу — какие явны — сдернуты
покровы все — и откровенность
нагло и хладно сквозит, пугает.
Скользит перо — бумага набрякшая
коррежит буквы — как время прошлое.
И не прочесть уже, что пишешь —
русскою осенью — в день печальный.

4

Двусмысленное время года —
что сон? что смерть? — урон и груды
богатств. Последние свободы.
Льдов и снегов налягут спуды
потом — когда? — на грудь земную;
пока что дышится свободней,
чем летом, — и в тьму снеговую
еще природе не сегодня.

5

Ляг, Персефона, в землю — нага в ее наготу.
Правильно в наших широтах быть тебе, проводить
долгую зиму — о, святу быть месту! — среди
пустующих снегов — дай себя, богиня, похоронить.
Будешь простоволосая, в саване нет простей —
собьют тебе домовину, подвяжут платком лицо —
те, кто придет, богиня, прильнут ко лбу,
кто к стопе —
воет многоголосье. Выносят. Скрипит крыльцо.
Освободи нашу землю, прости ее, умири,
черную, Персефона. Неумных ее времен
плодоносье уйми, последние прибереги
зерна с собой — мертвые в мертвую ссыпь ладонь.
Еще будут благие дни — далекие времена —
а почему им не быть? — Не кончен круговорот
ор, сестер незабвенных, — и будет весна-красна —
чей-то — не твой, Персефона, — круг —
чьих-то не здесь забот...

6

Ветер играет во поле — погода установилась —
достоверно нам явленная Божеская немилость —
слякоть — и звезды с неба смотрят на эту слякоть
— не понимая жалость, не притворяясь плакать.
Земля устала рожать, устала лежать не рожая —
быть ей болотом — черной водой проступая.
Не та пора для прогулок — не та, чтобы в петлю, —
веси с городами застыли в печальнейшем
равновесии.

Когда-то было, что наша постылая — любовь?
страсть? —
позволяла как-то по-другому, —
правильному пропасть —
а теперь спасены, живем, милая, в мерзости
запустенья,
как твои на кухоньке прозябающие растенья.
Было стыдно и глупо — но вот юность твоя такая
истощилась, в истомах всяких изнемогая, —
вот моя верность — вдвоем их (представь!) видали
— пока совсем худые, последние времена
не настали.

Может быть, это мы, любимая, ради кого щадили
это время и место. Скажешь, что заслужили
не святостью? — Это уж да, конечно,
но святость — это не то, что нужно, но скучно,
бесчеловечно.
Из тех тридцати шести, на которых, дрожа,
держалось,
тридцать четыре — не более — на сегодняшний
день осталось;
а может, еще поможем — учудим, закрутим,
порадуем Господина —
чем еще могут радовать женщина и мужчина.

7

Уж такая давно наша политика,
что и против нее слова нестыдного
нет, пора все кончать — зрелище, действие,
оскудевшие смыслами.
Ни тюрьмы, ни сумы, бездна несытая
далеко, времена кончены действия;
нам бы страх, хоть бы страх — скука последняя
нарастает позорная.
Ничего не сравнить с этой свободой,
смерть и та не сильнее, нас «отпускаешь»:
ни могилки-земли, ни чтоб в синодике
хоть бы ложною строчкою.
То ли дело страна — месиво плотское,
чан кровей диких и праведных варево.
То ли дело страна — много опыта,
и не легче сегодняшний.
То ли дело страна — к гибели первая!

8

Все, что было, пока оставалось, —
память легкая, память моя...
Что внушало тоску или жалость,
неуверенность в снах бытия...
Неужели свелось все, решилось
просто-запросто, в истине — вот
вам, несчастные, полная милость,
избавление от частных забот?
Вот любви божьей полная чаша —
пей, не бойся, и больше не плачь.
Все, что кончилось, было не ваше,
жизнь — ничья череда неудач.

Отрекаешься? Ну, отрекайся —
ничего настоящего тут,
в райской области, ты растекайся
белым светом, как души текут...

9

Известия. Бесчисленные слухи
о смерти. Ее лики косоглазы —
поветрие. Ну что же, не в России
страх умереть так, с миром заодно.
В приличной смерти замысел и способ
самоубийца спрячет. Как в лесу
лист дерева, которое мертво.

10

Это — остатки последнего ада,
это убого и Богу не надо —
вот и сметает своим ветерком
все, что здесь было, что будет потом.
Место пустое под Солнцем, другими
всеми светилами; мучимый ими,
род человеческий как снег сошел —
остов творения жалок и гол.

11

Все, над чем трудились мы:
смерти всякой прекращенье,
от болезней исцеленье,
от последующей тьмы —
получилось? — Получилось:
плоть живехонька-жива,
и утратило права
время — Божия немилость.

Нам на счастье, жить спеша,
от всевластной, непрменной
тайны вечной, сокровенной
прочь избавилась душа.
И не вспомнить в час печали
никогда и ничего
из тьмы — времени того,
когда смертью умирали.

12

История, когда кончалась,
не убрала мир за собою.
И нашей муки, жизни малость
смешна. Как ей не быть смешною.

Виталий КУЗНЕЦОВ

г. Новочеркасск Ростовской области

Виталий Владимирович Кузнецов родился 24 февраля 1955 г. в г. Таганроге Ростовской обл. По отцу — донской казак. Отец из станицы Вешенской — родины М. А. Шолохова. По матери — туляк. Образование: Новочеркасский политехнический институт, специальность АСУ. Долгие годы работал по оборонной и космической тематике в ОКБ «Орбита» (г. Новочеркасск). С начала 21-го века работал в области электросвязи в филиале компании «Ростелеком». Стихи начал писать поздно — в зрелые годы. Печатался в нескольких сборниках в Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Харькове, Брянске, Гомеле, Северо-Муйске. В 2013 г. в Новочеркасске вышел сборник стихов «Прощание с миром». В 2014 г. вышло повторное и расширенное издание.

ТУЛА

Снесенные дома, как вырванные зубы.
Фундаменты торчат — гнилые корешки.
Исчезли навсегда бревенчатые срубы,
Как пешки сметены движением руки.

О, Тула, город мой, мой первый, мой желанный.
Как первая любовь, ты в памяти моей.
Ты вечный мой причал, мой берег долгожданный.
Я помню о тебе и в суматохе дней.

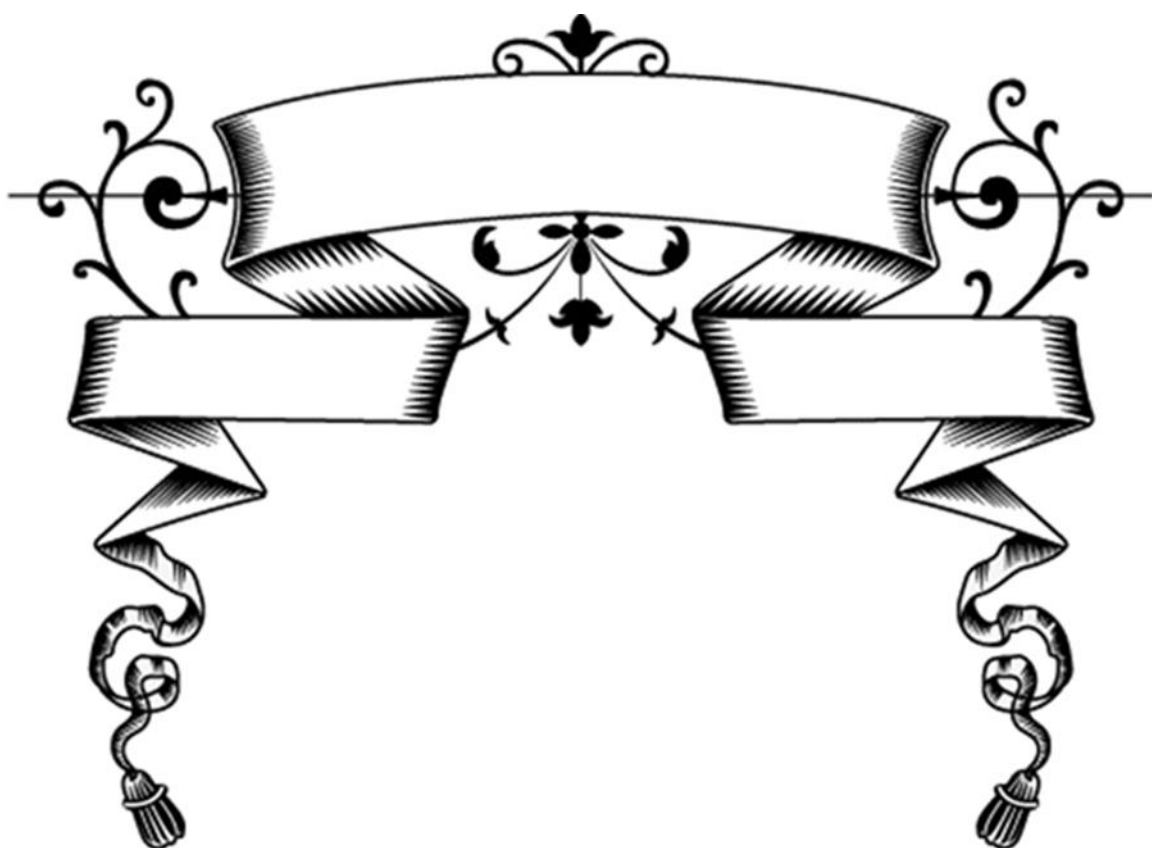
Ты место первых игр, обитель детских страхов.
Мечтал я здесь порой, что буду знаменит.
Мой путь такой простой — для многих одинаков:
От детских ползунков и до могильных плит.

Здесь кладбища растут, как метастазы рака.
На фото ближних лет уж многих нет в живых.
Но дети вновь растут — ход жизни одинаков:
Ведь что ты испытал, то будет у других.

Мой город стал иным, и новоделы грубы.
Навязчиво блестят коронки корпусов.
Там, где сползали вниз ветшающие срубы,
Вздывается скелет строительных лесов.

ЛИТЕРАТУРОВОЗВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА РЕЦЕНЗИИ

**АЛЕКСЕЙ ЯШИН
ВАЛЕРИЙ МАСЛОВ
СЕРГЕЙ ОДИНОВ
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА**

**НИКОЛАЙ ЗАЙЦЕВ
ЛЮДМИЛА ВОРОБЬЕВА
ОЛЬГА И НАТАЛЬЯ АРТЕМОВЫ
ЕВГЕНИЙ ТРЕЩЕВ**

ЯКОВ ШАФРАН

Алексей ЯШИН

г. Тула

ЖАЛУЕТ ЦАРЬ, ОСТАЛЬНЫЕ ПОСМЕИВАЮТСЯ: СЛЕД В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

К 235-летию со дня рождения видного русского литератора и филолога Николая Ивановича Греча (1787–1867)

... Несколько моих статей были отвергнуты ареопагом, отринуты французскими фразами и с насмешливыми взглядами на мой стереотипный наряд. Жестокое испытание! — Нет! сто раз лучше терпеть голод и стужу, нежели презрение людей, хотя б оно вовсе было незаслуженное! Впрочем, я должен исключить из этого моих товарищей: они всегда сохраняли дружеское ко мне расположение, но не могли защитить меня от неизбежной судьбы бедности и несветского воспитания.

Н. И. Греч

«Записки о моей жизни: Воспоминания юности»

• Со школьных уроков литературы, относящихся к русской словесности первой половины XIX века, осталась память о странной фигуре Николая Ивановича Греча. Обычно в сочетании с Фаддеем Бенедиктовичем Булгариным (1789—1859). Причем первый родом из прусских немцев, другой из поляков. Но оба однозначно позиционировались как русские писатели и активные участники литературного процесса в России. Как раз происхождение их какого-либо акцентирования не требует: обрусевшие немцы со времен Петра Первого играли видную роль во всех сферах русской жизни. Что уж здесь говорить о поляках — с последней трети XVIII века подданных Российской империи. Тем более, что после каждого из многочисленных восстаний шляхты (народ, в массе своей, жизнь в империи вполне устраивала), дворяне частично отправлялись на поселение в Сибирь, другие расселялись по губернским городам и обеим столицам. Откройте любой роман девятнадцатого века, того же Достоевского и Лескова, и увидите среди персонажей «неизменных полячков» — чиновников и литераторов преимущественно. Даже польские ордена Станислава и Белого Орла были в 1831 году включены в число русских орденов... Но — вернемся к нашим школьным литературным урокам, из которых так следовало, что Греч (опять же с Булгариным) являлся в первой половине девятнадцатого века, но особенно в первой его трети, главным врагом и ненавистником передовой русской литературы, доносчиком и едва ли не тайным агентом III отделения графа Бенкендорфа. А комизму и дуумвирату Греча и Булгарина придавали вес известные строки из «Кукушки и Петуха» И. Крылова, в которых «не боясь греха, Кукушка хвалит Петуха», а «тот Кукушку хвалит». Вот что школьник выносил в памяти по части литературы о Николае Грече.

И хотя по прикидкам литературоведов возможное полное собрание сочинений Греча составило бы не менее двадцати объемистых томов, но даже специалисты помнят только две его книги: «Записки о моей жизни» и «Пространная русская грамматика» (см. иллюстрацию). Так получилось, как обычно говорят библиофилы, словно оправдываясь, что обе эти книги находятся «под рукой». На фотографии мы их и видим: изящный толстенький томик, в каковом формате в 1920—30 гг. московско-ленинградское издательство «Academia» печатало свои книги — литературные памятники разных эпох и стран (см. иллюстрацию), — самая (и единственная!) известная в прошедшие полтора столетия книга Николая Греча «Записки о моей жизни» 1930 (MCMXXX) года издания в серии «Памятники литературного быта». Как этот экземпляр со штампом Бобруйской городской библиотеки им. А. С. Пушкина (по сохранности и чернилам штампа — именно 30-х годов) попал в Тулу, где и попался мне давненько на глаза в букинистическом магазине? — пути книг, как и их читателей, неисповедимы...

Если канонические в русской литературной мемуаристике воспоминания Е. Н. Водовозова «На заре жизни» (соврем. изд. 1987), А. В. Григоровича «Литературные воспоминания» и В. А. Панаева «Воспоминания» (тот же год соврем. изд.), Андрея Белого «Начало века» (1990...) относятся к литературному процессу России второй половины XIX века и началу века двадцатого, то «Записки» Греча единственны в своем роде: воспоминания активного очевидца о становлении русской литературы начала девятнадцатого века, но — об этом подробнее ниже.

... Еще более интересен «путь» «Пространной русской грамматики» — в истории этой книги всего два издания 1827 и 1830 (см. иллюстрацию) — второй том так и не был издан; см. также отметку на обороте ти-

* Текст публикуется без иллюстраций.

тульного листа о цензурном разрешении на печатание: великолепный образец высокого канцелярского штиля!

Этот экземпляр книги, которому немного не хватает до двухсотлетия, в полукожанном (полиграфический термин), с золотым, совершенно не потускневшим! виньеточным тиснением названия на торце, напечатанный на белейшей, без намека на «двухвековую желтизну», бумаге с водяными знаками (технологическая сетка и год производства бумаги «1827») на знаком мною пути связан с селом Порецким — оно на берегу Суры — в Чувашии. Порецкое — старинное русское село с многовековой историей, со времен после-золотоордынского вхождения поволжских финно-угорских и тюркских (те же чуваша, но впоследствии принявшие православие) народов в состав Руси. Торговое село на судоходной Суре, водный путь из Пензы в Нижний Новгород.

Население большого, раскинувшегося на нескольких холмах высокого, то есть западного, берега Суры, села значительно увеличилось в Первую мировую войну (тогда ее именовали Отечественной, в советское время — Империалистической, что намного справедливее...) за счет переселенцев из Западной Белоруссии. Сочтем необходимым дать пояснение. Каждый знает, а старшие поколения по рассказам своих родителей и дедов — очевидцев и участников знакомы, о коллективном подвиге советского народа — эвакуации на Восток промышленности с оккупируемых противником территорий. Менее известно, что эвакуация происходила не стихийно, но по разработанным до войны генштабом и совнаркомом планам. В свою очередь, они использовали опыт подобной эвакуации в годы Первой мировой войны: с территорий Польши, Прибалтики, западных частей Украины и Белоруссии, с которых русская армия отступала перед натиском германских войск (на австрийском фронте таких территорий не имелось, наоборот, был Брусиловский прорыв на Венгерскую равнину...), эвакуировались не только предприятия, вузы*, продовольственные и промышленные товары и материалы, но и в массовом порядке перемещалось в глубь России население (в Великую Отечественную войну массовую эвакуацию населения осуществить не удалось по объективным причинам).

В литературном отображении эта эвакуация — на примере латышей — основательно и развернуто показана в романах классика латышской советской литературы Вилиса Лациса, в пятидесятые годы Председателя Президиума Верховного Совета Латвийской СССР.

... Вот и в Порецкое прибыли вынужденные переселенцы из Западной Белоруссии, из Белостока и других городов, сел и деревень. Прибыли, прижились, там и остались. Словом, потомок этих переселенцев и подарил мне этот экземпляр «Пространной русской грамматики», пояснив, что он, наряду с несколькими другими книгами восемнадцатого и девятнадцатого веков издания, достался ему от своей бабушки, учительницы из Порецкого. А ей, в свою очередь, сразу после революции и Гражданской войны, книги эти принесли ученики: по соседству народ «приватизировал» помещичью усадьбу. По словам моего дарителя, многие из этих любовно переплетенных в кожу и шелк книг имели надпись на форзаце: «Из книг Якова Ульянова», по всей видимости, владельца усадьбы в годы указанных изданий. Не исключаю, что это был один из дальних — по времени и линии — родственников симбирских Ульяновых: по отцовской линии Владимир Ильич из тех же мест.

... На этом завершим усладу библиофила: литературно-историко-краеведческие изыскания, и вернемся к неоднозначной фигуре Николая Греча.

• На безрыбье и рак рыба — эта пословица в данном случае не к месту, если сослаться на отсутствие в 2022 году круглых дат русской литературы, в отличие, например, от года предыдущего: 200-летия Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова и другие юбилейные даты. Да и Николай Иванович Греч, как бы его не затушевывали в тех же школьных программах, вовсе не в статусе ракообразного на фоне зоологического ряда рыб... хотя бы сейчас рыба полностью исчезла из нашего пищевого рациона. Это к слову, но прекращение пополнения организма фосфором имеет далеко идущие последствия.

Говоря без обиняков, 235-летие со дня рождения Греча, приходящееся на этот год, есть просто извинительный предлог обратиться к такому своеобразному и такому напрочь забытому представителю русской словесности, а тем более русского литературного процесса первой половины XIX века как Николай Греч. О забытости, вне всякого сомнения, свидетельствует практическое отсутствие в последние полтора века переизданий его сочинений. Те же «Записки о моей жизни», кроме указанного выше издания 1930-го года, публиковались в начале двухтысячных годов в одном из московских издательств. И только; другие художественные, филологические, публицистические произведения (повторимся: на двадцать томов их набегает) в эти полтора века не переиздавались. Так и остались в сладостном для библиофилов качестве прижизненных изданий... да, еще А. С. Суворин, «издатель вся России», выпустил в 1886 году те же «Записки о моей жизни». Теперь уж точно «и только».

Что-то из книг Н. И. Греча размещено в интернете на сайте <русской> классической литературы, но кто же будет читать его там? Разве что курсовые работы украшать «цитатами из Греча» придет в голову иному студенту-отличнику (остальные отыскивают готовые рефераты...) журфака или филфака? А из лекций по русской литературе девятнадцатого века в Литературном институте касательно Греча помню только горьковатую, но провидческую шутку, что, мол, в следующем веке (то есть в нынешнем двадцать первом) те же

* Так Варшавский университет был вывезен (оборудование, профессура, студенты) в Ростов-на-Дону, а Варшавский же политехнический институт в Новочеркасск. Там они и остались — в преемственности состава — до настоящего времени.

Карел Чапек и наш Николай Греч останутся в исторической памяти лишь как изобретатели слов «робот» и «паровоз», соответственно. Что и сбылось с точностью до промилле (это не по части гаишников...).

Но в первой трети девятнадцатого века, когда собственно только и складывался русский литературный базис, словесность становилась общественным, социальным явлением, имя Греча, как писателя, значилось в самом первом ряду. Взгляните на известную виньетку (то есть рисунок) Александра Брюллова (1798—1877; брат Карла Брюллова), на которой изображены члены «Арзамаса», с которым неразрывно связано творчество Пушкина (см. иллюстрацию). Именно с «Арзамаса» и начался тот период великой русской литературы, что по праву называется феноменом словесности. И Николай Греч в этом собрании первородных талантов пера далеко не из последних.

Судьбе с ее исторической насмешкой вольно было распорядиться, чтобы двое из изображенных здесь литераторов стали предметом насмешек как в девятнадцатом, так и в двадцатом веках (наш век — «а нынешние нут-ка») — это Николай Иванович Греч и Дмитрий Иванович Хвостов (1757—1835), самый близкий друг нашего великого полководца А. В. Суворова*, его родственник — муж родной его племянницы, княжны Аграфены Ивановны Горчаковой, граф Сардинского королевства (по протекции А.В. Суворова), действительный тайный советник (чин II класса Табели о рангах!), член Синода и Сената, но более всего Хвостов полагал себя поэтом. И был несомненным дарованием, но поскольку избрал архаичную к тому времени ложноклассическую манеру стихосложения, то являлся предметом общих насмешек. Особенно язвили в его адрес Державин и Пушкин. Опять же Дмитрий Иванович — постоянный персонаж литературных анекдотов первой трети XIX века... было на Руси время, когда предметом нескрываемых насмешек и анекдотов являлся носитель высшего в империи чиновного звания! (чины I класса, то есть канцлера, в девятнадцатом веке почему-то не практиковались...). Да и Греч ненамного от Хвостова в чинах отстал: тайный советник — III класс Табели!

Мы к тому в параллель ставим Греча и Хвостова, неизменных участников «Арзамаса», что специфика начального складывания любого социумного сообщества, в данном случае организованного литературного действия — определенная «идейная веротерпимость»: зачинателей всегда бывает мало, поэтому они щадят друг друга, не занимаются «выискиванием блох» (так у нас в Литинституте именовалась мелочная придирчивость). Но вот проходит пара десятков лет, сообщество литераторов расширилось, заняло общественные позиции... вот здесь-то и начинается «ты кто? — а ты сам кто?» И пути «арзамасцев» разошлись. Уже в 1843 году сатирик Н. И. Куликов пишет свою пародию «Братья журналисты», в которой Булгарин якобы рассказывает про Греча:

*Он в Петербурге всех стыдился
И путешествовать пустился;
Сюда статейки присылал,
В них русским льстил, чужих ругал,
Но тем не выиграл у трона,
Лишь за границую стяжал
Он имя русского шпиона...*

А собственно что здесь постыдного: ведь русский шпион в Европе, а не английский, скажем, в России? Разведчик для своей страны — благое дело. Никто ведь чуть позднее не упрекал Тургенева, по уверенному общественному мнению являвшегося резидентом русской политической (не шпик примитивный!) разведки в Западной Европе? Не только Пушкин писал эпиграммы на Хвостова, бывшего брата-арзамасца. Но все из той же компании на рисунке Александра Брюллова баснописец Крылов на века «обессмертил» басней «Кукушка и Петух» (см. иллюстрацию) имя своего друга Николая Греча... А если окунуться в мемуаристику литературного мира первой половины того века, то вряд ли обнаружим хотя бы одну «пару» из числа изображенных на рисунке, в составе которой не чередовались бы доброжелательство и противоположные им качества...

К указанному эффекту «начального складывания» добавим не менее существенное, вообще присущее литературному кругу, как говорится, всех времен и народов, свойство: не пересиливаемая никакой воспитанностью и образованностью, глубочайшей добродетельностью и высочайшими моральными качествами души, извинительной <всех и вся> гуманностью и пр. и пр. взаимная подозрительность. Таково свойство всех творческих натур, но особенно мощно, вплоть до гротеска, оно выражено в писательской среде (а у поэтов подозрительность перерастает в ненависть!). Если эти строки читает литератор — поморщится от такой нелицеприятности, но согласится. Остальным же рекомендую обратиться к авторитету Михаила Афанасьевича Булгакова и перечитать «Мастера и Маргариту» — и именно те главы, в которых мастерски (извините за тавтологию) описываются эти «взаимные» отношения в среде литературного сообщества, из идейной разобщенности первой четверти двадцатого века, особенно в послереволюционной России, перешедшие в РАПП,

* А. В. Суворов. Письма / Издание подготовил В. С. Лопатин. — М.: Наука, 1986. — 808 с. (Серия «Литературные памятники»). Из 700 помещенных в книге писем А. В. Суворова наиболее частыми адресатами являются Потемкин и Хвостов...

а далее в полнейшей «целостности» и в горьковско-сталинский Союз писателей СССР. В последнем подкованная борьба «всех против всех» намного усилилась: стали награждать орденами, Сталинскими*, Государственными и Ленинскими премиями: возрос волчий денежный аппетит.

Во времена же активной литературной деятельности Николая Греча, то есть первой трети века, само писательство еще не декларировалось специальной профессией, когда на доходы от литературного творчества и существовал писатель, к предметам сугубо творческого взаимонедоброжелательства добавлялась и материальная база этого существования: наличие доходного имения у писателя из дворян-помещиков, успешность продвижения «по рангам Табели» у литераторов из чиновников. В то время остальные сословия к словесности еще не приблизились...

Таким образом, во многом специфика взаимоотношений в среде литераторов периода «Арзамаса» объяснялась, в сущности нашего рассмотрения, не столько особенностями Греча, как писателя, активного участника зарождающегося в России литературного движения — издателя журналов, публициста и достаточно успешного чиновника, сколько самой атмосферой тогдашней жизни в России на сломе 1825-го года: от либеральных надежд александровской эпохи к тридцатилетнему периоду царствования Николая Первого.

Еще заметим в существенном дополнении: взаимная недоброжелательность в среде литераторов первой трети XIX века являла собой характер частной «разминки», на смену которой пришло уже идейное противостояние 40—50-х годов, мощным стартом которой явилось противостояние Белинского и Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями»). Писарев и Добролюбов, Герцен... — это уже война перьев. «И дольше века длится бой».

♦ Вкратце окинем взглядом литературную, общественную и служебную жизнь Николая Греча — именно в подтверждении (всякому вольному воля — иной сочтет возможным и опровержение...) обозначенных выше доводов: от объективного к субъективному; в художественном творчестве логика доказательств зиждется на дедукции.

От почтения до равнодушия и забвения, так трансформируя «от великого до смешного», если не один шаг, но в литературной сфере достаточно скоро происходит. Так и с Николаем Ивановичем Гречем.

В 1810—20-х годах имя Греча во всех областях русской литературы значилось в первых ее разрядах. Еще далеко не всеми было знакомо творчество Пушкина, но образованные люди России, не только в столицах, читали с похвалой путевые заметки Греча о поездках в посленаполеоновскую Францию, а его журнал «Сын Отечества» более десяти лет, до начала 1820-х годов, являлся действительно признанным по новизне и содержанию заглавным в русской периодике. И два десятилетия Греч прочно и небезосновательно удерживал за собой и своим творчеством пьедестал нарождающейся в России массово читаемой литературы. Известный историк русской литературы Михаил Лонгинов (1823—75), автор основательного исследования «Новиков и московские мартинисты», писал: «В то время Греча в Петербурге знали все от мала до велика... известность Греча, не только литературная, но и просто личная, была почти всеобщая». Сохранилось множество других, подобных по характеру, отзывов о Грече годов его признания (Шредер, Делакура, Жихаров, Дашков, Дмитриев, арзамасец П. А. Вяземский и др.), но — ограничимся цитированием Лонгинова.

Издательскую деятельность Греч начал в 1807 году с очень либерального публицистического журнала «Гений времен», настолько «вольного», что скоро был закрыт цензурой. До Наполеонова нашествия Греч успел, правда, короткое время, издать «Журнал новейших путешествий» и «Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света». Сами названия говорят о широте просветительских и журналистских устремлений молодого Греча. В те же годы он публикует и первые свои труды по русской грамматике. Итак, двадцатилетний Греч основательно заявил о себе как об издателе, писателе, филологе, публицисте. И тогда же был замечен и власть придержащими: подарок от Александра I за переводы. А появившийся у него меценат граф С. С. Уваров — будущий министр народного просвещения (его формула: православие, самодержавие и народность), бессменный президент Академии наук и, увы, ставший затем врагом Греча — благословил его на основание и издание своего собственного (предыдущие имели соредакторов) журнала «Сын Отечества», ставшего во главе русской литературной жизни. Державин и Карамзин, Жуковский и Батюшков, Гнедич, Вяземский, Василий Пушкин (Александр Пушкин еще лицейские стихи сочинял...) — основные авторы журнала. Такой популярностью журнал был обязан другому, просвещенному меценату Греча — Александру Николаевичу Оленину (1763—1843), директору Императорской публичной библиотеки, крестному отцу Греча в литературе.

... Оно и сейчас меценаты, правда редкие, играют весомую роль в литературном становлении писателя, но в первой половине XIX века, в продолжении традиции века предыдущего, меценатство не то, что не полагалось таким кумовством, но приветствовалось в литературном мире. Оленин же покровительствовал талантливому юноше еще со школьного его обучения. И то, что в дальнейшем Греч изрядно поупражнялся над своим благодетелем в каламбурных издевках — опять же в духе того времени: наивного и неблаго-

* Опять же школьное объяснение, что при Хрущеве Сталинскую премию заменили Государственной, логически неверно. Сталинская премия являлась не государственной, а *личной* (частной, как бы сейчас сказали) — из личных гонораров за публикации Вождя. Кстати, в СССР только два вуза — ВППШ и Литинститут — являлись де-юре не государственными, поскольку оба входили в структуры общественных организаций: КПСС и Союза писателей СССР...

дарного, когда люди относительно рано выросли: юность насмешлива и язвительна в отношении старости, ибо еще не постигла житейской мудрости. Опять же и других «арзамасцев» в таком качестве вспомнить можно, того же Пушкина...

Итак, к Отечественной войне 1812-го года Греч был на вершине литературной славы, а время это и иначе как блестящий эпохой «Сына Отечества» не называли в литературных и читательских кругах. По убеждениям — искренний и восторженный либерал александровской поры, близок к «Арзамасу» (см. иллюстрацию выше), а «Сын Отечества» щедро предоставлял свои страницы арзамасцам — почти что орган этого литературного сообщества. В переписке Вяземского, А. И. Тургенева, Карамзина, И. И. Дмитриева и многих других виднейших писателей той эпохи о Грече — только благожелательные отзывы: душа передового общества и сильный движитель русской словесности. Даже масонство Греча — ложа «Избранного Михаила» — это бонтон тогдашнего либерализма и передового мышления. В структуре этой ложи Греч принял самое активное участие в создании ланкастерских школ — практика передовой педагогики тех лет.

Словом, остановись Греч на достигнутом — и в советских школах имя его благославлялось бы наряду с Белинским, Добролюбовым с одной стороны, с наиболее видными арзамасцами с другой. Но вот эпоха александровского либерализма сменилась на разломе восстания декабристов казенным администрированием царствования Николая I. И Греч уже предвещает свою книгу по грамматике русского языка следующими словами (см. иллюстрацию).

...Можно ли это полагать корыстным низкопоклонством? — Вряд ли, по-скольку в начале царствования Николая Павловича, несмотря на декабрьские события его воцарения, казни и ссылки участников вывода войск на Сенатскую площадь (солдат ведь не наказывали: они команду отцов-командиров выполняли, путая присягу законному наследнику Константину с какой-то Конституцией!), многие полагали нового монарха благородным и откровенным. Вот и сейчас издаются книги навряд «Рыцаря самодержавия» (вроде как в серии ЖЗЛ) пера одного из бывших ректоров Литинститута...

Почему-то Александра Сергеевича за подобное же не упрекает литературоведение последних двухсот лет, только извинительно замечают: доверчив, мол, был Пушкин. Имеются в виду его стансы «Друзьям» (1828) с искренней похвалой Николаю Первому. И другие бывшие арзамасцы здесь отличились. Опять же и традиции предыдущего века еще не забылись: ведь мало кому придет в голову упрекать Ломоносова, Державина, тем более Тредиаковского и Сумарокова за его «Оду Е. И. В. всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице Всероссийской, в 25 день ноября 1743», Хераскова за «Россиаду» — за их многочисленные оды царствующим самодержцам? Ведь на Руси испокон веку неизживаемо: царь (как бы он не назывался) — отец родной, жалованную грамоту народу дал, да злые бояре-чиновники ее выкрали и в землю закопали...

И все тому же Пушкину, если по сути (не по сменяющимся «политическим веяниям» в литературоведении) разобраться, грех особый жаловаться на Николая Павловича: придворное звание камер-юнкера невысокое? Так проживи дольше, стал бы и камергером, как Тютчев, а может и гоф-маршалом. Да Пушкин и был честен — не злословил в тех же эпиграммах на Николая Первого (а вот об Александре I не сдерживал свое перо: «... Властитель слабый и лукавый над нами царствовал тогда... плешивый щеголь, враг труда...»), который относился к поэту благосклонно, понимая величие его таланта, в том числе для пользы России («Клеветникам России»). Один факт, что после гибели поэта царь выплатил тридцать тысяч долга Пушкина и позаботился о его семье, о многом говорит... чтобы там исторические сплетники не подалдыкивали.

Еще более существенным следует полагать «личное цензорство» царя в отношении Пушкина. Здесь смешно опять же школьное утверждение, что этим Николай Первый «душил музу поэта». Совсем наоборот, он давал этим торную дорогу его творчеству, оберегая Пушкина, при его вспыльчивой натуре, от необдуманных слов и влияний хитроумных недругов. Опять же иметь «личным цензором» императора — это ли не признание исключительности творчества поэта?

... Верноподданность и Пушкина и Греча — это от искренности, ну-у, может и от первых впечатлений нового царствования. Несомненно, это уважительность к конкретному человеку, хотя бы и царю, но не социальной и политической системе. А это глубоко разные понятия. Еще раз вернемся к словам Наполеона, уже не трансформированным: от великого до смешного один шаг. Не следует уважительное отношение к царю (не к власти!) тех же Пушкина, Греча, да и многих других литераторов прошлого переносить на более утилитарные времена новейших эпох. От души, искренне смеяться хочется, когда берешь в руки книгу автора «губернского уровня», только и мечтающего о звании почетного горожанина (чтобы быть погребенным на почетной аллее городского погоста что ли?), где в предисловии или отдельной колонкой восхваляются достоинства местоблюстителей провинциальной власти...

Граф М. Д. Бутурлин в известных своих «Записках» пишет: «В Английском клубе я познакомился с Н. И. Гречем. Там, за обедом, он был, так сказать, гусями, соловьем: заслушиваемся, бывало, его. В одном только отношении разговор его делался приторным, а именно в неразборчивости и утрировке его восхищения всем тем, что говорил и делал государь... Разве только к царскому чиханию не применялось опошлевшее восклицание: какой-де государь у нас молодец!»

Что здесь сказать? Скорее всего следующее: Греч до конца дней своих не изменил своего отношения к Николаю Первому, а вот Бутурлин «писал в стол», его воспоминания о сороковых годах были опубликованы

только в самом начале XX века («Русский Архив»). Не буду настаивать в уверении, что «давши слово, крепись», но в честности своих мнений и воззрений Гречу отказать трудно.

И сам император не сомневался в честности писателя, что видно из письма Бенкендорфа к Гречу (его приводит Иванов-Разумник в предисловии к изданию 1930-го года «Записок о моей жизни»): «Милостивый государь Николай Иванович! Я имел счастье обратить всемилостивейшее внимание его императорского величества на многолетние полезные труды Ваши и благонамеренное направление литературных сочинений, Вами издаваемых, и, вместе с тем, всеподданнейше доводил до высочайшего сведения о постоянном усердии Вашем, готовности к составлению и изданию поручаемом Вам от меня статей и о той пользе, какую приносят Ваши занятия. Государь император, удостоив с благоволением принять таковое всеподданнейшее мое представление, высочайше повелеть мне соизволил: объявить Вам особенное монаршее удовольствие за полезные Ваши труды. Причем его величество изволил надеяться, что и на предбудущее время Вы, с тем же усердием, будете продолжать занятия Ваши, тесно соединенные и с пользами просвещения, и с намерениями правительства. С особенным удовольствием сообщая Вам, милостивый государь, таковой высочайший отзыв его императорского величества, с совершенным уважением и преданностию имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугой — Граф Бенкендорф» (С. 19—20 указ. кн.).

Письмо это, впервые опубликованное Ивановым-Разумником (см. выше со ссылкой), было с восторгом воспринято советским литературоведением как — якобы — прямое доказательство доносительного по характеру, тесного сотрудничества Греча с III Отделением. Как говорится, не было бы этого письма, его следовало придумать для окончательного приговора. Спешим огорчить: как всякий чиновник на службе, да еще недурственный словесник, досконально знающий литературную среду, он выполнял именно те поручения министерств и департаментов, а III Отделение тот же департамент! которые касались организации литературно-просветительской деятельности в империи. Одним из таких заданий (это неявно отмечено в письме Бенкендорфа), например, было активное участие Греча в составлении нового цензурного устава 1828-го года. Причем тут пресловутая «доносительность»? Никому ведь в голову не придет обвинять автора «Обломова» и «Фрегата «Паллады», который в 1858-м году по службе был назначен главным цензором Российской империи, в этом самом «доносительстве»?

Греч всю свою жизнь служил чиновником, «достигнув степеней известных», что не мешало ему служить и литературе. И если эти две стороны его деятельности пересекались, то явно к пользе дела общественного. ... Слава Богу, что в имеющихся источниках даже самые откровенные недоброжелатели Греча не решились обвинить его в том, чего не было: в том же доносительстве, шпионаже за литературными коллегами, подхалимаже и прочих грехах, за которые «бьют шандалами». Был он прямолинейно честен и безотказен, как истинный русский немец.

• Злой рок в лице Булгарина во многом, если не в основном, создал Гречу нелюбимую репутацию. Причем не столько при жизни, сколько в последующей литературной памяти. Истинно говорится: с чертом свяжешься — не отвяжешься. Фаддей Бенедиктович Булгарин (1789–1859), если поискать ему родственного по характеру литературного персонажа, более всего напоминает Остапа Бендера: кипучая натура и делачество не столько ради наживы, денег, но для самого процесса. Греч в своем отдельном очерке-воспоминании «Фаддей Булгарин» — наиболее объективном, отнюдь не в стиле упомянутой басни Крылова, так определил сущность натуры Булгарина: «Я не видел, что в этом скрывалась только исключительная жадность к деньгам, имевшая целью не столько накопление богатства, сколько удовлетворение тщеславию. Фридрих II сказал однажды о поляках: «нет подлости, которой бы не сделал поляк, чтоб добыть сто червонцев, которые он потом выбросит за окно». К тому должно еще прибавить... вражденные свойства его, и хорошие и дурные, с годами крепнут и возрастают. Так было и с Булгариным» (С. 691 указ. кн.).

... Здесь в чем-то шляхетский характер коррелирует с русской присказкой: украсть вагон спирта, продать его, а вырученные деньги пропить. Фееризм жизненного пути Булгарина начался с его службы лейб-уланом в России, как подданного империи, поляка по происхождению — из Царства Польского в составе России. Но в 1807 году Александр I и Наполеон заключили Тильзитский мир, который в русской, затем в советской историографии полагается позорным и не выгодным для России. Однако, отрицая эмоции и пр., следует признать, что это был единственный в проявлении Александра I правильный геополитический шаг: выступить в союзе с Наполеоном против вечных врагов России — Англии и Пруссии. Но он же, «властитель слабый и лукавый», сам все и испортил, не выполнив условия Тильзитского мира, чем и спровоцировал Наполеона на Московский поход... Подумайте сами.

И вот после замирения Булгарин из русских лейб-уланов переходит в польский легион армии Наполеона, где и служит в 1809—14 гг. (см. иллюстрацию). Заметим — это не являлось предательством, учитывая на момент перехода Булгарина во французскую армию мир между Россией и Францией, а также его польское происхождение; Герцогство Варшавское тогда принадлежало Франции. Но в 1812—14 годах он воевал против своего отечества, был взят в плен. Эти годы жизни Булгарина живописно, с умеренной сатирой описаны Гречем в упомянутом очерке «Фаддей Булгарин». Затем начинается второй период пребывания Булгарина в России — уже на всю оставшуюся жизнь. И новые карикатуры на него (см. иллюстрацию). Не будем останавливаться особо на литературной жизни Булгарина (романы «Иван Выжигин», «Петр Иванович Выжигин», «Памятные записки Чухина», «Воспоминания» и другие — вскорости напрочь забытые); а вот его след в издательской деятельности: «Северный архив», «Сын отечества», «Литературные листки», «Детский собесед-

ник», «Эконом», «Русская таляя», «Северная пчела». — Впечатляет? — Конечно, и именно в издательской деятельности состоялось пересечение Греча с Булгариным, его злым гением. В цитированном выше очерке Греч сохраняет объективность: «При жизни одни его хвалили, другие терпели: третьи ненавидели, многие спорили, бранились с ним... Но по смерти сделался он предметом общей злобы и осмеяния» (С. 665 указ. кн.).

... Когда читаешь очерк Греча о Булгарине, а параллельно с ним статью А. С. Пушкина «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов»*, тотчас вспоминаешь романы русских писателей XIX века, уже упомянутых выше в этом аспекте Достоевского и Лескова, в которых непременными персонажами являются русские поляки, шляхетский гонор которых не претит им ловко вращаться в чиновной, литературной и иной среде в столицах и в провинции, умело устраивая свои гешефты. Это не те польские бунтари, что наряду с русскими каторжанами и кавказскими «кровниками» (вспомните Ибрагима-Оглы из «Угрюм-реки» В. Я. Шишкова), в течении девятнадцатого века составили население Сибири. И не те, которые со звенящим в душе полонезом Огинского покидали Царство Польское, уезжая в европейские страны и Америку. А было то особое «племя» на русской службе, но не считавшее Россию своей родиной. Опять же — см. у Достоевского в особенности.

Итак, послужив у Наполеона до 1812 года в Испании, а затем в корпусе маршала Удино, действовавшего в Литве и Белоруссии, далее отступая с французской армией — переправляясь через Березину, вел (по его словам) лошадь с седоком Наполеоном, — в кампанию 1814-го года был взят в плен пруссаками, передан русским. После окончания войны Александр I объявил безусловную амнистию полякам из армии Наполеона. А Булгарина даже лично принял Константин Павлович (см. иллюстрацию выше) — брат императора и его наместник в Варшаве. Отказавшись от предложенного Великим князем чиновного места в Царстве Польском, Булгарин сделался ходатаем по судебным делам двух польских магнатов и — выиграл почти безнадежное дело! Далее — Петербург и начало литературной деятельности (И Остап Бендер писал «Незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей»).

В столице он мигом оброс кругом полезных знакомцев. Дошла очередь и до Греча — тогда в зените известности и литературного признания. Как пишет сам Греч: «В начале февраля 1820 года явился у меня в кабинете человек лет тридцати, тучный, широкоплечий, толстоносый губан, порядочно одетый, и заговорил со мною по-французски...» (С. 684 указ. кн.).

Коль скоро Греч тогда номинировался «отъявленным либералом» (это его слова), то и Булгарин аттестовался таким же. «В моем доме он узнал Бестужевых, Рылеева, Грибоедова, Батенькова, Тургеневых и пр. — цвет умной молодежи!» — пишет далее Греч.

Со всеми он мигом наладил добрые отношения, а с Грибоедовым и вовсе подружился. Действовал он по правилу старой присказки: пан или пропал, хотя пан — явный поляк. Испробовав ряд издательских мероприятий, Булгарин сузил цель до использования Греча, уговорив того в 1824 году совместно с ним издавать «Северную Пчелу», которая имела четвертьвековой заметный успех — от похвального до скандального. И получилось, что Греч стал финансово зависимым от Булгарина. Он и говорил, что порвать с ним отношений он не мог, не поставив семейное свое благосостояние под угрозу. Греч пишет об этом: «... Когда я, в 1847 году, собираясь долее пожить за границею, хотел передать мои дела в “Пчеле” в собственность моему сыну при моей жизни, Булгарин объявил свое согласие, под тем условием, чтоб я за эту передачу заплатил ему, Булгарину, десять тысяч рублей. Разумеется, что после этого передача не состоялась» (С. 721 указ. кн.).

Вот и весь секрет их тесных взаимоотношений, или как ловкий поляк Булгарин привязал к себе денежной цепью несколько наивного и прямодушного немца Греча! Что же касается «кукушкино-петуховских» взаимных предисловий к книгам визави, то и здесь важно не скатываться к примитивному: ты мне, а я тебе. Прочтите окончание предисловия Булгарина к «Пространной русской грамматике» (см. иллюстрацию): здесь все правда: явившись после своих армейских походов и сутяжничества по искам двух польских помещиков в Петербург, имея целью попрактиковаться на литературном поприще, Булгарин не очень уверенно владел русским языком. Сочинения свои он писал с помощью квалифицированных помощников. А сблизившись с Гречем, консультировался у него. Поэтому и пишет Булгарин, что «Я вменил себе в честь называться его учеником». Что правда, то и есть правда: «Читатели вспомнят, что я сам обязан Гречу настоящим познанием моим русского языка».

А поскольку Греч взялся за грамотность Булгарина, то и счел своим моральным долгом предварять публикации книг Булгарина — ответственность учителя. Междоветия и сослагательные наклонения здесь излишни.

• Греч оказался учителем не только Булгарина в части русской словесности, но, в определенном смысле, и всей страны. В той же литературной и политической газете «Северная Пчела», редактируемой и издаваемой им в партнерстве с Булгариным, Греч преимущественно вел разделы зарубежных новостей и русской грамматики. Учитывая же всероссийскую популярность, влияние газеты, имя Греча тесно связывалось

* Пушкин А.С. Избранное / Сост. П.А. Николаева.— М.: Советская Россия, 1980.— С. 304–310 (Серия «Библиотека русской художественной публицистики»).

с выработкой нормативности русской грамматики. Это являлось требованием времени. Опять же на рубеже двадцатых-тридцатых годов, редактируя также «Журнал Министерства внутренних дел», а в середине тридцатых годов — журнал «Русский Вестник», Греч и в этих изданиях находил возможным и полезным касаться вопросов упорядочения грамматики русского языка. «Пространная русская грамматика» явилась результатом многолетних трудов Греча. Она же до 60-х годов XIX века являлась практическим руководством по изучению русской грамматики и вообще сыграла значительную роль в развитии научного изучения языка. Из <начала> оглавления этой книги (см. иллюстрацию) видна именно научная постановка изучения предмета. По какой причине Греч не издал второй том своей грамматики, что он обещал «издать в течение нынешнего года» в кратком авторском предисловии «К второму изданию»? — мы ответа на это не нашли ни у самого Греча в его публикациях, ни у наиболее известных литературоведов. Может просмотрели...

И снова Гречу не совсем повезло в его филологических трудах: при всем теоретико-лингвистическом и практическом признании и пользовании грамматикой Греча, начиная с середины XIX века, отзывы известных в то время филологических авторитетов (Востоков, Сухомлинов и др.; публиковались в «Истории российской Академии») на этот труд все более становились отрицательными. Что ж, любая наука не догма и всегда имеет стимул к дальнейшему развитию. Это диалектика познания. Тем более, что все эти отзывы никак не препятствовали известности «Пространной русской грамматики» и ее практической применимости. Более того, в начале 30-х годов переработанная Гречем в краткий учебник грамматики, книга и стала базовым учебником для различных типов учебных заведений. Именно этот учебник, изданный массовым тиражом, на много лет обеспечил и безбедное существование Греча с семейством. Оба романа его, «Поездка в Германию» и «Черная женщина», в котором использован литературный прием смещения временных плоскостей, при выходе имели успех «занимательного чтения», а это есть гарантия скорого забвения. Все же и по преимуществу Греч являлся литературным публицистом и филологом, редактором и издателем, чего не скажешь утвердительно о беллетристической стороне его многоплановой деятельности.

•Николай Греч так вспоминает о своих взаимоотношениях с Пушкиным (в очерке «Фаддей Булгарин»): «Мы раз как-то встретились в книжном магазине Белизара (ныне Дюфура). Он поклонился мне неловко и принужденно, я подошел к нему и сказал, улыбаясь: “Ну, на что это походит, что мы дуемся друг на друга? Точно Борька Федоров с Орестом Сомовым”. Он расхохотался и сказал: “Очень хорошо!” (любимая его поговорка, когда он был доволен чем-нибудь). Мы подали друг другу руку, и мир был восстановлен. В конце 1831 года, вознамерившись издавать “Современник”, он приезжал ко мне и предлагал мне участие в новом журнале. Я отвечал, что принял бы его предложение с величайшим удовольствием, так не знаю, как освободиться от моего польского пса. Пушкин сам сознался, что это невозможно, и прибавил, смеючись: “Да нельзя ли как-нибудь убить его?”» (С. 703 указ. кн.).

В том же году (1831) Пушкин печатает в журнале «Телескоп» указанную выше статью «Торжество дружбы...», начиная ее словами (прямо как Крылов в «Кукушке и Петухе»): «Посреди полемики, раздирающей бедную нашу словесность, Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин более десяти лет подают утешительный пример согласия, основанного на взаимном уважении, сходстве душ и занятий гражданских и литературных. Сей назидательный союз ознаменован почтенными памятниками. Фаддей Венедиктович скромно признал себя учеником Николая Ивановича; Н. И. поспешно провозгласил Фаддея Венедиктовича ловким своим товарищем (выд. А. С. Пушкиным. — А. Я.). Ф. В. посвятил Николаю Ивановичу своего “Димитрия Самозванца”; Н. И. посвятил Фаддею Венедиктовичу свою “Поездку в Германию”. Ф. В. написал для “Грамматики” Николая Ивановича хвалебное предисловие; Н. И. в “Северной пчеле” (издаваемой гг. Гречем и Булгариным) напечатал хвалебное объявление об “Иване Выжигине”»... (С. 304. указ. кн.).

Из сопоставления сказанного Гречем и Пушкиным следует, что личной вражды между ними не было, только небольшие размолвки, которые неизбежны в творческой среде. А вежливое приглашение Гречу стать участником планируемого Пушкиным «Современника» (за пять лет до начала его издания) свидетельствует о понимании им как творческих достоинств Греча, так — и особенно? — роли его в общероссийском литературном движении. Иначе говоря, Пушкин, уже с позиции руководителя «Современника», четко осознавал: участие Греча будет способствовать широкому признанию нового издания, и будет странным, если журнал будет выходить без его участия. Но это было именно вежливым приглашением, поскольку Греч был связан соредакторством с Булгариным в издании «Северной пчелы». О чем Александр Сергеевич «сам сознался, что это невозможно».

В то же время Пушкин пишет достаточно язвительно о дуумвирате Греча и Булгарина. Однако, если подумать хорошо, особенно в контексте сказанного выше о специфике литературной жизни того времени, то слова Пушкина вовсе не так и обидны в отношении Греча, зависимость которого от Булгарина Александр Сергеевич понимал: «сам сознался...» и «ловким своим товарищем».

И главный вывод из приведенного сравнения таков: исторически закрепившийся упрек Гречу, что-де скоренько из «отъявленных либералов» (это его же слова) перескочил в верноподданные, несостоятелен. Как не имеет оснований и (возможный) упрек Пушкину. У обоих либерализм был «детской болезнью», неизбежный для литературной юности и молодости преходящий и закономерный этап. А о подлинном содержании «верноподданничества» Греча достаточно было сказано выше.

• Роль Греча в формировании всероссийского литературно-общественного процесса несомненна, существенна и отличительна. Именно последняя характеристика не нашла вовсе отражения в историческом

литературоведении. Вместо этого Греч заслужил только нелицеприятные отзывы в последующие полтора десятилетия. Тот же, упомянутый выше, Иванов-Разумник пишет: «... Вот в какое болото понемногу скатился Греч после своего душевного надлома в 1820 году и после начала своего знакомства с Булгариным. Раболепство перед правительством с одной стороны, литературное торгашество с другой — вот к чему пришел былой «отъявленный либерал» александровских времен. Скажи мне с кем ты знаком, и я скажу тебе, кто ты — говорит известная поговорка. Ее можно видоизменить и так: скажи мне, кто твой герой, и я скажу тебе, кто ты. Греч был «знаком» с Булгариным, а его «героем» был — Николай I. Этого более чем достаточно для полной его характеристики» (С. 24 указ. кн.).

Что здесь скажешь? Автора этого «приговора», обязанного подчиняться (1930 год на дворе) выводам комиссии Луначарского-Крупской, определившей на семьдесят лет «круг чтения» советских людей и изъывших из этого «круга» десятки, сотни имен представителей русской словесности XIX — первой четверти XX вв., в том числе имя Николая Ивановича Греча, опровергать не следует. Кто музыку заказывает, тот девушку и танцует — ответим с допустимым легкомыслием. Но сейчас вроде как к литературе, особенно с полутора-двухсотлетней историей, никому никакого дела нет. Тем более, что некогда мощный и общественно-влиятельный класс литературоведов если в мизере-мизерерос и сохранился, то всего лишь в наивном воображении и памяти людей старшего поколения.

Литературное движение формируется, поддерживается при одновременном наличии базиса — активно работающих талантливых, творчески одаренных писателей и организаторов этого процесса: публицистов, литературоведов, журналистов, издателей, в особенности периодики. Базис и организация, что особенно характерным являлось для русской литературы первой половины девятнадцатого века, могут пересекаться как в индивидуальностях, так и в творческих объединениях.

Ярким примером последнего являлся «Арзамас». Николай Греч как раз и относился к числу «пересекающихся», но с преобладающим тяготением к организационной стороне процесса; в поле жнец и на дуде игрец — это большая редкость в сфере словесности; просто степень такой «асимметрии» может быть различной. Опять же Достоевский и Лесков (надеюсь, что не утомили читателя однообразием примеров и имен в них...), хотя бы уже во второй половине XIX века, типичные примеры преобладающего литературного, беллетристического таланта, но, хотя и в несколько меньшем ареале, в то же время и заметные организаторы: «Дневник писателя» — публицистический альманах Достоевского, он же (вместе с братом М. М. Достоевским) издатель журналов «Время» и «Эпоха»; многочисленные статьи и очерки Н. С. Лескова в ведущих российских газетах и журналах — непременно на злобу дня, актуальные, сугубо объективные и принципиальные.

Еще один существенный момент. Как сугубо художественные произведения в последующем могут трактоваться неоднозначно, так — и особенно! — деятельность организаторов литературного процесса со стороны ушедшего вперед времени, особенно при меняющихся общественно-социальных установках и ориентирах, с легкостью может быть отнесена к негативной. Оно и понятно: будущее всегда «глядит» на прошлое укрупнено или, как принято в психологии, с акцентом сдвига мотива на цель. Вот в такую ситуацию и попал Греч: что называется, раз и навсегда «без суда и следствия». Ведь чтобы уяснить роль его в создании такого общественного явления как всероссийский литературный процесс — в формировании, движении и развитии вширь и вглубь, — следует ни много, ни мало, но поставить себя... на место Греча в 1820—1840 годах. Это не примитивный эвфемизм, а всего лишь призыв к объективности. Как раз примитивно разделение — в историческом плане — литературы на либеральную и консервативную. Тем более в начальный период ее социумного признания. Иначе будет как в реформации русской истории в 1920-х годах профессором Покровским, что-де разбойник Стенька Разин и самозванец Емельян Пугачев были провозвестниками Октябрьской революции. Опять же с какой стороны смотреть: ликвидации института частной собственности или стихийного социального взрыва «сарынь на кичку!»

... Подведем итог наших «рефлексий». В памяти историко-литературной сама фигура Греча и его роли в этой истории однозначно отложились как негативные. Хотя единственный, неотрицаемый с позиций традиционной морали (сейчас она иная), «недостаток» Николая Греча — это его чисто немецкое равнодушие к деньгам. И если современники называли это жадностью, то только сравнивая с несравнимым: с русской широтой души, для которой деньги есть дело второстепенное (по Достоевскому).

Именно разносторонняя деятельность Греча — а за двумя зайцами не угонишься! — создала эффект распыленности его творчества: плодотворность по многим путям, увы, редко остается в исторической памяти.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

г. Орел

Новикова-Строганова Алла Анатольевна — доктор филологических наук, профессор, член СПР (Москва), историк литературы. Постоянный автор нашего альманаха.

МОЛИТВЫ, СЛЕЗЫ И ЛЮБОВЬ: РОМАН «ОТЦЫ И ДЕТИ»*

Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1861) — одно из вершинных достижений отечественной классики. Его внутренний свет не потускнел под налетом хрестоматийно-школьного глянца и вульгарно-идеологических трактовок, в том числе и режиссерско-постановочных. Несмотря на кажущуюся доскональную изученность, вот уже более чем полтора века не угасает стремление к постижению бесконечно богатого образного мира романа; не прекращаются попытки проникнуть в его «святая святых».

Конфликт поколений в «Отцах и детях» с поверхности текста переходит во внутренние, глубинные пласты, в сферы внетекстовые. За внешней сюжетной основой встают вопросы религиозно-философские, и главный из них — о сокровенном смысле жизни. Размышления о ее мимолетности; сознание того, что каждый неизбежно встретит смерть один на один: «Старая штука смерть, а каждому вновь» (7, 182); метафизическое одиночество (философия «космического пессимизма»), свойственные складу тургеневского художественного мышления, постепенно преодолеваются на путях признания высшей трансцендентной сущности человека.

Тургенев уверен, что «только с духовным началом, с идеалами может так глубоко сочетаться наш дух, наше мышление» (I, 436). Ощущение причастности к всеобщей вселенской гармонии Божьего мира расширяет духовные горизонты личности. Человек не столь трагически переживает свою «временность» и «конечность», предчувствуя свою родственность чему-то «высшему» и «вечному».

Без образа Божия жизнь безбожна, безобразна и безобразна. Отсутствие веры писатель сознавал как неполноценность, ущербность, обделенность и обедненность личности. Графине Е. Е. Ламберт Тургенев писал: «Да, земное все прах и тлен — и блажен тот, кто бросил якорь не в эти бездонные волны! Имеющий веру — имеет все и ничего потерять не может; а кто ее не имеет — тот ничего не имеет, — и это я чувствую тем глубже, что я сам принадлежу к неимущим! Но я еще не теряю надежды <курсив мой. — А.Н.-С.>» (III, 61).

Христианские упования писателя нашли выражение в образах религиозно одаренных людей — таких, как Лиза Калитина («Дворянское гнездо»), Лукерья («Живые мощи»), — которых автор создавал с чувством величайшего благоговения. В религиозных переживаниях видит Тургенев источник внутренней силы и нравственной чистоты. Стихотворения в прозе «Христос», «Монах», «Молитва» свидетельствуют о «томлении духа», духовной жажде, потребности писателя в Богообщении: «Только такая молитва и есть настоящая молитва — от лица к лицу» (10, 172).

В романе «Отцы и дети» проявилось осознание духовной высоты христианского чувства, православной церковной традиции. Соборование нигилиста Базарова в сцене его смерти не выглядит неожиданностью, но — наоборот — подчиняется внутренней художественной логике тургеневского произведения.

Православному Таинству Соборования отведены лаконичные строки внутри единственного абзаца, посвященного последним мгновениям земной жизни главного героя. Крайне сдержанно сказано о церковном чинопоследовании христианского напутствия умирающему перед его уходом на суд Божий: «Отец Алексей совершил над ним обряды религии» (7, 183).

К слову, священник — отец Алексей — фигурирует в нескольких произведениях Тургенева, созданных после «Отцов и детей». В рассказе «Живые мощи» (1874) отец Алексей христиански поддерживает болящую Лукерью. Впоследствии писатель создал, по его жанровому определению, «легендообразный рассказ» — «Рассказ отца Алексея» (1877), указывая в письмах на его невымышленный источник: «(действительно сообщенный мне) рассказ одного сельского попа о том, как сын его подвергся наущению дьявола (галлюцинации) — и погиб» (9, 468). Реальный отец Алексей — священник прихода, к которому принадлежало имение писателя, — упоминается Тургеневым в письме к Н.А. Щепкину: «Поп Алексей просит 15 осин» (9, 468).

Несмотря на чрезвычайную сжатость (а, возможно, именно благодаря такой немногословности), эпизод Соборования в «Отцах и детях» обращает вдумчивого читателя к скрытым пластам романа, вербально не выразимым в своих сокровенных глубинах. Ассоциативный подтекст христиански высвечивает своеобразие поэтики Тургенева, особенности его художественной манеры «тайного психологизма». Писатель останавливается на пороге не постижимой земным разумом загадки души и Духа, человека и мира, вечной неумирающей жизни.

* В 2022 г. исполняется 160 лет «Отцам и детям» И. С. Тургенева (от составителя и главного редактора альманаха)

Обрисованный в нескольких словах православный обряд представлен как истинное Таинство — в нем ощущается величайшая тайна. Тургенев пишет о Базарове: «Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице» (7, 183 — 184).

Загадочен этот последний эмоциональный всплеск главного героя романа. В чем кроется источник «содрогания ужаса» прежде безстрашного нигилиста — титанической личности, отвергавшей Бога и отрицавшей бессмертие, самоуверенно бросающей вызов Провидению?

Идейный вождь русского нигилизма Д. И. Писарев, анализируя сцену смерти Базарова, утверждал, что тот «не струсил», «не изменил себе», «не оплошал» (1). Герой, который умеет умирать «спокойно и твердо», не отступит перед препятствием и не струсит перед опасностью, — резюмирует критик. Он недалек от истины, расценивая сцену смерти Базарова как апофеоз романа, хотя в угоду тенденциозной односторонности интерпретирует эту сцену в революционно-нигилистическом смысле: «Нигилист остается верен себе до последней минуты».

Тургеневский герой действительно держался стоически-мужественно в течение своей предсмертной болезни. Однако Писарев, по всей видимости, преднамеренно не пожелал отметить и обошел молчанием тот факт, что в последние мгновения жизни при Соборовании неустрашимый Базаров испытал не просто страх, но неопиcуемый ужас. Современные исследователи до сих пор теряются в догадках: «Что это? Запоздалое раскаяние? Или, наоборот, бунт атеистической души?» (2). Объяснений нельзя искать вне сложной динамики связей тургеневского творчества с религиозно-нравственными основаниями русской культуры, с традициями христианской духовности.

Согласно православному катехизису, Соборование — одно из семи церковных Таинств, в котором «при помазании тела елеем призывается на больного благодать Божия, исцеляющая немощи душевные и телесные» (3). Таинство уходит корнями в Священное Писание, имеет Богоустановленный характер и берет свое начало с апостольских времен. В Евангелии от Матфея сказано, что Сам Христос послал апостолов на благодатное делание телесного и духовного врачевания: «И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь» (Мф. 10: 1). Это был не только величайший дар, но и задание. Господь заповедал апостолам: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Мф. 10: 8).

Ученики Христа, получив «власть над нечистыми духами» (Мк. 6: 7), «пошли и проповедовали покаяние; изгоняли многих бесов и многих больных мазали маслом и исцеляли» (Мк. 6: 12 — 13). Апостолы передали это Таинство церковным священнослужителям. Святой апостол Иаков в Соборном послании наставляет: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазавши его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак. 5: 14 — 15).

Согласно христианскому вероучению, большинство болезней физических являются следствием греха, тогда как сам грех — болезнь духовная. Таким образом, кроме телесного исцеления, в Таинстве Соборования прежде всего молитвенно испрашивается врачевание души больного, отпущение его грехов.

Определение, представленное в примечаниях к роману «Отцы и дети» в Полном собрании сочинений Тургенева: «Соборование — церковный обряд у постели тяжело больного или умирающего с помазанием его тела елеем» (7, 469), — не совсем корректно. С точки зрения катехизиса, Таинство может совершаться не только над страдающими от тяжелых физических недугов или умирающими. К Соборованию, испросив благословения, могут приступать все православные христиане, достигшие семилетнего возраста. При этом они необязательно должны быть подвержены телесным немощам. Такое состояние души, как уныние, признаваемое смертным грехом, скорбь, отчаяние, даже называемая пушкинскими словами «русская хандра» и т. п., — может быть следствием нераскаянных грехов, не осознаваемых самим человеком. В этих случаях также прибегают к благодатной душеспасительной силе Таинства. Существуют традиции совершения общего Соборования и над больными, и над здоровыми людьми в дни Великого поста на Крестопоклонной или на Страстной Седмнице, вечером перед Великим Четвергом или Великой Субботой.

Таинство Елеосвящения в обиходе именуется Соборованием, поскольку, согласно уставу Церкви, его полагается совершать семи священникам (собору священнослужителей). Число семь — сакральный знак Церкви и ее полноты. Само чинопоследование Таинства состоит в прочтении семи различных отрывков из Евангелия и Апостола, повествующих о покаянии, об исцелении, о необходимости веры и упования на Бога, о сострадании и милосердии. Церковь также допускает совершение Таинства тремя, двумя и даже одним священником — с тем, чтобы он служил от лица собора иереев, совершая все молитвы, чтения Священного Писания и семикратно помазывая елеем болящего (4). Соборование допустимо не только в храме, но и в домашних условиях.

Основные моменты видимой составляющей Таинства Елеосвящения (Соборования) — семикратное помазание освященным елеем частей тела больного (лба, ноздрей, щек, губ, груди и рук). Каждое из семи помазаний предваряется чтением Священного Писания, молитвой об исцелении болящего и о прощении его грехов. Непосредственно при помазании читается молитва веры; на голову приступившего к Соборованию возлагается Евангелие вниз письменами; в заключение читается разрешительная молитва от грехов.

Внешняя обрядовая сторона священнодействия в то время, когда создавался тургеневский роман, была известна каждому православному. Возможно, поэтому автору не представлялось необходимым изображать картину Соборования Базарова во всех деталях. В то же время Тургеневу в свойственной ему манере писательской деликатности и человеческой чуткости удалось прикоснуться к сокровенной сущности Таинства, его духовному наполнению. Невидимое действие благодати Божьей, подаваемой в Таинстве Елеосвящения, заключается в том, что соборующийся исцеляется от порождений греха, получает духовное подкрепление и очищение.

В романе «Отцы и дети» приходской священник, совершая Таинство от лица собора, по всей видимости, строго придерживается развернутого канонического чинопоследования. Об этом свидетельствуют приведенные выше слова Тургенева: «Отец Алексей совершил над ним обряды религии» (7, 183). Важно обратить внимание на форму множественного числа: «обряды». Для адекватного постижения смысла эпизода необходимо учесть, что Соборование тесно соединяется с другими православными Таинствами — Покаянием (исповедью) и Причащением Святых Христовых Тайн. Если Соборование совершается дома у тяжело больного или умирающего, то вначале, как правило, следуют Исповедь и Причащение, чтобы болящий — ввиду явной опасности близкой смерти — успел принять последнее напутствие как залог вечного блаженства.

Следует подчеркнуть, что Причастия не бывает без покаянной исповеди. В то же время исповедаться человек может, только находясь в здравом уме и твердой памяти. Единственное требование Церкви, напутствующей умирающего, чтобы тот находился в сознании. Над больными в безсознательном состоянии Причащение не совершается. Так в тургеневском «Рассказе отца Алексея» священник вспоминает о смерти своего сына без покаяния: «А как слег Яков, сейчас в безпамятство впал, и так, без покаяния, как бессмысленный червь, отошел от сей жизни в вечную...» (9, 131).

Текст тургеневского романа не позволяет с точностью утверждать, исповедал ли свои грехи Базаров перед кончиной. «Базарову уже не суждено было просыпаться, — пишет Тургенев. — К вечеру он впал в совершенное безпамятство, а на следующий день умер» (7, 183). И только затем следует авторское замечание о совершении предшествующих смерти религиозных обрядов. Поэтому, обращаясь к реконструкции действия, нельзя отрицать и такого, например, развития событий, при котором Базаров мог ненадолго прийти в себя и, очнувшись от забытья, принести хотя бы краткое покаяние, односложно ответив на вопрос духовника: «Каешься?» — «Каюсь».

Прямая христианская обязанность родных и близких смертельно больного — своевременно дать ему возможность православного напутствия перед кончиной. Этот мучительный родительский долг пытается с честью исполнить Василий Иванович Базаров — истинный православный христианин. Будучи опытным лекарем и наблюдая за симптомами в развитии болезни, он тревожится о том, чтобы сын успел через Таинство Причащения осознанно приобщиться к спасительной силе жертвы Христа на Голгофе. Мука, терзающая старика-отца, теряющего единственного сына и призывающего его к душеспасительному Таинству, столь велика и особенна, что Василий Иванович начинает выражаться несвойственным ему высоким слогом, изумляющим Базарова. Сын невольно отвечает отцу в том же стиле, что еще более подчеркивает неординарность происходящего:

«— Евгений! — произнес он, наконец, — сын мой, дорогой мой, милый сын!

Это необычайное воззвание подействовало на Базарова... Он повернул немного голову и, видимо, стараясь выбиться из-под бремени давившего его забытья, произнес:

— Что, мой отец?» (7, 180).

Опустившись на колени, набожный старик умоляет Базарова позаботиться о спасении души перед уходом в вечность: «Евгений, тебе теперь лучше; ты, Бог даст, выздоровеешь; но воспользуйся этим временем, утешь нас с матерью, исполни долг христианина! Каково-то мне это тебе говорить, это ужасно; но еще ужаснее... ведь навек, Евгений... ты подумай, каково-то...

Голос старика перервался, а по лицу его сына, хотя он и продолжал лежать с закрытыми глазами, проползло что-то странное» (7, 180).

Мастер «тайной психологии» — Тургенев не анализирует и даже не называет то движение души героя, которое вызвало такую необычную, вербально не определяемую реакцию. В то же время здесь отчетливо ощутим намек на запредельность происходящего — в предчувствии инобытия.

Базаров не внял мольбе отца. Однако важно, что он не отказывается от Таинства в принципе и выражает готовность принять его позднее. Фактически Базаров дает разрешение обезпечить возможность совершения над ним священнодействия, даже если он впадет в безпамятство:

«— Я не отказываюсь, если это может вас утешить, — промолвил он наконец, — но мне кажется, спешить еще не к чему. Ты сам говоришь, что мне лучше.

— Лучше, Евгений, лучше; но кто знает, ведь это все в Божьей воле, а исполнивши долг...

— Нет, я подожду, — перебил Базаров. — Я согласен с тобою, что наступил кризис. А если мы с тобой ошиблись, что ж! ведь и безпамятных причащают» (7, 180).

Отец — бывший полковой лекарь — и его сын-медик говорят на профессиональном языке о течении телесной болезни. В то же самое время речь идет о необходимости духовного врачевания врача Базарова.

Православное Таинство, не отменяя физических законов, духовно поддерживает болящего, оказывает ему благодатную душеспасительную помощь.

Таким образом, нельзя однозначно судить об абсолютном атеизме Базарова, чтобы не погрешить против художественной истины романа. Вовсе не случайно А. И. Герцен (1812—1870) усмотрел в этом эпизоде, а также в заключительных словах финального реквиема «о вечном примирении и о жизни безконечной» (7, 188) опасный, с точки зрения революционера и атеиста, «мистицизм». По прочтении «Отцов и детей» Герцен писал Тургеневу: «Requiem на конце — с дальним апрошем к бессмертию души — хорош, но опасен, ты эдак не дай стрелка в мистицизм» (7, 468).

Анализ заключительных глав и эпилога романа также привел советского литературоведа М. К. Азадовского еще в 1935 году к догадке о том, что Тургенев изобразил атеиста Базарова перед смертью раскаявшимся и примирившимся с «небом» (5). Впрочем, эта крамольная для того времени мысль была немедленно полемически опровергнута с точки зрения господствовавших вульгарно-идеологических марксистско-ленинских установок.

О примирении с «небом», преодолении трагического конфликта человека с быстротечностью земной жизни Тургенев размышлял на протяжении всего творческого пути. Уже в первом романе «Рудин» герой — вечный безприютный странник — выстрадал в конце пути истину: «Смерть, брат, должна примирить наконец...». Церковный образ потухающей лампы в финальном монологе Рудина: «уже все кончено, и масла в лампе нет, и сама лампа разбита, и вот-вот сейчас догорит фитиль...» (5, 319) — как символ уходящей жизни — отзывается в сцене последней встречи Базарова с Одинцовой.

Героиню можно было бы назвать «дамой в трауре»: в первый раз она появляется в романе на балу у губернатора как незнакомка «высокого роста в черном платье» (7, 68); перед смертельно больным Базаровым она предстает как «дама под черным вуалем, в черной мантилье» (7, 180). Здесь завуалирован прием предвращения: с Одинцовой связаны любовь и смерть Базарова. Для него Анна Сергеевна, как и княгиня Р. для Павла Петровича Кирсанова, — таинственная женщина-сфинкс, мистически причастная роковым силам любви и смерти.

В княгине Р., пишет Тургенев, «все еще как будто оставалось что-то заветное и недоступное, куда никто не мог проникнуть. Что гнезилось в этой душе — Бог весть! Казалось, она находилась во власти каких-то тайных, для нее самой неведомых сил; они играли ею, как хотели» (7, 31). Незадолго до смерти загадочная возлюбленная Павла Петровича передала ему кольцо со сфинксом, «провела по сфинксу крестообразную черту и велела ему сказать, что крест — вот разгадка» (7, 32). Крест, крестное знамение объединяют судьбы, казалось бы, героев-антиподов. Участь старшего Кирсанова — оппонента Базарова в социально-политических спорах — проецируется на судьбу главного героя «Отцов и детей».

Англоман Павел Петрович уехал за границу, но в эпилоге мы видим его «в русской церкви, когда, прислонясь в сторонке к стене, он задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится и начнет почти незаметно креститься...» (7, 187). Все дорогое для него похоронено, и сам он живой мертвец. Тургенев пишет: «Павел Петрович помочил себе лоб одеколоном и закрыл глаза. Освещенная ярким дневным светом, его красивая, исхудавшая голова лежала на белой подушке, как голова мертвеца... Да он и был мертвец» (7, 154). Нельзя не заметить, что здесь Кирсанов внешне напоминает умирающего Базарова. «Это все равно, что класть венок из цветов на голову мертвеца» (7, 165), — с горечью говорит Базаров Одинцовой, которая отвергла его страсть, но призналась в дружеском расположении.

Брат старшего Кирсанова Николай Петрович еще ранее замечал: «Да, брат; видно, пора гроб заказывать и ручки складывать крестом на груди» (7, 46).

Финал романа увенчивают «серые деревянные кресты» на сельском кладбище «в одном из отдаленных уголков России» (7, 188), где похоронен Базаров.

Так снимается конфликт поколений в романе Тургенева. И отцы, и дети, и все новые поколения людей под сенью креста идут одной дорогой к завершению земной судьбы и к жизни вечной. Устами Аркадия писатель говорит о нескончаемом круговороте неумирающей жизни: «сухой кленовый лист оторвался и падает на землю; его движения совершенно сходны с полетом бабочки. Не странно ли? Самое печальное и мертвое — сходно с самым веселым и живым» (7, 121). О том же размышляет отец Аркадия, мысленно представляя себе покойницу-жену «молодою девушкой с тонким станом, невинно-пытливым взглядом и туго закрученную косой над детскою шейкой. <...> те сладостные, первые мгновенья, отчего бы не жить им вечною, неумирающею жизнью?» (7, 55).

Душа сродни высшему идеалу, и оттого она томится в своей земной ограниченной обители, не довольствуется ею. Анна Сергеевна говорит Базарову об этом «томлении духа», извечной человеческой тоске по идеалу, о вечном стремлении к счастью и о его недостижимости: «Мы говорили с вами, кажется, о счастье. <...> Скажите, отчего, даже когда мы наслаждаемся, например, музыкой, хорошим вечером, разговором с симпатическими людьми, отчего все это кажется скорее намеком на какое-то безмерное, где-то существующее счастье, чем действительным счастьем, то есть таким, которым мы сами обладаем? Отчего это?» (7, 96).

Ответ на этот вопрос можно найти в размышлениях святителя Феофана Затворника: «В самом деле, мы любим повеселиться, но что значит, что, после самого полного веселия, душа погружается в грусть, забывая о всех утехах, от которых пред тем не помнила себя? Не то ли, что из глубины существа нашего дается

знать душе, как ничтожны все эти увеселения сравнительно с тем блаженством, которое потеряно с потерей рая. Мы готовы радоваться с радующимися, но, как бы ни были разнообразны и велики предметы радостей человеческих, они не оставляют в нас глубокого следа и скоро забываются.

Это значит то, что природа наша плачет о потерянном рае, и, как бы мы ни покушались заглушить плач сей, он слышится в глубине сердца, наперекор всем одуряющим веселостям, и понятно говорит человеку: «Перестань веселиться в самозабвении; ты, падший, много потерял: поищи лучше, нет ли где способа воротить потерянное?» (6)

Перед лицом Провидения ничего не значат ни возраст, ни красота, ни знатность, ни богатство, ни власть, ни политические пристрастия, ни прочая земная суэта. Нигилист и его политический противник оказались равны и одинаково беззащитны: «И всюду страсти роковые, / И от судеб защиты нет». Этот финальный мотив пушкинской поэмы «Цыганы», пренебрежительно отвергаемой Базаровым, как и все остальное «художество», все более явственно и трагически звучит в подтексте романа.

Сакральная сторона жизни, с которой самонадеянно пытался вести борьбу «титан» Базаров, культивируя в себе непримиримую враждебность и даже ненависть к проявлениям духовности, одержала над ним верх. Гипернигилист, отрицавший высшие ценности, любовь, искусство, душевные порывы как «чепуху», «гниль», «романтизм», в конце жизни по сути становится экс-нигилистом. Называя себя «самоломанным», он уже не стыдится открыть одухотворенного романтика в самом себе. Герой не подавляет движений своего сердца, признавая тем самым существование высшей духовной силы, над которой никто не властен.

Человек, объясняет христианский философ В. В. Зеньковский, «открывает в себе глубину неисследимую, находит в себе целый мир»; «духовность загадочно сочетается с тварностью, но все же она есть средоточие, живая сердцевина человека, истинный центр («реальное Я»), основа индивидуальности человека, метафизическое его ядро» (7).

Новое для Базарова духовно-душевное состояние проявляется в строе его речи, слове, которое (по Гоголю) «есть высший подарок Бога человеку» (8). Тургеневский герой невольно начинает изъясняться в стиле влюбленных рыцарей, трубадуров, миннезингеров, которых он некогда зло высмеивал как сумасбродных безумцев. «Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет...» (7, 183), — обращается он к даме своего сердца. Базаров умирает с любовью, призывая к себе «благодать» (так переводится имя Одинцовой — Анна), просветляющую его духовные силы.

Ассоциируя себя с «лампадой», Базаров обнаруживает свою внутреннюю причастность православной церковной традиции, родственность ей на генетическом уровне. Очнувшись от «тяжелой, полузабывчивой дремоты», умирающий герой, «с усилием раскрыв глаза, увидел над собою при свете лампадки бледное лицо отца» (7, 176). В «будущем лекаре и лекарском сыне» оживает «дьячковский внук». Об этой связи в цепи поколений Базаров не забывал: «Ведь ты знаешь, что я внук дьячка?...» (7, 76) — многозначительно напоминал он Аркадию. И даже «осведомился однажды об отце Алексее» (7, 170), что вовсе не вписывается в нигилистические установки.

С судьбой Базарова много схожего у героя «Рассказа отца Алексея» Якова, происходящего из древнего священнического рода: «в нашем приходе близко двухсот годов все из нашей семьи священники жилали!» (9, 123), — но пожелавшего «идти по-светскому»: ««поступлю в университет, буду доктором; потому — к науке большую склонность чувствую». <...> Ближним, говорит, хочу помогать. Ну-с, поехал он от меня — почитай, что ни гроша с собой не взял, только малость из платья. Уж очень он на себя надеялся!» (9, 123 — 124). Самонадеянность обернулась духовной и физической катастрофой.

Но текст «Отцов и детей» не дает оснований говорить о полном «угасании» символической «лампады». Последнее, что видит Базаров своим земным зрением, — это благодатные свет и огонь: святые образа с неугасимыми лампадами, горящие перед иконами свечи, воскурение ладана в кадильнице.

Думается, неслучайно автор с его обостренной художественной интуицией пишет об умирающем Базарове: «один глаз его раскрылся» (7, 183). Писатель в сцене Соборования сумел уловить сам момент перехода героя в вечность: один глаз еще может обозреть земное, другой уже закрыт навеки. Что представилось внутреннему зрению героя, что увидел он своими «духовными глазами» (это не только пушкинское выражение, но и богословское, святоотеческое) и что пережил в момент умирания, когда приоткрывшаяся в последний миг завеса позволила ему взглянуть за пределы земной жизни? И отчего в его лице возникло выражение ужаса? Был ли он поражен величием непостижимой тайны, явившейся ему во всей полноте и навеки низвергающей нигилистическую теорию абсолютного «ничто»? Встретил ли он то, чего не ждал, о чем не думал, что отвергал и во что не верил? При Соборовании, видимо, в умирающем уже теле он совершил какое-то громадное открытие о жизни духовной, ужаснувшее его самого.

Безбожные установки надменно-теоретизирующего сознания исподволь, незаметно для героя разрушали светлые стороны его личности. Демонических проявлений натуры Базарова в тот период, когда он позиционировал себя как нигилиста и атеиста, можно насчитать в романе немало. Окружающим Базаров внушал безотчетный страх. В глазах матери, неотступно обращенных на сына, «виделась и грусть, смешанная с любопытством и страхом, виделся какой-то смиренный укор» (7, 124). Одинцова испытывала инстинктивную боязнь перед его зверским, животным началом: «Она задумывалась и краснела, вспоминая почти зверское лицо Базарова, когда он бросился к ней...» (7, 100); «Я боюсь этого человека», — мелькнуло в ее голове» (7, 98). Ученик Базарова — «бланманже» Аркадий — также пережил минуты страха перед своим идейным

наставником, когда в шутилой ссоре от него вдруг повеяло серьезной опасностью: «Что подеремся? — подхватил Базаров. — Что ж? Здесь, на сене, в такой идиллической обстановке, вдали от света и людских взоров — ничего. Но ты со мной не сладись. Я тебя сейчас схвачу за горло...

Базаров растопырил свои длинные и жесткие пальцы... Аркадий повернулся и приготовился, как бы шутя, сопротивляться... Но лицо его друга показалось ему таким зловещим, такая нешуточная угроза почудилась ему в кривой усмешке его губ, в загоревшихся глазах, что он почувствовал невольную робость...» (7, 121—122). Злое начало готово выплеснуться в любой момент, безпричинно, бессмысленно, и от того особенно страшно.

Столь же страшен одержимый наваждением бесовским Яков в «Рассказе отца Алексея»: «Верите ли, я назад отскочил, до того испугался! Бывало, страшное было у него лицо, а теперь какое-то зверское, ужасное стало! Бледен как смерть, волосы дыбом, глаза перекосились... У меня от испуга даже голос пропал; хочу говорить, не могу — обмер я совсем...» (9, 130).

Базарову в предсмертном бреду так же, как Якову, виделось нечто inferнальное: «Пока я лежал, мне все казалось, что вокруг меня красные собаки бегали» (7, 177). Так, быть может, Соборование Базарова, ужаснувшегося в пограничный момент между жизнью и смертью, соединилось с обрядом изгнания беса — экзорцизмом, в народе именуемом «чертогон»? «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его! <...> Яков, не малодушествуй; я ладаном покурю, молитву почитаю, святой водой кругом тебя окроплю» (9, 126), — пытался молитвенно помочь своему одержимому сыну священник («Рассказ отца Алексея»).

Но в «Отцах и детях» обо всем этом можно только догадываться. Тургенев оставляет читателя на пороге не разрешимой в пределах земного бытия загадки, ибо, как во всяком Таинстве, «тайна сия велика есть». Безспорно одно: Базаров в последнее мгновение умирания, перехода по ту сторону бытия пережил трансцендентное состояние, неизмеримое ограниченными мирскими мерками, неподвластное земному разуму, неподдающееся рациональным мотивировкам.

Таинство окончательно выводит Базарова из конкретно-чувственного, вульгарно-материалистического, обыденно-бытийного состояния в план инобытия. Это не есть абсолютное «ничто», «темнота», как думалось ранее Базарову-нигилисту.

Упование на безконечное милосердие Божие за пределами земной жизни выражено также в финале «Рассказа отца Алексея»: «Но не хочу я верить, чтобы Господь стал судить его Своим строгим судом... И, между прочим, я этому потому не хочу верить, что уж очень он хорош лежал в гробу: совсем словно помолодел и стал на прежнего похож Якова. Лицо такое тихое, чистое, волосы колечками завились — а на губах улыбка» (9, 131—132).

Тургенев ясно дает почувствовать, что душа человеческая сопряжена с безконечностью; в последние мгновения с человеком происходит нечто невидимое, таинственное и великое.

Сходное переживание перед лицом этой тайны выразил В. А. Жуковский (1783—1852) в стихотворении <«А. С. Пушкин»> (1837) на смерть поэта:

*Он лежал без движенья, как будто по тяжелой работе
Руки свои опустил. Голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
Что выражалось на нем, — в жизни такого
Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья
Пламень на нем; не сиял острый ум;
Нет! Но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилось мне, что ему
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось: что видишь?*

<выделено мной. — А. Н.-С.> (9).

В Таинстве предсмертного Соборования человек, очищенный от грехов, вводится в безконечную жизнь воскресшего Христа. Страдание, умирание и сама крестная смерть в Христовом Воскресении явились залогом полноты неумирающей жизни.

Эти христианские упования духовно поддерживают родителей Базарова, потерявших единственного сына.

Столь великое горе поначалу чуть не затмило сердце и разум отца Базарова. Василий Иванович, ослепленный своим отцовским страданием, готов был взбунтоваться против Отца Небесного. В этом отец-христианин на миг уподобился сыну-отрицателю и бунтарю: «Василием Ивановичем обуяло внезапное иступление. “Я говорил, что я возропщу, — хрипло кричал он, с пылающим, перекошенным лицом, потрясая в воздухе кулаком, как бы грозя кому-то, — и возропщу, возропщу!”» (7, 184).

Мгновенный непокорный порыв угашен, и родители Базарова безропотно принимают Божью волю в смиренном земном поклоне: «Арина Власьевна, вся в слезах, повисла у него <Василия Ивановича.— А.Н.-С.> на шею, и оба вместе пали ниц. «Так,— рассказывала потом в людской Анфисушка,— рядышком и понурили свои головки, словно овечки в полдень...» (7, 184). В этой картине кроткого жертвенного смирения возникает христианская аллюзия — намек на образ жертвенного агнца или того «малого стада», к которому со словами утешения и ободрения обратился Господь: «Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. 12: 32).

Финал романа «Отцы и дети» означен спасительным крестом. Из Базарова не «лопух» вырастает, как мнилось бунтующему физиологу, задумавшемуся о сокровенном смысле жизни: «из меня лопух расти будет; ну, а дальше?» (7, 120). Этот трагический вопрос остался тогда без ответа. Но ответ в романе прозвучал ранее: «крест — вот разгадка» (7, 32). На могиле героя возвышается крест, обозначая место, где по православному обряду похоронен христианин. Как символ вечно обновляющейся жизни — «две молодые елки» (7, 188), посаженные любящими родителями в «вечную память» о сыне.

В земной юдоли люди, в том числе отцы и дети, даже если они родственны не только по крови, но и по духу, не в состоянии достичь абсолютного единства. Каждый неизбежно отделен от другого и собственной физической оболочкой, и неповторимым внутренним миром, остающимся во многом таинственным для самого его носителя, «Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем?» (1 Кор. 2: 11).

Стремления, замыслы, планы, амбиции также не могут быть реализованы всецело и не зависят от воли и усилий человека: «Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе роста хотя на один локоть? Итак, если и малейшего сделать не можете, что заботитесь о прочем?» (Лк. 12: 25—26). В евангельской притче Бог сказал самоуверенному богачу, распланировавшему для себя дальнейшую счастливую жизнь «на многие годы» вперед: «Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя» (Лк. 12: 19—20). «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш приидет» (Мф. 24: 42). Самых родных, близких и любящих — и тех разлучает, разъединяет смерть. Не смогли противостоять ей отец и сын — оба лекари — в тургеневском романе.

Но «невозможное человекам возможно Богу» (Лк. 18: 27). Нетленные ценности существуют. Главная непреходящая ценность — любовь Христова. Тургенев, цитируя апостола Павла, горячо в это верует: «одно это слово имеет еще значение перед лицом смерти. <...> «Все минется,— сказал апостол,— одна любовь останется» (5, 348). В своем утверждении: «любовь <...> сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь» (10, 142) — писатель сердечным знанием постиг заветные христианские истины: «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4: 16).

Средоточие любви совершенной, которая «изгоняет страх» (1 Ин. 4: 18), — Отец, Сын и Дух Святой. «Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии» (Рим. 8: 16). В Пресвятой Троице, Единосущной и Нераздельной, обретает человек — венец Божьего творения — истинное единство и желанную цельность, незыблемую опору и жизнь вечную: «если пребудет в вас то, что вы слышали от начала, то и вы пребудете в Сыне и в Отце. Обетование же, которое Он обещал нам, есть жизнь вечная» (1 Ин. 2: 24—25).

«Отцам» и «детям» адресовал святой апостол Иоанн свое послание об Отце Небесном: «Пишу вам, дети, потому что прощены вам грехи ради имени Его. Пишу вам, отцы, потому что вы познали Сущего от начала» (1 Ин. 2: 12—13).

Молитвы, слезы и любовь — эта священная триада венчает тургеневский роман: «Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всемогуща? О нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии «равнодушной» природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни безконечной...» (7, 188).

Неутолимая духовная жажда веры в Бога и безсмертия, предчувствие «жизни безконечной...» (7, 188) для людей как детей общего Отца Небесного — последнее упование в романе Тургенева «Отцы и дети».

Литература:

1. См.: Писарев Д. И. Базаров. «Отцы и дети», роман И. С. Тургенева // Писарев Д. И. Литературная критика: В 3 т. — Т. 1. — Статьи 1859—1864 гг. — Л.: Худож. литература, 1981.
2. Лебедев Ю. В. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». — М.: Просвещение, 1982. — С. 138.
3. Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви / Сост. святитель Филарет, митрополит Московский. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. — С. 361.
4. См.: Православие для всех / Сост. иеромонах Харитон (Просторов). — Кострома, 2008. — С. 284—290.
5. См.: Азадовский М. К. Об одном сюжетном совпадении: «Смерть атеиста» в романе Омулевского и у Ипполита Тэна // 45 лет академику Н. Я. Мару: Сб. статей XLV. — М.; Л.: АН СССР, 1935. — С. 589.
6. Святитель Феофан Затворник. Письма о христианской жизни. Поучения. — М.: Московский Сретенский монастырь, 1997. — С. 291—293.

7. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии.— М., 1993.— С. 44, 47.
8. Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т.— М.: Худож. лит., 1986.— Т. 6.— С. 187.
9. Жуковский В. А. < А. С. Пушкин> // Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т.— М.; Л.: ГИХЛ, 1959—1960.— Т. 1.— С. 393.

Николай ЗАЙЦЕВ

г. Талгар Алма-Атинской области Казахстана

Родился в г. Талгаре Алма-Атинской обл. Казахстана, в 1968 г. окончил среднюю школу №1, работал в топографической экспедиции, по другим специальностям и корреспондентом. Публиковался во многих республиканских, российских и сетевых журналах, издал несколько книг поэзии и прозы, участник многих коллективных сборников. Лауреат фестивалей «Славянские традиции» (2009—2017 гг.), «Верность родному слову» (2011 г.), «Литературная Вена» (2011 г.), «Русский Гофман» (2018 г.), лауреат премии им. В. И. Белова (2009 г.) и премии им. В. М. Шукшина (2013 г.). Руководитель творческого объединения «Вершины Талгара», член Евразийской творческой гильдии, член СПР. Наш постоянный автор.

ОЖИДАНИЕ МУЗЫ

*Музы, молю — из толпы многогрешного рода людского
Вечно влеките к священному свету скиталищу-душу.
Из античного гимна*

Испокон веков с приходом музыки связывались самые прекрасные и самые светлые моменты в жизни — моменты озарения и вдохновения, появления чего-то нового, встречи с мечтой. Почему говорят, что встреча с музыкой может полностью изменить жизнь? Почему древние поэты и сказители, начиная исполнять свои песни, обращались к музам с просьбой о благословении? Почему древние греки, провожая друзей в дальнюю дорогу или благословляя их на какое-то великое дело или новый шаг, часто говорили: «Иди, и да пребудут с тобой музы!»? И в центре Афин, в Акрополе, всегда существовал храм, посвященный музам, — Мусейон. А первый известный нам историк Геродот называл свои труды именами муз (Клио, Эвтерпа, Каллиопа, Талия) и посвящал им свои документальные записи. Почему поэты эпохи Возрождения давали музам обет верности и служения, а художники XVII, XVIII и XIX веков часто изображали себя рядом с музыкой? Почему и сейчас мы часто слышим: «если будет вдохновение», «если придет муза»? Кто же они, эти таинственные и прекрасные незнакомки, девять сестер, одетые в белоснежные одежды? Только ли ушедший в далекое прошлое красивый миф.

Томительно тянутся дни, часы и даже минуты вздрагивают биением времени, явно предчувствуя тоску вынужденного поэтического безделья, невыносимого времени хандры и скуки, когда прямо в центре, текущей мимо жизни, среди веселья и красоты природы, ищущих любви женских взглядов, появляется поэт, в глазах которого смертная синева ожидания чего-то, может некоего знамения перед явлением вдохновения в поиске новых удивительных слов, что очаруют разум читающих и внимающих поэзии человека. Какое же необычное событие должно произойти, проявиться в ночном небе, зеленой глади пруда, в кудрявых кронах берез, замерших тихим утром в соседней роще? Какое явление произведет на свет новые слова, что станут преддверием появления огня в глазах поэта, в котором сгорят тоска и скука и жизнь обретет смысл сразу земного и небесного существования? Что или кто — это будет? Прекрасная незнакомка, земная женщина, будто птица, влетевшая в скромное жилье поэта и одним только прикосновением, разрушившая одиночество стен, предметов и души поэта, превратив серый цвет воздуха, едва сочащегося сквозь толстые шторы, в блистающий мир звездных мечтаний и удивительных слов. Едва ли. Поэту не присуще удивляться женской красоте, он знает все о быстротечности любви и о склонности земных дев к коварству после окончания периода любовных утех в ласках и объятиях. Нет, он доверяется им всей страстностью поэтической натуры, но уже в самом начале, пусть даже совсем необычных отношений в любви, предчувствует разочарование от близости будущего вселенского женского непостоянства. Поэт и мудрец — Омар Хайям не зря написал эти провидческие строки:

*Развеселись!.. В плен не поймать ручья?
Зато ласкает беглая струя!
Нет в женщинах и в жизни постоянства?
Зато бывает очередь твоя!*

И еще одно классическое обоснование того же женского свойства:

*Сердце красавицы склонно к измене
И к перемене, как ветер мая*

Что же тогда ждет светлый разум поэта, — какой музыки, расцветки какого небесного света он должен уловить, впитать в себя и рассказать об этом чудесном явлении строками удивительного стихотворения или песни, а может быть, и молитвы. Ибо из небесного света ткуются слова молитвы, в общении с Богом звучит поэзия слов, другой музыки нет, не бывает и не может быть.

Конечно же, грешные земные красавицы прихотливы в деле обольщения мужчин, им мало одних только плотских утех, они желают стать Музой, без присутствия которой поэт будет бессловесен. Да, сам человек слаб, но Божий дар всемогущ и в темноте ночного неба найдется звезда, что украсит своим чудодейственным светом мысли поэта, а перо в его руке обратит этот свет в слова восторга к божественному видению. Нет, никогда не быть земной женщине Музой. Муза — это трепетное ожидание некоего бестелесного существа — неисполнимая мечта, полная искушений, соблазнов и... желания написать это порой невыразимое чувство радости присутствия рядом с тобой необычного создания, не позволяющего никаких человеческих вольностей по отношению к себе, появившегося лишь на некоторое время в нереальном мире воображения, дарующего мгновения, чтобы слышать неземную красоту слов, обращенных к созерцанию этого удивительного видения разума.

Это и есть то самое «мимолетное видение и гений чистой красоты», о котором и сказал великий поэт и ни о чем другом, в то время дивного явления, наполнившего его душу вдохновением, он не думал. Видения не утомленного многими взглядами и не залапанного чужими руками. Оно есть, и его нет. У каждого поэта свои видения, а слова еще только рождаются в ответ на прояснение сознания, в котором и затерялось нечто таинственное, — мечта, которая никому и никогда не станет понятна, что и зовется творческим вдохновением. Досужие умы пусть предполагают, какие встречи могли породить строки стихотворений, но все это выдумки людей, живущих суетной земной жизнью. Явление Музы возвращает поэта в пору юности, когда кипящая кровь способствует совершению безумных поступков, но поэзия слов и есть некоторое сумасшествие, в котором, однако, приятно пребывать хотя бы недолгое время — минуты, что проносятся целой жизнью и оставляют строки творений несслыханных, прочтение которых напрочь отрицают будничность событий, превращая их в праздники.

Ожидание музы — преддверие праздника, этот образ, создаваемый воображением поэта порой парадоксален и уж точно различен. Он весел и печален, быстр и тишайше плавуч, будто небесные странники — облака и так же, как и они, чередуют свои магические фигуры изображений. Трудно уловить смысл в происхождении этих видений, да он и не нужен — величественная поэзия не имеет осмысленных форм, она лишь редкостное присутствие радости в юдоли земного бытия. Все остальное — суета.

Поэт останавливается прямо в середине мира и замирает от напора слов, ищущих выхода. К кому и чему будут обращены слова, никто никогда не узнает. Поэт не станет знакомить досужий разум со своими видениями, среди которых, возможно, и живет его Муза, его тайна. Он щедро раздает слова, обращенные, нет, не к людям, но к миру доброму и жестокому, веселому и печальному — к его миру, в котором он и живет совершенно одиноко, отдельно от суетного человеческого бытия. Но с кем? Отбросьте все мелкие человеческие подозрения, и попробуйте вжиться в слова его стихотворений и воздастся вам сторицей — вы обретете мир нескончаемо прекрасный, где и проживете «чудное мгновение» и, может быть, увидите тот образ «чистой красоты» — узнавание которого и вдохновляет поэтов к созданию, пробуждающего душу слова и дарит их временным отсутствием присутствия в земной жизни.

Вот тут-то и подоспел великолепный мудрец Федор Тютчев со своим стихотворением — «ВИДЕНИЕ», и сразу все объяснил и даже то, что казалось дотоле — необъяснимым:

*Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.
Тогда густеет ночь, как хаос на водах;
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах.*

Талгар, 2019 год.

Валерий МАСЛОВ

г. Тула

Валерий Яковлевич Маслов имеет три высших образования. Работал в Тульской обл. Создатель и бессменный руководитель Дома творчества и Фонда поддержки творческой интеллигенции. Член СП СССР с мая 1991 г. Член СЖ СССР с 1976 г. Заместитель председателя Правления Тульского РО СПР. Председатель МСП, член Международного литфонда. Заслуженный работник культуры РФ, награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» и многими государственными медалями. Дважды лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого. Отмечен многими литературными премиями и медалями, в т. ч. он лауреат литературной премии им. Ярослава Смелякова. Имя В. Маслова занесено в Тульский биографический словарь. Является автором более тридцати книг, которые вышли тиражом свыше миллиона экземпляров в России и за рубежом, переведены на иностранные языки. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ НА ТУЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

Знаменитого поэта Ярослава Смелякова непростая и во многом трагичная судьба свела и с тульской землей. В 1946 году его освободили из заключения, но в Москву вернуться не разрешили. Смелякова направили в Сталиногорск (ныне Новомосковск) в нашей Тульской области.

Кем только не пришлось трудиться вдали от родины корифею русской поэзии! Сначала Ярослав устроился работать на шахте в поселке Донском, затем стал помощником заведующего банно-прачечным комбинатом! Но талантливый поэт ни на минуту не прекращал творческую деятельность. «Ни дня без строчки!» — это о нем, о его трудолюбии и способности творить в самых неожиданных местах и условиях. Смеляков был настолько литературно плодовит, что успевал сотрудничать сразу в двух газетах — «Сталиногорская правда» и «Московская кочегарка», где выходили его заметки и стихи.

Не чурался знаменитый поэт и местных литераторов. Главный редактор «Сталиногорской правды» Константин Иванович Разин принял опального поэта в штат редакции, что существенно улучшило его жизненные условия и подняло авторитет у местной власти. А когда сталиногорский поэт Степан Поздняков приютил его в своей комнате, то быт Ярослава и вовсе «устаканился». Правда, жили они в тесноте, да не в обиде: койку Ярослава отделял от хозяев большой самодельный шифоньер. По ночам Смеляков сочинял стихи, а утром читал их Позднякову. Изредка и неохотно по настойчивым просьбам друга Смеляков рассказывал о своей жизни в немецких и советских лагерях, признавался, что его очень беспокоила разлука с матерью, ее страдания и лишения.

«А что до меня самого,— писал он в письме на родину,— то это все ерунда, были бы чернила да то, что этими чернилами можно писать, ведь моим истинным увлечением всегда были и будут одни стихи, и хорошее стихотворение делает меня счастливым вопреки всему остальному».

По счастью, возможность записывать стихи в лагерях у Смелякова была. Несмотря на тяжелые обстоятельства, он сочиняет светлые стихи о матери, полные патриотизма строки о Родине, о воевавших солдатах, о прекрасных русских женщинах. Из этих стихотворений, сочиненных на тульской земле, особенно известны «Вот опять ты мне вспомнилась, мама», «Земля», «Кремлевские ели», «Милые красавицы России», «Манон Леско».

Смеляков приходил на спектакли городского народного театра, писал о них в местной газете. Он руководил литобъединением, участвовал в вечерах поэзии, организуемых Поздняковым во Дворце культуры. Стихи Смелякова начинают печатать толстые московские журналы «Знамя», «Новый мир». Так, можно сказать, тульская земля, родина многих известных поэтов, дала Ярославу Васильевичу Смелякову вторую жизнь. Московские друзья хлопочут за него, и вскоре ему разрешают вернуться в Москву.

Если говорить о биографии известного поэта, связанного с тульским краем, то родился он в городе Луцке Волынской губернии в простой рабочей семье, но уже тогда будущий поэт стал писать стихи о родной земле и красоте природы:

*Я родился в уездном городке
и до сих пор с любовью вспоминаю
убогий домик, выстроенный с краю
проулка, выходившего к реке.
Мне голос детства памятен и слышен.
Хранятся смутно в памяти моей
гуденье липы и цветенье вишен,
торговцев крик и ржанье лошадей.*

Свои первые стихи он сочинил в десять лет. Ярослав помещал их в стенгазетах, читал на занятиях литературного кружка, поэтических вечерах в Доме печати. Значительное влияние на его раннее творчество оказала поэзия Владимира Маяковского, на выступлениях которого он несколько раз бывал.

Другим его кумиром был поэт Михаил Светлов, с которым его свел случай. Ярослав принес стихотворение «Баллада о числах» в молодежный журнал «Рост», но случайно перепутал дверь и оказался прямо в кабинете главного редактора журнала «Октябрь» Светлова. И тот, неожиданно для начинающего поэта, принял стихотворение в печать. Спустя небольшое время Смелякова, закончившего курс машинных наборщиков, направили в типографию Полиграфиздата. Буквально на третий день работы к нему в набор случайно попали страницы «Октября» с его стихотворением.

Вместе с ним литобъединение посещали тогда начинающие, а впоследствии именитые поэты Сергей Михалков, Лев Ошанин, Маргарита Алигер. С Маргаритой Ярослава связывали нежные чувства. Молодые люди были влюблены, встречались, гуляли по Москве, читали друг другу стихи. Во время одного из свиданий Ярослав подарил Маргарите серебряное кольцо и полуслутом сказал: «Пока будешь носить кольцо, у меня все будет хорошо».

Сначала у Ярослава действительно все складывалось замечательно. Он знакомится с известным поэтом Эдуардом Багрицким, который печатает его стихи в журнале «Новый мир». В Госиздате художественной литературы у Смелякова выходит первая значительная книга «Работа и любовь», которую он сам набирал в типографии. Название книги довольно точно отражает содержание его творчества того периода. Уже тогда лейтмотивом его произведений можно считать четверостишие из стихотворения «Любовь»:

*Я набираю и слышу
в качанье истертых станков,
как с каждой минутой ближе
твоя и моя любовь.*

Несмотря на то, что в годы его юности к слову «романтизм» относились несколько презрительно, Ярослав и его друзья по перу сами были романтиками, не сознавая этого. На общем фоне его стихи выделяются особым лиризмом, искренностью и мастерством. В 1934 году его принимают в Союз писателей. Поэт увлечен пафосом социалистического строительства, а советские идеалы стали его мировоззрением.

Ярослав дружил с двумя талантливыми молодыми поэтами Павлом Васильевым и Борисом Корниловым. Все три поэта хоть и были «вполне советскими», но вождям заказных славословий не сочиняли. В их творчестве ощущалась внутренняя свобода, присущая настоящим поэтам. Неудивительно, что вскоре их начали травить в газетах, причиной чего лишь формально была борьба с богемным образом жизни за «чистоту нравов» и трезвость. Смеляков предвидел это:

*Я был тогда сутулым, угрюмым,
хоть мне в игре пока еще везло,
уже тогда предчувствия и думы
избороздили юное чело.*

14 июня 1934 года сразу в четырех авторитетных газетах — «Правде», «Известиях», «Литературной газете» и «Литературном Ленинграде» вышла первая часть обширной статьи М. Горького «Литературные забавы», в которой приводится письмо некоего «партийца», а фактически доносчика: «Несомненно чуждые влияния на самую талантливую часть молодежи. Конкретно: на характеристику молодого поэта Яр. Смелякова все более и более отражаются личные качества поэта Павла Васильева. Нет ничего грязнее этого осколка буржуазно-литературной богемы. Политически (это не ново знающим творчество Павла Васильева) это враг...» Здесь доносчик имеет в виду брошюру лирики «Счастье», которая вышла у Смелякова. Слова о якобы «анархо-богемском духе» его творчества стали причиной первого ареста поэта.

«Отсидка» Смелякова оказалась не очень долгой. Он ударно работал в тюрьме, был бригадиром, его выпустили досрочно в начале 1937 года и перевели на правах воспитанника в трудовую коммуну НКВД. Здесь издавалась газета «Коммунар» (люди постарше хорошо помнят, что и в нашей области много десятилетий выходила областная газета с таким же названием, в которой ее корреспондентом пришлось поработать и мне). Вскоре после своего приезда Смеляков стал ее ответственным секретарем. Спустя много лет, вспоминая свою работу в трудовой коммуне, Смеляков писал в стихотворении «Машенька»:

*я в те дни, не требуя побряжки,
вертась, как черт, с блокнотом и пером,
работал в заводской многотиражке
ответственным ее секретарем.*

Этой очаровательной Машеньке (Марии Мамоновой) посвящены строки из стихотворения «Майский вечер»:

*Чего ж, сероглазая, ты смеешься?
Неужто опять над любовью моей?
То глянешь украдкой. То отвернешься.
То шуришься из-под широких бровей.*

Память о чувстве к Марии Мамоновой осталась у Смелякова на всю жизнь: о своих чувствах убежденный сединой поэт писал:

*Я Машеньку и ныне вспоминаю
на склоне лет, в другом краю страны.
Любил ли я ее? Теперь не знаю,—
мы были все в ту пору влюблены.*

Мария Мамонова — не единственное сердечное увлечение Смелякова. В 1939 году в «Молодой гвардии» было опубликовано его стихотворение «Лирическое отступление», посвященное Валентине Аркадьевне Макаровой. По словам старожилов, происходила она из семьи донских казаков и внешне напоминала знаменитую актрису Тамару Макарову. Обращенное к этой женщине «Лирическое отступление» отличается особой нежностью и глубиной чувства, бережным отношением к возлюбленной, несмотря на то, что она не отвечает с той же силой.

Перед войной молодой поэт плодотворно работает. Он пишет цикл «Крымские стихи», его произведения выходят в свет в «Молодой гвардии», «Литературной газете», «Красной нови», журнале «30 дней». Из его лучших произведений 1940—1941 годов наиболее известны «Если я заболею, к врачам обращаться не стану» и «Хорошая девочка Лида».

В 1948 году выходит в свет его книга «Кремлевские ели», куда включены стихи, написанные до и после войны. В «Литературной газете» появляется критическая статья, где высказывается мнение, что сборник «Кремлевские ели» лишь внешне оптимистичен, а по сути стихи Смелякова «всегда о смерти». Вновь начинается его травля. Вскоре Смелякова по доносу арестовывают и осуждают.

Несправедливое заключение поэт отбывает в приполярной Инте, где работает на добыче доломита. Поэзия снова помогла ему выстоять. В лагере в стихотворении «Мы не рабы» Смеляков писал:

*Как же случилось, что я, запевала-поэт,
стал — погляди на меня — бессловесным рабом?
Не в чужеземном пределе, а в отчем краю,
не на плантациях дальних, а в нашей стране,
в грязной одежде раба на разводе стою,
номер раба у меня на согбенной спине.*

По-видимому, до конца жизни Смеляков так и не нашел полностью удовлетворяющего его ответа на этот вопрос, что было одной из причин внутреннего трагизма, заметного в его облике. В ссылке Смеляков сочинил первую часть поэмы «Строгая любовь» о делах и чувствах, нежных и не очень, его ровесников, учившихся в школе. До 1956 года поэт оставался в Заполярье. Спустя десятилетие он писал в стихотворении «Воробышек» о влетевшей к нему в окно птичке, ставшей предвестницей освобождения:

*До Двадцатого до съезда
жили мы по простоте —
безо всякого отъезда
в дальнем городе Инте.*

После XX съезда КПСС Смелякова полностью освободили. Вернувшись в Москву, на квартире первой жены Ярослав Васильевич читает друзьям по перу первую часть поэмы «Строгая любовь», и в том же 1956 году она выходит из печати отдельной книгой. К сожалению, поэма так и осталась незавершенной. Смеляков ограничился лишь набросками второй части.

После освобождения жизнь Смелякова внешне складывается вполне благополучно. Он вновь восстановлен в Союзе писателей, руководит отделением поэтов, ведет раздел поэзии в журнале «Дружба народов». Любовь к поэзии, к искусству, сочеталась у талантливого поэта с любовью к природе, к людям, к животным. В его двухкомнатной квартире в Москве и на даче в Переделкино жили две собаки-дворянжки, а в последний год жизни поэт подобрал на улице беспородного щенка. Трогательные, дышащие любовью и состраданием стихи Смеляков написал о домашних любимцах и других «братьях меньших»: «Воробышек», «Ягненок», «Собака», «Собаčky морды», «Недопесок»...

Жене Татьяне поэт посвятил несколько стихотворений, самое красивое среди которых «Зимняя ночь»: о возвращении из гостей по заснеженным ночным улицам Ленинграда с любимой, которая в снежных «блестках похожа на русскую зиму-зиму». Стихотворение заканчивается словами:

*И с тебя я снимаю снежинки,
как Пушкин снимал соболей.*

Такое сравнение не случайно. Смеляков очень почитал великого русского поэта, написал о нем немало стихов, поверял свои произведения по нему, очень болезненно переживал его смерть на дуэли, по советской традиции осуждая за это царизм и вина Наталья Николаевна Пушкину. О жене великого поэта Смеляков в 1959 году написал резкое стихотворение «Натали», представление о котором дает последнее четверостишие:

*Мы не забыли и сегодня,
что для тебя, дитя балов,
был мелкий шепот старой сводни
важнее пушкинских стихов.*

Спустя годы Смеляков понял, что был не прав, когда с таким осуждением и неуважением писал о Наталье Николаевне, и сочинил «Извинение перед Натали», прося ее позабыть прежнее стихотворение, как при жизни она смогла «забыть великого поэта — любовь и горе всей земли». Таков был характер неистового Смелякова. Однако его поэзия иногда была красноречивее его самого. Так в стихотворении о Красной площади, где по ощущениям автора «и сейчас еще воздух насыщен электричеством ленинских слов», есть глупое и для тех времен очень нетривиальное по внутреннему содержанию четверостишие, которое могло бы стать самостоятельным произведением:

*Над клубящейся пылью Вселенной,
над путями величья и зла,
как десницу, Василий Блаженный
тихо поднял свои купола.*

В 1950—1960-е годы Смеляков много пишет, переводит с разных языков народов СССР и социалистических стран сочинения национальных поэтов. Его лучшие стихи выделяются на общем фоне зрелостью и обобщенностью чувств, чистотой и благородством тона, мужской смелостью и приглушенным трагизмом.

Одна за другой издаются и переиздаются книги Смелякова: однотомники и двухтомники избранных стихотворений (1957, 1961, 1964, 1967, 1970), «Строгая любовь» (1957, 1967), «Работа и любовь» (1960, 1963), «Разговор о главном» (1959), «Золотой запас» (1962), «Хорошая девочка Лида» (1963), «Милые красавицы России» (1966), «Роза Таджикистана» (1966), «Товарищ комсомол» (1968), «Молодые люди. Комсомольская поэма» (1968). В 1968 году Смеляков был удостоен Государственной премии СССР за книгу «День России», ставшую явлением в советской поэзии. Книга эта потом неоднократно переиздавалась.

Писал Смеляков и стихи, публиковать которые в то время было невозможно: «Три витязя» о репрессированных друзьях-поэтах. Характерно отношение Смелякова к прошлому своей Родины, выраженное в афористичной «Надписи на “Истории России” Соловьева»:

*История не терпит суесловья,
трудна ее народная стезя.
Ее страницы, залитые кровью,
нельзя любить безумною любовью
и не любить без памяти нельзя.*

В последние 10—15 лет своей жизни Смеляков — признанный, маститый поэт, любимый читателями. Он выступает на радио, в телевизионных передачах, гораздо больше других советских литераторов ездит по стране, бывает в зарубежных командировках, встречается с молодыми поэтами России и других республик, многие из которых с благодарностью вспоминают его строгую, но всегда доброжелательную и справедливую критику. Начинающим литераторам он помогает публиковаться, отечески опекает их, никогда не унижая достоинства. Ярослава Васильевича уважают за стоический характер, принципиальность, доброту, юмор.

Здоровье Смелякова, подорванное в лагерях, резко ухудшилось в конце 1960-х годов. В стихотворении «Сердце» он писал, размышляя над словами Генриха Гейне: «Если мир треснет, трещина пройдет через сердце поэта»:

*Мир был разъят и обещен,
земля крутилась тяжело.
Ах, сколько их, тех самых трещин
по сердцу самому прошло!*

До последних дней жизни он продолжал писать хорошие стихи, встречаться с молодыми литераторами, творчество которых курировал, с друзьями. Поэт немного не дожил до своего 60-летия и скончался 27

ноября 1972 года. После смерти Смелякова вышли в свет его книги «Мое поколение» (1973), «Служба времени» (1975), Собрание сочинений в трех томах (1977—1978) и другие издания. Во второй половине 1980-х годов стали печататься и его стихотворения, которые раньше не пропустила бы цензура.

Ярослав Смеляков был крупным русским поэтом, но не гениальным мыслителем и провидцем. Словно подводя итог своему творчеству, незадолго до смерти он написал:

*Что делать? Я не гениален,
нет у меня избытка сил,
но все ж на главной магистрали
с понятием собственным служил.*

Критик В. В. Дементьев так оценивал творчество Смелякова: «Его лучшие строфы написаны на высокогорном уровне». «Он часть нашей жизни и часть нас самих», — отмечал эмигрант Н. М. Коржавин. Несколько десятков стихотворений Смелякова, даже по мнению критиков его творчества, прочно вошли в сокровищницу русской поэзии. Это стихи о вечном: о состояниях человеческой души, о любви к женщине, к матери, к Родине, к животным, к природе, о труде и подвигах ради этой любви.

Библиография:

- Смеляков Я. В. Стихотворения и поэмы. — Л.: Советский писатель, 1979.
Дементьев В. В. Ярослав Смеляков. Сильный, как терн. — М., 1967.
Евтушенко Е. О Смелякове // Строфы века. Антология русской поэзии. — Минск — Москва: Полифакт, 1995.
Коржавин Н. М. Судьба Ярослава Смелякова // Грани. 1974. № 91. С. 131—179.
Крещик В. А. «На всех земных пирах...» Этюды о поэтах и поэзии. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990.
Куняев С. Терновый венец // Наш современник. 1997. № 12.
Рассадин С. В. Ярослав Смеляков. Литературный портрет. — М.: Художественная литература, 1971.
Русские писатели и поэты. Краткий биографический словарь. — М.: Вече, 2000.

Людмила ВОРОБЬЕВА

г. Минск, Белоруссия

ФИЛОСОФИЯ ПОИСКА ИСТИНЫ В РОМАНЕ ЯКОВА ШАФРАНА «ВОСХОЖДЕНИЕ»

Член СП Беларуси с 2017 г., академик Международной литературно-художественной Академии Украины (2019), лауреат многих международных премий, а также литературной премии им. М. Булгакова (2020), международного литературно-художественного конкурса им. Де Ришелье (2020) и «Славянский калейдоскоп — 2018», награждена Дипломом за высокие помыслы и духовный аристократизм — Золотой GRAND (Германия, 2020), Дипломом за большие заслуги в области литературной деятельности — Золотой GRAND (Германия, 2020). Автор трех книг литературной критики. Литературно-критические статьи публиковались во многих российских и белорусских журналах и газетах, а также на ряде Интернет-порталов.

«Неважно ведь, что ты обрёл,—
Живи благодаря».
Яков Шафран

Восхождение — это прежде всего попытка автора найти ответ для себя самого по теме, заявленной в названии, — причём многоуровневом и сложноструктурном. Историк и богослов Н. С. Арсеньев писал: «Религия и философия всех народов задолго до христианства установила, что человек и даже всё мировое бытие влечётся сознательно или бессознательно ввысь к абсолютному совершенству, к Богу. Различие между людьми и народами состоит в том, в какой форме и в какой степени осуществляется у них это стремление вверх и под какие соблазны они подпадают при этом» (книга «Дары и встречи жизненного пути»). Бытописание Якова Шафрана имеет широкий социально-нравственный подтекст, создающий некое психологическое поле, в котором литература выступает как мастерская поисков смысла. Будучи профессиональным психоло-

гом, он совершает углубленный анализ нашей действительности: его многослойное повествование разворачивается очень постепенно.

Вот и А. И. Герцен в «Былом и думах» так же считал, что человек, выстраивая личную биографию, должен найти собственное место в истории, прожить неслучайную и для истории, и для себя самую жизнь. Причём сокрушался, что его «труд двигался медленно... многое подобно времени для того, чтобы иная была отстоялась в прозрачную душу — неутешительно, грустно, но примиряюще пониманием». «Без этого может быть искренность, но не может быть истины!», — предельно точно высказывался русский публицист-революционер в своих исповедальных записках. Оттенок текущего времени и разных настроений есть и в философском романе Якова Шафрана, в котором прослеживается похожий дневниковый стиль письма, не лишённый исповедальности, и в котором писатель попытался оставить след нашей жизни и след своей души. Да, у каждого из нас имеется пристрастие к возвращению прежнего ритма, к повторению некогда услышанного мотива. Впрочем, в совокупности этих пристрастий, настроений и мыслей существует определённое единство, по крайней мере, мне так кажется.

Смысл здесь выступает как форма духовной связи отдельного человека с окружающими его вещами и с миром как целым, что, безусловно, подтверждает и наука философия. Смысл является насущной необходимостью бытия. Мы видим тенденцию сближения философии и литературы. Но и литература — подлинная русская наука о жизни. Этот столь ярко выраженный лейтмотив внутреннего преображения человека, звучащий в русской литературе XIX века и призывающий к пониманию друг друга, примирению, прощению, явно и неявно присутствует и у многих современных авторов, стремящихся к служению высшей красоте и правде. Общеизвестно: в русской духовной жизни таится великое мессианское ожидание — православный путь святости. Нравственные искания героев романа «Восхождение» сориентированы именно на христианские ценности.

Пожалуй, самое время сказать об авторе. Яков Наумович Шафран — прозаик, поэт, член Академии российской литературы, заместитель главного редактора литературно-художественного журнала «Приокские зори», лауреат многих престижных наград, в том числе — всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Стоит заметить, что он своеобразный писатель, учитывающий тенденции культуротворчества, духовную, сущностную основу человека. Яков Шафран так же плодотворно работает в жанре рассказа, бытийной истории, сказового иносказания: обычные анекдотические забавные случаи у него превращаются в поэтические притчи. Рассказ, который стал для меня отправной точкой восприятия творчества писателя — «Ополченец». Александр, герой этого небольшого военного произведения, добровольно уходит на фронт и попадает на самый опасный — танковый рубеж тульской обороны. Казалось бы, нет ничего особенного в том, что совершив свой подвиг, подорвав и уничтожив несколько немецких танков, он остался жив. Сколько их было таких же, жертвенных и самоотданных Родине! Поразительно то, что автору удалось по-астафьевски глубоко показать душу и сердце героя, узнавшего нечто страшное о той войне, которая подчас была сильнее, чем людское желание выжить, но не утратившего острого желания любить, даже лишившись обеих ног. Многим героям Астафьева, прошедшим ад войны, было не суждено забыть об этом, их сердца навеки остались и сгорели в том страшном огне. Александр же сумел сохранить своё трепетное сердце, смог через мрак войны пронести красоту, чувство прекрасного. Художник создавал совершенный мир на полотнах своих картин. Точнее, сотворял мир — Вселенную, земной шар, род человеческий, людей, — тишину, покой как противопоставление войне.

Можно ли описать жизнь? В произведениях Якова Шафрана ощущается её бесконечное повторение, плотно вбирающее в себя бесконечное разнообразие человеческих взаимоотношений. Истинное в мире переплетается с неистинным, и духовный поиск никогда не заканчивается. Иногда нам кажется, что каждый новый век рождает одних и тех же людей. Или очень похожих. Что важно — осознание самого себя: кто мы, зачем мы, что нужно нам? Переходная эпоха во все времена переживается как кризис, либо как выбор — жизнеутверждающий или гибельный. Другая реальность вызывает к жизни и совершенно другие темы, и другого героя — далеко не всегда симпатичного. Мы опять находимся на пересечении смыслов, выявляющих образ «лишнего человека», — на границе Добра и Зла. «Я не за роман, а за идею мою стою», — говорил Достоевский о своём произведении «Идиот». И подчёркивал, что думать и планировать роман — гораздо легче, чем его писать. В этом мы убеждаемся на примере героя психологического романа Якова Шафрана «Восхождение» — Ивана Бескрайнова.

Яков Шафран ставит перед собой сложную цель — создать роман идеи, роман цепной реакции и реальной возможности добра. Получилось ли у него это? Однозначного ответа нет. Действительно, изощрённо по-достоевски — зло, у которого неизменно бездна. Добро же — просто и ясно. Оно — идеал человечности. И реализм — путь к правде в жизни и в искусстве. Читательскому взору открывается целая галерея портретов: люди малодушные и жестокие, трусливые, глупые, самовлюблённые, алчные и жадные, безразличные... И они среди нас. Они, и есть мы. Такая позиция писателя не добавляет популярности, а наоборот — вызывает реакцию отторжения. Он идёт на риск. Наглядный пример — отрицательный образ Виктора Быстрова. Однако достаточно и положительных образов, нравственно возвышенных, несущих просветление, открывающих духовные горизонты. К тому же мы имеем дело с контрастами: два диаметрально противоположных полюса одновременно — Быстров, Светоногов, Галкин, Расстегаев — Бескрайнов, Бобров, отец Сергей, Анастасия, Раиса Никифоровна. Причём роман имеет и два измерения: реальное — видимое и земное, и ме-

тафизическое — незримое и небесное. Перед нами — постижение и преодоление ступеней к восхождению — русское мироощущение Неба, бесконечности, существования Божьего — новый духовный взгляд на Вселенную и человека.

Краеугольный камень романа — христианство и вера — как основа национальной духовной культуры. Повествование вовлекает нас в сложную систему значений, образов, отношений. В нём, повторюсь, явственно проступает слияние двух линий — небесной и земной. Ангелы создают тонкое смысловое поле — полноту дольного мира. Наличествует неисповедимая тайна: роман даёт не только внешнюю сторону жизни, но и внутреннюю, — попытку заглянуть за грань нашего бытия. Лишь Создатель способен разгадать жизнь преходящую и непостижимые загадки человеческой души. Кроме того, лучшие писатели русской классики вышли из провинции. Тишина — убежище великой литературы. Провинция испокон веков отражала мировоззрение русского мира. Автору интересен человеческий дух, познавший истину. Яков Шафран создаёт новый отечественный роман, в котором главное действие протекает в российской глубинке, вдали от столичной суеты. Отсюда в нём и некие черты старомодной наивности, нет-нет да и напоминающие о «золотом веке русского дворянства», представляющем один из привилегированных слоёв русского общества. Нам предстоит познакомиться с городом Зареченском — «районным центром N-й губернии». Заречье, заречище, заречная сторона — прежде чем отправиться в путь, заглянем в Толковый словарь собирателя русского языка Владимира Даля.

Шаг за шагом Яков Шафран вводит читателя в неспешное действие романа. Однако события разворачиваются на диво однообразно. На первый взгляд эта обыкновенная история лишена какой-либо интриги. Но мало-помалу автор включает нас в круг интересов своих персонажей. Разумеется, сюжету не хватает динамики, повествование растянуто во времени, подчас оно представляется вяло и утомительно. Хотя как посмотреть. Писатель хочет воспроизвести и сохранить остатки прошлой России — ценностно-смысловые координаты всего сущего. Возникает странное чувство смещения времени. Стоит обратиться к главному образу — Ивану Бескрайнову. «Иван был высок и худощавого телосложения, светловолос и кудряв, с широким подвижным лицом и быстро меняющимся выражением карих глаз, был одет в джинсы и просторный серый свитер», — таким мы его видим в начале романа. «Порой Бескрайнов готов был всех обнять и расцеловать, прослезиться от сентиментальных чувств, обуревавших его, а через некоторое время мог раздражаться в ответ на доброе к нему отношение. Поэтому мнений о нем было столько же, сколько людей, которые его знали», — дополняет автор наши впечатления о нём. Молодой столичный человек из шумной, многолюдной Москвы, о которой мечтают многие провинциалы, уезжает в уютные «Зареченские пенаты», где живёт его бабушка Раиса Никифоровна, никогда не забывавшая о своём дворянском происхождении, о своих родовых корнях. Она ценит отпущенное ей каждодневное время, очень редко свободное от неотложных и благих дел, которых у неё превеликое множество. Иван имеет вполне приличное образование, но при этом не имеет любимой профессии и работы. Благодаря полученному наследству может себе позволить не заботиться о деньгах, о хлебе насущном. Иногда пишет стихи, вынашивает смутные мечты о романе. По словам автора, «увлекается всем подряд», живёт без «твёрдых убеждений»: любые занятия для него — скука. «Я сам себе царь!» — так по-державински смело изрекает он о себе. «В свои тридцать один с небольшим Бескрайнов фактически был никем...» — авторская характеристика просто исчерпывающая. Разве кому-то может быть интересно мироощущение человека, который не в состоянии понять самого себя? Иногда человек рождается не там, где должен, и не в своё время. Но это тоже испытание. Нужно найти себя. Ведь у каждого — время своё, да и оно меняется в разные периоды жизни. «Лень и разбросанность», «жизненная неполноценность», — перечисляет Раиса Никифоровна отрицательные качества Ивана, сетуя на то, что любимый внук давно пребывает в мнимом состоянии самообмана. Обращает на себя внимание одна существенная деталь: путанная и нелепая жизнь Бескрайнова напоминает эгоизм страдания по Достоевскому, если обратиться к его роману «Идиот». Случайные — неслучайные женщины главного героя Якова Шафрана — коварные и циничные московские друзья. Чего только стоит, скажем, г-н Светогонов, этот холёный чиновник, исходящий скептицизмом и утомлённый однообразием жизни! «Делать, делать надо дело!», — бросает он вызов молодому человеку. И тут же добавляет: «Каждый — сам себе бог и делает, что хочет». Налицо его абсолютное финансовое начало, неприкрытая корысть, меркантильный интерес, насаждение страсти к имуществу, к деньгам, к потреблению — ко всему рыночному, коммерческому, что нынче обрело невиданные масштабы.

История и время — категории неразрывные, сопряжённые между собой. Автор достаточно выразительно представил идеологические течения: либералы и традиционалисты — патриоты и западники. Русская интеллигенция, показанная на страницах романа, принадлежит к тем кругам аристократии, которые умели совмещать высшее положение в обществе с преданностью православной Церкви и с любовью к России. Один из таких представителей патриотического лагеря — Степан Алексеевич Бобров, руководитель частной строительной организации, в прошлом офицер, сегодня — воцерковленный человек, натура цельная и справедливая. Он прошёл большую школу самовоспитания и с годами приобрёл спокойную мудрость и уверенность в своих жизненных идеалах. Ему отнюдь не чужда общественно-политическая ситуация современной России. С давних пор традиции старой Руси держались верой, народностью и государственностью. Автор не случайно вводит в текст народную песню «Русское поле», и его герои способны сопереживать чужой боли и страданиям, их чувства проникнуты общим смыслом единения: «<...> Иван, как наяву, увидел поле, по краям усеянное лютиками и васильками. Ах, песня, обыкновенная песня! Но какое большое дело творит. Радость и

любовь зарождаются в сердцах, созвучие душ происходит. Даже печальные звуки и слова в итоге укрепляют, а уж жизнеутверждающие и подавно. Она может разбудить людей и подвигнуть на поступок и на великие деяния в самое тяжкое время. И даже в самой обычной повседневности может напомнить нам о родных полях и о милых глазу березах... Вот что такое песня в России!»

Неоднозначно трактуется в книге — как антипод Степану Боброву — личность Виктора Быстрова, страдающего «собственной исключительностью». Виктор Анатольевич возглавляет городское литобъединение. По природе своей — нигилист, прямолинейный, резкий в суждениях и толкованиях, даже жестокий. Признаюсь честно, мне пришлось с отвращением преодолевать те страницы текста, где речь идёт о его сексуальных отклонениях. Возможно, у автора было изначально задумано так — не нахожу ответа. Быстров, будто внутренний преступник, яро ненавидел «совдепию», зато искренне приветствовал лёгкие заработки, хвалил и ценил лишь заграничные вещи. Сбылось пророчество Фёдора Достоевского, говорившего: «Русскому ни за что нельзя обращаться в европейца, оставаясь хоть сколько-нибудь русским, а коли так, то и в России, стало быть, есть нечто совсем самостоятельное и особенное, на Европу совсем не похожее и само по себе серьёзное». Выдающийся мыслитель феноменально определил равноправность противоположных полюсов — Добра и нравственного Зла. Яков Шафран пытается выявить причинную связь явлений, погружаясь и в такой психологический аспект, как субъект и объект познания одновременно, исследует идеалистический подход к истории — методологию построения образа прошлого, как части общей мировоззренческой картины мира. Доминирующий закон русской истории — это государство духовно-нравственного фактора над материальным.

Христианский идеал, который является важной составляющей русской жизни, олицетворяет в романе образ отца Сергия. Христианство воплотилось в Православии и сроднилось с русским народом, соединяя в себе будущее Церкви и российского государства. Отец Сергий осуществляет бескорыстную деятельность служения людям во имя их просветления и примирения. В этом заключается ключ к разгадке ценностно-эмоциональной атмосферы произведения. Слово проповедническое, исходящее от священника, призывает к единению ума и сердца, к братству и взаимопомощи, благословляет человека на поиски единственной, конечной дороги к Богу. Святые подвижники русской церковной мысли всегда были вдохновителями и светильниками православной духовной традиции. Библейская проекция на мир полностью убеждает в христианской формуле всеобщей любви.

Вполне закономерно, что сквозная тема романа — философские диалоги Ангелов о мире, людях и их жизни: «Собрались Ангелы на свое ангельское совещание и стали делиться впечатлениями от дел земных. И наш Ангел сказал слово о своей зоне ответственности: “Люди старшего поколения более нравственны и больше думают об общем,— рассказал он.— Хотя и среди молодежи есть таковые. Однако заметно различие и упадок”. Согласились с ним все Ангелы и вынесли решение: “Такая же картина наблюдается по всей Земле. И немудрено, ибо усилились испытания, возросли искушения. Жаль, но не все выдержат их и не обретут Новое Небо и Новую Землю...”» Добрые Ангелы помогают заблудшим душам, выводят их в свет из тьмы нашего времени. Именно они обозначают эту грань между Добром и Злом, ибо нет ничего общего у света с тьмою. «И тем желаннее рассвет, тем более волнительно ожидание первого проблеска, даже чуть заметного свечения. Душа ждет этого, как озарения, нового рождения, воскресения. Все силы телесные и духовные, находившиеся на спаде, потихоньку подтягиваются к линии старта, чтобы с первым намеком на рассвет изготавиться и по сигналу пробившегося из-за горизонта луча броситься на дистанцию дня, в новую жизнь. И стоит вытерпеть эту тяжкую полосу темного времени, чтобы пережить долгожданный рассвет. И пропеть в душе вечный гимн: “Да здравствует солнце!” Но это только для тех, кто вытерпит и дождется»,— радостно и вдохновенно передаёт автор чувства Ивана Бескрайнова.

Поистине светлый луч, озаряющий всё пространство романа,— романтический образ Анастасии — «тургеневской девушки». Лирическая героиня заставляет читателя думать о прекрасном, делает его нравственно чище, духовно красивее, вселяет в него гармонию чувств и мыслей, в каких надлежит пребывать человеческой душе, чтобы сдерживать себя от порывов ненависти и зла. Писателя волнуют проблемы души, извечные проблемы, которые никак не могут решать мужчины. Возможно, душа — сугубо женская тема? Женщины издревле несли миссию добра, миссию человечности и жертвенности — делать мир лучше, гуманнее. Творить добро! Это значит — вернуться к этике, совести, отечественной традиции. Поэтому ведущая линия повествования — любовь как соборность всего целого и сущего.

«Река, лодка, красота вокруг способствовали еще большему сближению этих и так, в общем-то, близких по душевному складу людей. Каждый из них украдкой наблюдал за другими, словно стараясь убедиться, что в их сердцах происходит сейчас то же самое, что и у него,— единение со всеми и с каждым, и со всем окружающим. Именно в такие минуты хочется просто благословлять, благословлять и благословлять все, начиная от капельки воды до реки, от травинки до дерева, от человека до всего мироздания»,— каким-то таинственным образом и автор благословляет своих героев на вечную любовь. В этой поэзии любви значимую роль играют: слово — чувство — мысль. А ещё: красота — добро — истина. Вселенской движущей силой во все времена без исключения становится любовь. Писатель размышляет о её смысле и природе. Самая высшая — любовь христианская. Мы вступаем в эпоху ревизии христианских ценностей, их незыблемых представлений. Переживаем время неоправданных надежд и время убывающей любви — некое русское ощущение жизни, трагической и спасительной одновременно. Полноту жизни, пребывание её в любви хорошо отражает

библейское выражение: «Любовь покрывает все грехи». Недаром о вселенском духе любви говорят и Ангелы, денно и ночно ведущие праведную битву за людские души. «О, любовь человеческая... Это понятие может вмещать в себя и Любовь к Богу, и Любовь, которой существует всё Мироздание, и любовь к людям, и любовь к конкретному человеку, и любовь к женщине... А есть ещё страсть к кому-либо или к чему-либо. Нужно различать. Обратной же стороной любви является зло, безбожие, человеконенавистничество, ненависть к определенному народу, ненависть к отдельному индивидууму, гнев... Культурный человек не должен гневаться, пламя гнева выжигает добро и в самом человеке и вокруг. Однако когда он действует возмущением духа, отстаивая Добро, Любовь, Истину, Культуру, то оно является очистительным пламенем», — трудно не согласиться с их мыслями о борьбе Добра и Зла, ведущейся руками людей. Но, как правило, самые простые истины постигаются сложнее всего.

Надо отдать должное автору: каждый литературный герой выписан остро и характерно. Вернёмся к образу Быстрова, к сцене шантажа, в который волею судеб вовлечена Анастасия. «Зло всегда действует обманом, прикрываясь добром», — говорил святой старец Силуан Афонский. Как же легко и соблазнительно зло может рядиться в одежду добра. Памятливая ненависть, угрюмость, глумливая насмешка, двоедумность — всё вместе взятое однажды соединились в одном человеке, чтобы привести его к явной подлости и явному цинизму. Что уже само по себе чудовищно. Поначалу страшная фантазия Быстрова показалась мне придуманной, вымышленной, невозможной. Да и весь его несколько утрированный образ смотрелся в каком-то неверном свете. Но роковой вечер, вино, видеокамера, диск с записью спящей Анастасии убедили в ином — жизнь, словно безжалостная пародия на любовь, подчас бывает похлеще литературных сюжетов. Хотя Быстров пытался выйти сухим из воды. Однако, видно, человек предполагает, а Бог располагает. В финале романа вступают в силу причинно-следственные законы: никто не отменял идею воздаяния. Зло должно быть наказано. Одиночество и смерть — таков итог любой жизни, пропитанной злобой, эгоизмом отчуждения и полного эскапизма.

Между тем неизбежная справедливость рано или поздно восторжествует. Тут главное — не останавливаться и не быть равнодушным. Новый день рождения обязательно наступит, принесет и внутренние изменения. Только надо навести нравственный порядок. Автор последовательно передаёт психологические подробности душевного состояния героини: Анастасия символично являет собой оскорблённую любовь и поруганную страну. «Правда возрождается, казалось бы, из небытия. Приходит время, когда она показывает, кто виновен и кто невиновен, кто по злу, из личной корысти, от извращенной животной самости, в помрачении ума или в ослеплении ложной теорией виноват в несчастье других», — стремится писатель расставить все точки над *i*. Вероятно, Сам Бог диктовал Ивану простые человеческие слова, и всё сложилось само собой, как было предreshено свыше. Иван и Анастасия — это духовное будущее России, которое немислимо без культуры и народного слова, без русского Храма. И отец Сергей, и матушка Пелагея подают спасительный пример крепкой, по-настоящему дружной семьи, пример обоюдного служения. В книге прослеживается метафизический подход к постижению национальных проблем и особенностей народа. Осознание себя как части целого православного мира, родной природы и языка.

Нельзя не отметить, роман «Восхождение» построен на основе ключевых понятий: истина, вера, любовь, красота, молитва, радость... Духовное содержание ищет совершенную форму, а душа устремлена к Божественному идеалу. «...Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его...», — гласит Евангелие (Мф., 11.12). «И понял Бескрайнов, что человек должен найти, отыскать в себе эту силу, эту основу и укрепить ее, и выявить ее в своей жизни. И если каждый это сделает, то жизнь наша станет совершенно иной и страна и народ, и общество станут другими, когда земные законы и правила поведения и жизни, и само поведение и жизнь людей будут естественно вытекать из этой основы — вечной, глубинной, заложенной, может быть, от создания мира в наши ДНК», — находим подтверждение библейским высказываниям в главе «Глубинная основа». В этом преодолении для Ивана ещё до его восхождения есть особенная радость: творческий труд, наконец-то приобретённая любимая работа, настоящая любовь и семья. Ему предстоит пройти трудный путь духовного восхождения. Путь нравственного преодоления всех препятствий на земном замкнутом круге бытия, дабы понять истину: «Бог — есть любовь!» Писатель уверен, что в нашем сложном и противоречивом мире человек не может быть счастлив, живя в гордом одиночестве. Когда-то Герцен писал о редчайшем человеческом даре — объединении людей.

Более того, через обычные вещи человеку могут открываться многие тайны мира. Роман Якова Шафрана — это прежде всего книга познания. Автор описывает ситуацию восхождения — путь зигзагообразного, но движения вверх. Здесь важную роль играет гармония между природой и людьми, которая заключает в себе подлинную мудрость. Мы остро ощущаем эту страсть героев блуждать по лесам и полям, как будто испытываем их неутолимое желание постоянно быть на природе, искать и открывать в ней прекрасные стороны человеческой души. Непередаваемы переживания в природе и в самом человеке, сердце которого растворяется в её вечных образах. Паустовский изображая мир природы, говорил с пафосом и видел жизнь «... не столько такой, какой она есть или была, сколько такой, какой она должна быть очищенной от житейской прозы». Вот и проза Якова Шафрана полна чувственной пейзажной лирики.

Писатель не устаёт погружать читателя во всевозможные впечатления и размышления, показывая людей с различными ментальными особенностями, с достаточно парадоксальной человеческой природой. Но при всём при том мы все связаны между собой. Сходством культурно-психологических типов определяется и

сходство судеб. За описанием и анализом жизненных перипетий в повествовании скрывается более общий пласт вопросов. Не секрет, в искусстве лучше недосказать, чем сказать слишком много. Автор подчас грешит многословием, но в то же время нет и морализаторства, излишнего назидания. Некоторый педагогическо-психологический момент привносит в его творческую манеру определённое своеобразие. Для сегодняшней литературы, пожалуй, самая сложная задача — создание мировоззренческого и идеологического романа. Что получилось у автора? Опять-таки — судить читателю. Рецензия Евгения Трещева о романе «Восхождение» в очередной раз убеждает в том, что окружающий нас мир чрезвычайно разнообразен. Однако Якову Шафрану каким-то непостижимым образом удалось прикоснуться к тайне мироздания: 70 глав романа проникнуты философичностью и мудростью Божественного света, космизмом русской традиции, искренностью, добром и человечностью.

Судя по всему, на содержание его психологического повествования ярко сказалось влияние русской классики. Великий провидец Фёдор Достоевский гениально предвидел грядущее и сражался за человеческие души, странствующие между добром и злом, — эта битва враждебных начал продолжается до сих пор. Сегодня на чаше весов — культура и натура — борьба всего духовного против рыночного общества массового потребления. Да и сама культура становится массовой, развлекательной, подразумевающей лёгкие удовольствия. Деньги, их губительная косность противостоят культуре. Первостепенная задача — сохранение и развитие славянского культурно-исторического типа, чувственного восприятия окружающей нас реальности. И писатель, как никто другой, по-прежнему является учителем жизни. Яков Шафран проходит утомительный круг привычных стереотипных занятий — мир благородных дел и правдивого бытия. Автор воспринимает всё происходящее собственным чувством: то любовью, то молитвою, то благодарением, то отвращением, то негодованием, то ужасом. Вместе с тем Иван Бескрайнов одерживает победу! Земные помыслы его героя чисты.

«Страна моя, большая, любимая и родная, скромная и светлая, любовь и радость рождаешь ты в душе моей. Как много твои леса и поля, горы и равнины, реки и моря, города и села подарили мне доброты и красоты. Благодаря этому хочется мне неизменно делать добрые дела для людей, знакомых и не знакомых, для всего народа. Я забыл свою тоску и уныние и оставил позади самокопание. Любовь к тебе переполняет сердце, и твоя любовь ко мне вдохновляют меня на писательский труд, который я избрал для себя, для служения тебе. И сейчас я молю Бога только об одном — послать мне способностей, умений и навыков, сил, разума и ясного понимания всего, взволновавшего мою душу, чтобы как можно лучше написать обо всем этом, чтобы стать и быть полезным матери-Земле нашей, чтобы стать и быть полезным Тебе, Господи!» — вот таким невероятным, окрыляющим Ивана апофеозом любви завершается роман «Восхождение». Если нет любви, её место в нашей жизни занимает алчность, зависть, лицемерие. И тогда, как ни старайся обмануть судьбу, всё может закончиться трагически. К счастью, остаётся ещё надежда.

Как видим, личная судьба человека неразрывно связана с судьбой страны. Россия испокон веков стремилась к идеальному существованию, к русской мечте — жить по законам духовного мира. Мир веры непознаваем, как и сам человек, беспрестанно думающий о вечном. Ибо он не знает своего времени. Именно в этом его восхождении есть великая гуманность, и это то, что не отпускает автора романа в ледяное совершенство космоса. Он хочет здесь — на этой грешной земле возвышаться, образовывать собственную душу. Ведь отнюдь не риторически и не романтизма ради Василий Жуковский призывал человечество: «Надобно быть людьми непременно!.. Мы живём не для одной этой жизни, я это имел счастье несколько раз чувствовать!» Но надо признать, отрадно, что и для Якова Шафрана человек — тоже всегда надежда — всегда восхождение...

Сергей ОДИНОКОВ

г. Тула

Окончил с отличием театральные отделения МОУ лицея № 3 г. Тулы и Тульского областного колледжа культуры и искусства; выпускник факультета русской филологии и документоведения Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, кандидат филологических наук. Артист Тульской областной филармонии. Публикуется в журналах, коллективных сборниках, альманахах и газетах. Наш постоянный автор.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕМАРОК В ДРАМАТУРГИИ Л. Н. ТОЛСТОГО

Изучая прозаическое наследие Л. Н. Толстого, в частности язык и стиль романа «Война и мир», исследователи не раз отмечали, что иноязычные заимствования французского происхождения, которыми изобилует речь героев, обнаруживаются также и в авторской речи. Подобное характерно и для толстовской драматургии. Однако если наличие галлинизмов в авторской речи романа «Война и мир» зачастую воспринималось критиками как недостаток произведения, то в пьесах лексемы и пласты лексики, свойственные речи персонажей и обнаруживающиеся также в ремарках, не воспринимаются как инородные и не выглядят неуместными. Автор в драматургии проявляет себя в меньшей степени, чем в прозе и лирике: его речь вторична по отношению к речи героев; то, что она лишается своей самостоятельности и «подстраивается» под реплики персонажей и происходящие события, в пьесе является ожидаемым и вполне уместным.

Авторская речь в драматургии Л. Н. Толстого вступает в органичное взаимодействие с речью действующих лиц. Так, в пьесах и сценах, где описывается жизнь крестьян, в ремарках обнаруживаются лексемы, свойственные народной речи. Как правило, это названия предметов крестьянского быта. Ими изобилуют ремарки драмы «Власть тьмы». Рассмотрим, например, первую ремарку перед основным текстом данной пьесы:

«Действие происходит *осенью*¹ в большом *селе*. Сцена представляет просторную *избу* Петра. Петр сидит на *лавке*, *чинит хомут*. Анистья и Акулина *прядут*» [3, с. 23].

В приведенном примере в авторском тексте отражено время года, когда происходят события первого действия пьесы (*осень*), обозначено место действия (*село, изба*), отражены названия предметов сельского быта (*лавка, хомут*), а также бытовые действия персонажей (*чинит, прядут*). Перечисленные лексемы передают атмосферу крестьянской избы и настраивают читателя на восприятие дальнейших событий пьесы.

Во «Власти тьмы» также обнаруживаются случаи, когда лексема, употребленная в репликах персонажей, дублируется в авторской речи. Например, диалектное существительное *полушальчик* («Небольшая шаль, головной платок» [2, с. 171]), отраженное в речи Анютки и Никиты, дублируется Толстым и в ремарке:

«А н ю т к а . <...> *Полушальчик*, говорит, тебе куплю...» [3, с. 55].

«Н и к и т а . <...> Покажь, говорю, Анютке. *Полушальчик-то* развяжи. Подай сюда» [Там же, с. 65].

«А н и с т я . <...> Убери ты. (*Смахивает рукой на пол полушальчик.*)» [Там же, с. 66].

Показательно, что Толстой в авторской речи не называет данный предмет как-то иначе: это подчеркивает стилистическую связь ремарок и основного текста драмы и не нарушает атмосферы действия. Авторская речь не выделяется на фоне реплик героев и не отвлекает внимание читателя, максимально реализуя при этом свою функцию (в данном случае — указание на действие персонажа).

В пьесах и сценах, где описывается дворянская жизнь, в авторской речи обнаруживаются иноязычные вкрапления: это английские слова *lawn-tennis* и *крокет-граунд* в ремарках неоконченной драмы «И свет во тьме светит» [Там же, с. 196], французские слова *pince-nez* в ремарке указанной драмы [Там же], а также комедии «Плоды просвещения» [Там же, с. 101, 102 и др.], *grand-dame* в характеристике А. Д. Карениной и английское словосочетание *shake hands* (рукопожатие) в авторских пояснениях неоконченной драмы «Живой труп». Это также подчеркивает связь текста автора с речью действующих лиц и сохраняет атмосферу действия пьес.

Названий предметов быта и указаний на бытовые действия героев довольно много в драматургии Л. Н. Толстого. Дополнительную характеризующую функцию при этом выполняют определения и обстоятельства, употребляемые вместе с ними. Например, во «Власти тьмы» перед началом III-го действия Толстой в ремарке отмечает: «...Анистья *ненарядная* сидит за *станом*, *ткет*» [Там же, с. 54]. Помимо указания предмета быта (*стан*) и действий героини (*ткет*) важную роль в характеристике Анистрии играет определение *ненарядная*, свидетельствующее, во-первых, о бытовом и повседневном характере ее действий, а во-вторых, об отсутствии счастья и благополучия в семье, любви и заботы со стороны мужа: из дальнейшего текста пьесы становится ясно, что Никита заигрывает с падчерицей Акулиной, покупает ей дорогие наряды

¹ Здесь и далее в примерах курсив наш (С. О.).

и гостинцы, а к жене относится с пренебрежением, оскорбляет и унижает ее. В связи с этим выглядит контрастным последующее указание автора, что Акулина, вернувшись с Никитой из города, входит в дом *нарядная и с покупками* [Там же, с. 63].

Первое появление Матрены, матери Никиты во «Власти тьмы», сопровождается ремаркой «входит и *долго крестится* на образа...» [Там же, с. 28]. Обстоятельство *долго* изначально создает впечатление, что героиня набожна и добродетельна. Однако дальнейшие поступки героини (подталкивание Анисьи к отравлению своего болезненного мужа Петра, Никиты — к убийству ребенка, рожденного от него Акулиной, и др.) свидетельствуют об обратном: под внешней благовидностью и доброжелательностью героиня скрывает свои истинные корыстные намерения и стремление любыми средствами обустроить жизнь сына, чтобы Никита, женившись на Анисье после смерти зажиточного крестьянина Петра, стал полноправным хозяином в его доме и, убив прижитого падчерицей младенца и скрыв таким образом последствия своего прелюбодеяния от посторонних глаз, в дальнейшем отблагодарил мать за ее «старания». В связи с этим обстоятельство *долго*, изначально воспринимаемое положительно, позже оценивается иначе: становится очевидным, что «религиозность» Матрены носит внешний, показной и поверхностный характер.

Указания на то, что герои крестятся, неоднократно встречаются в ремарках драмы «Власть тьмы». Однако благодаря им одно и то же действие воспринимается по-разному и различно характеризует героев. Например, Никита крестится, когда отец расспрашивает его о связи с девушкой Натальей (действие I, явление 13):

«Н и к и т а (*в сторону*). Вишь, привязались, право. (*К Акиму*.) Сказываю, что ничего не знаю. Ничего у меня с ней не было. (*С злобой*.) Вот те Христос, не сойти мне с доски с этой. (*Крестится*.)» [Там же, с. 35].

Благодаря ремарке автора («*С злобой*») становится ясно, что герой делает это сгоряча, неискренне и желая, чтобы отец скорее прекратил расспросы: Никита обманывает отца, говоря, что никаких отношений с девушкой у него не было, и данный вопрос ему неприятен. Сам Аким, отец Никиты, входя в дом (действие II, явление 4), по указанию Толстого, «*крестится, обивает лапти и раздевается*» [Там же, с. 58]. Отсутствие дополнений и определений в данном случае подчеркивает естественность поведения героя: его набожность искренна, что подтверждается как словами, так и поступками Акима. Ремарка также подчеркивает правдоподобие и естественность происходящего: действие происходит зимой, поэтому прежде чем пройти в дом, герой *обивает лапти*, т. е. отряхивает их от снега.

Как и в большинстве пьес, ремарки в драматургии Л. Н. Толстого обычно выполняют традиционные технические функции: описывают время и место действия, указывают на то, как персонажи произносят те или иные слова, к кому они обращаются и т. д. Однако этим их роли в пьесах автора не исчерпываются. Испытывая влияние новой драмы, ремарки в пьесах Л. Н. Толстого вбирают в себя новые функции. О. В. Журчева отмечает: «Ремарки в «новой драме» перестают играть чисто служебную роль. Теперь они призваны в прямом авторском высказывании выразить настроение, чувства, обозначить лирический лейтмотив драмы <...>, объяснить характеры и обстоятельства биографии героев, а иногда и самого автора. В «новой драме» ремарки оказываются обращенными не столько к режиссеру, сколько к зрителю и читателю, становятся прозаической частью драмы, своеобразным монологом автора. <...> Не только диалог, реплика, ремарка, интонация, но даже молчание формирует в «новой драме» текст, создает образ» [1]. Поэтому особую роль в драматургии Л. Н. Толстого играют паузы и указания автора на то, что герои молчат: молчит Борис (неоконченная драма «И свет во тьме светит»), когда генерал пытается склонить его к военной службе [3, с. 248]; Федя Протасов (неоконченная драма «Живой труп») не отвечает на вопросы следователя, когда тот спрашивает его о посланных ему деньгах [Там же, с. 329]; *продолжительное и долгое молчание* возникает после слов проезжего (драматический диалог «Проезжий и крестьянин») о том, что нельзя убивать людей и не следует осуждать ближних [4, с. 311, 313]; *неловкое молчание* возникает, когда камердинер Федор Иванович (комедия «Плоды просвещения») отказывается «спрыснуть» сватовство горничной Тани и буфетного мужика Семена [3, с. 136] и т. д. Во всех указанных случаях одно и то же действие несет различную смысловую нагрузку: Борис выражает свое несогласие с генералом и презрение к военной службе, Федя Протасов не желает своими показаниями повредить жене, крестьянин осмысливает сказанное прохожим, а 1-й, 2-й и 3-й мужики удивлены тем, что камердинер отказывается совершить «пропой» невесты. Так с помощью молчания Толстому удается по-разному охарактеризовать героев и отразить свое отношение к ним и к происходящим в пьесе событиям.

Таким образом, авторская речь в драматургии Л. Н. Толстого вступает в органичное взаимодействие с речью действующих лиц. В ремарках пьес и сцен из жизни крестьян обнаруживаются лексемы, свойственные народной речи. Как правило, это предметы крестьянского быта: *лавка, хомут, онучи, лапти, полушальчик, прялка, стан* и др. В пьесах, где преимущественно описывается жизнь дворян, в ремарках отражены иноязычные вкрапления: *shake hands, lawn-tennis, крокет-граунд, pince-nez, grand-dame* и др. Нередки случаи описания бытовых действий (*чинит, прядут, ткет* и др.), указания на то, что герои *входят, садятся* и т. д. Однако этим их функции в драматургии Л. Н. Толстого не ограничиваются. Под влиянием новой драмы в толстовских пьесах возрастает роль пауз; с помощью указаний на то, что герои молчат, Толстой передает различные намерения, состояния и эмоции своих героев (несогласие, презрение, непонимание, осмысление сказанного и т. д.), что позволяет ему по-разному охарактеризовать их и проявить свою авторскую позицию.

Список литературы:

1. Журчева, О. В. Жанровые и стилевые тенденции в драматургии XX века [Электронный ресурс] / О. В. Журчева. — Режим доступа: http://www.uamconsult.com/book_806.html (дата обращения: 16.05.2017).
2. Словарь русских народных говоров (СРНГ). — Вып. 29. Покорочеть—Попритчиться. — СПб: Наука, 1995. — 350 с.
3. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. / гл. ред. М. Б. Храпченко. — Т. 11. Драматические произведения. 1864–1910 гг. — М.: Худож. лит., 1982. — 503 с.
4. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. / гл. ред. М. Б. Храпченко. — Т. 14. Произведения 1903–1910 гг. — М.: Худож. лит., 1983. — С. 308–314.

Ольга и Наталья АРТЕМОВЫ

п. Медвенка Курской области

Ольга и Наталья Артемовы — члены СПР; лауреаты всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша», международного литературно-педагогического конкурса (Премия педагогического признания) «Добрая лира»; победители всероссийских конкурсов «Парус одинокий», «Пуская в свет мои мечты»; призеры всероссийских конкурсов «Человек доброй воли» и «Vita. ТЮЗ»; дипломанты международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман»; победители и призеры ряда областных конкурсов. Награждены дипломами Государственного музея-заповедника с. Константиново «За верность Есенинской поэзии»; почетными грамотами правления СПР, благодарственными письмами Государственной Думы РФ. Постоянные авторы альманаха «Ковчег».

ОГНИ ГОРЯТ

Эссе

По вечерам за рекой с татарским названием Тускарь рассыпаны огни. Они горят вокруг будановского храма «Всех Святых в земле Российской просиявших», в деревенских окнах. Мы выходим в старый дедовский сад, вглядываемся вдаль, за россыпь цветных домов, за темную полосу соснового леса... Где-то там, в деревне 1-ая Воробьевка, горит свеча в окне двухэтажного дома. Это дом поэта. Дом Фета. Мы соседи во времени и пространстве. И Фета, и нас завораживали красотой овеванные легендами окрестности Коренной Пустыни. И мучительно-сладко перехватывало горло. И мучительно-больно рождались стихи...

Имение в Воробьевке Фет приобрел в 1877 году и прожил в нем пятнадцать лет, до самой смерти. Впервые мы побывали в гостях у поэта 6 июля 1986 года на первом Фетовском празднике. Как же давно это было! Помещичий дом, еще неуверенно-радостно одолевавший забвение, встречал гостей со всей страны. Оставшись без любящего хозяина, он много чего пережил, этот дом. После революции в «дворянском гнезде» находились клуб, сельсовет, общежитие, машинно-тракторная станция, птичник. В годы Великой Отечественной войны в доме величайшего русского поэта орудовали немцы: здесь располагался их штаб. С 1965 года здание было отдано под школу-интернат. С 2010 года усадьба учреждена как филиал Курского областного краеведческого музея.

Давайте переступим порог этого дома. По узкой лестнице поднимаемся на второй этаж, в кабинет поэта. В нем фактически нет подлинных вещей Фета. Но Фет здесь. В Воробьевке «Муза пробудилась от долголетнего сна и стала посещать» поэта так же часто, как на заре жизни. Здесь Фет, «красотою умиленный, зажег вечерние огни». Именно в воробьевский период к нему пришло большое признание: первая Пушкинская премия, избрание членом-корреспондентом Академии наук, награждение орденом Анны 1-ой степени, звание камергера. Отсюда потоком шла корреспонденция: к Льву Толстому и его супруге, к Тургеневу, Полонскому, Страхову, к великому князю Константину Константиновичу (поэту К. Р.)... В письмах Фет с нескрываемой гордостью констатирует: «...теперь, слава Богу, Орловский, Курский, Воронежский помещик, коннозаводчик и живу в прекрасном имении с великолепной усадьбой и парком... Женат я на родной сестре лейб-медика Боткина... Меня зовут в предводители». Но стихи говорят, что счастья нет. Счастья нет...

*Все далекий, давнишний мне чудится сад,
Там и звезды крупней, и сильнее аромат,
И ночных благовоний живая волна
Там доходит до сердца, истома полна...*

Нет-нет. Он любит и роскошный воробьевский сад, где зажигает свечи тургеневский каштан, привезенный из Спасского. Он воспеваает великолепный парк с родниками по оврагам и огромный лес. И, презирая

прокрустово ложе времени, «вечно душистые розы», тронутые первым морозцем георгины, изнывающие от зноя лилии живут в письмах, в бессмертных стихах. «Средь дальней темноты» упорно лепечет фонтан, хотя сегодня от него осталось лишь безязыкое обрамление. И все, что кипело здесь, мучилось и рвалось, говорит неповторимым языком Фета. Жизнь бьет через край!

Вновь Толстой, погруженный в мучительные раздумья, отворачивает лобастую голову от торопящегося выплеснуть свои мысли Фета. И художник Досекин нежно-размыто пишет упавшие в Тускарь деревья. И Соловьев помогает Фету оживить «мертвый» язык. И Полонский взбирается на шаткий стульчик, чтобы на притолоке флигеля написать прощальное поэтическое послание...

А выйдешь из барского дома, повернешься лицом на север и там, в дорожной пыли, кажется, различишь спешащего в поместье гостя. 18 августа 1891 года в Воробьевку пешком из соседнего села Уколово, где у его брата было имение, пришел композитор Чайковский. Жена Фета поставила перед ним два букета из отцветающего сада. Великий поэт посвятил великому композитору стихотворение.

Повернешься к уходящему солнцу — и призывно блеснут вдаль купола восстановленного монастыря Коренная Пустынь. Помещик А. А. Шеншин был на его святой земле. Когда после приноса чудотворной иконы Курская Коренная Божией Матери «Знамение» здесь яркой песней взлетала третья по значимости в России ярмарка, Фет вслушивался в ее переливы. И в фетовских «Моих воспоминаниях» мы читаем о тех местах, что, пережив революции, войны, разрухи, стоят неизбежно, как богатыри на духовных заставах. Мы ходили в Свободинскую школу мимо обезглавленной колокольни обители, мимо бывшего губернаторского дома, мимо каменных рядов ярмарки... По следам Фета ходили.

В 1864 году в своей поэтической исповеди Фет обронил горькое: «Жизнь пронеслась без явного следа». А мы все ищем на зыбучих песках времени его следы, все идем на свет его вечерних огней. Заглись-то они здесь, на нашей Курской земле, а светят всем.

Да и, нам кажется, в стихотворениях Фета нет привязанности к одному конкретному куску земли. Великому лирику принадлежит мир. Все мы соседи Фета. Ему мало и земли! Ему нужна вся Вселенная: «звезд золотые ресницы», «месяц молодой на высоте лазури», «отсталых туч... последняя толпа»...

*Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
В томленьях крайнего усилья
И верю сердцем, что растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья, —* эти строки написаны на закате жизни.

Образ — пронзающих подступающую тьму огней — очень важен для Фета. В 1883 году после двадцатилетнего перерыва он выпускает сборник стихотворений — «Вечерние огни». В 1885, 1888, 1891 годах появляются еще три выпуска. И им Фет дает то же название — «Вечерние огни». И когда смерть затушила лампаду жизни, словно споря с беспредельностью вечной ночи, вновь воссияли «Вечерние огни». Пятый сборник. В них — искрятся шедевры русской лирики.

Замечали ли вы, что в стихах Фета вообще много пламени? Оно — в природе: «Погорев золотыми каймами, разлетелись, как дым, облака». И красавица, приходящая к поэту в густеющих сумерках жизни, «вся в огнях». И мятежная «душа кипит в горниле тела». И в груди задыхающегося от тяжелой болезни старого измученного страданиями человека, как у небесного серафима, горит «огонь сильнее и ярче всей вселенной». Поэт тоже Творец. Но бессмертен ли он, как Бог?

*Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.*

Это признание сделано «далекому другу» А. Л. Бржеской. Она приезжала в Воробьевку. Фет надеялся, что овдовевшая красавица осветит его последние годы своим присутствием. Для нее приготовили комнаты. И месяц Александра Львовна любовалась красою здешних мест. Потом она уехала. Через три года ушел из жизни поэт. А огонь все не уходит в ночь. Все плачет, и сердца наши разрываются от этой такой понятной, такой родной боли... Наши-то огни уж точно погаснут без следа!

К 200-летию великого лирика мы составили литературно-художественный путеводитель «Здесь Фет "зажег вечерние огни"». В результате кропотливой работы найдены новые места на карте Курской области, где бывал поэт. Но в путеводителе не статистическое перечисление мест, связанных с Фетом. В нем показано, как красота Курской земли преломилась в его богатом наследии — стихотворениях, мемуарах, письмах. На Всероссийском конкурсе «Пуская в свет мои мечты», посвященном юбилею поэта, путеводитель занял первое место. Отрывки из него печатались в альманахах в Туле, в Орле. А это значит, что все новые любители российской словесности могут пройти тропой, которой не зарасты. Могут прийти к Фету...

Пристанище поэта. Здесь легко воскресить прошлое, запутать время, вообразить невозможное...

Залитый солнечным светом кабинет. Шаркая, заходит старик слуга:
— Барин! Тут из-за реки, с Долгого, к вам дамы приехали.
Фет вскидывает голову от стихов что-то кричащего ему из седой античности поэта. Смотрит пристально и строго:
— Какие дамы?
— Так, сестры. Которые пишут стихи...

Людмила ПЕНЬКОВА

г. Тула

Имеет высшее психологическое образование. Является членом РСП. Автор более двух десятков книг для детей и взрослых, а так же пяти песенных сборников, созданных в творческом союзе с автором музыки Ириной Шулуновой. Стихи и прозу публикует в литературно-художественном альманахе «Ковчег», ежегоднике «День тульской поэзии», литературно-художественном альманахе «На крыльях пегаса» (Тула). Принимала участие в коллективных сборниках Регионального Общественного Фонда содействия и развития современной поэзии «Светоч» (Москва), «Проза» (Москва), сборнике поэзии «Огни гавани» (Санкт-Петербург), во всероссийском журнале «Музыка в школе» (Москва), информационно-методическом электронном журнале «Про ДОД» (Москва), международном литературном журнале «Витражи» (Москва), музыкально-литературных альманахах «Тульская сторонка», «На лирической волне» (Тула) и в других российских журналах, альманахах и сборниках, газетных изданиях, на страницах электронных СМИ. Неоднократно становилась победителем и призером международных и всероссийских литературных конкурсов и педагогических конкурсов методических разработок. Постоянный автор нашего альманаха.

ТВОРЕНИЕ СТИХА

Поэзия — словесное художественное творчество, искусство образного выражения мысли словом, ритмическая речь.

Стихотворение — небольшое поэтическое произведение, написанное ритмизованной речью, стихами.

Приблизительно так определяется понятие поэзии и стихотворения в толковых словарях русского языка.

Что же испытывает поэт, создавая поэтическое произведение, как происходит рождение стиха?

Стихотворение — творение стиха — неповторимое волшебное действие, переносящее стихотворца в другую реальность, туда, где его душа исполняет божественный танец любви. Душа очаровалась! Она танцует! Душа поет! Поет восторженно, проникновенно, широко, с упоением, со всей нежностью, искренностью, на высоте чувств, струящихся из самых сокровенных ее глубин. Душа воспеваает красоту людских сердец, сияние глаз, лучезарность улыбок, радость птиц, течение звезд! Душа празднует жизнь! Празднует вместе с благоуханием цветов, красноречивым безмолвием самоцветов, величием гор, притягательностью морей, со всей Вселенной! Являясь частицей Вселенной, душа несет ее безграничный творческий потенциал, способность к бесконечной, безусловной любви! Душа, поэтичная по своей природе, ликует и парит в блаженстве единства с красотой и гармонией!

Душа исполняет божественный танец любви и когда страдает, сопереживает, устремляясь утешить стихотворным словом, напитать страждущего созидательной силой, возродить, подобно весне, воскрешающей все застывшее, оцепеневшее от зимних холодов к цветению.

Творение стиха — творчество души, прекрасное, волнующее, воздействующее на чувства и воображение тех, кто к нему прикасается своей душой!

*Сияй над нами творчества звезда
Стремлением духовно возвышаться!
Дай, Отче, нам быть зрячими всегда,
В сомненьях, заблужденьях не теряться!
Дай, Господи, любить и сохранить
В себе Твое духовное начало.
Пусть к совершенству тянется та нить,
Что с творчеством во благо нас связала.*

Евгений ТРЕЩЕВ

г. Щекино Тульской области

ВОСХОЖДЕНИЕ

Сколько себя помню меня всегда интересовали и восхищали люди, которые в своей жизни и творчестве достигли значительных высот. К одним из таких людей относится известный тульский писатель Яков Наумович Шафран — член Академии Российской литературы, Союза писателей-переводчиков МГО Союза писателей России и Российского союза писателей, лауреат многочисленных литературных премий.

Недавно в Московском издательстве «Новые Витражи» из печати вышел его роман «Восхождение», рассказывающий об отношениях между людьми, семье, одиночестве, о вере и любви, о подлости, измене, предательстве, жажде обогащения, клевете и насилии. И как пишет автор — «это роман о жизни во всех ее психологических аспектах».

Читая роман, мы видим, что многие герои романа проникнуты до глубины души предрассудками и заблуждениями. Но человек сам должен находить свою истину, свою цель в жизни, веру и счастье, как это делает главный герой романа Иван Бескрайнов. Он мучается над традиционным для нашей литературы вопросами о неустроенности жизни, неясности будущего. При этом каждый человек, подчеркивает автор, должен учиться сам, постигая уроки жизни, в первую очередь, слушая свое сердце. А у тех, кто этого не понимает, жизнь протекает мимо и сами они ни в чем не становятся лучше.

Мы видим, что счастье каждый персонаж воспринимает по-своему. И в разные моменты жизни придает ему разные смыслы. Каждый сам для себя определяет его значение.

В каждом персонаже автор подмечает черты, свойственные только данному типу людей. Он стремится раскрыть внутреннее развитие своих персонажей. Психологически тонко и убедительно Яков Наумович воссоздает облик главных героев книги — Ивана Бескрайнова, Виктора Светогонова, Надежды Черновой, Боброва, бабушки Раисы Никифоровны, Виктора Быстрова, священника отца Сергия, Анастасии, Ларисы. Но человек — это загадка, ведь каждый проживает свою жизнь, отличную от других. Образы героев романа имеют ярко выраженные гротескные черты. Здесь происходит столкновение различных мировоззрений. Но для писателя важен не социальный, а нравственный конфликт.

Каждая ситуация рассказывается со всеми деталями и очень подробно. Сюжет и прост, и сложен одновременно. Он пронизан болью, душевными муками и переживаниями героев.

В романе мы встречаемся «с обычными людьми, участвующими, правда, в не совсем обычных событиях, столкнувшимися с не совсем обычными обстоятельствами, с их внутренним миром... А людские чувства и поступки, развитие людских судеб выражают порой развитие судеб более высоких общностей, так как в малом отражается большее, а в большем — малое. Все взаимосвязано» (Я.Шафран).

В обществе культивируется распушенность, цинизм, пошлость и жестокость. Произошла подмена понятий и ценностей. Одним из отрицательных персонажей в романе показан Виктор Анатольевич Быстров. К Быстрову можно применить слова Омара Хайяма: «Чем ниже человек душой, / Тем выше задирает нос. / Он носом тянется туда, / Куда душою не дорос». Мы видим, как легкомысленное отношение к жизни разрушает его личность и сеет ложь.

Написанная Яковым Наумовичем картина наполнена большим философско-нравственным содержанием. «Настоящий писатель — это то же, что древний пророк: он видит яснее, чем обычные люди», — говорил А. П. Чехов.

Мудрые советы писателя щедро рассыпаны по страницам произведения. Оптимизм, талант и доброта — основные составляющие его творчества.

При этом творчество Я. Н. Шафрана проникнуто религиозным мистицизмом, смутным стремлением в сверхчувственную область, полную чудес и неразгаданных тайн. Вера придает его творчеству духовную глубину. А духовность, как тончайшая энергия, связывает с Высшим Миром. Чувство божественного и беспредельного наполняет его сердце. Для писателя на первом месте стоит внутренний мир человека, его душа. Идея Божественного света, которым наделена человеческая душа, составляет основу его миропонимания. Автор старается заглянуть за грань реальности и открыть читателю удивительное по силе изображения метафизическое пространство, где «земное» контрастирует с ощущением «Высшего смысла».

В романе семьдесят глав. В них отражены глубокие раздумья над вечными тайнами жизни, над загадками человеческого бытия. И все они написаны чистым, прекрасным языком, отличающимся особенной прозаичностью и тонким лиризмом.

Книга показывает, что в принципе писатель остался верен своей манере. Текст выполнен в русской прозаической традиции. В нем заложено глубокое чувство торжества добра и света.

Природа — активная, действующая сила, находится в вечном движении, развитии, обновлении. Тонко чувствующий и необыкновенно восприимчивый писатель с удивительным подчас мастерством улавливает

биение пульса жизни и в очеловечивании природных явлений. Человек и природа в его творчестве неразрывны.

А пейзаж полон глубокого смысла, создает определенное настроение. В нем часто стирается грань между изображением природы и переживаниями героев.

Автор не идет на поводу общественного мнения и не питает иллюзий. У него своя логика, подвластная только ему. Он склонен к резкой смене настроений, интонаций, ищет гармонии во всем: в себе и в мире. Чувствуется тяга к положительному и потребность в идеале. И эта мысль путеводной нитью проходит через его творчество.

Новая книга написана интересно и убедительно, а все главы связаны одной общей нитью. Мы ощущаем в них искренность и силу чувств.

Яков Наумович — самообытный и талантливый писатель со своим творческим почерком. Острый и ясный ум, художественный вкус составляют в нем единое целое. Очередным подтверждением высокого уровня его таланта и является роман «Восхождение».

Конечно, роман немного назидателен, но в меру. В нем сильны исповедальные интонации, ярко выражена борьба противоположностей. Читается с увлечением, у его автора легкая рука.

Яков ШАФРАН

г. Тула

ПОЭЗИЯ ЖИЗНИ МАРИНЫ ЩЕНЯТСКОЙ

ОТЗЫВ НА КНИГУ «ИЗ СОЛНЕЧНЫХ ЛАДОНЕЙ»*

По роду своей деятельности мне приходится читать множество стихов. Однако не всякую рукопись хочется дочитать до конца. Но есть такие, которые захватывают с самого начала, и, прикоснувшись к ним, уже не останавливаешься, пока не дочитаешь до последней строфы. К подобным, безусловно, относятся стихотворения Марины Щенятской, вошедшие в ее книгу «Из солнечных ладоней». Знакомясь с ними, видишь, как в душе автора трансформируются в поэтические строки сердечные переживания и счастливые минуты наслаждения красотами природы, временем года и общения с родными местами и любимыми людьми.

Олицетворение природы в пейзажной лирике автора является не только средством выразительности, образности, но и проявлением неповторимости личности, способом раскрытия ее внутреннего мира, о чем свидетельствует и лирика любовная. Как и природа, любовь для М. Щенятской — живая, неуловимая, сокровенная стихия, которую обычной логикой не понять. Наряду с этим, любовь она осознает как благодать:

*Листья к нам летят. —
Так красиво!
Легкокрыл мой взгляд
Молчаливый.
Мне твоя рука
Дарит лето.
И печаль легка,
Коль пропета!..*

(«Листья к нам летят...», с. 24)

Счастлива Марина Щенятская и любовью к своей малой родине, которая проявляется в то же время как исповедь, обнажающая душу. Родные места, они обладают неизъяснимой силой:

*Белый город, ты все помнишь —
Каждый вздох моей души...
И из солнечных ладоней
Ты на помощь мне спешишь!..*

* Щенятская, Марина Александровна. «Из солнечных ладоней: стихотворения» / Марина Щенятская. — Белгород: Изд-во БГТУ, 2021. — 56 с.

(«Белый город», с. 34)

Одни из лучших стихов поэтессы посвящены матери и отцу, и это естественно для духовной поэзии. Есть и замечательные строки о детстве:

*Детство промелькнуло яркой синей птицей...
Но остались память и тепло души!..
Лишь возьму открытки маленькой сестрицы,
Тотчас расцветают детства миражи...*

(«Детства миражи», с. 46)

Все это всегда давало и, как мы убеждаемся, дает возможности для дальнейшего развития творческого потенциала.

Для поэта, в сердце которого живет любовь и мудрость, естественна в лирике тема Бога. Есть у автора хорошие стихотворения, посвященные светлым православным праздникам, наполненным любовью — Пасхе и Рождеству. Однако тема Бога не является отдельной, а одухотворяет собой все стихи, она является для автора духовным импульсом души, понимающей, что божественное не только в храме и книгах, но разлито повсюду и существует во всем:

*Тоскует дождь над белым майским садом,
И яблони в слезах его чисты.
Деревьям дождь — желанная отрада,
Хоть с ним теряют лепестки цветы.*

*Вот так и мы теряем дни и жажду
Прожить светло. Стал чужд наивный взгляд.
Но в сердце тайно верим, что однажды
Нам распахнутся двери в Райский сад.*

(«Тоскует дождь над белым майским садом...», с. 14)

Марина Щенятская высоко ценит поэзию. «Поэзия жизни, звучи, не смолкай!..» — пишет автор. И, несомненно, голос поэзии слышнее, когда сердце с благодарностью принимает то, что преподносит жизнь:

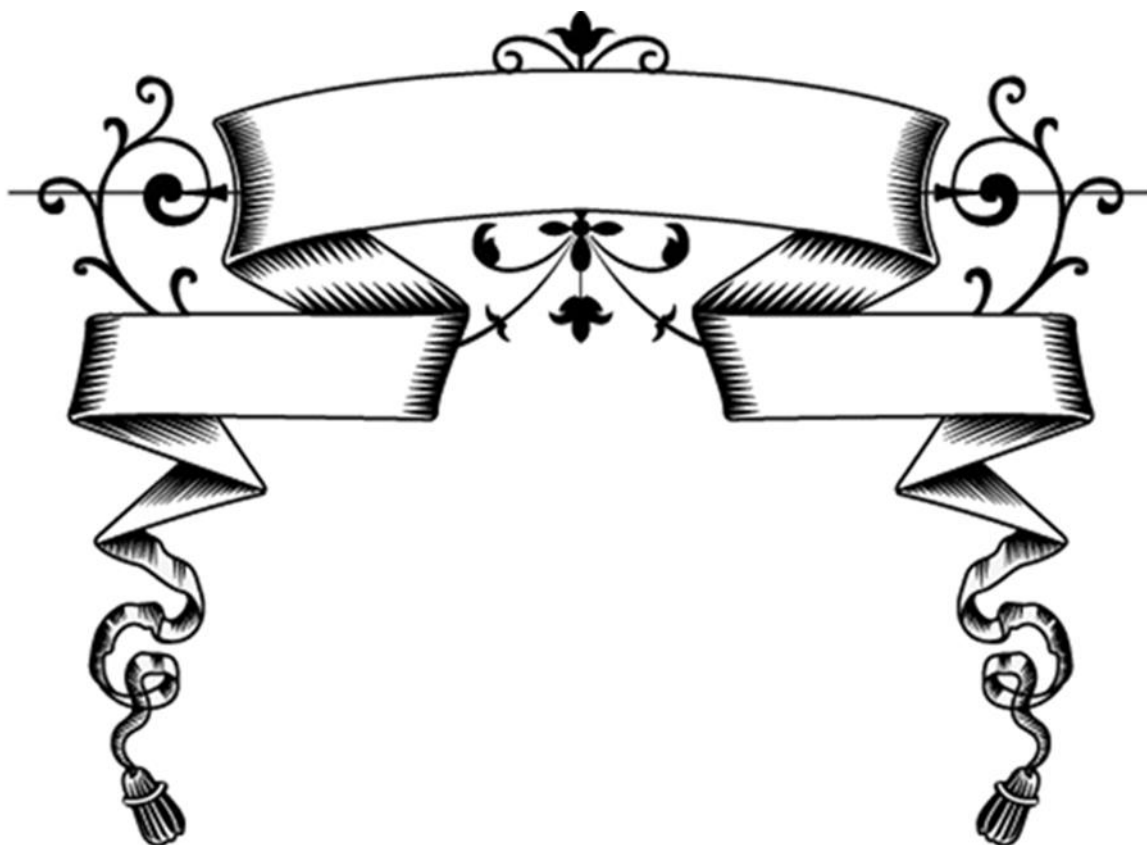
*Слова в молчанье раствори.
Здесь и сейчас замри! — Смотри,
Как пламя радостной зари
Поспешно гасит фонари,
Как снег румянят снегири.—
И счастье теплится внутри!..
Его с собою в путь бери
И благодарностью гори!*

(«Слова в молчанье раствори...», с. 32)

В общем, говоря о стихах Марины Щенятской, следует отметить, что они являются слепками ее души, раскрывающейся перед читателями своими яркими гранями. В них нет так часто встречающейся вычурности и витиеватости, напротив, они доступны, легки в восприятии и запоминаемы. Стихи ее покоряют открытостью, ясностью взгляда на мир, стремлением дарить людям свет, и потому, наряду со всеми прочими перечисленными выше достоинствами, они, безусловно, многое дадут своему читателю и оставят у него самые добрые чувства.

ПУБЛИЦИСТИКА

**ВАЛЕРИЙ МАСЛОВ
ВАЛЕНТИН ОГНЕВ
ВЛАДИМИР ГУЛЯЕВ
ТАТЬЯНА РОГОЖИНА**

НИКОЛАЙ ТИМОХИН

**ЯКОВ ШАФРАН
ИРИНА МАЦНЕВА
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА
ЕЛЕНА ГАДЕНОВА**

Валерий МАСЛОВ

г. Тула

60-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ТУЛЬСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

18 ноября 2020 года тульские писатели отметили свой знаменательный праздник — шестьдесят лет назад, в далеком 1960 году в Туле появилось областное отделение Союза писателей РСФСР. У его истоков стояли наши легендарные писатели — Наталья Деомидовна Парыгина и последний личный секретарь Льва Толстого Валентин Федорович Бул-

гаков.

Тульская земля издавна славится ратными подвигами и трудовыми успехами. Отличается она и богатым культурным наследием, в том числе — в области литературы. В Ясной Поляне родился, жил и создавал бессмертные произведения великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. В Туле жили и работали В. В. Вересаев, Глеб Успенский, М. Е. Салтыков-Щедрин.

С Тульским краем прочно связаны имена В. А. Жуковского, Н. В. Успенского, И. С. Тургенева, И. А. Бунина, Г. А. Скребицкого и многих других. Тула и Тульский край таят в себе неиссякаемый источник поэзии. Тульские поэты издавна занимали видное место в русской поэзии. Об этом, в частности, свидетельствует то, что произведения В. А. Жуковского, П. П. Сумарокова, В. И. Богданова, А. С. Хомякова, поэтов-декабристов Н. А. Чижова, братьев Бобрищевых-Пушкиных включались в хрестоматии «Русские поэты XIX века», изданные в шестидесятые годы прошлого столетия. Многие из них были не только выдающимися поэтами, но и видными общественными деятелями и просветителями, игравшими большую роль в развитии культуры и российской словесности. Сюда многократно приезжал И. С. Тургенев, который увековечил память о тульской земле в знаменитом рассказе «Записки охотника».

Лауреат Нобелевской премии Иван Алексеевич Бунин также неоднократно приезжал в город Тулу, поскольку в городе Ефремове Тульской губернии проживали его родственники. К Ефремову и его окрестностям имеют прямое отношение творческая история повести замечательного писателя под названием «Деревня», многие его другие повести, рассказы, переводы (в их числе и знаменитый рассказ «Антоновские яблоки»). Писатель много раз приезжал в Огневку Тульской губернии — имение своего брата Евгения Алексеевича, бывал в Туле, в Ефремове, где жили его сестра и мать.

Многое из увиденного и пережитого писателем в Огневке, Ефремове вошло в его «Деревню» и другие произведения. Как пишет А. Бабореко, автор интересной книги о Бунине, прототипом Горизонтова из рассказа «Чаша жизни» (1913) «отчасти послужил, по устному свидетельству писателя С. И. Малашкина, преподаватель духовного училища в городе Ефремове. Подобно герою рассказа, он обычно ходил с парусиновым зонтом и в калошах, купался летом и зимой в Красивой Мече и продал свой скелет для анатомических целей». Картины окрестностей Ефремова воссозданы в «Жизни Арсеньева». Герой этого произведения попадает в Кропотово (у Бунина — Кроптовка), родовое имение отца М. Ю. Лермонтова. В наброске «К будущей биографии Н. В. Успенского», относящемся к 1890 году, Бунин рассказывает о некоторых фактах жизни писателя-демократа, двоюродного брата писателя Глеба Успенского.

В Туле неоднократно бывал великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь. Вот что писал тульский помещик Н. Ф. Андреев, отставной артиллерийский офицер, автор ряда работ историко-краеведческого характера, в газете «Тульские губернские ведомости» (1855, №№ 2—3) о своей встрече с Н. В. Гоголем в тульской гостинице 4 июля 1851 года. Н. В. Гоголь в этот день находился в Туле проездом из Украины в Москву. По словам Н. Андреева, «Гоголь рассказывал ему “о далеких своих странствованиях: о Риме, Неаполе, Генуе, Флоренции, Венеции”, беседовал с ним о литературе». Андреев не сразу узнал Гоголя в человеке, беседовавшем с ним, когда же великий писатель представился ему, автор воспоминаний с завидной непосредственностью закричал «вне себя от радости: так это вы, наш знаменитый писатель, честь и слава нашей литературы? Ура!»

Е. Смирнова-Чикина, известный исследователь жизни и творчества Гоголя, видит ценность этих воспоминаний в том, что они рисуют необычный образ писателя последних лет его жизни: «общительного, разговорчивого, добродушного, шутливого», тогда как многие биографы, вслед за П. А. Кулишем, создавали представление об авторе «Мертвых душ» как о человеке уставшем, мрачном, погруженном в себя. «Воспоминания Н. Ф. Андреева, — по мнению Смирновой-Чикиной, — написаны ярко, со многими подробностями, да к тому же, вскоре после встречи с Гоголем, и от них можно ожидать большей точности, чем от написанных много позже...»

Об отношении к Тульскому краю автора гоголевских «Мертвых душ» интересная статья принадлежит профессору М. С. Альтману под заглавием «“Мертвые души” и Тульская губерния», которая была напечатана в Тульской областной газете «Коммунар», 2 марта 1959 года. По мнению автора, в «Мертвых душах» мог отразиться факт продажи одним из богатейших тульских помещиков графом В. А. Бобринским откупщику Бенардаки двух тысяч крестьян на вывоз в Херсонскую губернию.

В то время в общественной жизни Тулы произошло важное событие: стала издаваться еженедельная газета «Тульские губернские ведомости». Из нее любознательному современному читателю можно почерпнуть массу интересных историй о жизни тогдашней Тулы и ее знаменитых обитателей.

Например, в номере двадцать первом за 1854 год было помещено такое объявление. «По доверенности от графа Толстого, управляющего его имением Крапивенского уезда в сельце Ясная Поляна, майор граф Валериан Толстой вызывает желающих на снятие в арендное содержание двух домов: каменного двухэтажного и деревянного двухэтажного с мезонином. При них галереи с хорошей мебелью, кухня, конюшня и сарай в сельце Ясная Поляна состоящих». Из этого объявления современные туляки могут узнать, что и полтора века назад люди жили на то, что сдавали в аренду помещения, а также, что это те знаменитые двухэтажные дома с кухней, конюшней и прочим, что составляют сейчас историческую и мемориальную ценность Музея-усадьбы «Ясная Поляна». В книге «Историческое обозрение Тульской губернии» (1850 год) ее автор Н. И. Афремов в разделе «Писатели и члены ученых обществ Тульской губернии» пишет об Н. Ф. Андрееве так: «Один из ревностных писателей Тульской губернии».

С Тулой связана административная и литературная деятельность известного писателя-сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Он был выходцем из старинного дворянского, а по матери — купеческого рода. Но под влиянием социалистических идей пришел к полному отрицанию помещичьего уклада, буржуазных отношений и самодержавия. В нашем городе Михаил Евграфович служил в 1866—1867 годах управляющим Тульской казенной палатой. Своеобразные особенности характера Салтыкова-Щедрина, проявленные им во время руководства важным правительственным учреждением, были запечатлены служившим под его началом чиновником И. М. Михайловым в статье, опубликованной в «Историческом вестнике» в 1902 году. На административном посту писатель боролся с бюрократизмом, взяточничеством, казнокрадством, стоял на страже интересов низших тульских общественных слоев: крестьян, кустарей-ремесленников, мелких чиновников.

В его произведениях «Дневник провинциала в Петербурге» и «Как один мужик двух генералов прокормил» также упоминаются города Тула и Алексин. На тульский практический опыт писатель, видимо, также опирался в одном из своих «Писем из провинции». Пребывание М. Е. Салтыкова-Щедрина в Туле отмечено мемориальной доской на здании бывшей казенной палаты на проспекте Ленина, 43. Документы о служебной деятельности писателя хранятся в Государственном архиве Тульской области.

Солнце русской поэзии, Александр Сергеевич Пушкин высоко ценил творчество ряда тульских поэтов девятнадцатого века. Например, стихи А. С. Хомякова он признавал прекрасными. Алексей Степанович Хомяков был не только хорошим поэтом, но и глубоким мыслителем, ученым, меценатом и благотворителем. Одно только перечисление основ его деятельности говорит о разносторонности талантов этого человека: философ, экономист, публицист, мыслитель, оратор, журналист, художник, изобретатель, врачеватель. И не случайно, что благодарные туляки до сих пор ежегодно проводят в его родовой усадьбе под Тулой традиционные Хомяковские чтения, чтят его память.

Многие годы с Тульским краем был связан другой выдающийся поэт — Василий Андреевич Жуковский. Его А. С. Пушкин назвал одним из основоположников новой русской поэзии. Более того, Александр Сергеевич считал себя «его учеником».

Творчество В. А. Жуковского во многом определило дальнейший литературный путь таких великих поэтов, как Лермонтов, Баратынский, Тютчев. По словам выдающегося литературного критика Российской империи В. Г. Белинского, В. А. Жуковский наполнил русскую поэзию новым содержанием.

Тульские поэты девятнадцатого века — В. Богданов, И. Родионов, Н. Макаров стали всенародно известны и любимы как авторы текстов песен, ставших, выражаясь современным языком, русскими хитами, — «Дубинушку», «Не корите меня, не браните», «Однозвучно звенит колокольчик» знают и поют во всем мире. Знаменитая «Дубинушка» была одной из любимых песен Федора Ивановича Шаляпина. Традиции песенного искусства поэтов-предшественников продолжили в XX веке наши современники Иван Доронин, Владимир Лазарев, Юрий Щелоков, Александр Бочаров и другие.

Народную песню «Ах, цветы, цветы, кудрявая рябина», автором текста которой является туляк И. И. Доронин, до сих пор исполняют на эстрадных концертах, поют в праздничные дни за столом в кругу родных и друзей простые русские люди.

Непростая и во многом трагичная судьба свела с тульской землей знаменитого поэта Ярослава Васильевича Смелякова. В 1946 году его освободили из заключения, но в Москву вернуться не разрешили. Смелякова направили в Сталиногорск (ныне Новомосковск) в нашей Тульской области. Кем только не пришлось трудиться вдали от родины корифею русской поэзии! Сначала Ярослав устроился работать на шахте в поселке Донском, затем он стал помощником заведующего банно-прачечным комбинатом. Но талантливый поэт ни на минуту не прекращал творческую деятельность. «Ни дня без строчки!» — это о нем, его трудолюбии и способности творить в самых неожиданных местах и условиях. Смеляков был настолько литературно плодovit, что успевал сотрудничать сразу в двух газетах — «Сталиногорская правда» и «Московская кочегарка», где выходили его заметки и стихи. Смеляков приходил на спектакли городского народного театра, писал о них в местной газете. Он руководил литобъединением, участвовал в вечерах поэзии во Дворце культуры. Стихи Смелякова начинают печатать толстые московские журналы «Знамя», «Новый мир». Так, можно ска-

зять, тульская земля, родина многих известных поэтов, дала Ярославу Васильевичу Смелякову вторую жизнь.

Анатолий Кузнецов написал книгу «Бабий яр», которая стала хрестоматийным материалом о чудовищном злодеянии фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны — расстреле тысяч безвинных жертв под Киевом. Наталья Парыгина создала цикл произведений о своих современниках, среди которых выделяется неоднократно переизданный роман о русской женщине «Вдова». Книги Натальи Парыгиной «Дни весенние», «Что сердцу дорого», «Любой ценой», «Сын» связаны с Тулой, а роман «Вдова», получивший в 1974 году поощрительную премию Союза писателей СССР и ВЦСПС.

«Яснополянский сенокос» — так названа книга Юрия Щелокова, вышедшая в издательстве «Советский писатель», и само ее название говорит о привязанности писателя к родному краю. Этим чувством пронизаны и другие сборники поэта. С большой любовью к знаменитому уголку земли тульской — Ясной Поляне написаны этюды Галины Езерской «Живые, трепетные нити», изданные в Туле и в Москве.

В послевоенные годы большую роль в развитии литературного движения в области сыграло областное литературное объединение, председателем которого многие годы был директор Приокского книжного издательства Н. В. Виноградов. В 1949—1958 годах в нашем городе выходил альманах «Литературная Тула», где печатались произведения А. А. Елькина, М. П. Кольчугина, А. И. Туликова и других тульских прозаиков и поэтов. Тулу и ее окрестности показал в своем романе «Костер» Константин Федин. Героическая оборона города была отражена в романе Георгия Березко «Мирный город», в книгах Александра Елькина «Приобщение к подвигу» и «Пятьдесят дней мужества».

Но в Туле и области не было своей писательской организации. В 1958 году двое тульских литераторов: бывший личный секретарь Л. Н. Толстого В. Ф. Булгаков и прозаик Н. Д. Парыгина были приняты в члены Союза писателей СССР и прикреплены к Курской писательской организации. Через два года в Тулу переехали на постоянное жительство еще трое членов Союза писателей, и в ноябре 1960 года по решению Правления Союза писателей РСФСР в Туле была создана писательская организация. По случаю этого события в город приехали на организационное собрание председатель Правления Союза писателей РСФСР Л. С. Соболев, секретари Правления Союза писателей СССР Г. М. Марков и А. Д. Салынский.

Ныне Тульская писательская организация насчитывает около пятидесяти человек. О каждом из них можно рассказать очень много интересного, и каждый внес в развитие русской литературы весомый вклад. В Туле развились и окрепли таланты поэта Владимира Лазарева — на его стихи была создана популярная песня «Березы», прозаика Игоря Минутко — автора повести «Мне восемнадцать лет», ставшей прообразом известного фильма «Стиляги». Украшением Тульской писательской организации стал старейший писатель Тульского края Валентин Федорович Булгаков — автор известных книг «Л. Н. Толстой в последний год его жизни», «О Толстом», «Встречи с художниками», «Лев Толстой, его друзья и близкие», многих статей о писателе, очерков, пьес. Тульская писательская организация гордится и именем члена Союза писателей СССР, внука знаменитого художника — Поленова Федора Дмитриевича.

Писатель, общественный деятель Ф. Д. Поленов родился в Москве, но свою жизнь связал с тульским краем, с родиной своего знаменитого деда, известного русского художника Василия Дмитриевича Поленова. Он посвятил себя музейному делу. Вначале был директором, а впоследствии — главным хранителем государственного музея-заповедника В. Д. Поленова. В 1990 году Ф. Д. Поленов был избран депутатом Верховного Совета РСФСР, где работал в должности председателя комиссии по культуре Президиума Верховного Совета РСФСР.

Другой известный тульский прозаик — И. Ф. Панькин работал юнгой, в цирке, служил матросом. Награжден орденами Отечественной войны первой степени, Красной звезды, боевыми медалями. Но главной его страстью было — писать. Однако широко известен он стал позже, когда вышла его книга под названием «Легенды о мастере Тычке», в которой Тычка — это своеобразный прообраз тульского Левши. Он был награжден званием «Почетный гражданин города-героя Тулы», его «Легенды о матерях» включены в список рекомендуемой литературы для внеклассного чтения, а после смерти писателя на доме в Туле где он жил, появилась мемориальная доска. Особо следует отметить, что 1 декабря 2021 года отмечается 100 лет со дня рождения этого известного тульского писателя.

Патриархом тульской словесности можно назвать Сергея Львовича Щеглова — талантливого журналиста и публициста, писателя, литературного критика. Он оставил после себя тысячи газетных статей и публикаций в газетах, альманахах, сборниках, антологиях прозы и поэзии. Несколько талантливых книжечек исследований о творчестве ряда писателей, в том числе и о моем, под названием «Тульский феномен». Память о общественно-политической работе во многих общественных организациях, особенно на посту руководителя Тульского отделения «Мемориал». И, конечно, свои собственные художественные книги, которых насчитывается более десятка наименований.

29 декабря 2019 года ушел из жизни старейший тульский писатель, заслуженный работник культуры РСФСР, Почетный гражданин города Тулы, академик Международной педагогической академии, член Союза писателей России Вячеслав Иванович Боть. Этот уникальный ученый, краевед, писатель был настоящим украшением нашей писательской организации. Директор Тульского областного краеведческого музея, ведущий научный сотрудник Дома-музея В. В. Вересаева, заслуженный работник культуры РСФСР. Главной страстью Вячеслава Ивановича стало увлечение военной историей Тульской области. Этой большой научной

работой он занимался всю жизнь. Но В. И. Боть писал и замечательные лирические стихи, много произведений посвятил Туле, ее героической обороне.

Большой взнос в копилку современной литературы сделали наши известные писатели и поэты Виктор Пахомов, Владимир Куликов, Валерий Ходулин, Эдуард Георгиевский, Алексей Яшин, Валерий Савостьянов, Владимир Родионов, Валерий Виноградов, Евгений Трещев, Геннадий Маркин, Олег Каширин и каждый другой член Союза писателей России, стоящий на учете в Тульском отделении. Много десятилетий в Тульском Союзе писателей бухгалтером и секретарем работала Надежда Васильевна Коропова, которая была настоящим наставником и помощником не одному поколению литераторов, заботливо помогала писателям, одна выполняла огромный объем не только бухгалтерской, но и организаторской работы.

Тульская писательская организация постоянно пополняется за счет литературного актива, новых авторов, которые проходят жесткий, взыскательный отбор. Для этого создан и успешно работает Творческий совет, возглавляемый поэтом, руководителем Новомосковского и Богородицкого литературных объединений Валентином Киреевым. В последние годы были приняты в Союз писателей России талантливые поэты Валерий Виноградов, Алексей Гусаков, Галина Лялина, участник Великой Отечественной войны, Почетный гражданин города-героя Тулы Алексей Иванович Мосин и другие.

При поддержке Министерства культуры Тульской области регулярно выходит сборник прозы и поэзии «Тульское слово», редактором и составителем которого является заместитель председателя отделения Валерий Маслов. В нем публикуют свои произведения до пятидесяти и больше тульских авторов.

В Туле много подвижников литературы — тех, кто не жалея собственных сил и средств, издает или издавал художественно-литературные газеты, журналы и альманахи. Это Алексей Яшин (журнал «Приокские зори»), Сергей Овчинников (альманах «Тула»), Валентин Киреев (сборник «НЛО»), Валерий Маслов (газета «Тула литературная»), Эдуард Георгиевский (альманах «На крыльях «Пегаса»»), Дмитрий Кузнецов (газета «На крыльях души»), Яков Шафран (православный альманах «Ковчег»), Валерий Виноградов и Татьяна Шелепина (сборники Алексинского литобъединения «Алло»), Владимир Пряхин (альманахи «Среда» и «Средоточие»), Сергей Сенин (музыкально-литературный альманах «На лирической волне»), Анатолий Филиппов (историко-литературный альманах «Отчизне посвятим») и другие. Член Союза писателей России Николай Макаров подготовил и издал фундаментальный справочник «Писатели тульского края (2020 год).

Большую работу по организации литературного процесса в Туле проводит поэт, председатель Тульского отделения Союза писателей России Николай Жуков. Он разработал, создал и ведет в Интернете на высоком уровне Сайт тульских писателей. На нем каждый творческий туляк может разместить свои произведения, сообщается о всех новостях литературной жизни.

Немалую организаторскую работу по привлечению к творчеству молодых проводит и член Союза писателей Владимир Сапожников. Он — организатор Тульских областных слетов молодых литераторов. Именно на них писатели выделили молодых и талантливых поэтов Дмитрия Нестеренко и Анастасию Насырову из Новомосковска, прозаика Владиславу Васильеву из Узловой и других. Кстати, Д. Нестеренко намечен к приему в Союз писателей России на ближайшем собрании тульского отделения.

Значительную заботу о тульских писателях проявляют губернатор А. Г. Дюмин и министр культуры Т. В. Рыбкина. Писателям выделено бесплатно хорошее помещение в Туле. Ежегодно издается сборник произведений тульских писателей «Тульское слово», организуются литературные мероприятия на Бежином лугу, на родине В. Жуковского в Мишенском, в Пушкинский день у бюста поэта в Туле. Создан Общественный совет Министерства культуры, который решает вопросы развития творческого процесса. Выделяется транспорт для подвоза писателей к местам мероприятий. Проводятся творческие встречи с чаепитием в Доме дворянского собрания и многое другое. Для поощрения тульских писателей в целях создания социально значимой литературы Правительство Тульской области и Министерство культуры установили ежегодную литературную премию имени Л. Н. Толстого, Тульская областная дума — литературную премию имени поэта Ярослава Смелякова, Тульская городская дума — литературную премию «Истоки».

Так что к своему 60-летию Тульское отделение Союза писателей России подошло с неплохими творческими результатами, достойно продолжает дело своих именитых земляков-писателей.

Конечно, хотелось бы еще большего внимания и заботы к писателям со стороны властей: ведь, как известно, «Поэт в России больше, чем поэт, писатель — больше, чем писатель». Но, как писал еще незабвенный Козьма Прутков, «Нельзя объять необъятное!» Проблем у русской литературы было множество всегда: вспомним Александра Пушкина с вечной нехваткой средств, Антона Чехова, который был вынужден трудиться в литературе, «как раб на галерах», чтобы заботиться о многочисленных членах своей семьи и так далее.

Но тульские писатели, которые отметили свой славный юбилей, живут и создают книги не только для того, чтобы отразить в них современную действительность, создать летопись эпохи, в которую пришлось жить и работать. Но и для того, чтобы воспитывать нравственность и патриотизм, чувство любви к Родине, дать людям надежду и веру в светлое будущее, в то, что живут и работают не напрасно!

Яков ШАФРАН

г. Тула

ДВА НАРОДА

Эссе

*Демократия – это не чтобы не воровать,
а чтобы воровать больше.*

Роман Никандрович Василишин

Как-то задался вопросом — а действительно ли на Земле живет столько народов? И понял, что вопрос-то риторический...

Еще не так давно — чуть более ста сорока лет тому назад (для истории — это все равно что позавчера) была русско-турецкая война за освобождение Болгарии. У всех на слуху сражение на Шипке. Но мало кто знает, чего стоило русским стояние на Шипке в ту зиму. Особенно тяжелое положение было на вершине Святого Николая, там, в двадцатиградусный мороз солдаты не имели не только полушубков, теплой шапки и рукавиц. Но даже теплых рубашек и теплых портянок. Как были они с осени в мокрой одежде и гнилой, разваливавшейся обуви, так и замерзали в них, превратившихся в ледяные, хрупкие, ломающиеся и не спасающие от мороза и от непрекращающегося пронизывающего ветра лоскутья. О теплых землянках и печках и говорить не приходилось. Старшие офицеры дивизии, которая занимала эту вершину, в это время жили в долине в обустроенных помещениях, пили вино и хорошо ели. А еще лучше жили интенданты, имевшие, как говорят некоторые либералы — любители рынка, хорошую моржу на солдатских тулупах, валенках и прочих вещах зимнего солдатского обихода...

А ведь могли бы на освобожденной территории организовать массовый сбор теплой одежды и обуви. Справедливости ради следует сказать, что и делали некоторые офицеры, к сожалению, не из той вымерзающей дивизии, самостоятельно, в индивидуальном порядке организуя силами своих солдат такой сбор в близлежащей местности. Были и болгары-добровольцы, что рискуя своей жизнью, так как турки следили за передвижениями перед своими позициями и стреляли в случае чего, везли и несли продукты и что-то из своего небогатого имущества. Однако это не носило массового организованного характера...

Этому вопросу, в частности, посвящен роман Вениамина Каверина «Два капитана». В котором описывается, как экспедиция капитана Татаринова на шхуне «Святая Мария» погибла в Северных морях России из-за негодного, мягко говоря, обеспечения снаряжением, вещами и продуктами.

В этой связи вспоминаются и годы Первой мировой войны, когда интенданты делали хорошую прибыль, снабжая войска разваливающимися после первого серьезного дождя сапогами, гнилым обмундированием и некачественным питанием, когда у войск сильно не хватало патронов и снарядов... А в это время в столицах рестораны полнились жирующими на солдатской беде теми, кого трудно назвать людьми.

В годы Великой Отечественной войны, когда советские люди воевали и трудились для фронта в тылу, гешефтмахеры всех национальностей и мастей неустанно делали свои деньги на народной беде. Даже в условиях ленинградской блокады они умудрялись наживать состояния и коллекции картин, драгоценных камней, редких книг и пр.

Список можно продолжать и продолжать, вспоминая Чечню и Донбасс, *ad infinitum*...

Вот и олигархи и коррумпированные чиновники (говорим без эвфемизмов) не с Запада пришли, и не инопланетяне их спустили нам из космоса. Они наши, кровные, возвращенные интернационалом воров, хапуг и барыг, род которых теряется в веках. И данное явление носит инклюзивный характер.

Так пришел ответ на вопрос: а действительно ли на Земле живет столько народов? — Их всего-то два: порядочные и непорядочные. Последние делают все, чтобы им было хорошо, не взирая на других, а то и просто наплеватьски относясь к ближним своим, частенько жируя и на костях их. На Земле живет только два народа — народ Авеля и народ Каина. Последний и состоит не только из олигархов и не чистых на руку интендантов и снабженцев всех мастей, а также из убийц, садистов, грабителей и разбойников, т. е. из всех, не имеющих внутри императива, долженствования поступать гуманно, творить добро, заботиться о людях, а не иначе. К сожалению, капитализм всей историей своей доказывает, что он создание каинитское, то есть античеловеческое.

2021 г.

Валентин ОГНЕВ

г. Щекино Тульской области

Огнев Валентин Михайлович родился в 1956 г. в д. Вишиновой Становлянского р-на Липецкой обл. По образованию юрист. Полковник милиции в запасе. Награжден правительственными и ведомственными медалями. Им подготовлены и в СМИ Тульской и Липецкой обл. напечатаны семнадцать публикаций по краеведческой тематике. Был участником IV областной генеалогической выставки «Тульские родословия. История и современность» по теме «Родословная Огневых». Является автором четырех книг. Принимал участие в проекте «Синодики Тульской губернии. Ефремовский уезд», в сборниках «Областные церковно-краеведческие чтения при ТДС». Участник международного конкурса эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов». В двухтомнике воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...», изданном по итогам этого мероприятия в 2015 г. напечатана работа Валентина Михайловича «Увековечим память», и в этом же году издана книга «Край родной. Великая Отечественная война». Печатался в сборнике Становлянского краеведческого музея Липецкой области «Юность комсомольская моя» (2018 г.), в книге «Тульские усадьбы. Времена и нравы» (2019 г.), в литературно-художественном альманахе «Ковчег», в сборнике материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 205-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. В составе рабочей группы как исследователь и автор подготовил справку на соискание почетного звания Тульской обл. «Ефремов — город воинской доблести». Участник III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Липецк, 2021 г.) по теме «Наследие М. Ю. Лермонтова как часть региональной культуры Липецкого края. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Постоянный автор журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег».

ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОРОДА ЕФРЕМОВА К 80-летию освобождения.

Оставив город Ефремов, подразделения Красной Армии заняли оборону в пригороде. Линия фронта расположилась Кольцово, Ярославка, Лобаново, Иноземка, Пушкири, Стрельцы, Северная Звезда, Михайловское. Бои шли с переменным успехом, отдельные населенные пункты переходили из рук в руки. Происходило изменение в составе подразделений 3-й Армии, стоящих в обороне у города. До 29 ноября 1941 года 150-я Тбр, защищавшая линию фронта, Стрельцы — Покровка, была выведена в резерв и включена в состав группы генерал-майора Москаленко. Воинские части 3-й Армии на Ефремовском направлении сдерживали превосходящие в численности и технике немецкие войска и готовились к наступлению.

5 декабря 1941 года началась Московская наступательная операция — одно из главных сражений Великой Отечественной войны, а 7 декабря 1941 года «Елецко-Ливенская». Перед 3-ей Армией была поставлена задача: прочно удерживая рубеж, активными действиями сковать силы противника на своих участках. На 9 декабря 1941 года частям Армии противостояли: 212-й СД — батальон 101-го ПП 18-й ТД и до батальона части неустановленной нумерации, 269-й СД — батальон 101-го ПП 18-й ТД, 137-й СД — батальон 101-го ПП 18-й ТД и до батальона 511-го ПП 293-й ПД, 283-й СД (856 СП находился в распоряжении 6-й Гв. СД) — до 2-х батальонов 511-го ПП 293-й ПД и 5-й отдельный пулеметно-минометный батальон, 6-й Гв. СД с 6-ю ГМП, 856-у СП, 3-й и 4-й батареям 848-го АП — 512-й ПП и часть 510-го ПП 293-й ПД, 52-й КД — подразделения 510-го ПП.

Командование Красной Армии готовило наступление и на Ефремовском направлении. 3-я Армия ранее была усилена 212-й СД и 52-й КД. Утром 10 декабря 1941 года генерал-майором Крейзером подписывается боевой приказ № 8. В документе говорилось произвести перегруппировку частей Армии и 11 декабря начать наступление на немецкие позиции. Согласно указанному приказу 212-я СД занимает позиции 269-й СД и обеспечивает правый фланг армии, 269-я СД занимает участок обороны 137-й СД, которая меняет части 283-й СД на участке Речки, Нов. Красивое. 283-я СД уже с уменьшенного фронта (Нов. Красивое, Покровка) переходит в наступление совместно с 6-й Гв. СД на Ефремов. Таким образом создается более усиленная группировка войск для освобождения города. 6-й Гв. СД дается указание на атаку противника и совместно с 283-ей СД уничтожить противника в Ефремове, а во время атаки левый фланг должна обеспечить 52-я КД. Воздушной Армии было приказано 10 и 11 декабря уничтожать противника в населенных пунктах, намеченных для освобождения, а также не допустить подхода частей противника со стороны Теплого на Ефремов.

Начало операции по освобождению города Ефремов от немецких захватчиков описаны в журнале боевых действий штаба 6-й Гв. СД майором Торченковым: «11.12.41 г. Дивизия получила задачу захватить вместе с частями 283 СД Ефремов. Во исполнении приказа произведена перегруппировка. В 2.30 474 СП с 120 мм минбатареями сосредоточена на рубеже на рубеже Стрельцы, МТС, юго-восточная часть Иноземка с ближайшей задачей овладеть Богово, выс.220,9 и совместно с частями 283 СД овладеть Ефремов. ...

... В 11.00 474 и 401 СП перешли в наступление и к исходу дня овладел северо-западной частью Иноземка, совхоз «Дубики».

Совместно с 6-й Гв. СД город освобождала 283-я СД. Это описано в отчете о боевых действиях стрелковой дивизии: «С рассветом 11 декабря 1941 года дивизия совместно с другими частями по приказу Военного Совета Армии перешла в общее наступление в направлении УРОДОВКА, СКОРОВАРОВКА, ЗАКОПЫ. В течение суток с утра 11 до утра 12-го декабря 1941 года части дивизии вели ожесточенные бои за овладение деревней УРОДОВКА и сев. окраина гор. ЕФРЕМОВ, при чем дер. УРОДОВКА два раза переходила из рук в руки. С рассветом 12-го декабря части дивизии энергичной атакой и фланговыми ударами сломили вражеское сопротивление, захватили УРОДОВКУ и совместно с 6-й ГСД гор. Ефремов.

В районе УРОДОВКА — ЕФРЕМОВ нашими частями уничтожено 7 танков противника, до 10 орудий, более 30 автомашин и тягачей и много другого военного имущества. Было убито и ранено более 1500 фашистских солдат и офицеров». Так кратко описаны события освобождения города Ефремова 283-ей СД.

Как происходили боевые действия по освобождению города можно узнать из оперативных сводок.

В оперативной сводке № 68 к 5.00 12.12.41 г. штаб 3-ей Армии указывает: «283 СД в 11.00 перешла в наступление и к 19.00 ведет бой на рубеже: 858 СП с 1, 2 и 4 батареями 848 АП на зап. окраину Уродовка, до б-на 511 оказывает упорное сопротивление; 652 СП к 19.00 ведет упорный бой за Сушильный и спиртовой завод, что непосредственно северо-восточ. Ефремов, правым флангом достиг железной дороги 700 метров зап. Чернятино, где ведет тяжелый бой с пр-ком, оказывающим упорное сопротивление; ...». В это время полки 6-й Гв. СД вели ожесточенные бои за населенные пункты Дубики и Богово.

К 10 часам 283-я СД, ведя бой на восточной окраине города Ефремова в районе спиртзавода получила приказ атаковать город с севера, а 6-я Гв. СД вела бой в районе больницы Ефремова (оперативная сводка № 0153/ОП к 10.00 12.12.41 г. Штаб ЮЗФ).

В течение 12 и 13 декабря бои за Ефремов продолжались. Ефремовская группировка немецких войск упорно защищалась, производя контратаки на позиции наших войск. Но подразделения 6-й Гв. СД и 283-й СД метр за метром освобождали город. На 17.00 13.12.1941 года 624-й СП 283-й СД вышел на северо-западную окраину Ефремова, а 474-й СП 6-й Гв. СД вышел на западную окраину Ефремов и производил очистку города (оперсводка № 71 Штарм 3). К исходу дня 13 декабря 1941 года город полностью был очищен от немецких захватчиков.

Доблесть, мужество, отвагу проявил личный состав 6-й Гв. СД и 283-й СД, участвовавший в боях за город Ефремов. 20 офицеров и солдат 283-й СД и 14 — 6-й Гв. СД были награждены орденами и медалями за доблесть, мужество, отвагу, проявленные в боях за город Ефремов.

Воспоминания участников боев за г. Ефремов.

В своих воспоминаниях описывает освобождение города участник этих событий бывший командир полковой артиллерийской батареи, позже начальник артиллерии 856-го СП 283-й СД А. Л. Мельников:

«Под утро стрелковые батальоны по льду преодолели Красивую Мечу, скрытно миновали «нейтральную» зону и неожиданно обрушились на оборону противника. Наша батарея огнем прямой наводки поддерживала батальон Пермакова.

Оккупанты сопротивлялись упорно. Пермаков то и дело давал ракетами целеуказания, и мы подавляли пулеметы и противотанковые пушки противника.

Две роты из батальона Пермакова захватили крайние кварталы города, «выкурили» гитлеровцев из домов, превращенных в огневые точки, и начали продвигаться к центру. Справа с боем рвался вперед батальон Гребнева при огневой поддержке 1-го дивизиона 848-го арtpолка.

Противник бросил против наших левофланговых подразделений до батальона пехоты и восемь танков. Артиллеристы открыли по ним разящий огонь.

Наш полк очищал квартал за кварталом северную часть города, отражал контратаки врага в районе элеватора, а 858-й стрелковый к тому времени занял железнодорожный вокзал. С юга ворвался в Ефремов полк из 6-й гвардейской стрелковой дивизии. Противник отступил. 13 декабря в 9.00 над одним из уцелевших зданий взвился красный флаг.

Город был сильно разрушен. Позже мы узнали, что за время трехнедельного разбойничества в городе и районе гитлеровцы сожгли и разрушили сотни жилых домов, 398 общественных построек, уничтожили здания аэроклуба, поликлиники, почты, кинотеатра, ремесленного училища, радиоузла, школы № 3, райкома партии, горсовета, взорвали элеватор, угнали на каторжные работы в Германию свыше 400 жителей города, уничтожили весь скот в районе».

О значимости освобождения города Ефремов говорит в своих воспоминаниях бывший командующий 3-й Армии Крейзер Яков Григорьевич: «13 декабря в районе Ефремова удалось окружить пехотный полк 293-й дивизии захватчиков. В тот же день город нами освобожден. Мы захватили тут полевой госпиталь, с полным оборудованием, вещевой и продовольственный склады. Прорыв фронта в районе Ефремова имел большое значение, так как при его успешном развитии наши наступающие войска выходили на фланг второй танковой армии Гудериана. Только поэтому гитлеровское командование сняло из-под Тулы дивизию танков

и направило ее на юг, в полосу третьей армии, которая продолжала гнать врага на запад. Именно на этом направлении почти полностью разгромлен немецкий 34й корпус, его командир генерал Герман Метц снят и уволен в отставку».

Оккупация города продлилась три недели, но память фашисты о себе оставили чудовищную, это было ужасное время. Кроме злодеяний и зверств фашистов, городу был причинен значительный материальный ущерб. В сведениях об убытках, причиненных району во время оккупации немцами города и сел района указано, что в городе Ефремов «сожжено домов — 80, разбито домов снарядами — 124, сожжено надворных построек — 16, разбито снарядами — 53, убито скота — 14, ... сожжены продукты у — 13 хозяйств, ... сожжено имущество домашнее имущество у — 12 хозяйств ...».

В освобожденном городе с первых дней жители Ефремова энергично взялись за восстановление города. В течение нескольких дней был решен вопрос о работе лечебных учреждений, заработала связь, электростанция, функционировало радио, водопровод, заработали отдельные предприятия. Шло восстановление жилого фонда.

А для командования армии город продолжал иметь стратегическое значение, Ефремов становится прифронтовым городом до апреля 1943 года.

По материалам интернет-ресурсов: Портал «Память Народа» <https://pamyat-naroda.ru/> , ОБД «Мемориал» <https://obd-memorial.ru/html/> , ОБД «Подвиг Народа» <https://podvignaroda.org/> .

(В публикации сохранены орфография и синтаксис исходных материалов — прим. редактора)

Ирина МАЦНЕВА

с. Архангельское Каменского района Тульской области

Руководитель ТО «Каменка» с 1995 г. (темы: краеведение, музыкально-песенное, литературное и художественное творчество), член Русского географического общества. Имеет награды за поддержку творчества земляков. Педагог дополнительного образования. Постоянный автор нашего альманаха.

СУДЬБА

Десять лет, по всевозможным архивам, я искала ДЕДА. И хоть ты тресни! Нет его нигде, словно и не было...

Как же так? Других нахожу, людям помогаю, а моего — ну нету!

Досадно. Очень больно, горько и досадно.

Что поделаешь? — это война. Откладываю свои бумаги и вновь работаю по Братской.

Вновь перелистываю страницы интернета... фамилии... даты... подвиги... без вести пропавшие... судьбы... жизни... лица...

Вот уже готовы новые списки павших бойцов, оборонявших и освобождавших наш район. Сто семьдесят новых фамилий скоро появятся на новых плитах у Вечного огня в Архангельском. А моего деда все нет и нет...

Так и смирилась...

Юбилейный 2020 год! Год, когда впервые в истории День Победы — великий наш праздник — мы все отмечали дома. Год пандемии...

На окнах — портреты родных, ветеранов, тружеников тыла... Всюду флажки и шары... Все готово к празднику! Но людей нигде нет. Изредка проходят по своим делам прохожие, но в целом — ощущение святой какой-то пустоты и вместе с тем — торжественности! Словно замерло все перед праздником, который незаметно идет — День Победы!

Помню, как я в слезах молилась, глядя на иконы.

— Дедушка! Родненький! НАЙДИСЬ!!! Ну найдись же, пожалуйста! Ну неужели тебе так трудно дать о себе весточку с того света... Ну хоть приснись! Хотя бы увидеть тебя, каким ты был? И на кого похож?

5 мая. Дай, думаю, еще раз гляну. А вдруг?

Господи! Да не уж-то и вправду!!! Мой??? Дед??? Нашелся?! ... и даже его портрет... в военной форме!

Наскоро распечатываю сведения и бегу к маме. «Мама! ТВОЙ ОТЕЦ НАШЕЛСЯ!»

Чувств и эмоций женщины, отродясь не видевшей своего отца, передать невозможно. Но мощная поддержка тех лет не позволяет ей расслабиться ни на мгновение! Смотрит на отца... И говорит: «Валя».

Ничего не понимаю. — Какая Валя?

— Я отлично помню свое отражение в зеркале, когда была еще девчонкой,— поясняет мама.— Копия отца.

Так, видимо, назначено судьбой, что именно мой дед стал тем камнем преткновения, который заставил меня перелопатить гору архивных материалов по войне и сделать ОТКРЫТИЯ, которых не было раньше.

Я искала ДЕДА! Который БЫЛ в ЭТИХ событиях ОБОРОНЫ и ОСВОБОЖДЕНИЯ Каменского района, упорнейших боев на Красивой Мече.

Какие-то обрывки фраз я помнила с детства от бабушки Дуси, маминой мамы — жены деда. Но она всегда, вспоминая, плакала, и понять мне было что-то очень трудно, да и по годам — не реально. Мала еще была! Так шли годы... И каждый раз 9 мая бабушка вздыхала, тайком вытирая глаза. Потом бабушки не стало...

А дальше уже судьба сама раскручивала киноленту событий, воспоминаний и их неопровержимых доказательств.

Почему-то так само собой складывалось, но меня по жизни выдвигали в социально активную деятельность, хотя сама я к этому никогда не стремилась. Мне ближе было творчество, предполагавшее созерцание, размышление, уединение. Но выпадали какие-то события, и кто-то обязательно вытаскивал меня вперед — командуй! Так было в школе, когда нужно было готовиться к областной игре «Зарница» в 9 классе, и командиром отряда наш военрук Павел Ефимович Калмыков перед всем строем назначает.. меня! Помню, аж в груди дыханье сперло. Как это меня? Почему меня? Но раз НАДО — хорошо.

— Есть! Товарищ командир!

Потом институт. И вновь я даже и не помышляла о комсомольской работе. Просто училась. Как все. Правда, помню, любила политологию, сама не знаю почему. Просто было интересно, и все само собой запоминалось.

И вот уже серьезная работа. Помощник депутата Тульской областной Думы. И вдруг!

— Вот такой человек нам и нужен! — сказал Олег Александрович Золотарев, предложив возглавить музей поисковиков в поселке Ленинском под Тулой — музей обороны Тулы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Вот это разворот событий!... Но я же по войне вообще ничего не понимаю! Да, есть общие знания, но не специфика!!! И вновь понимаю: НАДО.

— Есть! Товарищ командир.

2009-й год. Совещание командиров поисковых отрядов Тульской области. Съехались серьезные люди — поисковики, годами работающие по местам боев на территории Тульской области. И вдруг вопрос все того же руководителя ТОМПЦ — Тульского областного молодежного центра «ИСКАТЕЛЬ» Олега Золотарева.

— А что у нас по Каменке? Ирина Алексеевна, давай, берись за дело: назначаю тебя командиром поискового отряда. Как назовем?

«Господи ты Боже мой! Вот только командиром поискового отряда мне как раз по жизни и не хватало,— подумалось.— Мне — женщине.

Я задумалась...

Олег, хорошо знавший суть моих краеведческих изысканий и памятуя мой интерес к легенде о Священном войске в наших местах, говорит: «А давай так и назовем — “Священное войско”. По сути — так оно и есть».

— Есть! Товарищ командир.

Вот так с 2009-го года и начала я исследовать историю войны в моем родном районе, в котором, на ту пору, НИКАКИХ БОЕВ НЕ БЫЛО.

Понемногу стала узнавать у старожилов, что да как тут было во время войны. Мало кто что помнит. Много лет прошло... Но бабушка рассказывала о жутких артобстрелах в нашей родной деревне Закопы. И мама отца — вторая бабушка — говорила тоже самое. Полдеревни Закопы было сожжено! И женщины с детьми бежали прятаться в подвалы к родственникам на другой конец деревни, где было потише. А деревня по протяженности — 5 километров вдоль реки Красивой Мечи. Еще запомнилась фраза: «деревня несколько раз переходила из рук в руки». И то, что прямо за нашим домом в Закопах стояла наша батарея. Бабушка с дедом была на фронте два года, потом забеременела, и муж привез ее на машине рожать к ее матери — в Закопы, а сам вернулся на передовую. А потом... письмо из госпиталя... второе письмо из госпиталя... Родилась Валя, а он — пропал. И сколько бабушка его ни искала — без вести пропавший.

У бабушки были письма «треугольнички» с фронта и фотографии. Воевал не только муж, но и два брата. И все, что от них было — бабушка хранила с документами на чердаке, прятала, как самую дорогую ценность. Но дом-то наш в 1941 году полностью разбомбило. Из-за реки по батарее стреляли немцы, наши стреляли в сторону немецких залпов. От дома остались одни развалины. И бабушку с маленькой мамой и старенькой прабабушкой приютила у себя мамина крестная — в рядом стоящем маленьком домике под соломенной крышей. После войны этот домик сторел. Печная труба была старая, искра выскочила, а документы все были «на потолке» — ничего спасти не удалось. Все пропало.

Понимая, что это тупик, я стала изучать военные действия под Тулой. Может хоть что-то удастся найти и про наш Каменский район.

По рассказам жителей села Закопы я все больше узнавала, что лед на реке от крови был красным... Что в Яблонево под фермами в ямах для обжига кирпича была с войны братская могила, из которой позже перезахоронили солдат в Архангельском... Что наш штаб был там, где сейчас карьер... Что сильные бои были на Изроге... Что лощина между Яблонево и Закопами была вся усеяна трупами солдат... Что первые три атаки наших бойцов под яблоневским мостом захлебнулись — они все полегли под прямым огнем немцев с высокого берега реки... Что немецкая комендатура была за рекой... Что был дан первый залп «Катюши» со стороны Болховского леса в Медведках, но он ушел выше. Потом огонь скорректировали, и новый залп точно поразил цель — немецкую комендатуру, после чего началось наше победоносное наступление.

Вновь и вновь я расспрашивала всех, кто мог хоть что-то рассказать о войне. Подняла свой архив газетных статей по краеведению, где были и статьи о войне. Но в основном это были воспоминания ветеранов. Правда, попался ряд статей Валерия Киселева о боях на Красивой Мече, где упоминалась 137-я стрелковая дивизия.

И вновь не понятно. Помню еще со школы и музея Боевой славы, что район освобождала 356-я стрелковая дивизия. При чем тут 137-я сд?

Наш каменский краевед Владимир Николаев находит в интернете главы из книги этого автора «Заплачено кровью», где упоминаются наши населенные пункты: Яблонево, Изрог, Еремinka... Но по литературному источнику события не восстановишь — не понятно.

Поднимается в стране и во всем мире новое патриотическое движение «Бессмертный полк», надо найти человека в районе, ответственного за эту работу. Меня приглашает для разговора зам. главы МО «Каменский район» Татьяна Анатольевна Хань.

— Ирина Алексеевна. Мы тут посоветовались, лучше вас с этой работой не справится никто, вам ведь она знакома.

И вновь подумалось:

— Есть! Товарищ командир.

Начинаю работать по внесению фамилий наших земляков на сайт «Бессмертный полк». Работа в районе поставлена администрацией очень серьезно: по сельским администрациям, по школам и библиотекам начинают собирать портреты земляков и рассказы о них. Работаю в тесном сотрудничестве с районной библиотекой, куда стекаются все сведения. 2015-й Юбилейный год 70-летия Победы был рекордным!

Все тот же Олег Золотарев предлагает мне проработать потери 356-й стрелковой дивизии за период ноябрь — декабрь 1941 года. И я переключаюсь на работу по погибшим 356-й сд. Работаю впервые! Фотографии списков, плохо читаемые. Но это архивные данные! Понимаю, что одной мне это не осилить, подключаю дочь. Так мы проработали эти списки, выбрали СВОИХ погибших по узнаваемым названиям населенных пунктов, которые, после проверки, и появятся на НОВЫХ плитах Братской могилы в Юбилейном 2020 году, и даже почти двести погибших бойцов помогли найти соседям — Чернскому району.

Но понимания, ЧТО происходило на территории Каменки? — так и не было.

Теперь это уже воспоминания...

Близился юбилейный 2015 год. А я все ищу: и боевые действия на территории нашего района, и сведения о моем деде, который воевал в эти дни 1941 года где-то здесь же, на ЭТОЙ земле, где я живу.

Захожу как-то раз в нашу районную библиотеку, в читальный зал. Дай, думаю, посмотрю, может в библиотеке что-то хранится? Смотрю на полку с краеведческой литературой. Это у меня есть... Это я знаю... Это тоже есть... Это тоже знаю... И вдруг взгляд остановился на верхней полке — желтоватый торец книги. — А это что?

Беру книгу с полки... неизвестные страницы боевых действий под Тулой... Понимаю... ПОД ТУЛОЙ! Но может хоть где-то что-то и о нас там промелькнет?

По женской привычке открываю книгу с конца... Что в финале?! Вижу карты... Смотрю, перелистываю, присматриваюсь. И вдруг... КАДНОЕ! Я аж вскрикнула!

На этот звук отозвалась библиотекарь Валентина Свиридова.

— Ты что?

А я перелистываю страницы и молвить не могу от изумления! Показываю пальцем:

— ПОСМОТРИ!!!

Подходит, смотрит.

— Ну и что? Да тут ничего понять невозможно, какие-то военные сводки...

Я тоже еще пока не все понимаю в сокращенных обозначениях, но ВИЖУ названия ЯБЛОНЕВО, АРХАНГЕЛЬСКОЕ, ЗАКОПЫ и т.д.

Прошу книгу на неделю для перефотографирования. Записывают, дают. Ровно через неделю возвращаю. Теперь надо все с фотографий ПЕРЕПЕЧАТАТЬ! Заново! Обычным текстовым редактором. При этом — осознать и расшифровать сокращенные слова. Но я ведь не специалист военной истории! И вновь понимаю НАДО. Рядом нет никого... только мысль...

— Есть! Товарищ командир.

И тут начались ОТКРЫТИЯ! Сразу же родилась и была опубликована в газете «Сельская новь» статья «Немецкие танки на каменных полях», вызвавшая недоумение! Но как же недоумение? Ведь мне ребята

школьники рассказывали, что немецкие танки стояли в поселке Новопетровском. Но сколько танков? А тут выясняется НА ОСНОВАНИИ ДОКУМЕНТОВ — до 70 танков и до 50 машин пехоты!!! Вот это да!...

Начинаю складывать в голове факты и даты... 14,15,16,17,18,19 ноября...

Все эти дни 137-я сд ДЕРЖАЛАСЬ — не пропускала врага на Красивой Мече.

Эмоции зашкаливают. ГЕРОИ!!! Они все здесь ГЕРОИ!!! Звоню Золотареву.

— Олег! Я НАШЛА!!!

Олег Золотарев — уникальный человек счастливого случая. Он мне и говорит: «Слушай! Тут у нас в Туле есть один писатель, Валерий Иванович Ксенофонтов, он сейчас как раз пишет книгу про бои под Тулой. Тебе надо бы к нему! И я еду к В. И. Ксенофонтову.

Валерий Иванович знает наши края не понаслышке. Работал в Ефремове в годы юности довольно долго и активно, принимал непосредственное участие в формировании экспозиции по войне в ефремовском краеведческом музее.

Принял меня серьезно, но радушно. Раз только что с дороги — предложил чаю с нашими отечественными сушками-баранками. Было, конечно же, очень приятно. Справившись с волнением и подкрепившись, я выпалила все, что знала про оборону на Мече. К этому времени уже составила, а дочь сделала в электронном виде, КАРТЫ боевых действий в Каменском районе в ноябре и декабре 1941 года. Валерий Иванович сказал: «Это ПЕРВЫЕ карты по вашему району, ничего пока не известно». И взял их в готовящуюся книгу «Подвиг на тульской земле», которую позже мне и подарил. А затем, в 2016 году, пригласил на конференцию в Тульский музей оружия, где я сделала доклад по обороне на Красивой Мече. И это была СЕНСАЦИЯ.

Так мне была вручена медаль за исследование и открытие героических боев на дальних подступах к Ефремову — НА КРАСИВОЙ МЕЧЕ в КАМЕНСКОМ РАЙОНЕ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ, поддержавших Тулу в неравной борьбе с захватчиками.

До семидесяти танков Гудериана были повернуты нашей 3-й армией в район Ефремова — в противоположную сторону от Тулы, тогда как порядка ста танков рвали оборону города оружейников. И если бы эти 70 танков наша 3-я армия не удержала, вместе с основными силами они прорвали бы оборону Тулы, а за ней — Москва! Но планам немецкого командования не суждено было сбыться. Наши войска ВЫСТОЯЛИ и вскоре перешли в наступление.

Прошло более пяти лет с 2015-го года, когда я впервые нашла и опубликовала сведения о героических боях в Тульской Каменке.

Чай у В. И. Ксенофонтова с нашими простыми русскими баранками оказался для меня пророческим событием: именно в деревне Барановке и был первый бой на Каменской земле.

Подсказывала интуиция: ИЩИ!

И я сделал еще одно открытие — осознание КОТЛА для немцев в районе ПЕРЕПРАВЫ, опровергнув бытовавшее суждение о сдаче райцентра Архангельского немцам без боя, т. к. это был гениальнейший план — заманить оккупантов туда, откуда им выбраться было бы сложно.

Да, ценой невероятных усилий, подлинного героизма 137 сд и 17 артполка, враг был удержан и остановлен, сходу он здесь НЕ ПРОШЕЛ!

Именно за домом моего прадеда в Закопах Неделяева Николая Захаровича и стояла наша батарея 17 артполка.

Потеряв по времени НЕДЕЛЮ своего наступления, Гудериан был вынужден признать свое бессилие перед русской армией. Выстояла Тула! Выстояла Москва! И вскоре началось генеральное контрнаступление по всему фронту — это был ПЕРЕЛОМ в войне с фашистскими оккупантами.

Бойцы... офицеры... фотографии... лица... сводки... приказы... карты... схемы... названия частей... имена командиров... И все — словно родные!..

За всеми этими открытиями было неуловимое что-то, что влекло и вело меня все эти годы поиска 2009—2021. Двенадцать лет! Но теперь не только я разобралась в том, что было в Великую Отечественную войну 1941—1945 годов на территории Каменского района Тульской области, но и многие школьники, а также учителя, которые приглашали на классные часы, где я рассказывала, показывала, доказывала, опровергала.

Именно за домом бабушки Анисимовой (Неделяевой) Евдокии Николаевны в с.Закопы Каменского района Тульской области, на восточном берегу реки Красивая Меча и стояла батарея 17 ап 137 сд — дом ее отца Неделяева Николая Захаровича.

Осенью — зимой 1941 года в результате перекрестного огня дом был полностью уничтожен немецкой артиллерией.

Груда камней от нашего дома сохранилась на этом фото, положение — на карте.

Я искала своего родного ДЕДА Анисимова Ивана Антоновича родом из Белоруссии, как рассказывала бабушка, а нашла и раскрыла ВСЮ ИСТОРИЮ ВОЙНЫ на территории Каменского района Тульской области — моей любимой малой Родины!

Спасибо тебе, дед!

Владимир ГУЛЯЕВ

г. Барнаул, Алтайский край

Владимир Георгиевич Гуляев — поэт, прозаик. Родился в 1957 г. в с. Шелаболиха Алтайского края. До 1972 г. проживал в г. Норильске. После обучения в НВИИ СТФ получил распределение в г. Барнаул. Работал в проектно-институте, главным архитектором р-на, в 1986 г. окончил Алтайский политехнический институт. Автор книг: «Председатель» — 2017 г., «Вовкины истории» — 2019 г., «Сборник рассказов и стихов» — 2019 г., «Солдатская Любань. 1942» — 2020 г. Отдельные рассказы и стихи публиковались в сборниках: «Книжным детям», «Держава 2019», «Сердцевина», «Non/fiction» (г. Волгоград), «Золотое перо Алтая 2018», «Деревенские чудики» (г. Бийск). Повесть «Солдатская Любань. 1942» напечатана в журнале «Север» №5—6 2020 г. (г. Петрозаводск), очерк «Помнить и не забыть, что это наша история» вышел в журнале «На русских просторах» №2 (41) 2020 г. (Санкт-Петербург).

СПАСИБО ТЕБЕ, ВАСИЛИЙ МАКАРОВИЧ!

Не каждому творческому человеку дано соединить в себе сразу несколько профессий: кинорежиссер, актер, сценарист и писатель. Видимо, сама природа вложила в него столько таланта и энергии, чтобы подтвердить название места, где родился Василий Макарович Шукшин, Сростки. (В толковых словарях есть слово, созвучное названию села — Сросток, означающее образование, возникшее в результате срастания двух плодов, алмазных кристаллов, кварца и полевого шпата, орех-сросток и т. п.).

Так и в Василии Макаровиче произошло «срастание» не одного, а сразу нескольких «плодов». Гениальность Шукшина и заключается в том, что сумел он увидеть в обыденном особенное. И не придумывал он истории и сюжеты про где-то там что-то происходящее, а как истинный Гений-художник писал с натуры. Оттого и живет он в сердцах и памяти народной, проживает несколько жизней в героях своих рассказов и повестей, и в своих истинно народных фильмах.

Вот и притягивают к себе Сростки с ее горой Пикет, на вершине которой установлен памятник гениальному сыну России — Шукшину, с грустью и любовью смотрящему на родное село, на сибирские просторы, раскинутые за селом вдаль. Не зарастает тропа к памятнику Василия Макаровича, идут к нему люди не только в день его рождения, приходят ежедневно, чтобы отдать дань уважения настоящему сибиряку, истинному русскому человеку, любившему людей и свою Малую и Большую Родину.

И в этот навязанный нам «пандемийный» 2021 год, 25 июля была уже 45-я годовщина проведения дней Памяти и Уважения к Василию Макаровичу. И мы не смогли не поехать в Сростки.

Сростки.

Над селом светило яркое теплое июльское солнце и ... Музыка не играла. А по улицам и проулкам Сросток из громкоговорителей звучали рассказы Василия Макаровича. Помпезной торжественности не было, но чувствовалась спокойная праздничная атмосфера.

Вначале мы подъехали к межпоселенческой модельной мемориальной библиотеке имени В. М. Шукшина. Здесь в 11-00 часов намечалось проведение заключительного мероприятия «Люди, милые люди, здравствуйте», посвященного Василию Макаровичу. Работник библиотеки познакомила присутствующих с некоторыми малоизвестными фактами из жизни Шукшина и о съемочных днях фильма «Печки-лавочки», дополненные воспоминаниями нескольких очевидцев съемок — жителей села. Присутствующие с интересом заслушали выдержки из ранее неизвестного письма Шукшина матери, написанного им в городе Ленинграде.

Потом своими воспоминаниями поделился руководитель литературного объединения «Земляки» Бийского района Анатолий Дмитриевич Лещев, житель села Сростки, хорошо помнит Василия Макаровича. В тот год, когда шли съемки фильма «Печки-лавочки», он семнадцатилетним парнем был наблюдателем съемки одного из эпизодов фильма, правда эта сцена была вырезана и в фильм не вошла. Но снималась она возле дежурного магазинчика четыре дня вместо одного. Сюжет был связан с подготовкой к проводам главного героя с женой «к югу». По сценарию Шукшина, его герой идет к магазинчику, возле которого несколько коров щиплют траву. Чтобы пройти ему нужно отогнать коров. Но так получалось, что как только нужно было начать съемку, коровы, насытившись, уходили сами. И загнать их обратно на лужайку не было возможности. Так съемка затянулась. А на четвертый день снять сюжет все-таки успели, но коровы стояли на голой земле, так как всю траву они уже выщипали и вытоптали в предыдущие три дня.

Потом еще один старожил села прочитал несколько своих стихов, написанных в память о Василии Макаровиче.

В заключении мероприятия было предоставлено слово и мне. Я прочитал присутствующим свой рассказ «Штрихи к портрету земляков». К моему удовольствию рассказ был принят очень хорошо. На память о нашей встрече я подарил библиотеке села Сростки три свои книги: «Солдатская Любань. 1942», «Сборник стихов и рассказов» и «Неразгаданный секрет арифмометра. Вовкины истории».

В 12 часов в мемориальном музее-заповеднике В. М. Шукшина открылся всероссийский межмузейный проект «Возвращение к себе». Об этом событии написано на сайте Алтайского края. Новая выставка посвящена писателям, творчество которых объединяли темы и идеи, которые были духовно близки. В ее экспозиции объединены рассказы о Василии Шукшине и Викторе Астафьеве, Василии Белове, Федоре Абрамове и Валентине Распутине*.

А в парке музея-заповедника возле памятника писателю проводилось интересное мероприятие — чтение отрывка из сценария фильма В. М. Шукшина «Печки-лавочки», где желающие гости фестиваля могли попробовать свои творческие способности.

В завершении своей поездки к Шукшину мы побывали в доме, в котором провел детские годы В. М. Шукшин. Сравнительно большая территория с сохранившимися хозяйственными постройками, баней по черному и домом. Сразу вспомнились свои детские годы, проведенные в селе Шелаболихе, а потом и летние каникулы в селе Ново-Обинцево. Ощущение того времени присутствовало везде. Возможно, что чисто городским жителям кажется это дремучим прошлым, а у меня вызвало приятные воспоминания того светлого советского времени!

Вот такая короткая поездка состоялась 25 июля 2021 года в гости к Василию Макаровичу Шукшину.

И захотелось еще раз перечитать его гениальные сатирические и драматические рассказы и повести.

А прочитав, посмотреть вдаль и сказать: «Спасибо тебе, Василий Макарович!»

25.07.2021 г.

«Штрихи к портрету» Сибиряков (Экскурс по рассказам В. М. Шукшина)

«Сельские жители» — это «Светлые души».

Потому-то я и «Выбираю деревню на жительство» где даже имея денег в кармане в сумме «Ноль-ноль целых», но чистое и доброе «Внутреннее содержание», можно надеяться на то, что «Земляки», а они ведь совсем не «Чужие» люди, всегда помогут и согреют в «Далеким зимним вечерам», пригласят к себе в гости, не рассматривая тебя в «В профиль и анфас», и скажут тебе просто-запросто:

— У человека завсегда должна быть «Крыша над головой», а иначе как же! Должна быть нормальная надежная крыша нормального дома, а не просто, чтобы переспать абы как «Ночью в бойлерной».

А потом приютившие тебя хозяева заведут за чашкой крепкого душистого травяного чая «Беседы при ясной луне», потому что они — люди, а не «Волки» какие-нибудь! И не «Демагоги» они, хотя «Критики» всего происходящего отменные.

И «Думы» у них завсегда только о родной земле-кормилице, да о Родине, оттого и «Крепкий мужик» у нас на Алтае, закаленный! И «Мнение» на жизнь он имеет свое и рассуждение тоже свое, особенное, а не просто так: «Верую!» — и все тут!

А уж если и держат они у себя дома «Змеиный яд», так это только для лечения суставов да хвори разной.

И если вдруг ни с того ни с сего будет «Дождь на заре», а такое иногда в Сибири бывает, сибиряки тебя на улицу никогда не отпустят, сказав тебе вслед:

— Иди себе далее, «Залетный!» — А оставят они тебя в доме непогоду переждать. А чтобы не скучно было непогоду переждать-то, они тебе зачитают какое-нибудь «Письмо», что написал совсем незнакомый тебе чей-то там «Свояк Сергей Сергеевич». Или поведают историю про то, «Как умирал старик» — некий «Дядя Ермолай»: «Жил человек», понимаешь... Никому вреда не приносил, все старался помочь кому советом, кому подлатать чего по силам своим. Так нет же, нашелся «Хмырь» какой-то, явно «Приезжий!» Нашито до такого бы не додумались! И пошла «Кляуза» по инстанциям гулять. Не пережил Ермолай этого и помер.

А потом, помолчав немного, хозяева со всей своей простотой душевной расскажут давно уже всем известную историю-загадку про то «Как мужик переправлял через реку волка, козу и капусту», и будут смеяться и радоваться при этом, как будто эта история про них и была написана.

А если завернет к ним какой-нибудь районный или краевой «Начальник» «Приезжий»: ну, допустим, новоявленный да молодой «Генерал Малафейкин», так они вначале выслушают его внимательно. Подивятся на речи его длинные да на «Ораторский прием», послушают разные байки про «Космос, нервную систему и шмат сала», да про «Мечты» вселенские, ну и спросят потом этого лектора со всей своей сибирской простотой:

— А вот скажи-ка нам, товарищ дорогой: где она «Правда»-то? Вот ты складно говоришь, что живут где-то хорошо, там, даже здорово живут! А ведь и нам на земле-то своей, в деревне нашей тоже «Охота жить»! Вот ответь-ка нам, мил человек?

И что же получится-то в конечном итоге от этой встречи-беседы, что останется-то на памяти у людей? Да, ничего!

* Источник: https://www.altairregion22.ru/territory/remember/shukshin_year/news/932669.html

Одни только разговоры у сельчан, да воспоминаний о том ораторе на половину дня от силы всего-то. И вздохнут сельчане затем с горечью и досадой:

— Да, «Забуксовал» оратор! Вспотел «Рыжий»! Да и уехал восояси — «Чудик»! А чего, да и зачем приезжал-то? Совсем непонятно!

«Пост скриптум» ко всему вышесказанному: «Сильные идут дальше». А по сему: «Шире шаг, маэстро!» и «Привет Сивому!»
2019 г.

Людмила ПЕНЬКОВА

г. Тула

ПЛАНЕТА СЕМЬЯ

Звонко, громко оповещает новорожденный человек о своем приходе в мир.

Мама, счастливая, первой из семьи узнает о его рождении, нежно целует долгожданного малыша, благословляя на счастливую жизнь! Бережно прижимает его к сердцу, ласково прикасается к нему руками, через которые течет свет ее души.

Мама — ангел хранитель человека в его земной жизни, источник безусловной любви и безграничной преданности, хранительница семейного очага!

Новорожденному еще только предстоит познакомиться со всей своей семьей. Семья с нетерпением ждет встречи с ним, радуясь его появлению. Ждет встречи с ним — родным, близким, самым младшим, чтобы подарить малышу тепло своих родственных сердец, окружить его заботой и лаской, дать почувствовать особую атмосферу защищенности, доброты и любви родной семьи, привязанности к ней.

Сколько семей, столько же сортов семейных традиций, укладов семейной жизни: семейных отношений, семейного образа жизни, быта. Это правильно! Так должно быть!

Главное, чтобы в приоритете каждой устремленной к счастью семьи, были извечные духовно-нравственные ценности, без которых счастливая семейная жизнь, как и жизнь отдельно взятого человека, невозможна! Игнорируя законы Мироздания, обрести успех не получится. Квинтэссенция мудрости — действовать в гармонии с природой, с целым по ее совершенным законам. В нашем 21 веке уже не секрет, что мыслями и следующими за ними действиями, мы создаем строительный материал для своего будущего.

Каждая семья хочет счастья! Человек рождается, как возможность, а далее ему предстоит всему учиться, в том числе и быть счастливым! Искусство семейного счастья постигается семьей настойчиво, целеустремленно, в трудах и поисках, в радости и печали ежедневно и ежечасно, от поколения к поколению.

Бережливое, почтительное отношение к семейным ценностям, традициям, передача их от прадедов внукам, свидетельствуют о крепких семейных узах, приверженности, преемственности поколений! Семейные ценности, являясь наиболее устойчивым во времени нравственным достоянием рода, его фамильной историей, опытом, гордостью, своеобразным оберегом для семьи, умножают ее духовное и материальное благополучие!

В семье, с ее помощью у маленького человека на протяжении первых пяти лет его жизни складывается основное представление о мире, в котором ему предстоит проложить собственную жизненную дорогу. Именно здесь, в семье происходит закладка моральных устоев, духовных ценностей, на которые человек опирается в обществе.

Замечательно, если семья — это планета безусловной любви!

Любовь как созидание — основа счастливой, крепкой семьи! Главное, чтобы каждый в семье знал, чувствовал, что его любят, любят разного, любят без всяких условий!

Такая семья, подобна кусту розы, который одинаково питает и цветы, и шипы, не разделяя их на прекрасную и безобразную составляющие. Излучая любовь, семья не допустит неприятия, отчуждения, разрушения! Где любовь, там — доброта, уважение, доверие, взаимопонимание, взаимовыручка.

Жизнь является ритмом между двумя противоположностями: день — ночь, радость — печаль, вражда — любовь. Созидательная сила любви могуча! Она по кирпичику собирает успехи семьи, цементирует их, создавая прочное, светлое здание семейной, то есть частной, внутренней, домашней жизни. Та семья, которая транслирует во внешний мир свои лучшие человеческие качества: милосердие, сострадание, доброту, любовь, верность, а также благородные задачи и возвышенные идеалы, в силу основного закона Вселенной — закона притяжения, привлекает в свою жизнь интересные счастливые события, удачу, прекрасных людей.

Моя семья — волшебный свет родных сердец.

Моя семья — счастливых дней судьбы творец.

Замечательно, если семья — планета несокрушимой дружбы! Семья, идущая по жизненной дороге

под мушкетерским девизом «Один за всех и все — за одного!» соединена крепкой дружбой, где каждый старается для другого! Знать, что в трудную минуту тебя не оставят наедине со своими проблемами, поймут, подскажут, поддержат, помогут, согреют добрым, исцеляющим словом — иметь надежный причал в своей жизни!

*Моя семья — живой родник в потоке дней!
Мой верный друг и талисман судьбы моей.*

Замечательно, если семья — планета, где говорят и слушают сердцем!

Семейное счастье невозможно без умения каждого члена семьи общаться друг с другом! Говорят и слушают по-разному. Можно говорить языком, и тогда, как правило, человек не заботится о качестве произносимых им слов! Можно говорить душой, в этом случае речь направлена на созидание, она позитивно окрашена, идет из глубин святая святых — человеческой души!

То же о слушании. Когда человека не хотят услышать — его слушают с предубеждением, предвзято. Слушание сердцем дает возможность понять другого человека. Понять и стать полезным для него, стать источником благоденствия.

*Моя семья! Меня здесь слышат и поймут!
Моя семья! В меня здесь верят, любят, ждут!*

Замечательно, если семья — это планета увлеченных, объединенных общностью интересов, устремленных к созиданию и процветанию людей!

Каждая семья самостоятельно расставляет акценты на выборе занятий в свободное от основной профессиональной деятельности время.

Счастливы дети, которые находят в своих родителях поддержку в устремлении к своей мечте, развитию и реализации природных задатков, способностей и талантов.

Занятия спортом, декоративно-прикладным творчеством, музыкой, приобщение к культурно-историческому наследию родного края, участие в семейных праздниках — некоторые из направлений интересного и полезного времяпрепровождения, способствующего укреплению семьи, продвижению ее по пути совершенствования, здоровья и благополучия.

*Моя семья — мое движение вперед.
Моя семья к успехам жизненным полет!*

Замечательно, если семья — это планета радужного сияния!

Радуга — символ торжества добра, радости, праздника жизни! Все ее семь цветов, дополняя друг друга, загораются божественным радужным сиянием, символизирующим любовь и гармонию! Каждый цвет радуги — сокровище, все вместе они клад!

Испокон веков появление радуги на небосклоне воспринимается людьми, как добрый знак на удачу. Семью, где живет счастье можно сравнить с радугой.

Здоровая, наполненная энергией любви к окружающему миру, друзьям, к Отечеству и соотечественникам, семья символизирует красный цвет радуги, который входит в палитру зари и ее созидательного начала.

Соответствуя предназначению оранжевого цвета, семья воспринимается, как символ солнца, а значит самой жизни! Это цвет энергетической силы, молодости и активности.

Подобно желтому цвету — цвету яркого света, светлых энергий, золотого сияния мечты, семья дарит радость, окутывает теплом, обеспечивает приток бодрости и устремление к цели.

Семья, стремящаяся к творчеству, ассоциируется с зеленым цветом, который несет равновесие человеческому организму, гармонию с окружающим миром.

Соответствуя голубому цвету — цвету неба, семья излучает мир, умиротворенность, гармонию в словах и поступках.

Семья, стремящаяся к знаниям, к гармонии, полноте жизни, проявляет качества синего цвета радуги, являющегося носителем глубины мира, неба! Синий — цвет удачи!

Фиолетовый цвет образован слиянием красного и синего. Семья, отличающаяся воспитанностью, утонченностью, духовностью символизирует фиолетовый цвет радуги!

Пусть каждая семья на небосклоне своей жизни сияет прекрасной радугой, свет которой украшает и делает еще ярче мир вокруг нас!

Татьяна РОГОЖИНА

г. Тула

Окончила экономический институт. Работала инженером, экономистом. Книги автора можно купить в интернет-магазине издательства «Союз писателей, искусствоведов и критиков “Титул”», а также «Литрес», «Амазон», «Озон» и других. Наш постоянный автор.

ОСТАВАЙТЕСЬ ДОМА

Заразки* **

26. У нас опять случилась драка. Вилька, вспомнив свое беспризорно-гопническое детство, напал на старичка Тигра, тот, теряя шерсть, привычно взвыл как сто котов из мясорубки, а Триша увесистым кабачком понеслась из одной комнаты в другую — наводить порядок. По пути кошка успела хорошенько цапнуть меня за ногу, даже не заметив, что я тоже хочу мира, которого легко бы добилась, брызнув водой на драчунов, если успела бы первой. Ей же некогда разбираться, кто прав, кто виноват, главное, выполнить свою миротворческую миссию.

Двумя ударами лапой Триша загнала нарушителя спокойствия под тумбочку, откуда он еще несколько минут сиял восторженно глазами, его затея явно удалась. Тигр, как пострадавшая морда, предпочел спрятаваться под покрывалом в надежде, что там его точно никто не найдет. Кошка, гордо осмотрев поле боя, пошла успокаивать нервы игрой в дочки-матери. Ухватив за шкурку желтого мехового цыпленка, она минут пять таскала его по всей квартире с протяжно-жутким утробным мявом. Незнакомые с такой игрой люди пугаются и думают, что кошечке очень плохо, может быть, даже совсем плохо, а знакомые знают — это Триша колыбельную песню поет. Укачав цыпленка, она кидает его мне под ноги и заглядывает в глаза: «Я все правильно сделала? Я — хорошая?»

Вздыхаю: «Конечно, хорошая», и одной рукой глажу нашу главную миротворицу по шелковистой спинке, а другой — леплю пластырь сразу на четыре симметричные ранки от зубов, вокруг которых вот-вот проявится синяк. Быть может, он даже будет прекрасным по форме и необычным по цветовой гамме, но пластырь теперь я не скоро надену.

Утешает только то, что в остальных случаях, когда не надо кого-нибудь разнимать или нянчиться, Триша вполне себе тихая ласковая кошка, беззвучная и некусачая.

27. Все, допутешествовались. Никаких объектов, доступных в пределах одного дня, практически не осталось. Кое-что уже по второму, а то и по третьему разу посмотрели. Следующим летом, видимо, будем просто по деревням ездить, чтоб хоть что-то новое увидеть.

28. А вот и нет, оказывается, имеются еще места нами непознанные.

На этой неделе случился Боровск.

Сначала, правда, заглянули в Малоярославец — все равно по пути, ну и любопытно было, что же за река здесь такая, Лужей называется.

Впрочем, чего удивляться — и область тут Калужская.

Забрались на высокий холм, с него в какую сторону не посмотри — все глазу приятно. Сама Лужа оказалась маленькой и неширокой, но весьма живописно-извилистой, словно кто нарочно запутал ее среди трав высоких и кустов пышных. Зато по весне она, силу свою природную испытывая, может совсем берега терять, тогда не только луга под воду уходят, но и мосты с дорогами.

Сейчас Лужа тихая, заманчивая. Спуститься бы, чтоб все подробности речные разглядеть, но нет — дальше ехать надо.

Полчаса и мы уже в Боровске и с первых минут очарованы его провинциальной красотой и необычностью. Здесь все соразмерно человеку: город не давит высотой, не зажимает в тисках имперского величия, не торопит, не подталкивает, а напротив, предлагает жить чуть медленней, стать своим. Гулять по старинным улочкам, что привольно проложили себе путь по холмам от главной площади на все четыре стороны, одно удовольствие.

Рассматривая чудом сохранившиеся старинные храмы, заводы, купеческие особняки и просто так себе домишки, мы путешествовали из одного мира в другой, из нашего — в параллельный, и обратно.

Город реальный и город нарисованный постигали через фрески, находя их в самых неожиданных местах — на обшарпанных стенах, забитых фанеркой окнах, на заборах, что укрывают огород от любопытных взглядов, и даже под крышами. Наивные, философские, смешные, исторические, они были прекрасны в своей кажущейся простоте. Фрески, точнее роспись по всему, что для этого дела подходит, создал Владимир

* Заразки — в данном случае это короткие тексты, написанные во время карантина за один раз, то есть сразу и быстро.

** Продолжение. Начало в № 11.2021

Овчинников, личность неоднозначная, часто неудобная для властей, а четверостишия к рисункам принадлежат его жене, Эльвире Частиковой.

Неугомонная, дерзкая кисть и поэтическое слово. Они друг друга вдохновляют.

Вот если б можно было растащить все эти картинки с надписями, словно книгу на цитаты, чтобы возвращаться к ним, когда захочется, за летним теплом, улыбкой, ловким и точным словечком, мудрой мыслью...

В принципе, можно. Даже легко. Только в виртуальном виде. Завожу на рабочем столе папку с названием «Фрески» и отправляю туда первую и, наверное, самую большую «цитату» — глобус Боровска. На огромной круглой карте нарисованы все важные места, которые стоит посетить, портреты выдающихся персонажей, что имели отношение к городу, стихи, забавный перечень обозначений, и над всем этим летает бабочка, а сбоку мчитесь Русь-тройка. Следом добавляю понравившиеся стихи:

*Среди простецких трав — вдруг анемоны! —
Как лебеди примерно пред гусями.
Под запахи и птичьи перезвоны
Мы рядом с ними утончались сами.*

Копирую туда же фото девочки с баранками и авоськой в руках, что, балансируя, идет по узкой ненадежной трубе (девочка нарисованная, труба настоящая). Этой картины уже нет.

Старая штукатурка недолговечна, нестойк покосившийся забор, и всегда находится тот, кто черной краской замажет непонравившийся ему рисунок.

29. Пословицу вспомнила: «Что ни город, то свой норов».

30. Не дает покоя вопрос: как найти баланс между «надо» и «хочу». С первым понятно — надо делать то, что должна, а с «хочу» сложнее, то ли это каприз, то ли — мечта, то ли — амбиции какие. Пока размышляла, где между ними середина, незаметно пригрезилась куклы. Но не те, что продаются для детей, а те, что можно сделать своими руками, авторские.

А что если попробовать самой?

Однако разумная внутренняя вредина воспротивилась, насыпав кучу аргументов против: и занятие это затратное, что по времени, что в рублях, и ко всему прочему надо уметь рисовать, и не только. Неохотно соглашаюсь — да, да. И зрение уже не то, и вообще, мне есть чем заниматься, одних котов шерстяных три штуки, эссе лежит недописанное, дела домашние тоже никуда не делись. А вот хочется. Очень хочется. «Ладно,— иду я на хитрость,— мне ведь все равно надо (!) переделать фарфоровую замарашку, купленную на блошином рынке. А то что ж она так и будет в неприглядном виде валяться».

Переделала.

Коты не пострадали — накормлены, причесаны. Бюджету семейному тоже урона пока не случилось. Эссе потихоньку пишется. Голова идеями полнится. И вот уже первая кукла во всех подробностях в мыслях моих поселилась.

Внутренняя вредина почему-то молчит, лишь мстительно хихикает, когда я в нервах порчу очередную заготовку и жалею, что я вообще за это непростое дело взялась.

Тем не менее все закончилось хорошо. У меня получилось!

Правда, чтобы сделать первую куклу, мне пришлось обзавестись всякими красками-кисточками, пастельными мелками, карандашами, специальными иглами, тканями, кружевом и прочей необходимой мелочью в кукольном ремесле, а также освоить валяние шерстью, изучить азы росписи кукольного лица и другие премудрости. Забыть об удовольствиях интернета. И даже заказать новые очки, а то в старых что-то плохо видно.

А про баланс между «надо» и «хочу» я и думать забыла.

31. Второй карантинный сезон уже какой-то невеселый получился. Если в первом народ от растерянности в шутки да творчество разнообразное ринулся, то сейчас как-то грустно все, мрачно и уныло. Ковид подобрался совсем близко, зацепив родных людей. Среди знакомых есть ушедшие в мир иной. И впереди — третья волна, а в мыслях безнадежность.

Но вчера я слышала, как смеялась на улице, разговаривая с кем-то по телефону, незнакомая мне дама. Да. Смеялась. Громко. Без маски. Хохотала так заразительно, что люди оглядывались и осторожно улыбались, теряя угрюмость прямо на глазах.

Один прохожий даже остановился и сказал в никуда: «Вот бы на курсы записаться, чтоб научиться так талантливо гоготать», а я услышала и подумала, что, наверное, талант смеха дается не каждому. Кто-то даже улыбаться не умеет. Хорошо, что мне хоть какой-то смех достался, пусть тихий, незаметный.

Главное, не забывать им чаще пользоваться.

32. Навязалось откуда-то слово «пассионарии», со мной такое бывает. Теперь пока не обдумываю его со всех сторон, не отцепится. Раньше я как-то особо им не интересовалась, знала только, что так называют энергоизбыточных активных людей, чья деятельность чаще всего направлена на изменение окружающего мира и подчинена определенной идее, не всегда, правда, полезной для общества и порой вопреки здравому смыслу.

Из любопытства заглянула в интернет, а он безжалостно отправил меня напрямик в книгу «Этногенез и биосфера Земли» Льва Гумилева, который, собственно говоря, и ввел в научный оборот данный термин. Если перевести название на более доступный язык, то выглядит не так страшно: «Происхождение народов и совокупность всего живого на Земле».

Деваться некуда, начала читать, рискуя слабый разум повредить, причем не по порядку, а с тех глав, где пассионарность-заноза упоминается. Увлелась. Жаль только, что у меня этой книги в бумажном виде нет — было бы гораздо удобнее, потому что приходится без конца возвращаться к предыдущим страницам и в новые заглядывать. Не все, конечно, понятно с первого раза, но хотя бы суть улавливаю и утешаю себя тем, что, если вдруг пересказать надумаю да не получится, я всегда могу на возраст сослаться (должна же быть от него хоть какая-нибудь польза).

И, кстати, опять о Боровске. Вот где в пассионариях недостатка не было и нет.

К примеру, Циолковский. В город он приехал учить местных детей арифметике и геометрии. Боровчане считали его чудачком. Погруженный в свои размышления, глуховатый, рассеянный, малообщительный, что-то напевающий во время прогулок, он был удобным объектом для насмешек. Ну как не смеяться, когда взрослый гражданин, учитель, смастерив воздушного змея, привязал к нему спичечный коробок с сидящим в нем тараканом, чтобы потом, после полета, наблюдать за его самочувствием. Несерьезно.

А сейчас Константину Циолковскому, основоположнику теоретической космонавтики и человеку, который начал мечтать о воздухоплавании тогда, когда другие считали это бредом, стоит памятник. Очень удачный, на мой взгляд. Смешной дядечка в валенках, шляпе и круглых очках сидит, запрокинув голову к небу.

За его спиной взлетающая ракета.

33. Привычка думать мешает быстрому чтению и письму. И как с этим бороться? Ответа пока нет.

34. Инерция зимней усталости входит в противоречие с пробуждающейся природой, поэтому в апреле я ужасно капризна. Как, впрочем, и погода, которая легко меняет свои обличья, собрав в одном месяце все сезоны.

Ледяная каша, ручьи, лужи. А потом вдруг — солнце. Но неуютное. Слепит глаза и раздражает своим величием. Оно никак не совпадает с тем, что осталось на земле, когда растаял снег. И со мной не совпадает, я против вот так сразу из куртки выпрыгивать в летнее платье, хотя бы потому, что зеленый пушок на газонах едва проклюнулся, а почки, выпустив наружу любопытные изумрудно-малахитовые носы, хоть и готовы к решительным действиям, но еще выжидают. И правильно. Потому что через несколько дней снова минус-ноль. Правда, вместо метели — пыльные бури, которые, даже страшно подумать, из чего сделаны. Дышать невозможно. Ждешь спасительного дождя, а его что-то все нет и нет. Зато, когда его включают, становится хорошо и даже не хочется в капризы впадать. Да, дождь я люблю. Даже если он за ночь оборачивается таким густым снегом, что ломаются деревья и падают столбы.

35. Звонко-ритмичное слово — кентуки.

Так называется роман, который я не читала и, может быть, даже не буду — мистическая фантастика не мой любимый жанр. Хотя анонс зацепил. Имя автора, Саманта Швоблин, совершенно незнакомо, видимо, по той же причине.

Кентуки — электронный механический питомец, милый девайс, отдаленно напоминающий какое-нибудь животное. У игрушки есть хозяин, тот, кто ее приобрел. Но есть и другой, купивший себе возможность подключиться к случайно выбранному кентуки, чтобы управлять им и смотреть на мир его глазами.

Как я поняла, это книга о тотальном одиночестве человека в современном мире. И каждый решает эту проблему по-своему. Кому-то нужна хотя бы видимость постороннего участия в их жизни, кто-то с удовольствием изучает других. Кентуки — всего лишь посредник. Есть и третья сторона — читатель, он тоже наблюдает. За всеми сразу.

36. Испорченная репутация всегда о себе даст знать. И подправить ее весьма и весьма сложно, даже в кошачьем мире.

Вилька, сидя на проигрывателе, умывается после завтрака, поглядывая при этом, чем бы еще себя занять. На окне на солнышке спит Тигр, крепко спит, и снится ему, видимо, кошачий кошмар: рычит, усы расправил, лапами дрыгает. Вилька решил старшего товарища успокоить, перебрался к нему на подоконник и давай ему уши-голову вылизывать, жалеть. Кошмар из Тигра сразу куда-то делся, одна приятность осталась, даже глаза открывать не хочется. Но когда один все-таки приоткрыл, тут же ужаснулся увиденному и превентивно врезал Вилли, который добрых намерений еще не утратил, по морде и побежал прятаться. А все потому что реноме у молодого кота уже изрядно подмочено. Слишком он непредсказуемо кусач и драчлив.

Елена ГАДЕНОВА

г. Тула

Поэт, художник, член СРП. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ВЕЧНАЯ МУЗЫКА ДУШИ

*Музыка — это откровение более высокое,
чем мудрость и философия.
Людвиг ван Бетховен*

Прекраснее музыки может быть только музыка. Разнообразная во множестве проявлений звуков и мелодий, высшая по своей духовной сути и всеобъемлющая по восприятию красоты человеческим сердцем.

Я люблю музыку. В ней нахожу вдохновение, исцеление, энергию света и радости, утешение и благодарность к жизни, которая вся наполнена музыкой — великой музыкой красоты, добра и любви.

Ольгу Ивановну Филатову знаю давно. Ее яркие и живые выступления запоминаются каждому, кто бывает на профессиональных мероприятиях творческой интеллигенции города и области, в библиотеках, музеях, школах.

Помню, как в 2006 году ей аплодировали зрители в Доме Учителя (Менделеевская, 2), когда она вдохновенно исполняла музыкальные произведения известных композиторов. Публика восторженно, затаив дыхание, слушала, и зал наполнялся тишиной, в которой господствовали музыка и пианистка. А затем дарили Ольге Ивановне цветы и не хотели расходиться.

Таких встреч было немыслимое количество, когда в исполнении Ольги Филатовой звучали (и продолжают звучать сегодня!) произведения И. С. Баха, В. А. Моцарта, Л. в. Бетховена, Ф. Шопена, З. Фибиha, А. С. Даргомыжского и многих других непревзойденных композиторов-классиков.

В 2014 году научный сотрудник библиотеки-филиала № 20 Тулы им. А. С. Пушкина Лариса Николаевна Чванова пригласила меня на творческую встречу с Ольгой Филатовой, посвященную 170-летию со дня рождения В. Д. Поленова (20.05/01.06.1844—18.07.1927). В оригинальной форме концерта-беседы была представлена очень интересная программа «Музыкальный портрет художника Василия Дмитриевича Поленова», сопровождавшаяся компьютерной визуализацией, подготовленной научным сотрудником Александром Петровичем Ярлыковым. На меня эта встреча произвела большое впечатление: Ольга Ивановна много играла, и, самое главное, — музыку самого художника, ведь В. Д. Поленов оставил в наследие грядущим потомкам и свои композиторские труды: оперу и ораторию, музыку к драматическим спектаклям и домашним постановкам, хоры и камерные ансамбли, романсы и фортепианную «Прощальную Песнь».

Я была счастлива, что 2014-й год, объявленный Годом культуры, был ознаменован таким уникальным и познавательным событием. На радостной жизненной параллели родились такие стихи.

Музыка над Окой

(исполнение фортепианной пьесы художника В. Д. Поленова «Прощальная Песнь» Ольгой Филатовой)

*Над Окою — музыки звучание
Меня наполнило сполна.
В нотах — с весною прощание,
И лета уходящего пора.*

*Восхищение красотой природы,
До горизонта — нитью Оки,
Ветром, что водит хороводы
На поверхности русской реки,*

*В усадьбе художника Поленова
Запечатлен на картинах миг:
Пространство воздуха свежего,
Чтобы каждый сердцем постиг*

*Звездной вечностью, просторами...
И пусть замирает душа,
Опьяненная музой свободы,
Жизнью и родиной дорожа!*

Филатова Ольга Ивановна родилась в исторической столице Латвии — городе Елгава. Первая публикация состоялась в детском возрасте в периодической печати. Это было музыкальное произведение собственного сочинения.

Ее отец — Филатов Иван Иванович (1923—1989) — ветеран Великой Отечественной войны, инвалид I группы, награжден боевыми и юбилейными орденами и медалями. Мама — Филатова Тамара Ивановна (1927—2011) — ветеран Трудового фронта, также удостоена правительственных наград.

Удивления достойно, что родители были природно и разносторонне музыкальны. Первым учителем Оли была мама, богато художественно одаренная натура, благодаря ей родился и домашний кукольный театр. Отец с детства по слуху играл на всех народных инструментах, а после встречи с Тamarой освоил и классические (скрипку, фортепиано), стал сочинять (зачастую они музицировали совместно), изучил музы-

кальную грамоту, гармонию и т.д. В середине прошлого столетия он создал и возглавлял в Ярославской области Рыбинскую группу композиторов и поэтов-песенников, работавшую при Верхне-Волжском отделении Союза композиторов РСФСР.

Сегодня практическую заинтересованность в переиздании творческого наследия И. И. Филатова проявило РОО «Объединение тульских композиторов». Первым оживителем этой вокально-фортепианной музыки в XXI веке стала Елена Викторовна Бакатуева — солистка Тульского государственного хора Тульской областной филармонии им. И. А. Михайловского, лауреат Международных конкурсов.

Ольга Ивановна Филатова — педагогическая внучка С. В. Рахманинова (фортепианное отделение музыкальной школы закончила у его ученицы — выпускницы Московской консерватории и Института благородных девиц Марии Луарсабовны Челищевой).

После окончания с отличием фортепианного отделения музыкального училища, закончила фортепианный факультет Государственного музыкально-педагогического института (ныне — Российская академия музыки) им. Гнесиных по классу профессора, заслуженной артистки России Марии Гринберг.

По распределению Министерства культуры СССР О. И. Филатова была направлена в Управление культуры Тульского облисполкома — для организации, впервые вводимой в России, методической службы по музыкально-художественным учебным заведениям региона, развернув и утверждая плодотворную систему их профессиональной активизации, всемерной поддержки музыкально-педагогического сообщества.

Ольга Ивановна Филатова — известный человек в Туле, пианистка и педагог, лауреат всероссийских (в номинациях «Методическая работа» и «Концертмейстерство») и международных конкурсов и фестивалей исполнительского мастерства (в номинации «Сольное фортепиано»), преподаватель мировой художественной культуры, практически три десятилетия служила в высшей школе, в том числе — в должности доцента, с общим и педагогическим стажем более сорока лет.

Она — член Союза краеведов России (избрана первой на Тульской земле), академик Международной академии детско-юношеского туризма и краеведения им. А. А. Остапца-Свешникова. Ее пилотная лауреатская работа (М., 1995) — «Музыкальное краеведение: Концепция. Программа. Хрестоматия» — на Всероссийском конкурсе методических материалов Министерства образования РФ.

К настоящему времени она — автор свыше сотни научных трудов поисково-исследовательского плана в русле исторического и современного краеведения, творчески раскрывающих искусствоведческую проблематику. В качестве научного руководителя подготовила около сотни студенческих статей в сборниках профильных международных конференций.

Являясь неоднократным обладателем Дипломов «Лучший концертмейстер», О. И. Филатова постоянно выступает со своими студентами. Поэзия А. С. Пушкина и музыка В. А. Моцарта прозвучали и на юбилейной XXV-й «Российской студенческой весне».

Ольга Ивановна — общественный деятель, активно участвует в жизни города, пишет стихи и музыку, занимается с детьми, помогает молодым и старшему поколению. Она постоянный конкурсный участник Internet-проектов («Анна Каренина. Живая жизнь», «Тула читает Толстого» и др.) и неоднократный победитель конкурсов художественного слова (ежегодного епархиального «В начале было Слово»). Она читает и редко звучащую классику, и свои стихи, и достойных новых поэтов.

Ольга Филатова особенно чтит Великих Советских Солдат Победы, на каждой своей встрече напоминая современникам о трагедии Великой Отечественной войны, о Величии и Вечной Памяти Великой Победы. Она — финалист и дважды лауреат всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы».

Мелодии в исполнении Ольги Ивановны всегда звучат особенно, вдохновляя всех присутствующих душевным теплом, которого очень много в ее сердце. Я непременно спешу в Мемориальный музей Н. И. Белобородова, когда узнаю, что на старинном органном инструменте — фисгармонии будет играть Ольга Филатова. И будет звучать И. С. Бах — великий композитор, являющий в своей музыке космическую мощь и силу Божественного Разума.

В качестве сольного исполнителя, она отдает предпочтение музыкальной классике. Но в то же время уделяет пристальное внимание изучению и пропаганде лучших образцов современного творческого процесса. Особая часть ее исполнительского репертуара — шедевры музыкального краеведения, что напрямую взаимосвязано с научно-исследовательской и поисковой архивной работой. Ибо музыка живет тогда, когда она звучит — и чем чаще, тем лучше.

Так было и на Абрамовских чтениях. Она способствует оживлению музыки Бориса Николаевича Абрамова (1897—1972), прошедшего свои последние годы в Вене, — из его сборника романсов для голоса в сопровождении фортепиано «Путь Горный» (первый исполнитель — певица Елена Бакатуева). Восстановленные (реконструированные) и изданные в Новосибирске в 2009 году, они только сейчас пролагают в Туле путь к современному слушателю. Таков представленный ею доклад «Многолиственный лотос Бориса Абрамова: этический смысл живой музыки» и другие работы. Таковы наши выступления на чтениях: с видеопозицией по живописным работам Б. Н. Абрамова с моими поэтическими страницами «Еще один Путь» (из цикла «Поэзия Эланы») и музыкальным сопровождением О. И. Филатовой; с моей авторской литературно-музыкально-художественной программой «По волнам Золотого Света», также в ее сопровождении.

Так с Ольгой Филатовой встретила и моя творческая планида.

В 2015 году я была приглашена стать участницей творческого вечера с Ольгой Филатовой в Централь-

ной городской библиотеке им. Л. Н. Толстого «Но и любовь — мелодия...». Объявленная программа была очень насыщенной.

В первой части звучали фрагменты концертов-бесед О. И. Филатовой: «Мне дорог Бах...», «Музыкальная биография Л. Н. Толстого», «Легенды о любви в музыке», «Война глазами женщины», «Музыка художника В. Д. Поленова», «Розы Тургенева», «Спасибо, Музыка!» и иных.

Во второй части выступали коллеги по творческому цеху: актер и режиссер Г. В. Каспин, певица Г. И. Шейбухова, врач и литератор Г. С. Подымов, замдиректора российской христианской гимназии по связям с общественностью А. А. Гришуткин, мастер и поэт А. М. Евланов и др. Мною (по просьбе Ольги Ивановны) были представлены новые плоды моей авторской творческой деятельности: не только прочитаны стихи о Космосе, но и развернута передвижная выставка акварельно-графических работ «В музыке Космоса — тайны миров»...

С 2017 года проведен ряд совместных литературно-музыкальных встреч.

Это и поездки в Богородицкий дворец-музей с «Медовыми радугами августа», программой «Осенних грез прощальный звездопад», с новационными проектами: «А. Т. Болотов — эпоха человека и человек-эпоха», «Торжество природы знаменует...» (серия литературно-музыкально-художественных композиций «Созвездие лиры» — «Созвездие Весенней Лир», «Созвездие Летней Лир», «Созвездие Осенней Лир», «Созвездие Зимней Лир»...), которые успешно востребуются и на иных артистических площадках.

Так, в музейной экспозиции Богородицкого дворца-музея — на городской железнодорожной станции Жданка, возрождая традиции вокаль-концертов — в роскошном историческом вестибюле зала ожидания с фортепиано, программой «Август — счастливый месяц» открыт авторский проект дневных встреч Елены Гаденовой и Ольги Филатовой «Счастливый месяц — классика вечности» как годовой ежемесячный художественный цикл литературно-музыкальных композиций.

В мемориальном музее Н. И. Белобородова — уже традиционно в формате гостиной — идет наш авторский цикл «Энеада Эвтерпы»: «Ноктюрны Эвтерпы в музее», «Прелюдии Эвтерпы в музее»... Мелодика и поэтика слова и звука радуют гостей и друзей музея, вновь и вновь питая, поддерживая и возрождая любовь к культуре и искусству. Регулярны доклады Ольги Филатовой (включая пленарный) на Белобородовских музыкально-краеведческих чтениях.

Ольга Ивановна — неутомимый труженик Света, она постоянно работает над новыми творческими идеями, которые, в сопровождении музыкальных произведений, реализует в жизни. Композитор по своей природе, на мои стихи она написала серьезные произведения: музыкальные загадки; цикл «Торжество природы знаменует» (элегия «Весна — особая пора» и др.); цикл «Энеада Эвтерпы» (пассакалия «Душа» / «Не спрашивай, откуда я иду...», / эклога «Дорога» / «Нескончаема та дорога...», / молитва «Путь» / «Пройден будет еще один путь...», / ноктюрн «Ночь» / «В ночи нет тьмы...» / — вокал-скрипка-фортепиано, и др.).

Наши произведения прозвучали и под сводами Дома тульского дворянского собрания — на день Пушкинского лица, 19 октября 2020 года, на моем творческом вечере «Музыка Поэзии — Век Золотой» (вокальную партию представила Елена Бакатуева, а за прекрасным белым роялем партию фортепиано исполнила композитор); и в Библиотечно-информационном комплексе — на моей творческой встрече «За далью Млечного Пути», 22 января 2021 года; и в мемориальном музее Н. И. Белобородова, 7 апреля 2021 года, — на «Романсовой палитре»...

В доме-музее В. В. Вересаева с 2017 года проходят «Семейные чтения с Еленой Гаденовой», возрождающие традицию чтения вслух, которая была в семье Смидовичей, когда с раннего детства приучались не только читать книги, но и ценить их, думать и рассуждать о прочитанном. В любую погоду Олечка Ивановна спешит в музей, активно участвует в реализации проекта, сформулировав «Музыкальную “Загадку” Викентия Вересаева», вдохновляет любителей творчества знаменитого писателя потрясающим чтением его рассказов и повестей, а также согревает всех музыкой — волшебной, чарующей, поэтической — в удивительно теплой атмосфере старинного дворянского дома.

Отметим, что за разветвленную и плодотворную благотворительную деятельность, как указано — в воздаяние заслуг перед Отечеством, мы удостоены права ношения медали императорского ордена Святой Анны.

Также Ольге Ивановне Филатовой — за творческий подход и большой вклад в обучение студентов объявлена благодарность Тульской городской Думой, а за многолетнюю добросовестную работу и достигнутые трудовые успехи она награждена почетной грамотой Правительства Тульской области

Ольга Филатова — друг клуба «Дружеские встречи», который с 2015 года я веду на базе взрослого абонемента библиотечно-информационного комплекса Тулы. Своими познавательными рассказами о поэтах, писателях, композиторах, о современных творческих именах вызывает у всех присутствующих гостей благодарственные слова, признание и восхищение обширностью познаний, когда узнанное с радостью передается людям.

Особо чтимая ею тульская страница биографии — главный приз единственного Тургеневского конкурса («Тургеневская женщина», 1991) на ежегодном летнем праздновании «Бежин луг», победа в котором востребована ее целостным мировосприятием: литература и художественное наследие, музыка и иностранные языки, конная выездка и бальные танцы...

Закономерно, что и в нашем творческом «Созвездии “Трилистник”» фигурирует ее музыкально-краеведческий салон «FILATON».

Ольге ФИЛАТОВОЙ
(1 июля 2021 года)

*Вам — нелегкий путь
Был дан с рождения:
Так распорядились
Силы Высшие.*

*Вы — человек-знамение,
И звезды светят
Над Вами прищипые...*

*Из дальних миров,
Необъятных,
Сила их света —
Ваш особый талант,*

*Который в трудах
Многочисленных
На Земле — Веком Солнца объят!*

О творческой личности замечательной и профессиональной пианистки и видного музыкального и творческого деятеля можно много говорить хорошего и светлого, как и о музыке, которая звучит в пространстве, в природе, в небесной бесконечности...

Вечная Музыка является спасением миру, в ней продолжается красота — Вечная Красота Жизни, не перестающая удивлять человечество, пока на Земле рождаются бесценные мелодии в добром сердце Настоящего Человека.

Николай ТИМОХИН

г. Семипалатинск, Казахстан

Поэт, член СПР, член СЖР. Автор многих книг стихов и прозы, вышедших в разное время в Казахстане, России, Канаде и Германии. Зам. главного редактора по международным литературным связям авторского литературного журнала «Северо-Муйские огни» (Бурятия, Россия). Зав. отдела поэзии журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» (г. Тула, Россия). Член литхудсовета журнала «Метаморфозы», (г. Гомель, Белоруссия). Председатель редколлегии международного художественно-публицистического журнала «Современная всемирная литература» (Нью-Йорк, США). Постоянный автор нашего альманаха.

«ТАМ, ГДЕ КЛЕН ШУМИТ...»

В прошлом году мы уже знакомили наших читателей с историей зарождения популярной музыки в Гомеле. И опубликовали в «Метаморфозах» интервью с Р. Болотным. И сегодня в продолжение этой темы, в нашей литературной гостиной новый собеседник, которому задал свои вопросы член Союза журналистов России **Николай Тимохин**. Наш гость, автор нескольких некоммерческих интернет-проектов — «Старое Радио», «Аудиопедия», «Свидетель» и др., советский и российский музыкант, поэт, вокалист, один из основателей популярной советской музыкальной группы ВИА «Синяя птица» — **Юрий Иванович Метелкин**.

Николай Тимохин: Юрий, вы родились 27 июня 1953 года в городе Гомеле в Белорусской ССР. А в начале 70-х, когда учились в музыкальном училище, какое вы себе пророчили будущее? И, вообще, кем мечтали стать?

Юрий Метелкин: Когда я учился в музыкально-педагогическом училище, из меня готовили культпросветработника, и там у меня профилирующим инструментом был баян. Фортепиано я бы никак не потянул, хотя в итоге я и баян не потянул. У меня нет, видимо, такой закваски, которая позволила бы мне в юношеском возрасте все это освоить. То ли у меня усидчивости не хватало, трудно сказать. Не было должного усердия в инструментальном обучении, и из-за этого я на госы не вышел. Из-за того, что я никак не мог совладать с этим чертовым баяном, и к окончанию училища, на последнем курсе, на госэкзамене, я из него ушел. Потому что уже тогда у меня началась другая жизнь, я пришел к ребятам, меня они взяли вокалистом, и мне уже было наплевать на это педучилище, на диплом, меня тянуло совершенно в другую сторону.

Н. Т.: Вы сейчас живете в Москве. Но расскажите нам о Гомеле, как вы в нем жили? Какие у вас остались воспоминания? И когда вы в Гомеле были в последний раз?

Ю. М.: Начнем со второй части вопроса. Я там бываю каждый год два раза. И мама, слава Богу, жива, ей девяносто четыре в этом году исполнилось. Я ее забираю из зоны облучения. Через несколько лет, после чернобильской аварии, я купил дом на хуторе в западной части Белоруссии. Там места курортными считаются, заповедными. С тем, чтобы туда вывозить маму и папу, он на тот момент был еще жив. Но, к сожалению, отец, все же увидев место, которое я купил, через полгода все равно умер. У него была онкология, спровоцированная излучением. Он был шофером на международных пассажирских рейсах, и их всех бросили на перевозку вахт в зону облучения. Жили мы в Гомеле на улице Комиссарова дом 1, там, где был парк князя Боскевича. Но потом

наш дом снесли, это было для меня крахом нашей жизни, до сих пор не могу этого забыть. Весь детский уклад, все было сломано. Теперь я понимаю, что это — моя первая депрессия, связанная с отрывом от родного гнезда, и переселением в Богом забытое место. Это была совершенно пустынная новостройка на самом краю города. Необжитая. Я, честно говоря, с трудом это вспоминаю. Этот момент был для меня очень тяжелым. Переход в другую школу, после восьмого класса. Девятый и десятый классы я уже заканчивал в микрорайоне «Фестивальный» с чужими ребятами, но с которыми затем постепенно наладил контакт. Но это не была моя улица, мой дом, мой район, там все были друг другу чужаки. Это все были шайки пацанов, которые шастали там, сгруппировавшись. По пять-шесть человек. И все это было юношеско-подростковое. А потом я ушел в музыкальную жизнь. И меня все это перестало касаться и волновать. Этот переезд и окончание школы для меня не являются любимыми. Гомель до сих пор в моей памяти, я его люблю очень. Гомель — это улица Комиссарова, идущая вдоль реки. Она состояла в основном из частных домов. И дети там играли одной общей ватагой — мальчики и девочки, играли в «Штандер — стоп», в «Чижик», в прятки. Во что мы только не играли! Обручи крутили. А зимой — это салазки и спуски с гор, лыжи. Конечно же, были и походы в парк, где мы смотрели на танцы, как там взрослые развлекались. Считаю Гомель очень уютным городом. Чистым, ухоженным. С хорошими людьми, с прекрасной рекой. Я, вообще выросший на реке, очень ее люблю. Хотя уже сейчас, огромную часть своей жизни я не живу на реке. И озеро в этом смысле, возле которого я сейчас с матушкой нахожусь, совсем другое. Это не речная культура. Я обожаю пароходы, суденышки небольшие, обожаю речные портики, плавучие дома, я все это очень люблю. Обожаю раньше рыбалку. Сейчас я уже не могу переносить трепыхающуюся рыбу. Мне ее жалко. Тогда я этого не понимал. А сейчас я стал к жизни относиться по-другому.

Н. Т.: Расскажите, о вашем отце. Я знаю, что у него интересная военная биография.

Ю. М.: Мой отец — фронтовик, повидавший разное. И попавший в плен в крымском котле. Трижды бежавший из него, и убежавший из Германии, и перебежавший во Францию. Там он нашел партизан, и пошел в их отряд во французском движении Сопротивления. И заканчивали войну они уже с регулярной американской армией, которая высадилась в Нормандии. Отец был поставлен на американское довольствие как французский партизан. И он заканчивал войну в этом составе. А потом он захотел вернуться на родину. Пришел в комендатуру, конечно, его тут же арестовали. Но дело не успело завернуться слишком далеко. Отец там повздорил со следователем, который орал на отца: «Почему ты не застрелился? По указу Сталина — не сдаваться в плен». А отцу тогда было девятнадцать лет, и он тоже заорал на следователя. И сказал ему, что «ты сам достань свой пистолет, взведи курок, и я посмотрю как ты выстрелишь в себя».

Н. Т.: Что вы можете вспомнить о том периоде, когда вы только начали работать в ВИА «Синяя птица»?

Ю. М.: «Синяя птица» в начале состояла из трех человек, которые были костяком ансамбля. Я помню, как к нам пришли братья Болотные и предложили перейти в другую лигу. Я немного сейчас перефразирую. А звучало это так: «Нам надо что-то делать, чтобы двигаться дальше. Вы уже сколько лет в самодеятельности... Давайте как-то двигаться в сторону смены лиги». Надо, говоря сегодняшним языком, себя раскручивать. Участвовать в телеконкурсе. Что, собственно, было и сделано. Мы вышли на всесоюзный конкурс в еще старом составе, и стали лауреатами конкурса «Алло, мы ищем таланты». Его ведущими были Ал. Масляков и Св. Жильцова, если я не ошибаюсь. В жюри — М. Таривердиев. А когда мы вернулись со славой домой, то сразу встал вопрос: «Что мы будем делать дальше?»

И нам сделали предложение о создании новой группы. Но в которую все из нас войти не могли. А такому новому ВИА, еще даже не имевшему ни названия, ни базы, то есть привязанности к какой-то филармонии, надо переходить на профессиональную сцену. Имея такие заслуги, как лауреаты всесоюзного конкурса, мы — Боря Белоцерковский (барабанщик), Сережа Дроздов и я — стали все это обсуждать еще до разделения на тройку основных участников ВИА. Выясняли тогда, кто согласен с этой идеей. Я стоял тогда за то, что нам надо что-то менять и уходить в профессионалы. А часть ребят: Валера Павлов и другие говорили что «нет, не надо, мы не хотим». А когда это предложили уже только нам троим, то мы, как бы «разбив себе сердца» и «порвав на тряпки души», приняли это решение — о переходе в новую группу.

Взяв ответственность за свои судьбы, мы пошли на риск, и, собственно, не проиграли. Потому что практика и жизнь показали — «Синяя птица» состоялась и все ее знают. А те ребята, которые остались вне ее, к сожалению, сошли на «нет» и канули без вести.

Н. Т.: ВИА «Синяя птица» в советские времена пользовался бешеной популярностью. А было у вас соперничество с другими ВИА, например, с такими, как «Песняры»?

Ю. М.: С таким ВИА, как «Песняры» конкуренции вообще ни у кого не было. Она была такая группа, до которой никому не дотянуться. Я могу сказать вам это как профессионал. Хотя в этом жанре были не менее любимые группы: «Веселые ребята», например, и другие. Но они тоже не могли конкурировать. Потому что у всех был слишком разный репертуар, и стояли слишком разные задачи. И творчески — по-разному интерпретировали себя. Это были две очень сильные и качественные группы. «Песняры» могли бы хорошо гастролировать по миру, по Европе, по Балтии и по скандинавским странам. Если бы не было в то время закрытого режима. Чего бы я не сказал о «Цветах». При всей качественности этой группы, они были подражающей группой. Они были русскоязычной группой, играющей и поющей, как западные исполнители. Они были такие «обитлованные». А в этом смысле, второй ансамбль «Битлз» или другая известная группа, не хуже которых они играли как инструменталисты и исполнители, на Западе был никому не нужен. Эта судьба, этот злой рок преследовали почти всех советских музыкантов. Мы не все понимали, что надо делать что-то абсолютно свое. Если ты дела-

ешь абсолютно свое, неважно в каком ты ключе работаешь, в джазовом, в популярном, в классике, и ты абсолютно креативен, то ты можешь стать звездой мирового уровня. И неважно, какую музыку, какого направления или народности ты исполняешь. Вот, к примеру, ансамбль хореографа Игоря Моисеева. Этот человек был настолько мастером и гением, абсолютно самостоятельным художником, что он создал из рядовых хороших, качественных танцоров, такую хореографию и стиль, какой еще не было подобной в мире. Вот что значит самостоятельный креатив. Возвращаясь к нашей теме, скажу, среди ряда групп такого же уровня, как «Добры молодцы» или «Лейся песня», «Синяя птица» была все же получше. Надо сказать Сережа Дроздов, бас-гитарист был прекрасный. Но были у нас и другие хорошие гитаристы. Кого я мог бы поставить рядом с ним... Это Володя Шурыгин из Калуги. Но он, к сожалению, в двадцать четыре года покончил с собой. Совершенно осознанно, обдуманно. Я об этом ничего не знал, к сожалению. На похороны Володи из «Синей птицы» никто не приехал.

Н. Т.: А что было дальше?

Ю. М.: Когда я возвращался после первого ухода из «Синей птицы» и ехал в Калугу, куда меня пригласили заново вернуться, то ехал на их гастрольное выступление. И в электричке познакомился с девушкой, которая потом стала моей второй женой. Так вот это и была Татьяна Шурыгина — Володина сестра. А с ним мы уже тогда были друзья — «не разлей вода». Получилось, что я познакомился с ней совсем случайно, не зная, что я уже дружу с ее младшим братом. И первое, что я сделал, это пригласил Таню на свой концерт в Москву, на ВДНХ. Когда она до начала концерта зашла ко мне за кулисы, в этот момент Володя сидел в моей примерке за пианино и что-то наигрывал. Татьяна подошла к нему, обняла его сзади и начала целовать. У меня глаза на лоб вылезли: «Что происходит? Ничего не понимаю!». А она поворачивается ко мне и говорит: «Познакомься, это мой младший брат».

Н. Т.: А вы помните, как появилась песня «Клен»?

Ю. М.: Вот как. Когда я уже ушел из группы, ребята без меня записали на миньон три песни. А нужный формат пластинки был — четыре песни. Но последнюю песню неожиданно «зарубил» худсовет. В этот момент, Роберт звонит Мише из Москвы, из студии и говорит, что «нужна четвертая песня». Что делать, где брать? Видно, что у них на руках ничего достойного не было. И потом, Миша рассказывал мне, как он сидел на каком-то смотре самодеятельности в Гомеле и там артисты под баян пели никому неизвестную песню «Клен». Мише понравилась мелодия, он после зашел за кулисы и узнал, что это за песня. Артисты дали ему текст и Миша привез эту песню в Москву на запись. Ее отрепетировали и записали. Ставки на нее не было никакой! Она была просто для того, чтобы закрыть пластинку! А когда вышла эта пластинка, то выстрелил именно «Клен»!

Вы спросите, как сделать хит? Этого никто никогда не знает! Кто бы мог подумать, что «Клен» вскружит голову всей страны на много лет. На всех свадьбах, вечеринках и т. д. А первые наши гастроли до «Клена», когда я еще ездил от горьковской филармонии — это полупустые залы... Полуголодные гастроли...

Н. Т.: А как вы думаете, почему сейчас нет таких песен как «Клен», и что надо, чтобы они появились?

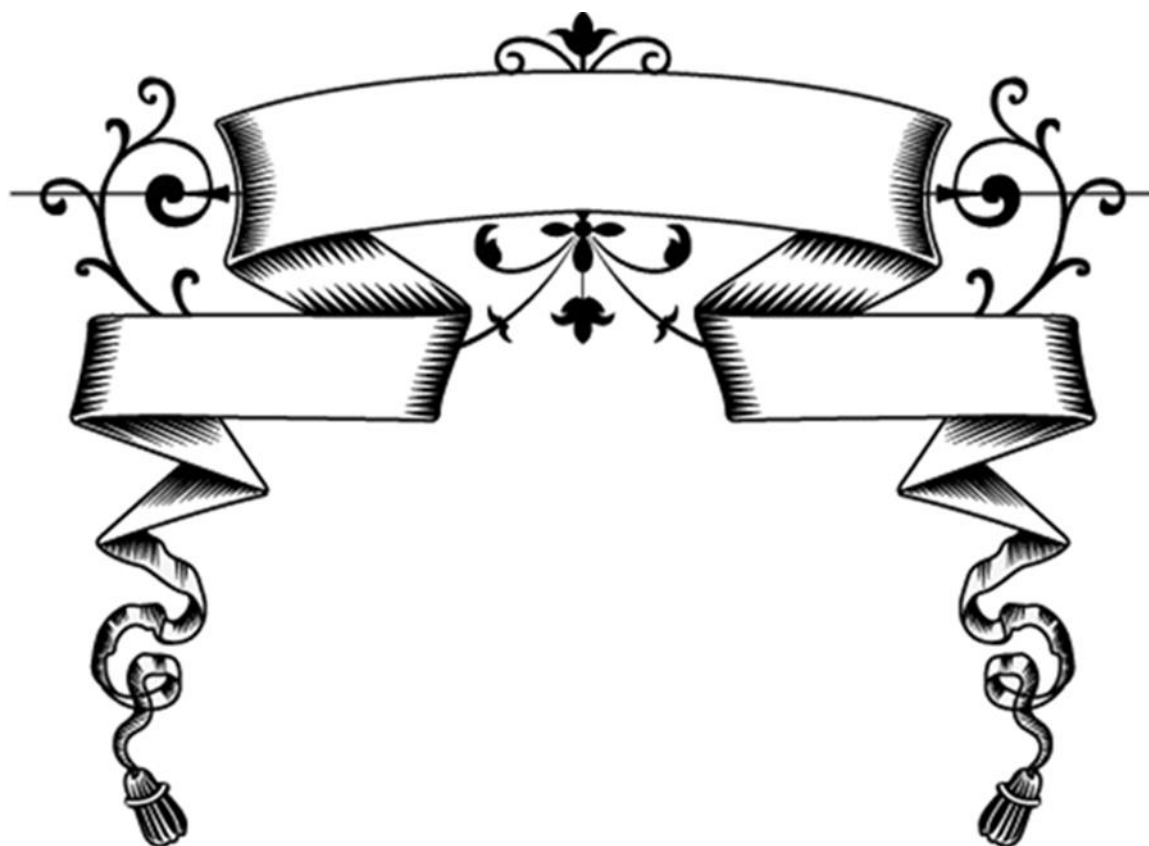
Ю. М.: Они появиться не смогут. Та эпоха не вернется. Музыкальное сознание масс, уже переформатировано. На тот момент, когда состоялся «Клен», мы плавно переходили. Мы как пылесос жадно всасывали западную культуру и очень сильно ее исказили. Мы не создали никакого синтеза своего хорошего. То, что у нас было, и композиторская школа, стали потихоньку вырождаться и превращаться в попсу. Лучшим представителем этой школы был и остается Юрий Антонов, а худшим образом, я бы назвал пластинку «По волнам моей памяти». Когда талантливый композитор Д. Тухманов создал антишедевр. Мы, когда это услышали, как и многие коллеги, плевались и сказали, что это слушать нельзя. И по этому пути шли многие. То есть какая-то открылась дверка и примитив начинает выдаваться как нововведение. Что называется — делать деньги на дураках. Это и случилось с нашей музыкой во второй половине 80-х годов, в 90-е и продолжается до сих пор. Возьмите сегодняшних звезд, уже постаревших, на которых невозможно спокойно смотреть. Вот ту же Пугачеву. Киркоров — это «бред собачий». «Золотой голос России», «Король России», «Примадонна» — это бред, который во главе с их продюсерами, (а я их не считаю профессионалами) — это помойка! Это катастрофа продолжается. Это застой всей страны. И я не могу ничего выделить на данный момент. Ничего здорового с точки зрения настоящей музыки. Это все футбол на школьном дворе, для внутреннего употребления — «вторичка». Да, у нас сейчас есть инструменталисты, прекрасные вокалисты. «Есть все». Но нет главного: абсолютно самостоятельного художественного мышления. Когда-то оно все же появится и оно уже проявляется потихонечку — появляется молодежь. Но вот выходит Варвара Визбор — девочка родившаяся во времена «айфонов». Приятная, с хорошим вкусом, симпатичная. Поет дедушкины произведения. Но делает это на очень слабый манер и это не шедевр! Почему у нас в этом проблема?

Потому, что на лучших местах сидят либо Пугачева, либо Киркоров, либо Басков. Основная моя горечь и беспокойство в том, что вот эти звезды и звездочки в России, они делаются на западный манер, по шаблону. И на всех этих «Голосах», они повторяют либо уже известные вещи, либо сделанные нашими композиторами на западный манер. И это все бред. Как выйти из этого тупика? Я не знаю. Но я его предсказал еще в 90-х. Когда делами занялись Ю. Айзеншпис и другие, то я понял, что все, кранты! Конец истории.

Это мои горькие размышления. Ведь я обычный простой человек, бывший музыкант. И в конце хочу добавить, что я и сейчас общаюсь с братьями Болотными. У нас остались хорошие дружеские отношения. Хотя у других у кого-то они остались разлаженными. Я благодарен Болотным за ту судьбу, которую они мне дали

Январь 2020 г.

РОССИЙСКОЕ РОДОСЛОВИЕ

**ИРИНА МАЦНЕВА
ХЕЛЮ РЕБАНЕ**

**ОЛЬГА КАРАГОДИНА
НАТАЛЬЯ ГОРБАЧЕВА**

ЛЮБОВЬ СЕРДЕЧНАЯ

Ирина МАЦНЕВА

с. Архангельское Каменского района Тульской области

ДРЕВНЕЕ — РЯДОМ!

На момент начала исследования моя малая Родина — КАМЕНКА (Каменский район Тульской области) представляла в историческом плане «белое пятно» на карте России.

Пытливостью ума, все попытки узнать об истории района и, тем более, о его достопримечательностях, приходилось наткнуться на непреодолимые информационные препятствия, обозначаемые одним словом «ничего».

Но так быть не могло в принципе! Ни один клочок земли не может не иметь своей истории, своих легенд, рассказов и сказок, своих героических страниц, трудовых достижений и творческих открытий.

Может быть, а скорее всего — именно генетика и определила мой жизненный интерес, который вылился в заинтересованное изучение родного края: от географии до песен, стихов и картин. Превеликое множество информации о тех местах, где триста лет подряд жили мои предки, я начала получать от бабушки (матери отца) уже в раннем детстве. Вспоминая и восстанавливая хронологию событий, отчетливые блоки устно передаваемого информационного материала осознанно проросли в моем сознании уже в шесть лет. Было сложно! То, что для бабушки являлось очевидным, для меня было невероятным! К тому же как в детском возрасте понять историю до революции, при царе или после, при Сталине! В детском воображении царь был сказочный, «картиночный», иллюстративный. А тут, бабуля,... «при царе»!..

И все-таки существуют некие четкие скрепы памяти, которые, словно триггеры, срабатывают в наследственной памяти и якорем удерживают внимание, на основании которого и начинается собираться вся эта большая нить истории с отдельными фрагментами сюжетов и событий (бусинками), а затем эта нить начинает изгибаться, создавать сложные узлы и междоузлия — так рождается «ожерелье» непостижимой красоты истории родного края, где все интересно, волнуемо, трогательно, дорого...

Для меня этими скрепами стали два факта: бабка графиня немка и Тургенев, который написал «Му-му». Это касалось истории моего рода, и именно это мне предстояло запомнить, выносить в памяти, выкристаллизовать исследованиями, отстоять перед недоброжелателями и сделать открытием, осветившем весь мой путь краеведа — исследователя.

Тяжелые сомнения тучами застилали детский разум. Какая немка в эпоху развитого социализма на базе грандиозной Победы СССР над фашистской Германией? Какой Тургенев, если «Му-му» не корова, а ласковая собачка?... И тут еще — в полнейший перевес — каменная баба... там... на каменном поле...

— Бабуль, а это что такое?

— Это памятник такой.

— Значит она стоит? Раз памятник.

— Нет, лежит.

—... (немая сцена)... А почему лежит?

— Потому что *большая*!

Вот ты — дорогой читатель, умудренный жизненным опытом с серебряными прядями у виска, что можешь сказать о таком ответе?

Вот и я, тогда еще в дошкольном возрасте, пребывала в полном недоумении! А подсказок бабушка не давала. На все — один ответ: «Сама во всем разберешься!»

Прошли годы. Школа, пионерия, студенчество, Ленин, партия, комсомол...

А память все возвращала и возвращала меня к тем берегам Красивой Мечи, где все эти рассказы я и слышала, когда бабушка брала меня с собой на летнюю дойку в обеденный полдень...

Жара... мухота... хлесткий хвост коровы, отгоняющий назойливых мух... веселое дзыньканье тоненьких белых струек молока о подойник... поднимающаяся шапкой пушистая молочная пена... и запах молока, когда бабушка алюминиевой кружкой разбалтывала эту воздушную пену и из самого эпицентра этого «торнадо» извлекала доверху наполненную кружку, со стекающими по ее стенкам струйками молока...

— На! Пей!

И улыбалась: «Пей до дна!»

Ах, бабушка! Милая бабушка!!! Я и сама теперь уже ба-буш-ка!.. Что же я могу ответить тебе — любимому белому облачку, плывущему над головой? Разгадала ли я твои загадки?

Наверно, пока еще нет. Не все. А может быть все и не надо!

Но то, что удалось разгадать, действительно стало величайшими открытиями по краеведению Каменского района — моей малой и любимой Родины — Каменки!

... Фамилия наша берет начало еще с времен Ивана Грозного и сохранилась по сей день. Ямская служба — ухабы, броды, буераки... верстовые столбы... разъезды... переезды... были и небыли рассказов ямщиков... далекие костры и буранные полустанки... Времена Петра и Екатерины (откуда немки). Строительство дорог, городов, усадеб — укрепление границ русского государства.

И всегда, во все времена — служение Отечеству!

... Оставим нахлынувшие воспоминания. Вернемся к делу!

Вехи моих открытий все заложены в изданных книгах, которых, на сей год, пятнадцать. Авторских. Также шла параллельная популяризация в районной газете и в СМИ Тульской области. Порой спорные, порой сногшибающие, но проходили годы... все становилось очевидной правдой!

И в этой статье я вновь хочу затронуть спорную тему, которая касается нас всех — жителей Тульской области.

А на каких холмах мы все живем? В 2020 году я увлеклась темой описания всех ныне существующих рек Каменского района, естественно, и их истоков. Река Красивая Меча! Река Гоголь! ... Верховье Дона! ... и... стоп! Дон (Танаис) берет начало с древнейших Рипейских (Рифейских) гор! Поройтесь в недрах Интернета! Рипейские горы — это Урал.

Да-а?!... Дон (Танаис) берет свое начало с Уральских гор?

Вот чудо моего открытия легенд Каменки. Вот оно — Плавское плато... Вот цепь холмов и высот — выветрившихся горных вершин от Черного (Русского) моря до Кольского полуострова. Вот они — сказки и были о том, что Тула — древний портовый город. Вот они водные пути, по которым плавали отважные купцы от русского севера до русского юга и обратно — по рекам!

Вот они — наши драгоценнейшие подземные кладовые — Тульские залежи природных ископаемых.

Вот они — наши песни, льющиеся вольной душой над вольными волнами рек и лугов необъятных просторов наших.

Вот она — каменная баба! Некогда бывший древнейший островной вулкан, в потухшем, но еще живом жерле которого, древнейшие обитатели нашего края из валунов сложили каменный круг внушительных размеров! А центром этого кромлеха и был огромный камень по форме женской фигуры — та самая каменная баба — всем русским матрешкам мать, о которой мне и рассказывала бабушка. И лежит она действительно на Каменном Поле (а на чем же ей еще лежать на вершине-то горы?...) И найдите-ка матрешку поздравее нашей? Ни в одном источнике не найдете! Ведь Тульская матрешка весит порядка двадцать шесть тонн!!!

Во все времена с камнями шла борьба за пахотные земли. Их разбивали на куски и вывозили с осваиваемых полей. Плодородие тульских черноземов тем и объясняется: осадочные породы древних морских лагун, в результате сейсмоактивности планеты, ныне поднятые над поверхностью моря и ставшие полями и пастбищами. Но... время разбрасывать камни и время их собирать! Всему... свое... время!...

Мы — горцы! Мы — туляки — потомки древних отважных людей, издревле заселивших эти острова — вершины, а теперь — холмы и равнины прекрасной по своей живописности Среднерусской равнины!

Ну, а Тургенев?

Тут и подавно все просто! Мы были соседями по имениям, оттого и дружили.

Ольга КАРАГОДИНА

г. Москва

Родилась в Москве. В 1981-м г. окончила МБТ по специальности «Библиотечное дело». Работала библиотекарем, секретарем-референтом, методистом. Пишет прозу, бардовские песни и исполняет их. С 2009 г. работает оргсекретарем в АРЛ. Член МГО СПР. Наш постоянный автор.

КИСЕЛЬ

Древняя Смоленская земля на протяжении столетий первой принимала на себя удары агрессоров с Запада. В годы Великой Отечественной Войны немецко-фашистские оккупанты рассматривали Смоленщину в силу ее географического положения как удобный и важный плацдарм для осуществления дерзкого плана «Барбаросса» и молниеносного захвата Москвы. На территории области были сконцентрированы основные силы гитлеровской группы армий «Центр». Она была буквально напигована фашистскими войсками. За время оккупации жертвой фашистских захватчиков стал каждый третий житель Смоленщины. Это единственная область России, которая так и не смогла восстановить довоенную численность населения.

Города и деревни Смоленщины после освобождения Красной Армией лежали в руинах. Смоленск был разрушен почти полностью. Из ста семидесяти тысяч довоенных жителей в нем в живых осталось лишь двадцать тысяч. Он стал общей могилой для ста тысяч военнопленных. Более девяноста тысяч угнали в немецкое рабство в Германию. За период оккупации районов Смоленской области немецкие изверги расстреляли, повесили, сожгли, закопали живыми, отравили ядом и в душегубках, замучили в застенках гестапо свыше ста пятидесяти одной тысячи мирных жителей от грудных детей до глубоких стариков. На территории Смоленщины погибло более двухсот тридцати тысяч военнопленных, сто шестьдесят четыре тысячи было угнано в рабство, а общее количество жертв составило пятьсот сорок шесть тысяч человек.

Мой прадед Василий Григорьевич Киселев родился в большой крестьянской семье в 1876 году в деревне Халютино в Смоленской области, на берегу реки Сертя. Название деревни произошло от древнего смоленского дворянского рода происходящего от Григория Клементьевича Халютина (13.01.1881). Родоначальник — Клементий, владел поместьями в начале XVII века. Сын его Григорий и внук Клементий были стряпчими и служили в рейтарском полку.

Крестьянская семья Киселевых владела небольшим участком земли под посеvy и яблоневым садом. Большой дом, рассчитанный на ребятишек, перешел ему по наследству от отца. Фамилию Киселевы семья получила за свой род деятельности. Отец Василия передавал секреты варки киселя своим детям. Кисель Киселевых был лучшим в деревне и хорошо продавался на базаре.

История появления киселя теряется в веках. Когда именно он появился в русской кухне неизвестно. Скорее всего, готовить кисели начали примерно в то же время, когда научились возделывать зерновые, так как в былые времена кисель готовили не из фруктов или ягод, а из пшеницы, овса, ржи и даже гороха. До наших дней дошли сведения, что во времена, когда правил Великий князь Владимир Красное Солнышко, кисель уже был чуть ли не самым любимым кушаньем наших предков, а значит ему более тысячи лет. Конечно, семья Киселевых жила не только варкой киселя, прапрадед Григорий возделывал землю и торговал яблоками, так же жил и Василий. Женился он на девушке из соседней деревни Анне Марковне, когда той было всего-то семнадцать годков, она в то время была в барской усадьбе дворовой девкой. Ребятишки пошли один за другим, всего их двенадцать родилось, выжили лишь семь. Денег на хороших врачей не было, лечились, как умели. Была у Василия одна лошадь, одна корова, куры, да кролики, тем и питались. Без коровы в те времена ребятишек было не поднять. Землю возделывали с помощью лошади, но, когда пришла Советская власть, семью Киселевых раскулачили. Отобрали корову, лошадь, излишки зерна, которые были не излишками, а запасами на долгую зиму для большой семьи.

Как быть? Как выживать? Стали в борону впрягаться по очереди, то жена, то старшие сыновья Ефим и Федор, так и бороили потихоньку, жить-то надо. Затянули пояс потуже, яблоки да кисели помогали. Детишки потихоньку подрастали. Ефим уехал в Москву учиться, поступил с первого раза в Сельскохозяйственную академию, закончил ее, потом аспирантуру, женился, потащил старших сестер Юлию и Марию в Москву, тоже учиться, остальные пятеро младших: Сереженька, Рая, Катенька, Евдокия, Николенька остались с родителями. Федор уехал на заработки в Смоленск, там и женился.

Захват немцами Смоленщины произошел быстро и почти без сопротивления. Смоленская область была в числе первых территорий Советского Союза, оказавшихся под ударом нацистских войск. 16 июля 1941 года немецкие войска взяли Смоленск, деревня Халютино была оккупирована еще раньше и освободили ее лишь в октябре 1943 года.

Потянулись страшные дни. Большинство мирных жителей стремилось к одному: не попасть под пули. Безразлично — немецкие или партизанские; добыть хлеба, картофеля, чтобы не умереть с голоду. Достать угля и дров, сохранить теплые вещи, чтобы не погибнуть от холода.

В Халютино прочно обосновались немцы. Штаб расположился по соседству с домом Василия Киселева. Появились в деревне и назначенные немцами полицаи. В первые же дни немцы отобрали у Киселевых кур и кроликов. Сережа, будучи на тот момент четырнадцатилетним пацаном, в первую же ночь, пока немцы не успели пересчитать жителей, ушел в лес к партизанам.

Буквально через несколько дней всех жителей собрали в одном месте. Немецкие офицеры отогнали молодых парней и девушек в отдельную группу, среди них была шестнадцатилетняя Катя Киселева, погрузили их в эшелоны и отправили в Германию. Германии требовалась рабочая сила. Катя попала в эшелон вместе со своим одноклассником Егором, они договорились держаться вместе и в Германии, сказавшись братом и сестрой, уговорили отдать их на работу одному хозяину. Но молодость есть молодость, Катя забеременела и родила мальчика, немцы Егора до смерти забили, а Катю так загрузили, что она потеряла молоко и новорожденный ребенок умер.

Полицаи донесли немцам, что один из сыновей Василия у партизан, они видели, как по ночам Анна Марковна, вылезала в окошко с задней стороны дома и уходила с небольшим узелком огородами в лес. На утро следующего дня Анну Марковну немцы выволокли за волосы на улицу и потащили в штаб. Василий остался с тремя малыми детьми. Он слышал крики жены, когда ее избивали, и, не выдержав, бросился со слезами к немцам, встал перед штабом на колени, призывая вернуть мать детям, а его забрать вместо нее. Спасли их жители. Все оставшиеся как один встали на защиту «Киселя», и немцы отпустили Анну Марковну, но в таком состоянии, что выхаживал ее Василий несколько месяцев. И снова соседи помогли, кто еду приносил, кто теплые вещи, ребятишек разобрали к себе по домам. Заболел Николенька и помер, началась чахотка у Раисы, она умерла в 1944 году. Ее хоронили в белом, как невесту.

Сельскохозяйственная академия эвакуировала сотрудников и семьи преподавателей в Петропавловск. Ефим Васильевич Киселев был призван на службу в июле 1941 года и поступил на продовольственный склад 196 ОрВО, ЭВЛ 955 ПриВО капитаном ветслужбы, военветврачом третьего ранга. Он разработал рецепт тушенки для красноармейцев и получил за эту разработку государственную награду. Сейчас его документы хранятся в Государственном музее обороны Москвы.

Сестра Юлия попала на фронт медсестрой, но была тяжело ранена в руку в самом начале войны и ее комиссовали, она вернулась в Москву.

Мария Васильевна Киселева — моя бабушка, перед войной окончила техникум советской торговли, получив специальность бухгалтера-экономиста, вышла в 1940 году замуж за Александра Ивана Алексеевича, который прошел финскую войну, работал начальником цеха на заводе «Салют» и был старше ее на шесть лет. В июне 1941 года она была на восьмом месяце беременности. Почти все мужчины с завода сразу же ушли на фронт, а Ивану Алексеевичу дали отсрочку на год из-за беременности жены. В августе 1941 года родилась моя мама — Александра Алевтина Ивановна.

В мае 1942 года Ивана Алексеевича призвали на фронт, вокруг Москвы шли ожесточенные бои, и он вынужден был оставить молодую жену с грудным ребенком на руках в коммунальной квартире.

Мария, которой на тот момент и было-то двадцать один год, осталась одна-одинешенька, еле-еле концы с концами сводила и... голодала. Много голодала. Дочку кормить было нечем. Бывало, найдет поесть, дочку покормит, а самой не остаётся. Ребенок голодный, все время кричит, соседи ругаются, а куда деваться?

А через три месяца письмо пришло.

«Уважаемая Мария Васильевна! На Ваше письмо даю печальный для Вас как для жены и матери дочки, которую он так часто вспоминал с гордостью — «Моя дочка» — ответ. Для всех родных, которые вырастили, вскормили такого боевого, мужественного и умелого командира. Ваш муж был убит 9 июля 1942 года у деревни Анино и там же похоронен. Мой лучший командир, которого я любил больше всех за его деловитость, стойкость и уважение. Вы должны были получить похоронное извещение, если не получили, возможно где-то затерялось, я вышлю второй раз. Вот такое печальное известие. Пишу карандашом, потому что нахожусь на передовой.

Командир пулэрты, лейтенант Мишакин А. Ф.»

В 1943 году Мария Киселева-Александрова устроилась на работу на завод «Салют» бухгалтером, по ночам шила платья на заказ. Дочку с соседкой оставляла, а потом соседку в больницу забрали, опухла от голода. Получила продовольственные карточки. По карточке было положено пятьсот граммов сахара на месяц. Но давали двести пятьдесят граммов сахара, а вместо других двухсот пятидесяти граммов давали печенье, галеты — это на месяц. Получит в гастрономе эти галеты, идет домой, еле донесет. Хлеба давали пятьсот граммов. Он был очень тяжелый, вроде как не из муки. Его прямо горячим отрезали. Трудно до дома донести, как есть хочется.

После войны Мария Васильевна, когда Советская Армия освободила пленных, сестру Катю в Москву позвала, дочку не с кем было оставлять. Катю никуда на работу не брали. Тогда военнопленные врагами народа считались. С трудом ее удалось устроить по знакомству в ресторан официанткой, а вскоре она замуж вышла и двух сыновей родила.

Ефим вернулся из эвакуации, родителей и брата Сергея привез со Смоленщины. Помог дом в Купавне купить, а Евдокия и Федор в Смоленске осели, своих детишек завели.

Василий Григорьевич Киселев и Анна Марковна прожили долгую жизнь в любви и радости. Умерли оба в Купавне. Василий Григорьевич в возрасте восьмидесяти восьми лет, а Анна Марковна в возрасте девяноста лет, оставив после себя много внуков и правнуков. Каждый раз, приходя на нашу родовую могилу, кланяюсь им и говорю спасибо. Люблю и горжусь моими простыми, честными трудолюбивыми предками, вынесшими на своих плечах неимоверно тяжелую ношу. Выстоявших, не согнувшихся, вырастивших достойных детей, оставивших после себя светлую и добрую память.

На долю каждого поколения выпадают разные трудности, разве могли представить мои далекие предки, что через несколько десятилетий и войны не нужно, что мир охватит гораздо более коварный враг, в виде маленьких вирусов, которые уничтожат огромное количество людей по всему земному шару.

Хелью РЕБАНЕ

г. Таллинн — г. Пярну, Эстония

Родилась в Таллинне, по образованию математик. Автор семи сборников рассказов, сборника стихов и множества журнальных публикаций. Переводы её рассказов публиковались в Бельгии, Канаде, Германии. Пишет на эстонском и русском языках. Член СП Эстонии, МГО СПР, АРЛ.

СОЗВЕЗДИЕ УЧЕНЫХ — БРАТЯ РЕБАНЕ

Еще в советское время меня не раз просили написать о моих родственниках, известных ученых, братьях Ребане. Это мой отец, Ян Карлович Ребане и его младшие братья Карл, Тоомас и Юри. Четверо братьев, трое из них — ученые с мировым именем.

Чем же прославились братья Ребане, родившиеся в эстонском курортном городке Пярну, насчиты-

вавшем в пору их появления на свет, в двадцатые — тридцатые годы прошлого столетия, всего около двадцати тысяч жителей?*

В алгебре известна теорема Кона-Ребане, названная так в честь двух ученых, независимо друг от друга одновременно доказавших ее (один из них мой дядя Юри Ребане).

В мировой научной литературе по физике и теоретической химии широко применяются «методы Ребане». Автор — дядя Тоомас.

Недавно, в 2018 году, учредили международную премию имени трех ученых — «Премия имени Э. В. Шпольского, Карла Карловича Ребане и Р. И. Персонова». Ее присуждают за выдающиеся научные достижения в области селективной лазерной спектроскопии.

При дальнейшей разработке понятия «Социальная память» авторы и в наши дни не обходятся без упоминания имени Яна Карловича Ребане, одним из первых применившим это понятие.

Дядя Карл умер в 2007 году, двое его братьев еще раньше, а память о них жива. Недалеко от центра Таллинна, на улице Тина на одном из домов установлена памятная доска — здесь жил и трудился Карл Карлович Ребане, президент Академии наук ЭССР (1973—1990). Целых семнадцать лет он возглавлял академию. Его портрет висит на почетном месте в фойе таллиннской Реальной школы, поступить в первый класс которой удается, лишь пройдя серьезный конкурс.

Юри и Тоомас увековечены в теореме и методах их имени.

Самый старший брат, Ян, тоже имел блестящие математические способности, великолепно играл в шахматы. Но, вернувшись в 1945 году с фронта (он, как и брат Карл, воевал в Советской армии в составе Эстонского стрелкового корпуса), выбрал не математику, а поступление в Высшую партийную школу (ВПШ) в Москве. Его отец был уже тяжело болен и вскоре скончался от язвы желудка. У матери на руках остались трехлетняя сестра Мина и шестилетний брат Юри. Их надо было содержать, а в ВПШ была гораздо более высокая стипендия чем в других вузах.

В конце жизни, уже будучи известным философом, долгие годы заведовавшим кафедрой философии Тартуского государственного университета, академиком АН ЭССР, отцу пришлось пережить горькое разочарование в этом выборе. По мнению моей мамы, его относительно ранний уход из жизни связан с горечью последних лет жизни. Отец умер от инсульта в 1993 году, в возрасте шестидесяти девяти лет.

Есть известное восточное выражение: «Когда караван разворачивается в обратную сторону, то первый верблюд становится последним». Это и произошло с обществом как в России, так и в Эстонии, когда грянула «перестройка». Идеология социализма и коммунизма, а соответственно, и марксистско-ленинская философия, отошли в прошлое.

Что тут скажешь... — младшие братья в выборе профессии не ошиблись. Теорема Пифагора и законы Ньютона верны при любом общественном строе.

Итак, что же это была за семья, из которой вышло столько выдающихся ученых?

Мой дедушка, Карл Янович, работавший главным бухгалтером на пярнуской электростанции, умер еще до моего рождения, в возрасте сорока девяти лет.

Небольшое отступление. Имена Ян и Карл в нашем роду традиционно повторяются. Дедушка был Карл Янович, а мой отец Ян Карлович. У моего отца сына не было, поэтому имя Карл унаследовал сын Юрия. А у меня есть внук Ян. Замечу, что на самом деле у трех старших братьев были двойные имена — Ян-Март, Карл-Хендрик, Тоомас-Эрик, но ими практически не пользовались.

Чем старше становлюсь, тем отчетливее осознаю цепочку предков, уходящую в глубь времен, в неизвестность, и цепочку потомков, передающих эстафету в далекое будущее. Повторятся ли в будущем не только имена, но и внешность, способности, род занятий? Знать бы...

Рано овдовевшую бабушку, Александру Мартиновну (урожденную Томберг) помню хорошо. Когда мне было года три, она читала нам с Юрой и Миной на ночь сказки. Позже, старшеклассницей, я немало беседовала с ней. Дядя Юра, был старше меня на семь лет, а тетя Мина всего лишь на три с половиной года. В детстве я протестовала и возмущалась, когда они говорили, что они мне тетя и дядя.

Бабушка страдала от ревматизма, у нее были больные почки и лишний вес, она с трудом передвигалась на костылях. Летом, когда сыновья с невестками собирались у матери в Пярну, она садилась во главе длинного стола в гостиной, костыли прислоняла к спинке кресла. Шутила: «Не родилась еще женщина, достойная моих сыновей». На самом деле ссор у нее ни с кем не было. Она была само спокойствие и благодушие. Увлекалась поэзией, писала стихи в стенгазету, и даже обучилась гончарному делу. После смерти бабушки квартира в большом деревянном доме с печным отоплением осталась ее дочери Мине. В углах гостиной и по сей день стоят напольные вазы, изготовленные бабушкой на гончарном круге, и ею же и расписанные.

Одинокая сестра бабушки, тетя Зина, жила вместе с ее семьей. Она была прямой противоположностью бабушки — сухопарой и, казалось, всегда сердитой. Мы ее побаивались. Только повзрослев, поняли, что у нее тоже было доброе сердце. Просто на ней держалось все хозяйство больной сестры и воспитание ее детей

* В настоящее время около сорока тысяч жителей.

и внуков. А когда все выросли, она героически, до семидесяти восьми лет работала на скорой помощи в пярнуской больнице.

Бабушка любила играть в бридж. У нее собиралась компания пожилых подруг, они играли в карты, пили кофе, в ее искривленных ревматизмом пухлых пальцах неизменно дымилась сигарета. Бабушка была атеисткой, но интересовалась мистикой. В эвакуации на Урале, в начале ВОВ, она гадала местным женщинам и, как рассказывала мне тетя Мина, женщины приносили им продукты, так как ее предсказания сбывались. Дочь Мину она родила 23 ноября 1944, как раз в ночь, когда сына Карла сильно ранило на полуострове Сырве при освобождении Эстонии от фашистских захватчиков. Семейное предание гласит, что бабушке в ту ночь приснился вещий сон о его ранении. Она допускала, что у нее были, как принято теперь говорить, экстрасенсорные способности. Для ее ученых сыновей такое утверждение служило поводом для шуток.

В 1984 году по заданию журнала «Таллин» я брала интервью у моих дядей и тети. Даю слово им.

Карл: «Убеждение, что знания большая ценность, было привито нам в семье <...> На войне я был ранен и, лежа в Ленинграде в госпитале с перебинтованными ногами, прочитал «Занимательную физику» Перельмана. Уже в школе математика и физика давались мне сравнительно легко, и теперь, после замечательной книги Перельмана, принял окончательное решение в пользу физики».

Отец Карла умер, на решение выбора профессии девятнадцатилетнего сына в тот момент не влиял. А книга, которую какой-нибудь другой молодой человек, может быть, и в руки не взял бы, повлияла. Мне в этом видится и родительское внушение в раннем детстве, и призвание.

О невероятном трудолюбии Карла рассказывал профессор философии Михаил Макаров. Макаров учился в Ленинграде в то же самое время, когда Карл был там в аспирантуре. Со слов Макарова, который по утрам, до начала занятий, ходил плавать (он был большой оригинал, говорят, плавал и среди льдин на Неве), он всегда видел, что свет в комнате для занятий горит. Там занимался Карл Ребане. Но не потому, что тоже рано встал, а потому, что и не ложился.

Что тут сказать? Самые прекрасные способности, генетика — ничто, если нет трудоспособности.

Юри: «На меня оказал большое влияние школьный учитель математики, В. Нано. Он был очень культурным, интеллигентным человеком, учился сразу в двух университетах, Тартуском и Геттингенском. Он сумел привить любовь к предмету, традиционно считающемуся скучным».

Дядя Тоомас закончил школу в 1947 году, с золотой медалью. Что примечательно, тогда медаль действительно была из чистого золота. Она хранится у его дочери Ирины.

Тоомаса я видела редко, так как он жил в Санкт-Петербурге (в ту пору — Ленинграде). Учась в институте, он повстречал там свою будущую жену, Валентину Николаевну Кузнецову. Она тоже в дальнейшем стала доктором физико-математических наук, его соратницей.

В Ленинграде произошла и встреча Карла с его женой, Любовью Шагаловой. Любовь Ребане тоже стала известным физиком. Очень волевая, она героически боролась с неизлечимой болезнью, даже в больнице продолжая трудиться над научными статьями. По стопам родителей пошли и их дети, Инна и Александр, полюбившие физику. Защитили докторскую (Александр) и кандидатскую (Инна) диссертацию.

Дядя Тоомас. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы почувствовать, что перед тобой интеллигент до мозга костей. Впрочем, его брат Юрий утверждал, что слово «интеллигент» в ту пору для многих было ругательным.

П. А. Браун, аспирант дяди Тоомаса, вспоминает: «Для меня он был учителем, потом соавтором на протяжении нескольких десятилетий и близким человеком. Хорошо помню нашу первую встречу в его маленькой квартире на Торжковской улице в начале моей аспирантуры. Тема моей дипломной работы оказалась тупиковой, надо было все начинать заново, и я ощущал себя неуверенно. Т. К. рассказал мне тогда о своей статье (совместно с Моисеем Наумовичем Адамовым), которая показалась мне полностью понятной и простой настолько, что я к следующей встрече набрался наглости и предложил ее некое развитие. Позже я понял, что это был фирменный стиль Т. К. при общении с молодыми сотрудниками, нацеленный на то, чтобы юнец поверил в свои силы: изложить задачу так, чтобы она показалась до абсурдности простой, оставляя рассказ о подводных камнях на будущее. Томас Карлович не читал лекций, возможно, потому, что часто и тяжело болел, но в личном общении объяснял физические задачи блистательно. Он явно чувствовал себя среди квантовых объектов как дома и в области теории атомов и молекул, по-моему, знал все. <...>. Чуть-чуть утрируя, можно сказать, что он умудрялся получать важные физические результаты «на пальцах». Желая понять, что я имею в виду, могут ознакомиться с его опровержением тезиса об обязательном диамagnetизме молекул с замкнутой оболочкой или, если говорить о последних работах, с выводом границ энергий связанных систем гравитирующих бозонов. Мне и другим аспирантам было легко с Т. К. Он всегда был тактичен, подчеркнуто уважителен (всегда, даже после десятилетнего общения, называл собеседника по имени-отчеству), никогда не повышал голос. Однако в других ситуациях он мог быть насмешливым, вспыльчивым и резким, особенно когда речь шла о погрешностях против научной этики. В публичных выступлениях он говорил только то, что думал, хотя, разумеется, и не все, что думал. Среди моих ярких зрительных воспоминаний о Томасе Карловиче — наши встречи в Петергофе по дороге от дома к университету. Т. К. и Валентина Николаевна каждое утро выходили на прогулку, обычно одетые в черное; шли быстро, изредка перелазиваясь словами, улыбаясь знакомым. Им было хорошо вместе».

Вот так-то — «гравитирующих бозонов». Вы не находите, что это звучит прелестно?

Игорь Розенфельд, коллега отца по кафедре философии, у которого с заведующим кафедры философии, по его собственному признанию, были непростые отношения, тем не менее, упоминает и о джентльменском характере Яна Ребане и характеризует время, когда Ян Ребане руководил кафедрой, порой ее процветания.

И братья, и их младшая сестра Мина много читали, дома у всех была большая библиотека. Любимой книгой тети Мины был «Бравый солдат Швейк» Гашека. Неудивительно — она сама обладала превосходным чувством юмора, ее остроты сыпались как из рога изобилия. У нее был врожденный талант остроумия, скажу так.

Удачно пошутить умели все братья Ребане. Дядя Карл, когда ему было уже около восьмидесяти лет, непременно подчеркивал, что он «мужчина среднего возраста» потому что он «сегодня старше, чем вчера и моложе, чем завтра».

Игорь Розенфельд вспоминает: «Свойственная Яну Ребане ирония и юмор (часто сардонический) были направлены на беспорядочные («несистемные») и «хаотические» явления на кафедре. Его иронию, например, вызывал один «творческий» аспирант, который иногда являлся на кафедру в расстегнутой на животе рубашке. Будучи педантом (и если угодно перфекционистом) организации, Я. Р. ценил точность в работе и естественно не любил опозданий (за что попадало и мне). Одному общему знакомому (пример собственного Я. Р. сардонического юмора) он сказал, что в силу своей склонности к опозданиям он может опоздать и на собственные похороны. Я. Р. принадлежала и шутка по моему поводу, когда на предложение выгнать меня из аспирантуры с почти написанной диссертацией он сказал, что это «равносильно тому, чтобы делать аборт на девятом месяце беременности».

В советское время книги были дефицитом и приходилось сдавать макулатуру, чтобы купить хорошую книгу. Доходило до смешного. Как сейчас вижу дядю Юру, как он кладет в кипу собранной макулатуры даже трамвайный билет. Для него было важно, чтобы его дети, Карл и Катерина, когда вырастут, получили одинаковые книги, и он приобретал по два экземпляра. Кто из нас мог тогда видеть через плотную завесу будущего огромные, заваленные прекрасно изданными книгами книжные магазины нашего времени, но... с редкими покупателями...

На интересовавший меня вопрос о его отношении к научной фантастике, дядя Тоомас ответил: «Читаю с удовольствием. Из советских авторов больше всего люблю Стругацких, из зарубежных Азимова, Воннегута, Брэдбери. «Научная» сторона фантастики не так уж и важна. Она представляет собой лишь комплекс «правил игры», позволяющих ставить интересные социальные и этические проблемы». <...> Человеку нужны в первую очередь человеческие ценности. Чисто техническая романтика его уже не увлекает. Кстати, она не увлекла бы читателя и во времена Жюль Верна, последний всегда вплетал фантастику в канву человеческих или социальных проблем. Поэтому принципиально неверно отделять фантастику от художественной литературы».

Я посетила дядю в Санкт-Петербурге незадолго до его смерти. Уже слабый, с трудом поднимающийся из постели восьмидесятилетний старик, что называется, в исподнем, сидел на краешке кровати, на столике перед которой был установлен монитор, и переписывался с коллегами-учеными. Он писал и отправлял в печать свои новые научные статьи, продолжал активно работать и зарабатывать.

В 2009 году, когда со смерти моего отца прошло уже шестнадцать лет, состоялась встреча, для меня почти мистическая.

Тете Мине позвонил Эльмар Йозеп, одноклассник моего отца. Они сидели с моим отцом в школе за одной партой (в эстонском языке есть очаровательное слово «pinginaaber» — сосед по парте). После окончания школы они не виделись, так как с приходом советской власти в Эстонию отец Эльмара, констебль, был репрессирован. Семью сослали в Сибирь, главу семьи расстреляли.

Я с душевным трепетом шла на эту встречу. В моем понимании Эльмар должен был ненавидеть моего отца, преуспевающего в советское время. Но мне так хотелось узнать хоть что-то о школьных годах папы. Такая встреча — своеобразная весточка от ушедшего.

Каково же было мое изумление, когда выяснилось, что Эльмар питает к моему отцу самые добрые чувства. А также к его братьям и ко мне, его дочери. Это были не пустые слова. Он тут же добрым словом упомянул меня в статье о женщинах-писательницах Эстонии, а в своем объемном труде, книге «Пярнуская общая гимназия с начала до 1952 года» пишет: «Колоритнейшей фигурой нашего класса был Ян Ребане. Он был отличником, но при этом не зубрилой. В шахматах ему не было равных — во всей школе ему мог противостать только один человек — его младший брат Карл. <...>. Ян всегда помогал мне — подсказывал».

Мудрый, уже девяностолетний Эльмар Йозеп, прекрасно понимал, что вовсе не преуспевший потом при новой власти одноклассник репрессировал его семью. Просто, как говорят в таких случаях — Эльмар попал под колеса истории, хоть и не воевал, но невольно оказался не на стороне победителя, когда по крохотной стране прокатилась война гигантов.

Во время написания этой статьи ушла из жизни моя тетя Мина. Я успела прочитать ей только начало. Ее последней шуткой в жизни было: «А в конце напиши: самой умной в семье ученых была их сестра».

Наталья ГОРБАЧЕВА

п. Сельцо Брянской области

Горбачева Наталья Николаевна родилась 22 сентября 1958 г. в п. Сельцо Брянской обл. Окончила Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского. «Чтобы увидеть радугу, нужно пережить дождь» — жизненное кредо Натальи Горбачевой. Более сорока лет она посвятила работе с детьми в школах г. Сельцо. Имеет отраслевую награду — почетный работник общего образования. В настоящее время общественная деятельность и литературное творчество дают ей силы для дальнейшей жизни. Член МСПМИ.

ПАМЯТЬ ЖИВА

Более семидесяти пяти лет страну озаряет свет Победы в Великой Отечественной войне. Но подвиг тех, кто победил фашизм, бессмертен, он будет жить в веках... Сквозь время говорят с нами те, кто уже никогда не вернется, не обнимет детей, внуков, друзей...

...Я держу в руках пожелтевший от времени листок, называемый «похоронкой». Адресован он бабушке Антонине Александровне. Читаю...

«Уважаемая т. Горбачева А. А.! Командование войсковой части извещает, что Ваш муж — капитан Никита Семенович Горбачев, 1908 года рождения, уроженец села Холмищи Ульяновского района Орловской области... 23 января 1942 года в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб смертью храбрых в районе села Чваново-Сорочко Калужской области...»

...Бабушка Тоня в неполных тридцать четыре года осталась вдовой с четырьмя детьми на руках. Они вынуждены были ютиться в землянках на оккупированной территории, потому что лесной поселок, где жила ее семья, немцы сожгли дотла...

Вспоминая дедушку Никиту, я вижу перед собой молодого парня, страстного, сильного, отчаянно смелого, мастера на все руки — настоящего народного самородка...

...Молодой комсомолец уговорил отца с матерью вступить в коммуну «Прогресс», активно участвовал в коллективизации. В 1930 году двадцатидвухлетнего Никиту приняли кандидатом в члены партии и в этом же году призвали в ряды Красной Армии. Закончившего 1-ую пограничную школу имени Ворошилова в Новом Петергофе младшего лейтенанта Никиту Горбачева послали служить на польскую границу. Был он и начальником заставы на Севере, участвовал в войне с белофиннами. 28 апреля 1941 года его направили на учебу в Москву. Здесь и застало молодого офицера сообщение о начале Великой Отечественной войны. Свой боевой путь Никита Горбачев начал на Западном фронте в ОМСБОНе (отдельном мотострелковом батальоне особого назначения), где командовал ротой. Участник обороны Москвы, Никита Горбачев всегда был примером доблести и героизма для своих солдат.

...Жизнь и подвиг Никиты Семеновича Горбачева не забыты. Подробный рассказ о нем опубликовала районная газета «Ленинское знамя» — орган Думиничского райкома КПСС Калужской области. Материал о нем хранится в Москве, в музее войск МВД СССР. Копии писем и другие материалы хранятся в Дмитровских школах № 6 и № 7. Коммунист Н. С. Горбачев был настоящим героем, чья короткая жизнь стала образцом мужества и верности воинскому долгу. За образцовое выполнение боевых заданий командования в борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество капитан Горбачев Н. С. награжден правительственными наградами — медалью «За боевые заслуги» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24.1.1942 г.) и орденом «Красное Знамя» (приказ войск Западного фронта № 01192 от 30.10.1942 г.)

Вот как описывает подвиг Никиты Семеновича Горбачева его однополчанин В. Лысов в газете «Путь Ильича»: «В первых числах декабря 1941 года командир роты капитан Никита Горбачев и политрук Николаенко сообщили бойцам о полученном ими приказе: необходимо в кратчайший срок построить переправу через канал неподалеку от взорванного нашими минерами моста... Самоотверженно трудились все бойцы. Никто не обращал внимания на вражеский обстрел. Бойцы невольно любовались своим командиром. Стройный, подтянутый, отличный спортсмен и меткий стрелок, он также ловко и сноровисто умел орудовать и топором. Строгий и требовательный в бою командир умел веселой шуткой подбодрить падающих от усталости бойцов. Задание было выполнено в срок. По наведенной переправе двинулись наши танки и артиллерия. Началось наступление Красной армии под Москвой...

...В начале января 1942 года оперативному отряду лыжников под командованием капитана Горбачева и старшего лейтенанта Лазнюка была поставлена задача: пройти через линию фронта в тыл противника, совершить глубокий рейд по тылам, и в районе «Вязьма — Дорогобуж» вести разведку, нарушая главные коммуникации противника, разрушая железные дороги и мосты. Храбро и мужественно сражался отряд Горбачева с превосходящими силами противника у деревни Чваново Калужской области. Более ста фашистов погибли на заснеженном поле. Но таяли силы и лыжников. Основные силы отряда во главе с комиссаром Николаенко стали пробиваться к деревне Сорочки, а капитан Горбачев с пятнадцатью бойцами остался прикры-

вать их отход. Здесь, на большаке, между Чвановым и Брынью, капитан Никита Горбачев и его пятнадцать лыжников погибли смертью храбрых...»

В память о тех событиях в селе Брынь воздвигнут мемориал павшим воинам и землякам, где покоится прах шестисот восьмидесяти четырех воинов, погибших при освобождении села и близлежащих деревень Калужской области, о чем свидетельствует Книга Памяти Думиничского района Калужской области...

Тяжело перенесла Антонина Александровна известие о гибели любимого мужа. Оставшись молодой вдовой, замуж она так и не вышла. После войны семья переехала в поселок Эдазия. Бабушка работала в колхозе, заведовала библиотекой-передвижкой. Односельчане ее уважали. Будучи мудрым человеком, бабушка Тоня могла успокоить, найти нужное слово для каждого, кто нуждался, помочь тем, что было в доме. Удивительно, откуда только брались силы у хрупкой женщины, как смогла она в суровые годы военного лихолетья и послевоенной разрухи вырастить троих сыновей и дочь, дожидаться внуков и правнуков?!

Умерла она в 1984 году. Добрая память о бабушке Тоне и дедушке Никите живет до сих пор в воспоминаниях моей семьи и земляков.

Чувство беспрельной гордости вызывает у меня великий подвиг моих дорогих и родных людей. Память о них, а значит, и память о войне будет жить вечно.

Любовь СЕРДЕЧНАЯ

г. Санкт-Петербург

Любовь Сергеевна Сердечная — автор десяти книг стихов. Печатаются в поэтических альманахах Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Киева, Твери, Красноярска и др. Награждена медалью «125 лет Маяковскому» за вклад в русскую литературу. Лауреат национальной премии «Поэт года» за 2017 г. в номинации «Песни». Руководитель Смоленского обл. ЛитО «Родник» им. Юрия Пашкова (2013 — 2021 гг.). Член СПР.

ИНАЧЕ НЕЛЬЗЯ

По воспоминаниям матери, Сердечной (Кучинской) Галины Ивановны, отца, Сердечного Сергея Сергеевича, бабушек Кучинской Варвары Ивановны и Сердечной Домны Михайловны.

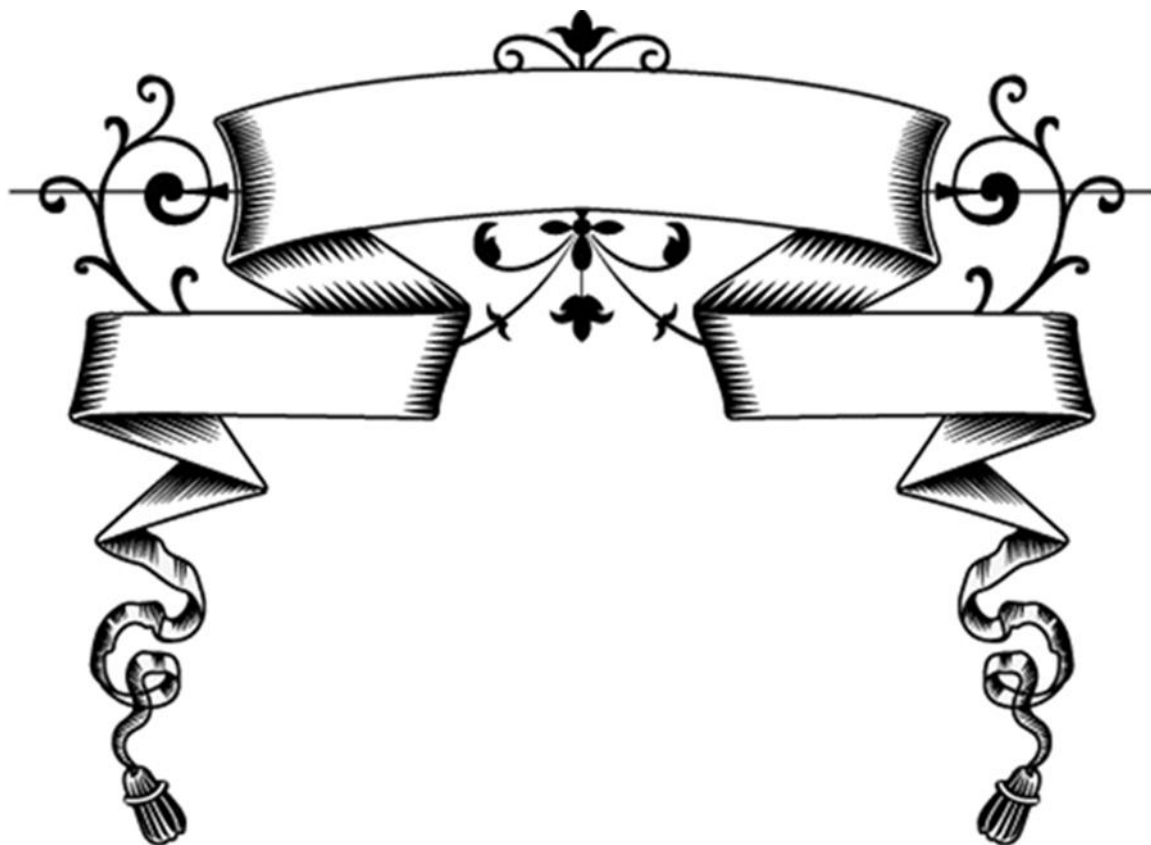
У каждого человека должны быть мама, папа, две бабушки и двое дедушек. У меня, как и у многих детей моего поколения в моей стране, дедов не было. Их забрала война.

Мой дед по маме, Кучинский Иван Лукьянович, был кадровым военным и служил в 152-м артиллерийском полку, который дислоцировался в Гродно. Этот приграничный город принял на себя первый удар фашистских войск, и почти весь личный состав полка погиб в первый же день войны. Город был подвергнут страшной бомбежке. Раненых бойцов и мирных жителей отправили в госпиталь. Но на следующий день, 23 июня, Гродно захватили немцы и госпиталь был интернирован вместе с гражданским обслуживающим персоналом (врачами, медсестрами, нянечками). По словам очевидцев, немцы вывезли раненых и персонал в лес и расстреляли. До сих пор в архиве Минобороны РФ они значатся как «пропавшие без вести в июне 1941 года». Нашей семье «повезло». В госпитале работала знакомая бабушки, которой удалось спастись. Позже она связалась с ней, рассказала в письме о судьбе ее мужа и указала место захоронения. Бабушка утешалась тем, что ездила на могилку, возила нас с собой, рассказывала нам постоянно о нашем дедушке, Иване Лукьяновиче. За несколько дней до войны он успел в срочном порядке отправить семью (жену, Кучинскую Варвару Ивановну, и двоих детей Леню и Галю) в Витебск к родным, якобы в отпуск. Но спасти их от войны не смог. На начало войны моей маме было четыре года, ее брату — шесть лет. Они приехали в Витебск к нашей прабабушке, Акулине Макаровне Величко, за день до войны. И вскоре попали в немецко-фашистскую оккупацию. Они были схвачены и отправлены в концлагерь. Их гнали все дальше на запад. И снова «везение»: семью не разлучили. Все это страшное время они были вместе. Советские войска освободили их в 1944 году из концентрационного лагеря под Кенигсбергом. Они вернулись в Витебск, где и встретили победу.

Другой мой дед, Сердечный Сергей Александрович, ушел на фронт в самом начале войны. Вестей от него не было, поскольку семья, жена и малолетние сыновья (Сергей шести лет, и Михаил, которому был тогда всего год) остались на оккупированной территории Белоруссии. Никакая информация туда не проникала. И бабушка, Сердечная Домна Михайловна, до своего последнего вдоха ждала его с войны. Несколько лет назад, когда сведения из «Книги выбытия и потерь» появились в свободном доступе в интернете, его правнуки нашли такую запись: «Сердечный Сергей Александрович, 1914 года рождения, пропал без вести в июле 1944 года». Осталась память о нем и фамилия, которую носят его потомки...

Я не знала своих дедов. Я не сидела у них на коленях. Они не рассказывали мне сказки. Не учили умному. Но они всегда присутствовали в моей жизни. Они жили в воспоминаниях мамы и папы, в рассказах бабушек, в их молитвах. Они воспитывали меня, как если бы они были рядом. Теперь они воспитывают моих внуков. Потому что память о них жива. И будет жить в поколениях. Иначе нельзя.

ДЕТАМ И О ДЕТАХ

НИКОЛАЙ ЗАЙЦЕВ
НИКОЛАЙ МАКАРОВ
ЛАРИСА СЕМЕНИЩЕНКОВА
ГАЛИНА ЗЕЛЕНКИНА
СЕРГЕЙ О. КРЕСТЬЯНКИН
СЕРГЕЙ ПРОТЯНОВ
ВЛАДИМИР ГУЛЯЕВ
ВАСИЛИЙ ТАРАКАНОВ
ГАЛИНА РАЗБАЕВА

НИКОЛАЙ ТИМОХИН
ГРИГОРИЙ ГАЧКЕВИЧ
СЕРГЕЙ ДАШТАМИРОВ
ЕВГЕНИЙ ШЕПЕЛЕНКО
АННА ВОРОНИНА
ЛЮБОВЬ БОНДАРЕНКО
ОЛЬГА АНДРЕЕВА
ЮЛИЯ ВОЕВОДИНА
ОЛЕГ СЕВРЮКОВ

ЕВГЕНИЙ ТАТАРНИКОВ

Николай ЗАЙЦЕВ

г. Талгар Алма-Атинской области Казахстана

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ ОКНА

Наверное, можно смотреть в окно дома, проходя по улице, или из сада, но за окном все интереснее — там протекает жизнь. Ходят люди, растут деревья, летают птицы. Там еще что-то есть живое и красивое, как мечта, которая тоже устремляется за окно, улетает за горизонт, но никогда не возвращается исполненной кем-то, способным это сделать. Вот синичка, которую он кормит крошками хлеба, тоже улетает куда-то, но возвращается к его окну и стучит клювиком в стекло, требуя еды или просто внимания. Она такая маленькая, но умеет летать и прыгать на своих крохотных ножках — прыг-скок, прыг-скок. Он тоже еще маленький, но не умеет стоять на ногах, а только сидеть в коляске и передвигаться в ней по комнате. Комната — это целая планета, где он живет, другие места обитания ему неизвестны и пока незнакомы. Когда мама уходит на работу, он остается на планете один и тогда все пути на ней ведут к окну, а там другой, инопланетный мир — красивый, но недоступный от невозможности ступить по нему. С каждым новым днем заоконный мир ширится и растет, а планета обитания скукоживается, как проткнутый иголкой воздушный шарик, и все меньше интересных мест остается в комнате, и все больше неизведанного таится для взгляда в окне. Когда-нибудь он заглянет в свою комнату с другой стороны окна и обнаружит здесь что-то незамеченное им ранее, может быть, возвратившуюся домой мечту, ведь это его мечта и она должна вернуться исполненной, а если нет, то зачем мечтать? Не может того быть, чтобы мечталось просто так, и мама об этом говорит и тоже мечтает о своем счастливом времени, в котором будет и он — ее сын. Какая же это, наверное, радость увидеть маму счастливой.

А люди, что ходят за окном, они тоже, наверное, выходят из дому за мечтой — светлой и красивой. Но если он не может ходить и идти за мечтой ему не по силам, значит, надобно подождать ее исполнения здесь, у окна, чтобы мечта, увидев его, не ушла в другие края, в которых он никогда не бывал. Он бывает там, в тех краях, но только читая книжки и просматривая телевизионные передачи о далеких странах и их обитателях. Сколько же в мире интересного, так и хочется обойти его весь и узнать, где начинается и кончается планета Земля, а, может быть, она нигде и никогда не заканчивается, ведь она круглая, а по кругу можно ходить тысячу лет и никуда не придти. Ох, как же это замечательно бродить по бескрайнему белому свету. Белый свет у него начинается за окном, а в дни, когда мама не ходит на работу, он выходит путешествовать через дверь и сразу попадает в чудесный край света и звуков. За окном мир тоже прекрасен, но когда выходишь в него, он окружает тебя со всех сторон и ты утопаешь в его необычайных красках. Можно потрогать воздух, синеву неба и сказочную зелень травы и деревьев. Все вокруг живое и улыбается ему, ему... а он отвечает радостью своих глаз, рук, врастает в жизнь всем маленьким телом и, кажется, бежит, бежит вдаль, прямо к вершинам высоких синих гор.

Когда-то давно его ножки умели ходить, но потом что-то случилось и они перестали слушаться. Ножки, будто онемели и не слышат его просьб и тихого плача. Нет, он и сейчас умеет ходить, но только во сне и после таких счастливых видений трудно просыпаться. Он уже многому в жизни научился: читать, писать и даже помогает маме мыть посуду, но ее всегда мало и руки быстро справляются с этим делом, а хотелось бы помочь во многих других делах — ходить в магазин, готовить еду и кормить маму и свою подружку синичку.

Для него праздник, когда приходит учитель и они занимаются науками, так называет эти уроки мама. Учитель хороший и добрый человек — старенький, но знает о многих вещах, которых никогда не увидишь в окне, но они существуют независимо от его маленького разума (так говорит учитель) и эти вещи можно вообразить, создать в уме и любоваться ими или пугаться их. Последнее не всегда приятно, и чаще приходит желание восхищаться придуманной самим красотой. Учитель хвалит его, как усидчивого ученика, да он и не может сбежать с урока и не хочет этого делать, но всегда обдумывает похвальные слова учителя, а как бы он себя вел, если бы был здоров, и не находит ответа.

А вчера в их доме был большой праздник. Мама пришла с работы не одна, как обычно, а вместе с дядей Олегом — так он назвался при знакомстве. Прямо так, подал свою сильную руку и сказал: «Зови меня Олег». Это значит, что он пришел надолго, иначе зачем знакомиться, рассказывать о себе, своем детстве и работе? Он строит дома для людей и называет эту работу — возведением жилья. Наверное, это большое счастье — построить дом, а потом увидеть, как туда поселяются жить разные люди? А еще сказал дядя Олег, что мальчику нужен компьютер, чтобы полнее познавать красоту мира. Так и сказал сам и никто его об этом не просил. Мама ответила, что давно мечтала о такой покупке, но пока не хватает средств, много денег уходит на необходимые лекарства. Олег ничего не сказал в ответ, только светлая улыбка озарила его красивое лицо, и я понял, что все в жизни можно исправить, когда за дело берутся смелые и сильные люди. Ведь красивые и смелые люди не должны врать.

Потом они пили чай с вкусным пирогом, который испекла мама, пока они с Олегом знакомились, весело болтали и такого славного вечера уже давно не случалось в их тихом доме. Перед своим уходом Олег

поведал ему доверительно, как мужчине, что у него есть давний друг — доктор, который творит чудеса и многих людей поставил на ноги и завтра он придет сюда вместе с ним.

Ночью долго не спалось, он думал о людях, которых чудесный доктор поставил на ноги и даже видел их, как они ходили, а потом бегали и смеялись от счастья. И уснул он с верой в чудо, что если многие люди пошли и даже побежали, то и маленький мальчик тоже сумеет выздороветь, благодаря этому доброму доктору. И тогда он, первым делом, выйдет на улицу и, поднявшись на цыпочки, как это делает соседская девочка, когда приходит к нему поговорить, и заглянет в свое окно с другой стороны и обнаружит там счастье, в образе улыбающейся ему мамы. Это и есть его главная мечта, и она обязательно исполнится, надо только верить добрым людям.

А вот и синичка прилетела, стучится и приглашает к разговору. Он угостит ее крошками от вчерашнего пирога и расскажет ей все свои маленькие, но такие хорошие новости.

Талгар, 2019

Николай ТИМОХИН

г. Семипалатинск, Казахстан

НОВОЕ И ЛУЧШЕЕ

Прозвенел звонок на перемену.
Через пять минут ворвутся в класс
Малыши — моя «вторая смена»,
Пятьдесят красивых детских глаз.
Двадцать пять веселых ребятишек

Ринутся за парты, чтоб опять
Окунуться в мир учебы, книжек,
В ту страну, где каждый помечтать
Сможет о прекрасном и о счастье.
Слышу, вот, бегут по коридору.
И при входе крикнут громко: «Здрасте»,
Поприветствуют меня и школу.

Приснилась снова школьная пора
И галстук пионерский на груди.
Когда поспать хотелось по утрам,
Чтоб в школу опоздать и не пойти.
Но предо мною множество дорог
Открыто было, по которым я
Спешил потом, как прежде на урок,
Познать хотел все, что влекло меня —
Ведь интересно, сколько солнцу лет?
И застывает почему вода?..
Считал беды страшнее в жизни нет,
Чем двойка в дневнике моем. Всегда
Я буду это время вспоминать.
И галстук пионерский на груди.
Дороги часто снятся мне опять,
Те, по которым не успел пройти.

«Сынок, иди скорей домой!»,
Мне мама из окна кричала.
Далекий голос и родной —
Души поющее начало.
Порой хочу все повторить —
Как бегал в школу, в институт.
Ведет меня в былое нить,
Лишь сердце остается тут.

Уносят вдаль меня года,
Как будто кони в колеснице.
И нет возврата никогда
Поре, которая мне снится.
И часто утром сам не свой
Я слышу вновь из детства крик:
«Сынок, иди скорей домой!»
И снова длится счастья миг...

Николай МАКАРОВ

г. Тула

Гвардии майор медицинской службы (Воздушно-десантные войска), член СПР, Российского Союза ветеранов Афганистана, Тульского общества православных врачей, редколлегии журнала «Приокские зори». Лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова, литературной премии правительства Тульской обл. им. Л. Н. Толстого и премии им. С. И. Мосина. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

СКАЗКИ ПРО ЛЕС

Сказки, а может, и не сказки для самых маленьких и самых умных мальчишек и девочек, а также для взрослых, для всех взрослых: и умных, и не очень.

ПОЖАР

Случился в Лесу пожар. Большой пожар. Все звери,— да, да,— все звери стали спасать Лес. Стали тушить огонь. Стали вытаскивать из огня малышей. Лиса несет двух зайчат. Медведица появляется в обгоревшей шерсти с волчонком. Зайцы вместе с Волками таскают из речки воду.

Забыли звери в момент большой общей опасности свои обиды. Забыли свои недовольства друг другом. Забыли распри между собой. Все встали плечом к плечу. И победили! Отступил огонь. Прекратился пожар. Все вместе, всем миром отстояли звери свой Лес. Отстояли самих себя. Своих детей. Победили...

БЕДА

Нагрянула в Лес Беда. Огромная Беда. Страшная Беда.

Собрались Зайцы.

— Мы одни победим эту Беду! — сказали они. И не победили. А Беда становится вместе больше.

Собрались Лисы.

— Мы одни победим эту Беду! — сказали они. И не победили. А Беда становится все больше и больше.

Собрались Волки.

— Мы одни победим эту Беду! — сказали они. И не победили. А Беда становится все больше, больше и больше.

Собрались Медведи.

— Мы одни победим эту Беду! — сказали они. И не победили. А Беда становится все больше, больше, больше и больше.

Весь Лес Беда захватила.

Тогда собрались все звери: и Зайцы, и Лисы, и Волки, и Медведи. И все вместе как набросились, как накинулись на огромную Беду, так и отступила она перед ними. Ушла, убежала из Леса. И больше никогда не приходила в этот Лес.

МОСТ

По Лесу текла речка. А моста на этой речке не было. И звери в гости друг к другу добирались, кто как мог. Медведи переходили речку вброд. Волки и Лисы переплывали речку. Зайцы переправлялись на бревнах. Одни неудобства для всех. Весной, когда речка разливалась, и вовсе было не переправиться на другой берег.

И начали звери строить мост.

Зайцы первыми построили. По этому мосту могли ходить только одни Зайцы. Но не Лисы, не Волки, не Медведи.

Лисы построили. По этому мосту могли ходить только Лисы и Зайцы. Но не Волки, не Медведи. Волки построили. По этому мосту могли ходить и Волки, и Лисы, и Зайцы. Но не Медведи. Медведи же что-то долго мост строят. Никак к зиме не успеют. Тогда на помощь Медведям пришли остальные звери: и Зайцы, и Лисы, и Волки. И все вместе построили один большой мост, по которому могли ходить все звери. Даже Слоны и Бегемоты, если вдруг приедут в гости в Лес.

ИСТОРИЯ ЛЕСА

Решили звери написать Историю своего Леса. Решили и написали. Зайцы написали свою Историю. Лисы написали свою. Волки написали свою. Медведи написали тоже свою. Все звери написали. Но История у всех получилась разная. У Зайцев — Зайцы самые главные, самые умные, самые, самые... У Лис — Лисы самые главные, самые умные, самые, самые... У Волков — Волки самые главные, самые умные, самые, самые... У Медведей — Медведи самые главные, самые умные, самые, самые... Но такого не может быть. Не бывает такого, чтобы История одного Леса была разная. Придумались звери. Сели все вместе на лужайке в кружок и написали одну Историю. Одну Историю их Леса. Настоящую, правдивую историю, в которой написали обо всех. Никого не обидели. Правдой нельзя обидеть. Ничего не сочинили. Написали так, как было на самом деле.

ФЛАГ

Решили звери иметь в своем Лесу флаг. Как же без флага? У всех есть и у них должен быть. Флаг — это символ Леса, это частичка самого Леса, его лицо, его визитная карточка. Зайцы предложили белый флаг. Лисы предложили оранжевый флаг. Волки предложили серый флаг. Медведи предложили коричневый флаг. Долго спорили — чей флаг лучше. Каждый доказывал, что их флаг, их цвет лучше других. Больше всего подходит к их Лесу. Чуть до драки не дошло. Вдруг звери притихли. Вспомнили, как писали Историю Леса. И решили: раз у них у всех Лес один, то и флаг должен быть один, на котором будут все цвета: и белый, и оранжевый, и серый, и коричневый, и зеленый. Лес-то летом стоит весь зеленый.

«БЕЗ» И «БЕС»

С приходом учителей из Заморского Леса в школах стали коверкать родной язык нашего Леса. В словарях, в учебниках, во всех книгах не было в словах приставки «бес». Была только приставка «без». Посудите сами. «Безсердечный». Все понятно. Плохой, нехороший. Сравните. «Бессердечный». Что получается? Бес (как у Пушкина в сказке про Балду), то есть черт — сердечный. Вот так раз! Вот как исковеркали заморские учителя родной лесной язык. Черт, оказывается, у них друг сердечный. И множество других слов перевернули с головы на ноги приставкой «бес». Опять на выручку жителям пришли Мудрецы Леса. Исправили во всех словарях, учебниках, во всех книгах приставку «бес» на приставку «без». Все стало понятно, все встало на свои места. Как было и раньше в их родном лесном языке.

ЖВАЧКА

Из Заморского Леса в наш Лес привезли что-то похожее на конфеты. В ярких красивых обертках-фантиках. С сюрпризами внутри. Развернешь фантик и не знаешь: конфета эта или что-то другое. Почти как конфета. Сладкая, душистая, во рту тает. Быстрее бери одну в рот, три — про запас и жуй целый день эти жевательные резинки. Эту жвачку. Стали все звери с утра до вечера жевать эти резинки. Жуют-жуют, жуют-жуют. Есть перестали, пить перестали. Все жуют и жуют свою жвачку. Через некоторое время все звери стали походить на тупых, равно-

душных ко всему жвачных животных. Безразличные к себе, к своим родителям и своим детям. И Зайцы, и Лисы, и Волки, и Медведи все стали на одно лицо.

Хорошо, спохватились вовремя звери в Лесу и выбросили на свалку жвачку. Выбросили и ту, что жевали, и ту, что купили про запас, и ту, что осталась в магазинах и на складах. И постепенно все звери Леса стали похожими сами на себя. Зайцы стали похожи на зайцев. Лисы — на лис. Волки — на волков. Медведи — на медведей. А не на жвачных животных.

ОБМАНЧИВЫЕ «ДОГИ»

В другой раз привезли из Заморского Леса какие-то непонятные фрукты. Фрут-дог, ягод-дог, другие разные «доги». Все в разноцветных обертках-листочках. С яркими картинками. Реклама на каждом шагу.

— Кто купит десять штук — одиннадцатый бесплатно.

Перестали звери есть продукты своего Леса. Накинулись на заморские диковинки. И стали болеть. Вначале заболели малыши. Кто худеет. Кто жиреет. И у всех заболели животики. Затем заболели взрослые звери. Заболели и призадумались.

— С чего бы стали все в Лесу болеть?

Быстро звери смекнули, что все их болезни от заморских продуктов. В один день перестали они есть эти такие обманчивые «доги». И перешли на продукты своего родного Леса.

ЗАМОРСКАЯ МУЗЫКА

Однажды жителей Леса рано утром разбудил какой-то страшный рев и вой. Как будто кого-то избивали, и кто-то жутко кричал от ужасной боли. И все сопровождалось грохотом тысячи барабанов и скрипом тысячи несмазанных дверей.

Пока звери разобрались, пока выяснили, откуда эта мерзость взялась, у всех, особенно, у малышей, разболелась голова. Заложило уши. Пропал аппетит — никто не мог в это утро даже позавтракать в Лесу. Замолкли утренние соловьиные трели. Все звери застыли в каком-то оцепенении.

А ларчик просто открывался. Эта музыка, если можно назвать ее музыкой, появилась от подключенного к радиосети магнитофона с кассетой из Заморского Леса. Кто-то специально или по ошибке включил ее в Лесу. И оглохли, заболели все звери. Стоило только выключить магнитофон, и постепенно перестали болеть уши, прошла головная боль, появился аппетит. Защебетали птицы, зажужжали пчелы, раздался смех. Лес продолжал жить своей нормальной повседневной жизнью.

ОДЕЖДА

Одежду тоже хотели привозить из Заморского Леса. Всю в заклепках, молниях, многочисленных карманах. Всю в непонятных красках. Одна шуршала, как бумага. Другая одежда гремела, как ржавое железо. Как в такой одежде ходить?

Жители нашего Леса сразу разобрались с этой одеждой. Кто захочет носить бумагу или железо? Вместо своей родной одежды, которая сделана из своих лесных и полевых материалов. Из льна, хлопка, липы. Других, но своих, родных материалов.

СОКИ

В Лесу на каждом шагу продавали соки по одной копейке за стакан. Березовый сок. Кленовый сок. Цветочный сок. Сок из клюквы. Сок из малины. Много других разных и вкусных соков. Без красителей. Без добавок. Без возможной «химии».

Все звери были довольны. Все пили натуральные соки из своего родного Леса.

И когда из Заморского Леса привезли напитки, всякие там молы, пепси, наши звери просто не стали их пить. Не понравились им эти заморские напитки. Подделки под настоящие соки.

РОЩА

Недалеко от Леса росла Роща. Вернее, когда-то росла. Со временем из Рощи тоже должен был вырасти Лес. Но, увы, жители Рощи захотели легкой жизни. Ничего не делать, а все иметь. И стали пилить вековые деревья и продавать в Заморский Лес. Пилили год. Пилили два. Пилили три года. На четвертый захотели пилить деревья и снова продавать. Глядь, а деревьев-то нет. Кончились деревья в Роще. Засохли, заросли родники. Улетели птицы. Разбежались зверушки. Новые деревья, когда еще вырастут. А чтобы деревья выросли, их вначале надо посадить. Но никто в Роще их не сажал. И стала когда-то цветущая Роща превращаться в Пустыню. В безжизненную песчаную Пустыню.

МУЛЬТИКИ

Взрослые жители Леса никак не могли понять: почему их дети стали друг с другом драться. Грубить взрослым. Обижать малышей. Пропускать уроки в школе. А кто-то даже и курить. Почему вдруг умные, вежливые Зайчата, Лисята, Волчата и Медвежата так резко изменили свое поведение? Почему они вдруг стали другими? В чем причина их злого, нехорошего поведения?

Взрослые быстро нашли причину. Заморские мультики были во всем виноваты. В них показывали одни драки, насилие, аварии, катастрофы. И даже убийства. Это для маленьких-то жителей Леса? Такие ужастики?

— Нет!

Решили все звери и запретили все заморские мультики показывать в своем Лесу.

НЕПОНЯТНЫЕ КОРОБКИ

На окраине Леса со стороны Заморского появились какие-то неизвестные коробки с одной палкой сбоку, похожей на лапу без пальцев. В середине коробки имелась небольшая дырочка. Положишь в дырочку монетку, дернешь палку-лапу и выиграешь кучу монет. Когда получишь кучу монет, можешь нигде не работать. Можешь поехать в Заморский Лес и тратить, тратить, тратить свою кучу монет. А потом снова бросить монетку в дырку коробки. Снова дернуть палку-лапу. И снова получить кучу монет. И снова ничего не делать.

Некоторые звери в это поверили и стали с утра до вечера и с вечера до утра пропадать около этих одноруких бандитов. Много монет они побросали в эти бездонные коробки. Но так никто не выиграл ни одной кучи монет. Да что кучи? Никто не выиграл даже маленькой кучечки из двух монет. Только бросали и бросали свои монетки. Кто-то стал даже продавать вещи из дома, а монетки опять бросать в коробки. Все больше стало коробок в лесу. Все меньше стало смеха, веселья, улыбок и радостных лиц.

Долго бы так продолжалось? Не знаю.

Пока один хитренький Лисенок темной ночью не насыпал во все коробки по горстке речного песка. И все. Сломались коробки. Перестали забирать у доверчивых жителей их трудовые монетки.

КАРТИНЫ

Решили звери украсить свой лес картинами. Заказали знаменитому художнику, живущему в их Лесу. Правда, с какой-то иностранной фамилией был художник. И он нарисовал.

На картинах были изображены звери Леса. Но какие звери?!

Зайцы без ушей, с длинными хвостами. Лисы — синего цвета, но без хвостов. Волки с коровьими рогами на коротких тонких ножках. Медведи с огромными птичьими клювами. Кошмар, да и только. А статуя, огромная статуя в середине Леса? Выше деревьев была статуя. Голова от Лисы, лапы от Зайца, хвост от Медведя, от Волка только зубы. Увидев ее, маленькие дети заплакали от страха и спрятались за деревьями.

— Да! — вздохнули звери.

И попросили убрать из Леса все картины и статую-страшилище.

ТАТУ

Приехали из Заморского Леса гости. В ушах и ноздрах какие-то железки, проколотые через кожу. Все лапы, все туловище и даже головы раскрашены несмываемыми красками. На кого только стали похожи эти гости из Заморского Леса.

— Как дикари, — определили звери Леса.

— Нет, — возражали, якобы цивилизованные заморские гости. — Это новая мода, которой должны следовать звери всего мира. Обязаны следовать, если это предлагаем мы.

— Ваше дело предложить, — ответили и Зайцы, и Лисы, и Волки, и Медведи. — А наше дело быть самими собой. Без всяких ваших этих тату и пирсингов, которые не только выглядят по-дикарски, но и вредят здоровью. Особенно детям.

ЛЕСНЫЕ ДОКТОРА

В Лесу звери иногда болели. Люди болеют, вот и наши звери тоже болели. Иногда болели. Когда забывали делать утреннюю зарядку. Когда не купались в холодной речке. Когда не парились в бане с березовым веником. Когда не пили соки. Натуральные соки из своего Леса.

Вот тогда они и болели. И лечили больных зверей Лесные доктора. У людей есть врачи, и у зверей в Лесу тоже были свои врачи. И лечили своих пациентов Лесные доктора только своими лекарствами, которые росли только в своем Лесу. Они так и назывались: лекарственные растения. От простуды давали чай с липовыми цветками и липовым медом. К ушибам прикладывали листья лопуха или мать-и-мачехи. К каждой бо-

лезни у лесных докторов были свои лекарства. Из своего родного Леса.

ДОРОГИ

Задумали звери в Лесу дороги прокладывать. Из Заморского Леса тут же прислали свой проект. Но звери в Заморском Лесу любили совать свой нос везде и всюду. Даже если их об этом никто и не просил. Дороги прямые, как стрела. С севера на юг. И с запада на восток. Весь Лес разделили на равные квадраты. Разрушали дома наших зверей. Засыпали чистые озера с родниковой водой. Выкорчевывали вековые дубы и корабельные сосны. Все сметали на своем пути. Ничего и никого не жалели.

Посмотрели, посмотрели на этот проект звери и отказались от него. От прямолинейных, однообразных, похожих друг на друга дорог. И проложили свои. По своим старым звериным тропам. Обходя каждый дом, сохраняя родники и озера, не трогая ни одного дерева и муравейника. И получились красивые, великолепные дороги.

СПАСЕННАЯ РОЩА

Житель Леса не забыли, что соседняя Роща погибает. Медленно превращается в Пустыню. В безжизненную землю. Не могли жители Леса оставить в беде соседей. Не могли. И закипела работа. Медведи расчищали, спасали родники. Волки копали ямки под молодые деревья. Лисы нашли воду для поливки посаженных деревьев. Зайцы бережно носили саженцы дубков, сосен, берез, других деревьев.

День работали звери, неделю работали. Много дней трудились все звери. И спасли Рощу. Медленно, очень медленно Роща начала возрождаться. Вновь зеленеть. Вновь стали щебетать птицы. Потянулись покинувшие рощу звери. А звери Леса обещали жителям Рощи, что не дадут больше погибнуть их дому. Их Роще.

ЗАПРЕЩЕННЫЕ ЛЕКАРСТВА

Устроили звери соревнования по различным видам спорта. Написали расписание: когда и какие виды спорта будут проходить на лесном стадионе. Пригласили спортсменов из Заморского Леса.

Наши Медведи легко победили гостей по борьбе и поднятию бревен. Лисы чуть-чуть уступили в плаванье, но победили в фехтовании. Волки... Волки начисто проиграли в беге на длинные расстояния. И не скажешь, что бежали плохо. Бежали очень даже хорошо. Но заморские Волки победили. Намного опередив наших. Как такое могло быть? Плохо тренировались? И Зайцы тоже наши проиграли в беге на короткие дистанции. Вечером тренеры решили, что заморские спортсмены применяют какие-то запрещенные лекарства, чтобы бежать быстрее, выигрывать у наших бегунов. Как это доказать? Как выиграть у заморских гостей? Как их уличить в запрещенных приемах? Неужели и во второй день соревнований в беге наши Волки и Зайцы проиграют?

Но... Но с утра пошел дождь. Соревнования по бегу перенесли на вечер. Вечером половина заморских Волков не добежала до финиша. Другой половине потребовалась помощь врачей. В таком они были плохом состоянии. Конечно же, они намного отстали от наших Волков. А Заморские Зайцы даже отказались бежать! Вот, так. Спросите: Почему?

Да все потому, что в расписание соревнований вмешался дождь. А заморские бегуны применили запрещенные препараты заранее. Думали, что бежать придется утром. И проиграли. И уехали с позором к себе в Заморье.

ПОМОЩЬ

В соседней Роще давно не было дождя. Высохли ручейки. Высохли речки. Высохли озера. Родники прекратили давать воду. Через день-два должны будут погибнуть и деревья, совсем недавно посаженные для спасения Рощи.

Вновь на помощь пришли жители Леса. Зайцы стали носить воду в маленьких ведерках. Лисы — в больших ведрах. Волки и Медведи прокладывали из своей речки канал в сторону Рощи.

Не шумели, не писали в газеты, не выступали по телевидению. Молча делали свое дело: спасали Рощу.

В это время из Заморского Леса под звуки барабанов прибыли машины с водой. Журналисты, телевидение, радио. Интервью заморских водовозов. Мол, они самые главные спасатели. Они одни спасли Рощу. Они... Они... Они... И ничего больше.

Открыли краны в водовозах. Одни оказались пустые. Другие — с грязной, вонючей водой. В третьих, вообще, была одна отравка.

Вот, какой оказалась разрекламированная помощь из Заморского Леса.

БОЛОТО

На дальней окраине Леса располагалось большой болото. Вроде, никому не нужное болото.

— Надо бы его осушить,— на общем собрании решили звери.— И посадить там деревья, чтобы Лес стал еще больше.

Назавтра должны были звери приступить к осушению болота. Но их предупредили Мудрецы Леса.

— Не надо ничего делать с болотом. Если болото осушить, то и родники в Лесу высохнут, перестанут течь ручейки, обмелеет речка. И Лес погибнет без воды. Не только не станет больше, но перестанет совсем существовать. Исчезнет с лица земли.

Вот, что значит вмешиваться в законы Природы без знания этих законов.

ПАМЯТЬ

В Заморском Лесу в каждом кабинете стоят фотографии близких: жен, мужей, детей. Стоят, скорее всего, для украшения. Модно так. Показать другим, как дороги владельцам кабинетов их близкие. Может быть, так оно и есть на самом деле. А может — и нет.

Спросили Заморских владельцев кабинетов об их дедушках, бабушках. Они и не знают о них ничего. Ничего о них не помнят. И не хотят помнить. Да и дети-то также большинству из них нужны для престижа. Все как у других. Все по образцу и подобию Заморской моды.

Но не как в нашем Лесу, где в семье живут и малые дети, и родители, и бабушки-дедушки, и, даже прапрадедушки и прапрабабушки. Весело, дружно, с уважением друг к другу живут. Без горя и печали. И помнят о своих более древних предках.

УДОБРЕНИЯ

Посаженные в Роще деревья поначалу плохо росли. Веточки тонкие. Вот-вот совсем засохнут. Хотя их и поливали каждый день.

— Удобрения нужны! — сказали Мудрецы Леса.

Как по взмаху волшебной палочки из Заморского Леса привезли удобрения. А реклама, реклама, на весь мир реклама!

«Заморские удобрения — самые лучшие!» — «Пользуйтесь Заморскими удобрениями!» — «Пустыни зацветут садами!».

Хорошо, что Мудрецы Леса посоветовали вначале попробовать эти удобрения на чертополохе, который рос неподалеку от Рощи. Попробовали и... И чертополох тут же засох. Завял от заморской «химии».

Но Роща все равно расцвела, вновь зазеленела. Удобрения-то вносили из Леса. Удобрения без «химии», без ядовитых веществ.

А Заморские удобрения сожгли в специальных печах, чтобы ни один грамм этих удобрений никому больше не мог причинить вреда.

РАЗДЕЛ ЛЕСА

Когда деревья были еще маленькими, звери хотели разделить Лес на части. Отгородиться от других высоким забором и жить отдельно ото всех.

Зайцы хотели жить в своей части Леса.

Лисы — в своей.

Волки — в своей.

Медведи — тоже в своей части.

Как делить Лес?

В Лесу речка одна на всех. Дорожки-тропинки одни на всех. Поляны-опушки тоже одни на всех. Это как-то можно еще было поделить на части. Но можно ли? А как быть тогда с пчелами-букашками? Как быть с пением птиц и соловьиными трелями?

И это еще не все.

Части Леса всегда меньше целого Леса. Маленьких всегда может обидеть сильный. Взять тех же жителей Заморского Леса. С большим, целым, неделимым Лесом Заморский Лес считается. Прислушивается к словам Леса. С маленькими частями Заморский Лес церемониться не будет. Сразу завоюет. Сразу объявит своей землей.

Поэтому и не разделился Лес. Стал большим, сильным. Не давал в обиду не только своих жителей, но и других, более слабых, кто обращался к Лесу за помощью.

ЗАЩИТА СЛАБЫХ

На одной окраине Леса было много Муравейников. И через дорогу, отделяющую Лес от Поля, тоже было много Муравейников. Часто ходили через дорогу друг к другу в гости. Из Поля в Лес и из Леса в Поле. Как и положено между одной большой и дружной семьей.

В Заморском Лесу вдруг стали считать Муравейники в Поле своими. Своей территорией. Послали туда войска. Стали разрушать первые Муравейники. Хотя, где же логика? Если Муравейники твои, зачем их разрушать? Зачем уничтожать мирных Муравьев: стариков, детей, женщин? Зачем?

Лес сразу отреагировал на такое беззаконие. Сразу послал свои войска на защиту своих соседей. И отбил агрессора. Прогнал агрессора с Поля. И предупредил незваных «гостей» из Заморья, что Лес никогда не позволит обижать слабых.

МУСОР-ОТХОДЫ

Чем больше становилось жителей в Лесу, тем больше накапливалось всякого мусора-отходов. Дворники не успевали убирать тропинки и опушки. Набралось очень много этого мусора-отходов. Куда девать?

Из Заморского Леса подсказали:

— Вывезите все в Поле и бросьте там. Кто вам что скажет? Мы — не против. Мы и сами думаем в это Поле свой мусор вывозить.

— Нет! Это — не выход.

— Тогда сбрасывайте в речку, — опять полезли советовать из Заморья. — Вода все унесет в Море. Мы у себя так и делаем.

— Мы лучше построим у себя специальные заводы, — ответили из Леса.

И построили. И стали на этих заводах перерабатывать мусор-отходы в полезные удобрения. Не загрязнять не только свой Лес, но и Поля, и Рощи, и Речки.

НАВОДНЕНИЕ

Произошло наводнение. Залило водой весь Луг. Все дома жителей оказались разрушены стихией.

На помощь пришли жители Леса. После ухода воды стали они строить новые дома: более надежные, более устойчивые к различным природным катаклизмам. Из Заморского Леса тоже пришли пострадавшим на помощь — прислали много, очень много строительного материала. Но бревна оказались гнилыми и трухлявыми. Кирпичи рассыпались в щебенку. Гвозди были ржавыми. Вдобавок из Заморского Леса пришел огромный счет за эти никуда не годные строительные материалы.

Все-таки построили жители Луга новые дома. Построили с помощью безкорыстных жителей Леса.

ВЫМИРАНИЕ ЛЕСКОВ

Недалеко от Леса росли небольшие Лески. Однако не росли, а медленно вымирали. Жители Леса предлагали свою помощь. Но и в Леске-1, и в Леске-2 отказались от нее. И продолжали вымирать. А почему?

Если у жителей Леса в семьях было много детей (у Зайцев порой до двенадцати близнецов доходило), то в Леске-1 детей рождалось мало. Один ребенок на семью в лучшем случае. Многие семьи вообще не имели детей. Хотели пожить для себя. И выходило, что, живя только для себя, жители Лески-1 обрекали его на вымирание.

В Леске-2 совсем не было детей. Семьи в Леске-2 состояли или из двух пап, или из двух мам. Поэтому и не было детей. Не могут в однополых семьях быть дети. И Лесок-2 вымирал. Быстрее вымирал, чем Лесок-1.

И ничем жители Леса в этих случаях не могли помочь.

ПЧЕЛЫ И МЕД

И в Лесу, и в Заморском Лесу жили Пчелы. Летали с цветка на цветок и собирали сладкий нектар, чтобы превратить его в мед.

Этот мед и в Лесу, и в Заморском Лесу из ульев доставали Медведи.

В лесу Медведи брали только часть меда. Другая часть меда оставалась Пчелам на зиму.

В Заморском Лесу Медведи забирали весь мед, обрекая Пчел на гибель.

Постепенно заморские Пчелы перелетали в Лес. А заморские Медведи оставались без меда, обвиняя других, только не себя в том, что на зиму остались без еды.

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

В Лесу стали выпускать газету

Печатали в газете новости своего Леса и новости из других мест.

Стали приходить новости и из Заморского Леса. Какие-то странные новости: одни убийства, аварии, катастрофы. Одни страшилки и ужастики. Ни одной положительной статьи. Как будто в их, Заморском, Лесу ничего хорошего не случается...

ОБМАН

В Заморском Лесу собирались представители всех лесов планеты. Поехали и наши звери на этот съезд в Заморский Лес.

Приехали.

Приехали и увидели... джунгли.

Но!!!

Но джунгли были из бетона, стекла и пластика. И ни одного деревца. Ни одного живого цветочка. Ни одного щебетания какой-нибудь пташки

Вот вам и Заморский Лес. Вот так и во всех своих делах заморские звери обманывают других, говорят неправду. Учат всех...

«ТЫ» И «ВЫ»

Все звери в Лесу обращались друг к другу на «ты», как и положено в одной дружной семье. И к родителям, и к дедушкам-бабушкам, и к маленьким детям. Как, повторяю, и положено в одной семье. А жители Леса все считали себя одной семьей и жили они долго-долго, дружно и весело.

Приехали гости из Заморского Леса. Стали не только между собой, но и к жителям нашего Леса обращаться по-другому.

— Вы кто — такие?

— Вы почему не говорите нам «вы»?

И в Лесу вскоре все стали друг другу «выкать». Про «ты» стали забывать.

Тогда Мудрецы Леса объяснили. «Ты» — это лично ты. «Вы» — это весь Род: от самого первого предка до самого последнего потомка.

Вот что, оказывается, означает обращение «вы». В давние-давние времена знаменитый лесной Полководец говорил своим врагам:

— Иду на вы!

И шел. И побеждал весь вражеский род, чтобы никому никогда не было повадно нападать на Лес.

Григорий ГАЧКЕВИЧ

г. Кишинев, Молдавия

Гачкевич Григорий Миронович — поэт, пишет стихотворения для детей (на русском, английском и румынском языках). Родился в 1973 г. в Молдавии. Автор двенадцати поэтических книг. Регулярно публикуется в различных российских и зарубежных изданиях. Многократный лауреат международных литературных конкурсов.

ПОДБОРКА СТИХОТВОРЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ, ЛЮБЯЩИХ ВОЗВРАЩАТЬСЯ В ДЕТСТВО

ПОЛЕТ

Я мечтаю стать пилотом,
Чтоб в лазоревую высь,
Слившись с птицей-самолетом,
За мгновенья вознестись,
Чтобы вровень с облаками
Среди волн воздушных плыть,
Протянув под небесами

Своего маршрута нить,
Чтобы к солнцу стать чуть ближе,
Чтобы лучше рассмотреть,
Как оно лучами брызжет,
Чтобы весь наш мир согреть!
...И, наполнившись простором
Под покровом голубым,
Я вернусь в любимый город
Просто чуточку другим...

ДОБРЫЕ ПИРАТЫ

Проложило солнце в море
Позолоченный проспект,
По нему, с волнами споря,
Мы идем за солнцем вслед.
Катер наш — совсем не шхуна,
Не трехмачтовый фрегат,
Но мы счастливы безумно:
Я и Макс, мой младший брат!
За штурвалом — сильный папа,
Он сегодня — Черный Боб,
И чернее ночи шляпа
Прикрывает папин лоб.
Макс сегодня будет Биллом,
Я решил, что буду Пью,
Кровь быстрее мчит по жилам,
И от счастья я пою!
И несется над волнами
Про сундук и мертвецов,
И хохочет папа с нами,
Самый лучший из отцов!
Да, сегодня мы — пираты,
Только добрые вполне!
Вот и рыбы очень рады
И взлетают на волне!
Знаю, будет нам непросто:
Ждут нас штормы на пути,
Но я верю, новый остров
Вместе сможем мы найти!

КОТ И ЖАРА

Было жарко. Пятый день
Не спасала даже тень.
Кот наш в доме тихо ждал,
Что откроется портал
В те прохладные миры,
Где живущие бодры.
Там на ум и не придет
Просто так покусать лед,
И не держится жара
Прямо с самого утра...
Кот был даже не готов
Промякувать пару слов,
У кота еще ведь шерсть —
И не мог он даже есть.
Лишь беззвучно кот лежал,
Ожидая вход в портал,
Где среди прохладных льдин
Будет ждать его пингвин.

ПЛОМБИРНАЯ СТРАНА

Как попасть в волшебный мир,
Где на ветках, словно слива,
Зреет холодом пломбир
И качается красиво?
В том краю в июльский зной
Все стремятся в сад прохлады.
Поспешим и мы с тобой —
Нам, конечно, будут рады!
Все пломбиры так и ждут,
Чтобы их сорвали с веток —
Ведь не просто так растут:
А для взрослых, и для деток!
И, уже собрав с пяток
Крупных, с инеем пломбирков,
Ощутил, что жар, как ток,
Пробежал по мне пунктиром!..
...Я открыл глаза. Где зонт? —
Раскалился я, как печка!
И бежит за горизонт
От меня родная речка!
— Братцы! Жарко! Караул!
Но, ловя ориентиры,
В речку я, догнав, нырнул!..
Может быть, на дне — пломбиры?

МИСТЕР СУПЕРРЫБОЛОВ

Вот летит, расправив крылья,
Кромкой моря пеликан,
Он как флагман эскадрильи:
Мощный клюв и гордый стан.
И, паря над мелководьем,
Словно в дрему погружен,
Он вдруг в штопор резко входит
И пронзает шелест волн!
Раз! И в клюв попала рыбка!
Два! И взмыл он над водой!
И не будет здесь ошибкой
Крикнуть мне ему: «Крутой!»
Но ему совсем нет дела
До моих хвalebных слов...
Что ж, лети и дальше смело,
Мистер Суперрыболов!

ПЕСНИ КРАСОК

Я сегодня пел с цветами
Самых щедрых в мире красок,
Что по небу шли волнами
Карнавальных ярких масок.
Красный цвет пел о клубнике,
О закатах и рассветах,
О рубиновой гвоздике
И гранатовых браслетах.
Пел оранжевый о соках,
Что таятся в мандаринах,
О роскошествах Востока
В ослепительных витринах.

Желтый цвет мне пел про лето,
 Двор с полуденной жарою,
 Про друзей на речке где-то
 С дыней ярко-золотою.
 Пел зеленый цвет о травах
 С чистой утренней росой,
 О задумчивых дубравах,
 Дорожащих тишиною.
 Голубой на небосклоне
 Об озерной пел мне глади,
 О ручейном перезвоне
 И принцессином наряде.
 Синий цвет мне пел о море,
 О далеких южных странах
 И о храбром командоре
 В буйных, шумных океанах.
 Фиолетовый украдкой
 Пел о залежах сапфиров,
 О фиалке нежной, сладкой
 И о мантиях факиров.
 Повторяя песни эти,
 Я взглянул на небо снова
 И увидел, как мне светит
 Чистой радуги подкова!

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЕ СНЫ

Я люблю, когда мне снятся
 Приключенческие сны!
 Пулей там могу промчаться
 Через тридцать три страны,
 Чтобы в честный бой ворваться,
 Изменив весь ход войны,
 Чтобы вверх легко взобраться
 В штурме крепостной стены.
 И на шпагах там сражаться
 В освещении луны...
 Но будильник рад стараться —
 Зазвонил, прервав все сны!
 Что ж, я в целом не расстроен:
 Стану наяву героем!

Лариса СЕМЕНИЩЕНКОВА

г. Брянск

Родилась 8 ноября 1949 г. в п. Дубровка Брянской обл. Пишет пьесы, рассказы, сказки, стихи для детей. Автор шести книг. Лауреат всероссийских и международных литературных премий, в том числе всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2014 г.). Член СПР, член международной общественной организации «МСПМИ», член СП Союзаного государства. Постоянный автор нашего альманаха.

СЕКРЕТ КРАСОТЫ

(Из брянских сказов об Анюте-Узорнице)

Анюта-Узорница — это волшебница, покровительница рукодельниц, чье творчество украшает нашу жизнь. Узорница помогает людям талантливым, бескорыстным, добрым и наказывает жадных, завистливых, разорителей природы. На пальце у нее всегда простенький наперсток, потому что сама она — мастерица вышивать сказочные узоры, которые подсказывает ей природа.

Наш долгожитель Петрович знал много историй. Мы подозревали, что он сам их выдумывает, но послушать любили. Его мудрые сказы остались моим воспоминанием о далеком детстве, и когда они вдруг всплывают в памяти, мне тоже хочется их кому-нибудь рассказать. В жизни всегда что-нибудь обязательно повторяется...

Помню зиму, когда в домах еще топили печки и телевизор был почти несбыточной мечтой. Стояли крепкие морозы. В тот памятный день мы с моим закадычным другом Серегой по дороге из школы зашли в библиотеку, а вечером уже обсуждали прочитанное и пили горячий чай, который Петрович, дед Сереги, заваривал специально для нас какими-то необыкновенно душистыми травами. Странно, что до сих пор я не забыл этот аромат домашнего гостеприимства. Мы листали книжку о жизни на каком-то далеком острове, где никогда не бывает зимы. На картинках красовались зеленые пальмы, изумрудные волны океана гладили золотой песок берега, пышное цветение экзотических растений поражало воображение. Дед грелся возле печки и прислушивался к нашему разговору. Помню, как Серега сказал: «Вот где красота!» Дед вдруг шумно вздохнул и произнес:

— Эх, ребятки, не знаете вы, что такое настоящая красота.

Предчувствуя интересное, мы подзадорили деда:

— А ты сам знаешь?

— Вот поживете с мое, тоже знать будете, — ответил Петрович.

— Так ты скажи сейчас, а то долго еще ждать!

Для порядка дед выдержал паузу.

— Что ж, если охота, расскажу вам случай один.

— Расскажи, расскажи! — Мы приникли к деду.

Вот эта история теперь мне и вспомнилась.

— Случилось дело зимой, — начал свой рассказ Петрович, — как раз перед Новым годом. Задумали наши дубровские ребята — Иван и Николай — срубить в лесу елки. Дело обычное, да захотелось им созорничать — привезти елки из заповедного леса. В те годы ельник наш особо охранялся. Это теперь дороги проложили, много полянок вытоптали... А тогда лесник строго за порядком следил, каждая елочка на счету у него была. А как же. Хороший лес — это богатство. Разорить в один раз можно, а попробуй-ка вырастить! При том известно, что лучше наших елок во всей брянской земле не сыщешь. Если кто будет спорить, так это только тот, кто в Дубровке не бывал. Видно, земля у нас особая, для них подходящая. Растут в лесу ровно, дружно, загляденье одно. И то ли кто подзадорил наших приятелей, то ли самим на ум пришло, теперь неизвестно. Видимо, на глупое дело охотники всегда найдутся.

А нужно сказать, что зима выдалась в тот год снежная. Сугробы намело под самые крыши, деревья, которые поменьше, вовсе под снег упрятались. С вечера еще дорожки протоптаны, а утром глядишь — ни одной не видать...

В тот день немного порошило. Нашим друзьям это как раз было сподручно — за ночь все следы заметет. Вот ближе к вечеру, чтоб обратно возвращаться незаметно, снарядились друзья как положено: взяли топоры, лыжи, веревки и направились к лесу.

Вышли на край поселка, а там до ельника — рукой подать, километра два, не больше. Да только дороги уж нет, пробираться надо по снежному полю. На то и охотничьи лыжи. Надели, подтянули пояса и — бегом по снегу.

День уже нахмурился, мороз стал крепчать, хрустит снежок под лыжами. Ребятки легко бегут; негромко обсуждают, как место найти, где лесник их не услышит. Вот подъехали к краю леса. Остановились, огляделись.

Тут снег поутих, как будто даже яснеть стало. Стоят елки, что барыни богатые: в шубы укутались, платки пуховые по плечам раскинули, а где зеленое одеяние показывается, так видно — дорогого стоит. Красуются одна перед другой, и какая-то особая тишина стоит окрест... То ли загляделись Иван с Николаем, то ли задумались о чем, а тоже примолкли. И вдруг на самой высокой елке качнулась ветка. Глядят — сорока. Откуда взялась только! Взмахнула крыльями, да как застрекочет! Громко по всему лесу раздалось. Замахнулся на нее Иван, она полетела и еще громче застрекотала. Потом Николай говорил, что ему тогда послышался будто смех девичий издадека, из самой глубины леса... Может, Ивану тоже показалось что, потому что заторопились ребята.

— Поедем вон за тот косяк, — предложил Иван. — Я там еще летом приметил место, как грибы собирали. Елки небольшие, как раз подойдут.

Поехали за косяк, а как завернули на поляну, так их глаза разбежались. И впрямь елочки как одна, любую выбирай, не ошибешься. Место глухое, затишное. Если кто и услышит, то пока доберется, воришек уж и след простыл.

Важно также, чтоб подъехать удобно было, чтоб сугроб был небольшой. Глядят — вот две рядом зеленые подружки. Немного откинуть лопатой снег, и руби себе! Долго думать не стали, подъехали ближе, подкопали, лыжи сняли, лопатами отряхнули снег с веток. Иван достал топор и стал примеряться. Тут и случилось. Только замахнулся Иван, налетел, откуда ни возьмись, ветер. Качнулась ближняя елка, и шапки снега, что на ней были, так и повалились на наших ребят. Они увернуться не успели, накрыл их снег по самые плечи. Стоят два снеговика: руки торчат в стороны, глазами вертят, онемели от испуга, ничего понять не мо-

гут. Стали из сугробов кое-как выбираться. Копоятся в снегу, ругаются, еле выползли. А снег за воротники набился, в валенки, в рукава... В общем, кому смех, а им целая беда. Отряхнулись наконец, вспомнили про топор. А топора-то нету! Стали искать — найти не могут. Хорошо еще, что лопаты целы. Стали снег перекидывать — пропал топор! Уже до земли дорыли, а все бесполезно. Умаялись. Стоят они подле елок и думают, что дальше делать.

В этот момент из-за высоких верхушек блеснуло закатное солнце и побежал свет по поляне. Как вспыхнула она. Засверкала серебром-золотом, заиграла разноцветной россыпью... Заискрился снег на еловых лапах... Замерли наши ребята от такой внезапной перемены.

А дальше рассказывали по-разному.

Иван видит — на другом конце поляны будто одна елка вперед выступила. Пригляделся: а это и не елка вовсе, а девица будто. Шуба на ней зеленая, а оторочена белым. По зеленому подолу узоры переливаются, один чудней другого. Шапка будто бриллиантами усыпана, так сверкает под солнцем, что слепит глаза. Открыл рот Иван, а красавица сняла рукавичку и строго погрозила пальцем в его сторону.

Николай рассказывал не так. Будто засмеялась весело девица и стала снегом играть. Наклонится, захватит охапку рукавичками и подкинет вверх. А снежная пыль вспыхнет радугой под солнцем и уляжется на поляне узорами небывалой красоты. Будто похвалится девица: вот, мол, какая я искусница! Николай от такого видения тоже как примерз к месту. Хотел глаза протереть, а руки не слушаются.

И видят они оба, как взялась откуда-то у смешливой красавицы в руке шишка еловая. Замахнулась она на Ивана и Николая, и вдруг закачалась, зашумели деревья, и полетели с елок шишки, да не вниз, а, как птицы, над поляной вьются, так и норовят ударить — то в лоб попадут, то по носу, как будто их специально кидает кто. Увертываются ребята, отбиваются, а шишек все больше становится, шум все сильнее. Упали они в снег и только что дышат.

Через какое-то время тихо стало. Подняли ребята осторожно головы, опомнились немного от испуга, глядят, а уж почти темно. Солнца не видать, тень легла на поляну, даже вблизи плохо видно. Еще и снег пошел мелкий, колочий. Не то что боязно, страшно. Тут уже и думать было нечего. Наспех кое-как подвязали ребятки лыжи да скорей к дому, только их и видели! Потом рассказывали, что еще долго им под руки шишки попадались. Станут одеваться, а в рукаве — шишка. Сунут ногу в валенок — опять шишку найдут. Видно, памятки им такие подарены были.

Вот какому сторожу попались, — так закончил свой сказ дед.

— А кто ж это был? — спросили мы. — Снегурочка, что ли?

— Э нет, не Снегурка. Сама Узорница то была.

— Кто такая?

— Неужели не слыхали? — удивился дед. — Про Узорницу каждая женщина знает, особенно если к рукоделью способная... Помогает она мастерицам: узор может подсказать, нитку найти для того узора... Мало ли что. Важно, что понимает она красоту, и если какой разоритель попадется ей, то уж спуску не даст... А в наших краях она, точно бывала. Как же. Про то старые люди рассказывают. По верным приметам она и явилась нашим приятелям.

— Какие такие приметы? — спросили мы дружно.

— Разве я не сказал? — удивился дед. — Совсем старый запомнил! На пальчике-то у нее наперсточек ясно блестел, а когда наклонялась она, то с плеча коса русая ниспадала и лентой радужной была перевязана. Это и есть самые точные приметы Узорницы.

Мы замолчали. Потом вдруг Серега вспомнил:

— Дед, ты же про красоту хотел объяснить.

— Разве не поняли?

— А ты сам скажи!

Дед подумал немного.

— Что ж непонятного тут? Красота, если она настоящая, дается человеку всегда даром. Поэтому нельзя к ней подходить с корыстью. Это знать надо. На настоящую красоту можно только поглядеть. Так-то...

Я спросил:

— А зачем на нее глядеть?

— Правильно ты спросил, — ответил Петрович. — Отвечу так: для того, чтобы потом помнить.

И добавил:

— Есть, конечно, еще один секрет, как настоящую красоту можно отличить... Но про это не говорят, а узнает каждый, когда для такого понятия время приходит... Вот как побываете в разных местах на Земле, тогда и поймете.

И как бы про себя подытожил:

— Может, оно самое важное и есть.

Я вспомнил тот наш разговор, когда спустя много лет приехал в Дубровку навестить родные места. Опять стоит зима, как тогда, снежная, морозная. Давно не был я здесь! Сойдя с электрички, огляделся. Сразу отметил про себя неожиданные перемены. Вокзал стал другим, не узнать... Постройка старая, но отделана современно, красиво... Отойдя от станции, сквозь деревья увидел церковь, которой раньше не было. Хорошо, что построили...

Трудно объяснить, какие чувства ведут человека к родному дому, в котором давно никто не живет. Моя мать умерла, и в доме пусто, уныло, хотя все на своих местах, как было раньше. Да и вся улица как-то осиротела. Нет деда Петровича, а Серега, как и я, обосновался в городе, только далеко в Сибири. Мы перезваниваемся, поздравляем друг друга с праздниками, сообщаем свои новости... А в Дубровке на месте их дома выстроили другие люди современный магазин... Нет прежних соседей. Но напоминанием о детстве стоят еще наши сады, растут деревья, которые мы посадили вдоль дороги...

Вот моя березка у нашей калитки. Сколько лет она растет? Я прислонился к стволу, и на меня с веток тихо посыпался иней. Почему-то он показался мне теплым, как будто руки матери коснулись моего лица. Я смотрю в сторону сада. Наша старая яблоня в саду раскинулась еще больше. На самых высоких ветках замерзли яблоки, которые никто не снял этой осенью... Тоже сиротки... Под окнами большие сугробы. Они почти полностью укрыли кусты смородины, малины... Грушница, высокая еще тогда, теперь уже выше крыши. Иней украсил ее, как и другие деревья. Снежная красавица... Поневоле подумаешь про Узорницу: не ее ли работа — эти затейливые кружева?... Почти скрылось в снегу родное крыльцо. Никто не протоптал к порогу тропинку; ровный, чистый снег лежит на всей земле в каком-то тихом ожидании... Смотрю и думаю: вот оно, то, что дается человеку совсем даром, что нельзя купить ни за какие деньги и нельзя продать. Милая моя родина! Любимая моя земля!

Я долго стою у березы, почему-то не решаюсь потревожить снежную тишину... И вдруг понимаю, о чем умолчал тогда Петрович, рассуждая о настоящей красоте. Во многих интересных странах я побывал; видел и тот остров в океане, про который написаны книги. И я точно теперь знаю, где она, настоящая красота. Но прав был наш дед: нельзя это объяснить человеку раньше положенного срока, каждый должен сам раскрыть секрет красоты. Конечно, если человек памятный.

Сергей ДАШТАМИРОВ

п. Каменоломни Ростовской области

Даштамиров Сергей Сергеевич — поэт, прозаик, журналист, издатель и главный редактор литературной газеты «Донские волны» и литературно-художественного альманаха «Донская сотня». Член АРЛ, РСР и СП Дона, член редакционного совета Вестника АРЛ «Московский Парнас». Родился в 1951 г. в г. Грозном, с 1977-го проживает в Ростовской обл. Кадровый офицер, подполковник в отставке. Публиковался в периодических изданиях и коллективных сборниках. Издал пять авторских сборников стихов и прозы. Наш постоянный автор.

ХОЗЯЙКА

«Зачем убрали паласы? По ламинату так неудобно ходить: лапы все время скользят и разъезжаются в разные стороны! Конечно! С разгона прокатиться через весь зал на своих коныках-коготках — это здорово! Но как-то слишком уж по-детски!» — этого Баська себе позволить никак не могла! Даже, когда никто не видит! Она не ребенок! Она взрослая кошка! Кошка, имеющая чувство собственного достоинства!

Баська сладко потянулась, прогибаясь всем телом от влажного кончика носа до кончика хвоста, — так, чтобы почувствовать каждую мышцу, каждый позвонок, — зевнула и вошла в кабинет. Это была ее самая любимая комната в квартире. Привычным пружинистым движением вскочила на диван и принялась умыться.

«Хороша!» — любовалась она своей грациозностью, отраженной в зеркале напротив. Баська очень нравилась себе, как и положено кошке, но никому даже вида не показывала. Все это естественно, и вести себя надо также естественно и непринужденно! Так она считала. И была права — как любая настоящая кошка!

Рассвет чуть брезжил. Утро надвигалось тихими кошачьими шагами. Первый солнечный зайчик, пробившийся сквозь оконную занавеску, отразился в зеркале и рассыпался по комнате мелкими звездочками. Тщательно вымытая Баськина шкурка заискрилась дорогим мехом.

Она подошла к окну и, раздвинув лапкой занавес, запрыгнула на подоконник. У растворенного окна она привыкла встречать рождение нового дня.

Если бы вы только знали, какое это неповторимое и приятное зрелище! Если бы вы только один раз могли понаблюдать, как ночную вязкую сонную тишину постепенно вытесняет и заполняет солнечная радость, расцветивая все вокруг! Тогда бы вы смогли понять Баську! Как хорошо, когда еще все спят, и никто не тревожит этой упоительной томной тишины!

Сколько себя помнит, вот уже два года, Баська ни разу не покидала пределов квартиры. Почему-то ее на улицу не тянуло. Даже когда что-то непонятно тревожное ныло в ее нежном кошачьем сердце и ломало истомой все тело — никогда!

Впрочем, что такое два года?! Говорят, что кошки живут девять жизней! Де-вять!! Только, кто там задумывался, какая она теперь по счету!

А настоящая кошка о своем возрасте никогда правды не скажет! Да Баська и не знала.

Под окном взревела мотором соседская «Ока». Резкий запах бензина ударил в нос. Баська, сорвав занавеску, молнией метнулась с подоконника и забила в угол любимого дивана. Сердце ее бешено колотилось. Вспомнила!

Баська вспомнила, как захлопнулась за ней дверца, а отъезжающая машина обдала ее этим отвратительным бензиновым перегаром, который она узнаёт теперь из миллионов существующих в мире запахов. Сколько бы жизней ни прошло! Маленькой беспомощной точкой — одна-одинешенька на всей планете — стояла она у обочины дороги, испуганно дрожа и не понимая, за что? За что ее так безжалостно и грубо вышвырнули на обочину жизни?

Очередной, чадающий бензином монстр, перепугал ее еще больше. Груженный кирпичом самосвал чуть было не раздавил маленькое тельце, рванувшееся в испуге через дорогу к ближайшему дереву. Это был орех, и Баська, не зная тогда еще своего имени, каким-то чудом взлетела почти на самую его верхушку.

Страх окончательно овладел всем ее существом, и она во всю глотку заорала, взывая о помощи.

Окружающий мир долго оставался глух к ее душераздирающему ору. Он как будто не замечал, не хотел замечать страшного бедствия маленького, но существа все-таки живого!

Не знала Баська, что этот ее «вселенский ор» был всего лишь жалобным, беспомощным писком, но от этого не становилась меньше ее личная катастрофа! Ошибаются те, кто считает, что размеры беды определяются размерами тела страждущего. Как раз наоборот: маленькие страдают больше!

Страх не проходил, а к нему еще примешивались горечь обиды и ощущение безнадежности.

Но что это? Там, далеко внизу, под деревом, появились две маленькие точки, издающие непонятные, но очень знакомые звуки — это человеческая речь! Появилась робкая надежда, но страх — страх цепко держал ее маленькое перепуганное сердечко в своих когтистых лапах. И Баська, врезавшись своими коготками в кору дерева, боялась оторваться от него, расстаться со своим спасителем-орехом.

Белобрысый человеческий детеныш вскарабкался на дерево и протянул к ней руку. Баська почему-то поверила его синим, как небо, глазам! Почему? Если бы спросили, она и сейчас не смогла бы ответить. Теперь знает, что не ошиблась.

Вторая «точка», что внизу, оказалась женщиной.

Голубоглазый мальчик передал ей Баську, и та уместилась у женщины на ладони.

Оказавшись в квартире, Баська забила под диван. Она долго не могла отдышаться и избавиться от страха. Теперь было ужасно страшно вновь оказаться вышвырнутой на улицу. Пригревшись, не заметила, как задремала.

Разбудил Баську неведомый зов инстинкта. Стараясь никому не попасть на глаза, она пробралась на кухню. И не ошиблась! Там она нашла блюдце с молоком, а рядом — еще и миску с настоящим кошачьим кормом!

Насытившись, Баська к удовольствию своему обнаружила ящик с песком — в нужном месте и весьма кстати!

«Есть же люди — не глупее кошек, — подметила она и решила: — Все! За порог — ни шагу!»

Трое суток она не высывалась из своего убежища под диваном, отсыпаясь. Только по ночам, улучив момент, чтобы не «попасться», выбиралась на маршрут, проложенный кошачьим инстинктом — к миске с кормом и к ящику с песком.

Убедившись со временем, что опасность ей не грозит, Баська постепенно стала осваивать территорию. Много времени для этого не потребовалось. Вела она себя интеллигентно, достойно, стараясь понравиться обитателям квартиры. А когда узнала, что ее хотят назвать Баськой, решила: «Пусть зовут! Вполне приличное имя!» К тому же обитатели ее нового жилища оказались людьми добрыми, считали ее умницей и красавицей. Баська ни разу не услышала от них грубого слова: «Брысь!» Начался отсчет новой жизни, и о старой она уже не вспоминала.

Вскоре Баське удалось приучить хозяйку вовремя подсыпать корм в миску и менять песок в ящике: не любила Баська специфического запаха. Она лично проверяла своевременность проведения санитарных мероприятий.

Спустя некоторое время, хозяйка догадалась заменить песок слоем мелко разорванной газетной бумаги. «Что ж, это даже гигиеничнее», — оценила Баська смекалку женщины, к которой уже успела привязаться и, наверное, по-своему полюбить.

Нет! У самой Баськи тоже дел по дому было невпроворот! Хозяев надо было и проводить, когда они куда-нибудь уходили, и встретить; надо было проследить, чтобы они вовремя позавтракали, пообедали и поужинали; надо было, наконец, вовремя уложить спать и вовремя разбудить... Да разве все перечислишь!

В часы досуга их тоже нельзя оставить без внимания. Вместе с хозяйкой она нередко, устроившись на принтере, засиживалась за компьютером, наблюдая за раскладкой пасьянса или за тем, как бегают по монитору разноцветные шарики. А заметив, что хозяин, склонившись над шахматной доской, надолго задумался, Баська спешила на помощь к нему. Быстрым взглядом оценив позицию, она касалась лапкой той фигуры, которой, по ее мнению, надо было сделать ход, и хозяин благодарно смотрел ей в глаза и гладил по голове.

Баське нравились эти незатейливые домашние хлопоты. Она от них почти не уставала.

За окном слышались голоса. Раздался шум отъезжающей машины.

«Пора! — решила Баська. — Пора будить хозяев!»

Ей не надо было смотреть на часы: ее биологический будильник работал безукоризненно и не давал сбоев. С трудом, но ей удавалось переводить его с «зимнего» на «летнее» время и наоборот — когда это требовалось по людским правилам.

Начинался новый день. Баське много надо было успеть сделать. Надо было спешить!

И не важно, живешь ты первую жизнь или девятую! Все равно — надо жить, как в последний раз! Жадно и напористо! Ничего нельзя откладывать на завтра — в жизни нет мелочей, — и завтра уже не будет времени что-то доделывать или исправлять ошибки!

Она деловито спрыгнула с дивана и прошла в спальню.

Устроившись на прикроватной тумбочке у изголовья, она сосредоточила свой взгляд на переносице хозяйки. Минуты полторы гипнотизировала женщину, а когда наступил момент, известный только ей, Баське, нежно коснулась лапкой ее локтя и произнесла:

— Ммяаууррр! — что означало: «Доброе утро!»

Галина ЗЕЛЕНКИНА

г. Козинск Красноярского края

СЛУЧАЙ В ТРАМВАЕ

Это дело было в мае.
Ехал зайчик на трамвае
и не смог купить билет,
потому что денег нет.

А кондукторша Алиса,
несговорчивая крыса,
из трамвая гонит прочь
зайку бедненького в ночь.

Плачет зайка, и от страха
взмokли лапы и рубаха.
Возмутился серый волк
и зубами щелк да щелк:

«Закрывай, Алиса, двери!
Мы не люди, мы же звери!
Зайцу мы должны помочь,
а не гнать в глухую ночь.

На билет лесному другу
шапку пустим мы по кругу!
За себя и за двух дам
зайчишке рублик дам!»

Чувство страха всем знакомо
и на улице, и дома.
Первым бросил пятак
в волчью шапку барсучок.

А за ним и барсучиха —
потому что знает лихо.
Дал полтинник старый бобр,
он ко всем зверьям добр.

Даже хитрая лисица,
на обманы мастерица,
в лапе гривенник держа,

будит спящего ежа:

«Просыпайся, еж Андрюха,
а не слушай нас вполуха.
Ты зажиточно живешь,
зайцу дай хотя бы грош».

Ежик нехотя проснулся,
до кармана дотянулся,
вынул тонкий кошелек,
заглянул, а денег — ек.

«За себя и за Андрюху!» —
голос был приятен слуху.
Хорошо, когда есть друг,
да такой, как бурундук.

Белка бросила монетку
и добавила конфетку.
Лапкой почесав живот,
доллар с центом дал енот.

Десять евро в шапку волка
рысь бросает не без толка:
«Заяц стал нам как родной,
соберем на проездной!»

«Мы и так уже собрали!» —
слышен голос тверже стали.
Это выкрикнул медведь,
в волчью шапку бросив медь.

Шапку волк отнес Алисе,
что с повадкой чисто лисьей
стала денежки считать:
«Раз, два, три, четыре, пять!»

Сбилась раза два со счета.
Видно, трудная работа —
не себе в карман считать:
«Раз, два, три, четыре, пять!»

Звери ждали результата:
много ль проку от добра-то?
Наконец окончен счет,
и Алиса речь ведет:

«Подойди ко мне, зайчишка,
денег много, даже слишком,
их хватает на билет
проездной на пару лет!»

Крикнули все звери дружно:
«Добрый быть к зверятам нужно!»
«И тогда преодолеть можно все!» —
сказал медведь.

ДУША

Пришла одна обиженная душа к Богу и стала жаловаться:
— Почему, Господи, мне даже на седьмом небе неуютно? Другие души на меня внимания не обраща-

ют и стараются как можно меньше со мной общаться. А я ведь столько много людям добра сделала. За что меня так не уважают?

— Сделала доброе дело — и помалкивай о том, — объяснил Бог причину странного поведения душ. — Ангелы запишут твои добрые дела в книгу судьбы, я и увижу.

— А как же все узнают о том, какая я добрая и хорошая? — не согласилась с Богом душа.

— Зачем всем знать о твоих благодеяниях? Люди подумают, что ты хвастаешься. А хвастунов ни в том, ни в этом мире не любят. Добро всегда само о себе говорит. Ему адвокаты не нужны, — ответил ей Бог и повернулся к другим душам, пришедшим к нему за советом.

— Что же мне теперь делать? — растерянno произнесла душа.

— Прощения просить у тех, перед кем хвасталась, — услышала она в ответ.

— Но ведь таких душ великое множество и на земле, и на небе, — огорчилась душа.

— Обратись к своему ангелу-хранителю, он поможет, — посоветовал ей Бог.

И душа отправилась к своему ангелу-хранителю, который в это время отдыхал в райских кущах.

Выслушал ангел-хранитель просьбу обиженной души и задумался.

— Редко встречаются хвастливые души, которые просят прощения за бахвальство, — с удивленным видом произнес он и посоветовал душе просить прощения у душ, обитающих на седьмом небе.

И как только обиженная душа покалась, так сразу же отношение к ней изменилось. Знать, великая сила и мудрость таятся в прощении.

Одно только огорчало обиженную душу: что люди, живущие на Земле, еще помнили о ее хвастовстве. Но ангел-хранитель успокоил ее:

— Души этих людей рано или поздно появятся здесь и узнают о твоём покаянии.

Так на том и порешили.

ЗВЕЗДА

— Ты кто? — спросил легкий осенний ветерок, заметив падающую с ночного неба звезду.

— Да я вроде как звезда, — ответила та и, вздохнув, добавила: — правда, сейчас уже бывшая.

— И куда же ты падать собралась? — любопытно спросил ветерок.

— Хотелось бы на дно ручья, но боюсь, что не дотяну, — услышал он в ответ.

— Так мы тебе поможем, — ответил ветерок и позвал свистом своих братьев, таких же легких ветерков, летающих недалеко.

Совместными усилиями ветерок и его братья помогли звезде упасть на дно ручья.

— Я понял, почему падающая звезда хотела упасть на дно ручья, — обратился легкий осенний ветерок к братьям.

— И почему же? — поинтересовались братья.

— Даже лежа на дне, сквозь толщу воды она может видеть небо и звезды на нем, — ответил ветерок.

«Не всем удастся, оторвавшись от родины, созерцать звездный свет оставшихся на ней собратьев», — подумал про себя легкий осенний ветерок и несколько раз покругил над местом падения звезды.

СНЕЖИНКА

Высоко в небе, как по волнам, плыла на крыльях ветра большая серая туча с округлыми боками.

Надоело ветру нести на своих крыльях тяжелую тучу, и стал он ее раскачивать из стороны в сторону.

«Пусть протрясется немного, чтобы мне стало легче нести ее», — подумал про себя ветер. Думать про себя безопаснее, так как никто не подслушает.

От сильной тряски один бок у тучи прохудился, и сквозь прореху одна за другой посыпались снежинки. Медленно кружась в воздухе, они стали опускаться на землю.

Я стояла у окна и увидела, что возле моего палисадника остановились молодая женщина и мальчик лет пяти. Мальчик снял варежку, чтобы поймать одну из падающих снежинок. Ему это удалось, и он стал со смехом разглядывать снежинку.

— Правда, что она красивая? — обратился он к матери, которая смотрела, как на теплой ладонке сына быстро таяла снежинка, пока не превратилась в капельку воды.

— Иногда, чтобы оценить красоту, целой жизни не хватит, — заметила мать мальчика.

Тот взглянул на нее и заметил, что глаза у матери стали грустными и влажными. А слезная капля, скатившаяся по ее щеке, была похожа на каплю воды, оставшуюся от снежной звезды.

— А можно я слизну с ладони бывшую снежную звезду? — спросил мальчик у матери.

— Зачем? — удивилась та.

— Чтобы стать таким же красивым, как она, — ответил ей сын.

— Положи руку на снег ладонью вниз, чтобы бывшая снежинка встретила со своими подругами, — сказала мать сыну. — Каждому дается своя красота. Не надо зариться на чужую.

А я вдруг услышала разговор бывшей снежинки и ветра.

— И в капле воды отражается жизнь,— произнесла снежинка давно известное изречение.
— Надо только уметь прочитать,— добавил ветерок, раскачивая ветви рябины, растущей в палисаднике у моего дома.
— Если про меня написали — значит, прочитали,— возразила капля воды, скатившись с теплой руки мальчика в сугроб.

Евгений ШЕПЕЛЕНКО

г. Самара

автор альманаха «Ковчег».

Родился 15.02.1958 г. в Белгородской обл. Детство и юность прошли в г. Мурманске. Окончил Самарский госаэрокосмический университет им. академика С. П. Королева. Работал в авиационной промышленности. Публиковался в литжурналах, альманахах и коллективных сборниках. Лауреат Третьего международного поэтического конкурса «Рифмованный мир» (2013 г.), дипломант Пятого международного конкурса, посвященного С. Т. Аксакову «Мой аленький цветочек» в номинации «Рассказ для детей». Автор двух книг стихов и прозы. Член РСПЛ. Стипендиат Министерства культуры РФ. Постоянный

КАРЛСОНЧИК ДОРОГОЙ!!!

На подоконнике ногой
Качал Карлсончик дорогой.
Он съел варенья с полведра
(И это только лишь с утра),
Затем огромный вкусный торт,
Кило печенья, высший сорт
И по квартире колесил
(Поскольку был в расцвете сил).
Перевернув ее вверх дном,
Был в настроенье озорном.
Затем, сказав, что много дел,
Через окошко улетел.
Горюет тетя Фрекен Бок,
Горюет маленький щенок,
И опечаленный Малыш
Сидит тихонечко (как мышь).
Но нет причины для тоски,
И грустным мыслям вопреки,
Он непременно прилетит
(Имея славный аппетит).
И обожатель старых крыш
Произнесет: Привет, Малыш!

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ГЕНИЙ (юмор)

Вчера я, в театре, шагая по «дну»,
Играл непокорную, злую волну.
Сегодня, визжа очень звонко,
Я мог бы сыграть поросенка.
А завтра... Да кто его знает,
Что завтра меня ожидает... —
Возможно, сыграл бы Отелло,
Душившего женское тело. —
На Гамлета мог «замахнуться»
(Без чувств на полу растянуться).
Я признанный мастер характерной роли,
Мои персонажи тушканчик и кролик,

Собачка, овечка, свинья-пятачок
И даже назойливый, глупый сверчок.
Любая из этих ролей по плечу,
Но я же чего-то такого хочу!
Вот так рассуждая, тихонько усну,
А завтра в театре сыграю волну.

ЧУПАКАБРА

Я возьму на кухне швабру,
Целлофановый мешок
И поймаю Чупакабру,
Прочитаю ей стишок,
Повяжу бубенчик-бантик,
Шоколадкой угошу
И как истинный романтик
На свободу отпущу.
Пусть она по веткам скачет,
Лупоглазит на меня.
Пусть приносит мне удачу,
Колокольчиком звеня.

ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ

В закутóчке закулисном
Развалился рыжий кот,
Если я погромче свистну,
Он подпрыгнет и умрет.
Отлежится и воскреснет,—
Девять жизней у котов!
Будет петь кошачьи песни
На мелодии хитов,
Будет ласково мурлыкать
Дефилируя хвостом,
Будет в ногу носом тыкать,
Продолжая быть котом,
А потом на кресло ляжет,
Лапы вытянет вперед,
По-кошачьи что-то скажет,
Улыбнется и уснет.

СУРИКАТ

Стоит на страже сурикат,
Один во всей Вселенной.
Спокойно спят сестра и брат,—
Он маленький военный.
Ему не страшен злобный враг,
Прожорливый и хищный,
Он чемпион неравных драк,
И очень симпатичный.

ЩЕНОК

Продается рыжеватый,
Небольшой щенок лохматый,
Неказистый, угловатый
За умеренную плату.
Неразумное созданье,
Затаив свое дыханье,

В незнакомый мир глядит
И тихонечко скулит.
Видит рыжий чьи-то ноги,
Обступившие его,
Интересен он не многим
(Не понятно от кого).
Постояли, потрепали,
И торопятся уйти.
Повезет ему едва ли
Друга верного найти.

МЕДВЕЖЬЕГОЛОВЫЙ

Отдайте, за доброе слово,
Щеночка медвежьеголового.
Пусть он веселится и скачет,
И мордочку в тапочек прячет,
Пусть будет шалун и проказник,
— Щенок для меня — это праздник!
Скажу я щеночку три слова:
Ну, здравствуй, медвежьеголовый!

МОЛЬ

Летает по комнате бледная моль,
Ее ты попробуй, поймай-ка, изволь.
Она вечерами на шубе сидит,
Которую мама купила в кредит.
И звонко смеется и песни поет,
И мамину шубу жует и жует.

ДЯТЛЫ

Такое вы где-то увидите вряд ли,
На ветке сидели веселые дятлы,
Нанизав на клювы две пары очков
Искали они аппетитных жучков,
И птичью ведя между делом беседу
Они поедали жучков-короедов.

СУББОТА

Сегодня суббота, и дождик косой
Прошелся по крышам сплошной полосой,
Загнал под карнизы пернатые стаи,
Которые весело в небе летали.
Сегодня суббота, зевота, дремота,
И делать совсем ничего не охота.
Лежу на диване, глазею в окно,
Сегодня там грустное крутят кино.

НЕ ЗНАЮ...

Не знаю, что лучше, не знаю, что хуже:
Ботинками мерить холодные лужи?
Висеть на руках на подножке трамвая,
Своим поведением массы «взрывая»?
А может быть, может быть, лучше проснуться
И корпусом влево и вправо прогнуться?
За завтраком скушать куриную ножку,

В подъезде погладить бездомную кошку?

ИГРУШКА

Я новогодняя игрушка,
Сверкаю словно бриллиант,
Лежу на бархатной подушке,
На мне атласный красный бант.
Двенадцать месяцев — до срока,
Я ожидаю Новый Год.
В коробке темной одиноко
(Там спит игрушечный народ).
Снежинок дивные узоры,
Шары, хлопушки и свирель
Собой украсят очень скоро
Очаровательную ель.
И будет шумное веселье
И возле елки хоровод.
Зима закружит каруселью,
Нас приглашая в Новый Год!

Сергей О. КРЕСТЬЯНКИН

г. Тула

Член СПР и АРЛ, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова и литературной премии им. Л. Н. Толстого. Наш постоянный автор.

Моему сыну Диме

ПОСМОТРИ ВОКРУГ (маленькая сказка)

Девочка сидела на ступеньках и плакала. Люди шли мимо. У каждого свои заботы. Какое им дело до маленькой плачущей девочки, может она просто капризничает. Девочка сидела и плакала, плакала тихо — чуть слышно. Люди шли мимо. Некоторые бросали взгляд в ее сторону, но их лица не выражали ничего кроме озабоченности какими-то своими взрослыми делами.

Из-за угла соседнего дома вышел высокий стройный человек в черном цилиндре, во фраке, белоснежной накрахмаленной сорочке, с «бабочкой» на шее и тросточкой в руке. Прямой ровный нос, тонкие губы, большие добрые внимательные глаза с длинными пушистыми ресницами, высокий гладкий лоб без единой морщинки и темные вьющиеся волосы, ниспадающие на плечи. Человек был молод. Он посмотрел вокруг, увидел девочку и направился прямо к ней.

— Здравствуй, Мила! — поздоровался человек, приподнимая цилиндр.

Девочка перестала всхлипывать, протерла глаза и внимательно посмотрела на мужчину.

— Откуда вы знаете мое имя? — удивленно спросила она незнакомца.

Тот улыбнулся.

— Потому что я — волшебник.

Девочка рассмеялась.

— Нет, волшебников не бывает.

— Как же не бывает, когда я есть, — резонно заметил человек в цилиндре.

«Действительно, — подумала Мила. — Как же волшебников не бывает, когда вот он стоит сейчас перед ней. Или все это снится?»

— Но где доказательства, что вы — волшебник?

— Я назвал тебя по имени, знаю, что тебе девять лет, что любишь конфеты «Петушки» на палочках и получать рождественские подарки, кататься зимой на санках с горки, а летом бегать под дождем босиком по лужам. И что у тебя есть младшая сестра, которая любит проказничать, а наказывают всегда тебя.

На этих словах, просветлевшее было личико девочки, снова стало хмурым.

— Вот и теперь тебе досталось ни за что. Ты злишься на сестру, которая разрисовала стену, разбила банку с вареньем и залила водой весь пол.

— Откуда вы все это знаете? — изумилась Мила.

— Я ведь тебе говорил, что волшебник, а ты мне не верила.

На этих словах молодой человек снял цилиндр, и оттуда почти сразу же показалась голова маленькой обезьянки. Она посмотрела на девочку, потом на волшебника и скрылась в цилиндре. Мила, как замороженная, смотрела на обезьянку, чуть приоткрыв рот и затаив дыхание. Она забыла про все свои обиды. Ее внимание было приковано к этому маленькому чудному существу. Вот обезьянка появилась снова, держа в лапках средней величины банан. Она опять посмотрела на волшебника, после чего протянула банан Миле.

— Угощайся,— сказала она, вернее говорил-то волшебник, но девочка была уверена, что сказало именно это странное существо, так как ни разу в жизни не видела обезьян, а только слышала про них.

— Ой! Кто это? — удивленно спросила девочка.

— Это моя помощница Чича.

— Она умеет разговаривать?

— Конечно,— не моргнув и глазом, соврал мужчина.— Она же помощница волшебника.

Пообщавшись еще несколько минут с Милой и угостив ее напоследок конфетой «Петушок» на палочке, волшебник распрощался с ней, взяв с нее слово, что она больше никогда не будет плакать по пустякам.

Иллюстрация к рассказу художницы Е. Рамсдорф (Германия)

Девочка, с просветленным взглядом, так и смотрела ему вслед, держа в одной руке банан, а в другой свою любимую конфету «Петушок» на палочке.

Волшебник попрощался с Милой. Сделал несколько шагов и растворился.

«Значит это все-таки настоящий волшебник. Ведь он же пропал»,— подумала Мила, лишь на секунду отвлекшись от человека в цилиндре, чтобы лизнуть леденец.

А волшебник никуда не пропадал, он просто завернул за угол. Пройдя два квартала, он свернул на соседнюю улицу, потом на следующую и еще на одну. Немного пропетляв по городу, словно он от кого-то скрывался, человек толкнул дверь харчевни. Звякнул колокольчик, и волшебник оказался внутри.

— Самуэль, вы опять в этом шутовском наряде,— укоризненно качая головой, встретил того хозяин заведения — синьор Форелли.

— Мы с Чичей выполняли очень важное задание. Успокаивали девочку Милу. Показали ей несколько фокусов, угостили бананом и леденцом. Мила была просто счастлива от того, что пообщалась с настоящим волшебником.

— Да каким волшебником! Вам самому есть нечего, а вы покупаете в кредит для чужих детей экзотические фрукты и конфеты.

— Работа у нас — у волшебников, такая,— грустно улыбнулся Самуэль, вынимая из цилиндра обезьянку. Он почесал ее за ухом, достал из кармана кусок хлеба и протянул его Чиче.

— За работу деньги получают, а вы, наоборот, свои последние тратите,— сокрушался синьор Форелли.

— Я просто соскучился по цирку, по его шумным представлениям, по смеху людей, по волшебству, которое его окружает. Вы же знаете, синьор Форелли, я с двенадцати лет выступал в цирке, когда еще были живы родители. Более десяти лет я выходил на арену, пока не упал с высоты и не поломал себе руки и ноги.

Сейчас времена изменились. Хозяин цирка — другой. Он не захотел ждать, когда я поправлюсь, да и гибкость после травмы у меня была совсем не та, и взял вместо меня другого.

Синьор Форелли, я как раз хотел у вас узнать, не найдется ли какой работы?

— Ну что с вами делать, Самуэль? Наносите из колодца воды, заполните эти три бочки, и я вам заплачу один сальдо.

— Мне за костюм и банан надо отдать два сальдо.

— Наколите дров, сложите их в сарае и вычистите коровник. Получите четыре сальдо.

Глубоко за полночь Самуэль вышел из коровника со свечой в руке. Он выполнил всю работу, на которую подражался. Было относительно светло. Небо оказалось чистым, и луна ярко блистала, отражая солнечный свет. Самуэль задул свечу, поставил ее на бревно лежащее рядом. Закрыв коровник, снял кожаный фартук, повесил его на забор. Налил из кувшина, стоящего на бревне, молока в кружку и залпом его выпил. Присел, отдыхая, посмотрел на звезды. До рассвета оставалось чуть больше трех часов.

Очевидно, придя к какому-то решению, Самуэль поднялся и пошел спать на сеновал.

Лишь только забрезжил первый луч солнца «волшебник» был уже на ногах. Он чистил свой цилиндр и куртку, разогревал на углях чугунный утюг и отглаживал белую рубашу с кружевным воротничком, постиранную накануне. Одним словом, готовился к своему очередному выступлению — творить добро и радость и

нести волшебство людям. Закончив все свои приготовления, Самуэль помог синьору Форелли по хозяйству, за что заслужил кусок баранины и стакан вина, а для Чичи — хлеб, молоко и орехи.

После этого он вернулся на сеновал, где в углу возле маленького окошка у него стояла широкая лавка, на которой он спал, а под ней маленький сундучок с разными волшебными принадлежностями. Здесь были и цветные, появляющиеся из воздуха платки, и исчезающие шарики, и соединяющиеся колечки, и букет цветов, появляющийся из трости, и еще много всякой всячины, которую он использовал во время своих выступлений, когда работал в цирке и гимнастом, и фокусником.

Самуэль оделся в свой костюм волшебника, собрал, кое-что из цирковых принадлежностей в саквояж, захватил Чичу и отправился на поиски людей, которым нужна его помощь, кто верит в сказки, волшебство и чудеса.

Он бродил по городу, показывал горожанам фокусы, которые вызывали у людей улыбки и аплодисменты. А умение жонглировать различными предметами вызывало бурный восторг. Все смеялись до слез, когда в воздух взлетали не только мячики, но и камушки, цветки и даже ботинки. Этим своим выступлением он собрал около ста сантимов. А это уже — почти один сальдо!

Начавший накрапывать дождик разогнал зрителей.

Волшебник решил передохнуть. Он поел сам, сидя под деревом, и покормил Чичу, свою помощницу.

Дождь быстро закончился. Самуэль собрался и пошел на соседнюю улицу, где жил мальчик Папетто.

Тот находился в одиночестве. Он замахивался и бросал камешки в цель: несколько камешков, поставленных друг на друга. Но не попадал. Замахивался и кидал следующий.

Пока мужчина подходил к мальчику, он заметил, что тот в цель не попал ни разу. Кидал он примерно с десяти шагов. Но камешки так и остались стопкой лежать на месте не тронутыми.

— Здравствуй, Папетто! Ну, что, никак не получается попасть?

Мальчик обернулся и внимательно посмотрел на странно одетого господина.

— Почему не получается? — расправил плечи мальчик. — Это я просто пристреливаюсь.

И, немного помолчав, неуверенно добавил:

— Меткость вырабатываю.

— Да-а-а? — удивленно спросил Самуэль, с улыбкой глядя на Папетто.

Под веселым взглядом этого странного человека мальчик опустил голову, вздохнул и признался:

— Вообще-то, вы правы. Я ни разу не попал.

— Молодец! — похвалил того мужчина.

— Чем же я молодец, если ни разу не попал? — опешил мальчик.

— Молодец не оттого, что не попал, — пояснил волшебник. — А оттого, что нашел в себе силы признаться в этом. Но ты не расстраивайся. Я тебе помогу.

— А вы кто? — запоздало поинтересовался Папетто.

— Я — волшебник.

— Как это?

— Очень просто.

— Волшебников ведь нет.

— Кто тебе это сказал?

— Все взрослые говорят.

— Взрослые в нас не верят, поэтому мы к ним не часто приходим. Они перестали верить в волшебство. И ничего не замечают вокруг, занятые своими взрослыми делами. Они взрослеют и, даже когда встречаются с чудесами, стараются их не замечать. Что они — дети? Они — взрослые! А надо просто посмотреть вокруг себя. Волшебство рядом. Посмотри вокруг! Только повнимательнее. И ты обязательно заметишь волшебство!

— А вы, правда — волшебник?

— Конечно. Ведь тебя зовут Папетто. Тебе семь лет. У тебя — две старшие сестры и одна младшая. Но у тебя нет друзей. Соседские мальчишки Антонио и Огюст частенько тебя колотят. Ты, бывает, хнычешь. И поэтому с тобой мало кто хочет общаться.

Папетто надул губы.

— Это не волшебство. Вам мог кто-нибудь все это про меня рассказать.

— Тогда бери камушек и кидай в цель. Ты обязательно попадешь. Только ты должен очень этого захотеть. Если будешь бросать просто так, то я тебе не смогу помочь. Так что поднимай камушек, но сосредоточься на цели и только после этого бросай.

Мальчик взял камушек, посмотрел на горку камней в десяти шагах от себя и на мгновение замер. Потом медленно замахнулся и стремительно выбросил руку вперед.

Камни брызнули в разные стороны.

— Ух, ты! Попал! — радостно крикнул Папетто.

— Ух, ты! Попал! — удивился Самуэль.

Мальчик подбежал к камням и вновь выложил их столбиком.

Вернулся на исходную позицию.

Бросил по цели.

Камни разлетелись.

— Второй раз попал! — глаза мальчика светились радостно.

— Надо же, опять попал? — тихо произнес волшебник. И чтобы удержать Папетто от третьего броска (вдруг промахнется), сказал:

— Ну, вот видишь. Я же тебе говорил, что я — волшебник.

— Значит, вы мне точно поможете, как обещали? Сделаете меня сильным, и я смогу поколотить Огюста и Антонио?

— Я могу сделать это запросто. Но будет ли это правильно, — начал размышлять Самуэль. — Да, с помощью волшебства ты, конечно, сможешь поколотить своих обидчиков. Но, в сущности, ты останешься таким же, как и был: с заячьей душонкой внутри. А ты должен преодолеть свой страх... Победить сначала внутреннего врага в себе. И заставить себя встретиться со своим врагом лицом к лицу и, не испугавшись, дать отпор.

— Значит, вы все-таки не волшебник, — разочарованно произнес паренек.

— Почему же? — обиделся мужчина. — Смотри, у меня цилиндр двигается.

Мальчик посмотрел. Действительно, головной убор у волшебника задвигался в разные стороны, но с головы не сваливался, благодаря Чиче, которая цепко его удерживала, сидя внутри.

— Это, наверное, какой-то фокус.

— А хочешь, сейчас дождь пойдет? — произнес Самуэль, с сомнением глядя на небо, где были лишь легкие облачка и светило солнце.

Мальчик посмотрел вверх.

Дождя не было.

Он поднял камешек. Несколько раз подбросил его на руке. Размахнулся и швырнул в цель. Камни снова разлетелись в разные стороны.

— Я опять попал! — воскликнул парнишка.

— Надо же, — покачал головой Самуэль.

Неожиданно поднялся ветер. Набежали тучи. Пошел дождь.

— Ничего себе! — прокричал Папетто. — А остановить его сможете?

— Да нет ничего проще, — неуверенно ответил собеседник. — Сейчас он прекратится.

Паренек с надеждой посмотрел вверх. Но ничего не происходило, дождь как лил, так и продолжал лить и, похоже, не собирался заканчиваться.

— Не получается? — сочувственно спросил мальчик.

— Ты не думай. Сейчас все получится, — убеждая скорее самого себя, чем мальчика, произнес волшебник. — Просто та вода, которую я выплеснул с неба, должна достигнуть земли, и дождь сразу прекратится. Будет опять светить солнце и петь птицы.

Не успел он произнести последние слова, как дождь неожиданно закончился и из-за края тучи показался лучик солнца.

— Ух, ты! Здорово! Да вы, и правда — настоящий волшебник! — радовался Папетто.

— Что ты говоришь? — переспросил Самуэль, выходя из задумчивости и, как говорится, спускаясь с небес на землю. Он был не меньше мальчика ошеломлен происходящими событиями.

— Я говорю, что вы, и правда — настоящий волшебник.

— А ты разве сомневался?

— Я думал — вы врете.

— Запомни, Папетто, настоящие волшебники никогда не врут. Я обещал тебе, что ты попадешь в цель, и ты попал. Я вызвал дождь, а затем сделал так, что он закончился.

Из переулка вышла группа детей.

Папетто сразу сник и как-то сжался. Ребята подходили. Бежать было поздно.

— Ну, мне пора, — произнес волшебник. — Запомни, Папетто. Преодолей свой страх. Победи своего внутреннего врага. Пока ты с этим не справишься, тебе никто не сможет помочь. И ты будешь не просто зайцем, а дрожащим заячьим хвостом в глазах у всех. Победи врага своего, и я тебе помогу.

Самуэль развернулся и пошел по улице в противоположную сторону.

Несколько секунд Папетто стоял не двигаясь. Потом он принял какое-то решение. Расправил плечи, сжал кулаки и уверенным шагом направился навстречу своим обидчикам.

— Ну что, пришли? Давно я вас здесь дожидаясь.

Услышал волшебник голос мальчика. Остановился и, обернувшись, посмотрел на происходящее.

— Вы-то мне как раз и нужны, — произнес Папетто и ударил Антонио, который был чуть постарше, кулаком в нос.

Тот вскрикнул. Схватился руками за лицо и упал на каменную мостовую. Из-под пальцев сочилась кровь. Окружающая их ребятня застыла на месте.

— А ты, что стоишь, глаза вылупил? — обратился нападающий к Огюсту и нанес боковой удар в челюсть.

Получивший удар пискнул и грохнулся, как подкошенный.

Папетто дрожал то ли со страха от содеянного, то ли от возбуждения, что все так получилось. Но отступать было некуда.

— Мне надоело играть с вами в поддавки. И запомните: теперь все будет иначе. Только суньтесь. Сразу по носу получите.

Огюст и Антонио сидели на еще мокрой мостовой и не понимали, что происходит.

Папетто обернулся. Волшебник стоял у угла дома и улыбался.

«Значит, он мне все-таки помог,— думал мальчик.— Сам бы я ни за что не справился».

Он помахал волшебнику рукой. Поднял камешек и кинул в цель. Груда камней разлетелась в разные стороны.

Папетто взглянул на волшебника, но того и след простыл.

Самуэль побродил по городу и вышел на площадь фонтанов. О, это была замечательная площадь. Очень старинная и красивая. Город гордился этой площадью. И всех приезжих обязательно сюда приводили и показывали это великолепие.

Площадь была большая и просторная. Здесь обычно гуляли в праздники и проводили карнавалы.

В самом центре находился фонтан в виде огромной чаши, где была статуя девушки с кувшином в руках. Она налиwała воду в чашку путнику-всаднику, который засмотрелся на красоту девушки и не замечал, что вода уже наполнила емкость до краев и переливается через край. А девушка так смутилась, что тоже не заметила льющейся воды. Так они и застыли на века.

Вокруг главного фонтана стояли еще четыре, но поменьше. В одном было каменное дерево, обильно политое водой. Во втором находился дырчатый шар, разбрызгивающий в разные стороны струйки воды, и этим он очень походил на солнце. В третьей чаше были изваяния животных: собака, корова, лошадь, гусь и лев, которые мирно, никого не трогая, пили воду. А в четвертом фонтане-чаше мы видим фигурки детей. Мальчики и девочки радостно плещутся в прохладной воде. Вокруг всех этих фонтанов находились еще по три маленьких фонтанчика. Из каждой чаши выглядывала рыба. Их было двенадцать, и все они были разные.

Никто уже не задумывался, почему архитектор создал именно такой комплекс фонтанов. Все просто сюда приходили и наслаждались журчанием воды и прохладой, особенно в жаркие дни. Но в этом комплексе был заложен определенный смысл.

Эти двенадцать фонтанчиков обозначали двенадцать месяцев. Рыбы напоминали о том, что давно, когда жизнь на Земле только зарождалась, был огромный океан, а суши было очень мало и все живое появилось из воды. Четыре средних фонтана говорили о 4 временах года: зима, весна, лето, осень. Солнце — это свет и тепло. Дерево с плодами — это еда. Собака, корова, лошадь и гусь — это те животные, которых удалось приручить человеку и они стали его помощниками. Но остались еще и дикие звери, которых приручить не удалось, и которые могут представлять опасность как для домашних животных, так и для человека. Дети символизируют зарождение — продолжение жизни на Земле. И над всем этим возвышаются доброта, красота и любовь, которые удерживают нашу Землю в равновесии при различных, порой необдуманных, людских поступках.

От площади фонтанов в разные стороны расходились, словно лучи, семь улиц с невысокими, большей частью одноэтажными домами.

Казалось, тихое журчание воды настраивало на определенный лад, продвигаясь по этим лучистым улицам и наполняя весь город тихой спокойной размеренной жизнью.

Волшебник уже заканчивал свое выступление перед не очень многочисленными зрителями, когда недалеко от него остановилась карета, запряженная четверкой лошадей. Из кареты вышел богато одетый синьор и подошел к Самуэлю.

О чем они говорили — никто не слышал. Но в конце своей речи приезжий показал рукой на экипаж.

Волшебник взял саквояж и цилиндр, в котором Чича собирала деньги за представление, о чем оповещал характерный звук позвякивающего металла. Он посадил обезьянку на плечо и раскланялся со зрителями. После этого они вместе с приехавшим синьором сели в карету и уехали в неизвестном направлении.

По большому счету никого и не интересовало, куда они направились.

Представление было закончено, и все стали расходиться.

Самуэль появился в харчевне поздно вечером. Солнце клонилось к закату и своим краем уже зацепилось за горизонт. В город вползали сумерки. Он (город) находился в состоянии перехода от вечера к ночи, которое люди чаще всего не могут отследить. Только что еще было светло. Человек отвлекся буквально на пару секунд, а когда посмотрел вокруг, заметил, что тьма поглощает город, пожирая дома и все живое. Улочки пустеют, птицы не поют. Жизнь замирает до следующего утра, до появления первого, слабого лучика света.

Свечи и жировые лампы попусту не расходовали. Зажигали лишь при необходимости. Поэтому спать ложились с закатом, а вставали с рассветом.

Самуэль был чем-то возбужден. Глаза его горели, волосы растрепались.

Синьор Форелли, видя, в каком состоянии находится молодой человек, решил не донимать того расспросами. Немного остынет, сам расскажет, тем более такой взбудораженный он вряд ли заснет.

И точно. Спустя полчаса мужчина, сняв свой цирковой костюм и переодевшись в другое платье, покинул сеновал и вошел в помещение харчевни.

Синьор Форелли занимался своим обычным делом. Выпроводив последнего посетителя, он убирал посуду, обеды и протирали столы, готовя их к завтрашнему дню. Протерев стол, синьор задувал свечку, стоявшую на столе, и переходил к следующему.

Самуэль взял тряпку и стал по традиции помогать хозяину харчевни.

Вдвоем с этим занятием они справились быстро. Свечку за одним из столов синьор Форелли гасить не стал. Он поставил на стол кувшин с вином, горшочек с мясом и кусок хлеба. Посмотрел на молодого человека вопросительно.

— О, если это вы мне, спасибо, не надо,— встрепенулся Самуэль.

— Вы отказываетесь от еды? Вы не голодны? — брови синьора взметнулись вверх.

— Нет. Я — сыт.— Услышал он в ответ.— Да, еще вот что. Сколько я вам должен?

— Да бросьте вы, Самуэль. Какие деньги? У вас же их никогда не бывает. Я и считать-то уже перестал. Тем более что вы постоянно помогаете мне по хозяйству.

— А все-таки. Мне интересно знать?

— Ну, если вы настаиваете...— Синьор Форелли задумался.— Что-то около десяти сальдо или, может быть, чуть больше.

Самуэль, словно заправский волшебник, покрутил руками в воздухе, засунул правую руку в карман, вынул и положил на стол звякнувший мешочек.

Мешочек был хоть и небольшой, но кожаный. Завязан золотистой тесемкой. В таких обычно знать носит деньги.

— Вот,— произнес волшебник. Развязал шнурок и высыпал деньги на стол.

Увидев эту грудку денег, глаза у хозяина харчевни округлились.

— Самуэль, мальчик мой, вы меня пугаете. Вы залезли в чей-то дом? Или обобрали пьяного синьора? А может быть убили кого-то?

— Да что вы такое говорите, синьор Форелли.

— Ой, только не говорите мне, что вы нашли эти деньги на мостовой.

— Нет, конечно. Я их заработал.

— Где это вы смогли заработать, целую кучу денег? Здесь же, наверняка, больше пятидесяти сальдо.— Взглянув на деньги, профессионально быстро сосчитал синьор.— Покажите мне это место, и я пойду туда работать, а харчевню закрою.

— Меня пригласил к себе выступить перед детьми и гостями синьор Аугусто Бернандо из дома на площади ратуши. Даже карету за мной прислал.

— Ой, посмотрите на него. Он разъезжал по городу в карете. Если вы не врете, то вы получили хорошие деньги. Эти деньги можно вложить в какое-нибудь дело и вылезти из нищеты.

— Я хочу эти деньги отдать вам в счет уплаты долга и за то, что я у вас нашел кров и кусок хлеба.

— Вы посмотрите на этого человека! — всплеснул руками хозяин харчевни.— В кои веки ему удалось заработать такие деньги и оказывается, что они ему не нужны.

— Деньги мне нужны лишь на пищу, кров и одежду. А куда девать остальные — я не знаю.

— Открыли бы пекарню и выпекали булочки, крендели, калачи с ванилью, маком, корицей,— мечтательно произнес синьор Форелли.— У вас бы отбоя от покупателей не было. А то все ходите, да по сторонам смотрите,— сокрушался хозяин харчевни.

— Синьор Форелли, а вы видели, какие сегодня яркие звезды. Как они мерцают над головой. Словно маленькие эльфы машут крылышками, наблюдая за нами с высоты.

— Какие звезды? Что за эльфы? — оторвался от своих мечтаний пожилой мужчина.

— А вы видели, как весной из почки на дереве появляется первый листочек? А какие днем по небу проплывают облака? Какой причудливой формы? Посмотрите вокруг! Как прекрасно. Волшебство окружает нас. Надо только внимательно посмотреть.

— Самуэль, у вас был тяжелый день. Вы устали. Ложитесь спать. Как гласит пословица: «утро вечера мудренее». А завтра мы с вами продолжим разговор.

Синьор Форелли собрал монетки в мешочек, завязал шнурок и отдал его циркачу.

Тот задумчиво взял кошель и ушел к себе на сеновал.

Хозяин харчевни окинул взглядом свое заведение и взялся за перила, чтобы подняться на второй этаж в свою комнату. Но что-то его остановило. Он поставил подсвечник с горящей свечой на ближайший стол и направился к выходу.

Открыл дверь. Вышел на крыльцо. Задрал голову, посмотрел наверх.

«А ведь он прав. Небо чистое. Ни облачка. Светит луна. И звезды, словно мошки, кружат над головой. Да, пожалуй, даже не мошки, а именно эльфы машут крылышками радостно порхая без забот... Тыфу, ты! Чем я занимаюсь, старый дурак. Наслушался речей мальчишки. Вылез, как крот, из норы. Делом надо заниматься, а не на звезды смотреть».

Он развернулся и открыл дверь харчевни.

Но прежде, чем синьор Форелли шагнул внутрь, он обернулся и через плечо взглянул на небо.

«А когда я последний раз смотрел на звезды?... Когда был молод, как Самуэль...Как давно это было...»

г. Ровно

Анна ВОРОНИНА

г. Сельцо Брянской области

Анна Васильевна Воронина родилась 11 октября 1986 г. в с. Бобрик Погарского р-на Брянской обл. Пишет стихи, рассказы, сказки для детей и взрослых. Участница Брянского обл. ЛитО при Брянской обл. общественной писательской организации СПР. Заместитель руководителя ЛитО «Парус», руководитель детской творческой студии «Мастерская словесности» (г. Сельцо).

СЛЕДЫ

Соня смотрит, не поймет —
Снежный след за ней идет.

Кто же бегал по дорожке? —
Непонятно нашей крошке.

Ножкой топнет — новый след...
Помогай-ка Соне, дед!

Топнул дедушка ногой —
Получился след другой.

— Догадалась, чьи следы?
— Здесь ходили я и ты!

ПРО СОНЮ И ДИВАН

На диване скачет Соня
Высоко, высоко!
И, подпрыгнув, видит Соня
Далеко, далеко.
И хохочет громко Соня:
«Хорошо! Хорошо!»
А диван скрипит ей: «Соня,
Тяжело, тяжело...»

СОЛНЫШКО

Солнце, солнышко-светило!
Косы в воду опустило,
Щеки красные надуло,
Рассмеялось и нырнуло
За холмистый горизонт,
Позабыв на небе зонт.
Купол облака в огне,
Отражается в Десне —
В позолоченном челне,
Дочка, сны плывут к тебе.

ПРО НОЖКИ И ЛАПКИ

Бежали лапки по дорожке,
Четыре лапки нашей кошки.
Их быстро догоняли ножки,
Две чудных ножки нашей крошки.

Лапки убегают — ножки догоняют,
Ножки догоняют — лапки убегают.

Ножки лапки не догнали —
Лапки быстро убегали.

ВЕЖЛИВЫЙ СНЕЖОК

Очень вежливый снежок
Мне забрался в сапожок.
Сразу ноги промочил,
Заморозил, застудил.
Я чихаю снова-снова.
Он в ответ мне: «Будь здорова!»

БАТУТ

У стены стоит батут
И твердит: «Я тут, я тут!
Подходи ко мне, дружок —
Сделай первый свой прыжок.
Только прыгай высоко!
Даже если нелегко!
Выше, выше,
Прыгай выше!
Выше шкафа!
Выше крыши!
Выше неба!
Выше туч!
Посмотри, как я прыгуч!»

ВОЛШЕБНЫЕ ЧАСЫ

1.
В своей мастерской самый юный волшебник
Открыл про часы самый толстый учебник —
Чертил,
вырезал,
красил,
клеил,
сверял
И песенку эту себе напевал.

Припев:

Раз — пусть улыбка не сходит с лица,
Два — наполняются счастьем сердца.
Три — не болеет никто никогда.
Вместе с четверкой уходит вражда.
Пять — лишь пятерки вам ставят в дневник,
Шесть — чтоб дорога вела напрямик.
Семь — самых лучших на свете друзей,
Восемь — хороших всегда новостей,
Девять и десять — отличных решений!
А на одиннадцать — смелых свершений!
Чудо! Двенадцать — пришел Новый год!
Лучшее! Светлое! Пусть он несет!

2.
Готовы часы, и пора ему в путь.
И даже минутки нельзя отдохнуть.
Он шел,
Он спешил,
топал,

прыгал,
бежал
И песенку эту опять напевал.

Припев

3.
Волшебным ключом механизм запустил.
На башне высокой часы закрепил,
И песню
веселую
спели
они.
Ты в сердце своем ее сохрани!

Припев

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВИЗИТ

Семейная легенда

Санька натаскал воды из колодца и теперь сидел на печи — мамка отправила, чтобы не путался под ногами да согрелся.

Сегодня в избе шумно. После освобождения района часть отнятого немцами скота была возвращена хозяевам. Для семьи с шестью детьми это стало настоящим праздником. Долго ждать не стали, с продуктами было туго. Заколоть свинью попросили деда Пашу: побоялись, что сами не справятся, хотя брат Федор хорошо хорился, что он уже взрослый. Сосед прошел не одну войну, а на эту старика-калеку не взяли. Вот и ходили бабы к нему за помощью. Не отказал дед Паша и в этот раз.

По такому случаю накрыли стол. Сосед любил поговорить, а когда выпьет — особенно, и сейчас после пары стопок он рассказывал интересные истории.

Отведав жаркое, захмелевший сосед поблагодарил за угощение и ушел. В избе стало тихо и как-то совсем темно. Зажгли керосинку и пару свечей. Обычно старались экономить на всем, но сегодня оставалось еще много работы — свежину нужно было обработать: приготовить, засолить, закатать.

Санька лег, подложил руки под голову. Он вспоминал отрывки из дедовых рассказов. Мама и сестры затянули песню о несчастной девице и ее горькой судьбе. На стенах «играли» тени. Раньше они с отцом часто по вечерам вместе так лежали, наблюдали за темными фигурами, потом отец рассказывал сказки. Мальчик любил такие моменты больше всего на свете, каждую историю он знал наизусть, но каждый раз слушал, затаив дыхание.

Когда отец уходил на фронт, мать и сестры плакали навзрыд, а папка только смущенно прикрикивал на них:

— Ганна, не шуми! Девки, хватъ нюни распускать!

Семилетний Санька сидел на лавке и пытался сдерживать слезы. Отец подошел и присел рядом, ласково потрепал по русой головке:

— Не реви, малец. Скоро ворочусь я.

Прошло два года...

Санька шмыгнул носом. Он скучал по отцу.

Рядом скрипнула дощатая кровать, по ней дети забирались на печь. Мальчик быстро провел рукавом по лицу.

— Чего притих? — закричала у самого уха сестра.

— А ты че орешь? — буркнул Санька и покрутил пальцем у виска. — Оксана, ты совсем тютю?

— Мамка зовет, дров принести, — ответила сестра и соскочила вниз.

Громкий треск, потом еще раз и еще, но не рядом, а за дверью, на улице. Раздались хлопки, потом гулкие удары по порогу. Все в избе бросили свои дела, глянули на дверь, замерли в ожидании. Было в этих звуках столько привычного и родного. Заскрипел снег. Кто-то застучал в окно.

— Ганна! Ганна! Ганна!... — раздалось со двора.

— Папка вернулся! — заорал Санька и спрыгнул на пол, сильно ударил ногу, но сразу подскочил и бросился за дверь. За ним остальные. Бежали, кто в чем был, не заботясь, что на улице зима. Санька даже валенки позабыл. Ведь это был папка! Только он так обивает свои сапоги, приходя домой, это его голос, чуть уставший, зовет мать, чтобы вышла да «подмогла». Он слышал это множество раз, каждый день, каждый вечер раньше, еще до войны.

Санька остановился у порога, вглядываясь в темноту. Было пусто, никого... Здесь не было никого...

— Василь, не пужай! — надрывно закричала мать.

Тишина...

Федор бросился вперед на улицу, Санька за братом, за ними остальные. Осматривали каждый уголок двора, несколько раз обежали дом, искали в саду, несмотря на сугробы и нетронутый снег. Санька уже не ощущал босых ног.

Мать позвала в дом. Она прижала Саньку к себе и тихо бормотала:

— Вот куда без обувки, шалопай? Совсем продрог. Ажно пальцы побелели. На дворе — не лето, поди, а ты чего удумал...

Мать затихла, посмотрела на дверь, а потом как-то чересчур засуетилась:

— Полезай-ка на печь. Полезай, погрейся. Работы еще полно.

Каждый поспешил вернуться к своим делам. Все молчали, а Саньке хотелось говорить об отце: куда он мог деться, или кто это был? От него только отмахивались. Мальчик лежал на печи и плакал.

Наревелся и провалился в сон, где его обнимал отец. Было хорошо и тепло. Санька спросил:

— Это ты приходил?

Отец виновато улыбнулся и крепче обнял его.

Через неделю пришла «похоронка»...

Сергей ПРОТЯНОВ

Саратовская область

Протянов Сергей Павлович родился 25 ноября 1967 г. в семье сельских тружеников в Саратовской обл. В 1985 г. окончил десятилетку в родном селе. По окончании школы приходит серьезное увлечение поэзией — самостоятельно изучает поэтическое наследие России от середины 18 века до первой трети 20-го. Стихи пишет с середины 80-х прошлого столетия. Первая публикация в заводской многотиражке. Далее в областном еженедельнике. В 2008 г. на портале stihi.ru открыл свою персональную страничку, где и находятся многие произведения автора. Принимает постоянное участие в альманахах как портала stihi.ru, так и иных литературных ресурсов. Неоднократно номинировался на соискание литературных премий «Поэт Года», им. Сергея Есенина «Русь моя», «Наследие». Имеет обширную библиографию.

ДЕТСКОЕ

Лютики-цветочки
Во поле цвели,
Мы с тобою, дочка,
По грибы пошли,
Целую корзину
Рыжиков нашли,
Сладких, как печенье,
Нежных, как варенье,
Вкусных, как малина,
Что растет у тына.
Что за угощенье!
Просто объеденье!

Любовь БОНДАРЕНКО

г. Свердловск, ЛНР

Любовь Бондаренко, родилась на Кубани. С 1980 г. по настоящее время проживает в г. Свердловске (ЛНР). Член СП ЛНР, член ИСП. Автор шести книг для взрослых и десяти для детей. Автор двухсот песен, в том числе для детей. Произведения опубликованы в России и ЛНР во многих альманахах, журналах и коллективных сборниках. Дипломант и финалист ряда всероссийских и международных литературных конкурсов, а также Московской международной книжной выставки-ярмарки (2019г.). Награждена медалью всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2018 г., Москва), юбилейной медалью ИСП к 65-летию организации. (Москва, 2019 г.), ювелирным памятным значком СП ЛНР «За вклад в русскую литературу Донбасса и служение обществу». Неоднократно награждена почетными грамотами СП ЛНР и администрации города за вклад в литературу. В 2021 вышло три авторских сборника стихов и прозы. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ШИРЛИ В КОРОЛЕВСТВЕ БАБОЧЕК

В некотором царстве, в некотором государстве, все, как и положено в сказках, жила-была девочка! Звали ее Ширли. Ширли жила с родителями в красивом домике. А совсем недалеко в деревне жила ее бабушка. Ширли с родителями часто навещали ее. Но однажды девочка так сильно заскучала по своей любимой бабушке, что решила сама ее проведать. Написав родителям записку и оставив ее на видном месте, Ширли собрала все необходимое в дорогу и отправилась в путь. Вышла она утром, сразу после того, как родители ушли на работу, подумав, что к их возвращению она успеет вернуться. Путь проходил через знакомый лес. Вот Ширли и отправилась одна в дорогу. Лес манил своей прохладой и очаровывал ее своей красотой. Девочка очень любила природу, часто бывала здесь с родителями. Когда созревали ягоды в лесу, они их собирали и варили вкусное варенье для себя и для бабушки, а когда наступала грибная пора, то отправлялись на «тихую охоту». Лес всегда радовал своим изобилием, и корзинки грибников были доверху наполнены.

Ширли потихоньку брела среди красивых зеленых кустов папоротника, слушала прелестное пение птиц, и дорога медленно сокращалась. Но вдруг Ширли услышала нежные звуки свирели. Они доносились как бы ниоткуда. Звуки то приближались, то удалялись. Но мелодия просто очаровала девочку. Ширли решила отдохнуть и присела под деревом, прикрыв всего на секундочку свои прекрасные голубые глазки. Все-таки мала она еще для такого путешествия. Казалось ей, что, отправившись в путь, она быстро достигнет цели и увидит свою любимую бабушку.

Солнышко клонилось к закату и уже позолотило макушки деревьев, его золотистые лучики пронизывали кусты, и листочки деревьев казались золотистыми монетками, нанизанными на веточки. Легкий ветерок раскачивал их, и казалось, что они перезванивались: динь-динь-дон, динь-динь-дон. Ширли прислушалась и подумала: «Ну откуда здесь взялась этой музыке, ведь, сколько я прошла по лесу и никого не встретила?». Ширли осторожно выглянула из-за дерева и очень удивилась увиденному. Совсем рядышком от нее по тропинке шли какие-то крохотные существа. Очень даже похожие на людей, но почти у всех у них за спиной были крылышки. Девочка от удивления даже рот открыла и стала с интересом рассматривать эту процессию.

Да, это были бабочки, жучки и кузнечики, стрекозы, но совсем как люди. Вот только крылышки за их спинами говорили сами за себя. Девочки-бабочки в красивых платьях и с распущенными волосами были похожи больше на фею из волшебных сказок, которые читала ей мама. Мальчики-бабочки и кузнечики несли крохотные фонарики и освещали путь всей процессии. Крохотные жучки и светлячки плясали рядышком.

Ширли показалось, что это идет какая-то королевская свита. Так красиво и торжественно они двигались по крохотной тропинке, едва заметной для человеческих глаз. Однако, несколько больших бабочек-мальчиков не теряли времени напрасно и по пути быстренько собирали в свои корзиночки самые маленькие грибы и ягоды, встретившиеся им по дороге. Другие чудо-бабочки собирали красивые цветы в очаровательные букетики и тоже складывала их в красивые корзиночки. «Наверно, они тоже вышли на прогулку» — подумала девочка. Неожиданно Ширли увидела среди всей этой фантастической процессии настоящую девочку и мальчика. Мальчик был меньше девочки и возможно был ее братом. «Как они сюда попали?» — удивилась Ширли. Все так же играла свирель, и птицы пели под эту волшебную, чарующую мелодию.

— Торопитесь принцессы, скоро солнышко отправится спать и в лесу быстро потемнеет. А нам нужно еще много найти ягод и ароматных лепестков, из которых сварят вкусное варенье,— услышала девочка.

Процессия стала подходить все ближе и ближе к девочке, и вдруг...один из очаровательных мальчиков-бабочек заметил прячущуюся за деревом Ширли.

Конечно, она показалась ему такой большой и необычной!

— Скорее все сюда, посмотрите, я нашел еще одно очаровательное человеческое дитя — девочку, она такая миленькая!

Вся свита быстро окружила Ширли, подсвечивая себе крохотными фонариками. Они принялись рассматривать испуганную девочку.

— Не бойся нас, милое дитя, — произнесла самая крупная бабочка, с невиданной красоты крыльями, — мы маленькие феи из сказочного лесного королевства. Мы приглашаем тебя к нам в гости. Не бойся, мы тебя не обидим.

— Да я вас и не боюсь, — смущаясь, заявила Ширли. Не хватало ей бояться таких крохотных существ! Да они и совсем не выглядели злыми, а даже наоборот. Добро и очарование исходило от каждого из них.

— Так я попала в сказку? — догадалась девочка. — А как же моя бабушка? Ведь она меня ждет и будет очень волноваться, — произнесла Ширли.

— Не волнуйся, в сказке время идет совсем по-другому.

Ты погостишь у нас, а потом наша Фея-волшебница поможет тебе быстро добраться к твоей бабушке, даже солнышко не успеет спрятаться.

Ширли разбирало любопытство, и она не смогла отказаться от такого чудесного и неожиданного предложения — побывать в гостях сказочных героев.

Вся компания, дружно подхватив Ширли, кто под руку, а кто за кончики ее платица неожиданно взлетели над полянкой и в мгновение ока оказались в дивном сказочном городке, который расположился в густой дубовой роще.

Под корнями огромных столетних дубов Ширли заметила крохотные домики, крыши которых были укрыты изумрудной травой, усеянной яркими и красивыми цветами. На окошках развевались чудесные и легкие занавески, тканые паучком. Конечно, они были из тонкой паутинки. Паучок был мастер на красивые узоры! Ширли в изумлении открыла рот, наблюдая за тем, как маленькие чудо-бабочки, мотыльки и стрекозы раскладывают в своих домиках принесенные ими ягоды, грибы и лепестки ароматных цветов.

— Сейчас будем пить чай, — сказала старшая Фея-бабочка. — Проходи в домик, располагайся.

— Как же я в него войду? Ведь он такой крохотный, а я такая большая, — удивилась девочка.

— Ах, да! Ты права. Я и не подумала. Тебе придется на время стать одной из нас. То есть такой же маленькой, как мы. Не бойся, к бабушке мы вернем тебя в обычном виде, — произнесла Фея.

И не успела Ширли дать на этот процесс свое согласие, как Фея быстро прикоснулась к девочке волшебной палочкой, и она стала такой же маленькой, совсем крошечной, как и все остальные.

— Ну вот. Теперь ты как мы. Только вот платье твое совсем теперь тебе не идет. Паучок-лесовичок сошьет тебе другое платье, более яркое и нарядное, — сказала она тоном, не терпящим возражения.

— Кто видел нашего портного, Паучка-лесовичка? Найдите его немедленно и скажите, чтобы он сшил самый красивый наряд для нашей гостьи, — дала задание старшая Фея своим крохотным подружкам бабочкам.

Стайка бабочек тут-же вспорхнула и исчезла из виду.

— А ты проходи в дом. Я тебя напою чаем пока платье тебе принесут, — пригласила Фея.

Девочке ничего не оставалось, как последовать в домик следом за очаровательной хозяйкой. Теперь она свободно, не пригибаясь, вошла в крохотный домик.

Ветерок колыхал занавески из паутинок на окошке. Ширли удивилась затейливому и ажурному рисунку на них.

Вместо стола девочка увидела крохотный пенечек. На нем вместо чайных чашек стояли крохотные колокольчики лесного ландыша. Вместо блюдца были листочки лесной земляники. Стулья-пуфики заменили опрокинутые половинки скорлупы лесных орехов, накрытые лепестками разных цветов. Пол в доме был застлан вместо ковра душистой мятой, и от нее исходил чудесный аромат.

— А вот и чай, прошу к столу, девочка, — пригласила Ширли Фея-волшебница!

— Да ты, наверное, проголодалась! Сейчас дам тебе варенье из цветов шиповника и ореховое печенье.

Хозяйка быстро поставила угощения на стол.

Ширли казалось, что она никогда в жизни не ела такого вкусного печенья и не пила такого ароматного чая!

— Сегодня в нашем Королевстве праздник, и я приглашаю тебя на него.

У нашего маленького принца день рождения. Король и Королева пригласили нас всех в гости. А мы приглашаем тебя, — произнесла Фея.

— А вот и твое платье готово, — радостно сказала она, заметив издали приближающуюся стайку бабочек.

Бабочки плавно опустились на полянку перед домом. Все они держали своими крохотными ручонками платье для Ширли. Оно было просто бесподобной красоты.

Паучок-волшебник соткал его, как и занавески на окне домика, из тонкой-тонкой паутинки, восхищая всех очередным затейливым узором. На узоры он был непревзойденный мастер.

По всему платью россыпью сверкали крохотные бриллианты росы.

Капельки так сияли на солнышке, переливаясь всеми цветами радуги, что Ширли на миг закрыла глаза.

— Переодевайся, девочка, нужно спешить. Король и Королева уже ждут нас.

Бабочки засуетились вокруг Ширли и помогли ей быстро сменить наряд. Он был такой воздушный, что ей на миг показалось, что она стоит просто нагая. Но взглянув в зеркало, она с удовольствием отметила, что платье просто восхитительной красоты и ей очень к лицу. Фея достала из крошечного сундучка пару

красивых и прозрачных крылышек. Они удивительно красиво были окрашены в разные цвета, переходящие в затейливый рисунок, сияли и переливались на солнышке. Это были крылья бабочки.

— Ну, вот тебе еще от меня подарок. Теперь ты стала похожа на нас! А крылышки тебе помогут преодолеть самые большие расстояния.

— Друзья мои, пора в путь,— сказала Фея и, взяв за руку Ширли, быстро взлетела. За ними взлетела и вся компания бабочек, мотыльков и стрекоз.

Они вылетели из леса, освещая свой путь крохотными фонариками.

Быстро пролетели над рекой и приземлились в другой роще, где и находилось главное Королевство бабочек и стрекоз.

Гости здесь уже собрались. Король и Королева, как и положено, восседали на троне, увитом плющом и украшенном чудесными цветами. Все вокруг светилось каким-то волшебным светом, и от обилия цветочного аромата у Ширли слегка кружилась голова.

Король и Королева поднялись навстречу вновь прибывшим гостям. Крохотные девочки-бабочки посыпали дорогу перед ними лепестками роз и жасмина.

Голубые колокольчики торжественно зазвонили, приветствуя гостей.

— Проходите, гости дорогие и занимайте самые почетные места,— сказал Король, поддерживая свою Королеву за локоток.

— Благодарим, наш Король. С днем рождения маленького Принца! — сделав красивый реверанс, ответила за всех добрая Фея.

— А это от нас подарок имениннику. Мы сегодня на рассвете собрали свежие ягоды и лепестки ароматных цветов, сварили для него очень вкусное варенье. Фея протянула большую скорлупу грецкого ореха, наполненного ароматным вареньем.

— От души благодарим. Ваш подарок очень кстати. Ведь гостей на празднике собралось довольно много. Вот и попьем чаю с вашим вкуснейшим вареньем.

И Король сглотнул слюнки, заранее предвкушая удовольствие.

— А сейчас начинается бал. Музыканты, музыку! Всем танцевать и веселиться,— распорядился Король.

И снова зазвучала волшебная мелодия, разливаясь по роще, заполняя собою все пространство вокруг.

Это старались лесные музыканты, цикады, сверчки и птицы.

Ширли подхватили мальчики-бабочки и закружились с ней в веселом танце. Все вселились от души, а сверчки еще и пели для всех чудесные песни. Натанцевавшись, вся компания уселась пить чай с ароматным вареньем. Варенье просто благоухало и таяло во рту.

Солнышко стало клониться к горизонту, все больше и больше заваливаясь на бочок, готовясь ко сну. Белые облака на ярко голубом небе стали окрашиваться в золотой и пурпурный цвет. Это закат спешил порадовать всех собравшихся своей красотой.

Ширли заметила, что птицы все реже и реже пели свои чудесные песенки. Она горестно подумала, что пора и ей домой, к бабушке. А ей так этого не хотелось. Прекрасная Фея-бабочка заметила, что настроение у Ширли изменилось, и она поняла, почему грустит девочка.

— Не грусти, дорогая. Мы обязательно с тобой еще встретимся, обещаю!

— Наверно, это больше невозможно,— грустно ответила девочка, понимая, что сказка заканчивается и никогда больше не повторится.

— Все возможно, дорогая! Но ведь я — Фея, а значит, я — волшебница. Я подарю тебе крохотную дудочку. Когда ты заскучаешь и снова захочешь к нам в гости, подуй в дудочку и сразу ты окажешься здесь, в нашем волшебном Королевстве бабочек и стрекоз. А сейчас тебе пора к бабушке. Полетели!

... Утром солнышко заглянуло в спальню Ширли, пощекотало ее мягкие и красивые реснички.

— Ширли, пора просыпаться, внученька. Твои любимые оладушки с розовым вареньем уже на столе.— Сквозь сон услышала девочка голос своей бабушки.

Ветерок шевелил занавески на окне, во дворе мяукал котенок и пел петушок.

«Надо вставать»,— подумала Ширли, открывая свои голубые глазки.

— Бабушка, бабушка, какой мне сон интересный снился, я тебе расскажу,— сказала она.

В голове все еще играла музыка, а перед глазами кружились бабочки, феи, Король и Королева.

— Надо же, какой сон интересный, никак меня не отпускает,— сказала она, вставая с кровати и обувая тапочки.

Застелив покрывалом свою постель, она подняла подушку. Под подушкой что-то блеснуло. Ширли наклонилась ближе и вдруг увидела совсем крохотную, едва заметную дудочку. Ту самую дудочку, что ей обещала Фея.

— Так это был не сон? Неужели я побывала в сказке? — широко открыв глаза, удивилась девочка!

— Бабушка, бабушка, да ведь я была в гостях в Королевстве бабочек и стрекоз!!! Ты представляешь? — закричала от радости Ширли.

— Иди завтракать, фантазерка, все остыло уже,— проворчала бабушка.— И чего только эта головка не придумает,— ласково поглаживая по кудрявым белокурым волосам Ширли, сказала бабушка.

А Ширли только улыбнулась в ответ, сжимая в своем кулачке волшебную дудочку, которую ей подарила Фея!

ГНОМ И БАБОЧКА

Крошечный, прелестный гномик
Сам в лесу построил домик!
Этот домик небольшой,
И построен под ольхой.

Здесь и печка, и окошко,
Всякого добра немножко!
Вышивает он картины
Из травинки, паутины.

Гномик песенки поет,
Он так весело живет,
Попивает чай с малиной,
С ежевикой и калиной.

Есть у гномика подружка —
Бабочка, ой, хохотушка!
Гном ей сказку рассказал,
Потом сам с ней хохотал.

Ах, какой прелестный домик,
Поселился в нем наш гномик,
Песенки: Ла-ла-ла-ла
Слышат звери до утра!!!

ЕЛОЧКА

Елка новогодняя снова к нам пришла,
И стоит красавица скромно у окна,
Пахнут все иголки терпкою смолой,
Вот стоит зеленая, будто бы весной!

Из коробки старенькой достаем наряд,
И уже на елочке огоньки горят!
Разбрасаем шарики, цепи из гирлянд,
И зажжется звездочка в этот год опять!

Дружно взявшись за руки, стали в хоровод:
Белки, мишки, зайчики, даже серый волк,
Елочка кружится, радостно нам с ней,
Аромат иголок — сладостный елей!

КВАКОТА

Ква-квакушки, ква-квакушки,
Жили-были две лягушки,
Жили-были на болоте,
Кваковали до икоты.

Да и папа, старший Квак,
Квакать тоже был мастак,
Так с утра и до зари
Дружно квакали они!
Вдруг и в речке на енота
Нападает та квакота,
И корова на лугу
Ква-ква-ква! Я не могу!

Что скажи, за ерунда?
Квакнуть может мне пора?
Но поверь, я не лягушка,
Очень милая девчушка!

Владимир ГУЛЯЕВ

г. Барнаул, Алтайский край

КАК МУРАВЕЙ СТАЛ ГЕРОЕМ (сказка)

Однажды в одном лесном муравейнике появился на свет маленький муравей с белым пятнышком на спинке. Много-много времени назад в муравьиной истории было подобное: с такой же отметиной жил в их стране воин-герой по имени Мур. Он был отважный и справедливый, поэтому о нем помнили всегда и из поколения в поколения в муравейнике рассказывались истории про его подвиги.

Вот взрослые муравьи и решили назвать малыша в честь славного героя именем — Мур в надежде на то, что и этот муравьишка тоже будет смелым и справедливым, когда вырастет.

Маленькие муравьишки первое время изучали жизнь большого муравейника, а муравьи-учителя приглядывались к ним, чтобы определить, кто из них кем будет.

В большой семье муравьев одни были рабочими — они постоянно занимались строительством, другие добывали, а третьи готовили пищу, были и те, что следили за порядком в их большом городе, а также были солдаты, которые охраняли город и его жителей от внешних врагов. Мур перепробовал почти все профессии, но это было не то, что он хотел. Но, когда он узнал легенду о воине-герое, тоже решил стать воином, и не просто воином, а настоящим героем, чтобы о нем все говорили как о самом смелом и сильном! Но как стать таким, он пока еще не знал.

От одного очень старого муравья Мур услышал: «Чтобы стать героем, нужно найти себя!» Но, как «найти себя», старый муравей не сказал, только хитро усмехнулся Муру:

— А вот пойдика да и найди-ка!

И вот на следующий день, рано утром, Мур решил отправиться в далекое путешествие «на поиски себя», чтобы набраться смелости, ума и стать великим, сильным воином.

Шел он долго, полдня, наверное. Так далеко еще никто не уходил от своего муравейника, но Муру не было страшно, и он шел все дальше и дальше, пока на его пути не появилась высокая преграда. Это были каменные валуны. Мур попробовал подняться вверх, но у него ничего не получилось.

Неожиданно сверху прыгнул зелененький кузнечик.

— Привет! — сказал ему кузнечик. — Дальше тебе не пройти!

— Почему?

— Только лучшие прыгуны могут запрыгнуть на эти горы!

— А ты тоже можешь?

— Я — Боб! Я один из лучших прыгунов!

— А я — Мур, я тоже хочу стать хорошим прыгуном. Ты научишь меня прыгать так же хорошо?

— Научу, с удовольствием!

И Боб стал тренировать муравьишку. Они весь день прыгали с камешка на камень, с листка на листок, все выше и выше. Не сразу у Мура стало получаться подпрыгивать — это было трудно, ведь муравьи не умеют прыгать. Но он был упорный и старался повторять все за кузнечиком. К вечеру они сумели взобраться на самую высокую гору-валун. Оттуда было видно, как далеко простирается поле. Далеко-далеко, до самого горизонта.

— Вот и закончились наши тренировки, — сказал Боб.

— Спасибо тебе, Боб! Я многому у тебя научился.

Мур поклонился кузнечику и пошел дальше, спустился вниз с горы-валуна в прохладу цветов и травы.

Неожиданно в траве что-то зашуршало, и навстречу Муру выползла гусеница

— Здравствуй, а ты кто?

— Я, гусеница Гуна, самая проворная и умею хорошо прятаться и пролезать в самые узкие щели!

— А я — Мур. Я тоже хочу научиться хорошо прятаться. Научишь меня?

— Конечно, научу!

И они стали по переменке прятаться и искать друг друга. Гуна и правда хорошо пряталась: то она влезала на листок и заворачивалась в него, то растягивалась на стебельке цветка, то скрывалась в его бутоне. Вскоре Мур научился прятаться так, что Гуна несколько раз не смогла его отыскать.

— Ну вот и молодец,— сказала гусеница.— Теперь, Мур, ты хорошо прячешься и мне больше нечему тебя учить!

— Спасибо тебе Гуна, мне было с тобой очень интересно, ты настоящий друг. Пойду дальше, до встречи!

— До встречи, Мур. И мне было приятно с тобой познакомиться. Может, еще когда-нибудь встретимся.

Приближалась ночь. Спрятавшись, как учила его Гуна, под камушком Мур заночевал до утра, а рано утром продолжил свое увлекательное путешествие.

Вскоре на его пути оказалась большая пещера, которая зияла чернотой, и из нее тянуло сыростью и прохладой. Вначале ему стало страшновато, но потом он вспомнил, что хочет стать смелым муравьем-героем. Тут ему и пригодилось то, чему учила его Гуна. Он тихонько вполз внутрь пещеры. Немного оглядевшись, Мур увидел многорукого, многоногого паука.

— Здравствуйте, а вы кто? — спросил Мур.

— Я, паук Гор. А ты кто такой?

— А я муравей Мур. Вот путешествую и учусь смелости и храбрости! Хочу стать великим воином! А вы меня научите чему-нибудь?

— Можно и научить. Если хочешь научиться, то научись. Я умею хорошо владеть мечом-копьем! Если хочешь, учись!

Он бросил один меч-копье, сделанный, видимо, из лапки какого-то жука, Муру, а другой взял себе.

Гор показал ему, как держать меч, как защищаться и нападать. Первый день тренировка проходила на травинках и листьях. Мур учился отбиваться от колышущихся травинки и протыкать их своим оружием. На второй день был устроен поединок. Паук Гор был очень подвижен и опытен, но Мур тоже старался. Вот тут ему и пригодилось то, чему его обучили кузнечик Боб и гусеница Гуна. Мур ловко увертывался от меча Гора, подпрыгивая вверх, на ближайшие листики или ловко и вовремя прятался за стеблями трав.

После того как Мур умудрился запрыгнуть на спину Гора, тот понял, что обучение муравьишки закончено:

— Нет, ты не муравьишка, Мур! Ты настоящий воин-муравей! Как ловко ты оседлал меня! Хе-хе. Теперь ты научился владеть мечом, который я тебе и подарю!

— И еще, я дам тебе совет, который ты должен запомнить: не тот становится великим воином, кто умеет воевать, а тот, кто еще и умеет помогать другим, защищать слабых и не делать зла. Помни это, Мур, всегда! И тогда ты точно станешь настоящим героем!

— Спасибо тебе, Гор! — поблагодарил Мур и, гордый собой, отправился в обратный путь.

Когда рано утром следующего дня Мур приблизился к своему дому, он увидел, что к муравейнику ползет змея.

Все жители муравейника еще отдыхали и не подозревали о приближающейся опасности. Мур смело бросился в атаку на змею. Он взобрался по ее извивающемуся телу, добежал до головы и сильным, резким ударом меча рассек глаз змее. Она взвилась от боли и, сбросив Мура с себя, быстро уползла прочь.

Несколько муравьев-охранников наблюдали за этим сражением и рассказали всем о герое Муре, которого они уже давно не видели в муравейнике и думали, что он где-то погиб или попал в плен к рыжим муравьям.

После этой победы Мур возглавил армию воинов муравейника и стал обучать их всему тому, чему его научили кузнечик Боб, гусеница Гуна и паук Гор.

2015г.

В ЗООПАРКЕ

Раздавали в зоопарке
С внуками зверям подарки.
Вкусные коврижки
Для зайчат и мишки,
А ежам всем по ранетке,
Белкам — вкусные конфетки.
Не забыли про енотов —
Есть для них в кармане что-то!
По морковке олененятам,
Не забыли и лосятам!
Хищникам вопрос: вы — кошки?
Ждали мы ответ немножко.
Лев вопросу удивился,
С важным видом удалился.

Тигр просто прорычал,
Хмуро взглядом изучал!
Внук ему рукой махал,
Он в ответ нам повздыхал.
Волки жалобно завывли,
Что про них все позабыли.
Пусть повоюют, поскулят —
Это им за шесть зайчат!
И за семерых козлят,
Что нельзя есть всех подряд!
Лисам хитро подмигнули,
Поманили, обманули...
Дали им урок плутовкам,
Повторив все их уловки.

Аистам сыпнули просо,
Пару задали вопросов:
Правда ль, что детей приносят?
Нет ответов на вопросы!
Гордо аисты молчали,
Мол, вы сами, что ж, не знали?
Повидались с журавлями —
Им летать бы над полями!
Нет у журавлей свободы,
Им приятней неба своды!
— Вам туда бы, где орлы! —
Нам в ответ:—курлы, курлы-ы!—

Хорошо нам в зоопарке,
Только вот зверюшек жалко!
В их глазах блестит слеза —
Им на волю бы, в леса!
Убежать, вдохнуть свободы,
А не жить в загонах годы!
Клетка все-таки не поле,
Трудно бедненьким в неволе!

Солнце задержалось в ветках,
Грустно стало зверям в клетках
Перед встречей с луной,
Феей серою ночной!
День прошел. И всей гурьбой
Мы отправились домой.

03.02.2021

КОТ БАРСИК

Внук принес домой котенка,
Завернул его в пеленку:
— Кто-то бросил на мороз,
Он почти совсем замерз!

Отвечает внуку дед:
— Пусть живет, вопросов — нет!
Каждый в мире вправе жить,
Жизнью ж надо дорожить!

И никто порядок этот
Сам не вправе изменить!
Пусть твоим теплом согретый,
В нашем доме будет жить.

Ты придумай ему кличку,
Чтоб не было обезлички!
— Может Барсиком назвать?
— Что ж, красиво величать!

Постелили мы котенку
В углу мягкую пеленку.
Он же лезет на кровать —
С нами хочет полежать.

Днем котенок много спит,
Лапкой нос прикрыв, сопит.
К вечеру, поев сметаны,
Лихо скачет по дивану.

Внуков разбросав игрушки,
Барсик прячется в подушках.
Приглашает нас играть,
Нам же нужно ночью спать!

У него свой распорядок,
Только это не порядок!
Как он в доме поселился,
Весь порядок изменился:

Стали вещи пропадать,
То под шкаф, то под кровать.
То в буфет открыта дверка,
Значит, Барсик был с проверкой.

Тапок мы найти не можем!
— Барсик, может, ты поможешь?
Глянул хитро на нас Барсик
И прикрыл свой левый глазик.

Почесал за ухом лапкой,
Под диван полез за тапком.
Ишь ты, стал озорничать
И язык наш изучать!

Что же, нужно нам, тем паче,
Выучить язык кошачий!
Не глупей же мы котенка —
«Мяу» — тихо, — «Мяу» — громко.

И теперь уж не понять,
Кто кого стал обучать!
Главное: живем все дружно!
Это — важно! Это — нужно!

11.02.2021

КУ-КУ И КВА-КВА

Вдали охрипшая кукушка
Гадает, вроде, о судьбе.
Кукует тупо на опушке
От скуки. Так — сама себе.

Стрекочут хитрые сороки —
О ней ведут свой разговор,
А может быть, дают уроки

Иль создают сорочий хор.

Она, кукушка, им не рада:
Они хитрющие трещотки!
«Ку» один раз — для них награда,
Их в клеть бы надо, за решетку!

Отчасти рябая кукушка,
В заботе сидя на суку,
Напоминает мне лягушку —
Там: — «Ква-ква-ква», а здесь: «Ку-ку»...

Вот так устроено в природе:
Кукует вдруг в начале мая,
В прохладу при сырой погоде,
То ждать не стоит урожая.

Весной лягушка громко — «Ква» —
Пройдут дожди и грозы.
Протяжно осенью — «Ква-а — ква-а» —
Снега, метель, морозы.

... В дали охрипшая кукушка
В листве кукует на опушке.
В болоте квакает лягушка...

И мудрость им не занимать:
В природе каждая зверушка
Приметы учит понимать.

07.02.2016

Ольга АНДРЕЕВА

г. Тула

Родилась в г. Туле 17. 11. 1959 г. Окончила механический факультет ТПИ в 1982 г. С 1987 г. преподает. Обучала детей лепке. С 1997 г. — учитель в школе изобразительного искусства «Морозко» в г. Москве. Занимается возрождением тульской игрушки. Имеет звание народного мастера России. Член СХР. Наш постоянный автор.

СКАЗКА О БЕЛЕВСКОМ КРУЖЕВЕ

Давно это было. Да так давно, что мало кто помнит об этом, но только до сих пор рассказывают люди о том да другим пересказывают. Более ста лет тому назад появился в городе Белеве купец-коробейник — хитрый затейник. Похвалялся, товаром своим любовался. Говорил, мол, из самого города Парижа диковинные вещицы привез. Ходит по Белеву, товаром бахвалится, а местные барыни удивляются, да только цены на диковины кусаются. Подбежала к нему Дуняша, дочка Ивана вдовца-краснодеревщика..

— Дядь, а дядь, дай на платочки глянуть.

— Ну, гляди, веселушка-хохотушка. А тятенька-то денежек тебе на покупки дал?

— Нету у меня денежек, дяденька, да я только полюбуюсь. Уж больно красивы твои вещицы.

— Ну, гляди, гляди, может че и выглядишь.

Сказал, как в воду глянул. Запали те вещицы Дуняше в душу. День и ночь о том думки думает. Вот лежит она вечер на лавке, в окошко месяц новый светит, и вдруг видит ниоткуда к ней паучок прилетел. Уселся поудобнее на ладошке и давай с Дуняшей разговоры разговаривать.

— Я, Паук-ткач. У меня восемь лап. Могу ткать, могу плести, если хочешь и тебя своему ремеслу научить смогу.

— Ой, как хочу научиться те кружевные вещицы, что коробейник намерен торговал, самой плести.

— Попроси тятеньку своего тебе деревянные лапки сделать, да дырочки под ниточки пусть не забудет выточить. А теперь гляди и запоминай, как я веревочку плести стану.

И принялся паучок вверх, вниз по стеночке бегать. А из-под лап будто белый след-веревочка появилась да и все длиннее, и длинней становилась.

— Спасибо тебе, ткач-паучок, за твою учебу. Я, кажись, все поняла и впредь не хуже тебя ниточки сплестать научусь. Век тебя благодарить не устану. Проси, чем тебя отблагодарить смогу.

— А много ль мне надо? Только сама и деток своих будущих научи — как увидишь меня, иль деток моих, внучат ли моих, никогда не причини им ни вреда, ни смерти. Этим ты и меня, и моих потомков отблаговаришь.

Уснула Дуняша, а как только солнышко в окошко постучало встала с лавки, ключевой водой личико умыла, подошла к тятю своему да с просьбою в пол ему и поклонилась.

— Тятя, родненьки, не откажи в просьбе, сделай мне пар десять деревянных лапок.

— А к чему тебе так много лапок надобно?

— Да задумала я мастерству мудреному обучиться.

— А кто ж тебя обучать станет?

— Есть у меня учитель, он и денег не возьмет, говорит — ему они не нужны.

— Ну так что ж? Сделать то мне не сложно для единственной дочери, да только ты мне подскажи — как надо.

Сделал Иван деревянные лапки для дочери, да тут Дуняша и задумалась? Паук по стенке ползал, а ей как быть? На чем лапки крутить?

Только подумать успела, как видит — опять Паучок к ней на плечико садится.

— Знаю я печаль твою. То беда, не беда. Были ль руки, голова. Иди на луг. Собери травы-муравы. Высуши на солнышке жарком. Сшей из цветных тряпиц валик и заполни его сухим сеном.

— Кланяюсь тебе, Паук-ткач и благодарить не устану.

Как сказал паучок, так Дуняша и сделала. И начала она веревочку с веревочкой скручивать. Поначалу ленточку скрутила, затем в хитрый завиток закрутила, да опять все получилось. Радуетя Дуняша, день и ночь искусству дивному обучается, а у нее все лучше и лучше с каждым разом получается. Выйдет во двор на небо синее полюбоваться да на солнышко яркое поглядеть, да и на цветы расчудесные. Придет домой, после всех дел по дому садиться за любимое дело, а на кружевном полотне цветок невиданной красоты распустится. В лес по весне за соком березовым с подружками пойдет, лесной красой напитается да на полотно свое то весеннее очарование и выплеснет. Трель соловьиную услышит, песней его заслушается. Тот соловушка на Дуняшиных картинах и поселится.

Как-то раз, по утру пошла она с тятей своим на рыбалку. Речкой местной залюбовалась.

— Глянь, тятя! Какая реченька наша искристая, словно серебром вода покрыта. В лучах солнышка так и слепит, аж глазам больно.

— Вот, Дунь, глянь-ка — какая рыбка в реченьке-кормилице водится!

А рыбка-то и впрямь необыкновенная, чешуя изумрудным светом отливает, глаза — что янтари горят, хвост как синь небесная.

Задумалась Дуня, как бы так рыбку эту сплести, чтоб и в кружеве она искрилась и блестела. Думала, думала и придумала. Пришла к тятю своему на рабочее место да и сказала:

— Не дал бы ты мне, тятя родненький, проволоочки своей серебряной?

— Те для какого дела надобно?

— Рыбку хочу сплести, как та, что ты ноне поймал.

— Бери, для такого дела мне и золотой нитки не жалко!

Взяла ниточку серебряную и в узор для рыбки и вплела. Засверкала рыбка, заискрилась! Чудо рыба! Глаз не отвести!

Другой раз поехали Дуняша и тятя ее в гости к тетке родной. А жила та тетка в селе Филимоново. Едут они по дороге, а вдоль нее травы высокие колышутся, бабочки расписные порхают, жучки-паучки летают. На холмах, по траве сочной барашки и коровки пасутся, солнышком согреваются, лету улыбаются. Прибыли в деревню к тетке, а та в свободное от каждодневных дел время игрушку лепила, сама красила да на ярмарке в Одоеве продавала. Увидела девочка игрушки эти яркие и нарядные, сердце-то у нее в груди, как птица, и затрепетало. Стоит, слово вымолвить не может.

Заметила тетка оторопь племянницы, поняла, что пленила ее игрушка. Взяла с полочки куколки да и Дуне протянула:

— Бери, то память у тебя обо мне будет. Только береги ее, на свету не держи, полинять может!

— Как мне вас отблагодарить за этакое чудо?

— Отец твой сказывал, что ты из ниток кружева плести мастерица.

— Да не мастерица, пока только азы постигаю.

— А вот ты возьми да выплети мою игрушку на кружевном полотне, так и меня отблаговаришь.

Воротились Дуня с родителем из гостей домой под вечер. Мастерица молодая к работе с кружевом приступила да и создала на полотне игрушку Филимоновскую.

— Умница, доченька! Рукодельница! Славные у тебя картинки получаются, — похвалил Евдокию отец да и большой, теплой ладонью по голове погладил.

С той поры так и повелось, что ни увидит, чем zalюбуется Дуняшка, все на полотна кружевные помещает, будь то дорога дальняя, что в дали заветные позовет, аль весенний лес проявится с березками кудрявыми и травами сочными...

А вот однажды сон интересный увидала. Будто идет она по Ясной Поляне, а навстречу ей идет хозяин — граф Л. Н. Толстой, который известным писателем в будущем станет. Показал он девочке свое имение. Дуне все любопытно было. Так и новая картина родилась, с парадным въездом в то историческое место.

И поплыли рыбы дивные на Дуняшенных полотнах, коты на картинах ее замурлыкали, самовары закипели, кони резвые, олени и бараны кудрявые по сочной травке побежали и птички зачирикали.

Так от Дуняши-кружевницы ее мастерство по всему Белеву и разошлось, а местные модницы стали свои наряды: платья, юбки, перчатки кружевами украшать, а кто ленился кружева плести, тот немалые денежки за них выложить должен был, чтоб не хуже французских модниц быть. И пошло то искусство Город свой славить не только в нём, но и далеко за его пределами. По сей день слава его не померкла, лишь патиной* времени слегка прикрылась.

2.05.2019г

СКАЗКА О ТОМ, КАК ПРЯНИК В ТУЛЕ ИСПЕКЛИ

В некотором царстве, в Российском государстве, много веков тому назад жил-был Царь — стороны той государь. Жена его давно умерла, но оставила государю красавицу доченьку. Белолицую, румяную, с пышными пшеничными волосами и синими, как бездонное озеро, глазами. Все было бы хорошо, если б не скверный характер царевны. Девочка росла. И чем старше она становилась, тем хуже делался ее характер. То суп у нее жидковат, то жемчуг мелковат, то солнце очень яркое, то ветер дует сильно. В общем, от ее характера страдал не только царь-батюшка, но и весь двор.

Вот как-то раз позвал царь к себе советников да и сказал им:

— Что же мне с моей Варварушкой делать? Как нрав ее непокорный усмирить?

— А ты, батюшка, выдай дочь свою замуж за того, кто угодить ей сможет.

— И то верно!

Издal царь указ: «Всем молодцам моего царства-государства! Кто нрав царевны победит, за того единственную дочь замуж отдам да и полцарства в придачу! «

Поскакали гонцы во все концы огромного царства, оглашая царев указ. Съехались женихи к царскому дворцу из разных волостей: и худые, и толстые, и косые, и хромыe, и молодые, и старые. Выстроились в очередь, как будто людская река потекла к покоям царевны Варвары.

Прибыл Иван-гулянин последним. Парень был упрямым, но решительным: «Сколько б ждать не пришлось, но своей удачи не упущу!»

Настал день смотрин. Вышла Варвара на балкон своей комнаты и приказала: «Кто мне гостинец принесет, да такой, какого я в жизни не едала, за того и замуж пойду. Ну а коли не угодит мне — сделаю с ним то, что пожелаю!» Сказала и в комнате укрылась.

Озадачились претенденты на руку Царевны, да и разбрелись в разные стороны.

Иван долго не думал и домой, в родной город Тулу вернулся. Прибыл в отчий дом задумчивый. Встретила его старушка-мать.

— О чем, Ваня, кручинишься? О чем думу думаешь?

— Хотел я царевне Варваре угодить. Прибыл во дворец, а она всем женихам задачку задала: привезти гостинец какого она в жизни не едала.

— Не кручинься, сыночек, лучше спать-почивать ложись. Утро вечера мудренее.

Послушался он матушкиного совета да и спать лег.

Как только луна в окошко к ним засветила, вышла матушка на порог.

— Ты, Луна, белолица и кругла. Ночью по небу бродишь, все видишь, о многом знаешь. Подскажи мне, как сыночку родному помочь? Что сделать, дабы царевне угодить?

— Поутру воды родниковой в избу принеси. Муку просей. Все в чашке глубокой замеси. Меду не забудь да сахара, да яйца. Маслицем смесь сдобри. А завтра мимо вашей избы купец проезжать будет. Колесо с телеги потеряет. Пусть Иван ему пособит. За то попроси у него корицы, кориандра и мускатного ореха. Все это в тесто добавь. Сыну прикажи, пусть резную дощечку из липы вырежет. Тесто раскатаешь, на досточке отомнешь. Сливовым вареньем намажешь и другим слоем теста укроешь, затем в печи испечешь и сыночка порадуешь. А то, что испечешь — пряником назови.

— Низко кланяюсь тебе, Луна-матушка, за совет добрый. Все исполню, о чем ты поведала.

Лишь утро забрезжило в оконцах принесла Марфа-мать ключевой воды. Разбудила сына.

— Поди, Ваня, в сарай. Возьми липовую досточку. Вырежи в ней рисунок затейливый, а я тесто замешу.

* **Пати́на** (из итал. *patina*) — плёнка или налёт на меди и её сплавах. Является многослойной, но в быту за неё принимают только поверхностный зеленоватый слой карбоната меди. Различают два вида патины: искусственную и естественную.

Достала миску, положила в нее муку, мед, яйца. Добавила воды. А тем временем Иван принес в избу доску и начал узор в ней вырезать. Вдруг за окном послышался стук копыт. Выглянула хозяйка в окно — а там, как Луна и говорила, купец заморский с телегой полной товара разного мимо их дома едет. Тут неожиданно-негаданно колесо от телеги отскочило и вдоль дороги покатилося.

— Сынок, беги во двор, путник колесо от телеги потерял. Пособить ему надобно.

Вышел Иван. Помог заморскому купцу колесо на телегу поставить.

— За помощь благодарю,— кланяясь произнес иноземец.— Чем отблагодарить тебя, мой спаситель?

Призадумался Ваня, а матушка из окна ему кричит:

— Щепоточку кардамона, корицы и мускатного ореха!

Исполнил купец просьбу и дальше в путь отправился.

Замесила Марфа тесто, на вырезанной дощечке отмяла его. Варенье сливовое вовнутрь положила и в печи горячей испекла. Достала румяный пряник, в тряпицу завернула и сыночку отдала.

— Бери угощенье да в царский дворец неси, Варвару угости!

Собрала матушка Ваню в дорогу, перекрестила и в дальний путь проводила.

Долго ли, коротко ли шел Иван через леса дремучие, через болота топкие, но добрался до царских палат и гостинец сберег.

Пришел к палатам каменным и увидел женихов опять сбежалось с разных волостей видимо-невидимо!

— Ничего! — подумал Иван.— Дождусь. Будет и на моей улице праздник!

День прошел. За ним другой. Очередь все короче и короче становится.

Никто из кавалеров не смог доселе Варваре угодить, угостить тем, чего она в жизни не вкушала.

Вот к седьмому дню дошла очередь до Ивана. Один он из женихов остался.

Вошел он в палаты расписные. Ступил на ковры персидские, что на полах расстелены. Поклонился царю-батюшке. Поклонился царевне Варваре.

— Ну-с! С чем к нам пожаловал? И как звать-величать тебя, добрый молодец? — с трона прокричал царь-государь.

— Иваном матушка нарекла, а сам я из Тулы-града, что посеред Русской равнины стоит,— отвечал Ваня.

— И нешто гостинец принес, какого я в жизни не едала? — съязвила царевна.

— Ваша правда. Принес! — ответил тулянин.

— Ну, так изволь — покажи свое угощенье,— приказал царь.

— А сколько дней ты до нас добирался? И когда сладость испек? Может, я зубки свои жемчужные обломаю? — продолжила привереда.

Вынул Иван гостинец из платочка и протянул Варваре.

— И что это такое? — удивилась капризуля.

— Пряник — в Туле испеченный и во дворец привезенный,— ответил молодец,

Взяла его царская дочка в руки и удивилась:

— Какой мягкий! Какой сладкий! В жизни ничего вкусней не пробовала.

— Ну, Иван! Угодил, так угодил! — обрадовался царь.— Ну, а теперь всем мирком да за свадебку! Я своему слову хозяин.

Сыграли во дворце свадьбу. Гостей на ней было, что звезд на небе. И матушка-Марфа за столом сидела. Пряников напекла и к свадебному столу привезла. Три дня и три ночи эта свадьба пела и плясала, да пряники тульские вкушала.

Стали с тех пор Иван да Варвара жить-поживать и добра наживать, да пряники тульские печь и восхвалять!

23.03.2020г.

СКАЗ О ТОМ, КАК ПЕСНЯ ТУЛУ ПРОСЛАВИЛА

Давно это было, почитай два веку тому назад. В Туле древней, небольшой, думается, в самом ее центре да в самый лютый мороз, родился у Белобородовых мальчонка. Николенькой назвали. В Кремлевский сад гулять водили мамки и няньки. Дьячок из местного храма на обучение грамоте парнишки позван был. Средств скудных на гимназии-то не хватало. Подрастать стал, в Кремль — по стенам и башням с друзьями голубей гонять, на гусиные бои глядеть, на балаган живых моржей, что в Кремлевском сквере, любоваться — бегать стал. А уж как в силу-то взошел да возмужал, на местных барышень, красивых, нарядных, что по Посьольской, Киевской, Почтовой, мимо богатых домов Лугининых, Платоновых, Демидовых да Добрыниных, мимо Городской думы и гостиных рядов, мимо театра прогуливающих, на лодочках по Упе катающихся,— заглядываться начал. Решил тут отец — женить Николашу на дочери знатного оружейника. Сказано. Сделано. Зажил Николай с молодою женой ладно, счастливо, да с песнею, и все под гармошку. Не все-то в гармошке молодому нравилось; бемолей и дизов ему не хватало. Слух такая музыка резала. Да и придумал он гармонь хроматическую, двухрядную. Кликнул рабочих императорского оружейного завода, по указу царя Петра возведенного, кои с песней дружбу водили, и в оркестр всех собрал. Полилась тут песня народная над славным городом, над куполами церквей его и улиц. Донеслась и до цирклюдрама, что на окраине города сто-

ял. А в ту пору на нем велосипед гонять сам граф Лев Николаевич Толстой любил. Услыхал ту музыку да и решил с этим музыкантом Николаем познакомиться. Повстречался, познакомился да и посоветовал гармонисту музыку Михаила Глинки «Жизнь за царя» играть. Не стал Николай Иванович хорошую мысль в долгий ящик откладывать и начал он с оркестром своим «Жизнь за царя» играть. А уж как все городское начальство это услышало, послало оно оркестр за границу, пускай знают, какие музыканты в Туле есть! С этой песней наши гармонисты полмира объездили и везде город свой славили. Вот так песня город прославила, да только давно это было, одна история о том и осталась-то.

Василий ТАРАКАНОВ

г. Алесин Тульской области

Тараканов Василий Васильевич — коренной житель г. Алексина 1959 г. рождения. Образование среднее техническое и среднее юридическое. В настоящее время пенсионер. Поэт и прозаик. Автор многочисленных стихов и песен. Постоянный автор нашего альманаха

МАПА

На закорках, по задворкам,
Ехал, ехал наш Егорка,
Восседал как будто пан.
И держался он так ловко —
Видно сразу — есть сноровка,
В голове его есть план.

Ну, а план такой простейший,
Ну, а план такой хитрейший —
Он придумал его сам!
Папу он назвал не папа,
А назвал его он мапа —
Непонятно как бы нам.

Ничего здесь нет дурного —
Прихворнула мать немного —
Папа нынче за двоих:
«Я люблю тебя, мой папа,
Я люблю тебя, мой мапа —
Будь, как конь, сегодня лих!»

Вот и мчится по бурьяну,
Стороной прошел поляну —
Надо за двоих успеть!
Постирал и к магазину,
И с продуктами корзину
Тащит — было б что поесть.

Дома сын один заплачет —
Он на шее нынче скачет,
Он же ласковый такой!
Называет меня мапой
Мой плутишка косолапый,
Мой любимый, дорогой!

Юлия ВОЕВОДИНА
г. Серпухов Московской области

ДЕД МОРОЗ И МЕТЕЛИЦА **(Как Метелица Снегурочкой стала)**

Стояла зима. Первый ее месяц подходил к концу. Везде и всюду красовались наряженные елки, переливались разноцветными огоньками гирлянды. Приближался самый долгожданный и волшебный праздник — Новый год. Главный волшебник — Дед Мороз готовил в своем тереме подарки и поздравления для ребятшек.

Пришло время запрягать лошадей и собирать в сани подарки.

Ну вот, готов Дед Мороз в путь-дорогу. Его верные помощники — Снеговики, Снегири, Синички, Зайчики и Белочки еще раз проверили все подарки. Все, можно ехать!

Едет Дед Мороз в санях расписных, наполненных мешками с подарками, песни поет новогодние. Вдруг из-за леса вылетела Метель. Злая, холодная, колючая. Свистит, кружит, дорогу замечает. Не проехать Деду Морозу к ребятishкам. И говорит он Метели:

— Метелица, здравствуй! Вижу, сильная ты, показала власть свою, но успокойся, пожалуйста, отдохни, пропусти меня к ребятishкам в гости. Ждут они подарков новогодних и веселья праздничного.

Отвечает она ему:— Здравствуй, Дед Мороз! Рада я тебя пропустить, да не могу. Хочу с тобой на празднике побывать, повеселиться, подарок получить. Всю жизнь с Ветрами холодными хороводы вокруг лесных елок вожу, песни мрачные завываем, в снежные покрывала округу наряжаем. А так хочется разноцветных огоньков, добрых и веселых песен, подарков... Вздохнула Метелица — и снова снеговое покрывало легло на дорогу, заплакала — и повисли холодные льдинки на ветвях деревьев.

— Как же я возьму тебя с собой, если ты всех ребятшек заснежишь, заколешь да заморозишь?

Притихла Метелица, задумалась... И вдруг — взмахнула своим снежным рукавом, высыпала последние серебряные снежинки и исчезла за высокими дубами да елями... Тишина вокруг... Под зимним солнцем снег серебрится. Только хотел Дед Мороз путь продолжить, как услышал тихий ровный перелив ледяных сосулек-колокольчиков. Оглянулся на звук и увидел красивую девушку. В синей шубке, отделанной серебром, такой же шапочке и рукавичках, на ножках — бело-голубые сапожки, из-под шапочки — русая коса до пояса. Стоит девица — улыбается.

— Кто ты, милая, откуда взялась? — ласково спросил Дед Мороз.

— Снегурочка я, дедушка. Устала дороги снегом замечать да на веселые праздники в окно с улицы поглядывать. Была Метелицей — стала Снегурочкой. Возьми меня, пожалуйста, с собой, к ребятishкам на праздник. Я им гостинцы припасла.

Взмахнула Снегурочка рукавом, хлопнула три раза в ладоши — и тут же все льдинки с деревьев превратились в разноцветные леденцы, а хлопья снега — в сладкое суфле и зефирки. Собрали Дед Мороз и Снегурочка все ее гостинцы в мешок, поставили в сани и поехали к детям.

Так у Дедушки Мороза появилась внучка Снегурочка.

Иногда, когда праздники для ребятшек уже заканчиваются и все подарки и гостинцы вручены, вспоминает Снегурочка, что внучка она только в дни новогодние, и вылетает из-за леса Метелицей, чтобы наместе снега для детворы — пусть лепят снеговиков да снежных баб, крепости да дома строят, в снежки играют, с горок и на льду катаются.

А Дед Мороз в своем тереме смотрит на все это по Волшебной книге и улыбается.

Галина РАЗБАЕВА

г. Самара

Родилась в 1960 г. в г. Куйбышеве, в семье инженеров. Окончила Самарский госинститут культуры (с отличием), по специальности «Руководитель академического хорового коллектива». Ее эссе и рассказы печатаются в самарской газете «Благовест» и издании «Православная народная газета». В 2012 г. вышла первая книга — сборник рассказов «Дорога», в 2018 — вторая, «Отблески. Записки экскурсовода». Обе книги иллюстрированы автором. Имеет дипломы за литературные работы: 2018 г. — диплом полуфиналиста и диплом финалиста всероссийского литературного конкурса «Родине поклонись», посвященного 200-летию И. С. Тургенева, г. Орел; 2014г. — диплом обладателя гран-при межрегионального конкурса «Содружество. Евразийские ART — Диалоги в области искусств», г. Самара. 2006г. — диплом лауреата за I место в обл. конкурсе «Святые символы России», направление «Журналистика»; 1998г. — диплом лауреата за I место в обл. конкурсе профессионального мастерства «Учитель года» (за литературно-музыкальные композиции), г. Самара. Член Самарского отделения РСПЛ.

РАССКАЗЫ ИЗ ПОВЕСТИ «ДЕТСТВО ГАЛИНЫ»

ДЕДУШКИН СОН

У нас с братом две бабушки и один дедушка. Бабушки настоящие, а дедушка не совсем, он не родной. Моих двоюродных брата и сестер он не жаловал, а ко мне с братом относился снисходительно. Дедушка по-своему любил нас и не возражал против приезда в гости.

Бабушка Аня часто рассказывала историю о том, как я усыпила дедушку. Мне тогда исполнилось пять лет. Родители на лето меня отправили к бабушке в Пензу. Братик — совсем маленький, ему нельзя оставаться без мамы, а я уже почти взрослая, могу с бабушкой на работу ходить. Бабушка тогда работала в магазине и часто брала меня с собой. Вставать приходилось рано, да и идти приходилось через березовую рощу, мимо поселка, потом через картофельное поле. Вставать мне совсем не хотелось, и я часто ныла:

— Бабушка, когда мы с тобой пойдем на пенсию?

— Скоро, Галинка, скоро!

Иногда бабушка оставляла меня с дедом. В один из таких дней, переиграв с ним во все игры, и не зная чем еще развлечь меня, дед предложил сходить на родник, находившийся за железной дорогой в лесу, в нескольких километрах от дома.

К роднику мы шли прохладной березовой рощей и вскоре подошли к железной дороге. Аккуратно перешли через рельсы и, пройдя еще несколько десятков метров, очутились перед родником. Дед явно устал. Испив водицы, он присел под березой, облокотившись о ее ствол. Я примостилась рядом.

— Дедушка, ты устал, поспи немножко, я тебе песенку спою.

Дед закрыл глаза и вскоре задремал. Этого-то мне и надо было. Недолго думая, я тут же отправилась в обратный путь и довольно быстро добралась до магазина. Увидев меня, бабушка остолбенела:

— Галинка, а где Иван Григорьевич?

— А он там, под деревцем спит. Мы на родник ходили, дедушка устал и прилег.

— Да как же ты одна дошла? Не заблудилась, как дорогу перешла?

Причитания бабушки прервали громкие крики деда. Он на всех парах неся отчитываться за пропажу.

Закончилось все, в конце концов, хорошо. Ну, нашлась же я!

РЫЖИЙ ЮРКА

Моя школьная подруга Юля часто болела. И мне приходилось дружить с мальчишками. В нашем классе мальчиков было больше, чем девочек.

У меня за стенкой жил мой главный товарищ по играм — рыжий Юрка. Иногда мы с ним перестукивались, часто болтали, стоя каждый на своем балконе. Иногда ходили друг к другу в гости.

Когда мы учились во втором классе, у нас в школе открыли музыкальную школу, и половина класса ринулась в музыканты. Я уже ходила на музыку в другую школу. Записался в музыкальную школу и Юрка. Слух у него был хороший, голос звонкий, его даже на радио петь приглашали. Но вот терпения у Юрки хватило только на полгода, впрочем, как и у большинства одноклассников. Расставшись с карьерой музыканта, Юрка избавился от всего, что напоминало ему о музыке. Последнее напоминание — марка с изображением композитора Бетховена.

— Приходи ко мне в гости, у меня есть для тебя подарок, — сказал он деловито на перемене.

— И где твой подарок? — переступив порог Юркиной квартиры и выждав приличествующую паузу, спросила я. Он торжественно открыл классер, вытащил маленький квадратик и протянул его мне:

— Вот, дарю, Банбахен.

Так причудливо сплелись в сознании моего друга фамилии двух великих композиторов — Баха и Бетховена.

Марка пополнила мою небогатую коллекцию. До сих пор она хранится у меня, напоминая о Юрке и его таинственном Банбахене.

ЗЕМЛЯНИЧНОЕ ВАРЕНЬЕ

Наш большой класс делился на звенья, звенья на звездочки по пять человек. Отрядами, звеньями и звездочками мы собирали макулатуру и металлолом, соревнуясь, кто больше соберет, звездочками дежурили в классе. Когда заканчивались уроки и прерывались внешкольные дела, наша звездочка продолжала общаться. Мы ходили друг к другу в гости, придумывали какие-то дела, бегали по двору, играя в штандыр, выбивали, а зимой в царь-горы. В моей звездочке я одна — девочка, остальные мальчишки, живущие со мной по соседству: рыжий Юрка, Валерка с пятого этажа, драчун Сережка и Сашка с таинственной, как мне казалось, фамилией — Бугурусланов.

Однажды Валерка предложил сделать общую библиотеку: собрать детские книжки у кого-нибудь и выдавать всем по очереди. Самая большая библиотека была у нас. Папа из командировок привозил книги, выписывал много журналов. Поэтому пункт сбора будущего библиотечного фонда решили сделать в нашей квартире.

Как инициатор, Валерка для примера принес свою самую любимую книгу — «Дерсу Узала». Решили присмотреть в доме местечко для общего собрания книжек. Мы пришли с инспекцией в наше скромное жилище. Дома мальчишки заметили ровно стоящие банки с вареньем. Сразу о планах по всеобщей ликвидации литературной безграмотности все забыли. Глаза детей заблестели. Я, как радушная хозяйка, вытащила из-под стола трехлитровую банку земляничного варенья, достала столовые ложки. И началось пиршество. Какое это было вкусное варенье — душистое, с крупными ягодами! А какое удовольствие есть его большой ложкой, да еще в компании друзей!

Вечером я ожидала от родителей вопросов или объяснений по поводу съеденной банки варенья, но мои родители не сказали ни слова. То ли не заметили, то ли не придали значения. Да если бы и заметили, репрессий не последовало бы — мои родители всегда отличались исключительной щедростью и гостеприимством.

ЛЮБИТЕЛЬ ЭНЦИКЛОПЕДИЙ

Друга моего звали Владик Любарцев. Мы с ним познакомились в первом классе, когда нас посадили вместе за первую парту, так как мы оказались самыми маленькими в классе или почти самыми маленькими. Но вскоре нас передвинули, потому что у девочки Оли оказалось большое сердце и еще что-то серьезное и сидеть ей можно не дальше первой парты. Но в столовую мы всегда шли первыми, дружно держась за руки.

Мы оба отличники и часто соревновались, у кого больше пятерок, кто красивее напишет, кто больше прочтет книг. Перевес был чаще на стороне моего друга, но он не задавался. Если по пятеркам я его чаще всего догоняла, то, по части прочитанных книг, Владик сохранял первенство. Я научилась читать в пять лет. К школе читала бегло и много для маленького ребенка. Но превзойти Владика не могла — Владик читал не только сказки и истории, но и толстые научные книги. Однажды он показал мне предмет своей гордости — десять томов детской энциклопедии.

— И что, все эти книги ты прочитал? — не без ехидства спросила я.

— Давно, — спокойно сказал мой друг-первоклассник.

С этими бесценными книгами мы просидели несколько часов. Владик показывал мне страны и города, вулканы и горы. Обо всем он рассказывал интересно, со знанием дела. Вот это настоящий отличник! Я до сих пор помню цвет и запах толстенных томов. И ощущение восторга перед ними и благоговения перед своим умным другом — любителем энциклопедий! Как жаль, что Владик проучился у нас в классе только один год. Его мама — завуч школы, получила работу в другом районе, и вскоре они переехали.

Лишь однажды мне посчастливилось увидеть своего друга. Я шла в музыкальную школу, а с горки навстречу спускался мальчуган с красным пионерским галстуком. Еще секунда и мы разминулись. То ли не узнал меня мой бывший одноклассник, то ли не заметил...

Мне очень хотелось узнать, кем же стал Владик Любарцев. Думаю, ученым, профессором или академиком. Но следы его затерялись. Осталось только теплое воспоминание детства, и общая фотография смешных первоклассников, где в центре, около учительницы — мы с моим другом.

ЦАРЬ ГОРЫ

— Штандыр Юрка! — Вверх летит мячик. Юрка мчится наперерез мячу и почти у самой земли ловит его, красиво приземлившись.

— Штандыр Загородка.— Мяч летит вверх. Но его никто не ловит. Валерка Завгороднев, упустивший мяч, сердито машет рукой и обиженный уходит с площадки.

Юрка решил пристроить это обидное прозвище к закадычному дружку. Родители мальчишки только что сменили неблагозвучную папину фамилию Свиначев, на мамину, более интеллигентную — Завгороднев. Юрка решил пройтись по этому событию. Гадко. Игра расстроилась. После неудачной шутки, играть уже не хотелось.

Зачем пацаны дразнят друг друга? Вот зимой играли — стенка на стенку, в царь горы. Мы с Юркой наверху горы. Внизу — Валерка, Сашка и Серега. Мы держим высоту, противники должны нас сбросить и занять наши позиции. Можно толкаться, пинаться, бросать снежки. Ругаться никому не приходит в голову. Юрка — настоящий рыцарь. Ему приходится драться за двоих. Благородно он бросается вперед, вся снежная обойма достается моему защитнику. Мы держимся так долго, что становится скучно. Но через час все заканчивается всеобщим примирением. Мокрые, с полными снегом валенками, мы нехотя расходимся по домам. Нужно делать уроки. Да и кушать уже хочется.

Сейчас уже никто не играет в «штандыр» и в «царь горы». А жаль! Веселые игры.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Не знаю — первая любовь это, или только симпатия? Когда я училась во втором классе, то обратила внимание на одноклассника. Его звали Леня. Леня Тома. Для меня это сочетание звучало очень красиво и таинственно. Оказывается, не только для меня. Моя долговязая подружка тоже заприметила сероглазого Леню. Выяснив это, мы стали сообща следить за мальчишкой. Развели, где он живет, выяснили с кем. Разведчицы, да и только! От серых внимательных Лениных глаз не ускользнуло то, с каким интересом девчонки наблюдают за ним! Леня тоже стал присматриваться к нам. Но эта история закончится не так, как хотелось бы.

Мы после школы шли втроем. Добрели до нашего дома. Юлия забежала домой, чтобы отпроситься погулять. Я, как человек более вольный, на прогулку не отпрашивалась, да и не у кого было — мама с папой на работе, бабушка в счет не шла. Пока Юлия вела переговоры с кем-то из своих родителей, Леня предложил убежать, не дожидаясь подружки. «Действительно, сама виновата, слишком долго убеждает своих», — подумала я, оправдывая наш поступок. И мы сбежали. А потом мне стало скучно. То ли мое предательство так подействовало на меня, что называется, совесть заговорила, то ли Леня собеседником оказался скучным. Дружбы не получилось. Да и не могла она случиться: во-первых, осадок остался, детским умишком я вдруг поняла — сегодня он предложил бросить Юлию, завтра — предаст и меня; во-вторых, после профессора Владика теперь меня сложно чем-то удивить.

СОБАКА ЛАСКА

В нашей семье все любят животных и у нас всегда жил какой-нибудь питомец. Однажды отец с охоты принес утку подранка. Мы долго выхаживали птицу. Особенно переживал мой младший братишка Олег. Куда делась птица после выздоровления, боюсь предположить...

Жили у нас черепахи, хомячки, голуби, — всех их приносил мой заботливый братик. Он же и лечил их, а я только наблюдала, так как особой приязни к животным не показывала. Жил у нас ежик. Мы принесли его прямо из леса. Днем он не проявлял особой активности, спал где-нибудь, скатавшись в колючий клубочек. Мы ставили блюдце с молоком в уголке. Ночью наш питомец, цокая черными коготочками, приходил к блюде и шумно кушал. Ежика пришлось вернуть в лес после того, как он ночью от испуга укусил маму, находящейся в опасной близости от него. Но это все наши гости.

Членом семьи стала собака. Однажды папа принес черненького с белыми крапинками на лбу и лапках, кудлатенького щенка-девочку спаниэля. Щенок оказался добрым и ласковым, поэтому его назвали Ласка. Ласка полюбила всех, кроме моей бабушки, маминей свекрови. У мамы не складывались отношения со свекровью, добрая Ласка, видимо, почувствовала это и взяла сторону слабого. Ко всем она ластилась и только на бабушку Машу бросалась с лаем. Бабушка в долгу не оставалась. Собаку игнорировала, либо придумывала обидные словечки-прозвища.

Собака сопровождала нас в походах. Родители часто ходили за грибами, и ягодами. Часто брали нас с братом и Ласку. Иногда мы уходили на два дня. Ночевали где-нибудь в стогу сена, и Ласка чутко охраняла нашу семью. Часто в этих походах к нам присоединялся папин сослуживец — Евгений Семенович.

Олег СЕВРЮКОВ

г. Москва

Родился в г. Липецке. Окончил МГУ им. М. В. Ломоносова. Член СПР, АРЛ, творческого клуба «Московский Парнас». Лауреат литературных премий. К.т.н., доцент НИЯУ МИФИ. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ПАПА, РЫБА И ХАЛАТ

Моим детям — Александре и Константину

I

Действующие лица — Папа, Мама, их сын по прозвищу Кит, его Сестра, Бабушка, Дедушка, всеобщие любимцы: собака Женька и кот Барсик.

Вся эта история началась с Рыбы. Почему с большой буквы, спросите вы? Нет, не потому, что это была Большая Рыба. На самом деле Рыба была, ну, скажем, длиной не более полуметра. А может и меньше. Но никак не больше. Просто Рыба собрала вокруг себя множество разных людей. В основном больших. Причем тогда, когда ее еще не было. Была только идея Рыбы. А дальше...

...Кит занимался в архитектурно-художественной студии. Атмосфера там была вольная, веселая, дружеская, но время от времени в качестве итога определенного периода обучения рисунку, композиции, макетированию от учеников требовалось представить на суд общественности — преподаватели, родственники и знакомые, собственно ученики — нечто, исполненное на строго определенную тему. Например, «Машина», «Жук», «Слон». Так как студия слыла «творческой мастерской юных талантов», приветствовалось и поощрялось любое оригинальное решение в плане формы, цвета, фактуры, композиции и т. д. и т. п.

На этот раз была Рыба. Оговаривались только размеры. Все остальное было отдано на откуп исполнителям. А скрывать нечего — зачастую в качестве исполнителя выступала вся семья, включая собаку Женьку и кота Барсика, иногда весело отдиравших от полуготового или готового макета особо понравившуюся им деталь.

После того, как Кит торжественно объявил о новом архитектурно-художественном проекте, был срочно созван Большой Семейный Совет (БСС), на котором присутствовали все.

Общество собралось за чаем с печеньем, которое изумительно пекла Бабушка, за большим круглым столом с висевшим над ним красивым абажуром, сделанным руками Дедушки. Пока все уминали печенье, запивая его вкусным, крепко заваренным душистым чаем, Женька вертелась вокруг стола, выпрашивая по очереди у каждого по кусочку, а Барсик, лениво потягиваясь, дремал на спинке дивана.

Наконец, Бабушка и на правах старшего по возрасту и статусу в семье сказала, обращаясь к Киту:

— Дружочек! Мы с тобой работаем в области искусства (Бабушка преподавала вот уже много лет в музыкальном училище),— при этом она сделала акцент на «мы» и «искусства».

Собака Женька резко остановила свое круговое движение у ног Бабушки и приняла позу Сфинкса, но не с загадочным, а вполне конкретным выражением просьбы поощрить ее внимание печеньем, что Бабушка и сделала изящным движением левой руки.

— Так вот, мне кажется, это должна быть гармонически выверенная рыба, в которой все ее части — и верхние, и нижние — должны как ноты подчиняться единому целому в каждой, самой мельчайшей детали! Может быть, даже облечь ее в форму какого-нибудь инструмента, придав ему очертания рыбы.

Она замолчала и победно оглядела членов БСС. Все внимательно слушали, только Барсик широко зевнул и перевернулся на спину, вытянувшись во всю длину.

— А что? Очень даже интересно! — горячо поддержала Бабушку, немного подумав, Мама, которая тоже имела отношение к музыке, поскольку закончила Консерваторию и работала в музыкальной редакции.— Очень даже интересно,— повторила она.— У Шуберта есть красивая песня «Форель», можно воспользоваться нотной бумагой, отобразить имя композитора и вообще...

Правда, что такое «вообще» она не пояснила, так как Женька быстро переместилась к Маме в ноги за очередной порцией печенья и стала призывно царапать лапой ее юбку.

Папа и Дедушка, прямо не связанные с искусством — Дедушка был по образованию лесовод, а Папа геолог, но к этому времени по своей специальности оба не работали — промолчали.

Наконец, после некоторого раздумья, Дедушка произнес:

— М-да... Музыка это, конечно, хорошо. Гармония — тоже. Но рыба — это рыба. И, значит, надо все-таки поближе к природе. Где вы видели рыбу, расписанную нотными знаками? Ну да, осьминог на шахматной доске самораскрашивается в клеточку, но рыбы...

— Конечно,— подхватил Папа.— Можно обратиться к древнейшим представителям этого типа хордовых. Палеонтология предлагает массу примеров оригинальных форм, начиная с девона до антропогена,— Папа не преминул вставить кое-что из своего геологического прошлого.— Про цветовые решения сказать не могу, науке это неизвестно, но что касается фактуры и формы — здесь есть, над чем подумать!

В ходе разговоров Кит вертел головой, глядя в сторону того, кто говорил, а Барсик, спрыгнув с дивана и ловко миновав Женьку, которой непременно хотелось двинуть его лапой, чтобы вовлечь в игру, перебрался на спинку кресла, поближе к столу, на котором, как он успел заметить, сидя на диване, в маленькой пиалке аппетитно поблескивала сгущенка. При этом он издал довольно внушительный «мяв», означавший, как показалось Папе, примерно следующее:

— Вы-то пьете чай с печеньем, Женька тоже лопает почем зря, один я позабыт-позаброшен! ...

Сестра, поскольку возня вокруг Рыбы была ей не очень интересна, встала, взяла Барсика на руки и пошла с ним на кухню. Там она, предварительно закрыв дверь поплотнее, чтобы туда не ворвалась Женька, часто очищавшая Барсикову плоску в мгновение ока, налила в блюдце молока, добавила сгущенки и, присев на корточки, погладила неспешно лакающего кота. Барсик на мгновение приостановился и благодарно промурлыкал.

Было слышно, как в столовой разгорается спор. Нет-нет, никто не кричал, но иногда все говорили разом, так, что понять можно было только отдельные слова или фразы, вроде «композиция, фактура, цветовое решение, форма, содержание, динамика макета, техническое решение, оригинальная творческая мысль, нестандартный подход, пропорции, золотое сечение, организация пространства»...

Когда Сестра с Барсиком вернулись, было ясно, что первый тур обсуждения зашел в тупик. Кит уже не вертел головой, а, прихлебывая полуостывший чай, строил Маме рожи и шевелил ушами, Бабушка с гордым видом победителя наливала Дедушке чашку чая, Папа задумчиво смотрел на абажур. Абажур был яркий, оранжево-коричневый, оплетенный понизу красивой бахромой. Низко нависая над столом, он напоминал сказочную медузу, плывущую медленно покачиваясь, в морской глубине.

— А что, если?.. — он вдруг стукнул себя по лбу, но больше ничего не сказал.

II

Шло время. Второе собрание БСС достигло согласия — Рыба должна походить на рыбу по форме, но с оригинальным уклоном в цвето-фактурно-конструктивное решение за счет выбора в том числе подходящего материала. На нотную бумагу особо не напирали, но и не отбрасывали возможность ее применения.

Кит день за днем рисовал эскизы, Сестра учила уроки, Бабушка с Дедушкой, погруженные в свои профессиональные обязанности, особо не вмешивались в процесс. Папа и Мама поздно вечером, когда Сестра и Кит засыпали, а Женька и Барсик подремывали каждый на своем любимом месте — Женька в кресле, а Барсик на спинке дивана — тихонько обсуждали свои дела — вчерашние, сегодняшние, завтрашние, — но время от времени возвращались к Рыбе, смотрели Китовые эскизы, а после вполголоса обменивались предложениями по материалу для «наиболее адекватного формовоплощения идеи Рыбы», как высокопарно выражался Папа, который для пополнения знаний и расширения кругозора занимался чтением различных философских трактатов. Поскольку Мама понемногу шила (однажды она сшила Папе потрясающие клетчатые брюки, швы которых изящной спиралью закручивались вокруг ноги, но Папа обожал их — такие они были легкие и удобные), в доме водились материалы различных цветов, плотности и фактуры. Однако по обоюдному мнению, включая и собственно творца Рыбы — Кита, подходящего среди них пока не находилось.

Оставалось не так много времени до сдачи Рыбопроекта. Все домашние, в том числе Женька и Барсик, слегка нервничали. Для последних это выражалось в выпрашивании еды чаще, чем обычно.

В один из таких вечеров Папа, выйдя из ванной, (а день прошедший выдался хлопотным — сдавали и сдали-таки новую установку, с которой возились более полугодом и надо было смыть с себя всю нервную шелуху, сопровождавшую этот непростой процесс), довольно улыбаясь и потирая руки в преддверии ужина, начал движение через столовую, где Кит, пытаясь, собирал очередной макет, Мама раскладывала и так и эдак куски тканей, сопровождая появление каждого кратким, но выразительным разъяснением, Сестра играла с Барсиком, Женька примеривалась, как бы половчее стянуть хотя бы одну из плюшек, вчера испеченных Бабушкой и горкой лежащих в блюде у края стола, а Дедушка всем сразу рассказывал очередную занимательнейшую историю из многих, случившихся с ним в далеком детстве.

Внезапно все смолкло, и в наступившей тишине было слышно, как шлепнулась на пол плюшка, которую Женьке наконец-то удалось скосырнуть со стола, на что никто, кроме Папы, не обратил внимания.

Папа тоже остановился, потому что ощутил на себе одновременно направленные на него взгляды всех присутствующих. Он занервничал и стал осматривать себя, пытаясь обнаружить что-либо предосудительное. Например, слишком небрежно надетый халат, один носок вместо двух или еще какую-нибудь досадную, ему незаметную, но привлекающую внимание остальных, мелочь.

— Это то, что нужно!.. — тонким, прерывающимся от волнения голосом, завопил Кит.

— Похоже, кивнув головой, согласилась Мама.

Сестра и Дедушка тоже поочередно кивнули, правда, воздержавшись от комментариев.

— Что?.. Что такое?.. — недоуменно и с беспокойством спросил Папа, неловко поворачиваясь из стороны в сторону и осматривая себя, отчего полы его халата, пунцового, с красивыми черными волнистыми полосами колебались и напоминали, как потом, спустя много лет, заметила выросшая и закончившая Университет, Сестра, лично ей «Красное море в бурную погоду». (Кстати, ее сын в четырехлетнем возрасте в детском саду на одном из занятий по рисованию нарисовал акварелью картинку «Красное море», такого же пунцового колорита, в котором безмятежно пускал фонтаны Кит, оконтуренный черно-синими волнистыми

линиями. Этот «шедевр» детского творчества Папа бережно хранит в своей толстой тетради для записи все реже и реже приходящих ему в голову, может быть не всегда умных, но для него интересных мыслей).

— Халат! — снова с волнением вскрикнул Кит, а Мама добавила, просветлев лицом:— Цвет, фактура!..

— И плотность ткани подходящая,— счел нужным добавить Дедушка.

— Да, халат! — отозвался Папа,— Это мой самый любимый халат из всех, которые у меня когда-либо были. И притом на данный момент единственный,— добавил он с некоторой обидой в голосе.— А вообще, что вы хотите этим сказать? — и он подозрительно оглядел присутствующих.

В это время в столовую вошла Бабушка. Папа хотел, как можно быстрее ускользнуть, но Женька, уже схрумкавшая плюшку и посему чрезвычайно довольная, ткнулась ему спереди в ноги, а сзади развеселившийся Барсик ловко поддел когтем взметнувшуюся над паркетом полу халата. Папе ничего не оставалось делать, как остановить в очередной раз начатое движение.

Все наперебой загалдели, теперь обращаясь к Бабушке, тыкая пальцами то в макет Рыбы, то в Папу, судорожно отбивающегося от Женьки и Барсика в попытке не дать им растащить полы халата в разные стороны.

Наконец ему это удалось, и он юркнул в свою комнату, чтобы переодеться.

Когда он, приведя себя в порядок, вернулся в столовую, участь его халата была решена.

— Дружочек! — торжественно произнесла Бабушка,— придется во имя искусства пожертвовать частью твоего гардероба; только халатом,— поправились она,— Я убеждена, что для ребенка очень важно не быть последним (она хотела сказать «быть первым», но решила смягчить явную категоричность суждения на фоне неясности предстоящего), ибо поощрение творчества — задача для родителей неперенная и, как мне кажется, не подлежащая обсуждению. Я думаю, все со мной согласится.— Она поочередно оглядела присутствующих. Все собравшиеся, кроме Папы, кивнули, кот Барсик довольно промурлыкал что-то, а собака Женька часто-часто застучала хвостом об пол, что, по-видимому, должно было означать согласие тоже.

— Но, может быть, мы начнем с малого? — робко возразил Папа.— Например, приложим и посмотрим, на худой конец пустим в дело, пояс и тогда определимся.— И он умоляюще посмотрел на Маму. Маме, конечно, было жаль Папу, но она промолчала.

— А действительно,— подал голос Дедушка,— не будем так торопиться?

— Через три дня сдавать!..— жалобно пролепетал Кит, и участь халата была решена.

III

Чтобы не сильно расстраивать Папу, решено было отрезать по небольшому куску от нижней части халата. Поскольку первая проба вышла не очень удачной, решено было повторить. Итогом стало превращение халата в короткую тунику, правда, с рукавами. Но так как черные обшлага рукавов нужны были для отделки внутренних элементов Рыбы, пришлось пожертвовать и частью рукавов. В конце концов, когда Рыба была закончена, одобрена БСС и отправлена на выставку, из папиного халата получилось нечто среднее между сарафаном нараспашку и жилеткой без пуговиц.

Зато Рыба заняла, как верно предрекала Бабушка, далеко не последнее место, по случаю чего был устроен роскошный семейный пир. Кит был поздравлен от лица БСС Бабушкой и лично каждым, Женька получила вкусный тульский пряник, Барсик пожалован двойной порцией сливок, а Папе вручен новый халат. Правда, он был не такой яркий, как прежний, но вполне подходящий по размеру.

...

Время неумолимо. Нет уже ни Женьки, ни Барсика, ни Бабушки с Дедушкой. У Сестры и Кита появились свои дети, отчего Папа и Мама стали Дедушкой и Бабушкой.

Но под потолком террасы на даче продолжает, покачиваясь, плыть Рыба, напоминая всем нам о прошлом, без которого не было бы настоящего, и,— я уверен! — не свершится будущее. Ибо все сплетено в единую нить, протянутую сквозь жизни каждого из нас, и за которую мы держимся памятью, поступками сегодняшними, делами будущими, и если нас не окружают или не попадают на глаза вещи, предметы, которые когда-либо объединяли,— пусть ненадолго, но всех,— будет эта нить истончаться и рваться, и к своему концу каждый доберется в одиночку; а, остановившись перед Вечностью, станет растерянно оглядываться, чтобы спросить:

— Почему я один?..

И ответа ему не будет. Потому, что спросить будет не у кого...

Евгений ТАТАРНИКОВ

г. Ижевск

Родился в Удмуртии в 1959 г. После школы в 1976 г. поступил МВТУ им. Баумана, которое окончил в 1982 г. и работал на ПО «Ижмаш» в отделе главного технолога, печатался в заводской многотиражке «Машиностроитель» на производственные темы. В 1988 г. окончил Высшие курсы МВД СССР и был направлен в МВД Удмуртии на оперативную работу, где и проработал до пенсии. Подполковник милиции в отставке. Любимый жанр — юмористические рассказы. Любимые писатели: В. М. Шукшин и Н. В. Гоголь.

«КОТ СТИЛЯГА — ЭСТЕТ ИЗ ЭРМИТАЖА»

*Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.
Ты вернулся сюда, так глотай же скорей,
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,
Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.*

Осип Мандельштам

Санкт-Петербург, 20 июня 2018 г.

Дворцовая площадь. Возле правого угла, там, где начинается улица Миллионная, за чугунными воротами на мостовой лежат несколько упитанных котов. Они принимают днем солнечные ванны, а вечером они отправятся на ужин во Дворец. Ну, а пока сон и расслабуха. Жизнь, как говориться удалась и им наплевать, что рядом толпами ходят иностранцы, щелкают их на память и пытаются, погладить. Гладьте у себя в Китае, Сингапуре, хоть на краю Земли, но их не трогайте, у них послеобеденная фиеста. И живут они во Дворце, комнаты которого вам за всю жизнь не обойти. А некоторые, самые наглые, даже спят на царском троне. Коты Эрмитажа уже давно сами стали культурным достоянием. Скоро в Эрмитаж вы будете ходить смотреть не картины Рембрандта, Тициана, а котов Эрмиков.

Июньский теплый вечерок. Вечерок как-то не подходит к такому красивому и большому городу как Санкт-Петербург. Поэтому скажем так. Июньский приятный вечерище, прохлада еще не спустилась на город, а «белые ночи» висели над ним уже две недели, поэтому людская движуха на Дворцовой площади не замирала до утра. Правда, к «белым ночам» уже все привыкли и почти их не замечали, как говориться «кто любит Питер, тот часов не замечает». С Невы, так и хочется сказать, дул легкий ветерок, но он как раз и не дул, поэтому одинокая яхта болталась у Петропавловской крепости на одном и том же месте. Может, она бросила здесь якорь. Правда, я этого не видел со своей скамеечки, где сидел в одиночестве и смотрел на атлантов, а им на меня было наплевать. Ко мне подошли восточные люди, из бывшей среднеазиатской республики СССР, которые уже давно забыли и русский язык и страну Советов, и на ломаном русском языке спросили меня:

— Э, ээ как мне про-ти в крипыст Питра?

Почему подошли ко мне? Я так похож на коренного питерца? Или я сидел в этой крепости вместе с зайцами в петровскую эпоху, и поэтому знаю все? Да, я знаю, в этом городе не в первый раз. Я махнул им рукой на позолоченный шпиль Петропавловского собора и сказал: «Туда, брат, через реку Неву». Ангел на шпилье собора святых апостолов Петра и Павла в Петропавловской крепости смотрел на город с высоты ста двадцати двух с половиной метров, но я ангела не видел. Атланты, как и этот ангел, символы Питера, из всех сил держали небо на каменных руках, но не смогли «выдержать меня» и начали поучать:

— Жень, надо было этих людей через Дворцовый мост отправить, мимо зоологического музея, мимо бывшего Морского музея, Кронверка. Хотя нет, так они бы еще больше заблудились. Пусть лучше плывут через Неву, как ты им показал. Жень, а хочешь, чтобы на тебя нашло творческое вдохновение, и ты написал хороший рассказ, который нестыдно было бы напечатать в каком-нибудь журнале.

— Очень хочу, но не печатают.

— Ну, тогда погладь мои накаченные ноги или большой палец на ноге потри,— сказал мне один из атлантов.

— Вы че, мужики? Пусть вам вон ноги лижут коты, что валяются возле правого угла, там, где начинается улица Миллионная, за чугунными воротами на мостовой. Купите только им валерьянки.

— Не, они на это дело не поведутся, слишком гордые, достояние города. Это же эрмитажные коты.

— Ка-кие-е ко-ты? — заикаясь спросил я, но ответа не получил.

И вот вижу, как в мою сторону, где я сидел на лавочке возле этих атлантов, важно выхаживает кот. Ну, почему опять ко мне? Иди вон об ногу атланта потрись лучше, он как раз об этом мечтает. И у вас точно

электрический разряд произойдет. Но этот красавчик, не похожий на бездомного кота, выгнув спину коромыслом, потерял об мою ногу. Электрической искры между нами не произошло, но возникла взаимная симпатия. Чувствуется, что кот-то «голубых кровей»

— Ну, брат, угостить тебя мне нечем?

— И не надо,— подняв на меня свои красивые глаза, в которых я и прочитал этот ответ.

— Ты, откуда такой красивый, брат? В черном костюме, в белой бабочке и белых ботинках, с концерта группы «Ленинград», да? Ну, настоящий питерский стилиага.

— Мяу, мя!

Незаметно к нам подошла сухонькая бабуля интеллигентного вида, с советской авоськой в руках. С такой же я в детстве ходил в овощной магазин за картошкой. У бабули из авоськи сквозь соты выглядывал желтопузый лимон, зеленые длинные огурцы и красные крупные помидорки. Вот такая веселая разноцветная компания.

— Ну, что Эрмик, опять сбежал от своей маркизки? — ласково спросила бабуля кота и погладила его по голове.

Эрмик преданными глазами посмотрел на нее и мяукнул.

— Может он голодный? — спросил я.

— Нет, сынок, он сытый. Знаешь как их там, в подвале кормят? Лучше чем в Астории,— ответила бабуля.

— Бабушка, в каком подвале такой холеный кот живет?

— В подвале Эрмитажа, музея, возле которого ты сидишь.

И я понемногу начал понимать, о чем говорит эта бабуля. Кот отошел от меня и начал тереться об ее ногу, видимо, признал свою знакомую. Хвост трубой, ушки на макушке, шерсть лоснится, переливается.

— Ну, что, проказник, опять сбежал и к прохожим без дела пристаешь?

— Да я, бабушка, при деле...— начал, было, я оправдываться.

— Ладно, ладно, вижу, что приезжий. Заблудился, что ли?

— Да, да, бабуля, он заблудился, вход в Эрмитаж найти не может, сидит уже тут давно. К нам приста-ет,— начали кричать атланты.

— Я вас не спрашиваю. По задумке главного архитектора Эрмитажа украшать главную галерею у входа должен был портик, с египетскими фараонами. А не с вами — атлантами. Но русский император остался недоволен макетом этих фараонов и воскликнул: «Хочу более классического. Я же Эрмитаж строю, а не гробницу!» Так на улицах Петербурга появились вы, атланты, поддерживающие небо по проекту русского академика Терebeneва, И вы, надо сказать, новые скульптуры на древнегреческий мотив, порадовали царя намного больше, чем фараоны, и он приказал высечь вас из гранита. Сколько вас тут стоит?

— Десять нас тут стоит, бабуля. Атлант по древнегреческой мифологии — могучий титан, брат Прометея, держащий на плечах небесный свод. Фигура Атланта воплощает образ «могучего носителя», олицетворяет выдержку и стойкость.

— Так вот стойте смирно и держите крепче небо на каменных плечах. Пойдем, сынок, я вход в Эрмитаж тебе покажу, правда, он сейчас закрыт. Ну, завтра придешь с утра. Эрмика заодно домой отведем,— сказала бабуля, и мы втроем пошли в сторону Эрмитажа. По пути она рассказала мне про этого кота.

— Я смотрительницей работаю в Эрмитаже уже много лет. В зале 204. Это павильонный зал малого Эрмитажа. В нем стоят часы «Павлин». Видел их когда-нибудь?

— Нет,— ответил я.

— Так вот. Часы «Павлин» составлены из трех отдельных автоматов, представляющих сову, павлина и петуха. У каждой фигурки свой независимо работающий механизм. В определенное время часы разыгрывают представление, где вначале начинает двигаться фигурка совы, сделанная из чистого серебра. Звенят колокольчики, и постепенно в движение приходит фигура павлина. Павлин сделан из позолоченной меди в натуральную величину. Раньше перья хвоста павлина были изумрудными, но сейчас вся фигура золотая. Во время представления павлин медленно и горделиво распускает свой шикарный хвост, крутит головой и поворачивается к любопытствующей публике задом. Потом в движение постепенно приходит фигура петуха, который издает несколько криков. И в этот момент в зале появляется вот этот кот, которого мы с тобой ведем, и начинает на всю залу мяукать, затем обходит всю эту композицию и удаляется из зала. Я не могла понять, что бы это означало. Так повторялось несколько раз, и потом я поняла, что кот своим поведением показывает народу, что часы работают и в зале все в порядке. Коты могут свободно передвигаться по территории Эрмитажа, однако вход в музейные залы им воспрещен, как он попадал в этот зал? Не знаю.

Я поблагодарил бабулю за интересный рассказ, погладил Эрмика на прощание и пошел через Дворцовый мост в Петропавловку, глянуть на ангела, что смотрел на всех со стометровой высоты.

СОКРАЩЕНИЯ

СПР — Союз писателей России	РСП — Российский союз писателей
СРП — Союз российских писателей	ОМЛО «Муза» — Областное музейно-литературное объединение «Муза»
СЖР — Союз журналистов России	АРЛ — Академия российской литературы
РСПЛ — Российский союз проф. Литераторов	РМСП — Российский межрегиональный союз писателей
МСПМИ — Международный союз писателей и мастеров искусств	СЖ — Союз журналистов
ЛНР — Луганская народная республика	РО — Региональное отделение
СП — Союз писателей	МПО — Московская писательская организация
ИСП — Интернациональный союз писателей	ПАНИ — Петербургская академия наук и искусств
ТГПИ — Тульский государственный педагогический институт (ныне ТулГПУ)	ТО — Творческое объединение
МААНОЙ — Международной академии авторов научных открытий и изобретений	ЦИПК — Центральный институт повышения квалификации
ЛО — Литературное объединение	МЛО «Клио» — Молодежное литобъединение «Клио»
ТДС — Тульская духовная семинария	РВИО — Российское военно-историческое общ-во
ТулГУ — Тульский государственный университет	ЯГПУ — Ярославский государственный педагогический университет
ВИЖ — Всероссийский институт журналистики	ЛитО — литературное объединение
МБТ — Московский библиотечный техникум	СХР — Союз художников России
МОГИ — Московский обл-й гуманитарный инст-т	
ТПИ — Тульский политехнический инст-т (ТулГУ)	
МСП — Международный Союз писателей «Новый Современник»	

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА.....	4
Житие преподобного СЕРАФИМА САРОВСКОГО.....	5
Мысли преподобного СЕРАФИМА САРОВСКОГО.....	7
ОРИГЕН.....	11
Цитаты ОРИГЕНА.....	14
Русские писатели и деятели науки и искусства о культуре и нравственности.....	16
Николай Константинович РЕРИХ.....	16
Рерихи об эволюционной миссии России (Б. Ю. Соколова).....	20
Образ народа русского в творчестве Н. К. Рериха (Л. А. Кожемякина).....	22
Александр Иванович СУБЕТТО.....	25
Николай Алексеевич НЕКРАСОВ.....	32
Николай Семенович ЛЕСКОВ.....	33
Иван Александрович ГОНЧАРОВ.....	34
ПРОЗА.....	36
Людмила ПОПОВА (г. Москва).....	37
Галина ЗЕЛЕНКИНА (г. Козьмодемьянск Московской обл.).....	40
Петр ЛЮБЕСТОВСКИЙ (г. Сельцо Брянской обл.).....	45
Алексей ЯШИН (г. Тула).....	49
Яков ШАФРАН (г. Тула).....	55
Олеся МАМАТКУЛОВА (г. Алексин Тульской обл.).....	61
Ляман БАГИРОВА (г. Баку, Азербайджан).....	62
Валентина БЫКОВА (г. Новозыбков Брянской обл.).....	66
Галина СОЛОНОВА (г. Сельцо Брянской области).....	71
Ольга КАРАГОДИНА (г. Москва).....	73
Игорь ЕГОРОВ (г. Омск).....	74
Павел ПОДЗОРОВ (г. Бобруйск, Белоруссия).....	76
Рагим МУСАЕВ (г. Тула).....	79
Людмила АЛТУНИНА (г. Тула).....	85
Магдалина ГРОСС (д. Истомино Балахнинского р-на Нижегородской обл.).....	88
Игорь КАРЛОВ (г. Москва).....	90
Вячеслав МИХАЙЛОВ (г. Москва).....	91
Евгений СКОБЛОВ (г. Москва).....	93
Валентина МАЦНЕВА (с. Архангельское Каменского р-на Тульской обл.).....	96
Ольга БОРИСОВА (г. Самара).....	99
Андрей ВОЛКОВ (г. Тула).....	101
Евгений АСТАШКИН (г. Омск).....	105
Эдуард ГЕОРГИЕВСКИЙ (г. Тула).....	109
Дина ЮДИНА (г. Тула).....	113
Кира КРЕСТЬЯНКИНА (г. Санкт-Петербург).....	114
Галина МАМЫКО (г. Симферополь, Крым).....	116
Сергей ОВЧИННИКОВ (г. Щекино Тульской обл.).....	118
Владимир ВЕЩУНОВ (г. Нижний Новгород).....	123
Тамара ХАРИТОНОВА (г. Брянск).....	125
ПОЭЗИЯ.....	129
Валерий САВОСТЬЯНОВ (г. Тула).....	130
Валерий ХОДУЛИН (г. Тула).....	131
Алексей СЕМИН (с. Архангельское Каменского р-на Тульской обл.).....	131
Любовь СЕРДЕЧНАЯ (г. Санкт-Петербург).....	133
Юлия ВОЕВОДИНА (г. Серпухов Московской обл.).....	135

Сергей ФИЛИППОВ (г. Москва).....	136
Вячеслав АЛТУНИН (г. Тула).....	138
Иван НЕЧИПОРУК (г. Горловка, ДНР).....	139
Евгений ТРЕЩЕВ (г. Щекино Тульской обл.).....	140
Светлана МАКАШОВА (г. Самара).....	142
Ольга БОРИСОВА (г. Самара).....	143
Олеся МАМАТКУЛОВА (г. Алексин Тульской обл.).....	145
Николай ТИМОХИН (г. Семипалатинск, Казахстан).....	146
Яков ШАФРАН (г. Тула).....	147
Валентина ПИНАЕВСКАЯ (г. Тула).....	149
Елена КАЗЛОВА (г. Курск).....	150
Игорь ЕГОРОВ (г. Омск).....	151
Игорь МЕЛЬНИКОВ (г. Тула).....	152
Анна МИКАЕВА (г. Отрадный Самарской обл.).....	153
Николай ЕРМОХИН (с. Екатериновка Приволжского р-на Самарской обл.).....	154
Валерий СУХОВ (г. Сызрань).....	157
Антонина МАРКОВА (г. Тюмень).....	158
Владислав БУСОВ (г. Кашира Московской обл.).....	159
Галина ЗЕЛЕНКИНА (г. Козинск Красноярского края).....	160
Любовь САМОЙЛЕНКО (г. Тула).....	161
Елизавета БАРАНОВА (ВЕСИНА) (г. Тула).....	162
Валерий ДЕМИДОВ (г. Тула).....	163
Татьяна СКВОРЦОВА (п. Нетьинка Брянского р-на Брянской обл.).....	167
Нина ГАВРИКОВА (г. Сокол Вологодской обл.).....	167
Виктор МЫЗНИКОВ (г. Тула).....	168
Ольга ЖОГЛО (г. Энгельс Саратовской обл.).....	169
Марина ЩЕНЯТСКАЯ (г. Белгород).....	170
Анна БАРСОВА (г. Екатеринбург).....	170
Дина ЮДИНА (г. Тула).....	171
Валерий КУЛЕШОВ (г. Щекино Тульской обл.).....	173
Сергей ЛЕБЕДЕВ (г. Тольятти Самарской обл.).....	175
Наталия СИЛАЕВА (г. Серпухов Московской обл.).....	176
Вадимир ТРУСОВ (г. Мончегорск Мурманской обл.).....	177
Борис РЯБУХИН (г. Москва).....	178
Леонид ЗОЛОТУХИН (Заокский р-н Тульской обл.).....	180
Владимир ПОРЯДОЧНОВ (г. Щекино Тульской обл.).....	183
Валерий ВИНОГРАДОВ (г. Алексин Тульской обл.).....	186
Татьяна ШЕЛЕПИНА (г. Алексин Тульской обл.).....	187
Александр СЕРИКОВ (г. Челябинск).....	189
Татьяна ГОРЧАКОВА (г. Алексин Тульской обл.).....	190
Дмитрий АНИКИН (г. Москва).....	191
Виталий КУЗНЕЦОВ (г. Новочеркасск Ростовской обл.).....	193

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ.....

Алексей ЯШИН (г. Тула).....	196
Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА (г. Орел).....	205
Николай ЗАЙЦЕВ (г. Талгар Алма-Атинской обл. Казахстана).....	212
Валерий МАСЛОВ (г. Тула).....	214
Людмила ВОРОБЬЕВА (г. Минск, Белоруссия).....	218
Сергей ОДИНОКОВ (г. Тула).....	224
Ольга и Наталья АРТЕМОВЫ (п. Медвенка Курской обл.).....	226

Людмила ПЕНЬКОВА (г. Тула).....	228
Евгений ТРЕЩЕВ (г. Щекино Тульской обл.).....	229
Яков ШАФРАН (г. Тула).....	230
ПУБЛИЦИСТИКА.....	233
Валерий МАСЛОВ (г. Тула).....	234
Яков ШАФРАН (г. Тула).....	238
Валентин ОГНЕВ (г. Щекино Тульской обл.).....	239
Ирина МАЦНЕВА (с. Архангельское Каменского р-на Тульской обл.).....	241
Владимир ГУЛЯЕВ (г. Барнаул, Алтайский край).....	245
Людмила ПЕНЬКОВА (г. Тула).....	247
Татьяна РОГОЖИНА (г. Тула).....	249
Елена ГАДЕНОВА (г. Тула).....	252
Николай ТИМОХИН (г. Семипалатинск, Казахстан).....	255
РОССИЙСКОЕ РОДСТВО.....	259
Ирина МАЦНЕВА (с. Архангельское Каменского р-на Тульской обл.).....	260
Ольга КАРАГОДИНА (г. Москва).....	261
Хелью РЕБАНЕ (г. Таллин — г. Пярну, Эстония).....	263
Наталья ГОРБАЧЕВА (п. Селцо Брянской обл.).....	267
Любовь СЕРДЕЧНАЯ (г. Санкт-Петербург).....	268
ДЕТАМ И О ДЕТАХ.....	270
Николай ЗАЙЦЕВ (г. Талгар Алма-Атинской обл. Казахстана).....	271
Николай ТИМОХИН (г. Семипалатинск, Казахстан).....	272
Николай МАКАРОВ (г. Тула).....	273
Григорий ГАЧКЕВИЧ (г. Кишинев, Молдавия).....	280
Лариса СЕМЕНИЩЕНКОВА (г. Брянск).....	283
Сергей ДАШТАМИРОВ (п. Каменоломни Ростовской обл.).....	286
Галина ЗЕЛЕНКИНА (г. Козинск Красноярского края).....	288
Евгений ШЕПЕЛЕНКО (г. Самара).....	291
Сергей О. КРЕСТЬЯНКИН (г. Тула).....	294
Анна ВОРОНИНА (г. Сельцо Брянской обл.).....	300
Сергей ПРОТЯНОВ (Саратовская обл.).....	303
Любовь БОНДАРЕНКО (г. Свердловск, ЛНР).....	304
Владимир ГУЛЯЕВ (г. Барнаул, Алтайский край).....	308
Ольга АНДРЕЕВА (г. Тула).....	312
Василий ТАРАКАНОВ (г. Алексин Тульской обл.).....	316
Юлия ВОЕВОДИНА (г. Серпухов Московской обл.).....	317
Галина РАЗБАЕВА (г. Самара).....	318
Олег СЕВРЮКОВ (г. Москва).....	321
Евгений ТАТАРНИКОВ (г. Ижевск).....	324
СОКРАЩЕНИЯ.....	326

УЧРЕДИТЕЛЬ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:

**ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

**АЛЬМАНАХ «КОВЧЕГ» С 2020 Г. ВЫХОДИТ ПОД ЭГИДОЙ
АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:

*ЯКОВ ШАФРАН — главный редактор и составитель
СЕРГЕЙ КРЕСТЬЯНКИН — зав. отделом прозы
НИКОЛАЙ ТИМОХИН — зав. отделом поэзии
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА — зав. отделом
публицистики и литературоведения
АЛЕКСЕЙ ЯШИН (от «Приокских зорь»)
ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
ГЕННАДИЙ МАРКИН
ВАЛЕРИЙ ДЕМИДОВ*

**АЛЬМАНАХ ОСНОВАН В 2011 ГОДУ
ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ГОД**

12 +

***В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах
массовой информации» и Федеральным законом
от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей
от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», альманах предназначен
для людей старше 12 лет.***

(произведения раздела «О детях и для детей» читаются детям младше 12-ти лет взрослыми людьми)

В макете обложки образцом явилось фото автора Ирсен:
<http://fotki.yandex.ru/users/tvoi-druzia/view/405071/?page=1>

В иллюстрациях использованы гравюры Юлиуса фон Карольсфельда из «Библии в картинках» («Die Bibel in Bildern»). Издано в Лейпциге в 1852—60 гг. (из Интернета):

стр. 3 — «Нагорная проповедь». Графика. Гравюра.

стр. 37 — «Иисус и грешница». Графика. Гравюра.

стр. 110 — «Иисус Христос благословляет детей». Графика. Гравюра.

стр. 162 — «Крещение Иисуса Христа». Графика. Гравюра.

стр. 182 — «Проповедь Павла в Афинах». Гравюра.

стр. 208 — «Вознесение». Графика. Гравюра.

А также:

стр. 222 — «Мадонна в облаках». Агостино Карраччи. Графика. 1582 г. (из Интернета).

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

КОВЧЕГ

ВЫПУСК 12

Произведения, опубликованные в альманахе, даны преимущественно в авторской редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакторы: Л. Д. Алтунина, С. О. Крестьянкин,
Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран

Корректоры: Л. Д. Алтунина, С. О. Крестьянкин,
Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран

Компьютерный набор: авторы

Компьютерная верстка, изготовление оригинал-макета
и дизайн обложки: Я. Н. Шафран

Оформление: В. В. Радько, Я. Н. Шафран

Составление: Я. Н. Шафран

Издатель — всероссийский ордена Г. Р. Державина
литературно-художественный и публицистический журнал
«Приокские зори»

Контакты гл. редактора: e-mail: bonyans@yandex.ru тел. 8-953-443-14-69

Альманах выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров

Дата выхода в свет 01.07.2022

Формат 60х84 1/8. Усл.-печ. л. 19,5

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Заказ № 118

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Полиграфинвест»
300028, Тульская область, Тула, Сурикова 20
Тел.: (4872) 71-02-92

ISBN 978-5-6047770-8-4

9 785604 777084

